

Уильям Шекспир

ГАМЛЕТ

трагедия наследника Дании

перевёл

Андрей Пустогаров

Дж. Р. Р. Толкин

ХОББИТ

или Туда и назад

Гамлет. Хоббит или Туда и назад

Джон Рональд Руэл Толкин, Уильям Шекспир

Аннотация
Уильям Шекспир. Дж. Р. Р. Толкин. Гамлет. Хоббит или Туда и назад. Сборник из двух книг в переводах Андрея Пустогарова с добавлением его же комментариев, статей и переводов избранных сонетов Шекспира
Общее предисловие
  Что за странная идея?. От составителя и переводчика
Предисловие переводчика к «Гамлету»
Уильям Шекспир. Гамлет. Трагедия наследника Дании*
  Действие 1
    Сцена 1
    Сцена 2
    Сцена 3
    Сцена 4
    Сцена 5
  Действие 2
    Сцена 1
    Сцена 2

Действие 3
Сцена 1
Сцена 2
Сцена 3
Сцена 4
Действие 4
Сцена 1
Сцена 2
Сцена 3
Сцена 4
Сцена 5
Сцена 6
Сцена 7
Действие 5
Сцена 1
Сцена 2
Комментарии
В какие игры играет Рок
Загадка «Гамлета»
Мямля-фехтовальщик
Четыре причины
Был ли Гамлет безумен?
Гамлет и Офелия
Гамлет: «Меня зовет моя судьба»
Гамлет и Эдип
«Гамлет» и древнегреческая трагедия

Античные источники «Гамлета»
Состояние проблемы
«Гамлет» и Эсхил
«Гамлет» и Софокл
«Гамлет» и Еврипид
«Гамлет» и «Лягушки» Аристофана
«Гамлет» и «Метаморфозы» Овидия
«Гамлет» и Плавт
«Гамлет» и Сенека
Заключение
Литература
«Гамлет» и «Гаргантюа и Пантагрюэль»: общий дух интеллектуальной свободы
Приложения
«Отелло» – трагедия безумия и пошлости
Какого цвета мавр?
Черный или смуглый?
Какой жеребец Отелло?
Любовь или безумие?
Демон пошлости
Шекспир и Достоевский
Переводы избранных сонетов У. Шекспира
Отрывки из трагедий Уильяма Шекспира
Монолог Ричарда из «Ричарда Третьего»
Монолог Макбета из трагедии «Макбет»
Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит или Туда и назад

Реализм Толкина. Вместо предисловия
Глава 1. Далеко зашедшая вечеринка*
Глава 2. Жареный барашек
Глава 3. Недолгий отдых
Глава 4. Через горы и под горами
Глава 5. Загадки в темноте
Глава 6. С противня да в огонь*
Глава 7. Странный приют
Глава 8. Мухи и пауки
Глава 9. Бочки выскочили из затворов*
Глава 10. Теплый прием
Глава 11. На приступочке
Глава 12. Глубокая разведка*
Глава 13. Никого нет дома
Глава 14. Вода и пламя
Глава 15. Тучи сгущаются
Глава 16. Ночная покража
Глава 17. Гром грянул
Глава 18. Обратный путь
Глава 19. Последнее действие*
Приложение. Толкин и традиция реализма
1. «Властелин колец» и «Остров сокровищ»
2. «Хоббит» и «Война в воздухе» Герберта Уэллса
3. Герой – «изменник». «Хоббит» и «Люди как боги» Г. Уэллса

В. Ян и «Властелин колец»
География по Толкину

Аннотация

Книга содержит переводы двух ключевых произведений английской литературы, выполненных членом союза «Мастера литературного перевода» Андреем Пу-стогаровым.

Притчей во языцех стала неадекватность существующих переводов «Гамлета». Комментарии содержат перечень более 150 одновременных ошибок, сделанных т.н. лучшими переводчиками «Гамлета» М.Лозинским и Б.Пастернаком.

«Хоббит», написанный на высоком литературном уровне с использованием изощренной словесной игры, был сочтен у нас детской книгой, что отрицательно отразилось на его переводах. Представленный перевод содержит комментарии, раскрывающие литературное мастерство Дж.Р.Р.Толкина.

Книга дополнена литературоведческими статьями А.Пустогарова на темы переведенных произведений, а также комментированными переводами избранных сонетов У.Шекспира.

В формате PDF A4 сохранен издательский

макет книги.

Уильям Шекспир. Дж. Р. Р. Толкин
Гамлет. Хоббит или Туда и назад. Сборник из двух книг в переводах Андрея Пустогарова с добавлением его же комментариев, статей и переводов избранных сонетов Шекспира

Обложка Ольги Глухаревой.

Иллюстрации выполнены с использованием программы Kandinsky.
Использована карта Одинокой горы by Daniel Reeve.

Переводы, комментарии, статьи, иллюстрации Андрея Пустогарова.

© Пустогаров А.

Общее предисловие

Что за странная идея? От составителя и переводчика

— Что за странная идея — свести под одной обложкой «Гамлета» и «Хоббита»? Неужели только оттого, что в обоих названиях по шесть букв? — может спросить потенциальный читатель. — Кроме того, зачем переводить то, что уже многократно переведено на русский?

Попробую ответить. Дело в том, что «Гамлет» и «Хоббит» — это два шедевра английской литературы, одни из самых главных ее произведений, при этом, смею утверждать, нашей культурой до сих пор не освоенные.

По поводу шедевральности «Гамлета», думаю, никто спорить не будет. Хотя, если бы об этой трагедии Шекспира судили по ее русским переводам, вряд ли бы она попала в разряд шедевров. Русский читатель из большинства переводов на русский, в том числе из наиболее известных, может получить разве что сведения об общем сюжете, да о том, что это дела давно минувших дней, а персонажи изъясняются крайне высокопарно. Попутно читателю объяснят: Гамлет

— мямля, что и подтверждают русские переводы. Между тем, «Гамлет», написанный Шекспиром практически на современном английском (на новоанглийском изводе этого языка), полон блестящих метафор и изощренной словесной игры. Что, собственно, и делает его шедевром, но по большей части вылетело из русских переводов. Шекспир обходится без высокопарности, соединяя высокий слог с ироничностью и трезвостью ума. Гамлет — вовсе не чеховский дядя Ваня в исполнении Иннокентия Смоктуновского в фильме «Гамлет» Г. Козинцева (с переводом Бориса Пастернака, который по собственному признанию ориентировался на язык чеховских персонажей), а «политик, философ, воин», как называет его Офелия.

«Хоббиту» у нас также не повезло — его посчитали детской книжкой. По прошествии времени такое случается нередко, взять хотя бы роман «Три мушкетера» Александра Дюма, который детской книжкой отнюдь не является. Но плохо, когда книгу изначально переводят как детскую, потому что и дети тогда извлекут из нее гораздо меньше, чем смогли бы в случае адекватного перевода. «Хоббит» — это классический роман воспитания, написанный в реалистической ма-

нере. Да, да! «Истинная волшебная сказка должна подаваться как правда» — говорил Толкин. И пусть в ходу волшебное кольцо, а над головой летает дракон, но герои ведут себя в этих обстоятельствах примерно как те наши современники и соотечественники, у которых днем над головой боевые неприятельские дроны и которые в ночное время используют тепловизор. Соответственно, и разговаривают герои Толкина, не используя расхожий «сказочный» жаргон. Они изъясняются образно и энергично, но не впадают в разухабистость, выспренность или сюсюканье. Вдобавок «Хоббит» пронизан иронией, которая вовсе не отменяет серьезности и трагичности событий. К примеру, современная деловая лексика, которой то и дело пользуются герои, в устах вроде бы сказочных персонажей создает явно комический эффект. А еще текст пронизан аллитерациями и словесной игрой. В целом, это произведение на очень высоком литературном уровне. Слог его не прост — это оттого, что роман, повторим, реалистический и психологический: автор знает все точно и про места, где происходят события, и про мысли и чувства героев, и все время делится своими знаниями с читателем. Именно дотошность слога в соединении с фан-

тастическим сюжетом и постоянной словесной игрой — одна из основ художественного своеобразия романа Толкина. Подаваемая как правда волшебная сказка, по выражению Толкина, «это лекарство для выздоровления или профилактика от погибели».

Вот мы и пришли к этим словам: художественное своеобразие. Именно оно делает оба произведения шедеврами. Если передачу этого художественного своеобразия переводчик сводит лишь к пересказу сюжета, подменяя при этом стиль автора, не стоит надеяться, что наша культура сможет почерпнуть для себя что-либо существенное. Тогда переводчик выступит, используя выражение Пушкина, «почтовой лошадью просвещения», информирующей читателя о существовании произведений, которые высоко ценит англоязычный мир, не более того.

Что еще объединяет эти тексты? По крайней мере, две общие черты.

В «Гамлете» неоднократно подчеркивается роль Провидения: «пора бы нам понять — Божья воля придает завершенную форму окончанию, которые наши намеренья лишь грубо обтесали». (См. также статью «В какие игры играет Рок»).

Вот и в «Хоббите» опрометчивые поступки

героев на самом деле оказываются спасительными. Посланный на разведку Бильбо на свой страх и риск и без ясной цели решает украсть у тролля кошелек. Из-за чего он и вся компания гномов оказывается в лапах у троллей. Однако в результате тролли погибают, а Гандальф, Торин и Бильбо получают волшебные мечи, которые не раз выручают героев. При походе же через Мрачный лес гномы и Бильбо, несмотря на все предостережения, сходят с тропы, поэтому едва избегают смерти от пауков и попадают в плен к эльфам. Однако оказывается, что путь из дворца эльфов по реке — единственный, позволяющий добраться к Одинокой горе.

Но, в первую очередь, объединяет два произведения формула Гамлета, которую он произносит применительно к Горацио: «Счастлив тот, в ком страстность и трезвый ум так сочетаются, как у тебя» («blest are those whose blood and judgment are so well commingled»). Относится она и к самому Гамлету, попавшему из обычного мира в фантастический, где задания ему ставит дух отца и в котором он пытается выжить.

Вот и у Бильбо страсть к приключениям и путешествиям сочетается с трезвым умом. Говоря о Бильбо в самом конце книги, Торин практически

повторяет слова Гамлета: «Отвага и мудрость смешаны в тебе в правильной пропорции» («Some courage and some wisdom, blended in mesure»). По мере развития этого романа воспитания у хоббита прибавляется трезвого ума, но страстность отнюдь не пропадает. В этом, собственно, главный посыл Толкина. Постараемся воспринять это сочетание, как лекарство для выздоровления или профилактику от погибели.

Предисловие переводчика к «Гамлету»

Переводчику всегда полезно понимать, зачем он переводит то или иное произведение, тем более когда оно уже многократно переведено. Что же не удовлетворяет меня в существующих переводах?

Сходу можно сказать:

— ушли, во многом, метафоры Шекспира. Они либо совсем устраняются, либо заменяются банальной отсебятиной. Особенно в случаях, когда Шекспир использует для сравнений сведения из области тогдашней науки, ремесел, обыденной жизни. Переводчики все это убирают, «поэтизируя» текст, не допуская мысли, что Шекспир может быть так «прозаичен»;

— ушла изощренная словесная игра. Ее переводчики не замечают вовсе;

— переводчики архаизируют Шекспира, заставляя его выражаться в лучшем случае, как Державина. Широко бытует мнение, что Шекспир писал на староанглийском языке. Между тем, писал он не на староанглийском, и даже

не на среднеанглийском, а на новоанглийском. Язык Шекспира не сильно отличается от современного английского. Нас не должны вводить в заблуждение старое написание местоимений и некоторых глаголов. Возможно, это сделано самим автором для стилизации «под старину». Но во всех других местах никаких стилизаций под старину у него нет.

В целом же уходит авторский стиль. Стиль этот я бы охарактеризовал обращенными к Горацио словами Гамлета: «счастлив тот, в ком страстность и трезвый ум так сочетаются, как у тебя» («blessed are those whose blood and judgment are so well commeddled» (III, 2).

Вот это сочетание страстности (которая выражена, в частности, в шекспировских метафорах) и трезвого ума (который отразился в изощренной словесной игре Шекспира) не дурно было бы культивировать и у нас. Однако русские переводы «Гамлета» в этом деле не помогут.

Когда уходит стиль, уходит и понимание произведения как такового. Как пример, мы имеем фильм Г. Козинцева «Гамлет», использующий перевод Б.Пастернака. Вместо «политика, философа, воина» (как называет Гамлета Офелия) перед нами предстает мятущийся чеховский дядя

Ваня, которого в стиле дяди Вани и сыграл И. Смоктуновский. И это вовсе не случайно: «Пастернак объяснял, что язык его перевода намеренно ориентирован на язык Чехова» (Е. Б. Пастернак, Борис Пастернак, Биография, гл. 7). Пастернак, очевидно, стремился уйти от ложного пафоса в духе рыцарских романов, однако язык текста — это и есть его стиль. И какая уж у персонажей Чехова «страстность и трезвый ум»?

Борису Пастернаку принадлежит следующее высказывание: «образная речь Шекспира неоднородна. Порой это высочайшая поэзия, требующая к себе соответствующего отношения, порой откровенная риторика, нагромождающая десяток пустых околичностей вместо одного вертевшегося на языке у автора и второпях не уловленного слова» (Борис Пастернак, Замечания к переводам из Шекспира, Поэтический стиль Шекспира). Я этой «откровенной риторики» у Шекспира не наблюдаю. Она встречается у переводчиков, в том числе у Пастернака, как результат не понятого или неправильно понятого смысла шекспировских строк.

Продемонстрировать сказанное выше я решил в комментариях на примерах считающихся лучшими переводов Михаила Лозинского (1933) и

Бориса Пастернака (1939–41). Перевод Пастернака считается «поэтическим», а Лозинского — «точным».

Подчеркну, что отношусь с уважением к труду всех переводчиков, но беда в том, что неудачный перевод может закрыть путь к автору как для русского читателя, так и для русской литературы. Поэтому демонстрация неадекватности существующих русских переводов представляется мне не менее важной, чем попытка создания перевода адекватного.

Скажу еще о ритмической форме шекспировского «Гамлета». Принято считать, что он написан белым стихом, то есть ровным поэтическим размером, только без рифм. Вот как «Маленькие трагедии» Пушкина, который, собственно, от Шекспира и отталкивался. Однако вот два отрывка прямо из первой сцены трагедии Шекспира (перед строкой стоит число слогов в ней, под строкой отражено чередование ударных (-) и безударных (U) слогов):

HORATIO

13 In what particular thought to work I know not,
(U-U-UU-U-U-U)

12 But in the gross and scope of mine opinion
(-UU-U-UU-U-U)

11 This bodes some strange eruption to our state
(U-UU-U-U-U-)

MARCELLUS
13 Good now, sit down, and tell me, he that knows
(U-UU-UU-UUU-U)
10 Why this same strict and most observant watch
(U-U-U-U-U-)
10 The cock, that is the trumpet to the morn,
(U-U-U-UUU-)
12 Doth with his lofty and shrill-sounding throat
(UU-UU-UU-U)
11 Awake the god of day, and at his warning,
(U-U-U-U-U-U)
12 Whether in sea or fire, in earth or air,
(UU-U-U-U-U)
10 Th’ extravagant and erring spirit hies
(UUU-U-U-U-)
10 To his confine, and of the truth herein
(U-U-U-U-U-)
8 This present object made probation.
(U-U-U-U-)

То есть, когда ему было надо, Шекспир забывал о ровном размере. Не зря Пастернак так сказал об «области белого стиха у Шекспира»: «Ее внутренняя и внешняя хаотичность приводила

в раздражение Вольтера и Толстого» (там же). Пастернак говорит и о «ритмических взрывах» Шекспира, что плохо согласуется с ровным ритмом. Сам Шекспир вкладывает в уста Гамлета следующую фразу о театральной постановке: «И пусть хромает белый стих!» («the blank verse shall halt for`t») (Действие 2, Сцена 2).

Это уже не говоря о явных ритмических перебивках:

«If thou hast any sound or use of voice,
Speak to me.
If there be any good thing to be done
That may to thee do ease and grace to me,
Speak to me.
If thou art privy to thy country's fate,
Which happily foreknowing may avoid,
O, speak!» (Действие 1, Сцена 1).

Кроме того, в «Гамлете» есть речь персонажей, написанная прозой. Так каким же размером написан «Гамлет»? Я считаю, что верлибром. Очевидно, что английский (и американский) верлибр XIX–XX вв. основывается на языке и стиле Шекспира. Хотя сам термин верлибр появился в 1915 году, верлибром уже давно пользовался Шекс-

пир. Я придерживаюсь следующего определения верлибра: это текст, написанный поэтическим размером, однако размер этот может меняться от строки к строке. То есть это текст ритмичный и звучный, как стих, но, как и текст Шекспира, не соблюдающий изо всех сил унылую монотонность т. н. правильного размера. Вспоминаются слова Корнея Чуковского о переводе Шекспира Анны Радловой: «В одной из статей Анна Радлова не без похвальбы заявляла, что она — в интересах точности — переводит Шекспира стих в стих, не прибавляя ни единой строки, так что в ее переводе «Отелло» ровно столько же строк, сколько в подлиннике. Равнострочный перевод, конечно, чрезвычайно желателен, но нельзя же сказать: «Да здравствует равнострочие, и да погибнет Шекспир!» Между тем в основе ее переводов лежит именно этот девиз. Чтобы соблюсти равнострочие, она выбрасывает из Шекспира десятки эпитетов, беспощадно ломает шекспировский синтаксис, делает чуть не из каждой шекспировской фразы беспорядочную груду словесных обрубков, — и когда ей предоставляется выбор: либо равнострочие, либо шекспировские мысли и образы, она всегда предпочитает равнострочие. Мы видим примеры такого формалистического

фетишизма на каждой странице ее перевода» (Высокое искусство, гл.7). Страдают этим и переводы Пастернака и Лозинского.

Поэтому я переводил «Гамлета» верлибром, не стараясь вбить русские слова в то же число слогов, что и текст на английском языке — с более короткими в среднем словами. В первую очередь, я следил за передачей смысла (в том числе, метафор и словесной игры), а также за звучностью и естественностью текста, держа в уме, что это пьеса, предназначенная для игры на сцене.

Уильям Шекспир
Гамлет
Трагедия наследника Дании*

Уильям Шекспир

ГАМЛЕТ

трагедия наследника Дании

Действующие лица:

Клавдий, король Дании

Дух отца Гамлета

Гамлет, сын прежнего короля и племянник короля нынешнего

Фортинбрас, наследник короля Норвегии

Полоний, королевский канцлер

Горацио, друг Гамлета

Лаэрт, сын Полония

Корнелий, придворный

Вольтиманд, придворный

Розенкранц, придворный

Гильденстерн, придворный

Озрик, придворный

Марцелл, офицер

Бернард, офицер

Франциск, солдат

Рейнольд, слуга Полония

Первый мужлан, могильщик

Второй мужлан, могильщик

Гертруда, королева Дании, мать Гамлета

Офелия, дочь Полония

Придворные, послы, священники, офицеры, солдаты, моряки, актеры, слуги

Действие 1
Сцена 1

** **

Эльсинор. Вал[1]у стен замка. На посту Франциск.

Появляется Бернард.

Бернард

Кто на посту?

Франциск

Стой, где стоишь, и говори пароль.

Бернард

Слава королю!

Франциск

Бернард?

Бернард

Я.

Франциск

Ты точно в свое время. Спасибо!

Бернард

Бьет двенадцать. Иди, поспи, Франциск.

Франциск

Не помешало бы. Я весь продрог,
и на сердце тоска.

Бернард
А как прошло дежурство?
Франциск
И мышь не пробегала.
Бернард
Ну, пока. Если встретишь
Горацио или Марцелла —
моих товарищей по караулу[2] —
скажи, чтоб не опаздывали.
Франциск
Похоже, вот они пришли.
— Стой! Кто идет?

Входят Горацио и Марцелл.

Горацио
Защита датских рубежей.
Марцелл
Стране подмога.[3]
Франциск
Счастливо оставаться.
Марцелл
До встречи, старый воин.
А кто тебя сменил?
Франциск
Бернард. Счастливо оставаться.

Уходит.

Марцелл
Бернард, ты здесь?
Бернард
Да. Горацио с тобой?
Горацио
Его остатки.[4]
Бернард
Привет, Горацио.
Привет, мой дорогой Марцелл.
Марцелл
Ну, как — оно сегодня появлялось?
Бернард
Я не видал.
Марцелл
Гораций нас с тобой считает фантазерами,
не верит, что мы два раза были
свидетелями жуткого зрелища.
Я упросил его сегодня стать с нами в караул.
И если оно опять появится,
он сможет убедиться сам и с ним заговорить.
Горацио
Чушь! Оно не придет.
Бернард
Давай присядем.
Мы попытаемся пробить броню, которой
ты защищаешь свои уши от наших слов.[5]

Горацио
Ну, хорошо, присядем.
Рассказывай, Бернард.
Бернард
Вчера ночью, как только
вон та звезда, что западней Полярной,
проложила курс в ту область неба,
где светит и сейчас, мы с Марцеллом —
как раз пробило час —

Входит Дух[6].

Марцелл
Тихо, молчи. Вот он опять пришел.
Бернард
Он принял облик покойного короля.
Марцелл
Гораций, ты человек образованный[7],
заговори с ним.
Бернард
Точь-в-точь король, гляди, Гораций.
Горацио
Вылитый король! Как подкосили удивление и ужас.[8]
Бернард
Он хочет, чтобы с ним заговорили.
Марцелл

Спроси его, Горацио.
Горацио
Зачем в ночное время ты присвоил
славный облик нашего покойного короля?
Именем небес, отвечай!
Марцелл
Он выглядит оскорбленным.
Бернард
Уходит.
Горацио
Стой! Отвечай! Я требую!

Дух уходит.

Марцелл
Оставил без ответа…
Бернард
Ну как, Горацио?
Фантазии? А что ж тебя всего трясет?
Горацио
Клянусь, я никогда бы не поверил,
если б не видел собственными глазами.
Марцелл
Но как похож на короля!
Горацио
Как ты сам на себя.
Он был в том же доспехе,

в котором зарубил наглого Норвежца;
и так же грозен, как в тот день,
когда по льду он гнал поляков.[9]
Это странно.

Марцелл

Вот так же точно он два раза выныривал
из тьмы во время нашего дежурства
и мимо проходил военным твердым шагом.

Горацио

С моей точки зрения… не знаю, что и думать,
но исходя из общих соображений —
что-то неожиданное прорежется в нашей державе.[10]

Марцелл

Тогда присядь и расскажи,
зачем всех изнуряют ночью, ставя в караулы,
дни напролет льют бронзовые пушки
и закупают за границей товары для войны?
Зачем согнали плотников и, не давая продохнуть,
без выходных, все строят корабли?
Кто сделал ночь подручной дня,
какая цель у этой всей запарки?[11]

Горацио

Я объясню.
По крайней мере, ходит слух.

Покойного короля, чей облик мы только что тут видели,
вызвал на поединок Норвежец Фортинбрас,
которого подзуживала зависть.
Но Гамлет наш геройски —
укрепив свою славу в этой части света —
убил Норвежца.
Был договор с печатями —
все по закону и обычаю —
что побежденный, вместе с жизнью,
теряет и свои владенья,
которые отходят к Гамлету.
Ведь по тому же договору,
если б Гамлет был убит,
то ровно столько же его земли
досталось бы Норвежцу.
И вот теперь не по уму ретивый
младший Фортинбрас
по задворкам Норвегии собрал
всю сволочь, что за прокорм
и хлебные места
рискнуть готова животом.[12]
Он хочет сильною рукой
заставить нас все земли,
что потеряны его отцом, отдать обратно.
Об этом известно нашей стороне.

И в том причина идущей подготовки, караулов по ночам,
всей суматохи и переполоха в Дании.

Бернард

Другого объясненья нет.
Все сходится. Поэтому величественный силуэт[13]
вооруженным ходит мимо часовых.
И оттого он так похож на короля,
что эти войны — дело его рук.

Горацио

Он — та соринка, что в глаз попав рассудку,
его должна бы растревожить.[14]
Вот так в момент расцвета и подъема Рима
накануне гибели всесильного Юлия
могилы пустовали, а мертвецы, завернутые в саваны,
кривлялись и верещали, разгуливая по улицам.
За звездами тянулись хвосты из пламени и капель крови,
на солнце появились пятна,
луна, что управляет империей Нептуна,
словно в день Страшного суда,
померкла от затменья.[15]
А теперь и в наших краях знамением беды,

предвестником жестоких дел
явило небо…

(Дух возвращается)

Тихо! Смотрите, он вернулся!
— Я тебя не пропущу, хоть громом разрази.
Остановись, иллюзия!
Если ты издаешь звуки или владеешь речью — отвечай;
если я могу сделать то,
что мне прилично, а тебе даст облегченье — скажи мне;
если тебе известны будущие беды Дании,
от которых мы можем уберечься —
скажи!
а если ты припрятал в чреве земли
награбленные при жизни драгоценности,
из-за которых дух твой бродит после смерти —

(Кричит петух)

скажи о них. Остановись и говори!
— Останови его, Марцелл.
Марцелл
Алебардой колоть?
Гораций
Если не остановится, коли!

Бернард
Он тут!
Горацио
Вот он!

Дух уходит.

Марцелл
Ушел.
Нельзя было царственную особу
пугать оружием.
Ведь он неуязвим, как воздух,
а наши дурацкие удары — одно посмешище.
Бернард
Он уже хотел заговорить, но тут запел петух.
Горацио
И тут он вздрогнул, как преступник
при окрике «Держи его!» Мне говорили,
что петух — трубач, зовущий утро —
будит бога дня своим высоким резким голосом,
по этому сигналу неприкаянный бродячий дух,
где б он ни находился —
в воздухе, на земле, в воде, в огне —
скрывается в свое убежище,
что и доказал наш случай.
Марцелл
Растаял в воздухе при крике петуха…

Рассказывают, что каждый год в сочельник
петух поет ночь напролет,
поэтому и не разгуливают духи,
планеты не наводят ужас,
ночь безопасна, никого не сманит фея,
теряют колдовскую силу ведьмы —
такое доброе святое время.

Горацио

Я тоже это слышал и отчасти в это верю.
Но вот и утро, набросив красно-желтый плащ,
шагает по росе восточного холма.
Пора кончать дежурство. Но стоит поделиться всем,
что мы увидели тут, с принцем Гамлетом.
Дам голову на отсеченье,
что дух, при нас немой, с ним будет говорить.
Вы согласны, руководствуясь любовью и выполняя долг,
рассказать обо всем Гамлету?

Марцелл

Давайте так и сделаем. Я знаю, где
почти наверняка он будет вечером.

Сцена 2

Тронный зал замка.

Король

Хоть смерть нашего любимого брата
так в памяти свежа, что следует носить на сердце траур,
хотя нахмуриться от горя должно все королевство,
и с человеческой натурой напрасно борется благоразумье,
но, думая о брате с мудрою печалью,
должны мы также помнить о себе.
И потому ту, что была сестрой, а стала королевой,
вдову, наследницу державы, что готовится к войне,
мы в сокрушенной радости,
с одним сияющим, другим — потупленным вниз глазом,
с весельем на похоронах и панихидою на свадьбе,
и взвесив на весах отчаянье и наслажденье,
недавно взяли в жены, при этом не отметая вашу мудрость,

с которой вы по своей воле
одобрили все это дело. Всем спасибо.
Теперь о следующем. Младший Фортинбрас,
нас ни во что не ставя, и посчитав, что из-за смерти брата
разболтался наш государственный механизм,[1]
надоел требованьями отдать обратно земли,
что на законных основаньях
достались доблестному брату Гамлету
от Фортинбраса-старшего.
Но хватит о нем. Поговорим о цели нашего совета.
Сделаем так. Вот письмо, которое мы шлем в Норвегию
дяде молодого Фортинбраса, лежачему больному.
Он, может, и не знает о замыслах племянника,
но должен их пресечь в зародыше —
ведь в его веденье набор солдат.
Мы отправляем тебя, Корнелий, и, Вольтиманд, тебя
послами к старику в Норвегию.
Но обсуждать с ним только то, что сказано в письме.
В дорогу! Пусть ваша расторопность
докажет вашу верность.[2]

Корнелий, Вольтиманд
И в этом, и во всех будущих делах
мы вам покажем нашу верность.
Король
Не сомневаюсь. В добрый час.

(Вольтиманд и Корнелий уходят)

Ну а теперь… Лаэрт, а что случилось у тебя?
Мы знаем — у тебя есть просьба.
Любое разумное твое слово не будет не услышано.
Хотя, что ты такого можешь попросить,
чего б я сам тебе не предложил?
Как голова и сердце,
и как кормящая рука и рот,
сроднился датский трон с твоим отцом.
Что у тебя, Лаэрт?
Лаэрт
Государь! Позвольте возвратиться во Францию.
С готовностью я прибыл в Данию на коронацию,
чтоб доказать вам свою преданность.
Но долг мой выполнен,
и мысли и желания опять во Франции,
и я склоняю их пред вашим троном —

позвольте мне уехать.

Король

А отец разрешил? — Что скажешь, Полоний?

Полоний

Он постепенно выжал из меня разрешение.

В конце концов, я тиснул печать на свое согласие.[3]

Ходатайствую — отпустите его во Францию.

Король

Лаэрт, гуляй, пока есть время,

и трать его, как хочешь.

А ты, племянник Гамлет и наш сын…

Гамлет

(в сторону)

Чуть более, чем просто родственник,

чуть менее, чем радуюсь тому.[4]

Король

Как нам рассеять тучу, что тебя закрыла?

Гамлет

Государь, здесь для меня даже слишком много солнца.

Королева

Гамлет, милый, сбрось с себя эти мрачные цвета

и, как на друга, взгляни на короля.

Нельзя же вечно, потупив взгляд,
разыскивать в земле отца.
Ведь это же естественно, что все живое умирает
и переходит из природы в вечность.

Гамлет

Да, это все естественно.

Королева

Тогда что с тобой? Ты так ужасно выглядишь!

Гамлет

«Выглядишь»? Нет, мама, я не выгляжу.
Тут дело не в этом черном наряде,
не в сдавленном дыханье,
не в потоках слез, не в искаженном лице,
все это действительно выглядит
признаками горя, их можно и сыграть.
Но у меня внутри то, что прекращает игру,
а это только атрибуты горя.

Король

Гамлет, похвальна и приятна
твоя глубокая скорбь об отце.
Но ты не забывай — и твой отец терял отца,
а тот — своего. Да, таков сыновний долг —
соблюдать какое-то время положенную печаль.
Но упорствовать в печали — грех упрямства.

Это не по-мужски.

Это — богопротивное своеволие и безответственность.

Ведь если известно, что того-то нам не миновать,

и с точки зренья здравого смысла это вещь обычная,

то зачем же принимать ее так близко к сердцу?

Это капризы. Тьфу! Это проступок перед небесами,

проступок перед мертвыми,

проступок перед самой природой,

и наиболее абсурдный проступок перед разумом,

для которого смерть отца — обычное дело,

чей тезис со времен первого трупа

и до самой последней смерти:

«Так и должно быть».

Мы просим — стряхни с себя это бесполезное горе,

считай нас своим отцом, и пусть весь мир узнает —

нет никого, кто ближе тебя к трону.

Мы наделим тебя любовью, как самый ласковый отец.

А что касается твоего стремленья
вернуться в Виттенбергский университет —
как далеко оно от наших пожеланий.
Мы тебя просим — останься здесь, на радость нам,
будь первым при дворе, племянник наш и сын.

Королева

Гамлет, не отказывай моим мольбам.
Останься с нами, не уезжай в Виттенберг.

Гамлет

Я вам послушен изо всех сил, королева.[5]

Король

Наконец-то. Вот подобающий ответ.
В Дании ты будешь равен нам.
— Пойдемте, королева.
Вежливое добровольное согласие Гамлета
согрело мою душу.
В честь этого пусть самая большая пушка
салютует каждый раз, когда я подниму бокал,
чтоб эхом отзывались небеса на королевский тост.
— Идемте все.

Фанфары. Все, кроме Гамлета, уходят.

Гамлет

О, если б это слишком прочное тело

растаяло, исчезло, испарилось!

О, если б Вечно Сущий не осудил самоубийство!

Каким изношенным, унылым, затхлым, бесполезным

мне кажется все вокруг!

Как вовремя не прополотый огород,

мир зарос всплошную сорняками.

Как же так! Только два месяца со дня его смерти!

Нет, даже меньше двух. Лучший на свете король!

Перед которым этот —

все равно что сатир перед Аполлоном.

Как он был нежен с ней —

и райскому ветру не дал бы резко дунуть на нее.

А как она льнула к нему —

словно чувство голода росло от насыщенья.

И не прошло и месяца с тех пор.

О, если бы я мог забыть, не думать… Чуть больше месяца…

Женщина — вот синоним слову «предательство».

Еще как новые на ней те туфли,

в которых, рыдая, как Ниоба, шла за телом.

Как же она — она — смогла выйти за дядю,

что похож на моего отца, как я на Геркулеса?

Ведь даже бесчувственный зверь тосковал бы дольше.

Чуть больше месяца…

Еще глаза красны от соли лицемерных слез —

с таким проворством юркнула

в кровосмесительную постель.

Добром этот брак не кончится.

Но, хоть рвется на части сердце,

я должен прикусить язык.[6]

Входят Горацио, Марцелл и Бернард.

Горацио

Приветствую вас, ваша светлость!

Гамлет
Гораций, ты ли это?
Рад тебя видеть.
Горацио
Он самый. Ваш покорный слуга.
Гамлет
Взаимно. Давно из Виттенберга?
— Марцелл?
Марцелл
Милорд.
Гамлет
Рад тебя видеть.

(Бернарду)

Добрый вечер.
— Так почему не в Виттенберге?
Горацио
Прогуливаем занятия, милорд.
Гамлет
Не клевещите на себя, Горацио.
Я не поверю вашему самооговору.
Вы не прогульщик.
Так что привело вас в Эльсинор?
Хотите, чтоб мы вас научили пить?
Горацио
Милорд, я приехал на похороны вашего отца.

Гамлет

Бросьте ваши розыгрыши, студент.

Вы приплыли на свадьбу моей матери.

Горацио

Действительно, милорд, она последовала так скоро.

Гамлет

Бережливость, Горацио! Мясо, зажаренное для поминок,

подали в качестве холодной закуски к свадебному столу.

Пережить этот день все равно,

что встретить в раю заклятого врага.

Отец — я вижу своего отца.

Горацио

Где, милорд?

Гамлет

Глазами своей памяти, Горацио.

Горацио

Я тоже его помню. Это был настоящий король.

Гамлет

Он был настоящим человеком, во всех смыслах.

Такого мы уже не встретим.

Горацио

Милорд, мне кажется, я видел его этой ночью.

Гамлет
Видел? Кого?
Горацио
Короля. Вашего отца.
Гамлет
Моего отца?
Горацио
Милорд, выслушайте меня внимательно,
умерив на это время свое волненье.
Эти господа — свидетели чуда,
о котором я хочу вам рассказать.
Гамлет
Ради бога, говори.
Горацио
Последние две ночи Марцелл с Бернардом
были вместе в карауле.
В глухой полночный час
они увидели кого-то, похожего на вашего отца.
Он был один. В доспехах с головы до ног
он трижды, с достоинством, не торопясь,
прошел на расстоянии вытянутой руки
от их широко распахнутых в испуге глаз.
Они, словно страх выварил им
кости в студень,[7] рта не могли открыть.
Тогда под строгим секретом они позвали меня.
На третью ночь я вместе с ними стал в караул.

И, как они и докладывали,
в то же время и в том же облике,
о котором они говорили, он появился.
Я помню вашего отца.
Похожи, как две капли воды.

Гамлет

Где это было?

Марцелл

На валу, милорд.

Гамлет

Но вы с ним не разговаривали?

Горацио

Я заговаривал. Но он мне не ответил.
Мне показалось, что он уже собрался что-то сказать,
как вдруг запел петух —
он отпрянул и быстро скрылся.

Гамлет

Все это странно.

Горацио

Клянусь жизнью, все правда.
Мы посчитали своим долгом
вам это сообщить.

Гамлет

Во все это трудно поверить.
Вы дежурите сегодня ночью?

Марцелл, Бернард

Да, милорд.

Гамлет

Вы говорите, он был в доспехах?

Марцелл, Бернард

В доспехах.

Гамлет

С головы до ног?

Марцелл, Бернард

Милорд, с головы до ног.

Гамлет

Значит, лица вы не видели?

Горацио

Видели, милорд — у него было поднято забрало.

Гамлет

Он был мрачен?

Горацио

Выражение лица скорее печальное, чем гневное.

Гамлет

Лицо бледное или раскрасневшееся?

Горацио

Очень бледное.

Гамлет

И он смотрел на вас?

Горацио
Пристально.
Гамлет
Я бы хотел его увидеть.
Горацио
Для вас это было бы
слишком острое переживание.
Гамлет
Возможно, возможно.
Сколько это продолжалось?
Горацио
Я бы со средней скоростью досчитал до ста.
Марцелл, Бернард
Дольше, дольше.
Горацио
В последний раз не дольше.
Гамлет
А борода седая или нет?
Горацио
Такая, как я видел у него при жизни.
С проседью.
Гамлет
Сегодня я встану с вами в караул.
Вдруг он опять придет.
Горацио
Наверняка придет.

Гамлет

Если он примет прекрасный облик моего отца —

я заговорю с ним, пусть даже ад раскроет пасть
и мне прикажет замолчать.

А вас прошу, как вы до сих пор никому не говорили

об увиденном, молчите и дальше.

Что б ни случилось этой ночью —

пытайтесь понять, но не болтайте языком.

Я очень ценю вашу любовь ко мне. До встречи.

Между одиннадцатью и полночью я приду на вал.

Все

Примите уверенья в нашей преданности.

Гамлет

И в любви, как и вы в моей. До встречи.

(Все, кроме Гамлета, уходят)

Дух моего отца в доспехах!

Это знак, что кто-то ведет грязную игру.

Скорей бы ночь!

Но наберись терпения, душа.

И вылезут на свет все грязные дела,

хотя бы вся Земля их под собою погребла.

Уходит.

Сцена 3

Дом Полония.

Входят Лаэрт и Офелия.

Лаэрт

Весь мой багаж уже на корабле. Пора прощаться.

И если подует попутный ветер
и будет корабль в мою сторону —
не ленись, сестренка, передавай привет.

Офелия

Конечно, конечно, передам.

Лаэрт

А Гамлета влюбленность — пустяки.
Он притворяется, в нем просто кровь играет.
Все это, как фиалка: лишь непрочный
предвестник расцветающей природы —
внезапный, ранний, сладкий, но недолгий,
летучий аромат, порыв мгновенный.
И только.

Офелия

И только-то?

Лаэрт

Считай: и только. Ведь созревание — не просто
рост тела и усиленье мышц:

надо, чтоб в этом строящемся храме
душа и ум все лучше правили бы службу.
Допустим даже, что сейчас тебя он любит,
допустим, что — без хитрости и грязи —
чисты его желанья. Да он им не хозяин!
Боюсь, что титул перевесит.
Им правит родословная.
И он не может, как простолюдин,
себе накладывать все лучшие куски.[1]
От выбора его зависят
безопасность и благополучие страны.
А выбор продиктуют нужды тела,
которому он — голова. И если Гамлет говорит,
что любит, то верь ему настолько,
насколько он эту веру может оправдать.
Ведь за него решит вся Дания.
А станешь слушать его песни,
так запятнаешь свою честь,
или себе ты сердце разобьешь,
или, поддавшись буйному напору,
отдашь ему сокровище невинности.
Остерегайся этого, сестренка.
Держись в тылу, подальше от страстей,
чтоб не попасть под выстрел вожделенья.[2]
Для девушки уже опасно, если месяц
увидит с неба сквозь окно ее красу.

Ведь целомудрие оклеветать нетрудно.
И гниль плодовая так часто губит первенцев весны
и не дает бутонам распуститься,
и в утренней росе раздолье для заразы.[3]
Запомни, лучшая защита — это страх.
О, молодость! Сама себе ты злейший враг.

Офелия

Твои слова, как часовые, будут охранять меня.
Но милый брат, не сделайся
двуличным пастырем, что, всем указывая
крутой, тернистый путь на небеса,
сам, как отчаянный развратник,
сворачивает на дорожку наслаждений.

Лаэрт

Не бойся за меня. Но мне давно пора…
Сюда идет отец.

(Входит Полоний)

В двойном благословении двойная милость:
мне улыбнулся случай проститься второй раз.

Полоний

Ты еще здесь, Лаэрт?! Давай скорей на борт.
Уж ветер толкает в па́руса лопатку твой корабль![4]
Тебя заждались. Ну, прими благословенье.

(Кладет ладонь на голову Лаэрта)

А это краткая инструкция, как позаботиться
о репутации. Держи язык за зубами,
прежде, чем что-либо сделать, сто раз все взвесь.
Веди себя непринужденно, но без вульгарности.
Не труди ладонь, пожимая руки всем желторотым
без разбора, но выбирай друзей, а выбрав,
привязывай к себе стальными путами.
В драку не лезь. А ввяжешься —
держись так, чтоб противник об этом пожалел.
И больше слушай, меньше говори.
Выслушивай злословье, но вывод делай сам.
Живи, не прибедняясь, но без роскоши,
богато, но со вкусом, ведь встречают по одежке,
особенно во Франции, где высшие слои
разборчивы и денег на одежду не жалеют.
В долг не давай и не бери взаймы.
Дав в долг, и деньги можешь потерять, и друга,
а занимая — притупляешь свой хозяйский глаз.
Но главное: будь честен сам с собой,
тогда ты и других не подведешь.

Слова мои пусть закрепит благословенье. Прощай.

Лаэрт

С благодарностью ухожу, отец.

Полоний

Время не ждет, и слуги застоялись. Иди.

Лаэрт

Прощай, Офелия, и помни,
что я тебе сейчас сказал.

Офелия

Твои слова замкну я в сердце,
а ключ ты увезешь с собой.

Лаэрт

Прощайте.

Уходит.

Полоний

А что он говорил тебе, Офелия?

Офелия

Если вам угодно знать, речь шла о принце Гамлете.

Полоний

Бог свидетель, это не лишнее.
Мне говорят, что в последнее время
он часто стал с тобой уединяться,
а ты слишком охотно разделяешь его обще-

ство.

Если это так — а так мне передали —
то я обязан тебя предостеречь:
ты недостаточно ясно сознаешь,
как до́лжно себя вести моей дочери,
чтобы не уронить свою честь.
Что между вами? Ответь мне прямо.

Офелия

Отец, он очень нежен
в своей привязанности ко мне.

Полоний

Ну и ну! Слова девчушки,
не знающей, как разобраться в опасных обстоятельствах.

И ты веришь в эти, как ты их называешь, нежности?

Офелия

Мне кажется, он не шутил.

Полоний

Меня пугает не на шутку,
что ты такой ребенок, что приняла
все эти «нежности» за чистую монету.
Цени себя дороже, или — вот прилипло слово —
ты сделаешь из меня шута.[5]

Офелия

Отец, он атакует меня своей любовью
достойным способом.
Полоний
Способом? Ну-ну.[6]
Офелия
Он клялся всеми святыми клятвами.
Полоний
Силки тетерям! Знаю сам:
когда вскипает кровь, как щедро сердце
одалживает клятвы языку!
Но эти вспышки светят, да не греют,
а после гаснут даже обещанья.
Не принимай же их за пламя очага.[7]
Будь с этих пор скупей на встречи,
не поддавайся на простые уговоры.
Верь лишь тому, что Гамлет молод,
и до поры до времени разгуливает на поводке,
что чуть длинней, чем у тебя.
А клятвам веры не давай:
они — как продавцы, что показали образец
другой окраски, чем остальной товар.
Они — лишь свахи для сговоров нечистых,
сводни, чьи слова благочестивы,
чтоб легче обмануть.[8]
Поэтому, чтоб досужие языки
не оклеветали тебя в любой момент,

прекрати свои беседы с Гамлетом.
Я так приказываю. А теперь иди.
Офелия
Я подчиняюсь вам, отец.

Сцена 4

Вал.
Входят Гамлет, Горацио и Марцелл.
Гамлет
Как холодно! Воздух просто обжигает.
Горацио
Да, очень резкий холод.
Гамлет
Скоро полночь?
Горацио
Вот-вот пробьет двенадцать.
Марцелл
Нет, уже било.
Горацио
Да? Я не слыхал. Тогда пора бы
объявиться духу.

(Бравурные звуки фанфар, пушечный выстрел)

А это что значит, принц?
Гамлет

Король наш бодрствует и произносит тосты,
закусывает и важно скачет в танце.
И каждый выпитый им кубок рейнского
литавры прославляют
и ослиный крик фанфар.[1]

Горацио

Так у вас положено?

Гамлет

Да, так заведено.
Хотя я к этому привык с пеленок,
но было бы достойней изменить обычаю,
чем соблюдать его.
За частые тяжелые запои
нас презирают все соседние народы.
Нас обзывают пьянью и вдобавок свиньями.
Бесспорно, это пьянство не позволяет доблести
стать нашей главною приметой.
Так в человеке какая-то черта характера,
как будто злокачественная бородавка,
в которой он не виноват,
ведь он не выбирает кем родиться,
вдруг разрастается и напрочь сносит
все частоколы и заграждения рассудка;
или какая-то особенность растет, как на дрожжах,
перетекая за края дозволенного.[2]

Такого человека, с одним единственным изъяном —
пускай он одарен природой или счастливою звездой,
и чист, как Божья милость,
и добродетелен, насколько в силах человек —
считает общество порочным,
из-за глотка спиртного
ославив в нем все благородное.[3]

Входит Дух

Горацио
Принц, он пришел!
Гамлет
Силы господни, храните нас!
Добрый ты дух или черт,
принес с собою воздух рая или адский вихрь,
но вид твой так меня тревожит[4],
что я заговорю с тобой.
Ответь мне, Гамлет,
король, отец,
не то неизвестность разорвет меня!
Зачем твои мощами уже объявленные кости
прорвали саван?
Зачем склеп с твоею погребальной урной
разжал мраморные челюсти

и выпустил тебя?
Зачем, мертвец, луна мерцает
на твоих доспехах
и страшной стала ночь?
Нас, несмышлёнышей природы,
ты заставляешь затрястись от чувств,
которые нам не по силам.
Но отчего? Зачем? Чего ты хочешь?

Дух манит Гамлета за собой

Горацио
Он зовет вас за собой,
словно хочет наедине о чем-то сообщить.
Марцелл
Как приветливо он вам машет.
Хочет, чтоб вы отошли с ним в сторону.
Не делайте этого!
Горацио
Ни в коем случае!
Гамлет
Здесь он не будет говорить.
Значит, я пойду за ним.
Горацио
Милорд, не надо.
Гамлет
Мне нечего бояться.

Жизнью я не дорожу,
а душе он не причинит вреда,
ведь она бессмертна так же, как и он.
Он снова машет. Я иду за ним.

Горацио

А вдруг он заведет вас на берег моря,
или на отвесную скалу над прибоем,
и примет другой облик,
настолько ужасный, что вы подвинетесь умом?
Ведь там само место шутит шутки с рассудком,
безумные мысли сами появляются у всякого,
кто смотрит с высоты на море
и слышит его рев.

Гамлет

Он все машет.
— Я иду!

Марцелл

Мы вас не пустим!

Гамлет

Придержи руки!

Горацио

Милорд, придите в себя.
Туда нельзя!

Дух манит Гамлета

Гамлет
Ты не передумал?
— Пусти меня.

(Вырывается)

Клянусь, я сделаю духом того, кто мне помешает.
Прочь с дороги!
— Я иду!

Дух и Гамлет уходят

Горацио
Он точно взбесился, увидев это сходство со своим отцом.[5]
Марцелл
Пойдем за ним следом. Сейчас мы не вправе его слушаться.
Горацио
Да, пойдем… Чем все это кончится?
Марцелл
Что-то подгнило в нашем государственном устройстве.
Горацио
Помоги нам всем небо.
Марцелл
Идем за ним.

Уходят

Сцена 5

Другое место на валу.
Входят Дух и Гамлет.
Гамлет
Куда ты меня ведешь? Я не пойду дальше.
Дух
Запомни то, что я скажу.
Гамлет
Запомню.
Дух
Близок час,
когда я рухну
в серное мучительное пламя.
Гамлет
Несчастный дух!
Дух
Не печалься обо мне,
но выслушай внимательно,
что я тебе скажу.
Гамлет
Говори, я обещаю все запомнить.
Дух
И отомстить, когда про все узнаешь.

Гамлет

Что?

Дух

Я дух твоего отца, обреченный бродить по ночам,

а днем искупать свои грехи в огне,

пока все совершенные при жизни преступленья

не выгорят дотла.

Но мне запрещено рассказывать о тайнах своей тюрьмы,

не то мой рассказ тебе бы душу расцарапал,

кровь заморозил,

глаза б, как падающие звезды, вышли из орбит,

а спутанные кудри расплелись и встали бы торчком,

как иглы у встревоженного дикобраза.

Но эти гимны загробному миру

не для земных ушей.

Так, слушай, слушай.

Если ты любил своего отца —

Гамлет

Боже!

Дух

ты должен отомстить за подлое убийство.

Гамлет

Убийство?

Дух

Да. Все убийства подлые,
но это самое подлое, гнусное, неслыханное.

Гамлет

Говори скорей — быстрее мысли
и с нетерпением любовника я отомщу.

Дух

Я верю — у тебя получится.
Ты б оказался бесчувственнее заскорузлого бурьяна,
застывшего лениво у переправы через Лету,
когда б тебя не всколыхнули мои слова.[1]
Теперь слушай — распустили слух,
будто меня, когда я спал в саду,
ужалила змея. Это ложь,
нагло вложенная в уши всей Дании.
Запомни, юноша из доблестного рода, —
змея, что насмерть ужалила меня,
надела мою корону.

Гамлет

Душа все чувствовала![2] Дядя?!

Дух

Этот виновный в кровосмешении похотливый зверь

дьявольским умом и коварными талантами —
будь прокляты ум и таланты,
у которых такая сила соблазнять —
склонил к разврату королеву,
что выглядела воплощеньем чистоты.
Так низко пасть!
После моей безупречной любви, что рука об руку
шла с клятвами, которые принес я при венчаньи,
она поддалась негодяю.
Он просто жалок по сравнению со мной.
Но это ведь любовь не шелохнется
в ответ на предложения развратника,
прими он даже райский образ, а похоть,
пресытясь и на ложе со светлым ангелом,
отыщет для себя гнилье.
Но, чувствую, поднялся ветер. Скоро утро.
Я буду краток. Когда я, как обычно
после полудня, спал в саду,
туда прокрался твой дядя.
В склянке у него была настойка ядовитой белены.
Он влил ее мне в ухо.
Белена несовместима с кровью.
Она проворно, точно ртуть, пробралась

по всем тропинкам в теле и,
как если кислым капнуть в молоко,
створожила мою бежавшую свободно кровь.
А кожа, как у Лазаря, мгновенно
покрылась отвратительной коростой.
Вот так у меня спящего
рукою брата разом были отобраны
жизнь, корона, королева.
Без отпущенья, без причастья
я был подрублен в пору цветенья всех своих грехов.
Я не расчелся с ними, не выправил ошибок,
когда затребовали окончательный отчет.[3]
Ужас! Это ужас! Ужас!
Если в тебе жива порода,
ты не позволишь ложу датских королей
быть логовом, где наслаждаются кровосмешением.
Но, смотри, не запятнай своей души
и матери не причиняй вреда.

Ее накажут небеса и те шипы,

что у нее в груди застряли, чтоб ее колоть и жалить.

Ну, а теперь прощай.
Светляк, показывая — утро близко,
уж притушил свой слабый огонек.
Прощай и вспоминай меня.

Уходит

Гамлет
Силы небесные, помогите!
А может, вас нужно спарить с адскими?
Спокойней, сердце. Не подгибайтесь, ноги,
стойте твердо. Вспоминать тебя?
Да, несчастный дух, пока есть место
для памяти в безумном этом мире[4].
Вспоминать тебя?
Я со скрижалей памяти сотру
отметины банальных привязанностей,
книжную премудрость,
все оттиски прошлого, все образы,
всё, что юность туда переписала.
И только твоя заповедь одна
жить будет в Писании на свитке мозга,
не смешана с обычными словами.[5]
Клянусь!
О, преступница!

И ты, злодей проклятый, смеющийся злодей!
Теперь я знаю — можно быть смеющимся злодеем.
По крайней мере, в нашей Дании.
Моим девизом станет
«Прощай и вспоминай меня».
Клянусь!
Горацио, Марцелл

(за сценой)

Милорд, милорд!
Марцелл
Лорд Гамлет!
Горацио
Да хранит его небо!
Гамлет
Да будет так!
Горацио
О-го-го-го, милорд!
Гамлет
О-го-го-го, летите, пташки!

Входят Горацио и Марцелл

Марцелл
Ну что, милорд?
Горацио

Что вы узнали?

Гамлет

Все просто чудесно!

Горацио

Расскажите, милорд.

Гамлет

Нет, вы все выболтаете.

Горацио

Только не я. Милорд, клянусь!

Марцелл

Клянусь, милорд!

Гамлет

Не знаю, как вам объяснить. В это трудно поверить.

Не проболтаетесь?

Горацио, Марцелл

Нет, никогда. Клянемся!

Гамлет

У нас в Дании злодеев нет.

Одни отъявленные негодяи.

Горацио

Чтобы это смекнуть,

не надо духа из могилы подымать.

Гамлет

Ну, хорошо. Давайте лучше

обойдемся без подробностей,

пожмем друг другу руки и простимся.
И вы пойдете по делам или развлечься,
ведь у всех есть и дела, и развлеченья,
так уж заведено.
А что касается меня, то я пойду молиться.

Горацио

Милорд, это странные, запутанные речи.

Гамлет

Я не хотел вас обидеть.
Даю слово.

Горацио

Тут нет обиды.

Гамлет

Нет, есть. Я это понимаю.
Что касается того, что мы видели,
то это добрый дух.
Но сдержите желанье узнать,
что было между нами.
А теперь, друзья — ведь вы мои друзья,
точно так же, как один — студент, а другой — солдат, —
выполните мою просьбу.

Горацио

Да, милорд. Какую?

Гамлет

Храните в тайне все, что видели этой ночью.

Горацио, Марцелл
Хорошо, милорд.
Гамлет
Нет, поклянитесь.
Горацио
Даю слово.
Марцелл
Даю слово.
Гамлет
На моем мече.
Марцелл
Мы уже поклялись, принц.
Гамлет
Нет, клянитесь по-настоящему, на мече.
Дух

(из-под земли)

Клянитесь.
Гамлет
А, ты тут как тут, приятель?
Я знал, что ты надежный парень.
— Слыхали этот голос из погреба?[6]
А ну, клянитесь!
Горацио
Скажите текст, милорд.
Гамлет

«Никогда и никому не говорить о том, что видели».

Клянитесь моим мечом.

Дух

(из-под земли)

Клянитесь!

Гамлет

Он везде и всюду.

Что ж, давайте сменим место.

Идите вот сюда. Кладите руки на мой меч.

«Никогда и никому не буду говорить о том, что слышал».

Клянитесь моим мечом.

Дух

(из-под земли)

Клянитесь.

Гамлет

Хорошо сказано, старый крот.

Если ты так же ловко роешь землю,

ты просто землепроходец.[7]

Еще раз сменим место.

Горацио

Боже, как это странно.

Гамлет

Так и прими, как странника, радушно.
И на земле, и в небе полно такого,
что твоей философии и не пригрезится.
Но отойдем еще.
Да будет с вами Божья благодать.
Итак, как бы необычно и непонятно я себя ни вел,
как бы ни валял дурака, вы никогда не станете
разводить руками, качать головой и бормотать:
«Уж мы-то в курсе!»,
«Когда б могли мы всё про это рассказать!»,
«Если б мы не дали слово помалкивать!»
или туманно намекать,
что вы об этом что-то знаете.
Так не должны вы поступать.
Да поможет вам Божья милость. Клянитесь.

Дух

(из-под земли)

Клянитесь.

Гамлет

Угомонись-ка, беспокойный дух.
Итак, я доверяюсь вам с любовью,
и все, что такой бедняк, как Гамлет,
сможет сделать, чтоб доказать

свою любовь и дружбу, он сделает.
Теперь вернемся внутрь.
Но рты держите на замке.
Проклятье!
Век вывихнул себе суставы.
Но почему же я их должен вправить?[8]
Ну, идемте. Все вместе.

Действие 2
Сцена 1

В доме Полония.
Входят Полоний и Рейнольд.

Полоний

Рейнольд, передашь Лаэрту письмо и деньги.

Рейнольд

Да, милорд.

Полоний

Было бы разумно с твоей стороны,
прежде чем к нему наведаться,
навести справки о его поведении.

Рейнольд

Я так и собирался сделать.

Полоний

Ты умница, ей-богу.
Разузнай сначала, кто из датчан сейчас в Париже:
что, как, на что живут и где?
С кем водят компанию, кто сколько тратит?
И когда с помощью таких маневров
выйдешь на тех, кто знает моего сына,
то должен хитростью вытянуть из них больше,

чем дадут прямые подробные расспросы.
Вверни — «я что-то о нем слышал»,
скажи — «я знал его отца или друзей
или когда-то с ним встречался».
Запоминаешь, что я говорю, Рейнольд?

Рейнольд

Да, слово в слово.

Полоний

Потом скажи — «и если это тот самый Лаэрт,
то я слыхал — он сильно пристрастился
к тому-то и тому-то». Тут что-нибудь соври,
но только так, чтоб не навредить его репутации,
не дай тебе бог.
Придумай какую-нибудь экстравагантность,
озорство, обычные для вольной молодости.

Рейнольд

Например, пристрастие к игре?

Полоний

Вот-вот, или к вину. К фехтованию. К богохульству.
К дракам. К проституткам.

Рейнольд

Милорд, но это может повредить репутации.

Полоний

Да бог с тобой.

Надо только смягчить немного обвиненье.
Не говори — «он в этом удержу не знает».
Скажи, что это так — причуда,
издержки беззаботной жизни,
порывы пламенной души,
взбрыкиванья необъезженной молодости —
словом, общая статья.

Рейнольд

Но, милорд…

Полоний

Зачем все это нужно?

Рейнольд

Да, милорд.
Не могли бы вы мне объяснить?

Полоний

Это уловка верная —
чуть замараешь сына, как рубашку за работой,
и если твой собеседник сам замечал,
что юноша виновен в таком проступке,
то он с тобою согласится и скажет:
«Милостивый государь», или «друг», или «любезный»,
в зависимости от местного обычая и своего характера…

Рейнольд

Как это точно, милорд.

Полоний

И вот тогда… и вот тогда… О чем я говорил?

Господи, я ведь собирался сказать что-то важное.

На чем я остановился?

Рейнольд

На «он с тобою согласится», и на «друг в зависимости»,

и на «любезный»…

Полоний

«С тобою согласится». Да, слава богу, вспомнил.

Он скажет: «Я тоже его видел вчера

или немного раньше там или здесь,

вот с тем-то или с этим в игорном доме,

а тогда-то он перебрал, а там-то он подрался

за игрою в теннис», а может: «Я видел, он входил

в публичный дом», короче говоря, в бордель,

ну, и в таком же духе.

И ты поймешь: на твою наживку попался карась правды.

Так поступаем мы, люди мудрые и влиятельные,

словно применяя рычаг или лебедку,

чтобы непрямо дотянуться прямо к цели.[1]

На основании этой нашей беседы и действуй

в Париже.
Ты все понял?
Рейнольд
Да, милорд.
Полоний
Ну, с богом. Отправляйся.
Рейнольд
До свидания, милорд.
Полоний
Не встревай,
но доложи о всех его пристрастьях.
Рейнольд
Слушаюсь, милорд.
Полоний
И пусть дудит в свою дуду.
Рейнольд
Да, милорд.
Полоний
Прощай.

(Рейнольд уходит. Входит Офелия)

Что там, Офелия? В чем дело?
Офелия
Милорд, меня так напугало…
Полоний
Да говори, что, ради бога!

Офелия
Я вышивала в своей комнате.
Вдруг входит принц Гамлет
в расстегнутой одежде,
без головного убора,
ноги заплетаются,
в грязных, сползающих чулках,
бледнее полотна,
ничего не соображая,
как будто он сбежал из ада.
Полоний
Из-за любви к тебе?
Офелия
Я не знаю, милорд. Боюсь, что да.
Полоний
Что он сказал?
Офелия
Взял меня за запястье и не отпускал.
Сам отодвинулся на шаг, поднес ко лбу вторую руку,
стал вглядываться мне в лицо,
как будто собрался меня нарисовать.
Это продолжалось довольно долго,
потом слегка подергал меня за руку,
трижды покачал головой
и вздохнул так глубоко и тяжело,

точно прощался с жизнью.
После отпустил меня и пошел к двери,
при этом все время смотрел на меня через плечо.

Полоний

Пойдем со мной. Надо найти короля.
Гамлет явно тронулся от любви.
Сильная любовь сама себя губит,
приводя к печальным последствиям.
Впрочем, любая страсть терзает человека.
Прости — а ты ему до этого не наговорила
резких слов?

Офелия

Нет, отец. Как вы велели,
я не брала его писем
и с ним не встречалась.

Полоний

Вот он и тронулся.

Эх, надо было внимательнее к этому отнестись.

Я-то думал, для него это только забава,

которая может тебя погубить.

Будь ты неладна, моя подозрительность!

Да, в молодости часто не хватает ума,

а в нашем возрасте легко перемудрить.

Пойдем к королю. Об этом нельзя молчать.

Ведь если скрыть любовь — потом случатся беды хуже,

чем гнев теперь, когда все выплывет наружу.

Идем.

Уходят

Сцена 2

В замке.

Фанфары. Входят король, королева, Розенкранц, Гильденстерн, свита.

Король

Добро пожаловать, Розенкранц и Гильденстерн.

Давно же мы вас не видели!

Но вот необходимость заставила послать за

вами.

Вы слышали уже о переменах с Гамлетом,

как я это называю?

И внутренне, и внешне он стал другим человеком.

Трудно поверить, что смерть отца вызвала такой разлад

в его душе. Но больше нечему.

Вы выросли вместе с ним, вы люди одного круга.

Прошу, погостите немного при дворе

и развлеките Гамлета.

Может, по крупицам вы выясните, что его тревожит,

чтоб я ему помог.

Королева

Он часто вас вспоминал.

Он к вам привязан больше,

чем к кому-либо еще.

Если пробудете тут некоторое время и,

проявив благородство и усердие,

сумеете обеспечить прибылью наши ожидания[1] —

наградим по-королевски.

Розенкранц

Вы наши король и королева,

а значит, в полном праве
облечь свою волю не в просьбу, а в приказ.

Гильденстерн

У ваших ног мы с радостью ждем приказаний.

Король

Спасибо, Розенкранц и благородный Гильденстерн.

Королева

Спасибо, Гильденстерн и благородный Розенкранц.
Прошу, быстрей идите к моему
так сильно переменившемуся сыну.
— Кто-нибудь, проводите их к Гамлету.

Гильденстерн

Дай бог, чтоб наше общество и присмотр
были ему полезны и приятны.

Королева

Бог в помощь.

Выходят Розенкранц, Гильденстерн и кто-то из свиты.
Входит Полоний.

Полоний

Послы, что ездили в Норвегию,
благополучно возвратились.

Король

Ты просто патриарх хороших новостей.

Полоний

Правда, государь?
Я пекусь о том, чтоб послужить вам,
словно о спасении души перед Всевышним.
И если мозги меня и в этот раз не подвели,
то я напал на след и выяснил
причину болезни Гамлета.

Король

Да? Давно хочу узнать.

Полоний

Примите сначала послов. Пусть мое известие
будет как десерт к хорошему столу.

Король

Тогда, в знак признанья их заслуг,
пойди и сам приведи сюда послов.

(Полоний уходит)

Милая Гертруда, Полоний говорит, что выяснил
истоки и причины несчастья с твоим сыном.

Королева

Сомневаюсь, что есть другая причина,
кроме смерти его отца
и нашей чересчур поспешной свадьбы.

Король

Ну, вот мы и расспросим Полония.

(Возвращаются Полоний с Вольтимандом и Корнелием)

Добро пожаловать, друзья!
Что, Вольтиманд, какие вести
от нашего норвежского собрата?

Вольтиманд

Мы привезли от него приветствия и пожелания здоровья.
Он сразу запретил племяннику набор солдат.
Он думал — тот собирается напасть на Польшу,
но, разобравшись, выяснил,
что это приготовленья против Дании.
С прискорбием узнав, что Фортинбрас
злоупотребил его болезнью и преклонным возрастом,
он приказал ему все прекратить.
Племянник подчинился, и, выговоры выслушав, поклялся
никогда впредь вашему величеству не угрожать войной.
На радостях старый Норвежец пожаловал Фортинбрасу
три тысячи крон ежегодно и разрешил

взять уже набранных солдат в поход на Польшу.

В связи с чем он просит

(подает грамоту)

вашего позволенья на проход войск через датские владения,

обещая полное спокойствие и безопасность.

Король

Я доволен вами. В свободное время я это прочитаю

и все обдумаю. Благодарю вас за хорошую работу.

Отдохните, а вечером отужинаем вместе.

Добро пожаловать домой!

Вольтиманд и Корнелий уходят

Полоний

Дело сделано.

Мой государь и вы, госпожа!

Выяснять, что есть повелитель и что такое долг,

что день — это день, а ночь — это ночь

и время — это время,

значит, потерять и день, и ночь, и время.

И так как краткость — сестра ума,

и скучны глухие заросли, а цветет идущее наружу,
я буду краток — ваш сын сошел с ума.
Я называю это — сошел с ума,
ведь, исходя из значенья слов «сошел с ума»,
что это, если не сумасшествие?
Но если это так…

Королева

Больше сути, меньше красноречия.

Полоний

О, какое уж тут красноречие!
Что он сошел с ума — это действительно так.
Жаль, что действительно, и действительно жаль.
Может, прозвучало глуповато, но я уж по-простому.
Если мы пришли к выводу, что он сошел с ума,
то остается отыскать причину этого эффекта,
верней, дефекта, ведь эффект из-за дефекта.
В остатке остается отыскать.
Допустим, у меня есть дочь — то есть пока она моя —
которая, выполняя долг послушания, заметьте,
отдала мне это. Вывод делайте сами.

(читает)

«Офелия, ты мой идол, твоя святая красота…»

— Это слабое выражение — «святая красота», избитое.

Так, дальше:

(читает)

«В белую изумительную грудь эти…» Ну, и так далее.

Королева

Это письмо от Гамлета?

Полоний

Чуть погодите, госпожа. Я ничего не скрою.

(читает)

«Не верь, что звезды — это пламя,
Не верь, что солнце встанет вновь,
Не верь, что правда не обманет,
Но верь в мою любовь.

Офелия, любимая, я болен от этих ритмов и размеров.

У меня уже не хватает терпения подсчитывать все сбои своего дыхания.

Но поверь мне, самая моя дорогая, я люблю тебя.

До свидания, милая.

Твой, пока я управляю этим механизмом, Гам-

лет».

Вот что показала мне моя послушная дочь,
и все рассказала о его ухаживаниях —
когда, каким образом и где.

Король

А как она отнеслась к его любви?

Полоний

За кого вы меня принимаете?

Король

За верного и честного человека.

Полоний

С радостью вам это докажу.

И разве мог я, увидев взлет этой горячей любви,
которую, скажу вам откровенно, я распознал
пораньше дочери, остаться безучастным,
прикинуться чурбаном, позволить сердцу задремать?
Нет, я тут же взял дело в свои руки
и говорю своей девице:
«Лорд Гамлет — принц, и ты ему не пара.
Даже об этом и не думай».
Я ей предписал воздерживаться от встреч с ним,
не принимать ни писем, ни подарков.
Она воспользовалась плодами моего совета.

А он, отвергнутый, короче говоря, сначала затосковал,
потом есть перестал, после — бессонница,
затем — общая слабость,
и в результате — нервное расстройство.
Оно усугубилось, и он сошел с ума.
И вот он бредит, ну, а мы горюем.

Король

Что вы об этом думаете?

Королева

Похоже, так оно и есть.

Полоний

Хотел бы знать, а было ли когда-нибудь,
чтобы я говорил одно, а вышло по-другому?

Король

Я не припомню.

Полоний

(показывая на свою голову и плечи)

Снимите это с этого, если я не прав.
Когда условия мне позволяют,
отыскиваю правду,
пусть даже она таится в самой сердцевине.

Король

Но все же как нам в этом убедиться?

Полоний

Бывает часа по четыре в день
он бродит в этом коридоре.
Королева
Да, верно.
Полоний
Тут-то я и выпущу к нему дочь.
Мы с вами встанем за шпалерой,
чтобы подслушать их разговор.
И если не из-за любви
с ним приключилось помутненье,
то место мне не при дворе,
а в деревне на конюшне.
Король
Что ж, попробуем.
Королева
Вот он идет, бедный, и что-то читает на ходу.
Полоний
Прошу вас, уходите.
Я его прощупаю.

*(Король, Королева и свита уходят.
Входит Гамлет, читая книгу)*

С вашего позволения,
как поживаете, господин мой Гамлет?
Гамлет
Слава богу, хорошо.

Полоний
Вы знаете, кто я такой?
Гамлет
Еще бы. Вы тот, кто ловит рыбку[2].
Полоний
Что вы, милорд…
Гамлет
Тогда бы вам не помешало
быть столь же искренним.
Полоний
Искренним, милорд?
Гамлет
Да, искренним.
По нынешним временам одного искреннего
с трудом выудишь из десяти тысяч.
Полоний
Милорд, как это верно!
Гамлет
Ведь если и личинки в дохлой кошке заводятся от солнца,
радостно целующего падаль…
— У вас есть дочь?
Полоний
Да, милорд.
Гамлет
Не позволяйте ей гулять на солнце.

Конечно, это божья благодать — затяжелеть,
но вашей дочке тяжеловато будет это все принять.[3]
Приглядывайте за ней.

Полоний

Не знаю, что вам и ответить.

(в сторону)

Говорит только о дочери. А сначала, мол, не узнал.
Ловите, мол, рыбку. Да, у него это далеко зашло.
А ведь и я в молодости страдал от любви, да еще как,
почти как он. Попробую-ка снова.
— Что вы читаете, милорд?

Гамлет

Слова, одни слова.

Полоний

И в чем там дело?

Гамлет

Между кем и кем?

Полоний

Я в смысле, о чем книга?

Гамлет

Автор в сатирическом задоре клевещет,

что у стариков седые бороды, морщины на лице,
глаза слезятся, полное отсутствие ума,
наряду со слабостью в коленях.
Возможно, я бы в это и поверил,
но только это ведь нечестно — писать такое на бумаге.
А вы станете того же возраста, что я,
если будете все время пятиться, как рак.

Полоний

(в сторону)

В его безумье есть своя система.
— Не уйти ли вам с этих сквозняков, милорд?

Гамлет

Куда, в могилу?

Полоний

И правда, сквозняков там нет.

(в сторону)

Сколько иногда смысла в его ответах.
Верно говорят, что дураку бывает счастье,
которого от здравого ума ты не дождешься.
Теперь пойду за дочкой, чтоб устроить их встречу.
— Высокочтимый принц, дайте мне разреше-

нье удалиться.

Гамлет

Нет ничего, что я охотнее бы вам отдал,
за исключеньем моей жизни.

Полоний

Милорд, счастливо оставаться.

Гамлет

Как я устал от старых дураков!

Входят Розенкранц и Гильденстерн

Полоний

Вы ищете принца Гамлета? Он здесь.

Розенкранц

(Полонию)

Спасибо, сэр.

Полоний уходит

Гильденстерн

Высокочтимый принц!

Розенкранц

Любимый принц!

Гамлет

Друзья! Как дела, Гильденстерн? А ты как, Розенкранц?

Как поживают мои лучшие друзья?

Розенкранц
Как все простые жители земли[4].
Гильденстерн
Счастливы тем, что счастливы не чересчур.
Мы ведь не пуговка на берете у Фортуны.
Гамлет
Но и не подметка на ее туфлях.[5]
Розенкранц
Вы правы, милорд.
Гамлет
Тогда вы где-нибудь в районе ее талии,
неподалеку от ее прелестей.
Гильденстерн
Мы у нее на скромном месте.
Гамлет
Зато при самых нескромных ее местах.
Все правильно, Фортуна — это шлюха.
Что нового?
Розенкранц
Ничего, принц, кроме того,
что мир становится все лучше.
Гамлет
Ну, значит, скоро Страшный суд.
Только ваша новость не верна.
Дайте я поточней задам вопрос:
чем же вы так отличились перед Фортуной,

что она заслала вас сюда в тюрьму?[6]

Гильденстерн

В тюрьму, милорд?

Гамлет

Да, Дания — это тюрьма.

Розенкранц

Тогда весь мир — тюрьма.

Гамлет

Еще какая! В нем столько стенок, камер и темниц,

а Дания — одна из худших.

Розенкранц

Нам так не кажется.

Гамлет

Тогда она вам не тюрьма.

Ведь только наши мысли

делают вещи хорошими или плохими.

А для меня — тюрьма.

Розенкранц

Тюрьмой ее делают ваши честолюбивые желания.

Вашим мозгам в ней тесно.

Гамлет

Да я бы и внутри ореха

считал себя царем вселенной,

если бы мне недоброе не грезилось во сне.

Гильденстерн
А грезы — это желания.
Ведь суть желаний — только тени грез.[7]
Гамлет
Грезы — тоже только тень.
Розенкранц
Справедливо.
Честолюбивые желанья легковесны и пусты,
поэтому они лишь тени от теней.
Гамлет
Тогда создатели империй лишь тени тех,
что просят себе на пропитанье.
Но давайте пойдем на двор,
меня утомляют рассужденья.
Розенкранц, Гильденстерн
Как прикажете, принц.
Гамлет
Не говорите так.
Я вас не ставлю на одну доску
с остальными моими слугами.
Сказать по правде —
уж слишком тщательно они за мной следят.
Но ответьте мне, не сходя с тернистого пути дружбы,
что привело вас в Эльсинор?
Розенкранц

Желанье повидать вас, нет других причин.

Гамлет

Я бедняк,

и у меня скромные возможности для благодарности.

Но все же благодарю за откровенность,

хоть и не могу дать вам за нее больше ломанного гроша.

Итак, за вами не посылали? Вы приехали по своей воле?

Ну, давайте напрямую, говорите.

Гильденстерн

Что же нам сказать?

Гамлет

Да что угодно, но не увиливая.

Вас выдает выражение лица. У вашей порядочности

не хватает умения его приукрасить.

Уверен, добрые король и королева за вами посылали.

Розенкранц

Но зачем, принц?

Гамлет

Вам лучше знать. Но помня о нашей дружбе,

о прожитой вместе юности, о клятве верности,

обо всем, о чем вдобавок упомянул бы опытный

оратор,
ответьте честно, напрямую — за вами посылали или нет?

Розенкранц

(в сторону, Гильденстерну)

Что ответить?

Гамлет

(в сторону)

Да, теперь все ясно.
— Если вы меня любите — говорите.

Гильденстерн

Милорд, за нами посылали.

Гамлет

А почему — скажу сам, опережая ваше признанье,
чтоб перышка не упало с вашего уменья хранить тайну.
В последнее время, сам не зная отчего, я затосковал,
забросил все свои обычные занятия, и на душе так тяжело,
что наш прекрасный полуостров
мне кажется безжизненной пустыней,
а отважно вознесшийся над нами купол неба

в узорах золотых огней —
скопленьем мутных вредных испарений.
А человек? Это ведь шедевр.
Благородный ум, безграничные возможности.
Прекрасно выглядит в покое и в движении.
Поступки, как у ангела.
Проницателен, как Бог. Венец творенья.
Украшение вселенной.
А для меня он — одна из форм гниения.
Никто не радует меня.
Ни один мужчина и ни одна женщина.
Судя по вашим улыбкам, вы сомневаетесь?

Розенкранц

Что вы, у меня и в мыслях не было.

Гамлет

Тогда почему вы хмыкнули, когда я сказал:
«Никто не радует меня»?

Розенкранц

Я подумал: если это так,
какой постный прием ждет актеров.
Мы как раз обогнали их на дороге в замок. Они едут к вам.

Гамлет

Нет, я не откажусь от встречи с человеком,
что играет короля,
его величество получит от меня награду,

а рыцарю понадобится шпага,
любовник не будет задарма вздыхать,
и балагур свободно доведет роль до конца,
смех пощекочет глотку зрителю,
а героиня будет декламировать все, что считает нужным,
и пусть хромает белый стих.
Что это за актеры?

Розенкранц

Те, которых вы любили. Столичная труппа.

Гамлет

А с чего это их потянуло в дорогу?
В столице больше денег и почета.

Розенкранц

Их выжили новые веянья.

Гамлет

Их уже не так любят? На них меньше ходят?

Розенкранц

Да, далеко не так, как раньше.

Гамлет

Но почему? Они мхом поросли?

Розенкранц

Да нет, стараются изо всех сил.
Но появился целый выводок юнцов, что, как птенцы,
пищат на сцене во весь голос, а все им бурно

аплодируют.

Они сейчас в моде
и «банальный», как они его называют, театр
настолько смешан с грязью,
что многие, носящие шпагу,
побаиваются уколов гусиных перьев
и не отваживаются туда ходить.

Гамлет

Как — юнцы? А кто их поддержал?
Не сломается ли их карьера,
как только начнет ломаться голос?
А когда они подрастут
и сделаются «банальными» актерами,
если что другое им будет не по средствам,
что тогда скажут они писакам,
которые заставляли их глумиться
над собственным будущим?

Розенкранц

Сама публика подзуживала обе стороны к стычке,
и дошло до того, что ни один довод ни во что не ставили,
если поэт или актер не подкреплял его тумаком.[8]

Гамлет

Вы шутите!

Гильденстерн
Не один ломал себе голову,
желая посильнее досадить противнику.
Гамлет
И юнцы разбили противника наголову?
Розенкранц
Да, милорд. И захватили в плен самого Геркулеса
с его глобусом на плечах.
Гамлет
Впрочем, меня это не удивляет.
Ведь те, кто при жизни моего отца считал дядю уродом,
теперь, когда он стал королем,
платят по двадцать, сорок, пятьдесят и сто дукатов
за его небольшой портрет.
Ученым стоило бы исследовать это явление,
за этим, ей-богу, кроется что-то сверхъестественное.

Приближающиеся звуки фанфар

Гильденстерн
А вот и актеры.
Гамлет
Господа, еще раз добро пожаловать в Эльси-

нор.

Подойдите, дайте руки.

Но отнеситесь с пониманием к тому,

что гостеприимство — ритуал, одинаковый для всех,

и не подумайте, что я рад актерам больше, чем вам.

Добро пожаловать!

Только мои дядя-отец и тетя-мать заблуждаются.

Гильденстерн

Но в чем же, принц?

Гамлет

Я безумен лишь в норд-норд-вест.

При южных ветрах я еще могу отличить сокола от утки.

Входит Полоний

Полоний

Доброго вам здоровья, господа.

Гамлет

Держите с ним ухо востро:

этот великовозрастный младенец

никак не выпутается из тугих пеленок.

Розенкранц

А может, он впал в детство, на свое счастье.

Недаром говорят: старый — что малый.

Гамлет

Вот вам мое пророчество —

он пришел сообщить об актерах.

— Совершенно верно, после дождика в четверг.

Полоний

Милорд, у меня для вас новость.

Гамлет

Милорд, у меня для вас новость.

Когда римский актер Росций…

Полоний

Принц, приехали актеры.

Гамлет

Да что вы говорите!

Полоний

Клянусь.

Гамлет

И каждый на своей ослиной заднице.[9]

Полоний

Лучшие в мире исполнители произведений

трагических, комических, исторических, идиллических,

идиллически-комических, исторически-идиллических,

трагически-исторических,

трагически-комически-исторически-идиллических,
потрясающая зрелищность, высокая поэтичность,
Сенека не так глубок, Плавт не так смешон.
Первые в верности традиции
и в мастерстве импровизации.

Гамлет

О Иеффай, судья израильский,
одно сокровище у тебя было!

Полоний

Что за сокровище, милорд?

Гамлет

Ну как же:
«Красотку дочь любил отец
сильней всего на свете».

Полоний

(в сторону)

Ну вот, опять о моей дочке.

Гамлет

Так ведь, старина Иеффай?

Полоний

Если это меня вы зовете Иеффаем,
то у меня действительно есть дочь,
которую я люблю сильней всего на свете.

Гамлет
Но это еще не все.
Полоний
А что еще?
Гамлет
Ну как же:
«Но жребий выпал — и конец:
прошло, как все на свете».
Из первого ряда этой благочестивой баллады
вам все откроется.
А я от всего этого отвлекусь.[10]

(Входят четверо или пятеро актеров)

Привет вам, артисты. Рад вас видеть в добром здравии.
Добро пожаловать, друзья.
— А ты, старина, ты же носил усы.
Сбрил, чтоб и в ус не дуть?[11]
— А вы, юная леди и первая любовница —
вы стали ближе к небу на высоту своих котурнов!
Желаю, чтоб золото вашего голоса не вышло из обращения,
и чтоб, не трескаясь, сверкало в кольце зрителей.[12]
— Добро пожаловать, артисты.

Как соколы на добычу,
мы готовы наброситься на все, что вы покажете.
Давайте прямо сейчас какой-нибудь отрывок.
Покажите мастерство. Какой-нибудь страстный монолог!

Первый актер

Что же вам показать, милорд?

Гамлет

Ты как-то читал монолог —
его, по-моему, и не исполняли на сцене,
так, может, один раз.
Поскольку пьеса не для широкой публики,
орешек ей не по зубам.
Но это — так считаю и я,
и те, чье мнение я ставлю выше своего —
превосходная пьеса, хорошо поданная,
правильно разделенная на действия,
притягивающая своей сдержанностью.
Говорили, что она недосолена, ей не хватает остроты,
автор слишком рассудочен, но все соглашались,
что это честная работа, сильная и свежая,
к которой слово «прекрасная»
подходит лучше, чем «изысканная».

Больше всего я любил монолог Энея —
когда он рассказывает о себе Дидоне,
особенно строки, где говорится об убийстве Приама.
Если ты еще их не забыл, начни-ка с вот этих слов,
а ну-ка, ну-ка:
Свирепый Пирр, как тигр, —
нет, не так —
Свирепый Пирр, в чернённых доспехах,
мрачных, как его помыслы, или как ночь,
в которую он затаился внутри зловещего коня,
еще сильнее замарал свой черный облик красным —
отталкивающе изукрашен кровью
отцов, и матерей, и сыновей, и дочек,
что запеклась на нем, как тесто, от жара горящих улиц,
отбросивших свой жесткий жуткий свет
на трупы прежних хозяев города.
Обжарен огнем и гневом,
от свернувшейся крови Пирр разбух.[13]
Как два рубина, глаза безжалостного Пирра —
они повсюду ищут царя Приама.
— Прошу, продолжайте.
Полоний

Ей-богу, милорд, хорошо прочитано —
отчетливо и с выражением.

Первый актер

И Пирр его находит —
Приам пытается достать до греков
слишком тяжелым для него мечом.
Меч выпадает из рук старца.
Пирр бросается к Приаму,
в ярости замахиваясь клинком.
От одного движенья воздуха царь падает без сил.
Тут, словно от того же дуновенья,
обрушилась горящая стена,
и страшный грохот заставил Пирра замереть.
Меч, опускавшийся на голову Приама,
казалось, вязнет в воздухе.
Словно изображенье жестокого тирана,
Пирр застывает, позабыв о своей злобе.
Часто перед бурей бывает так же тихо в небесах,
стоят, не шелохнувшись, тучи, успокаиваются ветры,
и молчалива, словно смерть, земля.
И вдруг округу раскалывает гром.
Так жажда мести после паузы
выводит Пирра из оцепененья.

И яростней, чем молоты Циклопов,
что на века выковали доспехи Марсу,[14]
безжалостный меч Пирра опустился на Приама.
Боги, взашей гоните эту шлюху Фортуну,
лишите ее сил, сломайте обода и спицы в ее колесах,
а ступицы пусть катятся с холмов небесных к дьяволу.

Полоний

Слишком длинно.

Гамлет

Скажешь это цирюльнику о своей бороде.[15]
— Прошу, продолжай.
Он любит, чтоб ему сплясали
или рассказали что-то непристойное,
иначе он засыпает. Продолжи, перейди к Гекубе.

Первый актер

А тот бы, кто царицу увидал в тряпье[16]…

Гамлет

Царицу в тряпье?

Полоний

Это здорово сказано: «царица в тряпье». Это свежо.

Первый актер

…что мечется, босая, от слез слепая, заливая ими пламя,
в разодранном платке вместо короны.
Худые от частых родов чресла вместо платья
прикрыла простыней, схватив в испуге первое,
что было под рукой — кто увидал бы это,
тот, брызгая змеиным ядом изо рта,
навеки про́клял бы изменницу Фортуну.
И если только боги способны замечать дела земные,
то вид Гекубы, у которой на глазах
Пирр, забавляясь, рубил на части тело ее мужа,
истошный крик царицы,
и в них бы вызвал состраданье,
и увлажнил палящие глаза небес.

Полоний

Смотрите, он весь побелел, и слезы на глазах.
— Милорд, давайте прекратим.

Гамлет

Хорошо, достаточно. Сделаем перерыв.
Распорядитесь, чтоб об актерах позаботились.
Обходитесь с ними уважительно:
они — сжатая летопись эпохи.
Для вашей посмертной славы
не так страшна дурная надпись на могиле,
как приговор, что они вынесут вам при жизни.

Полоний

Все будет сделано согласно их заслугам.

Гамлет

Ни в коем случае — надо гораздо лучше.

Если все получат по заслугам, никто не избежит кнута.

Примите их согласно собственным понятиям о чести и достоинстве.

Чем меньше их заслуги, тем ценнее ваша щедрость.

Устройте их.

Полоний

Идемте, господа.

Гамлет

Идите за ним, друзья. Завтра сыграем спектакль.

Полоний уходит. За ним все актеры, кроме первого.

Друг мой, а можете вы сыграть «Убийство Гонзаго»?

Первый актер

Да, милорд.

Гамлет

Тогда завтра вечером.

Вдобавок надо выучить двенадцать или шест-

надцать строк,
которые я вам напишу, и вставить в пьесу.

Первый актер

Конечно, милорд.

Гамлет

Отлично. Теперь ступайте за этим вельможей,
только чур его не передразнивать.

(Первый актер уходит)

Друзья, простимся до вечера. Чувствуйте себя как дома.

Розенкранц

Спасибо, принц.

Гамлет

Храни вас бог.

(Розенкранц и Гильденстерн уходят)

Ну, вот я и наедине с самим собой.
Я жалкий выродок!
Ну разве не абсурд, что этот вот актер
пригрезившейся страстью, выдумкой
так всколыхнул свой дух,
что просто побелел от напряженья.
Слезы потекли из глаз.
Безумный вид, срывающийся голос —
все отвечает придуманному образу.

Все из-за вымысла. Из-за Гекубы?

Кто для него Гекуба? Кто он Гекубе, чтобы слезы лить?

А что бы с ним случилось,

будь у него такой же лейтмотив, такой рефрен, как у меня?

Он утопил бы сцену в слезах, вонзился в уши зрителю,

с ума свел тех, кто чувствует за собой вину,

заставил ужаснуться тех, кто не замешан в преступленье,

всех изумил, имеющих глаза и уши.

А я, я — лицемер с унылой, мутною душой,

пустой мечтатель, отлынивающий от дела лодырь.

В защиту короля,

у которого предательски отняли жизнь и власть,

я слова не сказал. Значит, я трус?

Вы можете назвать меня мерзавцем,

вышибить мне мозги,

и, вырвав у меня полбороды, швырнуть в лицо.

Подергайте меня за нос,

ложь вбейте мне обратно в глотку до самых легких.

Ну, кто смелый? Я не буду сопротивляться.
Ведь в моей груди заячье сердце.
И даже желчи мне не хватит,
чтоб оскорбленье стало горьким.
Иначе бы уже давно, как падаль,
окрестные стервятники клевали труп негодяя.
Бессовестный предатель, распутник, негодяй, мерзавец.
Я отомщу!
Ну разве не смешно, что сын,
которого и небеса, и преисподняя
торопят отомстить за смерть любимого отца,
как шлюха, речами распаляет страсть
и лишь бранится, как прислуга!
Стыдно! Стыдно!
Пора бы мыслям на другой лечь курс.[17]
Я слышал, что не раз подозреваемые в преступленье
в театре были так поражены
коварным текстом, хитрой сценой,
что тут же сознавались. Я в это верю.
Убийство, хоть у него нет языка,
расскажет о себе идущим свыше голосом.
Завтра с помощью актеров
для дяди я разыграю пьесу об убийстве,
похожем на убийство моего отца.

Я буду пристально следить за дядей.
И если он в испуге отшатнется, значит, он попался.
Вдруг Дух, которого я видел —
это дьявол, что принял манящий образ,
чтоб заразить мне душу бессильною тоской
и погубить ее?
Нет, мне нужны улики понадежней.
Ну что ж, актер сыграет завтра роль,
и это — тот силок, в который угодит король.

Действие 3
Сцена 1

Зал в замке.
Входят Король, Королева, Полоний, Офелия, Розенкранц и Гильденстерн.

Король
Так удалось ли исподволь вам выведать,
из-за чего он как помешанный
или опасный, бешеный лунатик
со скрежетом раздирает тишину
своей благополучной жизни?[1]

Розенкранц
Он нам признался, что выбит из колеи,
но почему — упорно не желает отвечать.

Гильденстерн
Он не дает себя прощупать,
с коварством безумца уходя
от разговоров о своем душевном состояньи.

Королева
Как он вас встретил?

Розенкранц
Очень вежливо.

Гильденстерн

Но очень напряженно.

Розенкранц

Спрашивал скупо, но отвечал охотно.

Королева

Вы пробовали его развлечь?

Розенкранц

Ваше величество, по дороге в замок мы обогнали актеров.

Когда мы рассказали об этом Гамлету,
он, кажется, повеселел.

Актеры уже здесь и вечером покажут представленье.

Полоний

Так оно и есть.

Он просил меня пригласить ваши величества,
чтоб вы послушали и посмотрели пьесу.

Король

С радостью. Я доволен его поведением.
Старайтесь поддерживать в нем
тягу к развлеченьям.

Розенкранц

Конечно, государь.

Розенкранц и Гильденстерн уходят

Король

Гертруда, милая, ступай и ты.

Мы только что послали за Гамлетом, чтоб он,
как будто невзначай, здесь встретился с Офелией.
А мы с Полонием, как два соглядатая,
на законных основаньях,
следа не оставляя, проследим за встречей[2]
и выясним по поведенью принца —
из-за любви он болен или по другой причине.

Королева

Я ухожу. А тебе, Офелия, желаю, чтоб твоя красота
была единственной причиной его безумья.
Чтоб чистота твоей души вернула нам прежнего Гамлета
в награду для вас обоих.

Офелия

О, если б я смогла.

Королева уходит

Полоний

Офелия, прогуливайся здесь.
— Ваше величество,
пожалуйте сюда.

(Офелии)

Сделай вид, что читаешь.

Это подчеркнет твое одиночество.
Мы все этому подвержены —
вид праведника и благочестивые манеры
и дьявола сделают слаще сахара.[3]

Король

К сожалению, вы правы.

(в сторону)

Словно стегнул мою совесть по больному месту!
Не так отвратительна под румянами
щербатая щека шлюхи,
как мой поступок под слоями красивых слов.
Если б сбросить эту тяжесть!

Полоний

Я слышу его шаги. Уходим.

Король и Полоний уходят.
Входит Гамлет.

Гамлет

Жить или нет — так вот он, выбор.[4]
Что честней — смириться со свирепыми ударами судьбы,
а может, сразившись с морем бед, их прекратить?
Да, умереть — заснуть — и больше ничего.

Заснув, мы обрываем страдания души,
мы избавляемся от сотен пыток,
доставшихся в наследство вместе с телом.
Да, умереть, заснуть, быть может, видеть сны…
Вот где загвоздка![5]
Когда мы ускользнем от суматохи жизни,
что нам привидится в сне смерти?
Вот отчего мы медлим.
Вот отчего стараемся продлить свои мученья.
А то бы кто сносил насмешки и побои времени?
Кто бы терпел несправедливый гнет,
боль отвергнутой любви,
наглость чиновников, невыполнение закона,
издевательства зазнаек,
презренье вместо признания заслуг —
ведь можно подвести итог одним ударом стали?
Ну, кто б, кряхтя, весь в мыле, волок такой багаж?
Страх перед неизвестностью, перед неведомой страной,
откуда ни один не возвратился, парализует волю,
заставляет терпеть привычное нам зло
и не спешить на поиск незнакомого.

Нас в трусов превращают рассужденья,
природный румянец отваги
сменяет гипсовая бледность размышлений.
Вот отчего мы упускаем момент,
в который можно сделать ход в большой игре.
Мы не способны на поступки!..
Я что-то разошелся.
— Офелия, ты прелесть![6] В твои б молитвы все мои грехи.

Офелия

Принц, как вы себя чувствуете?

Гамлет

Благодарю вас: хо-ро-шо.

Офелия

Принц, я давно хотела
отдать вам все, что вы дарили.
Прошу, возьмите.

Гамлет

Но это не мое.
Я ничего вам не дарил.

Офелия

Дарили, я хорошо это помню.
И вдобавок сладко дышащие слова,
от которых подарки делались дороже.
Теперь их аромат выветрился.
Подарки теряют цену

когда ты стал не мил
тому, кто их тебе дарил.
Возьмите все обратно, принц.
Гамлет
Хм… А скажите — вы девушка честная?
Офелия
Что, ваша светлость?
Гамлет
Вы девушка красивая?
Офелия
Не понимаю вас.
Гамлет
Когда б вы были честной и красивой,
то вашей честности следовало бы
поостеречься вашей красоты.
Офелия
Разве честность не лучшая подруга красоте?
Гамлет
О, в самом деле! Да только красота быстрей сделает
из честности шлюху, чем честность
чему-нибудь научит красоту.
В старину в этом сомневались,
но сейчас это экспериментальный факт.
Когда-то я вас действительно любил.
Офелия

Вы действительно заставили меня в это поверить.

Гамлет

Не стоит верить.

Не сумели еще привить добродетель к нашему сорту,

чтоб можно было почувствовать ее аромат.[7]

Я вас не любил.

Офелия

Значит, я обманывалась.

Гамлет

Отправляйся-ка в монастырь.

Ни к чему тебе заниматься разведением грешников.

Я относительно честен,

но сам себе могу признаться в таком,

что лучше бы моей матери не рожать меня на свет:

я крайне горд, мстителен, заносчив,

я способен к стольким прегрешениям,

что не для всех даже знаю названия,

у меня не хватит воображения все их представить,

не хватит жизни все их совершить.

К чему парням, вроде меня, изображать из себя овечек?

Все мы отъявленные мошенники, верить нельзя никому.

Ступай в монастырь.

Счастливо оставаться.

Где твой отец?

Офелия

Дома, милорд.

Гамлет

Держите его под замком,
пусть валяет дурака за закрытыми дверями.[8]

Офелия

Господи, помоги ему.

Гамлет

Если решишь выйти замуж,
вот от меня в приданое заклятье:
будь целомудренна, как лед, чиста, как снег,
но не избегнуть тебе клеветы и наговоров.
Отправляйся в монастырь, счастливого пути.
Если уж замуж невтерпеж, выходи за дурака.
Умные-то знают, каких уродов вы делаете из мужей.

В монастырь и немедленно. Счастливого пути.

Офелия

Господи, исцели его.

Гамлет

Не сомневайтесь, знаю, как вы себя приукра-

шиваете.

Господь дал вам лицо, а вы рисуете себе другое:

прихорашиваетесь, порхаете, лепечете, ломаете комедию,

выдаете беспутство за неискушенность.

Отправляйтесь, а с меня довольно, я сойду от этого с ума.

Пора прекратить эти женитьбы, те, кто уже женился,

за исключением одного, пусть доживают в браке,

но остальным — ни в коем случае.

Отправляйтесь в монастырь.

Уходит

Офелия

Какой высокий ум лежит в развалинах!

Надежда на справедливость в Дании,

воплощенье перемен и форма для их отливки,

и для всех глаз ориентир.[9]

Политик, философ, воин.[10]

Глаза, язык и меч.

Все, все в руинах.

Я самая несчастная из всех невест —

как сладко звучала музыка его обетов,

а теперь его царский ум дал трещину,
как будто свадебные колокола
сбиваются, фальшивят, дребезжат.
И юности прекрасные черты
как горько исказило исступленье.
О, если б сердце позабыло
то, что когда-то так любило!

Возвращаются Король и Полоний

Король
Любовь? Не в ней причина его мании.
И речи Гамлета, хоть им и не хватает связности,
совсем не бред.
Тоска высиживает что-то в его душе,
и вылупится опасный выводок птенцов.
Чтобы предотвратить угрозу, нужно действовать немедля.
Мы посылаем его в Англию за невыплаченной данью.
Вдруг незнакомые моря и вымоют
то, что засело в его сердце,
то, что бьется в его мозгу,
то, что его так изменило. Что скажешь?
Полоний
Это, скорей всего, поможет. Но все же я уверен

—
источник, откуда бьет его тоска,
зовется отвергнутой любовью.[11]
Офелия, можешь ничего не говорить — мы все слышали.
Милорд, все в вашей воле.
Но следовало бы, чтоб после представленья
с ним наедине поговорила королева
и упросила открыть свою печаль.
Пусть вызовет его на откровенность.
А я, с вашего разрешенья, приставлю ухо к их беседе.
Если мать ничего не добьется — сошлите его в Англию
или изолируйте, как сочтете нужным.
Король
Чтоб все устроилось, мы Господа помолим.
Его безумие должно быть под контролем.

Сцена 2

Зал в замке. Входят Гамлет и два или три актера.
Гамлет
Произносите текст, как я его вам прочел, без нажима,

не надо декламации, как это бывает сплошь и рядом.

Тогда я лучше дам его читать глашатаю.

Не надо размахивать руками, все должно быть в меру.

Внутри вихря, смерча, урагана страстей

отыщите спокойствие, которое все уравновесит.[1]

Меня коробит, когда разбитной парень

в нахлобученном парике

изображает страсть так, что пыль стоит столбом,

чтоб только докричаться до галерки,

которая, как правило, не воспринимает ничего,

кроме бессмысленных акробатических

и музыкальных номеров.

Я дал бы ему плетей,

чтоб он не старался быть страшнее Ирода.

Прошу вас, избегайте этого.

Первый актер

Ручаюсь вам.

Гамлет

Но не играйте слишком пресно. Положитесь на интуицию,

соедините слово и движение.

А главное — ведите себя естественно.
Ведь смысл актерского искусства —
отразить природу человека.
Чтобы достойный славы и достойный презрения
увидели себя.
Чтоб запечатлеть все приметы времени.
Если же перестараться или, наоборот, бубнить и мямлить,
то это, может, и повеселит невежду,
но тот, кто разбирается в театре, загрустит.
А для вас должно быть главным его мнение,
пусть вся остальная публика с ним будет не согласна.
Много я видал актеров — некоторые их высоко ценили —
что не умели ни говорить, ни двигаться по-христиански,
да и по-нехристиански тоже,
словом, прости господи, не могли по-человечески,
а только надувались и ревели так,
будто их пародией на человека халтурно смастерил
природой нанятый батрак.

Первый актер

Мы эти вещи извели под корень.

Гамлет

Советую и корень выкопать.

А клоуны пусть помалкивают, когда для них нет реплик,

а то взяли моду хохотать ни к селу, ни к городу,

только бы рассмешить бестолкового зрителя.

А в это время незамеченным пройдет

ключевое место пьесы.

Это так провинциально и выставляет дураком того,

кто пользуется подобными приемами.

Идите и будьте наготове.

(Актеры уходят.

Входят Полоний, Розенкранц и Гильденстерн)

Что скажете, милорд?

Король согласился посмотреть этот шедевр?

Полоний

Да, и королева тоже. Они уже идут.

Гамлет

Тогда поторопите актеров.

(Полоний уходит)

Пожалуйста, пойдите тоже их поторопите.

Розенкранц и Гильденстерн
Конечно, милорд.

Уходят

Гамлет
Горацио, ты здесь?

Входит Горацио

Горацио
К вашим услугам, милорд.
Гамлет
Горацио, ты именно тот,
с кем я всегда готов поговорить.
Горацио
Что вы, милорд…
Гамлет
Это не комплимент, Горацио.
Поскольку я не рассчитываю,
что ты однажды преуспеешь.
Нет, весь доход тебе приносит оптимизм —
и кормит он тебя, и одевает.
А беднякам не льстят.
Вылизывают брюхатую раздувшуюся роскошь,
штырь ее ноги, как дверной петлей,
медовым языком обвив, в надежде,
что барышом она отелится.[2]

Как только моя душа сделалась
себе хозяйкой и научилась разбираться в людях,
она остановила свой выбор на тебе.
Ты не печалился в печалях, удары и награды судьбы
встречая с равной благодарностью.
Счастлив тот, в ком страстность и трезвый ум
так сочетаются, как у тебя.[3]
И на тебе Фортуна не сыграет, как на флейте,
нажав на нужный клапан, чтоб вызвать нужный звук.
Если б еще такой нашелся человек —
не прислуга своим желаниям —
я, как тебя, его бы принял в сердцевину сердца.
Но достаточно об этом.
Сегодня мы играем пьесу для короля.
В ней одна сцена изображает
обстоятельства смерти моего отца.
Прошу тебя, как только начнется эта сцена,
следи за дядей всеми фибрами души.
И если его затаенная вина не высунется из норы,[4]
значит, к нам приходил злой дух,
и предположения мои грязны,
как наковальня у Вулкана.[5]

Внимательно за ним следи,
я тоже вопьюсь глазами ему в лицо.
Потом соединим увиденное и вынесем приговор.

Горацио

Хорошо, милорд.
Если он хоть что-нибудь припрячет,
и недостача обнаружится,
то за нее я расплачусь.

Гамлет

Они идут.
Никто не должен догадаться, что у меня на уме[6].
Сядь где-нибудь в сторонке.

Фанфары. Входят Король, Королева, Полоний, Офелия, Розенкранц, Гильденстерн и другие вельможи. Стража вносит факелы.

Король

Ну, как дела, племянник Гамлет?
Надеюсь, твое настроение пошло на поправку?

Гамлет

Да, поправляюсь.
Как каплуна, меня закармливают надеждами[7].
А ведь надежды — лучшая еда для хамелеона.

Король

Будем считать, я ничего не слышал.
Меня эти слова не касаются.

Гамлет

Меня теперь тоже.

(Полонию)

Вы, кажется, во время учебы в университете играли в спектаклях?

Полоний

Это правда. Я считался неплохим актером.

Гамлет

Кого же вы изображали?

Полоний

Я играл Юлия Цезаря.
Брут убивал меня на Капитолийском холме.

Гамлет

Довольно брутально с его стороны
прирезать такого капитального барана.
— Актеры готовы?

Розенкранц

Да, не заставят ждать.

Королева

Гамлет, милый, сядь со мной.

Гамлет

Для меня тут есть рудная жила и позаманчивей[8].

Полоний

(Королю)

Ага! Заметили?

Гамлет

Можно к вам между коленей?

Ложится у ног Офелии

Офелия

Нет, милорд.

Гамлет

Я имел в виду, голову к вам на колени.

Офелия

Да, милорд.

Гамлет

А вы заподозрили что-то неприличное?

Офелия

Я ничего не заподозрила, милорд.

Гамлет

Подозреваю, это здорово — лежать у девушки между ног.

Офелия

Что, милорд?

Гамлет

Ничего.

Офелия

У вас хорошее настроение, милорд?

Гамлет

У меня?

Офелия

У вас.

Гамлет

Да, впору танцевать от радости.

Главная задача человека -

сохранять хорошее настроение.

Посмотрите, как оживленно выглядит моя мать,

а ведь всего два часа, как умер мой отец.

Офелия

Нет, два месяца и еще два месяца.

Гамлет

Как, целых два месяца?

Тогда пусть траур носит дьявол, а я выряжусь в соболя.

Боже! Уже два месяца, как умер, и о нем все еще помнят.

Если так пойдет дальше,

то память о каком-нибудь великом человеке

переживет его и на полгода.

Но все равно он должен выстроить церковь,

или потом пусть не жалуется, что позабыт.

Хотя и так забудут, как палку-скакалку

с эпитафией «О, палочка-скакалка, как жалко!»

Звучит мелодия гобоев. Начинается пантомима.

Входят Король и Королева. Они нежно обнимают друг друга. Она опускается перед ним на колени, жестами выражая свою преданность. Он подымает ее с колен и, положив голову ей на плечо, растягивается на траве среди цветов. Когда он засыпает, Королева уходит. Тотчас входит какой-то человек, снимает с Короля корону, целует ее, вливает яд Королю в ухо и уходит. Возвращается Королева. Увидев, что Король мертв, жестами демонстрирует отчаянье. В сопровождении нескольких статистов возвращается Отравитель и наблюдает за плачущей Королевой. Труп уносят. Отравитель прельщает Королеву подарками. Некоторое время она отказывается, но потом, неохотно на вид, принимает его любовь.

Актеры уходят

Офелия
Что все это означает, милорд?
Гамлет
Трусливо подкравшееся зло.
Офелия

Наверно, это краткое содержание пьесы.

Входит Пролог

Гамлет
Сейчас этот парень все расскажет.
Актеры не в силах промолчать.
Они все выбалтывают.
Офелия
Он расскажет, в чем смысл показанной сцены?
Гамлет
И в чем смысл всего, что вы ему покажете.
Не отказывайте и не стесняйтесь показать,
и он не постесняется вам рассказать, в чем суть.
Офелия
Это не умно, милорд. Не мешайте смотреть.
Пролог
Мы начинаем представление,
чтобы развлечь вас и растрогать.
И просим со смирением —
нас не судите строго.

Уходит

Гамлет
Это не пролог, а надпись на кольце.
Офелия

Да, надпись коротка.

Гамлет

Как женская любовь.

Король-актер

Уж тридцать полных раз, о ангел мой,
на колеснице Феб объехал шар земной,
и тридцать дюжин раз, мой друг,
над нами гас и разгорался лунный круг
с тех самых пор, как в светлый час
любовь и Гименей соединили нас.

Королева-актриса

Пусть солнце и луна пройдут такой же путь,
друг к другу будет нас по-прежнему тянуть.
И в сердце еще столько нежных слов.
Но ты, мой друг, устал и нездоров.
Я так тревожусь о тебе, но пусть
тебя не огорчает моя грусть.
Ведь женщина любая что есть силы
и любит и тревожится о милом.
А коль расстанется со страхами своими,
то и любовь уходит вместе с ними.
Любовь моя к тебе нежна, верна,
поэтому тревога так сильна.

Король-актер

Любовь моя, настал наш час разлуки,
уходят силы и слабеют руки.

И новый муж, второй по счету,
тебя согреет лаской и заботой…

Королева-актриса

Не говори о новом муже:
повторный брак — убийства хуже.
Коль женщина второй раз под венец идет,
причина тут не чувство, а расчет.
И мужа первого я убиваю вновь,
когда второму я дарю любовь.

Гамлет

(в сторону)

Что, как полынь? Не по вкусу?

Король-актер

Я верю. Только то, что мы решаем,
потом мы часто сами нарушаем.
Намеренье — лишь нашего ума слуга:
хоть крепким родилось, да жизнь порою недолга.
И угрызенья наши недолги —
самим себе прощаем мы долги.
В нас дышит страсть, и мы даем обет.
Но страсть уходит — и обет ей вслед.
И чувства бурные — и радости, и горя
самих себя перемогают вскоре.
Где звонче радость, там печаль слышнее —

смеется грусть и плачет смех над нею.
Здесь все на время: вновь и вновь
жизнь изменяется — сменяется любовь.
И кто ответит нам с тобой —
судьба рулит любовью или любовь судьбой?
Нам выпадает счастье иль несчастье,
мы начинаем, завершение не в нашей власти.
Не хочешь ты идти второй раз под венец,
но я умру, и нежеланию конец.

Королева-актриса

Пускай я не найду тепла и крова,
покоя и приветливого слова,
пусть проведу остаток дней во тьме,
во мраке, на цепи в тюрьме,
удача превратится пусть в беду,
коль, овдовев, я замуж вновь пойду!

Гамлет

Наверняка сразу выскочит замуж.

Король-актер

Да, клятва крепкая.
Я утомлен тяжелым днем
и попытаюсь освежиться сном.
Иди, родная.

Засыпает

Королева-актриса

Усни, мой милый. Никогда
пусть не настигнет нас беда.

Уходит

Гамлет
Ваше величество, ну как вам пьеса?
Королева
По-моему, эта леди слишком много на себя берет.
Гамлет
Она сдержит слово.
Король
Ты знаешь сюжет? В нем нет ничего оскорбительного?
Гамлет
Это все шуточки — шуточное отравление,
совсем ничего оскорбительного.
Король
Как, говоришь, называется пьеса?
Гамлет
«Мышеловка». Но тут есть скрытый смысл.
Пьеса повествует об убийстве в Вене
герцога по имени Гонзаго.
А жена его — Баптиста. Сейчас вы сами все увидите.
Это плутовская пьеса. Но нам-то что?

Наша совесть чиста. С нас, как с гуся вода.

(Входит Луциан)

Это Луциан, племянник короля.

Офелия

Из вас получился отличный хор —
все комментирует, как в старой пьесе.

Гамлет

Хотите растолкую все о вас и вашей любви?
Ведь это тоже игры двух марионеток.

Офелия

Вы можете быть колким.

Гамлет

Вам пришлось бы попыхтеть,
чтоб затупить мое острие.

Офелия

Вам явно лучше: как бодро и пошло.

Гамлет

По этим качествам и выбирайте мужа.[9]

— Ну, начинай, убийца.

Прекращай кривляться, ублюдок, берись за дело.

Давай!

Словно каркающий ворон, с небес спустилась месть.

Луциан

Он спит. Не будет случая другого:
и замыслы черны, и снадобье готово
из трав, что в полночь собраны. Заклято
оно тройным заклятием Гекаты.
Самой природы волшебство
жизнь пусть отнимет у него.

Льет яд в ухо спящему

Гамлет

Отравил в саду, чтоб заполучить владения.
Герцога звали Гонзаго.
Сама история дошла до наших времен на итальянском.
Сейчас вы увидите, как убийца добьется любви вдовы.

Офелия

Король подымается!

Гамлет

Ага, всполошился от холостого выстрела.

Королева

Что случилось, мой король?

Полоний

Прекратить представление!

Король

Осветите дорогу.
— Прочь отсюда!

Все
Принесите свет, принесите свет!

Все, кроме Гамлета и Горацио, уходят

Гамлет
«Теряет кровь подстреленный олень,
олень нетронутый резвится рядом.
Кто спит, а кто на страже ночь и день.
Таков порядок».
А что если Фортуна повернется ко мне задом —
с таким вот текстом, с перьями на голове,
с красными розами на стоптанных башмаках,
разве не сыщется мне место в актерской своре?
Горацио
На пол оклада.
Гамлет
Ну, нет. На полный.
«Совсем недавно, Дамон мой,
второй Юпитер управлял страной.
Ну а теперь на трон зашел
прямой ка…плун».
Горацио
Можно зарифмовать и поточнее.
Гамлет
Гораций, каждое слово призрака стоит тысячу фунтов.

Ты уловил?

Горацио

Еще бы, принц.

Гамлет

Когда заговорили о яде?

Горацио

Да, все стало ясно.

Гамлет

Тогда дай отбой актерам и музыкантам.

Ведь раз в комедии себя король наш не признает,

то пьеса ни к чему ему такая[10].

Сходи к актерам.

Возвращаются Розенкранц и Гильденстерн

Гильденстерн

Милорд, разрешите сказать вам два слова.

Гамлет

Сэр, хоть целую повесть.

Гильденстерн

Король…

Гамлет

В самом деле, а что с ним?

Гильденстерн

Он удалился в крайнем расстройстве.

Гамлет

От вина?

Гильденстерн

Нет, скорее разлилась желчь.

Гамлет

Вы бы верней продемонстрировали свою смекалку,
если б доложили об этом доктору.
Если клизму королю поставлю я,
боюсь, желчь разольется еще больше.

Гильденстерн

Милорд, будьте сдержанней в выраженьях.
И не шарахайтесь, как дикий зверь, от моего заданья.

Гамлет

Я буду, как ручной[11]. Говорите.

Гильденстерн

Королева, ваша мать, сокрушаясь сердцем,
послала меня к вам.

Гамлет

О, добро пожаловать.

Гильденстерн

Милорд, ваши любезные слова
здесь немного не к месту.
Если вы дадите мне ясный ответ —
значит, я выполню распоряжение вашей матери,

если нет — с вашего позволения
я все равно возвращусь к ней.

Гамлет

Сэр, я не в состоянии.

Гильденстерн

Что не в состоянии, милорд?

Гамлет

Дать вам ясный ответ, так как рассудок мой помрачен.

Но с тем ответом, что я дам, вы можете делать все,
что вам угодно, вернее,
он поступает в полное распоряжение моей матери.

Итак, к делу. Вы говорите, моя мать....

Розенкранц

Ваша мать просила передать:
ваше поведение повергло ее в изумление.

Гамлет

Редкий сын способен изумить свою мать.

Но ничего там не крадется следом за этим изумленьем? А?

Розенкранц

Она хотела бы поговорить с вами
у себя в комнате перед сном.

Гамлет

Я повинуюсь,
как если бы она десять раз была мне матерью.
Еще какое-нибудь дело ко мне?

Розенкранц

Милорд, когда-то вы меня любили.

Гамлет

И сейчас люблю.

(Подымает руки ладонями вверх)

Клянусь вот этими карманниками и побирушками.

Розенкранц

Милорд, скажите, в чем причина вашего недуга?
Скрывая от друзей свои горести,
вы закрываете на засов дверь к выздоровленью.

Гамлет

Меня ничего не ждет впереди.

Розенкранц

Что вы такое говорите, принц?
Сам король назвал вас наследником престола.

Гамлет

«Пока солнце встанет...» —
хоть поговорка и слегка обветшала.

(Возвращаются актеры с флейтами)

— А, флейты. Дайте-ка мне одну.

(Берет флейту)

— Между нами, вы делаете вид,
что хотите вдохнуть в меня здоровье,
а это ветер, который сносит на скалы.[12]

Гильденстерн

Возможно, моя преданность слишком настырна,
а любовь слишком откровенна.

Гамлет

Для меня это слишком сложно. Не сыграете ли на флейте?

Гильденстерн

Я не умею.

Гамлет

Прошу вас.

Гильденстерн

Я, в самом деле, не умею.

Гамлет

Очень вас прошу.

Гильденстерн

Я никогда ее в руках не держал.

Гамлет

Не трудней, чем лгать.
Жмите пальцами на клапаны, дуйте в это от-

верстие,
и раздастся проникновенная музыка.
Глядите, вот клапаны.

Гильденстерн

Боюсь, гармонии не получится. Нужно умение.

Гамлет

А что же вы тогда хотите играть на мне?
Думаете, изучили все мои клапаны?
Хотите душу мне вывернуть наизнанку?
Пройтись от нижних нот до верхнего регистра?
Вот в этом миниатюрном органе
заключено столько музыки,
у него прекрасный голос, но вам его не разговорить.
Черт возьми, почему вы решили,
что на мне сыграть легче, чем на дудке?
Каким бы инструментом я вам ни казался —
вы сможете меня расстроить,
но сыграть на мне не получится.

(Возвращается Полоний)

Храни вас бог, сэр!

Полоний

Милорд, королева желает немедленно с вами переговорить.

Гамлет
А вам не кажется, что вон то облако похоже на верблюда?
Полоний
Ей-богу, вылитый верблюд.
Гамлет
Нет, скорее оно напоминает хорька.
Полоний
Да, с той стороны совсем, как хорек.
Гамлет
Или как кит.
Полоний
Да, точь-в-точь кит.
Гамлет
Сейчас иду!

(в сторону)

Все так и норовят меня одурачить.
Сейчас иду!
Полоний
Я так и передам.

Уходит

Гамлет
Легко сказать «сейчас иду».
— Друзья, прощайте.

(Все, кроме Гамлета, уходят)

Наступает дьявольский час ночи,
когда зияют могилы на погостах
и дышит пагубой на мир сам Сатана.
Сейчас я б смог напиться горячей крови
и сделать горькое мучительное дело,
такое, что содрогнется светлый день.
Спокойней! Ведь я иду на встречу с матерью —
человеческим останься, сердце.
Пусть в эту каменную грудь
не вселится душа Нерона.
Да, проявить жестокость, но не извращенность.
Словами ранить, как кинжалом. Но не кинжалом.
Пусть лицемерят в этот раз слова.
И ранят пусть они, острей ножа,
но правдой обернуться им не дай, душа!

Уходит

Сцена 3

Зал в замке.
Входят Король, Розенкранц, Гильденстерн.
Король

Он мне неприятен.
Опасно,
чтоб он бродил тут со своим безумьем.[1]
Поэтому готовьтесь немедленно
плыть вместе с Гамлетом в Англию.
Интересы государства не позволяют пренебрегать тем,
чем в любой момент может обернуться его болезнь.

Гильденстерн

Мы будем наготове.
Наш священный долг —
обезопасить множество людей,
что живут лишь благодаря вашей милости.

Розенкранц

Задача каждого — всеми силами ума
оберегать себя от неприятностей.
Но особенно должна себя хранить персона,
от благоденствия которой зависят жизни многих.
Кончина короля, как водоворот,
утянет за собой всех, кто был рядом.
Король — словно тяжелый маховик,
стоящий на вершине большой горы,
с которым зубцами скреплены
десятки тысяч мелких механизмов.

Если с горы сорвется маховик,
то вдребезги разнесет все эти мелкие придатки.[2]
Таков король — слегка вздохнет лишь он,
со всех сторон тотчас раздастся стон.

Король

Итак, настройтесь на немедленное отплытие.
Нужно надеть кандалы на эту угрозу,
что пока гуляет на воле.

Розенкранц, Гильденстерн

Все сделаем без проволочек.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.
Входит Полоний.

Полоний

Милорд, он идет в покои королевы.
Я спрячусь за шпалерой, чтобы следить за ходом дела.
Уверен, мать вразумит его.
Но, как вы мудро заметили, необходимо, чтоб еще кто-то,
менее пристрастный, чем мать, подслушал их разговор.
Итак, сейчас я откланяюсь, а перед вашим отходом ко сну
зайду все рассказать.

Король
Благодарю вас, милорд.

(Полоний уходит)

Как гнусно мое злодейство.
Вонь от него слышна на небесах.
Грех древний изначальный на мне —
убийство брата. Я одного хочу —
вымолить себе прощенье. И не могу молиться.
Чувство вины мешает.
Точно тот, над кем висят два дела,
все медлит и не знает, за какое ему приняться.
Но если б даже эта окаянная рука
и стала вдвое толще от засохшей крови брата,
то разве неба сладкие дожди ее бы не отмыли добела?[3]
Ведь для того и существуют прощение и милосердье,
чтоб заглянуть в глаза своим злодействам.
И у молитвы двойная сила —
беречь от гибели и приносить прощенье.
Мне надо обратиться к небу.
Ведь в прошлом уже моя вина.
Но как молиться? «Прости мне грех убийства»?
Невозможно. Со мною все, из-за чего убил —
корона, власть и королева.

Ну как простить того, кто не отказывается от добычи?

В современном порочном мире

позолочённая рука злодейства отшвыривает правосудье,

кровавый заработок позволяет подкупить закон.

Но в небесах не так. Там все без подтасовок.

Оттуда истинная природа наших дел видна, как на ладони,

и там на очной ставке лбами и зубами

столкнут нас с нашими грехами.[4]

Так что мне делать? Что мне остается?

Лишь покаяние. Оно все может.

Но я, я не могу покаяться.

Я жалок. Смерть черная в моей груди.

Будто попала в известь негашеную душа,

и хочет вырваться, и глубже увязает.[5]

Спасите меня, ангелы! Хоть попытайтесь!

Преклонитесь, упрямые колени!

Стальные тросы сердца,

станьте мягкими, как жилки у младенца![6]

Тогда все будет хорошо.

Встает на колени.

Входит Гамлет.

Гамлет

Сейчас нетрудно это сделать — он молится.

Сейчас я отомщу. Стоп. Давайте разберемся.

Подонок убил отца, и за это

я отправляю этого подонка на небеса?

Это не месть, а устройство на выгодную должность.[7]

Ведь он застал отца врасплох,

под завязку набитого хлебом единым,

когда его грехи цвели, как буйный май.

Как приняли там у него отчет,

об этом знают только сами небеса.[8]

Но, судя по всему, дела отца неважны.

Так отомщу ли я, если сейчас душа Клавдия очистилась

и полностью готова к переходу? Нет.

Меч в ножны. Страшней должна быть месть.

Когда он заснет пьяным, или будет в ярости,

или станет наслаждаться кровосмешением в постели,

или за картами сидеть, или богохульствовать,

словом, когда не будет никакой зацепки

для спасения души, тогда и подсеку его,

чтоб только каблуки брыкнули небеса,

а черная душа отправилась бы в черный ад.[9]

Меня ждет мать.

— Но ты лишь за отсрочку благодарствуй:
я скоро пропишу тебе лекарство.

Уходит

Король

(вставая с колен)

Слова стремятся вверх, а помыслы вниз тянут,
без помыслов слова до неба не достанут.

Сцена 4

Покои королевы.
Входят Королева и Полоний.
Полоний
Он сейчас придет. Будьте с ним откровенны.
Скажите, что он играет с огнем,
и только вы служите ему ширмой от пламени.[1]
Я притаюсь вон там.
Прошу вас, говорите напрямую.
Гамлет

(за сценой)

Мама, мама.
Королева
Не волнуйтесь, я обещаю.

Прячьтесь, он уже идет.

Полоний прячется за шпалерой

Гамлет
Мама, в чем дело?
Королева
Ты глубоко обидел своего отца.
Гамлет
Мама, это ты глубоко обидела отца.
Королева
Не мели языком.
Гамлет
Не греши языком.
Королева
Что это значит, Гамлет?
Гамлет
А что вам надо?
Королева
Ты забываешься…
Гамлет
Клянусь, все помню.
Вы королева, вышедшая замуж за брата собственного мужа,
и, ничего тут не поделаешь, вы — моя мать.
Королева
Ну, с меня хватит. С тобой невозможно разго-

варивать.

Гамлет

А ну сядьте. И сидите смирно.
Я поднесу к вашему лицу зеркало,
чтоб вы рассмотрели в нем свое нутро.

Вынимает меч

Королева

Что ты делаешь? Ты хочешь меня убить?
На помощь! Помогите!

Полоний

(за шпалерой)

Сюда, на помощь!

Гамлет

А это что значит? Там крыса?
Бьюсь об заклад — она мертва.

Разрубает шпалеру

Полоний

(за шпалерой)

Зарезали!

Падает замертво[2]

Королева

Что ты наделал!

Гамлет

А что, там был король?

Королева

Какой ужасный опрометчивый поступок.

Гамлет

Не более ужасный, чем убийство короля
и свадьба с его братом.

Королева

Убийство короля?

Гамлет

Сударыня, вы не ослышались.

(Откидывает с трупа шпалеру и узнает Полония)

Несчастный, опрометчивый,
старательный дурак, прощай!
Я спутал тебя с твоим начальником. Это судьба.
Ты доказал, как иногда опасна тяга к знанью.
— Не стискивайте пальцами виски.
Сейчас я стисну вам сердце,
если, конечно, оно не покрылось бронзой,
чтоб ничего не чувствовать.

Королева

Что я такого сделала, что ты

себе позволил так распустить язык?

Гамлет

То, что вы сделали,

запятнало и благодать, и румянец застенчивости,

переименовало целомудрие в лицемерие,

превратило розы на лбу невесты в волдыри,

клятвы под венцом — в блеф карточного игрока,

сладкую молитву — в набор слов.

То, что вы сделали,

из грудѝ у брака вынимает душу.

Небо бросает в жар:

оно, как в Судный день,

застыло траурною маской,

в испуге глядя

на то, что вы сделали.

Королева

К кому относится сей громогласный перечень?

Гамлет

Глядите, вот два портрета —

несовершенные подобия двух братьев.

Светлое лицо, волосы, вьющиеся, как у Аполлона,

лоб Юпитера, властный, грозный взгляд бога войны,

осанка, как у вестника богов Меркурия,
что встал вдруг на скале, целующейся с небом.
Каждый бог дал ему свою черту,
чтоб миру подтвердить, каким задуман человек.
Это ваш прежний муж. А вот и нынешний —
как тлёй загаженный початок,
заразивший, сгубивший брата.
Где были ваши глаза?
Будто с горных лугов
вы спустились пастись на болото.
Где были ваши глаза?
Только не говорите, что это любовь —
в вашем возрасте этот звонкий гон в жилах
уже отловлен, приручен рассудком.
Но как рассудок мог сделать шаг от этого к вот этому?
Да нет, у вас есть чувства,
ведь без чувств движенье невозможно,
но только ваши чувства полупарализованы,
как будто с вами случился удар.
И сумасшедший так бы не ошибся,
и помутненные чувства
не просмотрели бы такую разницу.
Вы же не в жмурки играли.
Чувство слепо?

Да самая ничтожная частица больного чувства,
рассудок без глаз, слух без зрения и осязанья,
один только нюх, и то бы не были так неразборчивы.
Хотя бы покраснела от стыда!
Если уж в жилах у матроны пляшут черти,
то пылкой молодости как
свою добродетель не растопить, как воск?
Кто может осудить неугасимый жар,
когда мороз так живо греет и разум соблазнил желанье?

Королева

Гамлет, остановись!
Не заставляй меня заглядывать себе душу.
Там столько черных, въевшихся пятен.

Гамлет

Как можно в пропахшей потом, сальной постели,
в жару вонючем, в чаду зловонном, тухлом миловаться?

Королева

Гамлет, не надо. Твои слова вонзаются, как сталь.
Пожалуйста, милый Гамлет!

Гамлет

Убийца, подлец!
Не стоящий и сотой части отца. Подделка вместо короля.
Карманник, срезавший власть и державу,
стащивший втихаря корону.
Королева
Остановись.
Гамлет
На живую нитку пошитый из тряпья король!

(Входит Дух)

— Заступники небесные, укройте меня своими крыльями!
— Чего ты хочешь, милый сердцу образ?
Королева
Боже, он не в себе!
Гамлет
Ты пришел отругать нерадивого сына
за то, что он растратил время и решимость
и не выполнил твой жуткий приказ? Ответь!
Дух
Не забывай о нем. Я пришел, чтоб наточить
твою затупившуюся волю.
Но посмотри на мать.
Она оцепенела от бури, поднявшейся в душе.
Ведь чем слабее тело, тем сильней пережи-

ванья.

Укрой ее от этой бури. Заговори с ней, Гамлет.

Гамлет

С вами все в порядке?

Королева

А с тобой? Уставился в пустое место
и разговариваешь с воздухом.
Из глаз пугливо выглядывает душа,
и волосы — как по тревоге вскочившие солдаты —
ожившей мертвечиной[3]
торчком стоят на голове.
Сбрызни свою горячку холодом спокойствия.
На что ты смотришь?

Гамлет

Да на него! Как бледность его бросается в глаза!
Вид его и причина, по которой он появился тут,
и камни бы заставили зашевелиться.
— Не смотри так на меня.
Состраданье в твоих глазах смягчает мою решимость.
А у того, что я обязан сделать, цвет крови, а не слез.

Королева

Кому ты это говоришь?

Гамлет

Вы ничего вот там не видите?

Королева

Нет, ничего. А все, что есть, я вижу.

Гамлет

И ничего не слышите?

Королева

Только наши голоса.

Гамлет

Но посмотрите же туда! Он уже скрывается из виду.

Мой отец — такой, каким он был при жизни.

Он еще виден за порогом!

Дух уходит

Королева

Все это — твои выдумки.

Болезнь изобретательна в созданьи призраков.

Гамлет

Болезнь? Горячка?

Мой пульс бьется так же ровно, как ваш,

в такт музыке здоровья.

То, что я сказал — не бред.

Я в состоянии все слово в слово повторить,

а бред бы спасовал.

Мама, ради всего святого, не убеждайте себя,
что это говорит мой бред, а не ваш грех.
Не лечите душу мазью самодовольства.
Эта мазь лишь скроет болячку,
что исподволь разъест вам все внутри.
Не удобряйте сорняки навозом,
чтоб их облагородить.[4]
Покайтесь перед небесами:
раскаянье убережет от будущей беды.
Простите мою искренность — в наш разжиревший век
искренность и доброта
должны просить прощенья у порока,
обхаживать его и кланяться, чтоб он позволил себе помочь.

Королева

Гамлет, ты разрубил мне сердце пополам.

Гамлет

Отбросьте дурную половину,
оставьте ту, что лучше.
Доброй ночи, но не в постели с дядей.
Притворитесь добродетельной.
Привычка — монстр, что пожирает чувства,
но в данном случае она не дьявол — ангел:
нарядит вас в добрые дела, как в униформу,
или как в платьице к лицу.

Сегодня удержитесь,

и в следующий раз вам станет легче удержаться,
а после — еще легче.
Тренировка изменит врожденные черты,
с самим чёртом справится, отгонит с неожиданною силой.
Еще раз доброй ночи.
Когда попросите прощения у неба,
я сам к вам за прощением приду.
А что касается вот этого милорда,

(Показывает на Полония)

мне жаль. Но так уж было суждено —
он наказал меня, а я — его.
Я только исполнитель и орудье.
Но я готов ответить за эту смерть
и позабочусь о его приюте. Еще раз доброй ночи.
Я был жестоким из-за послушанья и любви.
Начало скверное, но худшее осталось позади.
Еще одно только слово.

Королева

Что же мне делать?

Гамлет

Раз так, забудьте то, о чем я вам твердил.
Пусть толстячок-король опять затянет вас в

постель,
ущипнет за щечку, игриво назовет кошечкой,
а вы за пару смрадных поцелуев,
за то, что его черные пальцы потреплют вас по шее,
расскажете ему, что сын ваш вовсе не безумен,
а лишь хитер безумно.
Ну кто, как не прекрасная, мудрая, добрая королева,
все растолкует этому жирному коту, жабе, летучей мыши?
Назло рассудку, словно обезьяна в басне,
залезьте-ка на крышу, выпустите в небо птиц из клетки,
заберитесь в клетку, желая тоже полететь,
свалитесь и сверните себе шею.

Королева

Не волнуйся. Если слова складываются из дыханья,
а дыханье — это жизненная сила, то мне не хватит сил,
чтоб выдохнуть все, что ты наговорил.[5]

Гамлет

Я должен плыть в Англию. Вы слышали об этом?

Королева

Боже, я забыла. Да, так решили.

Гамлет

И уже запечатали письмо.

Два моих школьных друга,

которым я доверяю, как клыкам гадюки,

везут инструкцию — им поручено расчистить мне дорогу,

сопровождая прямо в западню.

Что ж, в добрый путь.

Это потеха — подорвать минера его же миной.

Я свой подкоп пущу на сажень глубже

и взрывом их заброшу на луну.

Я погляжу невинными глазами,

как двое хитрецов столкнутся лбами.

А этот парень ускорит сборы в дорогу.

Сволоку-ка я эту требуху[6] в соседнюю комнату.

Спокойной ночи, мама.

А канцлер стал спокойней, сдержанней, важней,

а был тупой болтливый прохиндей.

— Ну, сэр, надо уж как-нибудь дотянуть до конца.

— Спокойной ночи, мама.

Расходятся. Гамлет волочит за собой Полония.[7]

Действие 4
Сцена 1

Зал в замке. Входят Король, Королева, Розенкранц и Гильденстерн.

Король

В чем причина этих тяжелых вздохов?
Переведите их на более понятный язык.
Где ваш сын?

Королева

На время оставьте нас одних.

(Розенкранц и Гильденстерн уходят)

Ох, милорд, я такое пережила!

Король

Что, Гертруда? Что сказал Гамлет?

Королева

Он обезумел, как ветер и морские волны,
что спорят, кто из них сильнее.
В припадке бешенства, услышав,
как что-то шевельнулось за шпалерой,
не видя, кто там, выхватил свой меч
и с криком «крыса, крыса»
убил беднягу канцлера[1].

Король

Ужасный поступок.
Он и со мной мог это сделать, окажись я там.
Он пользуется здесь полной свободой —
это опасно для меня, для вас, для всех.
А отвечать кому за эту кровь?
Ведь обвинят меня — моей обязанностью было
держать в ежовых рукавицах,
упрятав с глаз подальше, юного безумца.
Но чересчур сильна моя любовь
и вовремя я этого не сделал.
Так обладатель гнойной язвы, боясь огласки,
ей позволяет стать угрозою для жизни.
Где он сейчас?

Королева

Уволок куда-то жертву своего безумья,
что обнаружилось, как средь руды
крупица чистого металла.[2]
Он сокрушается о том, что сделал.

Король

Идем, Гертруда. Как только солнце коснется верхушек гор,
мы отправим Гамлета в плаванье.
А это отвратительное происшествие,
использовав все наше мастерство,
попробуем уладить.

— Эй, Гильденстерн!

(Возвращаются Розенкранц и Гильденстерн)

Друзья, понадобится ваша помощь.
Гамлет в безумье зарубил Полония,
куда-то утащив труп из покоев королевы.
Выясните, где Полоний,
но обращайтесь с Гамлетом вежливо.
Тело отнесите в часовню. Прошу вас, сделайте все быстро.

(Розенкранц и Гильденстерн уходят)

Пойдем, Гертруда, позовем опытных друзей,
расскажем им о том, что вышло так некстати.
Может, злая молва, чей шепоток способен,
как смертельное ядро, долететь и до другого края света,
промахнется и в нас не попадет.
Что сделано, того уж не вернешь назад —
в моей душе тревога и разлад.
Идем, Гертруда.

Сцена 2

Другой зал в замке.
Входит Гамлет.

Гамлет
Отгружен в лучшем виде.[1]
Розенкранц и Гильденстерн

(за сценой)

Гамлет! Милорд Гамлет!
Гамлет
Что за шум?
А, это вы.

Входят Розенкранц и Гильденстерн

Розенкранц
Милорд, скажите, где Полоний?
Гамлет
Добавлен в пыль и прах, который ему сродни.[2]
Розенкранц
Скажите, где он, чтоб мы могли его забрать
и отнести в часовню.
Гамлет
Не стоит надеяться.
Розенкранц
На что?
Гамлет
Что я раскрою свои замыслы, а не ваши.[3]
Да и к чему сыну короля
отвечать на расспросы морской губки?

Розенкранц

Вы считаете меня морской губкой?

Гамлет

Конечно. Губкой, что жадно всасывает

все идущее от короля: одобренье, награды, звания.

Но главная услуга, которую вы окажете королю — впереди.

Пока что он держит вас за щекой,

как обезьяна — орех, не торопясь проглотить.

Но как только ему понадобится то, что вы скопили —

он выжмет из вас все до капли.

Розенкранц

Я вас не понимаю, милорд.

Гамлет

Это хорошо.

Скользкие речи лучше всего прятать у дураков в ушах.[4]

Розенкранц

Милорд, вы обязаны сказать нам, где покойный,

и вместе с нами пойти к королю.

Гамлет

Он может быть покоен даже без покойника.

Король — ведь это только роль.

Гильденстерн
Роль, милорд?
Гамлет
Да, роль. А будет голый ноль.
Бежим к нему. Кто не спрятался, я не виноват.

Сцена 3

Зал в замке.
Входит Король со свитой.
Король
Я послал найти тело и разыскать Гамлета.
Опасно, чтоб он свободно тут разгуливал.
Но и не стоит слишком сурово его наказывать —
ведь он любимец буйной черни,
что выбирает не рассудком, а глазами.
На толпу подействует суровость кары,
а не его вина.
Чтоб не обострять ситуацию,
его внезапный отъезд представим давно решенным делом.
Если недуг силен, так и лечить будем
сильным средством.

(Входит Розенкранц)

Ну что там?

Розенкранц

Мы не сумели от него добиться, куда он спрятал тело.

Король

А где он сам?

Розенкранц

За дверью. Под охраной.

Король

Пускай его введут.

Розенкранц

Эй, Гильденстерн! Введи милорда!

Входят Гамлет и Гильденстерн

Король

Гамлет, так где Полоний?

Гамлет

На трапезе.

Король

На какой еще трапезе?

Гамлет

На той, где ест не он, а где едят его.

Целый рейхстаг пронырливых червей сейчас вырабатывает

относительно него свою политику.[1]

Ведь червь — наш император, что управляет

всей поживой.[2]

Откармливая скот для себя,

себя откармливаем для червей.

Жирный король и тощий бедняк —

лишь перемена блюд для этого стола. Конец один.

Король

К несчастью.

Гамлет

Можно поймать рыбу,

наживив на крючок червя, который только что ел короля.

И съесть рыбу, что слопала червя.

Король

К чему ты это говоришь?

Гамлет

Бывает, королевская процессия

совершается в кишках у нищего.

Король

Так где Полоний?

Гамлет

На небесах, пошлите кого-нибудь проверить.

Если посыльный его там не найдет,

то поищите сами в другом месте.

Впрочем, если до конца месяца не отыщете,

то нос вас приведет ступенями на галерею.

Король

(свите)

Пойдите, поищите там.

Гамлет

Не торопитесь, он вас дождется.

Придворные уходят

Король

Ради твоей же безопасности,
забота о которой лежит на нас,
из-за содеянного — о чем мы глубоко скорбим —
ты должен просто опрометью покинуть Данию.
Соберись в дорогу. Корабль готов.
Как раз попутный ветер и провожатые присмотрят —
все в Англию тебя влечет.[3]

Гамлет

В Англию?

Король

Да, Гамлет.

Гамлет

Добро.

Король

Вот: добро — то, что я тебе желаю, поверь.

Гамлет

Я вижу ангелочка, что видит все наши желания.

На Англию. Прощай же, дорогая матушка!

Король

Ты хотел сказать: прощай же, дорогой отец?

Гамлет

Нет — матушка: мать и отец — это муж и жена, сказано: муж и жена — одна… плоть.

Значит, матушка.

На Англию.

Уходит

Король

Глаз с него не спускайте.

Быстро на борт и отчаливайте.

Чтоб утром его тут не было.

Поставлена печать на этом деле.

Мы надавили там, где надо.[4]

Прошу, поторопитесь.

(Розенкранц и Гильденстерн уходят)

Ну, Англичанин,

если хоть сколько-нибудь ты ценишь мою дружбу,

и здравомыслия тебе добавит моя сила —
ведь шрам от моего меча еще краснеет у тебя на теле,
ведь дань нам платит искренний твой страх —
ты без прохладцы отнесешься к моему приказу,
что поплывет к тебе в письме.
Он означает немедленную казнь Гамлета.
Гамлет, как лихорадка, у меня в крови.
Избавь меня от лихорадки, Англичанин.
Ведь не прожить спокойно мне и дня,
покуда ты не вылечишь меня.

Сцена 4

Датская равнина.
Входят Фортинбрас, Капитан и колонна солдат на марше.

Фортинбрас
Капитан, отправляйтесь к датскому королю,
передайте от меня приветствие.
Скажите, что, согласно договору,
прошу разрешить проход через его земли.
Потом возвращайтесь к месту сбора.
Если он хочет личной встречи,
то я к его услугам.

Капитан
Есть, милорд.
Фортинбрас
— Ну, давайте потихоньку — шагом марш!

Фортинбрас и солдаты уходят.
Входят Гамлет, Розенкранц и Гильденстерн с сопровождением.

Гамлет
Сэр, чье это войско?
Капитан
Норвежское, сэр.
Гамлет
Позвольте спросить, с какой целью оно здесь?
Капитан
Поход на Польшу.
Гамлет
Кто во главе?
Капитан
Нас ведет племянник норвежского короля Фортинбрас.
Гамлет
На всю Польшу или на какой-нибудь ее медвежий угол?
Капитан
Сказать по-правде, без прикрас,

мы идем, чтоб завладеть клочком земли,
вся прибыль от которого — его названье.
Я и за пять — пять! — фунтов
не стал бы брать его в аренду,
а больше за него не выручить,
даже вздумай Польша или Норвегия его продать.

Гамлет

Тогда поляки не станут вам препятствовать.

Капитан

Как же, у них там целый гарнизон.

Гамлет

Изведут две тысячи душ, двадцать тысяч дукатов —
и то не хватит, чтоб решить спор из-за такой ерунды.
Бессмысленные смерти из-за пустяка —
как гнойник, что вызрев от избытка
довольства и покоя, прорвался внутрь,
хотя снаружи причин для смерти не видать.[1]
— Благодарю вас, сэр.

Капитан

Счастливо оставаться.

Уходит

Розенкрантц

Будьте любезны, милорд, идемте.

Гамлет

Подождите меня. Я сейчас вас догоню.

(Все, кроме Гамлета, уходят)

Все вокруг обвиняет меня,
пришпорить хочет мою вялую решимость.
Ну что сказать о человеке, который только ест да спит
и этим счастлив?
Что он животное.
Тот, кто в нас вложил способность думать
и связывать со следствием причину,
не для того нам этот дал талант и богоподобный ум,
чтоб они скисли без употребленья.
Интересно, это у меня беспамятство скотины
иль малодушье из-за привычки
тщательно обдумывать поступки?
На четверть мудрая привычка
и на три четверти трусливая.
Ну отчего я лишь твержу: «Мне нужно это сделать»,
раз у меня есть причина и желание,
силы и средства это сделать?
Все укоряет меня своим примером:

вот эта армия и юный, хрупкий принц,
что ведет ее на бой
и только хмыкает в божественном порыве
над непредвиденным исходом.
Тленное и ненадежное он хочет испытать
судьбой, опасностью и смертью
из-за того, что не стоит и выеденного яйца.
Не тот велик, кто без великой причины не пошевелится,
а тот, кому его отвага велит повздорить из-за пустяка,
когда честь на кону.
Так как же я терплю — отца убили, мать опозорили,
бурлят и ум, и кровь, а я их убаюкиваю?
А на моих глазах сейчас погибнут двадцать тысяч человек,
из-за каприза, шалости судьбы
улягутся в могилу, как в постель,
сражаясь за делянку, на которой
не хватит места, чтобы им подраться,
не хватит места схоронить убитых за нее.
Мысль, ты стать убийственной должна,
иначе грош тебе цена.

Сцена 5

Эльсинор. Зал в замке.
Входят Королева, Горацио и Придворный.
Королева
Я не буду с ней разговаривать.
Придворный
Она настаивает. Тронулась умом.
Ее бы надо успокоить.
Королева
Чего же она хочет?
Придворный
Она постоянно говорит об отце,
ей всюду чудится обман,
бормочет себе под нос,
бьет себя в грудь и сердится по пустякам.
Речи туманные, в них мало смысла,
но слушатели, такой задавшись целью,
из этих бесформенных обломков
возводят конструкции домыслов,
ее слова приляпав к своим мыслям.[1]
И, глядя на ее кивки, подмигивания, ужимки[2],
решают: да, дело темное,
и что-то тут не так.
Горацио

Лучше бы с ней поговорить — она может посеять
опасные предположенья в порочные умы.
Королева
Хорошо, пусть войдет.

Придворный уходит
(в сторону)

Душа, что боль и грех впитала,
в любом юродстве видит бед начало[3].
И выдает себя вина, пугаясь невпопад
от страха, что сейчас разоблачат.

Возвращается Придворный с Офелией

Офелия
А где же прекрасная королева Дании?
Королева
Что это значит, Офелия?
Офелия

(поет)

Скажи, как мне узнать твою
правдивую любовь?
— Вот посох странника в руке,
а ноги стерты в кровь.
Королева

Что ты, милая, хочешь сказать своей песней?
Офелия
А? Лучше послушайте:

(поет)

Но вот он умер и ушел
бродить в чужих краях.
И камень у него в ногах,
дерн свежий — в головах.
Хей-хо.
Королева
Но, Офелия…
Офелия
Прошу, послушайте!

(поет)

И саван, будто вечный снег

Входит Король

Королева
Ох, милорд, только гляньте!
Офелия
… белеет на груди.
Цветы могилу оплели,
оплакали дожди.
Король

Ну, как дела, красавица?

Офелия

Спасибо, храни вас бог.

Рассказывают, дочь булочника превратилась в сову.

Мы знаем, кто мы, но не знаем, кем станем.

Да сядет Господь за ваш стол![4]

Король

(в сторону)

Эта блажь из-за отца.

Офелия

Прошу вас, не надо об этом. Если уж спросят вас,

что это значит, спойте так:

(поет)

Я буду девушкой твоей.
И вот к тебе одна
в День Валентина я пришла
и встала у окна.
Когда меня ты увидал,
вдруг быстро запер дверь.
Я девушкой к тебе вошла,
ей не уйду теперь.

Король

Ох, милая Офелия!

Офелия

Пожалуйста, не бранитесь, осталось совсем чуть-чуть:

От юношей нас сохрани,
небесный наш Отец.
Для всякой девушки у них
всегда один конец.
Пока меня не повалил,
божился в жены взять.
Он ответил:
И взял бы, если бы со мной
ты не легла в кровать.

Король

Давно это у нее?

Офелия

Надеюсь, все устроится. Все надо пережить.

Но как не плакать, если они положили его в сырую землю.

Надо дать знать брату.

Благодарю вас за участие. Ну, за мной приехала карета.

Покойной ночи, мои дорогие! Покойной ночи.

Офелия уходит

Король

Не оставляйте ее одну, глаз с нее не спускайте!

(Горацио уходит)

Сильная печаль — это яд. Все из-за смерти отца.

Ох, Гертруда, когда пойти войной решают беды,

то не лазутчика к нам засылают,

а сразу отправляют батальоны.[5]

Сперва — убит ее отец, следом — отъезд вашего сына,

который сам полностью виновен в своей ссылке,

и вот народ уж взбаламучен

дурными предположеньями и слухами

о смерти нашего Полония —

напрасно мы, как следует все не обдумав,

его похоронили впопыхах[6].

А бедная Офелия сошла с ума, потеряв ясность рассудка,

без которой мы —

лишь собственные силуэты иль животные[7].

И наконец — и это стоит сразу всех прочих бед —

тайком из Франции вернулся ее брат.

Он распаляет собственные подозренья,

дышит своими вымыслами, и недостатка нету в болтунах,
что в уши ему льют отравленные речи о смерти его отца.
И не заткнуть рты всей этой рвани,
которая готова обвинить меня.
Все это, милая Гертруда,
как палубная пушка, что картечью
смертельно ранит сразу в нескольких местах.[8]

Шум за сценой

Королева
Какой-то шум!
Король
Где швейцарцы? Пусть встанут у дверей!

(Входит второй Придворный)

В чем дело?
Придворный
Надо спасаться, милорд.
Океан, перехлестнув за дамбу,
не так проворно сглатывает низину,
как молодой Лаэрт, возглавив мятеж,
расшвыривает наших часовых.
Чернь провозгласила его своим правителем.
Решив, что все возникло лишь вчера,

забыв обычай и устои, на которых и держатся слова,
они горланят: «Лаэрта королем! Хотим Лаэрта!»
Их хлопанье в ладоши, крики, шапки
взлетают прямо к облакам:
«Лаэрта королем! Хотим Лаэрта!»

Королева

Взяв ложный след, от радости визжат!
Псы вероломные, вас нюх подвел!

Шум за сценой

Король

Высадили дверь

Входит Лаэрт с оружием, за ним датчане

Лаэрт

Где король? Останьтесь все снаружи.

Датчане

Мы тоже войдем.

Лаэрт

Прошу — останьтесь.

Датчане

Ну, хорошо.

Выходят за дверь

Лаэрт

Благодарю вас. Стерегите дверь.

— Ну, подлый король, отдай мне моего отца.

Королева

Спокойней, мой Лаэрт.

Лаэрт

Пусть каждая капля крови, что спокойна,

зовет меня ублюдком, пусть называет рогоносцем отца,

пусть пылает, как клеймо шлюхи,

на чистом лбу у матери моей.

Король

Лаэрт, из-за чего все это восстание гигантов?[9]

— Гертруда, пропусти его, не бойся за меня.

Божественный сан короля — ограда.

Измена лишь в щелочку ее способна заглянуть,

растрачивая понапрасну свою решимость.[10]

— Лаэрт, что так тебя разгорячило?

— Оставь его, Гертруда.

— Итак, ответь мне.

Лаэрт

Где мой отец?

Король

Он мертв.

Королева

Но король не виноват.

Король

Пусть спрашивает обо всем.

Лаэрт

Отчего он умер? Но без подтасовок.
К черту верность королю, присягу — к дьяволу!
В преисподнюю приличия и милосердие!
Я ада не боюсь!
Мне безразличен тот и этот мир.
На том стою, и будь, что будет.
Мне лишь бы отомстить за смерть отца.

Король

И кто тебе запрещает?

Лаэрт

Если я решу, меня ничто на свете не удержит.
Я выберу такие способы, что даже первый шаг далёко заведет.

Король

Лаэрт, ты хочешь добиться правды,
но разве смысл мести в том,
чтоб, словно сорвав банк,
сгрести все ставки разом — у друзей и недругов,
у выигравших и проигравших?[11]

Лаэрт

Нет, лишь у врагов.

Король
Хочешь знать, кто они?
Лаэрт
Раскину руки, чтобы обнять друзей.
Как пеликан — птенцов,
спасу их, накормив своею кровью.
Король
Вот речь достойного наследника и дворянина.
А то, что я неповинен в смерти твоего отца
и глубоко о ней печалюсь,
сейчас станет ясно, как божий день.
Датчане

(за сценой)

Впустите ее!
Лаэрт
Что там за шум?

(Возвращается Офелия)

От злости спекутся сейчас мозги.
Слезы, станьте солоней в семь раз
и выжгите благоразумие и благородство.
В расплату за твое безумье
я столько брошу на весы,
что опрокину коромысло.[12]
Цветок весенний, сестренка, девочка, Офелия!

Ну почему девичий разум хрупок,
словно жизнь старика?
Да, Творящая Природа любит по-настоящему,
а раз так, то неотложный вызов
шлет за тем, что любит.[13]

Офелия

(поет)

И понесли в гробу его,
вот так, вот так, дурёха,
и положили одного —
прощай, голубчик.

Лаэрт

Это действует сильнее,
чем если бы ты в здравом уме
просила отомстить.

Офелия

Вы тоже пойте.
«Вниз до конца, вниз до конца».
Припев тут очень подходит!
Вероломный управитель похитил хозяйскую дочь.

Лаэрт

В бессмыслице этой столько смысла.

Офелия

Вот на память ромашка — милый, не забудь.

Молю, любовь моя, не забудь.
А вот анютины глазки — чтоб горевать.
Лаэрт
Да, заповедь безумия — горюй, не забывая.[14]
Офелия
Для вас иван-чай и васильки.
А для вас рута, и для меня тоже.
Это трава скорби, но по воскресеньям
она становится благодать-травой.
Носите ее как знак отличия.
Вот маргаритка.
Дала бы вам фиалок,
да все они завяли, когда умер мой отец.
Говорят, он хорошо кончил, —

(поет)

Красавчик, радость ты моя.
Лаэрт
Печали, боли, самому аду
ты придаешь отраду и очарованье.
Офелия

(поет)

«Он не вернется к нам сюда?
Нет, нет, ведь умер он.
Он не вернется никогда,

белее снега борода,
и голова, как лен.
Хоть он ушел, но надо нам
тоску перебороть —
помилует его Господь».
Смилуйся, Господи, над всеми христианскими душами.
— Храни вас бог.

(Уходит)

Лаэрт
О, Господи, ты видишь!
Король
Лаэрт, позволь, я переговорю с твоей бедой.
Отказ твой будет несправедлив.
Давай уйдем отсюда, ты выберешь
самых проницательных своих друзей —
пускай все выслушают и нас с тобой рассудят.
Если решат, что прямо или косвенно я был виновен
в этой смерти, то расплачусь всем, что зову своим:
короной, королевством, жизнью.
Но если нет — найди в себе терпенье,
а мы твоей душе отыщем утешенье.
Лаэрт

Так и поступим. Обстоятельства его смерти,
убогие похороны — ни медалей,
ни меча, ни герба перед гробом,
ни подобающей церемонии, ни должного почета[15] —
все, все вопит и требует дознанья.

Король

И если есть вина, то будет приговор —
виновный ляжет под топор.
Прошу, пойдем.

Уходят

Сцена 6

Зал в замке.
Входят Горацио и Слуга.

Горацио

Кто там хочет меня видеть?

Слуга

Моряки, сэр. Сказали, у них для вас письмо.

Горацио

Хорошо, впусти их.
(Слуга уходит)
Уж не знаю, из каких краев мне весточка,
если только не от лорда Гамлета.

Входят моряки

Первый моряк

Храни вас бог, сэр.

Горацио

Пусть он и вас хранит.

Первый моряк

Сохранит, если на то его воля.

У меня для вас письмо от того, кого послали в Англию.

Если вы Горацио.

Горацио

(читает)

«Горацио, если ты это прочтешь,

сведи этих ребят с королем —

у них для него есть письма.

Не прошло и двух дней нашего плаванья,

как за нами погнался воинственно настроенный пират.

Видя, что от него не уйти,

мы вынуждены были проявить всю нашу доблесть.

Я взял пиратов на абордаж,

но в этот момент они решили убраться восвояси —

я сделался их пленником.

Они вели себя со мной

как вполне благородные разбойники,
правда, у них была на то причина.
За что им с меня причитается.
Позаботься, чтобы мои письма попали к королю,
а сам поспеши ко мне,
как если бы за тобой гналась смерть.
Я скажу тебе такое, что ты онемеешь,
хотя слова и слишком легковесны для дел такого калибра.
Эти ребята помогут меня найти.
Розенкранц и Гильденстерн держат курс в Англию,
о них мне тоже есть что рассказать.
До свиданья. Твой — не сомневайся — Гамлет».
— Пойдемте со мной — отдадите свои письма.
И давайте побыстрее —
потом сразу отведете меня к тому, кто их написал.
Уходят

Сцена 7

Зал в замке.
Входят Король и Лаэрт.
Король

Признаешь теперь мои вверительные грамоты[1]
и в сердце приймешь меня как друга?
Ты, вижу, понял — тот же человек,
что убил твоего незабвенного отца,
умышлял и против моей жизни.

Лаэрт

Мне это ясно. Но почему его не предали суду
за такое тяжкое преступленье?
И почему со всей вашей мудростью, всей стражей,
оно застало вас врасплох?

Король

На то есть две особые причины,
которые тебя, быть может, и не тронут,
а на меня подействовали сильно.
Ведь королева — его мать, он для нее — смысл жизни,
а я — не знаю, спасенье в том мое или беда —
я к ней прирос душой,
как будто бы звезда к своей несущей сфере.
А кроме того — нельзя все было предавать огласке
из-за любви к Гамлету простого люда.
Его вину народ омоет своей любовью,
и, как родник превращает в камень древесину,

он обратит в заслугу заточенье[2].

Он — шумный ветер, что назад ко мне принес бы

все пущенные мною стрелы.

Лаэрт

Но мой отец убит.

До сумасшествия довели сестру,

чье совершенство, хоть прошлое хвалить нет смысла,

бросало вызов сразу всем эпохам.

Я отомщу.

Король

Не стоит из-за этого терять сон.

Я не настолько вял и глуп, чтоб позволять

опасности трепать себя за бороду, считая это все забавой.

Ты скоро кой о чем услышишь.

Я относился с любовью к твоему отцу,

к себе я тоже отношусь с любовью,

это, надеюсь, поможет тебе понять —

(Входит Посыльный с письмами)

Ну, какие вести?

Посыльный

Письма от Гамлета, милорд. Вот это вам, а это королеве.

Король

От Гамлета? А кто их передал?

Посыльный

Моряки, милорд. Но сам я моряков не видел.

Письма дал мне Клавдио, а он их взял у тех, кто их принес.

Король

Лаэрт, сейчас мы вместе прочитаем.

— Оставь нас.

(Посыльный уходит)

(читает)

«Великий и могучий! Довожу до вашего сведения,

что высажен голым и босым в вашем королевстве[3].

Прошу дозволения завтра предстать пред вашими очами,

чтобы, вначале испросив прощения,

изложить обстоятельства

моего внезапного и очень странного возвращения. Гамлет»

Что это значит? И остальные вернулись тоже?

Или нас хотят ввести в заблуждение?

Лаэрт

Вы узнаете почерк?

Король

Да, это он писал. «Голым».

А здесь в приписке — «в одиночку».
Что посоветуешь?

Лаэрт

Даже не знаю. Но пусть придет.
Чуть отогреется больное сердце,
когда я брошу ему в лицо:
«Ты мне ответишь!»

Король

Да, так и будет, Лаэрт.
Но что же это будет? Что тут придумать?
Ты мне позволишь все устроить?

Лаэрт

Да, если вы не захотите все устроить миром.

Король

Миром для тебя, Лаэрт.
Раз он вернулся из-за какого-то препятствия,
и, судя по всему, не хочет вновь пускаться в путь,
то я ему устрою испытанье,
в котором он обязательно погибнет.
План у меня уже созрел.
И тут не будет и следа чьей-либо вины,
и даже его мать не заподозрит умысла,
все приняв за несчастный случай.

Лаэрт

Вы можете мной руководить.

Готов быть орудьем в вашем плане.

Король

Ударим без промаха.

Ты много странствуешь, и здесь недавно тебя вспоминали

в связи с одним твоим блестящим даром.

И Гамлет это слышал. Такого приступа зависти

не вызвали бы в нем все остальные

твои таланты вместе взятые.

Хоть я считаю его самым бесполезным.

Лаэрт

Какой же именно?

Король

Он всего лишь лента на шляпе юности, хотя она и к месту.

Ведь юности к лицу легковесная одежда,

как зрелости — камзол и соболя,

что берегут здоровье и придают степенность.

Два месяца тому здесь был один нормандский дворянин.

Я в своей жизни повидал французов, я им давал отпор,

они хорошие наездники,

но этот, кажется, владеет колдовством —

он просто врос в седло.

Такие удивительные вещи выделывал с конем,

как будто сам наполовину стал резвым жеребцом.

Он настолько превзошел мои представления о выездке,

что его трюки мне казались подтасовкой.

Лаэрт

Он из Нормандии?

Король

Нормандец.

Лаэрт

Дам голову на отсечение — Ламон.

Король

Он самый.

Лаэрт

Я его неплохо знаю.

Он словно украшенье

на груди у своего народа.

Король

Он тебя тоже ценит высоко.

И называет мастерским твое искусство фехтования,

особенно рапирой.

Он просто завопил: «Вот это было б зрелище,

найдись тут кто-нибудь, его достойный».

Он клялся, что все их фехтовальщики лишь крикуны,

которым в поединке с тобой не хватит
ни быстроты, ни стойкости, ни глазомера.[4]
Его слова так растравили зависть Гамлета,
что он хотел лишь одного —
чтоб ты вдруг объявился помериться с ним в поединке.
Отсюда следует…
Лаэрт
Что следует?
Король
Лаэрт, тебе был дорог твой отец?
Или печаль твоя, как на картине, —
все только на поверхности, а не внутри?
Лаэрт
Что это за вопрос?
Король
Нет, я не говорю, что ты не любил отца.
Но время зажигает любовь,
и, сталкивая с испытаньями,
оно же гасит искры и огонь любви.
Ведь в пламени любви есть то,
что его тушит, как нагар — фитиль.
Все время быть добродетельными нам не по силам,
ведь добродетель, разрастаясь,
ломается под собственною тяжестью.

Должны мы делать то, что должно, когда мы можем.

Но это «можем» так непостоянно —
оно то запоздает, то ослабнет,
вот как язык и руки, или шанс.

А это «должно» — как челюсть сворачивающий зевок —
болезненное облегченье.[5]

Но мы забыли о своей болячке: вот-вот вернется Гамлет.

И как же делом, а не словами ты докажешь,
что твой отец тебе был дорог?

Лаэрт

Я перережу ему горло в церкви.

Король

Да, даже церковь не дает убежища убийце,
и месть границ не знает.
Но, чтобы отомстить, останься дома.
Когда вернется Гамлет, то узнает, что ты здесь.
А мы, твое нахваливая превосходство,
отлакируем двойным слоем
ту оценку, что дал тебе француз.[6]
Короче говоря, мы вас сведем
и будем биться об заклад, кто победит.
Он человек беспечный, великодушный,
не склонный к ухищреньям —

не станет присматриваться к рапирам,
и ты без всяких затруднений,
иль применив лишь небольшую хитрость,
возьмешь непритупленную рапиру и в ходе поединка
сквитаешься с ним за отца.

Лаэрт

Я с ним сквитаюсь.
Знахарь мне продал мазь настолько ядовитую,
что стоит только прикоснуться к ней ножом
и чуть пустить им кровь — и ни одна припарка,
хоть из всех снадобий, что существуют под луной,
уж не спасет того, кто просто оцарапан.
Я этим ядом смажу острие,
и самый легкий укол убьет Гамлета.

Король

Мы все должны, как следует, продумать
и взвесить, чтоб, выбрав нужные момент и средства,
осуществить задуманное.
Ели мы потерпим неудачу,
и сквозь плохое исполненье проступит замысел,
то лучше и не начинать.

Тут нужен запасной или еще один план,
который бы сработал, если не удастся первый.
Постой-ка! — Мы будем биться об заклад,
кто ловче из вас двоих…
Ага! От поединка вы разгорячитесь,
и пересохнет у вас во рту —
ты только нападай пожестче —
он попросит пить, а кубок я уж приготовлю:
лишь он пригубит,
пусть даже и ушел от ядовитого укола — и мы у цели.
Но погоди, что там за шум?
(Входит Королева)
Что, дорогая?
Королева
Беда одна не ходит. — Утонула ваша сестра, Лаэрт.
Лаэрт
Утонула? Как?
Королева
Над речкой нависает ива,
в потоке отразившись серебристою листвой.
С чудн**ы**ми она туда пришла венками,
сплетенными из маргариток, гвоздичек, крапивы
и длинных фиолетовых цветов —

шалопаи-пастухи зовут их грубо,
а целомудренные девушки называют «пальцы мертвеца».
Она на ветку забралась, чтобы развесить
нехитрые венки из сорных трав.
Предательски сук подломился, и она
со скарбом своим из сорняков упала в рокочущую реку.
Сначала надувшееся колоколом платье
ей не давало утонуть и, как русалку, ее несла вода.
Она все пела какие-то обрывки старых песен,
как будто бы не чуяла беды
или решила, что возвращается в родную стихию.
Но продолжалось все недолго —
бедняжку намокшая одежда утащила
из потока мелодий в ил смерти.

Лаэрт

И она утонула?

Королева

Да, утонула.

Лаэрт

Воды тебе хватает, моя Офелия,
поэтому я не заплачу.
Хоть это лишь притворство,

и требует природа соблюдать обычай,
что б стыд ни говорил.
Ведь вместе со слезами уйдет все бабское.
Милорд, прощайте.
Раскаленными словами я б припечатал, как клеймом…
но слезы эти глупые их гасят.[7]
Уходит
Король
Не надо отпускать его, Гертруда.
С таким трудом я успокоил его ярость!
Теперь, боюсь, она прорвется снова.
Идем за ним.
Уходят

Действие 5
Сцена 1

Церковное кладбище.

Входят два Мужлана с лопатами и проч.[1]

Первый Мужлан

Не следует хоронить ее по христианскому обычаю,

раз самовольно она решила отыскать спасенье.

Второй Мужлан

Сказано тебе, копай.

Дознаватель решил, что можно.

Первый Мужлан

Как это «можно»?

Она ж не утопилась во избежание насилья.

Второй Мужлан

Выходит, так.

Первый Мужлан

Должно было произойти посягательство, без этого нельзя.

В этом вся соль: если я утопился преднамеренно,

то это есть деяние. У деяния три составляю-

щие:

собственно деяние, осуществление и исполнение.

Следовательно — она утопилась преднамеренно.

Второй Мужлан

Ну ты! Господин гробокопатель!..

Первый Мужлан

Дай я договорю.

Допустим, что тут вода, а тут вот — человек.

И если человек идет к воде и топится,

то хочет он или не хочет — он утопился.

Но если к нему идет вода и топит его,

то, прошу заметить, он не утопился.

Следовательно, если человек

не виноват в собственной смерти,

то он и не причинял умышленного вреда своему здоровью.

Второй Мужлан

Что, есть такой закон?

Первый Мужлан

Ей-богу, есть — закон судебного дознания.

Второй Мужлан

Хочешь, скажу, как оно на самом деле?

Если б она была не из благородных,

ее бы не хоронили по-христиански.

Первый Мужлан

Да, тут ты прав.

Знатному гораздо легче повеситься или утопиться,

чем простому христианину.

— Ну, лопата, за работу.

Самый древний и знатный род —

садовники, гробокопатели и землекопы.

Они продолжают дело Адама.

Второй Мужлан

А он был дворянин?

Первый Мужлан

Он первым взялся за лук.

Второй Мужлан

Да не было у него никакого лука!

Первый Мужлан

Ты что, язычник, что ли? Странно ты толкуешь Писание.

В Писании сказано: «Адам копал».

Что ж он сажал, как не лук?[2]

Или вот ответь мне,

но если не угадаешь, лучше покайся напоследок!

Второй Мужлан

Спрашивай.

Первый Мужлан

У кого постройка прочней,
чем у каменщика, плотника и корабельщика?

Второй Мужлан

У того, кто строит виселицы.
Эта конструкция выдержит и тысячу арендаторов.

Первый Мужлан

Да ты остряк, приятель. Виселица подходит, но кому?
Она хорошо подходит тому, кто поступает худо,
а ты поступаешь худо, говоря,
что виселица прочнее церкви.
Следовательно, тебе подходит виселица. Давай еще раз.

Второй Мужлан

У кого постройка прочней,
чем у каменщика, плотника и корабельщика?

Первый Мужлан

Да, отгадай и ты на свободе.

Второй Мужлан

Ей-богу, сейчас отгадаю.

Первый Мужлан

Ну-ну.

Второй Мужлан

Нет, не знаю.

Входят Гамлет и Горацио.
Останавливаются поодаль.

Первый Мужлан
Ладно, не свихни мозги.
Хоть, может, пинок под зад тебе бы их и вправил.[3]
В следующий раз на такой вопрос отвечай — у гробокопателя.
Дело его рук доживет до Страшного суда.
Слушай, сгоняй-ка к Йохану за выпивкой.

(Второй Мужлан уходит)
(копает, напевая)

Твердила юность, что милей
любовь всего на свете.
Пришел я на свиданье к ней,
да никого не встретил.
Гамлет
Судя по песне, у парня его работа
не вызывает никаких чувств.
Горацио
Привычка — источник непринужденности.
Гамлет
Да, а все изысканное — от безделья.
Первый Мужлан

(поет)

Подкралась старость и на борт
когтями затащила.
Поплыл, поплыл в далекий порт,
забыв, что было мило.

Отбрасывает в сторону череп

Гамлет

А ведь у черепа тоже был язык и способность к пению.

А этот пройдоха шибанул им оземь,
словно это башка Каина, первого убийцы.
Может, это череп политика,
что держал за бороду самого Господа Бога.
А теперь над ним потешается эта свинья.

Горацио

Все может быть.

Гамлет

Или это череп придворного, что все лопотал:
«Доброе утро, государь. Как ваше здоровье, государь?»
Возможно, это лорд Таковский,
что хвалил коня государя Как-бишь-его,
надеясь получить жеребца в подарок.
Разве не похож?

Горацио

Похож.

Гамлет

А теперь на службе у королевы червей
у него запали щеки,
и по нему колотит лопата могильщика.
Хотелось бы понять, как происходит
это чудесное превращение.
Неужели эти кости
не стоят даже корма, что на них пошел,
и можно играть ими в городки?
Мои собственные начинают ныть, когда думаю об этом.

Первый Мужлан

(поет)

Пусть не пугает дальний брег.
Ах, яма на погосте
и саван белый, словно снег,
радушно встретят гостя.

Отбрасывает в сторону еще один череп

Гамлет

Еще череп. Он мог принадлежать юристу.
Куда все это подевалось —
суть дела, обстоятельства, права, ходы, увертки?

Почему он позволяет этому наглому пройдохе
бить себя лопатой по голове
и даже не заикнется об оскорблении действием?
А может, этот парень скупал земельные участки —
где же все его свидетельства на землю, купчие, расписки
залоги, возмещение убытков?
Возможно, возмещение —
та земля, которой набит его череп.
И единственное нужное ему свидетельство —
на участок размером в два свидетельства.
А все его купчие вряд ли влезут в ящик,
полученный им в залог.

Горацио

Да, вряд ли.

Гамлет

Все эти документы пишут
на пергаменте из бараньей кожи?

Горацио

Из телячьей тоже.

Гамлет

Только бараны и телята могут поверить таким гарантиям.
Поговорю-ка с этим парнем.

— Чья это могила, любезный?

Первый Мужлан

Моя, сэр.

(поет)

Ах, яма на погосте
и саван белый, словно снег,
радушно встретят гостя.

Гамлет

Вижу, что твоя, раз ты в ней по уши увяз в своем вранье.

Первый Мужлан

А вы не в ней врете, так она и не ваша,
а я хоть и не увяз, да все равно она моя.

Гамлет

Нет, увяз: говоришь, твоя,
а она ведь для мертвых, а не для таких шустрых, как ты.

Первый Мужлан

Это очень шустрая ложь, сэр.
У нее скоро будет прибыль на стороне —
и вас приберет к рукам.[4]

Гамлет

Для какого же достойного мужа ты ее роешь?

Первый Мужлан

Ни для какого, сэр.

Гамлет

Тогда для какой женщины?

Первый Мужлан

Тоже ни для какой.

Гамлет

Кого же должны в ней похоронить?

Первый Мужлан

Ту, что была женщиной,
а теперь, за исключением души, мертва.

Гамлет

Да, Горацио, этого прохвоста голыми руками не возьмешь.

При разговоре с ним надо все время сверяться с компасом,
не то собьешься с курса[5].
За последние три года мне стало ясно —
нас ждут жесткие времена,
крестьяне уже наступают знати на пятки,
прямо на мозоли.[6]
— И сколько занимаешься этим ремеслом?

Первый Мужлан

Каждый божий день.
С того самого, как прежний король наш Гамлет убил на поединке Фортинбраса.[7]

Гамлет

И много с тех пор воды утекло?

Первый Мужлан

А вы что, не знаете? Это любому дураку известно.

В тот день родился молодой Гамлет —
тот, что сошел с ума и выслан в Англию.

Гамлет

Господи, за что же его выслали?

Первый Мужлан

Да как за что? За то, что сошел с ума.
Там к нему вернется рассудок,
а если нет — никто и не заметит.

Гамлет

Это еще почему?

Первый Мужлан

Там все такие.

Гамлет

Как же он сошел с ума?

Первый Мужлан

Говорят, самым необычным образом.

Гамлет

А именно?

Первый Мужлан

Не поверите — потерял рассудок.

Гамлет

А на какой же почве?

Первый Мужлан

Да все на нашей, на датской.
Я в ней уж тридцать лет могилы рою,
еще пареньком начинал.

Гамлет

А за какой промежуток времени человек сгниет в земле?

Первый Мужлан

Если еще при жизни не подгнил —
сейчас ведь столько сифилитиков,
прямо разваливаются на похоронах —
то лет за восемь-девять.
Кожевник — тот за девять.

Гамлет

А он отчего так долго гниет?

Первый Мужлан

Шкура до того продубилась,
что не пропускает внутрь воду.
А ваша вода разъедает
ваши, сукины дети, трупы.[8]

Вот еще череп. Пролежал в земле двадцать лет и три года.

Гамлет

Чей он?

Первый Мужлан

Одного придурошного сукина сына. Чей бы вы думали?

Гамлет
Не знаю.
Первый Мужлан
Чума на него, жулика полоумного.
Вылил как-то мне на голову бутылку рейнского.
Это череп Йорика, королевского шута.
Гамлет
Этот?
Первый Мужлан
Он самый.
Гамлет
Дай-ка мне.

(Берет череп)

— Бедняга Йорик.
— Я помню его, Гораций.
У него было непревзойденное чувство юмора.
А какой выдумщик! Сколько раз он катал меня на спине.
А сейчас этот череп вызывает у меня отвращение,
просто комок в горле.
Здесь были губы, которые я тысячу раз целовал.
— Где теперь твои шутки? Твои колкости? Пе-

сенки?

Вспышки острот, над которыми хохотали все за столом?

Как же теперь тебе скалить зубы в насмешке?

У тебя и челюсти-то нету.

Ступай-ка в комнату к моей госпоже,

рассмеши ее, скажи ей:

сколько румян ни клади на лицо,

все равно станешь похожа на меня.

— Гораций, скажи мне одну вещь.

Горацио

Да, принц.

Гамлет

Как ты думаешь,

Александр так же выглядел, полежав в земле?

Горацио

Без сомненья.

Гамлет

И от него шел такой же дух?

Фу!

Кладет череп на землю

Горацио

Без сомненья, милорд.

Гамлет

Всех нас ждет весьма простое предназначенье.

Нетрудно представить: благородный прах

Александра
используют в качестве затычки от бочки.

Горацио

Достаточно причудливый взгляд на вещи.

Гамлет

Да ни на йоту! Разве что без лишней заносчивости.

Ведь это вполне вероятно:[9]

Александр умирает, его хоронят, он становится прахом,

прах — это почва, из почвы добывают глину,

почему же из глины, которой он стал,

не сделать затычку для пивной бочки?

Великий Цезарь, устрашавший мир,

истлел и стал затычкою для дыр.

Но тише! Давай-ка отойдем в сторону. Сюда идет король.

(Входит процессия из священников и проч. Несут тело Офелии. За ним Лаэрт и провожающие; Король, Королева, их свита и проч.)

И королева. Весь двор.

Кого они хоронят? Почему такая куцая церемония?

Это значит, что тот, кого они несут,

в отчаяньи наложил на себя руки.

Человек был достаточно знатный.
Укроемся в сторонке и посмотрим.

Отходит вместе с Горацио в сторону

Лаэрт

Еще служите!

Гамлет

Это Лаэрт, замечательный малый.

Лаэрт

Еще служите!

Первый священник

Погребальный обряд и так был расширен,
насколько это допустимо.
Есть сомненья в причинах ее смерти.
И если б от верховной власти не поступило распоряженье,
то за церковною оградой лежать бы ей до Страшного суда.
И не благодатные молитвы,
а глиняные черепки и галька летели б ей на гроб.
А ей дозволены венки живых цветов
в знак ее девственности,
и погребенье по-христиански,
и почесть — колокольный звон.[10]

Лаэрт

И больше ничего?

Первый священник

И больше ничего. Мы запятнали бы церковные обряды,

когда бы спели над нею реквием и упокоили ее, как души,
что уходят с миром.

Лаэрт

Опускайте гроб.
Пусть из ее прекрасного, непорочного тела
прорастут фиалки.
— А ты, святоша, знай —
моя сестра станет ангелом и будет служить Господу,
когда ты в аду завоешь.[11]

Гамлет

Что? Прекрасная Офелия?

Королева

(бросая цветы на гроб)

Прекрасные — прекрасной. Прощай!
Надеялась, ты станешь женою Гамлету,
и я цветами буду устилать вам брачную постель,
а не могилу.

Лаэрт

Пусть трижды тридцать три несчастья
падут на голову злодею,
из-за которого ты потеряла светлый ум!
— Погодите засыпать! Еще один раз обниму ее.

(Соскакивает в могилу)

Ну же! Насыпьте на живого с мертвой столько земли,
чтоб на равнине этой выросла гора
и стала выше и старого Пелиона,
и голубой вершины поднявшегося до небес Олимпа.

Гамлет

(подходя к могиле)

Кто это так выставляет напоказ свое горе?
Чьи слова о скорби
так приворожили блуждающие звезды,
что, пораженные, они застыли в изумленьи?
Я — вот он, Гамлет Датский.

Спрыгивает в могилу

Лаэрт
Сейчас отправлю тебя к дьяволу!

Хватает Гамлета за горло

Гамлет
Какая-то странная у тебя молитва.
Убери-ка руки с моего горла.
Хоть я не вспыльчив,
но есть во мне что-то настолько опасное,

что умный бы поостерегся.
Убери руки!
Король
Растащите их!
Королева
Гамлет, Гамлет!
Все
Господа!
Горацио
Милорд, прошу, спокойней.

Придворные разнимают их, и они выбираются из могилы

Гамлет
Я в этом с ним поспорю,
пока еще глаза способен я открыть.[12]
Королева
Мой мальчик, в чем «в этом»?
Гамлет
Я любил Офелию.
Сорок тысяч братьев со всем их любовным капиталом
столько любви не наскребут.[13]
— Ну, а на что ты готов из-за нее?
Король
Лаэрт, он не в своем уме.

Королева

Ради всего святого, Гамлет, оставь его.

Гамлет

Раны Господни! Так на что же ты способен?

Стонать? Драться? Поститься? Рвать на себе волосы?

Выпить уксусную кислоту? Проглотить змею?

Я тоже на это способен.

Ты пришел сюда ныть?

Напугать меня своим прыжком в могилу?

Хочешь живым лечь вместе с ней? Я тоже лягу.

Ты что-то тут болтал про горы?

Пусть столько навалят на нас земли,

чтоб гора достала до солнца и обожгла себе макушку,

а Осса по сравненью с ней казалась бородавкой.

Я разглагольствовать умею так же хорошо, как ты.

Королева

Это просто припадок. Скоро все пройдет —

он тихим станет. Так голубка пропоет

звонкие куплеты и после сидит спокойно.

Гамлет

Послушай, откуда у тебя эта злоба ко мне?

Я тебя всегда любил… Хоть это все не важно.

Что б там ни делал Геркулес,
а пес бежит гулять и кот не ждет чудес.

Уходит

Король
Горацио, прошу вас, присмотрите за ним.

(Горацио уходит)
(Лаэрту)

Сдержитесь, помня о нашем вчерашнем разговоре.
Скоро наступит решающий момент.
— Гертруда, милая, идите к сыну. Вы там нужны.
К ее могиле мы добавим памятник,
который смотрится как живой[14]:
уж близок час, что принесет нам облегченье,
пока же будем сохранять терпенье.
Уходят

Сцена 2

Зал в замке.
Входят Гамлет и Горацио.
Гамлет
Но хватит об этом. Давай о другом.

Ты еще помнишь, в чем там дело?

Горацио

Конечно, милорд.

Гамлет

Словно схватка шла у меня в душе
и не давала уснуть.
Лежать мне стало тяжелее, чем мятежнику,
закованному в кандалы.
Сгоряча я встал — благодарю тебя, моя горячность —
нас выручает нерасчетливость, когда уже затерлась
глубокая разметка по нашим чертежам.
Пора бы нам понять —
Божья воля придает завершенную форму окончанию,
которые наши намеренья лишь грубо обтесали.[1]

Горацио

Это верно.

Гамлет

Накинув моряцкую робу,
я вышел из каюты на палубу,
в темноте на ощупь отыскал их,
стащил из их поклажи то, что было нужно,
и незамеченным вернулся к себе в каюту.

Бесстыдно, ведь страх не помнит о приличиях,
я распечатал их депешу. И прочел —
какая царственная подлость! — прямой приказ,
нашпигованный резонами всех видов,
включая пользу Англии и Дании, —
откуда в жизни столько гнид и упырей! —
немедля, не отлынивая,
не тратя время на заточку топора,
мне голову снять с плеч.

Горацио

Вы не шутите?

Гамлет

Вот эта самая депеша. На досуге почитай.
Но хочешь знать, как я поступил?

Горацио

Конечно.

Гамлет

Опутан этой мерзкой паутиной,
не тратя время на пролог, я начал действие.
И гладким почерком написал письмо взамен.
Раньше, как вся наша верхушка, я считал —
уменье писать красиво недостойно государственного мужа,
и долго тренировался, стараясь от него избавиться,

но тут оно мне сослужило службу.
Сказать, что я там написал?
Горацио
Да, милорд.
Гамлет
«Король убедительно вас просит,
так как Англия исправно нам платит дань,
так как любовь, как пальма, меж нами расцвела,
так как венок из пшеничных колосков
украсил прочный мир,
и через запятую стоят наши дружеские отношения[2] —
и еще куча многозначительных «к**а**ков» —
по прочтеньи письма без лишних слов
гонцов немедленно казнить,
на отпущение грехов не тратя время».
Горацио
А печать?
Гамлет
Небо и тут распорядилось.
У меня была печать отца,
с которой скопирована королевская.
Так же, как прежнее, сложил письмо и запечатал.
Благополучно положил на место,

и ничего никто не заподозрил —
словно родители, у которых
младенца подменили эльфы.
Наутро случился бой с пиратом,
и все, что было после, ты знаешь.

Горацио

А Гильденстерн и Розенкранц плывут туда.

Гамлет

Они с любовью исполняли эту службу,
и моя совесть тут чиста.
Их подвела привычка совать нос не в свое дело.
Небезопасно для простолюдинов
встрять меж яростными ударами,
которыми обмениваются сильные мира сего.

Горацио

Что же у нас за король!

Гамлет

Горацио, разве это не мой долг?
Того, кто убил отца и сделал шлюхой мать,
влез между мной и троном, хотел,
чтоб я попался на крючок — своей рукой
я с чистой совестью отправлю на покой.
Разве не позор — позволять,
чтоб эта язва все глубже грызла нас?

Горацио

Скоро он получит из Англии
вести об исходе своей затеи.
Гамлет
Да, уже скоро. Но этот промежуток — мой.
Собственно, вся жизнь — лишь миг.
Но очень жаль, Гораций,
что я не сдержался вчера с Лаэртом.
Ведь он словно списан с меня самого.
Но я верну расположение Лаэрта.
Хоть его похвальба горем
и вызвала у меня взрыв чувств.
Горацио
Тише! Кто-то идет.

Входит Озрик

Озрик
Со счастливым возвращением в Данию,
ваше высочество.
Гамлет
Покорнейше вас благодарю.

(в сторону, Горацио)

— Ты знаешь эту стрекозу?
Горацио

(в сторону, Гамлету)

Нет, милорд.

Гамлет

(в сторону, Горацио)

Это делает тебе честь, знать его — уже порок.
Он владелец плодородных земель.
Стань повелителем скотов —
и тебе тут же поставят корыто
рядом с королевским столом.
Это ворона, владеющая раздольем грязи.

Озрик

Дорогой принц! Если вы не заняты важными делами,
я бы передал вам кое-что
от его королевского величества.

Гамлет

Я весь — вниманье.
Но используйте шляпу по прямому назначению —
наденьте ее.

Озрик

Благодарю вас, ваше высочество, но здесь так душно.

Гамлет

Нет, что вы — очень холодно. Ветер-то северный.

Озрик

Да, немного прохладно, вы правы.

Гамлет

Но мне с моей натурой жарко и, вдобавок, душно[3].

Озрик

Очень, милорд, очень-очень душно —
как будто — не могу даже сказать как.
Его королевское величество велел вас известить —
он сделал на вас крупную ставку.
Дело в том, что…

Гамлет

Позвольте вам напомнить.

Заставляет его надеть шляпу

Озрик

Не надо. Клянусь, мне так удобней.
Сэр, ко двору недавно прибыл Лаэрт,
смею вас уверить, истинный рыцарь,
наделенный множеством замечательных свойств,
учтивый и обходительный,
он — словно компас или бортовой журнал
для дворянина, вместилище всего,
что подобает человеку благородному.

Гамлет

Ваше описанье безупречно.

Понимаю, как трудно вашей голове не сбиться со счета

в этом инвентаре достоинств

или не пойти кругом при сменах курса,

тем более что он приплыл к нам так стремительно.[4]

Но если уж быть точным при восхваленьях,

то он — настолько великое создание природы,

настолько редкий и необычный феномен,

что походить на него может только его отраженье в зеркале,

а угнаться за ним может разве что его собственная тень.

Озрик

Непогрешимо верные слова, ваше высочество!

Гамлет

Но окружающие условия, сэр?

От нашего кислого дыханья

он может и попортиться.[5]

Озрик

Сэр?

Горацио

Что, в чужих устах это кажется белибердой?

Да нет, вы все поняли, сэр.

Гамлет
Что означает упоминание этого господина?
Озрик
Лаэрта?
Горацио

(в сторону, Гамлету)

Его кошелек пуст —
он истратил все золотые своих слов.
Гамлет
Его самого, сэр.
Озрик
Я знаю, от вас не скрылось…
Гамлет
Следовало бы знать, хоть если и вы знаете,
то это не делает мне чести. Ну, так, сэр?
Озрик
От вас, конечно, не скрылось
совершенство, с которым Лаэрт…
Гамлет
Признать это означало бы равняться с ним в совершенстве.

Ведь судить о другом мы можем только по себе.
Озрик
Я имею в виду совершенство во владении ору-

жием.

Говорят, что в этом никто не может с ним соперничать.

Гамлет

Во владении каким оружием?

Озрик

Рапирой и кинжалом.

Гамлет

В этих двух видах оружия. Ладно.

Озрик

Король, сэр, побился с ним об заклад,
поставив шесть арабских скакунов против
его шести французских рапир и кинжалов
со всеми прочими принадлежностями:
поясами, ремешками и тому подобным.
Из всей этой упряжи три комплекта редкого изящества,
хорошо сочетаются с эфесами,
все в очень изысканной манере.

Гамлет

Что вы называете упряжью?

Горацио

(в сторону, Гамлету)

Думаю, последний комментарий
к нашему разговору

сподвигнет вас принять вызов.

Озрик

Ну, ремни, сэр.

Гамлет

Слово «упряжь» подошло бы,
если б мы тягали за собой пушки.
А пока это ремни.
Так значит шесть арабских жеребцов против шести французских клинков, принадлежностей к ним,
и трех манерно-изысканных комплектов упряжи.
Французская ставка против датской.
Из-за чего же он «побился», как вы это называете?

Озрик

Король утверждает,
что в двенадцати турах между ним и вами
он не опередит вас более чем на три удара.
То есть, что счет будет двенадцать-девять.
Если б вы соблаговолили дать ответ,
то мы могли бы немедленно приступить к поединку.

Гамлет

А если мой ответ — «нет»?

Озрик

Я имею в виду, милорд, ваше участие в поединке,
как одной из сторон.

Гамлет

Сэр, я сейчас прогуливаюсь в этом зале —
отдыхаю с позволения его королевского величества.
Пусть принесут клинки.
Если этому господину будет угодно,
и если король не передумает,
то я постараюсь выиграть ему заклад, а если не сумею —
позор и пропущенные удары достанутся мне одному.

Озрик

Могу я так и передать?

Гамлет

Да, передайте смысл,
разукрасив его по собственному усмотрению.

Озрик

Позвольте заверить вас
в совершеннейшей моей преданности.

Гамлет

Честь имею, честь имею…

(Озрик уходит)

Хорошо, что сам заверил свою преданность.

Вряд ли кто-то другой согласился бы это сделать.

Горацио

Поскакал цыпленок со скорлупкой на маковке.

Гамлет

Наверно, раскланивался с материнской грудью,

прежде чем ее сосать.

Таких как он — их прорва в этом выводке —

обожает наш любящий принарядиться век.

Заучили ходячий мотив, поверхностную вежливость,

и пенистым вином их называют

и простаки, и те, что отделяют зерна от мякины.

Но стоит испытанию подуть — а пузыри-то и пропали.[6]

Входит Лорд

Лорд

Милорд, его величество сообщил вам о своем предложении

через юного Озрика, который передал в ответ,

что вы ждете здесь.

Король послал узнать, соблаговолите ли вы

фехтовать с Лаэртом сейчас
или перенесете это на потом.
Гамлет
Мое решение не изменилось.
Оно совпадает с желанием короля.
Я готов. Ему достаточно только сказать.
Сейчас или когда-либо еще,
когда у меня снова будет время.
Лорд
Король, королева и все остальные идут сюда.
Гамлет
Тогда с богом. Начнем.
Лорд
Королева хочет, чтоб вы учтиво обошлись с Лаэртом
перед началом поединка.
Гамлет
Это полезное распоряжение.

Лорд уходит

Горацио
Милорд, вы проиграете.
Гамлет
Вряд ли. С тех пор, как он уехал во Францию,
я фехтовал не переставая. С форой я выиграю.
Но ты не представляешь, как тяжело у меня

на душе.

Впрочем, это не имеет значения.

Горацио

Послушайте, милорд…

Гамлет

Нет, это только блажь.

Но все же — нехорошее предчувствие.

Женщину, наверное, оно бы взволновало.

Горацио

Если у вас тяжело на душе, послушайтесь ее.

Я пойду к ним навстречу, скажу, вы не готовы.

Гамлет

Ни в коем случае. Это суеверие.

Даже смертью воробья управляет провидение.

Если случится сейчас, значит, не случится потом,

а если не суждено потом,

значит сейчас. Не сейчас, так потом.

Главное, быть готовым.

Ведь если ничего с собой не унести,

что это значит: "уйти слишком рано"?[7]

Нет, будь что будет.

Входят Король, Королева, Лаэрт, Лорды, Озрик и прочие придворные с рапирами и перчатками для фехтования. На стол ставят графины с вином.

Король

Гамлет, подойди сюда, пожмите друг другу руки.

Вкладывает руку Лаэрта в руку Гамлета

Гамлет

Примите мои извинения. Я поступил дурно.
Я оскорбил ваши чувства и вашу честь.
Надеюсь, вы сможете меня простить.
Присутствующие знают,
и вам, наверное, доводилось слышать,
что я страдаю тяжелым нервным расстройством.
Вас оскорбила моя болезнь.
Разве с Лаэртом дурно обошелся Гамлет?
Нет, ведь Гамлет был не в своем уме
и, значит, в его отсутствие обижен был Лаэрт.
Но кем? Болезнью Гамлета.
Гамлет сам в полку обиженных,
и его злейший враг — болезнь.
Здесь, перед всеми,
отрекаясь от непреднамеренного зла,
прошу вас меня простить,
ведь я как будто ранил брата,
пустив стрелу за крышу дома.[8]

Лаэрт

Мои чувства вас прощают,
это они сильней всего взывали к мести.
Но моя честь — особый разговор,
она не примирится,
пока авторитеты в вопросах чести
меня не убедят, что моему имени тут нет урона.
Но вашу любовь я принимаю и ее не обману.

Гамлет

Встречаю это с облегченьем
и с распростертыми объятьями.
С чистой душой мы начинаем.
— Принесите рапиры.

Лаэрт

И для меня тоже.

Гамлет

На фоне моего невежества, Лаэрт,
твой клинок блеснет звездой средь темной ночи.[9]

Лаэрт

Вы смеетесь надо мной?

Гамлет

Клянусь, что нет.

Король

— Озрик! А ну-ка, юноша, подайте им рапиры.
— Племянник Гамлет, тебе известны ставки?

Гамлет

Да, конечно.

Вы милостиво дали фору слабейшей стороне.

Король

Если я и ошибся, то не слишком. Я знаю, как вы фехтуете.

Поскольку он сильнее, тебе дается фора.

Лаэрт

Эта слишком тяжелая. Дайте другую.

Гамлет

А мне моя как раз.

— Все рапиры одинаковой длины?

Озрик

Да, мой принц.

Готовятся к поединку

Король

Поставьте на стол вино.

Если Гамлет победит в первом или втором туре

или отквитается в третьем —

пусть пушки палят из всех бойниц.

Король же выпьет за легкое дыханье Гамлета,

бросив в вино жемчужину, дороже тех,

что на своей короне носили четыре датских короля.

Принесите кубки.
Пусть литавры передадут фанфарам,
фанфары — канониру, пушки — небесам,
а небеса — земле:
«Король растворил в вине жемчужину за Гамлета!»[10]
Начнем же. Судьи, глядите в оба!

Гамлет

Сэр, начнем.

Лаэрт

Начнем, милорд.

Фехтуют

Гамлет

Есть.

Лаэрт

Не было.

Гамлет

Судьи!

Озрик

Удар, явный удар.

Лаэрт

Хорошо, продолжим.

Король

Погодите. Подайте мне кубок.
— Гамлет, тут твоя жемчужина.

Пью за твое здоровье.

(За сценой звуки фанфар и пушечные выстрелы)

Дайте и ему вина.

Гамлет

Нет, сначала еще тур. Вино пусть постоит.
Начнем

(Фехтуют)

Еще удар. Что скажете?

Лаэрт

Да, было, было, признаю.

Король

Наш сын выиграет.

Королева

Он весь вспотел, ему дыханья не хватает.
— Гамлет, возьми мой платок, вытри лоб.[11]
Королева пьет за твою удачу.

Гамлет

Матушка!

Король

Гертруда, не тронь вино![12]

Королева

Хочется пить, уж извините меня.

Король

(в сторону)

Поздно! Вино отравлено.

Гамлет

Я пока не буду пить, потом.

Королева

Иди, я вытру тебе лицо.

Лаэрт

Милорд, следующий удар за мной.

Король

Посмотрим, посмотрим.

Лаэрт

(*в сторону*)

Хоть протестует совесть.

Гамлет

Третий тур, Лаэрт. Но только не играйте в поддавки.

Атакуйте в полную силу.

Или вы меня считаете неженкой?

Лаэрт

Неправда! Начнем.

Фехтуют

Озрик

Оба мимо.

Лаэрт

Получи!

Лаэрт ранит Гамлета. Затем в борьбе они меняются рапирами и Гамлет ранит Лаэрта.

Король
Разведите их. Слишком распалились.
Гамлет
Нет, еще!

Королева падает

Озрик
Смотрите — королева!
Горацио
У обоих кровь течет.
— Как это могло случиться, милорд?
Озрик
Как это могло случиться, Лаэрт?
Лаэрт
Подсадная утка сама попалась в ловушку.[13]
Мое коварство меня же и сгубило. И поделом.
Гамлет
Что с королевой?
Король
Упала в обморок, увидев вас в крови.
Королева
Нет, нет, вино.
— Гамлет, милый, вино отравлено.

Умирает

Гамлет
Какая гнусность!
— Эй, держите двери.
Предательство. Раскрыть предательство.

Лаэрт падает

Лаэрт
Здесь, здесь оно.
Гамлет, ты мертв.
Убийца у тебя в руке —
отравленное отточенное остриё.
Тут не поможет ни одно лекарство.
Тебе осталось меньше получаса.
А мой грязный удар ко мне вернулся —
я уже не встану. Королеву отравили.
Я не в силах… — король — виноват король.
Гамлет
Клинок отравлен?
Тогда, яд, за работу!

Пронзает короля

Все
Измена! Государственная измена!
Король
Защитите меня, друзья. Я только ранен.

Гамлет
Проклятый кровосмеситель и убийца,
пей свое зелье! Там твоя жемчужина?
Ступай за мамой следом!

Король умирает

Лаэрт
Он получил по заслугам.
Он своими руками приготовил яд.
Простим друг другу, славный Гамлет:
я тебе — свою смерть и смерть отца,
а ты мне — свою.

Умирает

Гамлет
Пусть небо снимет с тебя вину. Я следом за тобой.
— Я покойник, Горацио.
— Прощай, несчастная королева!
— А вам, дрожащие и бледные свидетели,
хранящие молчанье зрители, я мог бы рассказать —
да только смерть, неумолимый пристав,
не мешкает с арестом.[14]
Нет времени, пусть уж так.
— Гораций, я покойник. Ты остаешься жить.

Расскажешь мою историю всем, кто захочет знать.

Горацио

Нет. Я родом скорей из Древнего Рима, а не из Дании.

(Берет кубок с ядом)

Тут еще хватит и для меня.

Гамлет

Будь мужчиной, Гораций, дай его сюда.
Гораций — как сжимает сердце это имя —
останься жить, чтоб рассказать, как это было.
Если ты меня любил, повремени с вечным блаженством.
И в скрежет мира выдохни
мучительную правду обо мне.[15]

(Слышен маршевый барабан и выстрелы)

Что там за войско?

Озрик

Молодой Фортинбрас с победой возвращается из Польши
и в честь послов из Англии дает салют.

Гамлет

Гораций, я умираю.
Яд уже начал каркать и заглушает голос моей

души.[16]

Я не дождусь вестей из Англии.

Но предвижу, что датским королем
вы выберете Фортинбраса.

Свой уже слабый голос я отдаю за Фортинбраса.

Так и скажи ему… — осталась тишина.

Умирает

Горацио

Какое сердце раскололось.

— Спокойной ночи, любимый принц,
пусть ангелы к тебе слетятся и поют у изголовья!

— Все ближе барабанный бой.

За сценой барабан отбивает марш.

Входят Фортинбрас, Послы из Англии, Барабанщик, Знаменосцы и Свита.

Фортинбрас

Где это случилось?

Горацио

Что вы хотели бы увидеть?

Если чудовищное горе — вы у цели.

Фортинбрас

Груда тел, как после клича «Добивай!» на поле

боя.[17]

О, смерть могучая! Какой же пир
ты у себя устроишь в нерушимых подземельях,
раз одним выстрелом правителей ты столько уложила!

Первый Посол

Да, вид гнетущий.

И запоздали наши вести о том, что в Англии произошло.

И чьи теперь услышат уши, что выполнен приказ,
и Розенкранц и Гильденстерн мертвы?
Кто нам спасибо скажет?

Горацио

Не Клавдия язык, будь даже Клавдий жив.
Это не его приказ.
Раз уж, прибыв из Англии и Польши,
вы здесь столкнулись с этими кровавыми делами,
велите сколотить высокие подмостки
и положить на них тела, а я вам расскажу,
как все произошло, и вы узнаете
о похоти, кровавых и чудовищных поступках,
о пагубных решеньях, убийствах
по ошибке и по принужденью,
о гибелях, что вызваны коварством,

и, наконец, о шатком замысле,
что пал на головы его создателей.
Я расскажу все без утайки.

Фортинбрас

Расскажешь все не медля,
но только созови сюда всю вашу знать.
А я с печалью принимаю свою судьбу:
у меня есть права, о которых помнят в этом королевстве,
и теперь выгодный момент их заявить.[18]

Горацио

Я и об этом передам слова того,
чей голос много значит.
И это нельзя откладывать —
умы людей сейчас так взбудоражены,
что как бы ни случилось больших бед,
и заговоров, и смут.

Фортинбрас

Пусть Гамлета четыре капитана,
как полководца, подымут на помост.
Ведь если б он взошел на трон —
стал бы великим королем.
Пускай сыграют марш и прозвучит салют.
Позаботьтесь обо всех убитых.
Такой вид годится лишь для поля брани,
а здесь он неуместным станет.

Несите, прикажите дать салют.

Звучит похоронный марш. Все уходят, унося мертвые тела. Затем раздается грохот орудий.

Комментарии

А в это время незамеченным
пройдет ключевое место пьесы
Гамлет

Сначала идет оригинал,
затем в порядке появления переводов:

перевод М. Лозинского,
перевод Б. Пастернака,
перевод А. Пустогарова.

Основные использованные источники:

Шекспировский Лексикон А.Шмидта (Shakespeare lexicon: a complete dictionary of all the english words, phrases and constructions in the works of the poet by Alexander Schmidt, Berlin, 1902);

Слова Шекспира (Den Cristal, Ben Cristal, Shakespeare`s Words, Penguin books, 2004;)

словарь Вебстера за 1828 год (American Dictionary of the English Language by Noah Webster, New York, 1828).

Название

The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark
Гамлет, принц датский
Гамлет, принц датский
Гамлет, трагедия наследника Дании

Трагедия Гамлета прямо проистекает из того, что он является наследником датского престола, а не просто принцем, то есть знатной персоной. Все свои действия Гамлет соотносит с тем, что на него может лечь полная ответственность за судьбу страны. Однако «в русском языке принц — в общем случае, сын короля или иного монарха соответствующего ранга, а также любой другой нецарствующий мужчина из королевской семьи или родственник царствующего монарха по мужской линии» (Википедия). Об этом же, к примеру, говорит и «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (Ф. Павленков, 1907): «Принц, Принцесса: не царствующие члены корол. или вообще владетельного дома в зап. Европе; соответств. нашим вел. князьям и княгиням». Поэтому при переводе я основывался на следующем значении слова prince — монарх по аналогии с тем, что название пьесы Шекспира

«Pericles, Prince of Tyre» принято переводить как «Перикл, царь Тира». То же дает для слова prince и Шекспировский Лексикон А.Шмидта: a ruler of a state, a sovereign (правитель государства, суверен). Напомню, что название знаменитого трактата Н. Макиавелли «Государь» на английском звучит именно как «Prince».

Поскольку законным правителем Гамлет становится лишь на последних минутах пьесы, я выбрал для названия слово наследник, указывающее, тем не менее, на потенциальную власть монарха.

Действие 1, сцена 1

1.

Elsinore. A platform before the castle.

Эльсинор. Площадка перед замком.

Эльсинор. Площадка перед замком.

Эльсинор. Вал у стен замка.

Не ясно, что это за площадка у стен замка. Между тем у слова platform есть значение орудийная площадка, которое хорошо соответствует ситуации. Шекспир наряду с замком вводит этот военный термин. (О пристрастии Шекспира к военной лексике смотри в комментариях к его сонетам).

Отчего в моем переводе вал? Оттого, что орудия часто размещали именно на валу: «Крепостной вал… Назначением его было… давать превосходство крепостной артиллерии над противником» (Военно-исторический словарь, 1998).

2.
BERNARDO
If you do meet Horatio and Marcellus,
The rivals of my watch, bid them make haste.

Бернардо
И если встретишь остальных — Марцелла
Или Горацио, — поторопи их.
Бернардо
А встретятся Гораций и Марцелл,
Подсменные мои, — поторопите.
Бернард
Если встретишь
Горацио или Марцелла —
моих товарищей по караулу —
скажи, чтоб не опаздывали.

Лозинский опускает слово rivals, заменяя его всеобъемлющим остальные. Пастернак же вводит не верное подсменные, поскольку подсменный — тот, кто приходит на смену. Согласно Лексикону А.Шмидта, одно из значений rival

— companion (компаньон).

3.
HORATIO
Friends to this ground.
MARCELLUS
And to the Dane.

Горацио
Друзья стране.
Марцелл
И люди датской службы.
Горацио
Друзья страны.
Марцелл
И слуги короля.
Горацио
Защита датских рубежей.
Марцелл
Стране подмога.

Здесь уже начинается словесная игра Шекспира. В разговоре с военным друзья стране звучит излишне пафосно, чтобы не сказать абсурдно. Шекспир же продолжает развивать военную тему: make ground значит захватить позицию. Ground и есть позиция, где несут службу Франциско и Марцелл — у слова friend есть значение

сослуживец. То есть friends to this ground означает соратники на этой позиции. Я использовал при переводе слово рубеж, у которого, как и у слова ground, два значения — элемент фортификации (рубеж обороны) и граница страны.

Liegeman — это не слуга, а вассал. Марцелл иронизирует над прибывшим из Германии Горацио.

4.
BERNARDO
Say,
What, is Horatio there?
HORATIO
A piece of him.

Бернардо
Что,
Горацио с тобой?
Горацио
Кусок его.
Бернардо
Вот так так!
Гораций здесь!
Горацио
Да, в некотором роде.
Бернард
Горацио с тобой?

Горацио
Его остатки.

Piece — обломок. Горацио иронизирует, намекая, вероятно, на холодную ночь. Добавлю, что у слова piece, помимо остаток, есть значение оружие. Тогда ответ Горацио — его оружие — ирония над тем, что толку от Горацио — разве его оружие.

5.
BERNARDO
And let us once again assail your ears,
That are so fortified against our story
What we have two nights seen.

Бернардо
И двинем вновь на штурм твоих ушей,
Для вашего рассказа неприступных,
Все, что мы видели.
Бернардо
И разрешите штурмовать ваш слух,
Столь укрепленный против нас, рассказом
О виденном.
Бернард
Мы попытаемся пробить броню, которой
ты защищаешь свои уши от наших слов.
Глагол fortify означает защиту, однако защиту

не только в виде фортификационных сооружений, поэтому, продолжая заданную Шекспиром военную тему, более уместна защита в виде закрывающего уши шлема.

6.

Enter Ghost
Входит Призрак
Входит Призрак
Входит Дух

Шекспировский лексикон А. Шмидта и лексикон Слова Шекспира для ghost приводят синонимы spirit (дух) и soul (душа). То есть это то, что, по мнению современников Шекспира, реально существует. В то же время русские толковые словари дают для слова призрак: «Образ кого-чего-н., представляющийся в воображении, видение, то, что мерещится» (Толковый словарь Ожегова) и «То, что видится, мерещится, видение, образ чего-нибудь» (Толковый словарь Ушакова).

7.

MARCELLUS
Thou art a scholar; speak to it, Horatio.

Марцелл
Ты книжник; обратись к нему, Горацио.
Марцелл

Ты сведущ — обратись к нему, Гораций.

Марцелл

Гораций, ты человек образованный,
заговори с ним.

Scholar — это и ученик, студент, что подходит к Горацио, а в просторечьи — грамотный человек. Марцелл вряд ли разбирается в познаниях Горацио, но относит его к классу образованных людей, которым и положено иметь дело со сверхъестественными явлениями.

8.

HORATIO

it harrows me with fear and wonder

Горацио

я пронизан страхом и смущеньем

Горацио

Я в страхе и смятенье!

Горацио

как подкосили изумление и ужас

Harrow — это борона или грабли. То есть по Горацио словно проскребли граблями его эмоции. И Лозинский, и Пастернак эту прозаичность убирают напрочь. Я же использовал «сельскохозяйственный» термин подкосили.

9.

HORATIO
So frown'd he once, when, in an angry parle,
He smote the sledded Polacks on the ice

Горацио
Вот так он хмурился, когда на льду
В свирепой схватке разгромил поляков.
Горацио
И так же хмур, как в незабвенный день,
Когда при ссоре с выборными Польши
Он из саней их вывалил на лед.
Горацио
и так же грозен, как в тот день,
когда по льду он гнал поляков.

Эти the sledded Polacks, то есть поляки на санях, считаются темным местом.

Я предположил, что, поскольку буквы f и s в тогдашнем виде близки по форме, то произошла т. н. ошибка переписчика или наборщика, и fledded (те, кого гонят) превратились в sledded.

10.
HORATIO
In what particular thought to work I know not;
But in the gross and scope of my opinion,
This bodes some strange eruption to our state.

Горацио

Что в точности подумать, я не знаю;
Но вообще я в этом вижу знак
Каких-то странных смут для государства.
Горацио
Подробностей разгадки я не знаю,
Но в общем, вероятно, это знак
Грозящих государству потрясений.
Горацио
С моей точки зрения… не знаю, что и думать,
но, исходя из общих соображений,
что-то неожиданное прорежется в нашей стране.

В первый двух строках Гораций говорит, что конкретных соображений (particular thought) у него нет, но исходя из общего кругозора и суммы знаний… Речь его сумбурна, что я и постарался передать.

Слова знак, которое ввели Лозинский и Пастернак, у Шекспира нет. Eruption означает прорывное явление, в том числе, может интерпретироваться как смута, однако отчего тогда она странная (strange)? Более уместно тут использование значения прорезывание (зубов), как метафоры для чего-то нового и способного укусить.

11.
MARCELLUS

Why this same strict and most observant watch
So nightly the subject of the land,
And why such daily cast of brazen cannon,
And foreign mart for implements of war;
Why such impress of shipwrights, whose sore task
Does not divide the Sunday from the week;
What might be toward, that this sweaty haste
Doth make the night joint-labourer with the day:

Марцелл
К чему вот эти строгие дозоры
Всеночно трудят подданных страны?
К чему литье всех этих медных пушек
И эта скупка боевых припасов,
Вербовка плотников, чей тяжкий труд
Не различает праздников от будней?
В чем тайный смысл такой горячей спешки,
Что стала ночь сотрудницею дня?
Марцелл
К чему такая строгость караулов,
Стесняющая граждан по ночам?
Чем вызвана отливка медных пушек,
И ввоз оружья из-за рубежа,
И корабельных плотников вербовка,
Усердных в будни и в воскресный день?
Что кроется за этою горячкой,
Потребовавшей ночь в подмогу дню?

Марцелл

зачем всех изнуряют ночью, ставя в караулы,
дни напролет льют бронзовые пушки
и за границей закупают снаряженье для войны?
Зачем согнали плотников и, не давая продохнуть,
без выходных, все строят корабли?
Кто сделал ночь подручной дня,
какая цель у этой всей запарки?

Из переводов и Лозинского, и Пастернака можно заключить, что строгие дозоры\караулы каким-то образом обременяют сидящих по домам граждан. Между тем, речь идет о том, что граждане поголовно привлекаются к караульной службе.

И Лозинский, и Пастернак переводят brazen cannon как медные, а не бронзовые пушки, вероятно, чтобы подчеркнуть — дело очень давнее. Однако первые пушки были вовсе не медными, а железными или бронзовыми. Медная пушка — вещь крайне экзотическая.

Шекспир совершенно определенно говорит о закупках военных товаров за рубежом, то есть пушки вместо масла. У Лозинского же вместо этого скупка боевых припасов — не ясно где,

но по смыслу скорее всего в самой Дании, а у Пастернака ввоз оружья из-за рубежа, очевидно, иностранцами.

Вербовка у Лозинского и Пастернака — дело добровольное, а вот авторское impress — процесс принудительный.

И Лозинский, и Пастернак игнорируют упоминание о поте в сочетании sweaty haste (букв. потная спешка), вместо этого у Лозинского звучащая не по-русски горячая спешка, а у Пастернака — горячка, которая означает не подневольную работу, а болезнь. Я использовал слово запарка — однокоренное с взопреть, то есть вспотеть, покрыться испариной.

12.

HORATIO
Shark'd up a list of lawless resolutes,
For food and diet, to some enterprise
That hath a stomach in't

Горацио
Набрал себе с норвежских побережий
Ватагу беззаконных удальцов
За корм и харч для некоего дела,
Где нужен зуб.

Горацио

Набрал по всей Норвегии отряд
За хлеб готовых в бой головорезов
Горацио
собрал всю сволочь, что за прокорм
и хлебные места рискнуть готова животом

Отрывок содержит изощренную словесную игру. Выражение for food and diet построена по образцу for food and drink (за еду и питье). Слово diet, на первый взгляд, это тавтология, поэтому Лозинский передает фразу тавтологией, а Пастернак слово diet и вовсе опускает. Однако все становится на свои места, если использовать для перевода слова diet значение законодательное собрание. То есть проходимцы, которых набрал Фортинбрас, служат ему за еду, однако готовы при случае войти в правящий слой страны. Далее Шекспир добавляет еще один «гастрономический» оборот hath a stomach in't, что означает отважиться на что-либо.

13.
BERNARDO
this portentous figure
Comes armed through our watch

Бернардо
Вот почему и этот вещий призрак

В доспехах бродит

Бернардо

Не зря обходит в латах караулы
Зловещий призрак

Бернард

Поэтому величественный силуэт
вооруженным ходит мимо часовых.

Figure может означать как реальную фигуру, так и воображаемый образ. Лозинский же и Пастернак используют слово призрак, которое определенно означает то, что мерещится (см. выше п.5).

14.

HORATIO

A mote it is to trouble the mind’s eye.

Горацио

Соринка, чтоб затмился глаз рассудка.

Горацио

Он как сучок в глазу души моей!

Горацио

Он — та соринка, что попав рассудку в глаз,
его должна бы растревожить.

В отличии от Пастернака, Лозинский правильно переводит mote как соринку, только она должна не затуманить, а, наоборот, встревожить

(trouble) рассудок.

15.

HORATIO

stars with trains of fire and dews of blood,
Disasters in the sun; and the moist star,
Upon whose influence Neptune's empire stands,
Was sick almost to doomsday with eclipse.

Горацио

Кровавый дождь, косматые светила,
Смущенья в солнце; влажная звезда,
В чьей области Нептунова держава,
Болела тьмой, почти как в судный день

Горацио

В огне комет кровавилась роса,
На солнце пятна появлялись; месяц,
На чьем влиянье зиждет власть Нептун,
Был болен тьмой, как в светопреставленье,

Горацио

за звездами тянулись хвосты из пламени и капель крови,
на солнце появились пятна,
луна, что управляет империей Нептуна,
словно в день Страшного суда,
померкла от затменья
У Лозинского вместо авторского хвосты (комет)

из пламени и капель крови (dew — это капля дождя) появляется явно из другой оперы кровавый дождь, а у Пастернака — кровавилась роса, можно подумать, что на земле.

Stands upon означает на основании: то есть империя Нептуна (океаны и моря) подчиняется влиянию (притяжению) луны, как полагает и современная теория приливов. Вместо этого Лозинский считает, что Нептунова держава находится на звезде или луне, а Пастернак вводит расплывчатый оборот на чьем влиянье зиждет власть Нептун.

Sick to smth не означает болеть чем-либо: к примеру, it makes me sick to hear значит невозможно это слышать, a it makes me sick to think that it is so — трудно это себе представить и т. п. Поэтому sick almost to doomsday следует буквально перевести как дошла почти до Страшного Суда. Лозинский же и Пастернак выбросили eclipse (затмение) заменив его нелепой болезнью тьмой.

Действие 1.Сцена 2

1.
KING CLAUDIUS
Our state to be disjoint and out of frame

Король
Пришло в упадок наше королевство
Король
Развал в стране и все в разъединенье
Король
разболтался наш государственный механизм

State — это не страна, как у Пастернака, а государство. В отношении него Шекспир использует термины, применительные к механизму: disjoint — сорваться с шарниров и out of frame — выйти за пределы несущей конструкции.

2.
KING CLAUDIUS,
Farewell, and let your haste commend your duty.

Король
Добрый путь. Поспешностью отметьте ваше рвенье.
Король
Поезжайте. Готовность докажите быстротой.
Король
В дорогу! Пусть ваша расторопность
докажет вашу верность.

Haste не только спешка, но, что более уместно в данном случае, расторопность. Duty — не только долг, обязанность, но и моральные обязательства

в отношении сюзерена.

3.

LORD POLONIUS

He hath, my lord, wrung from me my slow leave
By laboursome petition, and at last
Upon his will I seal'd my hard consent

Полоний

Он долго докучал мне, государь,
Настойчивыми просьбами, пока
Я не скрепил их нехотя согласьем

Полоний

Он вымотал мне душу, государь,
И, сдавшись после долгих убеждений,
Я нехотя его благословил.

Полоний

Он постепенно выжал из меня разрешение.

В конце концов, я тиснул печать на свое согласие.

Wrung from me my slow leave буквально означает выжал из меня мое медленное разрешение, то есть процесс отождествляется с выдавливанием содержимого из емкости.

Лексика Полония свидетельствует о его бюрократической должности, отсюда seal'd — поставил печать.

4.

KING CLAUDIUS

But now, my cousin Hamlet, and my son,-

HAMLET

[Aside] A little more than kin, and less than kind.

Король

А ты, мой Гамлет, мой племянник милый

Гамлет (в сторону)

Племянник — пусть; но уж никак не милый.

Король

Ну, как наш Гамлет, близкий сердцу сын?

Гамлет (в сторону)

И даже слишком близкий, к сожаленью.

Король

А ты, племянник Гамлет и наш сын…

Гамлет (в сторону)

Чуть более, чем просто родственник,
чуть менее, чем радуюсь тому.

Шекспир использует словесную игру kin (родственник) — kind (доброжелательный, послушный). Смысл реплики Гамлета в том, что они с Клавдием породнились ещё и в результате женитьбы Клавдия на матери Гамлета.

5.

HAMLET

I shall in all my best obey you, madam

Гамлет
Сударыня, я вам во всем послушен
Гамлет
Сударыня, всецело повинуюсь.
Гамлет
Я вам послушен изо всех сил, королева.

Фраза Гамлета иронична, поскольку do all my best означает стараться изо всех сил.

6.
HAMLET
But break, my heart, for I must hold my tongue.

Гамлет
Но смолкни, сердце, скован мой язык!
Гамлет
Разбейся, сердце, молча затаимся.
Гамлет
Но, хоть рвется на части сердце,
я должен прикусить язык.

Hold my tongue — буквально держать язык за зубами, но и Лозинский, и Пастернак предпочитают просторечию невнятность или (как у Лозинского) прямое, простите за каламбур, косноязычие: язык, скованный, вероятно, цепями — это уж слишком.

7.
HORATIO
whilst they, distilled
Almost to jelly with the act of fear,
Stand dumb and speak not to

Горацио
они же,
Почти что в студень обратясь от страха,
Стоят, храня безмолвье.
Горацио
они ж стоят,
Застыв от страха и лишившись речи,
Как громом пораженные
Горацио
Они, как будто кости в студень
выварил им страх, рта не могли открыть.

Речь явно идёт о гидродистилляции (вываривании) костей для получения из них желатина.

Действие 1. Сцена 3

1.
LAERTES
His greatness weighed, his will is not his own,
For he himself is subject to his birth.
He may not, as unvalued persons do,

Carve for himself

Лаэрт
Великие в желаниях не властны;
Он в подданстве у своего рожденья;
Он сам себе не режет свой кусок,
Как прочие
Лаэрт
По званью он себе не господин.
Он сам в плену у своего рожденья.
Не вправе он, как всякий человек,
Стремиться к счастью.
Лаэрт
Боюсь, что титул перевесит.
Им правит родословная.
И он не может, как простолюдин,
себе накладывать все лучшие куски.

His greatness weighed — (титул) его величество перевешивает (все остальное).

Оба переводчика эту фразу просто выпустили.

Carve for himself — буквально означает нарезать для себя мясо, однако оборот Лозинского он сам себе не режет свой кусок, в лучшем случае, мало понятен, а после языка в цепях (см. п.7 Действие 1, Сцена 2) может вызвать нездоровые ассоциации.

2.

LAERTES

And keep you in the rear of your affection,
Out of the shot and danger of desire.

Лаэрт

И хоронись в тылу своих желаний,
Вдали от стрел и пагубы страстей.

Лаэрт

Остерегайся, как чумы, влеченья,
На выстрел от взаимности беги.

Лаэрт

Держись в тылу, подальше от страстей,
чтоб не попасть под выстрел вожделенья.

Лозинский верно передает общий смысл фразы, только Шекспир не использует банальный оборот стрелы страсти, т. е. стрелы Амура, а, отталкиваясь от этого образа, создает свой, прямо связанный с боевыми действиями в эпоху огнестрельного оружия.

Пастернак же, вместо тыла вводя чуму, нарушает цельный шекспировский образ.

3.

LAERTES

The canker galls the infants of the spring
Too oft before their buttons be disclosed,

And, in the morn and liquid dew of youth,
Contagious blastments are most imminent.

Лаэрт
Червь часто точит первенцев весны,
Пока еще их не раскрылись почки,
И в утро юности, в росистой мгле,
Тлетворные опасны дуновенья.
Лаэрт
Червь бьет всего прожорливей ростки,
Когда на них еще не вскрылись почки,
И ранним утром жизни, по росе,
Особенно прилипчивы болезни.
Лаэрт
И гниль плодовая так часто губит первенцев весны
и не дает бутонам распуститься,
и в утренней росе раздолье для заразы.

Canker означает садовых вредителей и болезни садовых культур, однако во время цветения личинки вредителей лишь откладывают яйца, из которых потом появляются черви, цветки же повреждает заболевание плодовая гниль.

4.
LORD POLONIUS
The wind sits in the shoulder of your sail

Полоний

У паруса сидит на шее ветер

Полоний

Уж ветер выгнул плечи парусов

Полоний

Уж ветер в п**а**руса лопатку толкает твой корабль!

Имеется в виду треугольный или латинский парус, который называется из-за своей формы a shoulder of mutton sail — парус в виде бараньей лопатки. У sit есть значение давить.

5.

LORD POLONIUS

Do you believe his tenders, as you call them?

OPHELIA

I do not know, my lord, what I should think.

LORD POLONIUS

Marry, I'll teach you: think yourself a baby;

That you have ta'en these tenders for true pay,

Which are not sterling. Tender yourself more dearly;

Or — not to crack the wind of the poor phrase,

Running it thus — you'll tender me a fool.

Полоний

И что ж, ты этим увереньям веришь?

Офелия
Не знаю, что и думать, господин мой.
Полоний
А думать ты должна, что ты дитя,
Раз уверенья приняла за деньги.
Уверь себя, что ты дороже стоишь;
Не то — совсем заездил это слово! —
Боюсь увериться, что я дурак.
Полоний
А как ты отнеслась
К его, как ты их назвала, залогам?
Офелия
Не знаю я, что думать мне о них.
Полоний
Так вот, я научу: во-первых, думай,
Что ты — дитя, принявши их всерьез,
И требуй впредь залогов подороже.
А то, сведя все это в каламбур,
Под свой залог останешься ты в дурах.
Полоний
И ты веришь в эти, как ты их называешь, нежности?
Офелия
Мне кажется, он не шутил.
Полоний
Меня пугает не на шутку,

что ты такой ребенок, что приняла
все эти «нежности» за чистую монету.
Цени себя дороже, или — вот прилипло слово —
ты сделаешь из меня шута.

Шекспир играет со следующими значениями слова tender:

— нежность;

— предложение денег за товар (tenders for true pay, tender yourself more dearly);

— делать из кого-либо дурака (tender me a fool).

Лозинский, пытаясь передать словесную игру, использует сначала существительное уверения, а затем глагол увериться, причем, в одном и том же смысле Это не словесная игра, а тавтология.

Пастернак же авторскую игру устранил да вдобавок запутался в том, кто кому дает залог.

Я преобразовал эту авторскую игру в игру со словами шутка и шут, используя фразеологические обороты не на шутку и делать из кого-либо шута.

6.

OPHELIA

My lord, he hath importuned me with love
In honorable fashion—

LORD POLONIUS

Ay, «fashion» you may call it. Go to, go to!

Офелия
Он о своей любви твердил всегда
С отменным вежеством.
Полоний
Ты это вежеством зовешь; ну-ну!
Офелия
Отец, он предлагал свою любовь
С учтивостью.
Полоний
С учтивостью! Подумай!
Офелия
Отец, он атакует меня своей любовью
достойным способом.
Полоний
Способом? Ну-ну.

Глагол importuned содержит элемент насилия. Поэтому фраза Офелии иронична. А Полоний разговаривает с ней, вероятно, намеренно грубовато.

7.
LORD POLONIUS
Ay, springes to catch woodcocks. I do know,
When the blood burns, how prodigal the soul
Lends the tongue vows: these blazes, daughter,

Giving more light than heat, extinct in both,
Even in their promise, as it is a-making,
You must not take for fire.

Полоний
Силки для куликов! Я знаю сам,
Когда пылает кровь, как щедр бывает
Язык на клятвы; эти вспышки, дочь,
Которые сияют, но не греют
И тухнут при своем возникновенье,
Не принимай за пламя.
Полоний
Силки для птиц! Пока играла кровь,
И я на клятвы не скупился, помню.
Нет, эти вспышки не дают тепла,
Слепят на миг и гаснут в обещанье.
Не принимай их, дочка, за огонь.
Полоний
Силки тетерям! Знаю сам:
когда вскипает кровь, так щедро сердце
одалживает клятвы языку!
Но эти вспышки светят, да не греют,
а после гаснут даже обещанья.
Не принимай же их за пламя очага.

Woodcock означает тетерев и простак. Отсюда мое тетери (вспомни глухая тетеря).

В сочетании с giving more light than heat (светит

да не греет) fire логично трактовать как пламя домашнего очага.

8.

LORD POLONIUS

Do not believe his vows; for they are brokers,
Not of that dye which their investments show,
But mere implorators of unholy suits,
Breathing like sanctified and pious bawds
The better to beguile.

Полоний

но клятвам
Его не верь, затем что это сводни
Другого цвета, чем на них наряд,
Ходатаи греховных домогательств,
Звучащие как чистые обеты,
Чтоб лучше обмануть.

Полоний

Клятвы — лгуньи.
Не то они, чем кажутся извне.
Они, как опытные надувалы,
Нарочно дышат кротостью святош,
Чтоб обойти тем легче.

Полоний

Не верь, дочь, в эти клятвы,
они — как продавцы, что показали образец

другой окраски, чем весь товар,
свахи для сговоров нечистых,
сводни, чьи слова благочестивы,
чтоб легче обмануть.

Персонажи, выбранные Полонием для составления метафоры, отражают его жизненный опыт. Между тем, Пастернак полностью устраняет персонажей оригинала, заменяя их общими терминами. Лозинский убирает брокера. Оба переводчика игнорируют словесную игру Шекспира. Вместо нее Лозинский предлагает нелепое сводни другого цвета.

Шекспир же сравнивает любовные клятвы с поведением продавца (брокера), который перед сделкой показывает образец другого цвета или окраски, чем основная партия одежды. Причем investments одновременно означает и одежду и инвестиции, вклад. Далее употребляется выражение unholy suits, где suit — одновременно сватовство и дело в суде.

Действие 1, Сцена 4

1.
HAMLET
And, as he drains his draughts of Rhenish down,
The kettledrum and trumpet thus bray out

The triumph of his pledge.

Гамлет
И чуть он опорожнит кубок с рейнским,
Как гром литавр и труб разносит весть
Об этом подвиге.
Гамлет
И чуть осушит новый кубок с рейнским,
Об этом сообщает гром литавр,
Как о победе!
Гамлет
И каждый выпитый им кубок рейнского
литавры прославляют
и ослиный крик фанфар.
Bray означает или прямо крик осла, или резкий звук, похожий на крик осла.

2.
HAMLET
So, oft it chances in particular men,
That for some vicious mole of nature in them,
As, in their birth — wherein they are not guilty,
Since nature cannot choose his origin–
By the o'ergrowth of some complexion,
Oft breaking down the pales and forts of reason,
Or by some habit that too much o'er-leavens
The form of plausive manners

Гамлет
Бывает и с отдельными людьми,
Что если есть у них порок врожденный —
В чем нет вины, затем что естество
Своих истоков избирать не может, —
Иль перевес какого-нибудь свойства,
Сносящий прочь все крепости рассудка,
Или привычка слишком быть усердным
В старанье нравиться
Гамлет
Бывает и с отдельным человеком,
Что, например, родимое пятно,
В котором он невинен, ибо, верно,
Родителей себе не выбирал,
Иль странный склад души, перед которым
Сдается разум, или недочет
В манерах, оскорбляющий привычки
Гамлет
Так в человеке какая-то черта характера,
как будто злокачественная бородавка,
в которой он не виноват,
ведь он не выбирает кем родиться,
вдруг разрастается и напрочь сносит
все частоколы и заграждения рассудка;
или какая-то особенность растет, как на дрожжах,

перетекая за края дозволенного

Во фразе some vicious mole of nature слово nature получает смысловую нагрузку, если при его переводе использовать значение врожденное качество или черта характера, получая буквально: злокачественная бородавка (родинка) черты характера. Далее Шекспир сравнивает усиление отрицательной черты характера с разрастанием злокачественной бородавки. Именно это означает the o'ergrowth of some complexion (разрастание некоторой черты характера), если для complexion использовать значение temperament (см. Лексикон Шекспира А.Шмидта), то есть опять же характер. И Лозинский, и Пастернак эту метафору роста устраняют, заменяя ее перечислением: порок врожденный иль перевес какого-нибудь свойства и, соответственно, родимое пятно… иль странный склад души.

Leaven — это дрожжи, поэтому в последних двух строках отрывка черта характера (habit) сравнивается с тестом, которое, подымаясь на дрожжах, вытекает из посуды. И Лозинский, и Пастернак заменяют этот образ Шекспира невнятной отсебятиной.

3.

HAMLET
the dram of eale
Doth all the noble substance of a doubt
To his own scandal

Гамлет
крупица зла
Все доброе проникнет подозреньем
И обесславит.
Гамлет
А все от этой глупой капли зла,
И сразу все добро идет насмарку.
Досадно, ведь.
Гамлет
из-за глотка спиртного
ославив в нем все благородное.

Речь идет о пьянстве датчан, поэтому можно только дивиться, отчего и Лозинский, и Пастернак слово eale = ale, то есть спиртной напиток эль, трактуют как evil, то есть зло.

4.
HAMLET
Thou comest in such a questionable shape
That I will speak to thee

Гамлет
Твой образ так загадочен, что я

К тебе взываю

Гамлет

Я озадачен так таким явленьем,

Что требую ответа

Гамлет

но вид твой так меня тревожит,

что я заговорю с тобой

Questionable в данном случае означает вовсе не непонятный, а, согласно Словарю Вебстера, inviting inquiry, то есть побуждающий к розыску, допросу. (Ср. с п. 4 к Действию 3 Сцене 1). Отсюда мое тревожит, то есть побуждает к дознанию.

5.

HORATIO

He waxes desperate with imagination.

Горацио

Он одержим своим воображеньем.

Горацио

Теперь он весь во власти исступленья.

Горацио

Он точно взбесился, увидев это сходствосо своим отцом.

Если imagination перевести как воображение, то трудно понять, отчего им, как в переводе Лозинского, одержим один лишь Гамлет, а не все

присутствующие. Поэтому Пастернак это слово совсем убирает. Вспомним, однако, что Горацио, который это говорит, «человек образованный», изучавший философию в Виттенбергском университете. А вот изложение тезиса английского философа Дэвида Юма (1711–1776): «As our imagination takes our most basic ideas and leads us to form new ones, it is directed by three principles of association, namely, resemblance, contiguity, and cause and effect» (James Fieser, Internet Encyclopedia of Philosophy, Hume, David). То есть imagination основывается на трех принципах связи идей (association), первый из которых resemblance, т. е. схожесть, а второй — contiguity, то есть близость. И тут все становится на свои места: Горацио имеет в виду, что Гамлета поражает сходство призрака с его отцом.

Действие 1, Сцена 5

1.
GHOST
And duller shouldst thou be than the fat weed
That roots itself in ease on Lethe wharf,
Wouldst thou not stir in this.

Призрак

Но даже будь ты вял, как тучный плевел,
Растущий мирно у летейских вод,
Ты бы теперь воспрянул.

Призрак

И кто б ты был? Болотной сонной ряской
В стоячих водах Леты, если б тут
Не всколыхнулся.

Дух

Ты б оказался бесчувственнее заскорузлого бурьяна,
застывшего лениво у переправы через Лету,
когда б тебя не всколыхнули мои слова.

Лозинский переводит fat как тучный, однако словарь Вебстер за 1828 год дает для него следующие значения: dull, stupid; unteachable, то есть тупой, безучастный, что тут больше подходит по смыслу. В качестве перевода для weed Лозинский предложил плевел, то есть растение с крупным зерновым колосом, что только затуманивает шекспировский образ. Значение сорняк, бурьян в качестве weed логичнее как для флоры у летейской переправы, так и в качестве сравнения с бесчувственным человеком. Умиротворяющую водоросль (еще одно значение для weed) Пастернак переделал в ряску, у которой, конечно, нет никаких корней, поэтому она не может укоре-

ниться (roots itself). Более того, для обосновании ряски Пастернаку пришлось выдумать «стоячие воды Леты», как будто Лета — это болото.

2.

HAMLET
O, my prophetic soul!

Гамлет
О вещая моя душа!
Гамлет
О, мои прозренья!
Гамлет
Душа все чувствовала!

Лозинский, по-видимому, идет вслед за Тютчевым, которому принадлежат явно навеянные «Гамлетом» строки: «О вещая душа моя! О сердце, полное тревоги…»

Фразу же Гамлета уместно сопоставить с блаженным Августином: «человеческая душа в самой себе имеет некоторую силу прорицания» (О книге Бытия буквально, кн.12, гл.13).

Однако prophetic допускает и не столь пафосные переводы: к примеру, thunder is often prophetic of showers — гром часто предвещает грозу.

3.

GHOST
Cut off, even in the blossoms of my sin,
Unhouseled, disappointed, unaneled,
No reck'ning made, but sent to my account
With all my imperfections on my head.

Призрак
Я скошен был в цвету моих грехов,
Врасплох, непричащен и непомазан;
Не сведши счетов, призван был к ответу
Под бременем моих несовершенств.
Призрак
Так был подрезан в цвете грешных дней,
Не причащен и миром не помазан;
Так послан второпях на страшный суд
Со всеми преступленьями на шее.
Дух
без причащенья, без соборованья
я был подрублен в пору цветенья всех своих грехов.
Я не расчелся с ними, не выправил ошибок,
когда затребовали окончательный отчет.

Cut off может относиться как к срубленному дереву, так и к срезанному цветку. Однако для короля более уместно сравнить себя с деревом.

Account — это бухгалтерская отчетность. Для

отправившегося в мир иной напрашивается отождествление этого отчета со Страшным судом (Вот Пастернак и заменяет account на страшный суд, убирая при этом полностью «бухгалтерский» мотив). Imperfections — это и не только несовершенства, за которые следуют наказания на Страшном суде, но и ошибки в том же отчете. Шекспир проводит аналогию между Страшным судом и сдачей бухгалтерского отчета.

On my head (букв. на моей голове) не следует, как Пастернак, обязательно переводить близко к буквальному прочтению. К примеру, enough of blood rests on my head (Walter Scott, The Lord of the Isles: Canto III, XVIII) переводится как изрядно крови на моих руках, то есть на моей совести.

4.

HAMLET
while memory holds a seat
In this distracted globe.

Гамлет
пока гнездится память
В несчастном этом шаре
Гамлет
пока есть память в шаре
Разбитом этом

Гамлет
пока есть место
для памяти в безумном этом мире

Можно только недоумевать, откуда, согласно и Лозинскому, и Пастернаку, взялся этот несчастный или разбитый шар. Ведь globe — это прежде всего земной шар.

5.
HAMLET
from the table of my memory
I'll wipe away all trivial, fond records,
All saws of books, all forms, all pressures past,
That youth and observation copied there,
And thy commandment all alone shall live
Within the book and volume of my brain,
Unmixed with baser matter

Гамлет
Ах, я с таблицы памяти моей
Все суетные записи сотру,
Все книжные слова, все отпечатки,
Что молодость и опыт сберегли;
И в книге мозга моего пребудет
Лишь твой завет, не смешанный ни с чем,
Гамлет
Я с памятной доски сотру все знаки

Чувствительности, все слова из книг,
Все образы, всех былей отпечатки,
Что с детства наблюденье занесло,
И лишь твоим единственным веленьем
Весь том, всю книгу мозга испишу,
Без низкой смеси.

Гамлет

Я со скрижалей памяти сотру
отметины банальных привязанностей,
книжную премудрость, все образы,
все оттиски прошлого,
всё, что юность туда переписала.
И только твоя заповедь одна
жить будет в Писании на свитке мозга,
не смешана с обычными словами.

Начнем с thy commandment. Ten Commandments — это Десять заповедей. Но тогда the table of my memory — это скрижали памяти, на которых будет записана заповедь Духа. Правда, возникает вопрос, отчего вначале с этих скрижалей все прежние заповеди Гамлет wipe away, то есть буквально сотрет тряпкой, как со школьной доски? Полагаю, оттого, что даже в русском языке слово скрижаль не обязательно означает нечто торжественное, вроде Скрижали Завета. Это может быть и любая дощечка, на которой что-то

скрябают. То же относится и к английскому слову table. Шекспир строит образ следующим образом: вначале это просто дощечка, на которой написана всякая всячина, но Гамлет очищает ее, делая аналогом Скрижали Моисея, на которой записана одна только заповедь Духа.

Аналогичное выражение Thy beauty's form in table of my heart (Образ твоей красоты на скрижали моего сердца) Шекспир употребляет в 24 сонете, и там table — это, несомненно, скрижаль, поскольку Шекспир почти дословно цитирует Второе послание к Коринфянам по Библии короля Якова (1611 г.): the epistle of Christ ministered by us, written not with ink, but with the Spirit of the living God; not in tables of stone, but in fleshy tables of the heart. Русский перевод: письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца (2 Кор 3:3). Плотяные — то есть из человеческой плоти.

Within the book and volume of my brain — Лексикон Шекспира Александра Шмидта указывает, что Шекспир неоднократно употребляет слово book (книга) в значении Библия. В данном случае в связи с трактовкой table как скрижаль такое прочтение более, чем уместно. Отсюда мое Пи-

сание.

6.

HAMLET

Ha, ha, boy, sayst thou so? Art thou there,
truepenny?
Come on, you hear this fellow in the cellarage.
Consent to swear.

Гамлет

А! Это ты сказал! Ты здесь, приятель? —
Вот, слышите его из подземелья?
Клянитесь же.

Гамлет

Ага, старик, и ты того же мненья?
Вы слышите, что вам он говорит?
Извольте ж клясться.

Гамлет

А, ты тут как тут, приятель?
Я знал, что ты надежный парень.
— Слыхали этот голос из погреба?
А ну, клянитесь!

Гамлет называет Духа truepenny — буквально надежный парень. Гамлет имеет в виду и поддержку Духа в получении клятв от Горацио и Марцелла, и веру в правдивость всего, что сказал Дух.

И Лозинский, и Пастернак убирают in the cellarage — из погреба, посчитав его «не поэтическим». Лозинский заменяет из погреба на романтическое из подземелья.

7.

HAMLET

Well said, old mole. Canst work i' th' earth so fast?—

A worthy pioner!

Гамлет

Так, старый крот! Как ты проворно роешь!

Отличный землекоп!

Гамлет

Ты, старый крот? Как скор ты под землей!

Уж подкопался?

Гамлет

Хорошо сказано, старый крот.

Если ты так же ловко роешь землю,

ты просто землепроходец.

Пастернак опускает слово pioner, Лозинский заменяет его на землекоп. Между тем, у pioner (первопроходец) есть синоним groundbreaker, что буквально можно перевести как землевзломщик, то есть землепроходец.

8.

Hamlet
The time is out of joint. O cursиd spite
That ever I was born to set it right!

Гамлет
Век расшатался — и скверней всего,
Что я рожден восстановить его!
Гамлет
Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить!
Гамлет
Век вывихнул себе суставы.
Но почему же я их должен вправить?

Joint — сустав, out of joint — вывихнуть сустав. Поэтому связующая нить Пастернака — полная отсебятина. А Лозинский отчего-то считает, что то, что расшаталось, следует не укрепить или подтянуть, а восстановить, как будто оно уже превратилось в руины.

Действие 2, Сцена 1

1.
LORD POLONIUS
And thus do we of wisdom and of reach,
With windlasses and with assays of bias,
By indirections find directions out.

Полоний
Так мы, кто умудрен и дальновиден,
Путем крюков и косвенных приемов,
Обходами находим нужный ход;
Полоний
Так все мы, люди дальнего ума,
Издалека, обходом, стороною
С кривых путей выходим на прямой.
Полоний
Так поступаем мы, люди мудрые и влиятельные,
словно применив рычаг или лебедку,
чтобы непрямо дотянуться прямо к цели.

Reach — не только область понимания, но и область досягаемости. В сочетании с упомянутыми ниже механическими устройствами, of reach логично перевести, исходя из второго значения слова reach: как способность к обширному воздействию.

Windlass — лебедка, bias — наклонная плоскость: относятся к т. н. простейшим механизмам, т. е. механическим устройствам, изменяющим направление или величину силы. Термин обычно относят к шести классическим простейшим механизмам, которые были найдены учеными эпохи Возрождения: рычаг, колесо и ось, блок

(лебедка), наклонная плоскость, клин, винт.

Действие 2, Сцена 2

1.
QUEEN GERTRUDE
For the supply and profit of our hope
Королева
Придя на помощь нашим упованьям
Королева
И ваше время можно посвятить
Надежде нашей и ее поддержке
Королева
сумеете обеспечить прибылью наши ожидания

Profit — это прибыль, доход. Более того, supply and profit весьма напоминает торговые термины supply and sale (снабжение и сбыт) и supply and demand (спрос и предложение). Подобную «непоэтичность» и Лозинский, и Пастернак выбрасывают напрочь.

2.
HAMLET
you are a fishmonger
Гамлет
вы — торговец рыбой

Гамлет
Вы рыбный торговец.
Гамлет
Вы тот, кто ловит рыбку.

Monger — слово, имеющее отрицательный оттенок: недобросовестный продавец, подстрекатель. По всей видимости, Гамлет имеет в виду, что Полоний торгует своей дочкой, запрещая ей встречаться с Гамлетом. Этот отрицательный оттенок я передал намеком на выражение ловить рыбку в мутной воде.

3.
HAMLET
conception is a blessing:
but not as your daughter may conceive.
Гамлет
всякий плод — благословение;
но не такой, какой может быть у вашей дочери.
Гамлет
Не пускайте ее на солнце.
Гамлет
Конечно, это божья благодать — затяжелеть,
но вашей дочке тяжеловато будет это все принять.

Шекспир вводит словесную игру, которую полностью устраняют Лозинский и Пастернак: conception — это оплодотворение, а conceive — одновременно забеременеть и воспринять.

4.
ROSENCRANTZ
As the indifferent children of the earth.
Розенкранц
Как безразличные сыны земли.
Розенкранц
Как у любого из сынов земли.
Розенкранц
Как все простые жители земли.

Лозинский переводит indifferent, что называется, в лоб, получая странное безразличные. Неужели карьерист Розенкранц говорит, что ему безразлично пребывание при дворе? Пастернак же хочет сказать, что весьма осторожный Розенкранц отчего-то желает уравнять себя с королевскими особами. Между тем, у indifferent есть значения маловажный и заурядный.

5.
GUILDENSTERN
Happy, in that we are not over-happy;
On fortune’s cap we are not the very button.

HAMLET
Nor the soles of her shoe?

Гильденстерн
Уж тем блаженно, что не сверхблаженно;
На колпачке Фортуны мы не шишка.
Гамлет
Но и не подошвы ее башмаков?
Гильденстерн
По счастью, наше счастье не чрезмерно:
Мы не верхи на колпаке Фортуны.
Гамлет
Но также не низы ее подошв?
Гильденстерн
Счастливы тем, что счастливы не чересчур.
Мы ведь не пуговки на берете у Фортуны.
Гамлет
Но и не подметки на ее туфлях.

Трудно перевести button иначе, чем пуговица, но и Лозинский, и Пастернак постарались кто во что горазд. Пастернак, кроме того, изобрел какие-то низы подошв.

6.
HAMLET
what have you
my good friends, deserved at the hands of fortune

that she sends you to prison hither?

Гамлет
чем это, дорогие мои друзья, вы
провинились перед Фортуной,
что она шлет вас сюда, в тюрьму?
Гамлет
Чем прогневили вы, дорогие мои,
эту свою Фортуну, что она шлет вас сюда, в тюрьму?
Гамлет
чем же вы так отличились перед Фортуной,
что она заслала вас сюда в тюрьму?

И Лозинский, и Пастернак зачем-то меняют значение слова deserved с заслужили на провинились и, соответственно, прогневили. Тем самым оба переводчика убирают иронию Гамлета, который намекает на заслуги Гильденстерна и Розенкранца перед пославшими их к Гамлету королем и королевой.

7.
HAMLET
O God, I could be bounded in a nut shell and count myself a king of infinite space, were it not that I have bad dreams.
GUILDENSTERN

Which dreams indeed are ambitions, for the very substance of the ambitious is merely the shadow of a dream.

Гамлет

О боже, я бы мог замкнуться
в ореховой скорлупе и считать себя царем
бесконечного пространства,
если бы мне не снились дурные сны.

Гильденстерн

А эти сны и суть честолюбие;
ибо самая сущность честолюбца всего лишь тень сна.

Гамлет

О боже! Заключите меня в скорлупу ореха, и я буду чувствовать себя повелителем бесконечности. Если бы только не мои дурные сны!

Гильденстерн

А сны и приходят из честолюбия. Честолюбец живет несуществующим. Он питается тем, что возомнит о себе и себе припишет. Он тень своих снов, отражение своих выдумок.

Гамлет

Да я бы и внутри ореха
считал себя царем вселенной,
если бы мне недоброе не грезилось во сне.

Гильденстерн

А грезы — это желания.

Ведь суть желаний — только тени грез.

Авторская игра слов строится на двух значениях слова dream — сон и мечта, греза.

И Лозинский, и Пастернак используют только одно значение этого слова, поэтому у Лозинского появляется странное сны и суть честолюбие. а у Пастернака — не менее странное сны и приходят из честолюбия.

Процитирую также блаженного Аврелия Августина из труда О книге Бытия буквально: «благодаря доброму настроению души… она, очищенная лучшим желанием, умерщвляет многие желания, не относящиеся к естественному движению плоти, которую бодрствующие люди, чистые духом, обуздывают, а сонные не могут этого сделать» (кн. 12, гл.15). Возможно, это источник данного места в «Гамлете».

8.

ROSENCRANTZ

no money bid

for argument, unless the poet and the player went to

cuffs in the question

Розенкранц

одно время за пьесу ничего не давали,
если в этой распре сочинитель и актер
не доходили до кулаков

Розенкранц

Одно время за пьесу ничего не давали, если в ней не разделывались с литературным противником.

Розенкранц

ни один довод ни во что не ставили,
если поэт или актер не подкреплял его тумаком

У argument, действительно, есть значение краткое содержание, однако у Лозинского не понятно, отчего гонорар за пьесу связан с некой потасовкой. Пастернак же для объяснения ситуации вводит чистую отсебятину, но также оставляет непонятным, как это в пьесе разделывались с литературным противником. Между тем, к спору наиболее подходит понятное и без перевода значение слова argument.

9.

HAMLET

Then came each actor on his ass

Гамлет

И каждый ехал на осле

Гамлет
Прикатили на ослах
Гамлет
И каждый на своей ослиной заднице

Здесь не переданная Лозинским и Пастернаком игра слов: ass — это и осел, и задница.

10.
HAMLET
the first row of the pious chanson will show you more; for look, where my abridgement comes.
Гамлет
Первая строфа этой благочестивой песни
скажет вам остальное;
потому что, вот видите, идут мои отвлекатели.
Гамлет
Продолжение, виноват, — в первой строфе духовного стиха, потому что, как видите, мы будем сейчас развлекаться.
Гамлет
Из первого ряда этой благочестивой баллады
вам все откроется.
А я от всего этого отвлекусь.

И Лозинский, и Пастернак игнорируют авторскую словесную игру. Row — это и строка стиха, и ряд сидений в театре. Abridgement одновременно

означает сокращение и развлечение.

11.
HAMLET
thy face is valenced since I saw thee last:
comest thou to beard me in Denmark?

Гамлет
Твое лицо обросло бахромой с тех пор,
я тебя в последний раз видел;
или ты приехал в Данию, чтобы меня затмить?
Гамлет
Скажите, какой бородой завесился,
с тех пор как мы не видались!
Приехал, прикрывшись ею,
подсмеиваться надо мною в Дании?
Гамлет
ты же носил усы. Сбрил, чтоб и в ус не дуть?

Словесная игра Шекспира основывается на двух значениях слова beard — борода, отрастить бороду и бросить вызов (буквально схватить за бороду). У Лозинского и Пастернака эта игра вылетела. Я заменил ее игрой на основе выражения в ус не дуть.

12.
HAMLET

your ladyship is
nearer to heaven than when I saw you last, by the
altitude of a chopine. Pray God, your voice, like
apiece of uncurrent gold, be not cracked within the ring.

Гамлет
ваша милость ближе к небу, чем когда я
видел ее в последний раз, на целый каблук.
Молю бога, чтобы ваш голос не оказался надтреснутым,
как вышедший из обращения золотой.
Гамлет
вы на целый венецианский каблук залетели
в небо с нашей последней встречи!
Будем надеяться, что голос ваш не фальшивит,
как золото, изъятое из обращения.
Гамлет
вы стали ближе к небу на высоту своих котурнов!
Желаю, чтоб золото вашего голоса
не выходило из обращения,
и чтоб, не трескаясь, сверкало в кольце зрителей

В театральном контексте chopine — это, несомненно, котурн, а не каблук, как у Лозинского и

Пастернака.

Словесная игра Шекспира основывается на двух значениях слова ring — кольцо: как ювелирное изделие и как театральная арена. В своей метафоре он сравнивает золотое кольцо с кольцом арены, в котором должен звучать, не делаясь надтреснутым, золотой голос актрисы. И Лозинский, и Пастернак слово ring опускают, поэтому у Лозинского треснуть отчего-то должна золотая монета, а у Пастернака остается только догадываться, что золото изъято из обращения, оттого что оно фальшивое.

13.

HAMLET
horridly trick'd
With blood of fathers, mothers, daughters, sons,
Baked and impasted with the parching streets,
That lend a tyrannous and damned light
To their lord's murder: roasted in wrath and fire,
And thus o'er-sized with coagulate gore

Гамлет
Свой мрачный облик ныне изукрасил
Еще страшней финифтью ныне он —
Сплошная червлень, весь расцвечен кровью
Мужей и жен, сынов и дочерей,

Запекшейся от раскаленных улиц,
Что льют проклятый и жестокий свет
Цареубийству; жгуч огнем и злобой,
Обросший липким багрецом
Гамлет
закрасил черный цвет одежд
Малиновым — и стал еще ужасней.
Теперь он с головы до ног в крови
Мужей, и жен, и сыновей и дочек,
Запекшейся в жару горящих стен,
Которые убийце освещают
Дорогу к цели. В кровяной коре,
Дыша огнем и злобой
Гамлет
отталкивающе изукрашен кровью
отцов, и матерей, и сыновей, и дочек,
что запеклась на нем, как тесто, от жара горящих улиц,
отбросивших свой жесткий жуткий свет
на трупы прежних хозяев города.
Обжарен огнем и гневом,
от свернувшейся крови Пирр разбух.

Шекспир проводит «кулинарную» метафору. Столь «не поэтическую» вещь в столь пафосном месте и Лозинский, и Пастернак воспроизвести не в состоянии. Impasted в соседстве с baked (запе-

кать) явно означает запекание теста (так полагает и Лексикон Шекспира А.Шмидта). Лозинский impasted переводит как расцвечен, поэтому добавляет отсебятину — нелепые финифть и червлень. Пастернак же, после им чуть выше уже упомянутых черных доспехов, вынужден также вводить отсебятину и за автора рассказывать про закрашенный малиновым черный цвет одежд. Далее оба переводчика выбрасывают roasted (обжаренный): у Лозинского появляется странное обросший липким багрецом, а у Пастернака — кровяная кора, вместо тогда уж зажаренной корочки.

14.

FIRST PLAYER
And never did the Cyclops' hammers fall
On Mars's armour forged for proof eterne
With less remorse

Первый актер
И никогда не падали, куя,
На броню Марса молоты Циклопов
Так яростно

Первый актер
И вряд ли молот в кузнице циклопов
За ковкой лат для Марса плющил сталь
Безжалостней

Первый актер
И яростней, чем молоты Циклопов,
что на века выковали доспехи Марсу

И Лозинский, и Пастернак отчего-то выпустили for proof eterne, буквально означающее предназначенное для испытания вечностью.

15.
LORD POLONIUS
This is too long.
HAMLET
It shall to the barber's, with your beard.
Полоний
Это слишком длинно.
Гамлет
Это пойдет к цирюльнику, вместе с вашей бородой.
Полоний
Слишком длинно.
Гамлет
Это пошлют в цирюльню вместе с вашей бородой.
Полоний
Слишком длинно.
Гамлет
Скажешь это цирюльнику о своей бороде.

Можно только удивляться косноязычию Лозинского и Пастернака. Буквально фраза Гамлета означает это будет (уместно сказать) цирюльнику о твоей бороде.

16.

FIRST PLAYER
But who, O, who had seen the mobled queen…
a clout upon that head
Where late the diadem stood, and for a robe,
About her lank and all o'er-teemed loins,
A blanket, in the alarm of fear caught up

Первый актер
Но кто бы видел жалкую царицу…
лоскут накинут
На венценосное чело, одеждой
Вкруг родами иссушенного лона —
Захваченная в страхе простыня;
Первый актер
Ужасен вид поруганной царицы
Она металась в головной повязке
Взамен венца и обмотавши стан,
От старости иссохший, одеялом
Первый актер
А тот бы, кто царицу увидал в тряпье…
в разодранном платке вместо короны.

Худые от частых родов чресла вместо платья
прикрыла простыней, схватив в испуге первое,
что было под рукой

Mobled queen — укутанная царица. Далее Шекспир разъясняет, во что именно. Ни Лозинский, ни Пастернак не могут допустить подобной «непоэтичности» и заменяют ее банальностью: жалкой и, соответственно, поруганной, хотя clout на голове у царицы — это именно что тряпка, клочок, обрывок. Поэтому из их переводов не понятно, отчего и Гамлет, и Полоний столь живо реагируют на это mobled queen.

17.
HAMLET
About, my brain!
Гамлет
К делу, мозг!
Гамлет
Проснись, мой мозг!
Гамлет
Пора бы мыслям на другой лечь курс.

Мозг у Гамлета как раз не спит и зовет его заняться делом мести. Поэтому призывы Лозинского и Пастернака повисают в воздухе. About! же означает морскую команду по смене галса.

Действие 3. Сцена 1

1.
KING CLAUDIUS
And can you, by no drift of circumstance,
Get from him why he puts on this confusion,
Grating so harshly all his days of quiet
With turbulent and dangerous lunacy?

Король
И вам не удается разузнать,
Зачем он распаляет эту смуту,
Терзающую дни его покоя
Таким тревожным и опасным бредом?
Король
Так, значит, вы не можете добиться,
Зачем он напускает эту блажь?
Чем взвинчен он, что, не боясь последствий,
В душевном буйстве тратит свой покой?
Король
Так удалось ли исподволь вам выведать,
из-за чего он как помешанный
или опасный, бешеный лунатик
со скрежетом раздирает тишину
своей благополучной жизни?

By no drift of circumstance (и Лозинский, и

Пастернак эту фразу просто опустили) означает не нарушая обычного течения разговора, (circumstance также может означать церемонии, то есть не нарушая церемоний).

Confusion — это, буквально, помешательство, а не смута или блажь.

Grate — скрежетать, harshly — резко, жестко.

2.

KING CLAUDIUS
Her father and myself, lawful espials,
Will so bestow ourselves that, seeing, unseen

Король
А мы с ее отцом,
Законные лазутчики, побудем
Невдалеке, чтобы, незримо видя,
О встрече их судить вполне свободно
Король
Шпионы поневоле,
Мы спрячемся вблизи с ее отцом
И разузнаем, в чем несчастье принца
Король
А мы с Полонием, как два соглядатая,
на законных основаньях, следа не оставляя,
проследим за встречей

Lawful espials — буквально тайные агенты,

действующие на законных основаниях. Вместо этого у Лозинского появляются лазутчики, то есть засланные наблюдать за противником, да еще законные, как будто лазутчики делятся на законных и незаконных. Пастернак же вместо действующих на законных основаниях предлагает поневоле, хотя король действует полностью по своей воле. Шпионы также означают скорее разведчиков, чем внутренних тайных агентов.

Авторскую словесную игру seeing, unseen Пастернак игнорирует, а Лозинский передает как незримо видя, и надо догадаться, что это означает видеть, оставаясь при этом незримыми.

3.
LORD POLONIUS
with devotion's visage
And pious action we do sugar o'er
The devil himself.

Полоний
набожным лицом
И постным видом мы и черта можем
Обсахарить.
Полоний
Святым лицом и внешним благочестьем
При случае и черта самого

Обсахарим.
Полоний
вид праведника и благочестивые манеры
и дьявола сделают слаще сахара.

В Шекспировском Лексиконе А.Шмидта эта фраза содержится в рубрике для слова sugar, первое значение которого — to sweaten, то есть подсластить. Таким образом, совершенно не обязательно в переводе обсахаривать дьявола лицом, приписывая Шекспиру неуклюжую метафору.

4.
HAMLET
To be or not to be: that is the question
Гамлет
Быть или не быть — таков вопрос;
Гамлет
Быть или не быть, вот в чем вопрос.
Гамлет
Жить или нет — так вот он, выбор.

To be принято переводить в духе слов Якина из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»: «Эх, бытие мое!» Между тем, достаточно заглянуть в «Слова Шекспира», чтобы для слова be в качестве первого значения прочесть be alive. Live,

то есть быть живым, жить.

Question это вовсе не вопрос, который решают дельцы или бюрократы. К примеру, quest for the Grail — это поиск святого Грааля. То есть question — это настойчивые поиски насущного. Добавлю, что в т. н. Первом кварто, считающимся самым ранним изданием «Гамлета», вместо that is the question стоит here's the point. «Слова Шекспира» для point дают значение decision (решение). То есть фраза Гамлета звучит как вот что требует решения. (См. также п. 4 к Действию 1 Сцене 4).

5.

HAMLET
ay, there's the rub
Гамлет
Вот в чем трудность
Гамлет
Вот в чем разгадка.
Гамлет
Вот где загвоздка!

Rub — натертое обувью место. Ни Лозинский, ни Пастернак не могут позволить себе подобной «непоэтичности».

6.

HAMLET

The fair Ophelia! Nymph, in thy orisons
Be all my sins remember'd.

Гамлет
Офелия? — В твоих молитвах, нимфа,
Все, чем я грешен, помяни.
Гамлет
Офелия! О радость! Помяни
Мои грехи в своих молитвах, нимфа.
Гамлет
Офелия, ты прелесть! В твои б молитвы все мои грехи.

В английском языке nymph — не обязательно персонаж древнегреческой мифологии, у слова много других значений, в том числе красотка и барышня. Поэтому совсем не обязательно вкладывать в уста Гамлета высокопарное сравнение.

7.
HAMLET
for virtue cannot
so inoculate our old stock but we shall relish of it

Гамлет
сколько ни прививать добродетель
к нашему старому стволу,
он все-таки в нас будет сказываться.

Гамлет
Сколько ни прививай нам добродетели,
грешного духа из нас не выкурить.
Гамлет
Не сумели еще привить добродетель к нашему сорту,
чтоб можно было почувствовать ее аромат.

У relish есть значение почувствовать вкус. То есть речь идет о вкусе плода после прививки ветки к стволу другого сорта.

8.
HAMLET
Where’s your father?
OPHELIA
At home, my lord.
HAMLET
Let the doors be shut upon him, that he may play the fool no where but in’s own house

Гамлет
Где ваш отец?
Офелия
Дома, принц.
Гамлет
Пусть за ним запирают двери,
чтобы он разыгрывал дурака только у себя.

Гамлет
Где твой отец?
Офелия
Дома, милорд.
Гамлет
Надо запирать за ним покрепче,
чтобы он разыгрывал дурака только с домашними.
Гамлет
Где твой отец?
Офелия
Дома, милорд.
Гамлет
Держите его под замком,
пусть валяет дурака за закрытыми дверями.

Запирать за ним преимущественно означает после его ухода из дома. Между тем, у shut есть значение держать под замком.

9.
OPHELIA
The expectancy and rose of the fair state,
The glass of fashion and the mould of form,
The observed of all observers

Офелия
Цвет и надежда радостной державы,

Чекан изящества, зерцало вкуса,
Пример примерных
Офелия
И доблести, наш праздник, цвет надежд,
Законодатель вкусов и приличий,
Их зеркало
Офелия
Надежда на справедливость в Дании,
воплощенье перемен и форма для их отливки,
и для всех глаз ориентир.

И Лозинский, и Пастернак переводят rose как розу, но, понимая, что применительно к мужчине сравнение с цветком звучит странно, заменяют розу на цвет. Но rose — здесь обозначает вовсе не розу, а образец совершенства. Fair state — справедливая держава (ср. с fair play — честная игра). Таким образом первую строку следует перевести как надежда и образец для (установления) справедливой державы.

Fashion согласно «Словам Шекспира» означает не только фасон, но, в форме глагола, transform, change of fashion (преобразовывать, менять фасон). Значение fashion также не сводится к слову фасон, а означает, в том числе, conventional behaviour, то есть общепринятое поведение. Glass здесь имеет значение зеркало. Следовательно, the

glass of fashion следует буквально перевести как отражение процесса изменения общепринятого поведения.

Mould — отливка в металлургии. и Лозинский, и Пастернак, естественно, выбрасывают из своих переводов столь прозаичное слово.

В целом, и Лозинский, и Пастернак приуменьшают значение Гамлета, сводя его роль к роли законодателя мод. (См. также следующий комментарий).

10.
OPHELIA
The courtier's, soldier's, scholar's

Офелия
О, что за гордый ум сражен! Вельможи,
Бойца, ученого.
Офелия
Соединенье знанья, красноречья
И доблести
Офелия
Политик, философ, воин.

Офелия превозносит прежнего Гамлета, поэтому употребляет термины в их наиболее высоком смысле. С этой точки зрения, courtier в значении придворный — похвала сомнительная. Заметим,

что в Европе и в частности в Англии в английском переводе был очень популярен впервые изданный в 1528 году труд Бальдассаре Кастильоне «The Book of the Courtier» ("Книга придворного"). В нем идеальный придворный представал как обладатель всевозможных талантов, в том числе, «никому так не пристало быть образованным, как воину. Я хочу, чтобы эти два качества [воина и ученого] были в нашем Придворном самым подобающим образом соединены, и одно другое дополняло» (I, XLVI). В этом отрывке присутствует вся триада, употребленная Офелией по отношению к Гамлету. Об идеальном придворном Кастильоне пишет: «пусть хорошо обдумывает суть того, что сделает или скажет, учитывает место, где он это делает, в чьем присутствии, в какое время, помня причину, по которой он это делает не упуская из виду цель, к которой стремится, и средства, могущие к ней подвести» (II, VII). По существу, перед нами предстает политик со своими собственными целями.

Относительно scholar словарь Webster за 1828 г. сообщает: «a man eminent for erudition; a person of high attainments in science or literature» («человек, обладающий выдающейся эрудицией, высокими достижениями в науке или литературе»). Срав-

ним это с описанием Виттенбергского университета, где учился Гамлет, которое принадлежит Джордано Бруно: «Здесь мудрость воздвигла себе храм». Добавим, что ряд исследователей усматривает аналогии многих высказываний Гамлета с философскими трудами Монтеня.

В целом, и Лозинский, и, в гораздо большей степени, Пастернак, смещают характеристику Гамлета от образа государственного деятеля в сторону просто блестящего молодого человека. (См. также предыдущий пункт).

11.
LORD POLONIUS
The origin and commencement of his grief
Sprung from neglected love

Полоний
Начало и причина этой скорби —
В отвергнутой любви
Полоний
предмет его тоски —
Любовь без разделенья
Полоний
источник, откуда бьет его тоска,
зовется отвергнутой любовью

Origin — это источник, родник. Spring, согласно

Лексикону Шекспира, имеет значение to issue as from a fountain (изливаться как из источника воды). То есть у Шекспира присутствует метафора родника, потерявшаяся в переводах и Лозинского, и Пастернака.

Действие 3. Сцена 2

1.

HAMLET

in the very torrent, tempest, and, as I may say,
the whirlwind of passion, you must acquire and beget
a temperance that may give it smoothness.

Гамлет

в самом потоке, в буре и, я бы сказал, в смерче страсти
вы должны усвоить и соблюдать меру,
которая придавала бы ей мягкость.

Гамлет

Даже в потоке, буре и, скажем, урагане страсти
учитесь сдержанности, которая придает всему стройность.

Гамлет

Внутри вихря, смерча, урагана страстей
отыщите спокойствие, которое все и уравно-

весит.

Речь идет о т. н. глазе бури, или глазе быка (bull`s eye). Существовало представление, что внутри урагана есть небольшая область затишья.

2.

HAMLET

let the candied tongue lick absurd pomp,
And crook the pregnant hinges of the knee
Where thrift may follow fawning.

Гамлет

Пусть сахарный язык
Дурацкую облизывает пышность
И клонится проворное колено
Там, где втираться прибыльно.

Гамлет

Подлизам предоставим
Умильничать в передних богачей.
Пусть гнут колени там, где раболепье
Приносит прибыль.

Гамлет

Вылизывают брюхатую раздувшуюся роскошь,
штырь ее ноги, как дверной петлей,
медовым языком обвив, в надежде,
что барышом она отелится.

Лозинский и Пастернак в очередной раз опускают «непоэтичную» метафору Шекспира, заменяя ее банальной отсебятиной. Crook (то же слово, что русское крюк) — дверная петля, hinge — шарнир, который на нее навешивают. Fawning содержит словесную игру: это одновременно отелиться и подлизываться. Thrift may follow fawning означает и барышом отелиться, и одновременно барыш как результат подлизывания. На значение отелиться указывает предыдущее pregnant — беременные.

3.

HAMLET

Whose
blood and judgment are so well commingled

Гамлет

Чьи кровь и разум так отрадно слиты

Гамлет

Блажен,
В ком кровь и ум такого же состава.

Гамлет

Счастлив тот, в ком страстность и трезвый ум так сочетаются, как у тебя.

У blood есть значения темперамент, страстность. Judgment — рассудительность, здравый

смысл. Commingled — соединены, смешаны. Так что вовсе не обязательно, как Лозинский, сливать вместе кровь и разум или, как Пастернак, считать, что у Горацио какой-то особый состав крови.

4.

HAMLET
if his occulted guilt
Do not itself unkennel in one speech

Гамлет
И если в нем при некоих словах
Сокрытая вина не содрогается,
Гамлет
Он либо выдаст чем-нибудь себя
Гамлет
И если его потаенная вина не высунется из норы

Unkennel — это именно что выйти из норы. И Лозинский, и Пастернак «облагораживают» Шекспира, убирая все своеобразие его лексики.

5.

HAMLET
And my imaginations are as foul
As Vulcan’s stithy
Гамлет

И у меня воображенье мрачно,
Как кузница Вулкана
Гамлет
а в мыслях у меня
Такой же чад, как в кузнице Вулкана
Гамлет
мои предположенья грязны, как наковальня у Вулкана

Foul — вонючий, грязный. И Лозинский, и Пастернак «облагораживают» Шекспира.

6.
HAMLET
I must be idle
Гамлет
мне надо быть безумным
Гамлет
Я вновь больным прикинусь
Гамлет
Никто не должен догадаться, что у меня на уме

Безумный Лозинского и больной Пастернака — отсебятина. Для idle в данной ситуации лучше всего подходит значение праздно шатающийся. То есть Гамлет не хочет пробудить подозрения, что он действует согласно своему замыслу. Отсюда мой перевод этого места.

7.

KING CLAUDIUS

How fares our cousin Hamlet?

HAMLET

Excellent, i' faith; of the chameleon's dish: I eat the air, promise-crammed: you cannot feed capons so.

Король

Как поживает наш племянник Гамлет?

Гамлет

Отлично, ей-же-ей; живу на хамелеоновой пище,
питаюсь воздухом, пичкаюсь обещаниями;
так не откармливают и каплунов.

Король

Как здравствует принц крови нашей, Гамлет?

Гамлет

Верите ли — превосходно. По-хамелеонски.
Питаюсь воздухом, начиненным обещаниями.
Так не откармливают и каплунов.

Король

Ну, как дела, племянник Гамлет?
Надеюсь, твое настроение пошло на поправку?

Гамлет

Да, поправляюсь. Как каплуна,
меня закармливают надеждами.

А ведь надежды — лучшая еда для хамелеона.

Словесная игра Шекспира построена на значении fares — пища, угощение. Поэтому фразу короля «Как дела?» Гамлет мысленно трансформирует в «Ну как тебя кормят?», на которую и отвечает. И Лозинский, и Пастернак эту словесную игру опустили, поэтому ответ Гамлета у них выглядит нелогичным.

8.
HAMLET
here's metal more attractive

Гамлет
здесь есть металл более притягательный
Гамлет
тут магнит попритягательней
Гамлет
Для меня тут есть рудная жила и позаманчивей

Пастернак вводит отсебятину магнит. Лозинский переводит, что называется, в лоб, однако теряет авторскую словесную игру. Согласно Лексикону А.Шмидта, Шекспир использует слово metal в значении как собственно металл, так и в значении характер, внутренние качества. Отсюда

моя передача этой словесной игры.

9.
OPHELIA
Still better, and worse.
HAMLET
So you must take your husbands

Офелия
Все лучше и все хуже.
Гамлет
Так и вы должны брать себе мужей.
Офелия
Час от часу не легче.
Гамлет
Как в замужестве.
Офелия
Вам явно лучше: как бодро и пошло.
Гамлет
По этим качествам и выбирайте мужа.

Трудность в том, чтобы понять, к чему относятся слова Гамлета so you must take your husbands (вот так и выбирайте себе мужей). Но как вот так? Предыдущий разговор вроде бы не дает ответа на этот вопрос. Офелия, буквально, говорит: вот теперь лучше и хуже. Я предлагаю следующую интерпретацию: better — может употребляться

в значении более здоровый, worst — сравнительная форма от bad, среди значений которого безнравственный, развращенный. При этом Гамлет еще и обыгрывает английскую брачную клятву: «For better or for worse, in sickness and in health, to love and to cherish, 'til death do us part» (В достатке и в бедах. в болезни и здравии, в любви и процветании, пока смерть нас не разлучит).

10.

HAMLET

For if the king like not the comedy,
Why then, belike, he likes it not, perdy

Гамлет

Раз королю не нравятся спектакли,
То, значит, он не любит их, не так ли?

Гамлет

Раз королю неинтересна пьеса,
Нет для него в ней, значит, интереса.

Гамлет

Ведь раз в комедии себя король наш не признает,
то пьеса ни к чему ему такая

И Лозинский, и Пастернак сводят фразу Гамлета к рифмованной тавтологии. Между тем, в первой строке стоит like (быть похожим), а во второй

— likes (ему нравится).

11.

GUILDENSTERN
start not so wildly from my affair.
HAMLET
I am tame

Гильденстерн
не отклоняйтесь так дико от моего предмета.
Гамлет
Сударь мой, я смирен
Гильденстерн
не уклоняйтесь так упорно от того, что мне поручено.
Гамлет
Пожалуйста. Я весь смирение и слух.
Гильденстерн
не шарахайтесь, как дикий зверь, от моего заданья.
Гамлет
Я буду, как ручной

Шекспир играет со словами wildly (букв. как дикий зверь) и tame (ручной зверь). И Лозинский, и Пастернак эту игру не передают.

12.

HAMLET
To withdraw with you, why do you go about
to recover the wind of me,
as if you would drive me into a toil?

Гамлет
Отойдите в сторону.
— Почему вы все стараетесь гнать меня по ветру,
словно хотите загнать меня в сеть?
Гамлет
Отойдите в сторону. Что это вы все вьетесь вокруг,
точно хотите загнать меня в какие-то сети?
Гамлет
Между нами, вы делаете вид,
что хотите вдохнуть в меня здоровье,
а это ветер, который сносит на скалы.

Для to withdraw with (буквально отойдем в сторону) Шекспировский Лексикон А. Шмидта предлагает трактовку to speak a word in private with (переговорить с глазу на глаз).

Шекспир строит «морскую» метафору, которая выпала и у Лозинского, и у Пастернака, используя wind (ветер) в составе выражения to recover the wind, то есть прийти в себя, но буквально

поднять ветер. На эту метафору играет и слово drive, прямо относящееся к кораблю (к примеру, wind-driven ship — парусное судно). У toil есть значение западня.

Действие 3. Сцена 3

1.
KING CLAUDIUS
I like him not, nor stands it safe with us
To let his madness range.

Король
Он ненавистен мне, да и нельзя
Давать простор безумству.
Король
Я не люблю его и потакать
Безумью не намерен.
Король
Он мне неприятен.
Опасно, чтоб он бродил тут со своим безумьем.

И Лозинский, и Пастернак толкуют range как диапазон, простор. Поэтому у Лозинского появляется высокопарное давать простор безумству, а Пастернак передает лишь общий смысл фразы. Между тем, Шекспировский Лексикон А.Шмидта дает для range значение rove — бродить, которое

придает оригинальность шекспировской фразе.

2.
ROSENCRANTZ
The cease of majesty…
it is a massy wheel,
Fix'd on the summit of the highest mount,
To whose huge spokes ten thousand lesser things
Are mortised and adjoin'd; which, when it falls,
Each small annexment, petty consequence,
Attends the boisterous ruin.

Розенкранц
Кончина государя…
то как бы колесо,
Поставленное на вершине горной,
К чьим мощным спицам тысячи предметов
Прикреплены; когда оно падет,
Малейший из придатков будет схвачен
Грозой крушенья.
Розенкранц
Кончина короля… Это — колесо,
Торчащее у края горной кручи,
К которому приделан целый лес
Зубцов и перемычек. Эти зубья
Всех раньше, если рухнет колесо,
На части разлетятся.

Розенкранц
Король — словно тяжелый маховик,
воздвигнутый на вершине большой горы,
с которым зубцами скреплены
десятки тысяч мелких механизмов.
Если с горы сорвется маховик,
то вдребезги разнесет все эти мелкие придатки.

Wheel — не только колесо, но и маховик, причем spokes — не только спицы, но и перемычки-ступеньки по ободу маховика, с которыми are mortised and adjoin'd (соединены при помощи зубцов) lesser things — шестеренки более мелких механизмов. Поэтому не надо изобретать, как Лозинский, колесо с зачем-то прикрепленной к его спицам тысячей предметов или, как Пастернак, приделывать к колесу целый лес зубцов и перемычек.

3.
KING CLAUDIUS
What if this cursed hand
Were thicker than itself with brother's blood,
Is there not rain enough in the sweet heavens
To wash it white as snow?

Король

Будь эта вот проклятая рука
Плотней самой себя от братской крови,
Ужели у небес дождя не хватит
Омыть ее, как снег?
Король
Когда бы кровью брата
Был весь покрыт я, разве и тогда
Омыть не в силах небо эти руки?
Король
Но если даже эта окаянная рука
и стала б толще от засохшей крови брата,
то разве неба сладкие дожди ее бы не отмыли добела?

И Лозинский, и Пастернак не в силах перевести «непоэтическое» слово thicker — толще. У Пастернака весь покрытый кровью король отчего-то говорит о том, чтоб дожди отмыли только его руки. У Лозинского же выходит, что кровавая рука — как снег.

4.
KING CLAUDIUS
but ’tis not so above;
There is no shuffling, there the action lies
In his true nature; and we ourselves compell’d,
Even to the teeth and forehead of our faults,

To give in evidence.

Король
но наверху не так:
Там кривды нет, там дело предлежит
Воистине, и мы принуждены
На очной ставке с нашею виной
Свидетельствовать.
Король
Не то
Там, наверху. Там в подлинности голой
Лежат деянья наши без прикрас,
И мы должны на очной ставке с прошлым
Держать ответ.
Король
Но в небесах не так. Там все без подтасовок.
Оттуда истинная природа наших дел
видна, как на ладони,
и там на очной ставке лбами и зубами
столкнут нас с нашими грехами.

Shuffle — не только тасовать, но и подтасовывать. Так don`t shuffle! означает не хитри! И Лозинский, и Пастернак убирают этот «картежный» образ.

Compell'd to the teeth and forehead— буквально, прижать зубами и лбом. Оба переводчика устра-

няют такую грубость.

5.
KING CLAUDIUS
O limed soul, that, struggling to be free,
Art more engaged!

Король
Увязший дух, который, вырываясь,
Лишь глубже вязнет!
Король
О лужа, где, барахтаясь, душа
Все глубже вязнет!
Король
Будто попала в известь негашеную душа,
и хочет вырваться, и глубже увязает.

Lime — известь, common lime — негашеная известь, которая, как известно, обжигает. И Лозинский, и Пастернак убирают подобную жестокость.

6.
KING CLAUDIUS
heart with strings of steel,
Be soft as sinews of the newborn babe!

Король
Жилы сердца!

Смягчитесь, как у малого младенца!
Король
Сердца сталь,
Стань, как хрящи новорожденных, мягкой!
Король
Стальные тросы сердца,
станьте мягкими, как жилки у младенца!

Лозинский потерял слово steel (сталь), а Пастернак перевел sinews (жилы) как хрящи, создав странную метафору сердце, как хрящ.

7.
HAMLET
O, this is hire and salary, not revenge.

Гамлет
Ведь это же награда, а не месть!
Гамлет
Да это ведь награда, а не мщенье.
Гамлет
Это не месть, а устройство на выгодную должность.

Hire — нанимать на работу, salary — жалованье. Оба переводчика устраняют подобные прозаизмы.

8.

HAMLET
He took my father grossly, full of bread;
With all his crimes broad blown, as flush as May;
And how his audit stands who knows save heaven?

Гамлет
Отец сражен был в грубом пресыщенье,
Когда его грехи цвели, как май;
Каков расчет с ним, знает только небо.
Гамлет
Отец погиб с раздутым животом,
Весь вспучившись, как май, от грешных соков,
Гамлет
Ведь он застал отца врасплох,
под завязку набитого хлебом единым,
когда его грехи цвели, как буйный май.
Как приняли там у него отчет,
об этом знают только сами небеса.

Full of bread — аллюзия на евангельское «не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Fullness of bread также присутствует в Библии Короля Якова в книге пророка Иезекииля (16:49) как синоним пресыщения.

Авторское audit, которое Лозинский перевел

как расчет, а Пастернак и вовсе выбросил, думаю, читатель поймет и без перевода. (Ср. с прим. 3 к Действию 1 Сцене 5).

9.

HAMLET

Then trip him, that his heels may kick at heaven,
And that his soul may be as damn'd and black
As hell, whereto it goes.

Гамлет

Тогда его сшиби,
Так, чтобы пятками брыкнул он в небо
И чтоб душа была черна, как ад,
Куда она отправится.

Гамлет

с размаху
Руби его, чтоб он свалился в ад
Ногами вверх, весь черный от пороков.
И чтоб душа была черна, как ад,
Куда она отправится.

Гамлет

тогда и подсеку его, чтоб только каблуки брыкнули небеса,
а черная душа отправилась бы в черный ад.

Лозинский использует слово сшибить, что означает сбить с ног толчком или ударом, при этом,

однако, сложно упасть так, чтобы пятками брыкнуть в небо. Фраза же тогда его сшиби, чтоб душа была черна, как ад грамматически неправильна. У Пастернака же выходит, что в ад отправится не только душа, но и тело Клавдия. Между тем, у trip есть значение stumble, то есть поставить подножку: в этом случае гораздо вероятней kick up heels — буквально, брыкнуть небо каблуками (а не пятками — король ведь не ходит босиком).

Действие 3. Сцена 4

1.

LORD POLONIUS

Tell him his pranks have been too broad to bear with,

And that your grace hath screen'd and stood between

Much heat and him.

Полоний

Скажите, что он слишком дерзко шутит,

Что вы его спасли, став между ним

И грозным гневом.

Полоний

Пусть обуздает выходки свои.

Скажите, вы спасли его от кары

Своей рукой.

Полоний

Скажите, что он играет с огнем,
и только вы служите ему ширмой от пламени.

И Лозинский, и Пастернак игнорируют слово heat, у которого есть значение пламя, заменяя его гневом и карой. Поэтому они выбрасывают и screen'd — быть ширмой, устраняя связанную с ним авторскую словесную игру.

Я позволил себе, продолжая эту словесную игру, добавить в первую строку оборот играет с огнем которого нет у Шекспира.

2.

HAMLET

Come, come, and sit you down; you shall not budge;
You go not till I set you up a glass
Where you may see the inmost part of you.

QUEEN GERTRUDE

What wilt thou do? thou wilt not murder me?
Help, help, ho!

LORD POLONIUS

[Behind] What, ho! help, help, help!

HAMLET

[Drawing] How now! a rat? Dead, for a ducat,

dead!
Makes a pass through the arras
LORD POLONIUS
[Behind] O, I am slain!
Falls and dies

Гамлет
Нет, сядьте; вы отсюда не уйдете,
Пока я в зеркале не покажу вам
Все сокровеннейшее, что в вас есть.
Королева
Что хочешь ты? Меня убить ты хочешь?
О, помогите!
Полоний
(за ковром)
Эй, люди! Помогите, помогите!
Гамлет
(обнажая шпагу)
Что? Крыса?
(Пронзает ковер)
Ставлю золотой, — мертва!
Полоний
(за ковром)
Меня убили!
(Падает и умирает)
Гамлет
Ни с места! Сядьте. Я вас не пущу.

Я зеркало поставлю перед вами,
Где вы себя увидите насквозь.
Королева
Что ты задумал? Он меня заколет!
Не подходи! Спасите!
Полоний
(за ковром)
Стража! Эй!
Гамлет
(обнажая шпагу)
Ах так? Тут крысы? На пари — готово.
Протыкает ковер
Полоний
(за ковром)
Убит!
Падает и умирает
Гамлет
А ну, сядьте. И сидите смирно.
Я поднесу к вашему лицу зеркало,
чтоб вы рассмотрели в нем свое нутро.
Вынимает меч
Королева
Что ты делаешь? Ты хочешь меня убить?
На помощь! Помогите!
Полоний
(за шпалерой)

Сюда, на помощь!
Гамлет
А это что значит? Там крыса?
Бьюсь об заклад — она мертва.
(Разрубает шпалеру)
Полоний
(за шпалерой)
Зарезали!
Падает замертво

Испуг королевы становится понятен, если Гамлет вместо зеркала подносит к ее глазам плашмя свой обнаженный меч. Поэтому я добавил ремарку Вынимает меч, которой нет в дошедшем до нас тексте Шекспира. О холодном оружии Гамлет упоминает, готовясь к встрече с матерью (Действие 3 Сцена 1). Правда, не о мече, а о кинжале. Но это потому, что обыгрывается устойчивое выражение speak daggers, означающее быть язвительным (буквально ранить словами, как кинжалами).

Далее Гамлет разрубает мечом шпалеру, за которой прячется Полоний: у pass есть значение a movement of the hand along anything (движение руки вдоль чего-либо).

3.

QUEEN GERTRUDE
Your bedded hair, like life in excrements
Королева
Твои как бы живые волоса
Королева
Взлетают вверх концы твоих волос
Королева
и волосы…
ожившей мертвечиной
торчком стоят на голове

Согласно Лексикону Шекспира А.Шмидта, excrements — это неживые окончания, отходы человеческого тела, в том числе, волосы. И Лозинский, и Пастернак это слово опускают.

4.
HAMLET
And do not spread the compost on the weeds,
To make them ranker.
Гамлет
И плевелы не удобряйте туком.
Гамлет
Траву худую вырывают с корнем.
Гамлет
Не удобряйте сорняки навозом,
чтоб их облагородить.

Ни Лозинский, ни Пастернак не в силах перевести «непоэтическое» слово compost, т. е. компост или навоз.

Ranker — словесная игра, поскольку ranked применяется одновременно к человеку, повышенному в ранге, и к почвам, ранжированным по плодородности. Оба переводчика эту игру опустили.

5.

QUEEN GERTRUDE
if words be made of breath,
And breath of life, I have no life to breathe
What thou hast said to me.

Королева
О, если речь — дыханье, а дыханье
Есть наша жизнь, — поверь, во мне нет жизни,
Чтобы слова такие продышать.
Королева
Верь, если слово заключает вздох,
А вздохи — жизнь, я задохнусь скорее,
Чем выдам то, что ты сказал.

(перевод Пастернака процитирован по изданию 1941 года. В последующих изданиях этот фрагмент в его переводе выглядит так:

Королева

Ты знаешь сам, что я скорей умру,
Чем соглашусь предать тебя).
Королева
Если слова складываются из дыханья,
а дыханье — это жизненная сила, то мне не хватит сил,
чтоб выдохнуть все, что ты наговорил.

Этот фрагмент содержит авторскую игру со словами breath и life, которую буквально можно перевести как если слова сделаны из дыхания, а дыхание сделано из жизни, то мне не хватит жизни, чтоб выдохнуть то, что ты мне сказал. По смыслу следует, что не хватит жизни означает не хватит жизненных сил.

У Лозинского выходит, что у королевы нет жизни, чтоб выдать Гамлета королю, поскольку слова такие согласно тексту Лозинского — это фраза Гамлета вовсе не безумен я, а просто хитер безумно. Для королевы, согласитесь, это слабое оправдание. Вдобавок Лозинский применяет странный оборот слова продышать вместо выдохнуть или проговорить, ведь продышать означает проделать дыханием отверстие в наледи на оконном стекле или в снегу.

У Пастернака же в первом варианте перевода выходит, что жизнь — это сплошные вздохи.

Однако, если прекратить вздохи, то, скорее, не задохнешься, как королева, а сможешь ровно дышать. Второй вариант — это отсебятина Пастернака, полностью лишенная словесной игры.

Замечу, что королева имеет в виду не только признание Гамлета в безумной хитрости, но вообще все, что он ей сказал. Вот все это она и не сможет повторить. Я использовал для передачи словесной игры Шекспира значение слова life — vital force (жизненная сила).

6.

HAMLET

I'll lug the guts into the neighbour room

Гамлет

Я оттащу подальше потроха

Гамлет

Стащу-ка в сени эти потроха

Гамлет

Сволоку-ка я эту требуху в соседнее помещение

Guts — это кишки, то есть требуха, а не потроха.

Из дальнейшего следует, что Гамлет утащил труп Полония в вестибюль или на галерею — up

the stairs into the lobby. Пастернак же в духе пьесы Чехова (см. Предисловие переводчика к «Гамлету») называет это помещение сенями.

7.

HAMLET

Come, sir, to draw toward an end with you.

…

Exeunt severally; HAMLET dragging in POLONIUS

Гамлет

Ну, сударь мой, чтоб развязаться с вами…

Уходят врозь, Гамлет — волоча Полония

Гамлет

Ну, милый мой, пора о вас подумать.

…

Расходятся врозь. Гамлет — волоча Полония

Гамлет

Ну, сэр, надо уж как-нибудь дотянуть до конца.

…

Расходятся. Гамлет волочит за собой Полония.

Draw toward an end — словесная игра, означает завершить и, буквально, дотянуть до конца. И Лозинский, и Пастернак ее полностью опустили.

Действие 4. Сцена 1

1.
QUEEN GERTRUDE
Behind the arras hearing something stir,
Whips out his rapier, cries, ‘A rat, a rat!’
And, in this brainish apprehension, kills
The unseen good old man.

Королева
Заслышав за ковром какой-то шорох,
Хватает меч и с криком: «Крыса, крыса!» —
В своем бреду, не видя, убивает
Беднягу старика.
Королева
В бреду услышал шорох за ковром
И с криком: «Крысы!», выхватив рапиру,
Убил одним ударом старика,
Стоявшего в засаде.
Королева
В припадке бешенства, услышав,
как что-то шевельнулось за шпалерой,
не видя, кто там, выхватил свой меч
и с криком «крыса, крыса»
убил беднягу канцлера.

Своим the unseen good old man (не видя, что это

наш добрый старик) Шекспир подчеркивает, что Гамлет не знает, кого он убивает. Король понимает, что Гамлет, возможно, принял Полония за него самого и этим вызвана его жесткая реакция.

Пастернак опускает это unseen совсем, а Лозинский заменяет туманным не видя без пояснений.

2.
QUEEN GERTRUDE
his very madness, like some ore
Among a mineral of metals base,
Shows itself pure.

Королева
Как золото среди плохой руды,
Его безумье проявилось чистым.
Королева
Сквозь бред в нем плещут искорки добра,
Как золота крупицы в грубом камне.
Королева
Уволок куда-то жертву своего безумья,
что обнаружилось, как средь руды
крупица чистого металла.

У Лозинского странным выглядит сравнение безумия с золотом, да еще среди какой-то плохой руды. Пастернаку, чтоб обойти эту странность, приходится изобретать искорки добра. Между

тем, ore — это не обязательно золото, а вообще металл.

Действие 4. Сцена 2

1.
HAMLET
Safely stowed.

Гамлет
Надежно спрятан.
Гамлет
Сдан в целости на место.
Гамлет
Отгружен в целости и сохранности.

Stow — упаковать, отгрузить: то есть Полоний отгружен в мир иной. У Пастернака же место, скорее, указывает на помещение, где положен труп, и тогда не ясно, кому он сдан.

Safely — без повреждений: по отношению к трупу Полония звучит явно иронически. Но Лозинский вовсе убирает иронию.

2.
HAMLET
Compounded it with dust, whereto ‘tis kin.

Гамлет

Смешал с землей — она ему сродни.

Гамлет

Смешал с землей, которой труп сродни.

Гамлет

Добавлен в пыль и прах, который ему сродни.

Каким образом труп внутри замковых помещений мог быть смешан с землей, одному богу известно. Гамлет же явно цитирует Библию: «for dust thou art, and unto dust shalt thou return» — «ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт 3:19). Dust в английском — одновременно прах и пыль, что я передал выражением пыль и прах. У compound есть значение добавлять в смесь.

3.

HAMLET

That I can keep your counsel and not mine own.

Гамлет

Тому, что вашу тайну я хранить умею, а свою нет.

Гамлет

Что я буду действовать в ваших интересах,
а не в своих собственных.

Гамлет

Что я раскрою свои замыслы, а не ваши.

Шекспир играет с устойчивым выражением to keep one's own counsel (помалкивать, держать в секрете). Однако counsel означает не тайны или интересы, а планы или замыслы.

4.

HAMLET

a knavish speech sleeps in a foolish ear.

Гамлет

хитрая речь спит в глупом ухе.

Гамлет

В уме нечутком не место шуткам.

Гамлет

Скользкие речи лучше всего прятать у дураков в ушах.

У Пастернака — полная отсебятина, а Лозинский использует самое распространенное значение слова sleep, затуманивая смысл ответа Гамлета. Между тем, Лексикон А.Шмидта в качестве значения для sleep содержит neglect — не обращать внимания. То есть sleep в данном случае означает лежать, не привлекая ничьего внимания.

Действие 4. Сцена 3

1.

HAMLET

a certain convocation of politic worms are e’en at him.

Гамлет

как раз собрался некий сейм политических червей.

Гамлет

Сейчас за него уселся синклит червей со всей земли.

Гамлет

Целый рейхстаг пронырливых червей
сейчас вырабатывает относительно него свою политику.

В примечаниях к переводу Лозинского отмечена игра слов: worms — черви и Worms — Вормс, т. е. город на Рейне, где собирался Рейхстаг и избирались императоры Священной Римской империи. Однако politic, как правило, означает вовсе не политический, а расчетливый, хитрый. Пастернак же заставляет читателя недоумевать, отчего это Полония гложут черви со всей земли.

2.

HAMLET

Your worm is your only emperor for diet

Гамлет

Червь — истинный император по части пищи.

Гамлет

Червь, что ни говори, единственный столп
всякого истинного порядка.

Гамлет

Ведь червь — наш император,
что управляет всей поживой.

Diet — одновременно пища и парламент. (См. также п. 12 Действие 1 Сцена 1). Лозинский отражает только первое значение этого слова, Пастернак — только второе.

3.

KING CLAUDIUS

The bark is ready, and the wind at help,
The associates tend, and every thing is bent
For England.

Король

Корабль готов, благоприятен ветер,
Ждут спутники, и Англия вас ждет.

Король

Подул попутный ветер, и команда
Готова морем в Англию отплыть
Король
Как раз попутный ветер и провожатые присмотрят —
все в Англию тебя влечет.

И Лозинский, и Пастернак игнорируют угрожающие ноты в речи Клавдия. У tend есть значения присматривать, караулить. Bent for означает иметь склонность, увлекать, однако bend — также принуждать.

4.
KING CLAUDIUS
for every thing is seal’d and done
That else leans on the affair

Король
Все запечатано, и все готово,
Что следует
Король
Все изложено в письме,
Что требуется делом.
Король
Поставлена печать на этом деле.
Мы надавили там, где надо.

Клавдий использует бюрократический оборот seal'd — поставить печать, пропечатать (ср. с п. 2 к Действию 1 Сцене 2).

Leans on the affair — надавить, чтобы решить дело, а также в данном случае — надавить (печатью) на письмо, поскольку affair может означать и конкретный предмет, имеющий отношение к происходящему.

Действие 4. Сцена 4

1.

HAMLET
This is the imposthume of much wealth and peace,
That inward breaks, and shows no cause without
Why the man dies

Гамлет
Вот он, гнойник довольства и покоя:
Прорвавшись внутрь, он не дает понять,
Откуда смерть.
Гамлет
Так в годы внешнего благополучья
Довольство наше постигает смерть
От внутреннего кровоизлиянья.
Гамлет
как гнойник, что, вызрев от избытка

довольства и покоя, прорвался внутрь,
хотя снаружи причин для смерти не видать.

У Лозинского выходит, что довольство и покой сами по себе — гнойник. У Пастернака — что довольство страдает, очевидно, гипертонией. Между тем, во фразе of much wealth and peace на избыток, как на причину появления гнойника, указывает of much. A cause without — это внешняя причина.

Действие 4. Сцена 5

1.
GENTELEMAN
speaks things in doubt,
That carry but half sense: her speech is nothing,
Yet the unshaped use of it doth move
The hearers to collection; they aim at it,
And botch the words up fit to their own though

Первый дворянин
в ее речах —
Лишь полусмысл; ее слова — ничто,
Но слушателей их бессвязный строй
Склоняет к размышленью; их толкуют
И к собственным прилаживают мыслям
Горацио

бормочет
Бессмыслицу. В ее речах сумбур,
Но кто услышит, для того находка.
Из этих фраз, ужимок и кивков
Выуживает каждый, что захочет
Придворный
Речи туманные, в них мало смысла,
но слушатели, такой задавшись целью,
из этих бесформенных обломков возводят
конструкции домыслов,
ее слова приляпав к своим мыслям.

И Лозинский, и Пастернак устраняют «строительную» метафору, которую проводит Шекспир, используя слово collection, у которого два значения: умозаключение и сборка, монтаж. Botch — плохо сделанная работа, халтура.

2.
Gentleman
her winks, and nods, and gestures
Первый дворянин
по ее кивкам и странным знакам
Горацио
Из этих фраз, ужимок и кивков
Придворный
глядя на ее кивки, подмигивания, ужимки

Wink — подмигивать. Ни Лозинский, ни Пастернак, видимо, не могут допустить, что Офелия подмигивает.

3.

QUEEN GERTRUDE
To my sick soul, as sin's true nature is,
Each toy seems prologue to some great amiss
Королева
Моей больной душе, где грех живет,
Все кажется предвестьем злых невзгод
Королева
Больной душе и совести усталой
Во всем беды мерещится начало.
Королева
Душа, что боль и грех впитала,
в любом юродстве видит бед начало.

И Лозинский, и Пастернак заменяют шекспировское toy на неопределенное все и, соответственно, на во всем. У toy, согласно Лексикону А.Шмидта, есть значение folly, то есть безумие, юродивость.

4.

OPHELIA
They say the owl was a baker's
daughter. Lord, we know what we are, but know

not

what we may be. God be at your table!

Офелия

Говорят, у совы отец был хлебник. Господи, мы знаем,

кто мы такие, но не знаем, чем можем стать.

Благослови бог вашу трапезу!

Офелия

Говорят, сова была раньше дочкой пекаря. Вот и знай после этого, что нас ожидает. Благослови бог вашу трапезу!

Офелия

Рассказывают, дочь пекаря превратилась в сову.

Мы знаем, кто мы, но не знаем, кем можем стать.

Да пребудет Господь за вашим столом!

Имеется в виду следующая английская легенда: «Наш Спаситель зашел в пекарню, где как раз готовили хлеб, и попросил немного. Хозяйка магазина тотчас же положила для него в духовку кусок теста, но дочь отругала ее за то, что этот кусок был слишком большим, и хозяйка уменьшила его до очень маленького. Однако сразу после этого тесто начало подниматься и достигло огромных размеров. После чего дочь пекаря выкрикнула:

«Ух, ух, ух», — что напомнило совиное уханье. Возможно, за эту злую выходку наш Спаситель превратил ее в эту самую птицу».

5.

KING CLAUDIUS
When sorrows come, they come not single spies
But in battalions
Король
Ах, Гертруда, беды,
Когда идут, идут не в одиночку,
А толпами
Король
Повалят беды, так идут, Гертруда,
Не врозь, а скопом.
Король
Ох, Гертруда, когда пойти войной решают беды,
то не лазутчика к нам засылают,
а сразу отправляют батальоны.

И Лозинский, и Пастернак полностью устраняют «военную» метафору, опуская слова spies (шпионы) и battalions (батальоны).

6.

KING CLAUDIUS
we have done but greenly,

In hugger-mugger to inter him

Король
было глупо
Похоронить его тайком
Король
Напрасно мы его
Зарыли тайно
Король
напрасно мы, как следует все не обдумав,
его похоронили впопыхах

Из последующих слов Лаэрта (см п. 15 к этой сцене) следует, что похороны не были тайными, и для hugger-mugger больше подходят значения суматоха, неразбериха.

7.
KING CLAUDIUS
poor Ophelia
Divided from herself and her fair judgment,
Without the which we are pictures, or mere beasts

Король
Офелия
Разлучена с собой и с мыслью светлой,
Без коей мы — лишь звери иль картины
Король

Следующий случай -
Офелии душевная болезнь,
А без ума мы — звери или тени.

Король

А бедная Офелия сошла с ума, потеряв ясность рассудка,
без которой мы —
лишь собственные силуэты иль животные

Что за картины, согласно Лозинскому, могут являть собой потерявшие разум люди, остается только гадать. Между тем, Слова Шекспира дают для picture значения image, imitation (образ, имитация). Отсюда мое силуэты как внешняя оболочка.

Рискну также предположить, что эти pictures могут восходить к walking shadow (проходящей тени) из платоновской аллегории о пещере (см. также мой комментарий к монологу Макбета). Поэтому Пастернак, похоже, попал в точку.

8.

KING CLAUDIUS

Like to a murdering-piece, in many places
Gives me superfluous death.

Король

Все это, как картечь, мне шлет с избытком

Смерть отовсюду!
Король
Эти страхи
Меня, Гертруда, стерегут везде
И подсекают, как осколки ядер.
Король
как палубная пушка, что картечью
смертельно ранит сразу в нескольких местах.

У Лозинского выходит, что короля обстреливают несколько пушек с разных сторон. У Пастернака тоже, видимо, короля подсекают несколько пушек. Между тем, «Murdering piece: Murderer — A small cannon, formerly used for clearing a ship's decks of boarders; — called also murdering piece [Obs.]» («Убийца — Небольшая пушка, изначально применявшаяся для очистки корабельной палубы от абордажников, другое название — murdering piece (убивающая картечь) (Устар.)») (Websters Dictionary,1913).

9.
KING CLAUDIUS
What is the cause, Laertes,
That thy rebellion looks so giant-like?

Король
Что причиной,

Лаэрт, что ты мятежен, как гигант?
Король
Лаэрт, что значит этот бунт гигантов?
Король
Лаэрт, из-за чего все это восстание гигантов?

Восстание гигантов — Гигантомахия — сюжет древнегреческой мифологии, отраженный, к примеру, в «Геракле» Еврипида (1,3,175–180): более молодое поколение гигантов хотело свергнуть олимпийских богов.

10.
KING CLAUDIUS
There's such divinity doth hedge a king,
That treason can but peep to what it would,
Acts little of his will.

Король
Такой святыней огражден король,
Что, увидав свой умысел, крамола
Бессильна действовать.
Король
Власть короля в такой ограде божьей,
Что, сколько враг на нас ни посягай,
Руками не достать.
Король
Божественный сан короля — ограда.

Измена лишь в щелочку ее способна заглянуть,
растрачивая понапрасну свою решимость.

Реер — подглядывать сквозь щель. И Лозинский, и Пастернак такую «непоэтичность» устраняют.

11.
KING CLAUDIUS
is't writ in your revenge,
That, swoopstake, you will draw both friend and foe,
Winner and loser?

Король
Но разве же твое отмщенье — в том,
Чтоб, как игрок, сгрести врага и друга,
Тех, чей барыш, и тех, кто проиграл?
Король
в ослепленье
Сметаете вы, словно кучу карт,
Врага и друга, правых и неправых?
Король
но разве смысл мести в том,
чтоб, словно сорвав банк,
сгрести все ставки разом — у друзей и недругов,

у выигравших и проигравших?

И Лозинский, и Пастернак оставляют не переведенным swoopstake — сорвать банк, поэтому можно только недоумевать, отчего игрок у Лозинского сгребает врага и друга, и что это за слепой игрок у Пастернака.

12.

LAERTES

O heat, dry up my brains! tears seven times salt,
Burn out the sense and virtue of mine eye!
By heaven, thy madness shall be paid by weight,
Till our scale turn the beam.

Лаэрт

Зной, иссуши мне мозг!
Соль семикратно жгучих слез, спали
Живую силу глаз моих! — Клянусь,
Твое безумье взвесится сполна,
Пока не дрогнет чаша.

Лаэрт

Гнев, иссуши мой мозг! Соль слез моих,
В семь раз сгустясь, мне оба глаза выжги!

Лаэрт

От злости спекутся сейчас мозги.
Слезы, станьте солоней в семь раз
и выжгите благоразумие и благородство.

В расплату за твое безумье
я столько брошу на весы,
что опрокину коромысло.

Heat — это не только непонятно откуда взявшийся у Лозинского зной, но горячка, раздражение. A dry up означает не только, как у Лозинского и Пастернака, книжное иссушить, но и подгореть.

Далее Лозинский вместо sense and virtue предлагает отсебятину живая сила. Между тем, virtue — это, прежде всего, моральная чистота, а для sense в данном контексте наиболее подходит значение благоразумие. Пастернак вместо выжечь из глаз sense and virtue предлагает выжечь Лаэрту сами глаза.

Пастернак полностью убирает метафору, связанную с весами. Лозинский же вместо абсолютно ясного paid by weight, till our scale turn the beam (в качестве оплаты положу столько по весу на чашу весов, что опрокинется коромысло) вводит бессмысленное взвесится сполна, пока не дрогнет чаша.

13.
LAERTES
O heavens! is't possible, a young maid's wits

Should be as moral as an old man's life?
Nature is fine in love, and where 'tis fine,
It sends some precious instance of itself
After the thing it loves.

Лаэрт
О небеса, ужель девичий разум
Такой же тлен, как старческая жизнь?
В своей любви утонченна природа —
И вот она шлет драгоценный дар
Вослед тому, что любит.
Лаэрт
Когда отцов уносит смерть, то следом
Безумье добивает дочерей.
Любовь склонна по доброй воле к жертвам
И платит самой дорогой ценой
Дань нежности умершим.
Лаэрт
Ну почему девичий разум хрупок,
словно жизнь старика?
Творяшая Природа любит по-настоящему,
а раз так, то неотложный вызов
шлет за тем, что любит.

Пастернаковское Любовь склонна по доброй воле к жертвам\\И платит самой дорогой ценой\\ Дань нежности умершим — полная отсебятина.

Лозинский же отчего-то посчитал, что send after — это не послать за кем-то, а послать кому-то. Что это у него за драгоценный дар и кому его шлет природа — одному богу известно. При этом у обоих переводчиков вылетело ключевое precious instance. Instance — это требование, в том числе, в судебном процессе. Precious — в том числе, и высшая степень чего-либо. Отсюда мое неотложный вызов.

Остается понять, что значит в данном случае Nature, посылающая за тем, что любит. Полагаю, что речь идет о т. н. средневековых философских терминах Natura naturans и Natura naturata, что означает Природу производящую и Природу произведенную соответственно. Тогда девичий разум — любимое дитя Природы производящей, который она и отзывает к себе обратно.

14.

OPHELIA

There's rosemary, that's for remembrance; pray,

love, remember: and there is pansies. that's for thoughts.

LAERTES

A document in madness, thoughts and remembrance fitted.

Офелия

Вот розмарин, это для воспоминания;
прошу вас, милый, помните;
а вот троицын цвет, это для дум.

Лаэрт

Поучительность в безумии: думы в лад воспоминанию.

Офелия

Вот розмарин — это для памятливости:
возьмите, дружок, и помните.
А это анютины глазки: это чтоб думать.

Лаэрт

Безумие наводит на мысль.
Из бессмыслицы всплывает истина.

Офелия

Вот на память ромашка — милый, не забудь.
Молю, любовь моя, не забудь.
А вот анютины глазки — чтоб горевать.

Лаэрт

Да, заповедь безумия — горюй, не забывая.

Розмарин я позволил себе заменить на ромашку, которая тоже лекарственное растение и предмет для гадания, но звучит привычнее для русского уха.

Уместно, согласно Словам Шекспира, выбрать для thoughts значение sorrow (печаль).

Лексикон Шекспира А. Шмидта в данном случае в качестве значения для document дает instruction, т. е. руководство, наставление, наказ. Словарь же Вебстер от 1828 года содержит для document значение authoritative dogma, т. е. непререкаемая догма. Отсюда мое заповедь.

15.

LAERTES

his obscure funeral —
No trophy, sword, nor hatchment o'er his bones,
No noble rite nor formal ostentation

Лаэрт

тайна похорон,
Где меч и герб костей не осеняли,
Без пышности, без должного обряда

Лаэрт

Загадка смерти, тайна похорон,
Отсутствие герба и шпаг над прахом,
Обход обрядов, нарушенье форм

Лаэрт

Обстоятельства его смерти,
убогие похороны — ни медалей,
ни меча, ни герба перед гробом,
ни подобающей церемонии, ни должного почета

Поскольку Лаэрт осведомлен об обстоятельствах похорон Полония, то вряд ли они, как полагают и Лозинский, и Пастернак, прошли в тайне (см. также п.6 к этой сцене). Obscure — скромный, убогий.

Пастернак вводит туманное нарушенье форм, а Лозинский оставляет formal без перевода. Между тем, ostentation, согласно Лексикону А.Шмидта, это external show (внешние проявления), a formal — положенный по чину.

Действие 4. Сцена 7

1.

KING CLAUDIUS
Now must your conscience my a seal,
And you must put me in your heart for friend

Король
Теперь, мое скрепляя оправданье,
Ты должен в сердце взять меня как друга
Король
Теперь ваш долг принять меня в друзья
И в сердце подписать мне оправданье.
Король
Признаешь теперь мои вверительные грамоты и в сердце приймешь меня как друга?

У consience есть значение considers to be correct — считаться верным. Seal — печать. Все вместе — признаешь подлинной мою печать — очередной пример бюрократической речи Клавдия. По смыслу более всего подходит печать на вверительных грамотах. Лозинский опускает слово печать, поэтому у него выходит, что оправдание скрепляется взятием в сердце. Пастернак неуклюжим подписать в сердце, возможно, хочет передать бюрократическую лексику Клавдия. Но Клавдий выражается хоть и не изящно, зато доходчиво.

2.
KING CLAUDIUS
Convert his gyves to grace

Король
Его оковы обратит в узор
Король
Его ошибки возведут в заслуги
Король
Он обратит в заслугу заточенье

Gyves — это, действительно, кандалы, оковы, как у Лозинского. Но, откуда у него взялся узор, одному богу известно: grace здесь — это сострадание. У Пастернака — полная отсебятина. И у Лозинского, и у Пастернака выпала авторская

аллитерация gyves — grace. Я передал ее за счет заточенье — заслугу.

3.
KING CLAUDIUS
I am set naked on
your kingdom

Король
я высажен нагим в вашем королевстве
Король
я голым высажен на берег вашего королевства
Король
высажен голым и босым в вашем королевстве

Вряд ли пираты, отправившие Гамлета за выкупом, раздели его догола. Слова Гамлета явно ироничны. У слова naked, согласно Лексикону А.Шмидта и Словам Шекспира, есть значения невооруженный, не обеспеченный.

4.
KING CLAUDIUS
the scrimers of their nation
… had had neither motion, guard, nor eye

Король
их бойцы
Теряют, мол, глаз, и отпор, и натиск

Король
их первые задиры
Теряют глаз, расчет и быстроту
Король
все их фехтовальщики лишь крикуны,
которым в поединке с тобой не хватит
ни быстроты, ни стойкости, ни глазомера

И у Лозинского, и у Пастернака выходит, что нормандские фехтовальщики в поединке с Лаэртом останутся без глаза.

5.
KING CLAUDIUS
this 'would' changes
And hath abatements and delays as many
As there are tongues, are hands, are accidents;
And then this 'should' is like a spendthrift sigh,
That hurts by easing.

Король
воля
Изменчива, и ей помех не меньше,
Чем случаев, и языков, и рук,
И «надо» может стать как трудный вздох
Целящий с болью.
Король
у хотенья

Не меньше дел и перемен на дню,
Чем рук, и планов, и голов на свете.
А после поздно плакать и вздыхать.
Король
Но это «можем» так непостоянно —
оно то опоздает, то ослабнет,
как язык и руки, или шанс.
А это «должно» — как челюсть сворачивающ зевок —
болезненное облегченье.

Шекспир пунктуацией показывает, что would и should принадлежат одному и тому же ряду, а именно — модальных глаголов. Однако would и Лозинский, и Пастернак переводят существительным: воля и, соответственно, хотенье.

Также из переводов и Лозинского, и Пастернака выпали abatement — ослабление и delay — промедление. Лозинский заменяет их помехами, а Пастернак делами и переменами. Далее Лозинский дарит Шекспиру странное сравнение: не меньше, чем случаев, и языков, и рук, посчитав, очевидно, что это аналог как звезд на небе или как волос на голове. По тому же пути пошел и Пастернак. Я же полагаю, что данное Шекспиром сравнение означает, что ослабление стремления и промедление присуще всем людям, а языки,

руки и шансы упомянуты оттого, что именно они демонстрируют эти процессы.

Последняя строка у Пастернака — полная отсебятина. Фраза Лозинского трудный вздох, целящий с болью ближе к оригиналу, но полностью бессмысленна. Spendthrift sigh — буквально чрезмерный зевок, который, как всякий зевок, приносит облегченье.

6.
KING CLAUDIUS
praise your excellence
And set a double varnish on the fame
The Frenchman gave you

Король
И славу, данную тебе французом,
Покроем новым лоском
Король
На всех углах вас будут славословить
вслед за французом.
Король
мы, твое нахваливая превосходство,
отлакируем двойным слоем
ту оценку, что дал тебе француз.

Лозинский считает, что славу дают, а лоск — это то, чем покрывают. Пастернак же полностью вы-

брасывает шекспировскую метафору. Добавлю, что varnish — это лак, олифа.

7.

LAERTES

I have a speech of fire, that fain would blaze,
But that this folly douts it.

Лаэрт

Я полон жгучих слов, но плач мой глупый
Их погасил.

Лаэрт

В душе пожар, а эта дурья слабость
Мне портит все.

Лаэрт

Раскаленными словами я б припечатал, как клеймом…
но слезы эти глупые их гасят.

И у Лозинского, и у Пастернака полностью вылетело fain would blaze — охотно бы заклеймил. А Пастернак вдобавок убрал упоминание об огненных словах и гасящих их слезах, заставляя читателя гадать, что это за все, которое портит слабость.

Действие 5. Сцена 1

1.

A churchyard.

Enter two Clowns, with spades, & c

Кладбище

Входят два могильщика с заступами и прочим.

Эльсинор. Кладбище.

Входят два могильщика с лопатами.

Церковное кладбище.

Входят два Мужлана с лопатами и проч.

Офелию хоронят на церковном кладбище, то есть в освященной земле, несмотря на то, что, возможно, она совершила самоубийство.

Clown согласно Лексикону А. Шмидта — деревенщина, грубиян, балагур, а также, согласно Словам Шекспира, сценический персонаж с вульгарным поведением.

2.

First Clown

He was the first that ever bore arms.

Second Clown

Why, he had none.

First Clown

What, art a heathen? How dost thou understand the
Scripture? The Scripture says ‘Adam digged:’
could he dig without arms?

Первый могильщик

Он первый из всех ходил вооруженный.

Второй могильщик

Да у него не было оружия.

Первый могильщик

Да ты кто? Язычник, что ли? Как ты понимаешь писание? В писании сказано: «Адам копал»; как бы он копал, ничем для этого не вооружась?

Первый могильщик

Он первый носил ручное оружие.

Второй могильщик

Полно молоть, ничего он не носил.

Первый могильщик

Да ты язычник, что ли? Как ты понимаешь священное писание? В писании сказано: «Адам копал землю». Что ж, он копал ее голыми руками?

Первый Мужлан

Он первым взялся за лук.

Второй Мужлан

Да не было у него никакого лука!

Первый Мужлан

Ты что, язычник, что ли? Странно ты толкуешь Писание.

В Писании сказано: «Адам копал».

Что ж он сажал, как не лук?

В оригинале игра со значениями слова arms: оружие и руки (вдобавок есть еще значение герб). На фразу со значением да не было у него оружия! следует ответ в смысле как это у него не было рук! Лозинский эту игру не передает. Пастернак пробует ее передать, но нельзя сказать, что вразумительно. Я использовал словесную игру со словом лук.

3.

First Clown

Cudgel thy brains no more about it, for your dull ass will not mend his pace with beating

Первый могильщик

Не ломай себе над этим мозги;
потому что глупый осел от колотушек
скорей не пойдет

Первый могильщик

Не надсаживай себе этим мозгов.
Сколько осла ни погоняй, он шибче не пойдет.

Первый Мужлан

Ладно, не свихни мозги.

Хоть, может, пинок под зад тебе бы их и вправил.

Шекспир использует словесную игру с омонимами ass — осел и ass — задница. Однако your dull ass преимущественно указывает на второе значение слова ass.

4.

First Clown

‘Tis a quick lie, sir; ‘twill away gain, from me to you.

Первый могильщик

Это, сударь, путаница живая;
она возьмет и перескочит от меня к вам.

Первый могильщик

Эта ложь в могиле не останется.
Она перейдет от меня к вам.

Первый Мужлан

Это очень шустрая ложь, сэр.
У нее скоро будет прибыль на стороне —
и вас приберет к рукам.

Away gain — буквально прибыль, полученная не на своей территории. И Лозинский, и Пастернак опускают это выражение, поскольку, по их мнению, даже могильщику не пристало упоми-

нать столь прозаическую вещь как прибыль.

5.

HAMLET

we must speak by the card, or equivocation will undo us.

Гамлет

Приходится говорить осмотрительно, а не то мы
погибнем от двусмысленности.

Гамлет

С этим народом надо держать ухо востро,
а то пропадешь от двусмыслиц.

Гамлет

При разговоре с ним надо все время
сверяться с компасом, не то собьешься с курса.

Согласно Шекспировскому Лексикону А.Шмидта, card — это the face of a sea-compass (диск с морским компасом, на котором указаны направления-румбы). (См. также п.3 к Действию 5 Сцене 2). Сравни с русским аналогом — картушкой. Тогда и для equivocation, для которого Лексикон дает of doubtful meaning (сомнительное значение), логично выбрать отклонение от правильного курса. И Лозинский, и Пастернак эту «морскую» метафору устраняют.

6.

HAMLET

the toe of the peasant comes so near the heel of the courtier,

he gaffs his kibe.

Гамлет

мужик носком задевает пятки придворному

и бередит ему болячки

Гамлет

все так осмелели, что простой народ

наступает дворянам на ноги.

Гамлет

крестьяне уже наступают знати на пятки, прямо на мозоли.

Comes on the heel — наступать на пятки. Kibe — мозоль. Можно только недоумевать, в какой это ситуации простой народ, как у Пастернака, наступает дворянам на ноги, или, как у Лозинского, задевает пятки придворному, да еще бередит какие-то его болячки.

7.

HAMLET

How long hast thou been a grave-maker?

First Clown

Of all the days i' the year, I came to't that day

that our last king Hamlet overcame Fortinbras

Гамлет

— Как давно ты могильщиком?

Первый могильщик

Из всех дней в году я начал в тот самый день,
когда покойный король наш Гамле одолел Фортинбраса

Гамлет

— Давно ли ты могильщиком?

Первый могильщик

Изо всех дней в году с того самого,
как покойный король наш Гамлет одолел Фортинбраса

Гамлет

— И сколько занимаешься этим ремеслом?

Первый Мужлан

Каждый божий день.
С того самого, как прежний король наш Гамлет убил на поединке Фортинбраса

Гробокопатель выворачивает вопрос Гамлета наизнанку, трактуя how long? (с каких пор?) как как часто? И Лозинский, и Пастернак этого не замечают, поэтому переводят буквально, оставляя странно звучащее изо всех дней в году.

8.

First Clown
your water is a sore decayer of your whoreson dead body

Первый могильщик
вода, сударь, великий разрушитель
для такого собачьего мертвеца
Первый могильщик
вода, будь вам ведомо, — самый первый враг
вашему брату покойнику, как помрете
Первый Мужлан
ваша вода разъедает
ваши, сукины дети, трупы

И Лозинский, и Пастернак устраняют авторское your (ваша) по отношению к воде, хотя авторский текст, вероятно, содержит намек на разрушительность не только грунтовой, но и тогдашней воды для питья.

9.
HORATIO
'Twere to consider too curiously, to consider so.
HAMLET
No, faith, not a jot; but to follow him thither with modesty enough, and likelihood to lead it

Горацио

Рассматривать так — значило бы
рассматривать слишком пристально.

Гамлет

Нет, право же, ничуть; это значило бы
следовать за ним с должной скромностью
и притом руководясь вероятностью

Горацио

Это значило бы рассматривать вещи слишком мелко.

Гамлет

Ничуть не бывало. Напротив, это значило бы послушно следовать за их развитием, подчиняясь вероятности

Горацио

Достаточно причудливый взгляд на вещи.

Гамлет

Да ни на йоту! Разве что без лишней заносчивости.
Ведь это вполне вероятно

Curiously — не только любопытный, но и причудливый, диковинный. В целом, трудно решить, что хуже: косноязычность Лозинского или отсебятина Пастернака.

10.

FIRST PRIEST

she is allow'd her virgin crants,
Her maiden strewments and the bringing home
Of bell and burial.

Первый священник
А ей даны невестины венки,
И россыпи девических цветов,
И звон, и проводы.
Священник
А ей на гроб возложены венки
И проводили с колокольным звоном
До изгороди.
Первый священник
А ей дозволены венки живых цветов
в знак ее девственности,
и погребенье по-христиански, и почесть —
колокольный звон.

Проводы у Лозинского и проводили у Пастернака — это их интерпретация выражения bringing home. Пастернак добавляет отсебятину до изгороди (хотя чуть выше сказано, что Офелию хоронят в освященной земле, то есть именно что внутри церковной ограды). Между тем, у Шекспира в этих же строках присутствует burial, которое и означает похороны и проводы. А у bringing home, помимо буквального значения принести домой,

есть и другие, в том числе emphasize и highlight, то есть выделять, подчеркивать важность события. Таким образом, речь о том, что значимость похорон Офелии подчеркивают удары колокола.

11.

LAERTES
churlish priest,
A ministering angel shall my sister be,
When thou liest howling.

Лаэрт
черствый пастырь,
Моя сестра творца величить будет,
Когда ты в муке взвоешь.
Лаэрт
Помни, грубый поп:
Сестра на небе ангелом зареет,
Когда ты в корчах взвоешь.
Лаэрт
А ты, святоша, знай:
моя сестра станет ангелом и будет служить Господу,
когда ты в аду завоешь.

Аллюзия на евангельское angels came and ministered unto him (Matthew 4:11) (пришли ангелы и служили Ему).

Churlish — не только грубый, но и упрямый. Отсюда мое святоша применительно к упрямому священнику.

12.

HAMLET
I will fight with him upon this theme
Until my eyelids will no longer wag

Гамлет
я за это биться с ним готов,
Пока навек ресницы не сомкнутся.
Гамлет
Соперничество это
Согласен я оружьем разрешить
И не уймусь, пока мигают веки.
Гамлет
Я в этом с ним поспорю,
пока еще глаза способен я открыть.

Fight в сочетании с upon this theme (относительно этой темы) означает словесный спор. Далее Гамлет поясняет, что спор этот — о том, кто больше любил Офелию. И Лозинский, и Пастернак подразумевают вооруженный поединок, к которому у Гамлета нет никаких оснований, поскольку угрозы Лаэрта он вряд ли воспринимает всерьез.

13.

HAMLET

I loved Ophelia: forty thousand brothers
Could not, with all their quantity of love,
Make up my sum.

Гамлет

Ее любил я; сорок тысяч братьев
Всем множеством своей любви со мною
Не уравнялись бы.

Гамлет

Я любил
Офелию, и сорок тысяч братьев
И вся любовь их — не чета моей.

Гамлет

Я любил Офелию.
Сорок тысяч братьев со всем своим любовным капиталом
столько не наскребут.

И Лозинский, и Пастернак выбрасывают «непоэтичную» фразу make up sum, что, в первую очередь, означает добрать до суммы (денег). Пастернак полностью убирает выражение quantity of love, которая также указывает на количественное измерение любви и вызывает в памяти распространенное quantity of money —

сумма денег. Лозинский же заменяет количество любви на множество любви, посчитав, что так «поэтичнее». (См. также комментарий ко 2-му сонету Шекспира в Приложении).

14.
KING CLAUDIUS
This grave shall have a living monument

Король
Здесь мы живое водрузим надгробье
Король
За эту смерть нам жизнию заплатят.
Король
К ее могиле мы добавим памятник,
который смотрится как живой

Living monument — одновременно живой памятник и памятник как живой: этой игрой слов Клавдий намекает Лаэрту, что пока еще живой Гамлет будет по смерти, как памятник погибшей Офелии. И у Лозинского, и у Пастернака Клавдий выражается предельно откровенно, что неосмотрительно, тем более, в присутствии Гертруды.

Действие 5. Сцена 2

1.

HAMLET

Our indiscretion sometimes serves us well,
When our deep plots do pall: and that should teach us
There's a divinity that shapes our ends,
Rough-hew them how we will,

Гамлет

Хвала внезапности: нас безрассудство
Иной раз выручает там, где гибнет
Глубокий замысел; то божество
Намерения наши довершает,
Хотя бы ум наметил и не так

Гамлет

Да здравствует поспешность!
Как часто нас спасала слепота,
Где дальновидность только подводила!
Есть, стало быть, на свете божество,
Устраивающее наши судьбы
По-своему.

Гамлет

нас выручает нерасчетливость, когда уже затерлась
глубокая разметка по нашим чертежам.
Пора бы нам понять —
Божья воля придает завершенную форму окончанию,

которые наши намеренья лишь грубо обтесали

И Лозинский, и Пастернак убирают развернутую «плотницкую» метафору, на которую прямо указывает rough-hew — обтесать. У pall, согласно Лексикону А.Шмидта, есть синоним decay, то есть ослабевать, исчезать.

2.
HAMLET
and a comma ‘tween their amities

Гамлет
Соединить их дружбу должен мир
Гамлет
А также и ввиду других причин —
Здесь следовало их перечисленье
Гамлет
через запятую стоят наши дружеские отношения

A comma ‘tween (через запятую), то есть рядом, очевидно, на странице подписанного мирного договора. Ни Лозинский, ни Пастернак подобную конкретику передавать не желают, заменяя отсебятиной.

3.
HAMLET

it is very sultry and hot for my complexion

Гамлет
очень душно и жарко для моей комплекции
Гамлет
страшная жара и духота для моей комплекции
Гамлет
Но мне с моей натурой жарко и, вдобавок, душно

И Лексикон А.Шмидта и Слова Шекспира дают для complexion значение temperament (темперамент). Поэтому вовсе не обязательно, как это делают и Лозинский, и Пастернак, приписывать Гамлету полноту. (См. также п.11 к этой сцене).

4.
OSRIC
he is the card or calendar of gentry…
HAMLET
Sir, his definement suffers no perdition in you; though,
I know, to divide him inventorially would dozy th' arithmetic of
memory, and yet but yaw neither in respect of his quick sail.

Озрик

это карта или календарь благородства.

Гамлет

Сударь мой, его определение
не претерпевает в вас ни малейшего ущерба;
хотя, я знаю, разделяя его перечислительно,
арифметика памяти запуталась бы,
да и то мы бы только виляли вдогонку,
в рассуждении его быстрого хода.

Озрик

если говорить картинно,
это справочник и указатель благородства…

Гамлет

Сэр, он ничего не потерял
в вашем определении. Хотя, думаю я,
описание его по частям затруднило бы память,
заставив ее едва тащиться за его достоинствами.

Озрик

он — словно компас или корабельный журнал
для дворянина…

Гамлет

Ваше описанье безупречно.
Понимаю, как трудно вашей голове не сбиться со счета
в этом инвентаре достоинств
или не пойти кругом при сменах курса,

тем более что он приплыл к нам так стремительно.

Согласно Шекспировскому Лексикону А.Шмидта, card — это the face of a sea-compass (диск с морским компасом, на котором указаны направления-румбы). (См. также п.5 к Действию 5 Сцене 1). Тогда и для слова calendar логично выбрать из того же Лексикона значение note-book, record, близкое к ship record book, то есть корабельному журналу, куда заносятся сведения о курсе корабля. Недаром Гамлет в своей ответной реплике подхватывает морскую тематику, используя yaw (отклониться от курса) и sail (плавание под парусами).

5.

HAMLET

The concernancy, sir? why do we wrap the gentleman
in our more rawer breath?

Гамлет

Но касательно, сударь мой? Ради чего мы обволакиваем этого дворянина нашим грубым дыханием?

Гамлет

Куда вы гнете, сэр? Зачем оскверняем мы этого

джентльмена своими грубыми разговорами о нем?

Гамлет

Но окружающие условия, сэр?
От нашего кислого дыханья
он может и попортиться.

Для concernancy Лозинский предлагает невразумительность буквального перевода, Пастернак — нелогично звучащую отсебятину. Между тем, concern — это тесно соприкасаться с чем-либо.

Вместо breath (дыхание) Пастернак предлагает отсебятину разговоры. Лозинский использует невразумительное грубое дыхание. Между тем, у raw есть значение непереваренный, то есть речь идет о выдыхаемых продуктах брожения в желудке.

6.

HAMLET

only got the tune of
the time and outward habit of encounter; a kind of yesty collection, which carries them through and
through the most fond and winnowed opinions; and do
but blow them to their trial, the bubbles are out.

Гамлет

он перенял всего лишь
современную погудку и внешние приемы
обхождения; некую пенистую смесь,
с помощью которой они выражают самые
нелепые и вымученные мысли; а стоит на
них дунуть ради опыта — пузырей и нет.

Гамлет

Они подхватили общий тон и преобладающую внешность, род бродильного начала, и оно выносит их на поверхность среди невообразимого водоворота вкусов. А легонько подуть на них — пузырей как не бывало.

Гамлет

Заучили ходячий мотив, поверхностную вежливость,
и пенистым вином их называют
и простаки, и те, что отделяют зерна от мякины.
Но стоит испытанию подуть — а пузыри-то и пропали.

Most fond and winnowed opinions Лозинский переводит, как нелепые и вымученные мысли, а Пастернак — как невообразимый водоворот вкусов. Между тем, Лексикон А.Шмидта для winnow дает to separate, as the chaff from the grain (отделять, как зерна от мякины). Fond же согласно

Лексикону А.Шмидта — foolish, silly (глуповатый). То есть в оригинале как глуповатые, так и способные отделять зерна от мякины люди принимают юнцов, вроде Озрика, за yesty collection, где yesty — пузырчатый, забродивший, а collection в этом контексте логично увязать с collection of wine (коллекция вин). То есть за пенистое вино. Лозинский же вводит какую-то пенистую смесь, а Пастернак и вовсе — бродильное начало, то есть дрожжи что ли?

Trial — испытание. Лозинский зачем-то меняет его на опыт, а Пастернак и вовсе выбрасывает.

7.

HAMLET

since no man has aught of what he
leaves, what is't to leave betimes?

Гамлет

Раз то, с чем мы расстаемся, принадлежит не нам,
так не все ли равно — расстаться рано?

Гамлет

Раз никто не знает своего смертного часа,
отчего не собраться заблаговременно?

Гамлет

Ведь если ничего с собой не унести,

что это значит: «уйти слишком рано»?

У Пастернака — полная отсебятина. Лозинский же неточно передает время действия, поскольку у Шекспира модальный глагол has указывает на то, человек не владеет ничем именно в момент своего ухода. Кое-что из того, с чем человек расстается, до этого принадлежало как раз ему, поэтому любому из нас вряд ли все равно, когда этот уход произойдет. (При этом Лозинский еще и режет свою фразу и вместо расстаться рано или поздно выдает обрубок расстаться рано). У Шекспира Гамлет ничего не говорит о том, что кому принадлежало, а отмечает, что ничего нельзя унести с собой.

8.
HAMLET
I have shot mine arrow o'er the house,
And hurt my brother.

Гамлет
я стрелу пустил над кровлей
И ранил брата.
Гамлет
Ошибкой я пустил стрелу над домом
И ранил брата.
Гамлет

пустив стрелу за крышу дома,
я ранил брата.

Over — это не над, а через. Над — это under. И Лозинский, и Пастернак, видимо, полагают, что брат сидел на крыше.

9.

HAMLET

I'll be your foil, Laertes: in mine ignorance
Your skill shall, like a star i' the darkest night,

Гамлет

Моя неловкость вам послужит фольгой,
Чтоб мастерство, как в сумраке звезда,
Блеснуло ярче.

Гамлет

Со мною рядом ваше мастерство
Тем выпуклей заблещет.

Гамлет

На фоне моего невежества, Лаэрт,
твой клинок блеснет звездой средь темной ночи.

Здесь foil — это не фольга, а фон (этимология слова связана с тем, что фольга использовалась для размещения на ней ювелирных украшений). Пастернак, в общем, верно передает смысл фра-

зы, но опускает сравнение со звездой в ночи и добавляет нелепое выпуклей заблещет (вместо выпукло обозначится) как будто можно блистать выпукло или вогнуто.

Шекспир также играет со значениями слова foil — фон и рапира. Чтобы хоть как-то передать эту игру, я заменил мастерство на клинок.

10.

KING CLAUDIUS

The king shall drink to Hamlet's better breath;
And in the cup an union shall he throw,
Richer than that which four successive kings
In Denmark's crown have worn…
'Now the king dunks to Hamlet.'

Король

За Гамлета король подымет кубок,
В нем утопив жемчужину, ценнее
Той, что носили в датской диадеме
Четыре короля…
Король пьет здравье Гамлета!

Король

Король его здоровье будет пить.
Сейчас в бокал жемчужину он бросит,
Ценнее той, которою в венце
Четыре датских короля гордились…

Тост короля за Гамлета.

Король

Король же выпьет за легкое дыханье Гамлета,
бросив в вино жемчужину, дороже тех,
что на своей короне носили четыре датских короля…

Король растворил в вине жемчужину за Гамлета!

У breath нет значения здоровье. Король пьет за ровное или легкое дыхание Гамлета в поединке. (Ср. со следующим пунктом).

Dunks — погрузить в жидкость, утопить.

11.

QUEEN GERTRUDE

He's fat, and scant of breath.
Here, Hamlet, take my napkin, rub thy brows;

Королева

Он тучен и одышлив. —
Вот, Гамлет, мой платок; лоб оботри;
Дай, Гамлет, оботру тебе лицо.

Королева

Вот мой платок. Как ты разгорячился!
У него сбилось дыханье и лоб блестит от пота.

Королева

Он весь вспотел, ему дыханья не хватает.

— Гамлет, возьми мой платок, вытри лоб.

Если, как перевел Лозинский, Гамлет тучен и задыхается, то для чего Гертруда хочет, чтоб он вытер лоб платком? Он перестанет задыхаться? Или он чем-то измазал лоб? Возможно, кровью? Почему Шекспир не поясняет, для чего Гамлету надо вытереть лоб? Пастернак посылает нас по верному пути, правда, прямо не объясняет, зачем нужен платок. Я полагаю, что фраза he's fat означает, что Гамлет вспотел. У слова fat есть значение смазка, что может указывать именно на пот. (См. также п.3 к этой Сцене).

Scant of breath — нехватка дыхания.

12.

KING CLAUDIUS
Gertrude, do not drink
Король
Не пей, Гертруда!
Король
Не пей вина, Гертруда!
Король
Гертруда, не тронь вино!

По выражению А. Чернова, Клавдий буквально издает здесь тигриный рык, который Шекспир передает аллитерацией Gertrude, do not drink!

И Лозинский, и Пастернак эту аллитерацию опускают.

13.
LAERTES
Why, as a woodcock to mine own springe, Osric;
I am justly kill'd with mine own treachery.

Лаэрт
В свою же сеть кулик попался, Озрик,
Я сам своим наказан вероломством.
Лаэрт
Увы, кулик попался.
Я ловко сети, Озрик, расставлял
И угодил в них за свое коварство.
Лаэрт
Подсадная утка сама попалась в ловушку.
Мое коварство меня же и сгубило.

Лозинский сообщает нам, что кулик отправился что-то ловить сетью, возможно, рыбу, но в свою же сеть и попался. У Пастернака, хотя Лаэрт расставлял сети ловко, но, несмотря на это, все же в них попался. Остается догадаться, отчего он называет себя куликом. Сейчас на куликов охотятся, приманивая их под выстрел при помощи раскрашенных фанерных фигурок куликов. Возможно, при Шекспире использовали ранее

пойманного живого кулика. Я заменил кулика более понятной для нас подсадной уткой.

У springe есть значение силок, но больше подходит общее ловушка.

14.

HAMLET
this fell sergeant, death,
Is strict in his arrest

Гамлет
но смерть, свирепый страж,
Хватает быстро
Гамлет
Но смерть — тупой конвойный и не любит,
Чтоб медлили
Гамлет
да только смерть — неумолимый пристав,
не мешкает с арестом

Если, как у Лозинского, смерть — это страж, то, значит, Гамлет сам зашел к ней на охраняемую территорию. Конвоируют же, как у Пастернака, того, кто в полной власти у конвоя, для этого Гамлет уже должен был умереть. И Лозинский, и Пастернак выбрасывают слово arrest. У Шекспира же смерть приходит, чтобы арестовать Гамлета. Fell — беспощадный, sergeant — судебный

пристав.

15.
HAMLET
in this harsh world draw thy breath in pain,
To tell my story.

Гамлет
Дыши в суровом мире, чтоб мою
Поведать повесть.
Гамлет
Подыши
Еще трудами мира и поведай
Про жизнь мою.
Гамлет
И в скрежет мира выдохни
мучительную правду обо мне.

И Лозинский, и Пастернак предлагают Горацио еще подышать, то есть задержаться в этом мире, чтобы поведать историю Гамлета. Вряд ли Гамлет пожелал бы своему другу жизнь, которая сводилась бы только к процессу дыхания. Чувствуя это, Пастернак добавляет отсебятину: подыши еще трудами мира. При этом оба переводчика убирают in pain (с болью), вероятно, чтобы не омрачать жизнь Горацио. Между тем, draw breath — это не только дышать, но и выдохнуть. Отсюда draw thy

breath in pain — выдохнуть с болью. Поскольку Горацио должен именно рассказать, выговорить историю Гамлета, то для художественной выразительности уместно и для слова harsh выбрать значение, связанное со звуковой характеристикой, т. е. хриплый, скрежещущий.

16.
HAMLET
The potent poison quite o'er-crows my spirit

Гамлет
Могучий яд затмил мой дух
Гамлет
Сила яда
Глушит меня
Гамлет
Яд уже начал каркать и заглушает голос моей души

И Лозинский, и Пастернак опустили over-crow (от crow — карканье ворона), то есть перекричать, заглушить карканьем.

17.
PRINCE FORTINBRAS
This quarry cries on havoc.

Фортинбрас

Вся эта кровь кричит о бойне.

Фортинбрас

Кругом лежит и стынет прах убитых.

Фортинбрас

Груда тел, как после клича «Добивай!» на поле боя.

Слова Шекспира для quarry дают значение груда мертвых тел. Пролитая же кровь, как у Лозинского, причина смерти разве что заколотого Клавдия, остальные умерли от яда. Мертвые тела не суть прах, как у Пастернака, они лишь со временем в прах обращаются.

Havoc, согласно Словам Шекспира, означает in fighting or hunting calling for total slaughter (призыв к повальной резне во время битвы или охоты). Буквально фраза Шекспира значит груда тел словно плачет на плече у всеобщей резни: ср. с устойчивым выражением cry on someone's shoulder (плакаться кому-либо в плечо). И Лозинский, и Пастернак преобразуют шекспировскую конкретность в наборы общих слов.

18.

PRINCE FORTINBRAS

with sorrow I embrace my fortune:

I have some rights of memory in this kingdom,

Which now to claim my vantage doth invite me.

Фортинбрас
А я, скорбя, свое приемлю счастье;
На это царство мне даны права,
И заявить их мне велит мой жребий.
Фортинбрас
Не в добрый час мне выпадает счастье.
На этот край есть право у меня.
Я предъявлю его.
Фортинбрас
А я с печалью принимаю свою судьбу:
у меня есть права,
о которых помнят в этом королевстве,
и теперь выгодный момент их заявить.

И Лозинский, и Пастернак выбирают для перевода fortune значение не судьба, а счастье, даря автору оксимороны: скорбя, свое приемлю счастье и, соответственно, не в добрый час мне выпадает счастье. При этом явно игнорируя пословицу «на чужом горе счастья не построишь». Для будущего же короля Дании Фортинбраса разумно в данном случае упомянуть не счастье, а судьбу. Фортинбрас, однако, достаточно откровенен, поэтому говорит о выгодном моменте (vantage). И Лозинский, и Пастернак убирают это

слово, видимо, посчитав его не подходящим для столь пафосной минуты.

В какие игры играет Рок

Шекспир является в эстетике Гегеля каким-то удивительным эпилогом к античности

Георг Лукач, «Литературные теории XIX века и марксизм»

Но жребий выпал – и конец:
прошло, как все на свете

Гамлет

Загадка «Гамлета»

** **

Конечно, сейчас каждый знает, о чем «Гамлет». Дядя убил папу Гамлета и женился на его матери. Гамлет прикинулся сумасшедшим и, немного затянув дело своей нерешительностью, убил дядю. При этом, правда, сам погиб, наткнувшись на отравленный клинок. Был там и дух отца Гамлета, который и рассказал сыну правду.

Но вот еще сто лет назад эта пьеса Шекспира считалась загадочной. И в том были свои резоны. К примеру, давно подмечено: разве Гамлету чем-то помогло, что он прикинулся безумным? Нет. Наоборот, это насторожило его дядю короля Клавдия, и тот, произнеся: «Я не намерен позволять, чтоб он бродил тут со своим безумьем» (здесь и далее перевод мой), отсылает племянника в Англию с письмом, в котором просит английского короля казнить Гамлета. Гамлет, избежав смерти, возвращается и даже продолжает говорить о своей болезни, но Клавдий тут же подстраивает ему дуэль с отравленными клинком и вином, на которой Гамлет погибает. Вы думаете, Шекспир этого не понимал?

Но основную загадку видели в следующем: почему Гамлет не убил Клавдия сразу после того, как Дух ему все рассказал? Тогда бы это была не пьеса, а драматическая сцена? Но отчего же Шекспир выбрал сюжет, который тянет лишь на драматическую сцену, и вынужден был затягивать действие сетованиями Гамлета на свою нерешительность? Шекспир был столь беспомощным драматургом?

Вот что об этом писал Лев Толстой: «глубокомысленные критики объявляют, что в лице

Гамлета выражен необыкновенно сильно совершенно новый и глубокий характер, состоящий именно в том, что у этого лица нет характера». Более того, опять же давно подмечено: «Если содержание трагедии, ее материал рассказывает о том, как Гамлет убивает короля, чтобы отомстить за смерть отца, то сюжет трагедии показывает нам, как он не убивает короля, а когда убивает, то выходит это вовсе не из мести» (Л. Выготский, Психология искусства, М., «Педагогика», 1987, с. 179).

В самом деле, Гамлет убивает короля прямо во время своей дуэли с Лаэртом, после того как королева умирает от отравленного Клавдием вина. Гамлет мстит за мать, а отца ни словом при этом не упоминает. Шекспир подчеркивает независимость этих событий от прежних намерений Гамлета, вкладывая прямо перед дуэлью в его уста фразу:

«Пора бы нам понять —

это Божья воля придает завершенную форму окончанию,

которые наши намеренья лишь грубо обтесали».

Подобная фраза есть и в монологе актера, играющего Короля во вставной пьесе: «Мы начинаем,

завершение не в нашей власти».

Мямля-фехтовальщик

** **

Так отчего же Гамлет медлил? Что нерешительность не свойственна его характеру, Шекспир показывает нам сразу. Вот слова Гамлета перед разговором с Духом: «я заговорю с ним, пусть даже ад раскроет пасть и мне прикажет замолчать». А после этого разговора Гамлет молниеносно принимает решение изображать помешанного и заставляет своих спутников поклясться, что они будут молчать о Духе и не станут комментировать безумие Гамлета.

А Офелия так характеризует Гамлета:

«Политик, философ, воин.

Глаза, язык и меч».

Про безвольного мямлю это никто не скажет. Да и каким же мямлей может быть один из лучших фехтовальщиков эпохи, о чем прямо сказано в пьесе?

Четыре причины

** **

Так чем же вызвана видимая нерешительность Гамлета, за которую он не раз сам себя упрекает? У Гамлета на это есть весомые внутренние причины, о которых Шекспир прямо не говорит, но позволяет читателю о них догадаться.

Во-первых, т. н. мировоззренческая причина. Одна из самых знаменитых фраз Гамлета:

«Век, споткнувшись, вывихнул себе суставы.

Но почему же я их должен вправить?»

(Можно перевести и как «век слетел с катушек»).

Что эти слова значат? В разговорах с Клавдием, Полонием, Розенкранцем, Гильденстерном и Озриком Гамлет последовательно выводит наружу лицемерие этих персонажей. Наверняка, лицемерие — один из видов сорняков, которыми зарос мир (см. ниже соответствующую цитату). Убив Клавдия и сев на трон, Гамлет встроится в ту же систему лицемерия, в которой пребывает Дания и весь мир. Такой миропорядок кажется Гамлету тюрьмой:

«Гамлет
Да, Дания — это тюрьма.
Розенкранц
Тогда весь мир — тюрьма.
Гамлет
Еще какая! В нем столько стен, камер и темниц,
а Дания — одна из худших».

Поэтому Гамлет и не спешит убить Клавдия и вернуться в эту тюрьму одним из ее насельников, неважно, какую камеру он при этом займет.

Во-вторых, само название пьесы «The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark» правильно, на наш взгляд, перевести как «Трагедия Гамлета, наследника Дании». У русского принц нет, в отличие от английского слова, значения наследник престола, и оно указывает просто на принадлежность королевскому роду. Поэтому слово принц в русских названиях пьесы довольно бессодержательно. Гамлет же именно наследник престола. (Он и становится королем после смерти Клавдия, и в этом статусе отдает свой голос за Фортинбраса). Действие пьесы разыгрывается на фоне спешной подготовки Дании к войне с Норвегией. Поэтому в здравом состоянии «политик и воин» Гамлет не может не понимать: убийство Клавдия

в отсутствие доказательств его вины способно взорвать ситуацию в стране накануне войны.

В-третьих (и это, на мой взгляд, более важная по сравнению с первыми двумя причина), Гамлет не уверен, что слова Духа ему не почудились. Ведь в первый раз с Духом он разговаривает без свидетелей. К тому же Дух практически слово в слово повторяет упреки в сторону королевы и Клавдия из произнесенного Гамлетом до встречи с Духом своего первого монолога (Действие 1 Сцена 2). Дух добавляет к этому только рассказ о своем убийстве и призыв к мести. Таким образом, Гамлет вполне мог вложить в пригрезившийся ему разговор с Духом свои собственные мысли.

Добавлю, что и на сам голос Духа из под земли в момент клятвы на мече никак не реагируют ни Горацио, ни Марцелл. А во время второго появления Духа присутствующая при этом королева его не замечает.

Гамлет так выражает свои сомнения:

«Вдруг дух, которого я видел —
это дьявол, что принял манящий образ,
чтоб заразить мне душу бессильною тоской
и погубить ее?
Нет, мне нужны улики понадежней».

Улик, и правда, нет никаких. Если бы Шекспир

хотел открыто выставить Гамлета нерешительным, то привел бы его к дверям зала, где молился Клавдий, на пять минут раньше, и Гамлет услышал бы признание Клавдия в убийстве брата. Но Шекспир показывает эту явку с повинной зрителю, но не Гамлету, по-прежнему не давая последнему никаких подтверждений.

Лукавый Шекспир посмеялся над многочисленными комментаторами, которые считают, что Клавдий выдал себя во время представления пьесы «Убийство Гонзаго». На самом деле, Клавдий спокойно сидит во время следующей сцены, воспроизводящей рассказ Духа: «Когда он (Король — А. П.) засыпает, Королева уходит. Тотчас входит какой-то человек, снимает с Короля корону, целует ее, вливает яд Королю в ухо и уходит. Возвращается Королева. Увидев, что Король мертв, жестами демонстрирует отчаянье. В сопровождении нескольких статистов возвращается Отравитель и наблюдает за плачущей Королевой. Труп уносят. Отравитель прельщает Королеву подарками. Некоторое время она отказывается, но потом, неохотно на вид, принимает его любовь».

Вскакивает Клавдий и приказывает прекратить представление, когда в следующей сцене

племянник убивает своего дядю-короля. Свидетельствовать это может только о том, что Клавдий серьезно опасается Гамлета.

Но главная, на наш взгляд, это четвертая причина: Гамлет не начинает действовать, не объяснившись с матерью. Это оттого, что отношение к матери — нерв его поведения. И вот с начала этого разговора и до конца пьесы действия Гамлета стремительны: он убивает Полония, считая, что это король, он сбегает с корабля, идущего в Англию, посылая вместо себя на смерть Розенкранца и Гильденстерна, и без всякой нерешительности принимает вызов Лаэрта на дуэль. Пьеса без задержек катится к развязке.

Гамлет начинает откровенный разговор с матерью после того, как, по его мнению, он получил доказательства вины Клавдия в убийстве отца. Без этого Гамлет мог упрекать мать разве что в поспешном новом замужестве. Таким образом, Гамлет сначала должен был убедиться в виновности Клавдия, затем объясниться с матерью, а затем уже начинать действовать. Этим и объясняется затяжка действия. Зачем она была нужна Шекспиру, скажу ниже.

Был ли Гамлет безумен?

** **

Но что же побудило Гамлета решить, что он получил доказательства вины Клавдия? Болезненное состояние, в котором он находится с самого начала действия. Причина — новый брак его матери. Заметим, все упреки Гамлета в сторону матери — это не непреложные и очевидные истины, а, во многом, именно плоды его болезненного состояния.

В самом деле, взглянем на ситуацию следующим образом. Во время подготовки к войне умирает король. Гертруда не знает, что он убит. Она не хочет рисковать юным Гамлетом, способствуя его возведению на престол накануне войны с непредсказуемым исходом. Лучший вариант для страны — зрелый политик на троне, брат короля, укрепивший свою связь с прежним режимом женитьбой на Гертруде. Брак был излишне поспешным? Так ведь война на пороге, тянуть опасно. Вполне вероятно, что в такой ситуации Гертруда жертвует собой ради благополучия страны и своего сына. (Добавим, что, хотя Гамлет

говорит матери о своем намерении расправиться с Гильденстерном и Розенкранцем, она не сообщает об этом Клавдию, то есть даже после убийства Полония остается на стороне Гамлета).

Но Гамлет, повторим, ничего этого не видит из-за своего болезненного состояния, из-за дефекта психики, который разрастается (см. ниже).

Причем при объяснении с матерью Гамлет лишь единожды и вскользь упоминает о том, что Клавдий — убийца отца, говоря о Клавдии так:

«Тлёй загаженный початок,
заразивший, сгубивший брата».

Основные его достаточно грязные упреки сводятся к тому, что королева посмела лечь в постель с человеком, который, по мнению Гамлета, сильно уступает прежнему мужу. Этому сложно придумать другое объяснение, кроме ревности Гамлета к матери. Вот и в пьесе, которую Гамлет выбрал для показа Клавдию и матери, племянник убивает дядю-короля и добивается любви его вдовы. Причем Гамлет в своем безумии принимает реакцию короля на эту сцену за доказательство вины Клавдия.

После этого именно ревность заставляет Гамлета прийти к матери и вынуть меч из ножен:

«Гамлет

А ну, сядьте. И сидите смирно.
Я поднесу к вашему лицу зеркало,
чтоб вы рассмотрели в нем свое нутро.
Вынимает меч
Королева
Что ты делаешь? Ты хочешь меня убить?
На помощь! Помогите!
Полоний
(за шпалерой)
Сюда, на помощь!
Гамлет
А это что значит? Там крыса?
Бьюсь об заклад — она мертва.
(Разрубает шпалеру)».

В этом отрывке ремарка Вынимает меч добавлена мной. Однако она делает логичным упоминание Гамлетом зеркала, испуг королевы и то, как Гамлет без задержки пускает меч в дело. Правда, в монологе перед разговором с Гертрудой Гамлет отвергает ее убийство: «Словами ранить, как кинжалом. Но не кинжалом». Да только это означает, что мысль о таком убийстве приходит ему в голову.

Итак, в результате разговора с королевой нарыв в душе Гамлета прорывается: королева обрызгана его словесным гноем, но Гамлет исцеляется, и,

повторим, дело без задержек катится к финалу.

Шекспир в сцене перед первым разговором Гамлета с Духом вкладывает в уста Гамлета следующие слова:

«Так в человеке какая-то черта характера,
будто злокачественная бородавка,
в которой он не виноват,
ведь он не выбирает кем родиться,
вдруг разрастается и напрочь сносит
все частоколы и заграждения рассудка;
или какая-то особенность растет, как на дрожжах,
перетекая за края дозволенного».

Гамлет после того, как его мать Гертруда скоропалительно, как он считает, выходит замуж за Клавдия, пребывает в следующем настроении:

«Каким изношенным, унылым, затхлым, бесполезным
мне кажется все вокруг!
Как вовремя не прополотый огород,
мир зарос всплошную сорняками».

А следующие слова Гамлета — это уже явный признак психического расстройства:

«Наш прекрасный полуостров
мне кажется безжизненной пустыней,
а купол неба — скопленьем мутных вредных

испарений.

А человек? для меня он — одна из форм гниения.

Никто не радует меня».

В эту картину мира безупречно вписывается братоубийство отца Гамлета Клавдием. Поэтому Гамлет достаточно безосновательно считает поведение короля во время спектакля доказательством его вины.

На заданный Выготским «вопрос о безумии Гамлета, так и не разрешаемый пьесой до конца (притворяется ли Гамлет, прикидывается ли сумасшедшим или он действительно безумен?) С одной стороны, явные указания на притворство, с другой — не менее явные следы подлинного безумия» (там же, с. 270) можно ответить уже процитированными словами Гамлета: «дефект разрастается».

Дефект этот разрастается с начала пьесы вплоть до ночного разговора Гамлета с матерью, после же этого разговора сходит на нет. Болезненное состояние Гамлета и нужно Шекспиру для того, чтобы Гамлету понадобилось высказать матери все свои упреки, а для этого и до этого убедиться в виновности Клавдия. Такова логическая цепочка, объясняющая мнимую нерешитель-

ность Гамлета. Разговоры самого Гамлета об этой нерешительности — это именно проявление его болезненного состояния, неадекватной оценки всей ситуации.

Гамлет и Офелия

** **

Хотя Гамлет уже после первого разговора с Духом декларирует, что «будет валять дурака», первое проявление его безумия — во время прихода к Офелии. Полоний, который, несомненно, человек умный и опытный, так говорит о причине безумия Гамлета:

«Я ей (Офелии, — А. П.) предписал
воздерживаться от встреч с ним,
не принимать ни писем, ни подарков.
Она воспользовалась плодами моего совета.
А он, отвергнутый, короче говоря, сначала затосковал,
потом есть перестал, после — бессонница,
затем — общая слабость, и в результате —
нервное расстройство.
Оно усугубилось, и он сошел с ума.
И вот он бредит, ну а мы горюем».

Именно такое поведение Офелии, вдобавок к новому браку матери-королевы, и превратило у Гамлета намерение «валять дурака» в приступы действительного безумия, явным свидетельством которого стала сцена появления Гамлета в комнате Офелии. «Он наказал меня, а я — его», — говорит Гамлет над трупом убитого им Полония.

Итак, отказ Офелии от встреч с Гамлетом — одна из причин его болезненного состояния, которое через цепь последствий приводит Гамлета к гибели. Офелия, естественно, этих последствий не предвидит. В свою очередь, и Гамлет убийством Полония невольно вызывает у Офелии помрачение рассудка, которое также приводит ее к гибели. Таким образом, Шекспир соединил Гамлета и Офелию схожей судьбой. Это одна из игр, в которую сыграл рок.

Гамлет: «Меня зовет моя судьба»

** **

К катастрофическому финалу действие движется с самого начала: «Все время, в каждой сцене, в каждом слове, в каждом движении своем — трагедия идет неуклонно к катастрофе, к одной

минуте. Над ней точно таинственными силами трагического тяготения вознеслась завязка и заставляет возникать в ней отблески гибели, влечет ее к гибели» (там же, с. 285). Пишет Выготский и про «роковую и фатальную связь событий, определяющую ход трагедии» (там же, с. 284). Однако по-прежнему «эта трагедия осталась для нас загадкой в конце обзора еще больше, чем в начале его» (там же, с. 288).

Отчего же так? Отчего так трудно сделать логический шаг и сказать, что «Гамлет» — непосредственное развитие древнегреческой трагедии рока и в этом его главное содержание? Тем более что несомненная трагедия рока — это шекспировский «Макбет» с его ложно понятым, как в «Эдипе» Софокла, предсказанием. Вот и Луначарский, ведя разговор, в том числе о «Гамлете», в свое время написал: «Трагедия во все времена была трагедией рока и иною не могла быть. Конечно, самая идея рока понималась весьма различно, и личность человеческая становилась по отношению к нему в разную зависимость» (А. В. Луначарский, Этюды критические и полемические, изд-во журнала «Правда», 1905, Трагическая проблема и её решения).

Так какая же главная игра, в которую рок игра-

ет в «Гамлете»? В физике есть т. н. метод черного ящика. Система в некотором начальном состоянии вступает в процесс, за деталями которого мы не следим, словно он происходит внутри непрозрачного ящика. Мы смотрим на то, в каком состоянии система оказалась по окончании этого процесса. Суть процесса и будет состоять в переходе из начального состояния в конечное. Какое начальное состояние в «Гамлете»? Данией правит династия Гамлетов, которая победила в сражении норвежскую династию Фортинбрасов. А какое конечное состояние? На датский трон восходит династия Фортинбрасов. Это и есть та главная игра, в которую играет рок. На этот результат работает все, что происходит в пьесе.

Гамлет без всякой нерешительности убил бы дядю в самом начале пьесы? Возможно, это и не вызвало бы недовольства в Дании, наоборот, она бы сплотилась вокруг «политика и воина» и завоевала бы Норвегию. Но року нужно, чтобы погибла вся семья Гамлетов, причем именно к тому моменту, когда рядом с королевским замком Эльсинор окажется молодой Фортинбрас со своим отрядом. Ни минутой раньше, ни минутой позже.

Сам Фортинбрас говорит так:

«А я с печалью принимаю свою судьбу:
у меня есть права, о которых помнят в этом королевстве,
и теперь выгодный момент их заявить».

Рок управляет временем, подгадывая к нужному моменту финальную катастрофу. Рок насылает на Гамлета болезнь, которая есть первопричина финальной катастрофы, но в то же время оттягивает начало его решительных действий. Далее решительные действия Гамлета начинаются, но, с точки зрения рока, пока рано. Поэтому еще одна отсрочка — Гамлета отправляют в Англию. Однако тут приходит пора ему вернуться в Данию, чтобы убить Клавдия и погибнуть самому. Поэтому корабль с Гамлетом захватывают пираты, и тот, пообещав за себя выкуп, возвращается в Эльсинор. Вернувшись, он явно не собирается тут же мстить Клавдию и опять говорит о своей нерешительности. Но время не терпит: Клавдий устраивает дуэль Гамлета с Лаэртом, в ходе которой гибнут Гертруда, Клавдий, Лаэрт и сам Гамлет. Все полностью готово к появлению Фортинбраса, и оно тут же происходит.

Гамлет и Эдип

** **

Сравним «Гамлета» с, пожалуй, самой известной древнегреческой трагедией рока — «Царем Эдипом» Софокла. Эдип сам настойчиво, несмотря на уговоры, движется к выяснению полной истины, которая оказывается для него роковой. Гамлета же к смерти, независимо от его намерений, «несет рок событий». Эдип — царь, но это лишь помогает ему быстрее выяснить истину. Подобная история могла бы произойти и среди пастухов. Судьба же Гамлета непосредственно увязана с бурными политическими событиями. Его общественное положение оказывает на него серьезное влияние, а его действия, в свою очередь, вызывают политическую бурю. Шекспир пишет о роли личности в истории и о роли истории в судьбе личности. В этом его новаторство.

«Гамлет» и древнегреческая трагедия

** **

Отчего же исследователи «Гамлета» продолжают говорить о его загадке? Отчего, повторим, им трудно сделать логический шаг и сказать, что «Гамлет» — непосредственное развитие древнегреческой трагедии рока и в этом его главное содержание? Тем более что давно замечено — завязка сюжета «Гамлета» почти полностью изложена в монологе Электры из одноименной трагедии Софокла. Причем в этом монологе есть прямые текстовые совпадения с «Гамлетом». Почему же не сказать, что Шекспир взял мотив рока из «Царя Эдипа», соединил его с сюжетными линиями «Электры» и создал свой шедевр?

Одна из причин: шекспироведение до сих пор продолжает считать, что Шекспир не был знаком с текстами древнегреческих трагедий. Основывается это мнение на сказанных о Шекспире словах его современника Бена Джонсона: «had small Latin and less Greek» («знал немного из латыни и еще меньше из греческого»). (Замечу, что Бен Джонсон перефразировал, возможно пародийно, оборот, который Томас Мор употребил в самом начале своей «Утопии»: «Эта речь исходила от человека, который не столь сведущ в латинском

языке, сколько в греческом»). Однако, в работе «Античные источники "Гамлета"» (см. ниже) я показываю не только сюжетные совпадения трагедии Шекспира с произведениями Софокла и Еврипида, но привожу десятки текстовых совпадений. Можно сказать, Шекспир писал «Гамлета», обложившись трагедиями Софокла и Еврипида.

Таким образом, «Гамлет» Шекспира есть непосредственное продолжение и развитие древнегреческой трагедии с присущим ей мотивом рока. На этой основе Шекспир и создал свой шедевр.

Античные источники «Гамлета» Состояние проблемы

** **

Литературным источникам трагедии У. Шекспира «Гамлет» посвящено большое количество исследовательских работ, ведущихся с начала XIX века. Своего рода промежуточным итогом этих исследований стал раздел «Гамлет» в восьмитомнике Джеффри Баллоу [1]. В качестве литературных источников «Гамлета» в первую очередь рассматривают источники сюжетных ходов пьесы: «Деяния данов» Саксона Грамматика, ряд средневековых исландских саг и баллад, «Трагические истории» Франсуа Бельфоре, а также «Испанскую трагедию» Томаса Кида. Эти сюжетные ходы таковы: убийство дядей отца героя и женитьба дяди на матери героя, притворное сумасшествие героя, убийство королевского придворного, путешествие с подменой послания, убийство дяди. В «Испанской трагедии» Тома Кида также присутствует явление духа убитого и структурный элемент «пьеса в пьесе». Баллоу в общей сложности говорит о 20-ти сюжетных

совпадениях между «Гамлетом» и «Испанской трагедией».

Высказывается также предположение, что Шекспир мог быть незнаком непосредственно с текстами Саксона Грамматика и Франсуа Бельфоре, а почерпнул все эти сюжетные мотивы из так называемого «Ур-Гамлета» — недошедшей до нас пьесы конца XVI века, авторство которой могло принадлежать Тому Киду ([2], стр. 15).

Однако, в любом случае, все эти сюжетные элементы не определяют художественный уровень «Гамлета». Поиск источников, идейно и стилистически повлиявших на «Гамлета», возможно, позволил бы нам заглянуть на «кухню» великого драматурга, точнее определить соотношение традиций и новаторства в творчестве Шекспира, лучше понять культурную среду, в которой создавались его произведения.

Недостаточно изучено влияние на «Гамлета» античной, в особенности древнегреческой, литературы. Попытаемся на основе сопоставления текста «Гамлета» с текстами античной литературы определить произведения, которые в силу наличия в них сходных коллизий, идей, мотивов, образов могли послужить материалом для создания «Гамлета» и подтвердить наличие

заимствований текстовыми совпадениями.

В 2004 году была опубликована работа Эрла Шоуэрмана [3], являющаяся обзором современного состояния взглядов на античные источники «Гамлета». В этой работе, в частности, отражена история научной дискуссии относительно того, мог ли Шекспир непосредственно использовать произведения древнегреческой литературы. Общепризнано, что современники Шекспира были хорошо знакомы с произведениями древних римлян — трагедиями Сенеки и комедиями Плавта и Теренция. Собственно, об этом устами Полония говорит сам Шекспир, характеризуя пьесы, которые готовы разыграть прибывшие актеры: «Сенека не так глубок, Плавт не так смешон». Комментаторами также отмечены многочисленные упоминания в «Гамлете» персонажей, топонимов и сюжетов античной мифологии. В «Гамлете» упоминаются Ниоба, Немейский лев, кузница Циклопов, Юпитер «в обличье наглеца-сатира», колесница Феба, тройное заклятие Гекаты, горы Осса и Пелион. (Сведения о них содержатся в «Метаморфозах» Овидия, откуда и мог почерпнуть их Шекспир). Также отмечено упоминание персонажей и сюжетов древнеримской истории — Юлия Цезаря, Нерона, актера Росция. В качестве наи-

более вероятного источника этих упоминаний называются «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. В «Сравнительных жизнеописаниях» Шекспир, очевидно, позаимствовал сюжет о пребывании Гамлета у морских разбойников, близкий к пребыванию Цезаря у киликийских пиратов. Отметим также и растворение Клавдием жемчужины в вине — упоминание о растворении жемчужины Клеопатрой содержится в «Естественной истории» Плиния Старшего.

Как правило, это именно упоминания, придающие тексту колорит, но не более того. Однако их многочисленность говорит о несомненном знакомстве автора «Гамлета» с древнеримской литературой.

Наряду с этим, среди современных исследователей распространено мнение, что произведения древнегреческих авторов в елизаветинской Англии были почти неизвестны и судить о них Шекспир мог только по пересказам. (Например, [2], p.11 или [4]). Показательно, что и в разделе «Гамлет» вышеупомянутой книги Баллоу ссылки на древнегреческую литературу отсутствуют.

В подтверждение этого мнения приводятся сказанные о Шекспире слова его современника Бена Джонсона: «hadst small Latin and less Greek»

(«знал немного из латыни и еще меньше из греческого»). Под латынью и греческим Джонсон мог подразумевать как сами языки, так и литературу на этих языках. (Заметим, что Бен Джонсон перефразировал, возможно пародийно, оборот, который Томас Мор употребил самом начале своей «Утопии»: «Эта речь исходила от человека, который не столь сведущ в латинском языке, сколько в греческом»).

В то же время, существует и другое мнение. В своем обзоре Шоуэрман приводит цитату из книги Уильяма Теобольда [5]. Теобольд отмечает у Шекспира «явные подражания и несомненные ссылки на произведения Геродота, Гомера, Платона или Софокла… мы полностью уверены, что автор был знаком с этими произведениями в их оригинальном виде или в переводах на латынь, которые иногда прилагались к греческим текстам». Теобольд, однако, был едва ли не единственный, кто утверждал это со всей определенностью. Гилберт Мюррей (Murray), отметивший в Шекспировской лекции в 1914 году (цит. по [2]) «сходство ситуаций» в «Гамлете» и трагедиях Эсхила и Эврипида, «вслед за всеми критиками» отвечал нет на вопрос, знаком ли был Шекспир напрямую с древнегреческой ли-

тературой. Писал о сходстве ситуации Ореста у Эврипида и Гамлета у Шекспира и Элмер Столл [6]. Он критиковал Мюррея за его нет, однако, вероятно, в качестве компромисса высказывал предположение, что греческим владел Том Кид, через которого заимствования попали к Шекспиру.

В целом, сходство сюжетных мотивов древнегреческого цикла мифов, так называемой Орестеи, и «Гамлета» довольно широко обсуждается в литературе об источниках Шекспира.

Отметим, что одним из первых написал об этом русский философ Владимир Соловьев: «Мало замечают обыкновенно, что сюжет “Гамлета” есть лишь обновленный сюжет древней Орестеи. У Ореста, как и у Гамлета, благородный отец убит родственным злодеем при главном участии собственной жены убитого, матери Ореста»[7].

Достаточное внимание уделяет обзору найденных параллелей Шауэрман. Также довольно подробно делает это в главе «Гамлет и Орест» в книге «Дети Эдипа» Мартин Муеллер [8]. (В работе Муеллера содержится также обширная библиография на указанную тему). В частности, Муеллер пишет: «Электра Софокла странно напоминает Гамлета».

Однако, несмотря на несомненность этих сюжетных совпадений, вопрос о том, был ли Шекспир напрямую знаком с текстами древнегреческой литературы, остается открытым. Это происходит из-за того, что исследователи только в очень незначительном объеме подкрепляют свои выводы о сюжетных заимствованиях непосредственными текстовыми параллелями. К числу таких отмеченных исследователями несомненных текстовых совпадений можно отнести лишь наблюдение Теобольда (цит. по [3]) о реплике Ореста в «Электре» Еврипида: «Не демон ли, уподобляясь богу, приказывает это?» (речь об убийстве Клитемнестры), совпадающей со словами Гамлета: «Вдруг дух, которого я видел — это дьявол, что принял манящий образ, чтоб заразить мне душу бессильною тоской и погубить ее?» (1675–1678), а также приводимое Муеллером (со ссылкой на Джона Харви [9]) совпадение с текстом «Гамлета» (см. ниже) обращенных к Электре слов Клитемнестры из «Электры» Софокла «одна ль из смертных ты отца лишилась?»

Действительно, столь небольшое количество текстовых совпадений не позволяет сделать вывод о знании Шекспиром древнегреческих трагедий, и исследователи, отстаивающие про-

тивоположную точку зрения, считают, что сюжетные мотивы Орестеи были заимствованы Шекспиром из трагедий древнеримского писателя Сенеки.

Ответ же на этот вопрос содержится в самом тексте «Гамлета», где присутствуют многочисленные прямые текстовые совпадения с произведениями античной, в особенности древнегреческой литературы. Анализ этих совпадений позволяет с уверенностью судить о непосредственных источниках трагедии Шекспира.

До нас дошли написанные на сюжет «Орестеи» трагедии всех великих древнегреческих драматургов — Эсхила, Софокла и Еврипида.

«Гамлет» и Эсхил

** **

Говоря о совпадениях у Эсхила и Шекспира, Т. Спенсер и А. Бартон ([2],p.11) отмечают сходство начала «Агамемнона» с началом «Гамлета», указывая на то, что действие в обоих случаях открывается словами часового, вводящего зрителя в курс дела. Однако хотя Шекспир действительно мог позаимствовать из «Агамемнона» Эсхила

драматургический прием — часового (часовых у Шекспира), информирующего зрителя о возможных грядущих бедах, все же ни более детальных, чем общий мотив мести за отца, сюжетных перекличек, ни текстовых совпадений с «Гамлетом» в трилогии Эсхила нет.

«Гамлет» и Софокл

** **

В то же время, прямыми совпадениями с «Гамлетом» обладает трагедия Софокла «Электра». Собственно, вся коллизия начала «Гамлета» присутствует в этом монологе Электры, дочери предательски убитого царя Агамемнона:

Во-первых мать, моя родная мать,
Врагом мне лютым стала. Во-вторых,
С убийцами отца, в своем же доме
Я жить принуждена, от них завишу.
Они и дать и отказать мне властны.
О, что за дни я провожу, подумай,
Воочью видя, как Эгисф на троне
Родимого сидит, в его одежды.
Наряженный — свершает возлиянья
У очага, где сам его убил!

И наконец — последнее бесчестье:
Лежит убийца нашего отца
В постели с нашей матерью злосчастной, —
Коль матерью еще возможно звать
Ее с ним разделяющую ложе!
Какая наглость: жить с убийцей мужа
Как с мужем!..
Несчастную, меня же попрекает:
«Ты, нечестивица, богов забыла!
Одна ль из смертных ты отца лишилась?
Одна ль горюешь?» (261–291)

Даже детали этого монолога присутствуют в «Гамлете» (здесь и далее вначале идет цитата из античного автора, следом — из «Гамлета»):

Электра
Эгисф на троне
Родимого сидит, в его одежды
Наряженный — свершает возлиянья
У очага, где сам его убил!

* * *

Король
Пусть самая большая пушка
салютует каждый раз, когда я подниму бокал,
чтоб эхом отзывались небеса на королевский тост (329–331)

* * *

Электра (О матери — А.П.)
Несчастную, меня же попрекает.

* * *

Королева
Нельзя же вечно, потупив взгляд,
разыскивать в земле отца (272–273)

* * *

Электра
Ты, нечестивица, богов забыла!
Одна ль из смертных ты отца лишилась?
Одна ль горюешь?

* * *

Король
Но ты не забывай — и твой отец терял отца,
а тот — своего. смерть отца — обычное дело
упорствовать в печали — грех упрямства
Это — богопротивное своеволие (292–296)

Это совпадение деталей едва ли можно признать случайным. Тем более что и дальше можно

отметить, как совпадение мотивов, так и деталей двух трагедий.

Хор

Возмездья час… Ожил тот,
Кто в земле погребен.
Давно умершие встают,
Тянутся к крови, точат
Кровь убийц своих! (1418–1422)

* * *

Гамлет

Зачем твои уже мощами объявленные кости
прорвали саван?
Зачем склеп, хранивший твою урну,
разжал мраморные челюсти и выпустил тебя? (676–678)

* * *

Электра

О жилище Аида, приют Персефоны!
О подземный Гермес и могучая Кара!
Честные Эринии, дщери богов!
Вы беззаконные зрите кончины,
Зрите обманом сквернимые ложа, —
Явитесь! На помощь! Отмстите за гибель

Отца моего! (111–117)

* * *

Гамлет
Силы небесные, помогите!
А может, вас нужно спарить с адскими? (830–831)

* * *

Клитемнестра
Ты вновь, я вижу, бродишь на свободе (515)

* * *

Король
Опасно, чтоб он бродил тут со своим безумьем (2276–2277)

* * *

Электра
Мать с Эгисфом,
С любовником, вместе
Темя секирой ему разрубили,
Как дровосеки рубят дубы (107–110)

* * *

Дух
Я был подрублен в пору
Цветенья всех моих грехов (814)

В качестве концептуального отличия «Гамлета» от «Электры» называют то обстоятельство, что Гамлет колеблется при осуществлении мести за отца, Электра же идет к своей цели без колебаний. Однако мотив нерешительности и затяжка действия в «Электре» тоже присутствуют: отговаривает Электру от убийства Эгисфа ее сестра Хрисофемида. Оттягивание же мести на конец пьесы осуществляется за счет перипетий, происходящих с Орестом, которого дожидается Электра для расправы с Эгисфом.

Таким образом, трагедия Софокла «Электра», несомненно, является одним из непосредственных источников «Гамлета».

«Гамлет» и Еврипид

** **

Важной темой «Гамлета» является мотив безу-

мия. Причем, мотив этот двояк. С одной стороны, это притворное безумие Гамлета. С другой стороны, Гамлет опасается безумия настоящего. В монологе, прямо предшествующем разговору с Духом, Гамлет говорит:

Так в человеке какая-то черта характера,
будто злокачественная бородавка,
в которой он не виноват,
ведь он не выбирает кем родиться,
вдруг разрастается и напрочь сносит
все частоколы и заграждения рассудка;
или какая-то особенность растет, как на дрожжах,
перетекая за края дозволенного (651–659)

Гамлет постоянно подозревает, что призыв Духа к мести — плод его больного рассудка:

Вдруг дух, которого я видел —
это дьявол, что принял манящий образ,
чтоб заразить мне душу бессильною тоской
и погубить ее? (1673–1678)

Да и то сказать: Дух практически слово в слово повторяет упреки в сторону королевы и Клавдия из произнесенного Гамлетом до встречи с Духом первого монолога (Действие 1 Сцена 2). Дух добавляет к этому только рассказ о своем убийстве и призыв к мести. Таким образом, Гамлет вполне

мог вложить в пригрезившийся ему разговор с Духом свои собственные мысли.

«Все это — твои выдумки. Болезнь изобретательна в созданьи призраков», — говорит Гамлету королева.

Пьеса построена так, что у Гамлета нет объективных доказательств, что ему не примерещились слова Духа. С Духом он разговаривает без свидетелей. Монолог Клавдия, в котором тот прямо признается в убийстве, Гамлет не слышит. Испытание Клавдия пьесой «Мышеловка» на самом деле ничего не доказывает: Клавдий остается на месте, когда разыгрывается сцена отравления короля, а вскакивает в момент, когда дядю убивает племянник.

Насланное на человека безумие — основное содержание трагедии Еврипида «Геракл»: Гера, ненавидящая героя с детства, на время делает его безумным, и герой убивает своих детей.

Вестник

Стал сам не свой. Тревожно заходили
Белки в глазах и налилися кровью,
А с губ на бороду густая пена
Закапала, и дикий, страшный смех
Сопровождал слова его (93)

Амфитрион

Удар безумья.

Безумья весел плеск по влаге жизни (1189–1190)

Строки о безумии есть и в «Вакханках» Еврипида:

есть дар

Пророчества в вакхическом безумье.

Уста безумцев исполняются вещаний (298–301)

К ним близка реплика Полония о «безумном» Гамлете:

Сколько иногда смысла в его ответах (1310)

Среди текстовых совпадений «Геракла» и «Гамлета» фраза Геракла:

меня в моей печали теперь игра ума не веселит… Все это бредни (буквально — слова) (1340–1347) — вероятный источник Гамлетовского:

Слова, слова, слова (1296).

А вот Геракл говорит, что причины его несчастья в событиях, произошедших до его рождения:

отец,

Не смывши крови тестя старого, поял

Алкмену в жены. Дети отвечают

За ненадежные устои дома (1260)

И чью ж вину он должен искупать? (1310)

Сразу приходят на ум слова Гамлета:

Век вывихнул себе суставы.

Но почему же я их должен вправить? (944–943)

Строки из «Геракла»:

А город на ноги не поднимай,

Пока с тираном счетов не покончишь (604–605)

хорошо описывают поведение Гамлета, Лаэрт же эту заповедь нарушает.

Немало в «Геракле» явных перекличек со знаменитым монологом Гамлета «To be or not to be», а именно с дилеммой:

Что честней — смириться со свирепыми ударами судьбы,

а может, сразившись с морем бед, их прекратить?

Собственно, отношение человека к ударам судьбы — основной мотив «Геракла»: жена Геракла Мегара, приговоренная правителем к казни вместе с детьми, и Геракл после убийства собственных детей говорят именно об этом:

Мегара

Мне страшно умирать,

Но только чернь безумно тратит силы

В борьбе с непоправимым злом (282–284);

Геракл

И все-таки я должен жить? Да жизнь-то

Под бременем проклятья разве — жизнь? (1311–

1312);

Да, кто не умеет
Противостать несчастью, тот и стрел
Врага, пожалуй, испугается (1348–1350);
Я вынес тысячи трудов и мук,
Я без числа вкусил, не отказавшись
Ни от одной, и никогда из глаз
Моих слеза не падала. Не думал,
Что мне придется плакать, но судьбе
Теперь, как раб, я повинуюсь (1354–1358);
Всех подвигов мне скорбь моя трудней (1411).

В монологе Гамлета «To be or not to be» явно прослеживаются совпадения и с другим произведением Еврипида — «Алкестой»:

Адмет

Кто смерть принять готов, уж не жилец.

Геракл

Но быть или не быть — одно ль и то же? (527–528)

(вариант перевода: Быть — это одно дело, а не быть — совсем другое).

Еще одно текстовое совпадение с «Алкестой» в сцене похорон Офелии:

Адмет

Для чего ж ты мне не дал
С ней остаться в могиле? (895–896)

* * *

Гамлет

Хочешь живым лечь вместе с ней? Я тоже лягу (3623)

Обратимся теперь к трагедии Еврипида «Ипполит»:

Кормилица

Да, жизнь человека лишь мука сплошная,
Где цепи мы носим трудов и болезней.
Но быть же не может, чтоб нечто милее,
Чем путь этот скучный, за облаком темным
Для нас не таилось. И если мерцанья
Мятежного ищем душой на земле мы,
Так только затем, что иной не причастны
Мы жизни и глаз человека не властен
Подземные тени рассеять лучами,
Что лживые сказки душою играют (189–197)

* * *

Гамлет

Да, умереть — заснуть — и больше ничего.
Заснув, мы прекращаем страдания души,
мы избавляемся от сотен пыток,
доставшихся в наследство вместе с телом.

Да, умереть — заснуть — быть может, видеть сны.

Вот где загвоздка!

Когда мы ускользнем от суматохи жизни,
что нам привидится в сне смерти?
Вот отчего мы медлим.
Вот отчего стараемся продлить
свои мученья (1753–1763);
Страх перед неизвестностью (1771–1772)

В этих отрывках совпадают, во-первых, исходная точка размышлений — мучения земной жизни, во-вторых, переход к размышлениям о жизни потусторонней, и, в третьих, тезис о неизвестности того, что ждет в посмертном существовании.

Кроме того, и в «Гамлете», и в «Ипполите» одним из основных является мотив преступной любви: женитьба Клавдия на вдове убитого им брата и страсть Федры к собственному пасынку. Параллелизм можно проследить и по текстовым совпадениям:

Ипполит (о мачехе — А.П.)

О Зевс! Зачем ты создавал жену?
И это зло с его фальшивым блеском
Лучам небес позволил обливать? (615–618)

* * *

Гамлет (о матери — А.П.)

Женщина — вот синоним слову предательство (350)

А вот Федра и король Клавдий почти одними и теми же словами говорят о непрочности своих благих намерений:

Федра

Природа ль разума виновна в том,
Что мы грешим?
… что хорошо, что нет — все это
Мы знаем твердо: лишь на деле знанье
Осуществить мы медлим (376–381)

* * *

Король

Невозможно быть все время добродетельным,
ведь добродетель, разрастаясь,
ломается под собственною тяжестью.
Должны мы делать то, что должно, когда мы можем.
Но это «можем» так непостоянно –
оно то запоздает, то ослабнет (3260–3264).

А вот схожесть в суждениях Ипполита и Гамле-

та о вкусах широких масс зрителей:

Ипполит

И не так ли нередко
наш страдает тонкий слух
от музыки, которой
рукоплещет толпа? (986–989)

* * *

Гамлет

Это, может, и повеселит невежду,
но тот, кто разбирается в театре, загрустит (1904–1905)

Схож также диалог Гамлета и Горацио в финале трагедии с диалогом Ореста и Пилада в «Оресте» Еврипида:

Орест

Я ухожу, прости!
Не говорить теперь, а делать время.

Пилад

Постой… Тебя впервые упрекну:
Иль думаешь, что я нуждаюсь в жизни,
Когда со мной Ореста больше нет?

Орест

Да, жить со мной, но умирать зачем же?

Пилад

Спроси: зачем мне без Ореста жить?

Орест

Ты разве мать убил, как этот горький?

Пилад

Я помогал ему и с ним умру.

Орест

Нет, сбереги себя отцу, со мною

Не умирай (1066–1076)

* * *

Гамлет

Нет времени, пусть уж так.

— Гораций, я покойник. Ты остаешься жить.

Расскажешь мою историю всем, кто захочет знать.

Горацио

Я родом скорей из Древнего Рима, а не из Дании.

(Берет кубок с ядом)

Тут еще хватит и для меня.

Гамлет

Будь мужчиной, Гораций, дай его сюда

останься жить (3997–4005).

Приведенные примеры свидетельствуют, что указанные трагедии Еврипида можно с уверенностью отнести к прямым литературным источникам «Гамлета».

«Гамлет» и «Лягушки» Аристофана

Во время первой встречи Гамлета с Розенкранцем и Гильденстерном заходит разговор о театральных баталиях в столице. Уместно сравнить его с комедией Аристофана «Лягушки». Сюжет ее следующий: в загробном царстве Аида происходит судебное разбирательство между Эсхилом, Софоклом и Еврипидом на предмет, кто же из них лучше писал пьесы. Разбирательство переходит в потасовку:

Еврипид
Его давно я знаю, раскусил давно.
Певца невежд, горластого, строптивого,
С безудержным, неистовым, безумным ртом,
Бахвала, витьеватого, трескучего.
Эсхил
Богини огородной порождение,
Что ты сказать посмел мне! Попрошайка слов,
Тряпичников властитель и лоскутьев швец!
Дионис
Замолкни, удержись, Эсхил почтеннейший!
А ты, несчастный Еврипид, покуда жив,
Беги от бури и от градобития,
Чтобы, метнув увесистым речением,

Не размозжил он темени (835–855).

Соответственно, в «Гамлете»:

Розенкранц

Сама публика подзуживала обе стороны к стычке,

и дошло до того, что ни один довод ничего не стоил,

если поэт или актер не подкреплял его тумаком.

Гамлет

Вы шутите!

Гильденстерн

Не один ломал себе голову,

желая посильнее досадить противнику(1440–1441).

Вот еще близкие по смыслу строки из «театральных» разговоров в «Лягушках» и «Гамлете»:

Геракл

Да разве нет у вас мальчишек множества?

Трагедии они строчат по тысяче

И Еврипида на версту болтливее (88–90)

* * *

Розенкранц

Но появился целый выводок юнцов, что, как птенцы,

пищат на сцене во весь голос,
а все им бурно аплодируют (1427–1428).

«Гамлет» и «Метаморфозы» Овидия

Отмечу две переклички трагедии Шекспира с «Метаморфозами» Овидия. Из «Метаморфоз» мог позаимствовать Шекспир образ самоубийства безумного, бросающегося в море с отвесной скалы:

В море свисает скала; из-под низа ее размывают
Волны; она от дождей защищает прикрытую заводь;
Вверх выдается, челом протянувшись в открытое море.
Ино вбежала туда, — ей безумие придало силу, —
И со скалы в глубину, забыв о каком-либо страхе,
Бросилась с ношей своей (IV, 525–530)

* * *

Горацио
А вдруг он заведет вас на берег моря,

или на отвесную скалу над прибоем,
и примет другой облик,
настолько ужасный, что вы подвинетесь умом?
Ведь там само место шутит шутки с рассудком,
безумные мысли сами появляются у всякого,
кто смотрит с высоты на море
и слышит его рев. (702–711)

А вот рассказ о гибели Офелии (вспомним, что Гамлет называет Офелию нимфой):

Королева
Над речкой нависает ива,
в потоке отразившись серебристою листвой
Она на сучья забралась, чтобы развесить
нехитрые венки из сорняков…
упала в рокочущую реку…
и, как русалку, ее несла вода.
Она все пела какие-то обрывки старых песен,
как будто бы не чуяла беды или решила,
что возвращается в родную свою стихию (3315–3329)

Овидий же описывает, как нимфа Аретуса спасается от преследований речного бога Алфея, погружаясь в воду, становясь водой и проходя сквозь подземные пещеры:

Происхожу, — говорит, — из нимф я…

Ветлы седые кругом и тополи, вскормлены влагой,

Склонам ее берегов природную тень доставляли.

Я подошла и ступню сначала в струю погрузила.

Вот по колена стою. Не довольствуясь этим, снимаю

Пояс и мягкий покров кладу на склоненную иву.

Вот уж и вся я в воде…

Влагою вся становлюсь…

По бессветным влекусь я пещерам (Метаморфозы, V, 577–639).

Блуждание по подземным пещерам несомненно напоминает о смерти. Причина смерти Офелии — Гамлет. Причина бегства Аретусы — страсть Алфея. Среди совпадающих деталей можно отметить иву, на которой Офелия развешивает свои венки, а Аретуса — одежду. «Родной стихией» для Аретусы становится спасающая ее вода.

Выше уже шла речь об упоминаниях Шекспиром мифических персонажей, описанных Овидием в «Метаморфозах». Последние же два примера свидетельствуют о переработке и использовании Шекспиром образов и мотивов

Овидия.

«Гамлет» и Плавт

** **

Совпадения с комедиями Плавта, как и следовало ожидать, касаются авантюрных поворотов сюжета, а также, что называется, перебранок.

Вот авантюрный сюжет с подменой письма и казнью посланников:

Сосия

С корабля другой дорогой сам же забежал вперед,
Чашу вынул, отдал ей и тайно запечатал вновь
Ящичек (Амфитрион, 795–797)

* * *

Гамлет

Так же, как прежнее, сложил письмо и запечатал.
Благополучно положил на место (3704–3705)

* * *

Никобул

Письмо сказало это самое,
Тобою принесенное. Оно велит
В оковы заковать тебя (Вакхиды, 808–810)

* * *

Горацио

А Гильденстерн и Розенкранц плывут туда (3709)

Присутствует у Плавта и показное безумие:

Менехм II

(в публику)

Думают, что я безумен? Что же, ладно, в добрый час.

Сам прикинусь я безумным и отделаюсь от них (Два Менехма, Действие 5 Сцена 2).

А вот «перебранки»:

Филематия

Ну, так подавай румяна.

Скафа

Хороша и так. Не дам.

Ты подмалевать желаешь чудное создание (Привидение, 261–263)

* * *

Гамлет (*Офелии*)

знаю, как вы себя приукрашиваете.

Господь дал вам лицо, а вы рисуете себе другое (1834–1835)

* * *

Клеарета

Нет цены твоим словечкам:

покупатель пусть придет,

Пусть заплатит золотыми — не продам ни одного.

Брань твоя для нас прямое серебро и золото (Ослы, 153–155)

* * *

Горацио (*об Озрике*)

Он истратил все золотые своих слов. (3778–3779)

Следует сказать, что и в целом разговоры Гамлета с Полонием, с Офелией, некоторые ответы Гамлета Клавдию, ответы Гамлета на реплики Духа во время клятвы на мече выдержаны в том же стиле, что и распространенные у Плавта перебранки рабов, супругов и т. д.

Вот еще несколько текстовых и сюжетных совпадений с комедиями Плавта:

Палестрион

Но взгляну, тут нет ли справа ль, слева ли подслушника,

кто, свои развесив уши, нас бы уловил в капкан (Хвастливый воин, 607–608)

* * *

Полоний

А я, с вашего разрешенья,

приставлю это ухо к их беседе (1876–1877)

* * *

Плевсикл

Просят, чтоб ты шла скорей, пока ветер нам попутный,

время распускать парус (Хвастливый воин, 1316–1317)

* * *

Полоний

Давай скорей на борт.

Уж ветер толкает в п**а**руса лопатку твой корабль! (541–542)

* * *

Фильтон
И нищий, и богач тогда становятся
Равны: у Ахерона им одна цена (Три монеты, 493–494)

* * *

Гамлет
Жирный король и тощий бедняк —
лишь перемена блюд для этого стола. Конец один. (2734–2735)

* * *

Грумион
А ты, столичный хлыщ, публичный шут! Меня
Деревней попрекаешь? Видно, знаешь сам,
Что скоро и тебя сдадут на мельницу,
В деревне умножать число кандальников. (Привидение, 17–19)

* * *

Полоний
то место мне не при дворе,

а в деревне на конюшне (1268–1269)

* * *

Филолахет

С рожденья похож человек
на недавно отстроенный дом (Привидение, 91–92)

* * *

Лаэрт

И нужно, чтоб душа и ум все лучше
правили бы службу в строящемся храме (496–497)

Последние примеры совпадений — из пьесы Плавта «Привидение». Нет сомнений, что Шекспир был знаком с ней. В его пьесе «Укрощение строптивой» слуги носят имена плавтовских рабов Грумиона и Траниона. Можно провести аналогию между Полонием, Лаэртом и подчиненным Полония Рейнольдом, которого он отправляет присмотреть за Лаэртом, и, с другой стороны, отцом Феопропидом, его сыном Филолахетом и рабом Транионом, которому поручено приглядывать за сыном. Отношения между этими персонажами у Плавта другие, чем у Шекспира

(хотя тоже присутствует мотив отъезда в другую страну), но в обоих случаях построены они вокруг должного и недолжного поведения сына. Об этом и начальный монолог Филолахета, цитату из которого мы привели выше.

И, конечно, не может не привлечь к себе внимание следующее место из «Привидения»:

Транион
И вдруг как закричит он! Громко! Страшно так!
Феопропид
Кто? Кто? Мой сын?
Транион
Тсс… тсс… Молчи! Послушай-ка.
Сказал, пришел во сне он, тот мертвец, к нему
Феопропид
Так, стало быть, во сне?
Транион
Да, да, но слушай же.
И вот что говорил ему он, тот мертвец…
Феопропид
Во сне?
Транион
Заговорил бы наяву еще
Лет шестьдесят тому назад зарезанный!
Уж до чего же прост бываешь ты подчас!
Феопропид

Молчу.
Транион
И вот что он тогда сказал ему:
«Заморский гость, приезжий, Диапонтий я.
Я здесь живу, и жить мне здесь указано.
Не принят я в подземный мир, до времени
Лишенный жизни. Вероломно был я тут
Обманут, умертвил меня хозяин мой
И в доме здесь зарыл непогребенного,
Преступник, из-за золота. А ты теперь
Отсюда выселяйся. Проклят этот дом,
И жить в нем неискупный грех!» Какие здесь
Явления бывают, не сказать и в год!
Тсс… тсс…
Феопропид
Но что случилось?
Транион
Заскрипела дверь.
Не он ли стукнул?
Феопропид
Капли крови нет во мне!
Зовут живого к Ахерону мертвые! (487–512)
Сравним плавтовское
«Не принят я в подземный мир, до времени
Лишенный жизни. Вероломно был я тут
Обманут»

со словами Духа из «Гамлета»:

Я дух твоего отца, обреченный бродить по ночам (745–746)

Все убийства подлые,

но это самое подлое, гнусное, неслыханное (763–764)

Без отпущенья, без причастья

я был подрублен в пору цветенья всех моих грехов.

Я не расчелся с ними, не выправил ошибки,

когда затребовали окончательный отчет (814–817).

Комический сюжет Плавта трагически переосмыслен у Шекспира в ключе «Электры» Софокла. Уместно, наверное, вспомнить здесь слова другого великого драматурга Мольера: «Я беру своё там, где его нахожу».

«Гамлет» и Сенека

** **

Распространено мнение, что на «Гамлета» могли непосредственно повлиять трагедии Сенеки, в частности «Агамемнон», «Безумный Геркулес», «Федра» и «Эдип». Однако тесной связи с

трагедиями Сенеки, подобно той, которую мы видели между «Гамлетом» и трагедиями Софокла и Еврипида, обнаружить не удается. Текстовые совпадения отсутствуют. По своему жанру трагедии Сенеки — это скорее не драматические, а поэтические произведения в форме драмы, написанные единым риторическим стилем. Этот стиль Сенеки (к примеру, монолог Гекубы в начале его «Троянок») слегка пародирует Шекспир во вставном монологе о Пирре, придавая ему, однако, гораздо большую художественную выразительность.

Говоря об источниках «Гамлета», в первую очередь следует сказать о философских произведениях Сенеки. Философия стоицизма, так, как она изложена в прозаических сочинениях Сенеки — одна из составляющих образа Гамлета. В «Гамлета» присутствуют прямые текстовые переклички с философскими произведениями Сенеки.

Сенека:

Я выдерживаю ваши удары, как скала, одиноко возвышающаяся над поверхностью изобилующего мелями моря, о которую беспрестанно разбиваются налетающие со всех сторон волны (О счастливой жизни, XXVII).

* * *

Гамлет

Что честнее — смириться со свирепыми ударами судьбы,
а может, сразившись с морем бед, их прекратить? (1750–1752)

* * *

Сенека:

Ведь вялость и нерешительность обнаруживают борьбу и непостоянство (там же, VIII).

* * *

Гамлет

Ну отчего я лишь твержу: «Мне надо это сделать»,
раз у меня есть причина и желанье, силы
и средства это сделать? (2833–2835)

* * *

Сенека:

Обладающий добродетелью человек будет твердо стоять на своем высоком посту и переносить

все, что бы ни случилось, не только терпеливо, но и охотно, зная, что все случайные невзгоды в порядке вещей (там же, XV).

* * *

Гамлет
Ты не печалился в печалях,
удары и награды судьбы
принимая с равной благодарностью (1945–1947)

* * *

Сенека:
А ты видишь, в каком позорном и пагубном рабстве будет находиться тот, на кого попеременно будут оказывать свое влияние удовольствия и страдания, деспотические силы, действующие крайне произвольно и необузданно (там же, V).

* * *

Гамлет
На тебе Фортуна не сыграет, как на флейте,
нажимая на нужный клапан, чтоб вызвать нужный звук.

И если б еще такой нашелся человек —
не прислуга своим желаниям —
я, как тебя, его бы принял
в сердцевину сердца (1949–1952).

Кроме этого, в «Гамлете» присутствует еще ряд текстовых совпадений с Сенекой.

Сенека:

Посмотри, каким дерзновением обладает дух человеческий; как один он познает богов или ищет их умом, обращенным к горнему, сопутствует божествам (О благодеяниях, VI, 23).

* * *

Гамлет

Тот, кто в нас вложил способность размышлять
и связывать со следствием причину,
не для того давал такой талант и богоподобный ум,
чтобы они скисли без употребленья (2825–2828).

* * *

Сенека:

При первоначальном создании, когда боги все

устроили… у них было помышление и о человеке. Среди величайших дел своих природа не имеет ничего, чем могла бы более хвалиться (там же)

* * *

Гамлет
А человек? Это ведь шедевр.
Благородный ум, безграничные возможности.
Прекрасно выглядит в покое и в движении.
Поступки, как у ангела.
Проницателен, как Бог. Венец творенья.
Украшение вселенной (1398–1401)
Каждый бог дал ему свою черту,
чтоб миру подтвердить, каким задуман человек (2451–2453).

* * *

Сенека:
Естественно ли человеку быть в долгу у самого себя? (там же, V, 8)

* * *

Король-актер
самим себе прощаем мы долги (2084–2085).

* * *

Сенека:

Если бы нам можно было показать нашу душу… то в какое смятение пришли бы мы, глядя на нее — черную, грязную, бурлящую, корчащуюся, раздутую (О гневе, III, 36)

* * *

Королева

Не заставляй меня заглядывать в мою душу.

Там столько черных, въевшихся пятен (2482–2483)

Таким образом, влияние Сенеки проявляется и в философии стоицизма, которой проникнуты размышления Гамлета, и в конкретных образах Сенеки, вошедших в текст трагедии Шекспира.

Заключение

Шекспир использует в «Гамлете» весь пласт античной — древнегреческой и древнеримской — литературы: трагедии, комедии, поэмы, философские и исторические произведения. При этом он свободно комбинирует и развивает

заимствования у своих предшественников, органично включая их в свой текст. Указанные текстовые совпадения явно свидетельствуют о непосредственном использовании Шекспиром текстов древнегреческих трагиков. Основными его античными источниками являются трагедии Софокла и Еврипида, комедии Плавта, философские сочинения Сенеки. Идеи, образы и прямые цитаты из произведений античный авторов буквально пронизывают весь текст «Гамлета» и вместе с историей о принце Гамлете являются своего рода костяком, каркасом, на котором построена пьеса Шекспира. Шедевр Шекспира вырастает из предшествовавших ему вершин античной драматургии.

Литература

1. Geoffrey Bullough, Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare: Volume 7, N.Y., Columbia Un. Press, 1957–1973.

2. Terence John Bew Spencer, Anne Barton, Hamlet: With an Introduction, a List of Further Reading, Commentary and a Short Account of the Textual Problems of the Play, Penguin Classics, 1980.

3. Earl Showerman, Orestes and Hamlet: from myth

to masterpiece: Part I., The Oxfordian, 2004.

4. Sylvan Barnet, Hamlet, With New and Updated Critical Essays and a Reviced Bibliography, Signet Classics, 1998,p.lxvi.

5. William Theobold, The Classical Element in the Shakespeare Plays. London, Robert Banks, 1909.

6. Elmer Edgar Stoll, Hamlet: An Historical and Comparative Study, University of Minnesota Press, 1919, pp, 49, 76.

7. В. Соловьев, Жизненная драма Платона, XIII, 1898.

8. Martin Mueller, Children of Oedipus,The University of Toronto Press,1979.

9. John Harvey, A Note on Shakespeare and Sophocles,

Essays in Criticism.1977; XXVII: 259–270.

В тексте цитируются работы следующих переводчиков: Софокл «Электра», Овидий, «Метаморфозы» — С.Шервинский; Еврипид «Геракл», «Вакханки», «Алкеста», «Ипполит», «Орест» — И. Анненский; Аристофан «Лягушки» — Адр. Пиотровский; Плавт «Амфитрион», «Вакхиды», «Привидение», «Ослы», «Хвастливый воин», «Три монеты» — А. Артюшков; Плавт «Два Менехма» — С. Радлов; Сенека «О счастливой жизни» — С.Янушевский; Сенека «О благодеяниях» — П.Краснов

(?); Сенека «О гневе» — Т. Бородай.

Номерация строк «Гамлета» дана согласно сайту www.opensourceshakespeare.org

2010

«Гамлет» и «Гаргантюа и Пантагрюэль»: общий дух интеллектуальной свободы

Интеллектуальная свобода, которую Гамлет демонстрирует в диалогах с другими персонажами пьесы, несомненно, то, что и делает его образ столь притягательным. Иначе перед нами была бы остросюжетная история о принце Амлете в духе Саксона Грамматика, разве что с расширенным списком действующих лиц.

Гамлет постоянно иронизирует (выражаясь современным языком, стебется) почти надо всем, что попадает ему на язык

Приведу примеры.

Королева

Гамлет, не отказывай моим мольбам.

Останься с нами, не уезжай в Виттенберг.

Гамлет

Я вам послушен изо всех сил, королева.

* * *

Гамлету часто подыгрывает Горацио:

Гамлет

Так почему не в Виттенберге?

Горацио

Прогуливаем занятия, милорд.

Гамлет

.....

Так что привело вас в Эльсинор?

Хотите, чтоб мы вас научили пить?

Горацио

Милорд, я приехал на похороны вашего отца.

Гамлет

Бросьте ваши розыгрыши, студент.

Вы приплыли на свадьбу моей матери.

Горацио

Действительно, милорд, она последовала так скоро.

Гамлет

Бережливость, Горацио! Мясо, зажаренное для поминок,

подали в качестве холодной закуски к свадебному столу.

* * *

Гамлет

Король наш бодрствует и произносит тосты,

закусывает и важно скачет в танце.

И каждый выпитый им кубок рейнского

литавры прославляют
и ослиный крик фанфар.

* * *

Горацио
Что вы узнали?
……
Гамлет
У нас в Дании злодеев нет.
Одни отъявленные негодяи.
Горацио
Чтобы это смекнуть,
не надо духа из могилы подымать.

* * *

Дух
(из-под земли)
Клянитесь.
Гамлет
А, ты тут как тут, приятель?
Я знал, что ты надежный парень.
— Слыхали этот голос из погреба?
А ну, клянитесь!
……
Дух

(из-под земли)
Клянитесь.
Гамлет
Хорошо сказано, старый крот.
Если ты так же ловко роешь землю,
ты просто землепроходец.

* * *

Полоний
Что вы читаете, милорд?
Гамлет
Слова, одни слова.
Полоний
И в чем там дело?
Гамлет
Между кем и кем?
Полоний
Я в смысле, о чем книга?
Гамлет
Автор в сатирическом задоре клевещет,
что у стариков седые бороды, морщины на лице,
глаза слезятся, полное отсутствие ума,
наряду со слабостью в коленях.
Возможно, я бы в это и поверил,
но только это ведь нечестно — писать такое

на бумаге.

* * *

Полоний
Не уйти ли вам с этих сквозняков, милорд?
Гамлет
Куда, в могилу?
Полоний
И правда, сквозняков там нет.

* * *

Гильденстерн
Счастливы тем, что счастливы не чересчур. Мы ведь не пуговка на берете у Фортуны.
Гамлет
Но и не подметка на ее туфлях.
Розенкранц
Вы правы, милорд.
Гамлет
Тогда вы где-нибудь в районе ее талии, неподалеку от ее прелестей.
Гильденстерн
Мы у нее на скромном месте.
Гамлет
Зато при самых нескромных ее местах.

Все правильно, Фортуна — это шлюха.

* * *

Полоний
Все будет сделано согласно их заслугам.
Гамлет
Ни в коем случае — надо гораздо лучше.
Если все получат по заслугам, никто не избежит кнута.

* * *

Полоний
Я играл Юлия Цезаря.
Брут убивал меня на Капитолийском холме.
Гамлет
Довольно брутально с его стороны
прирезать такого капитального барана.

* * *

Гамлет
Боже! Уже два месяца, как умер, и о нем все еще помнят.
Если так пойдет дальше,
то память о каком-нибудь великом человеке

переживет его и на полгода.
Но все равно он должен выстроить церковь,
или потом пусть не жалуется, что позабыт.

* * *

Офелия
Вы можете быть колким.
Гамлет
Вам пришлось бы попыхтеть,
чтоб затупить мое острие.

* * *

Гильденстерн
Король…
Гамлет
В самом деле, а что с ним?
Гильденстерн
Он удалился в крайнем расстройстве.
Гамлет
От вина?
Гильденстерн
Нет, скорее разлилась желчь.
Гамлет
Вы бы верней продемонстрировали свою смекалку,

если б доложили об этом доктору.
Если клизму королю поставлю я,
боюсь, желчь разольется еще больше.

* * *

Гамлет
Сволоку-ка я эту падаль в соседнюю комнату.
…
А канцлер стал спокойней, сдержанней, важней,
а был тупой болтливый прохиндей.
— Ну, сэр, надо уж как-нибудь дотянуть до конца.
…
Расходятся. Гамлет волочит за собой Полония

* * *

Розенкранц
Я вас не понимаю, милорд.
Гамлет
Это хорошо.
Скользкие речи лучше всего прятать у дураков в ушах.

* * *

Король

Гамлет, так где Полоний?

Гамлет

На трапезе.

Король

На какой еще трапезе?

Гамлет

На той, где ест не он, а где едят его.

Целый рейхстаг пронырливых червей сейчас вырабатывает

относительно него свою политику.

Ведь червь получает все, что производит государство.

Откармливая скот для себя,

себя откармливаем для червей.

Жирный король и тощий бедняк —

лишь перемена блюд для этого стола. Конец один.

Король

К несчастью.

Гамлет

Можно поймать рыбу,

наживив на крючок червя, который только что ел короля.

И съесть рыбу, что слопала червя.

Король

К чему ты это говоришь?

Гамлет

Бывает, королевская процессия
совершается в кишках у нищего.

Король

Так где Полоний?

Гамлет

На небесах, пошлите кого-нибудь проверить.
Если посыльный его там не найдет,
то поищите сами в другом месте.
Впрочем, если до конца месяца не отыщете,
то нос вас приведет ступенями на галерею.

* * *

Король

Вот: добро — то, что я тебе желаю, поверь.

Гамлет

Я вижу ангелочка, что видит все наши желания.

* * *

Гамлет

Еще череп. Он мог принадлежать юристу.

Куда все это подевалось —
суть дела, обстоятельства, права, ходы, увертки?
Почему он позволяет этому наглому пройдохе
бить себя лопатой по голове
и даже не заикается об оскорблении действием?
А может, этот парень скупал земельные участки —
где же все его свидетельства на землю, купчие, расписки
залоги, возмещение убытков?
Возможно, возмещение –
та земля, которой набит его череп.
И единственное нужное ему свидетельство —
на участок размером в два свидетельства.
А все его купчие вряд ли влезут в ящик,
полученный им в залог.

* * *

Гамлет
Всех нас ждет весьма простое предназначенье.
Нетрудно представить: благородный прах Александра
используют в качестве затычки от бочки.
…

Великий Цезарь, устрашавший мир,
истлел и стал затычкою для дыр.

* * *

Гамлет

Наверно, раскланивался с материнской грудью,
прежде чем ее сосать.
Таких как он — их прорва в этом выводке —
обожает наш любящий принарядиться век.
Заучили ходячий мотив, поверхностную вежливость,
и пенистым вином их называют
и простаки, и те, что отделяют зерна от мякины.
Но стоит испытанию подуть — а пузыри-то и пропали.

* * *

Гамлет

Ведь если ничего с собой не унести,
что это значит: "уйти слишком рано"?

В моей работе «Античные источники "Гамлета"» показано, что источником пикировок Гамлета с другими персонажами являются т. н.

перебранки из комедий Плавта. (Даже мотив явления Духа позаимствован Шекспиром из комедии Плавта «Привидение»). Однако ничего похожего на интеллектуальную свободу, о которой сказано выше, у Плавта нет. Так откуда же мог Шекспир позаимствовать эту интеллектуальную свободу для своего Гамлета?

Рискну предположить, что из книги Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (далее ГиП). На французском пять книг ГиП выходили с 1532 по 1564 годы. На английский «История Гаргантюа» была переведена около 1567 года. Шекспир, несомненно, знал книгу Рабле:

Целия

Добудь мне прежде рот Гаргантюа, потому что слово, которого ты требуешь, слишком велико для какого бы то ни было рта нашего времени (У.Шекспир, Как вам это понравится, III, I, перевод П.И. Вейнберга).

Над чем же потешался Рабле?

Над королевскими родословными (I,I),
над чудесными рождениями (I, VI),
над церковным образованием (I, XXI),
над причинами Больших войн (I, XXV),
над монахами (I, XL),
над судебными заседаниями (II, XI),

над учеными диспутами (II, XIX),
над триумфальными обелисками (II. XXVII),
над военными победами (II, XXVIII),
над пророчествами сивиллы (III, XVII),
над предсказаниями (III, XIX),
над браком (III, XXXII),
над папистами (IV, LIII),
над Великим постом (V, XXIX),
над храмовыми чудесами (V, XXXVII).

Издевки Рабле более сочные, чем издевки Гамлета, поскольку «Рабле облекал идеи в форму художественного шаржа, карикатуры, гротеска и буффонады» (Б.И.Пуришев, Литература эпохи Возрождения. Идея универсального человека, лекция 8).

Для подтверждения тезиса о влиянии Рабле на Шекспира постараемся отыскать в «Гамлете» и ГиП сходные мотивы и текстовые аналогии.

Расположим сравниваемые цитаты по порядку согласно ГиП. Сначал цитата из ГиП, затем из «Гамлета».

В главе «Об игрушечных лошадках Гаргантюа» (I, XII) говорится о «красивой большой деревянной лошади» юного героя, а также, как «сам он из толстого бревна сделал себе коня» (здесь и далее перевод В.Пяста).

Вспоминает о деревянной лошадке и Гамлет:

Хотя и так забудут, как палку-скакалку
с эпитафией «О, палочка-скакалка, как жалко!» (III,1).

* * *

Когда Гаргантюа подрос, «что касается уменья погарцовать и заставить коня показать разные штуки, то никто этого не умел делать лучше, чем он. Сам феррарский вольтижер оказался бы обезьяной по сравнению с ним» (I, XXIII).

* * *

Король:

Я в своей жизни повидал французов, я им давал отпор,
они хорошие наездники, но этот, кажется,
владеет колдовством — он просто врос в седло.
Такие удивительные вещи выделывал с конем,
как будто сам наполовину стал резвым жеребцом (IV, 7).

* * *

Вот глава «Как между пекарями из Дернэ и

подданными Гаргантюа возник великий спор, следствием которого явились Большие войны» (I, XXV). Конфликт возник из-за лепешек: «Пастухи вежливо попросили пирожников снабдить их этим товаром по рыночной цене. Заметьте, что это божественная еда — съесть за завтраком винограду с лепешками (все равно какого: дамских пальчиков, изабеллы, малаги, коринки) для страдающих запором. Просьбу пастухов пекаря не только не были склонны удовлетворить, но — что хуже — стали их оскорблять…» (там же).

* * *

Капитан

Сказать по-правде, без прикрас,
мы идем, чтоб завладеть клочком земли,
вся прибыль от которого — его названье.
Я и за пять — пять! — фунтов не стал бы брать его в аренду,
а больше за него не выручить,
даже вздумай Польша или Норвегия его продать.

Гамлет

Тогда поляки не станут вам препятствовать.

Капитан

Как же, у них там целый гарнизон.

Гамлет

Изведут две тысячи душ, двадцать тысяч дукатов —

и то не хватит, чтоб решить спор из-за такой ерунды (IV, 4).

* * *

«если бы злой дух клеветник, пытаясь подвигнуть тебя на зло, внушил тебе мысль (при помощи лживых призраков и обманчивых видений…) неужели же ты захотел, как вероломный тиран, разграбить и разорить королевство моего господина?» (I, XXXI).

* * *

Гамлет

Вдруг Дух, которого я видел —
это дьявол, что принял манящий образ,
чтоб заразить мне душу бессильною тоской
и погубить ее? (II, 2).

* * *

«Не лучше ли и не почетнее ли умереть, доблестно сражаясь, чем жить, постыдно бежав?»

(I, XXXIX)

* * *

Гамлет

Что честней — смириться со свирепыми ударами судьбы,

а может, сразившись с морем бед, их прекратить? (III, 1)

* * *

«– Но ведь, — сказал Грангузье, — они молятся за нас богу.

— Ничуть не бывало, — ответил Гаргантюа. — Правда только то, что они изводят всех соседей треньканьем своих колоколов.

— Да, — говорит монах, — обедни, утрени и вечерни, хорошо отзвоненные, наполовину отслужены.

— Они бормочут себе под нос многое множество всяких житий и псалмов, которых сами не понимают. Отчитывают десятками «Отче наш» вперемежку с длинными «Богородицами», не вникая в смысл и не думая. Я называю это насмешкой над богом, а не молитвою. Помогай им бог, если они молятся за нас, а не из страха поте-

рять свои хлебы и жирные супы» (I,XL).

* * *

Первый священник

И если б от верховной власти не поступило распоряженье,
то за церковною оградой лежать бы ей до Страшного суда.
И не благодатные молитвы, а глиняные черепки и галька
летели б ей на гроб.
А ей дозволены венки живых цветов в знак
ее девственности,
и погребенье по-христиански, и почесть —
колокольный звон.

Лаэрт

И больше ничего?

Первый священник

И больше ничего. Мы запятнали бы церковные обряды,
когда бы спели над нею реквием и упокоили ее, как души,
что уходят с миром.

Лаэрт

Опускайте гроб.
Пусть из ее прекрасного, непорочного тела

прорастут фиалки.
— А ты, святоша, знай —
моя сестра станет ангелом и будет служить Господу,
когда ты в аду завоешь» (V, 1).

* * *

Название главы у Рабле: «Как Пантагрюэль нашел Панурга, которого полюбил на всю жизнь» (II, IX).
«Он беден только дарами Фортуны» (там же).

* * *

Гамлет
я не рассчитываю,
что ты однажды преуспеешь.
Нет, весь доход тебе приносит оптимизм —
и кормит он тебя, и одевает.
…
Как только моя душа сделалась
себе хозяйкой и научилась разбираться в людях,
она остановила свой выбор на тебе.
Ты не печалился в печалях, удары и награды судьбы

встречая с равной благодарностью.

…

И на тебе Фортуна не сыграет, как на флейте,

нажав на нужный клапан, чтоб вызвать нужный звук.

Если б еще такой нашелся человек —

не прислуга своим желаниям —

я, как тебя, его бы принял в сердцевину сердца (III,1).

* * *

«– Так на кой же черт, — сказал он, — столько изводить бумаги и плодить такое количество копий?… Вместо того чтобы читать всю эту ерунду, которая есть не что иное, как натяжки, дьявольские ухищрения, всякие извращения права и цеполловы дьявольские каутелы, пусть сами расскажут о своем споре. Я уверен, что и вы, и все, через чьи руки прошло это дело, лишь запутали его, как только могли, всякими там pro и contra, затемняя нелепыми и глупыми доводами со ссылками на… прочих замшелых судейских, которые никогда и не слыхали ни о каких наших уложениях и, в сущности, были молочными телятами, круглыми невеждами в законах» (II, X).

* * *

Гамлет

Еще череп. Он мог принадлежать юристу.

Куда все это подевалось —

суть дела, обстоятельства, права, ходы, увертки?

…

где же все его свидетельства на землю, купчие, расписки

залоги, возмещение убытков?

…

Все эти документы пишут

на пергаменте из бараньей кожи?

Горацио

Из телячьей тоже.

Гамлет

Только бараны и телята могут

поверить таким гарантиям (V, 1).

* * *

«Пантагрюэль заболел: у него так схватило живот, что он не мог ни пить, ни есть…

по совету докторов было решено очистить его желудок от любых веществ, причинявших ему

боль» (II, XXXIII).

* * *

Гамлет
Если клизму королю поставлю я,
боюсь, желчь разольется еще больше (III,2).

* * *

«когда необходимо срочно отчалить, а корабль стоит на якоре, лучше перерезать канат, чем терять время на его подъем» (II, XXV).

* * *

Полоний
Ты еще здесь, Лаэрт?! Давай скорей на борт.
Уж ветер толкает в п**а**руса лопатку твой корабль!
Тебя заждались (I, 3).

* * *

«Таким образом, те, кто были важными сеньорами на этом свете, с трудом зарабатывают себе на жалкое существование в другой жизни. Наоборот, философы и те, кто в этом мире терпел нужду,

стали на том свете, в свою очередь, важными господами. Я видел Диогена, который чванно красовался в пурпуровой тоге, со скипетром в правой руке, и приводил в бешенство Александра Великого, когда бил его палкой за то, что он плохо чинил ему штаны» (II, XXV).

* * *

Гамлет
Тогда создатели империй лишь тени тех,
что просят себе на пропитанье (II, 3).

* * *

«Луна станет темной и кровавой… Земля будет производить только чудовищ: титанов, гигантов, алоадов… Люцифер освободится от оков и, выйдя из адских глубин вместе с фуриями, эринниям» (III,III).

* * *

Горацио
Вот так в момент расцвета и подъема Рима
накануне гибели всесильного Юлия
могилы пустовали, а мертвецы, завернутые в

саваны,
кривлялись и верещали, разгуливая по улицам.
За звездами тянулись хвосты из пламени и капель крови,
на солнце появились пятна,
луна, что управляет империей Нептуна,
словно в день Страшного суда,
померкла от затменья (I,1).

* * *

«Из такого мира будут изгнаны вера, надежда и любовь… Их место займут недоверие, презрение, злопамятство, вместе с тучей всяких других зол, несчастий и проклятий… Люди станут для людей волками, вурдалаками и упырями… станут разбойниками — **убийцами, отравителями** (выделение мое — А.П.), злодеями, злоумышленниками, недоброжелателями» (III,III).

* * *

Гамлет
наш прекрасный полуостров
мне кажется безжизненной пустыней,
а отважно вознесшийся над нами купол неба

в узорах золотых огней —
скопленьем мутных вредных испарений.
А человек? Это ведь шедевр.
Благородный ум, безграничные возможности.
Прекрасно выглядит в покое и в движении.
Поступки, как у ангела.
Проницателен, как Бог. Венец творенья.
Украшение вселенной.
А для меня он — одна из форм гниения.
Никто не радует меня. Ни один мужчина
и ни одна женщина ((II, 3).

* * *

Название главы у Рабле: «Как Пантагрюэль честит и должников и заимодавцев» (III, V).

«Я не хочу, однако, сказать, что никогда не следует делать долги или давать в долг» (там же).

* * *

Полоний

В долг не давай и не бери взаймы.
Дав в долг, и деньги можешь потерять, и друга,
а занимая — притупляешь свой хозяйский глаз (I, 3)

* * *

Название главы у Рабле: «Как по окончании бури Панург снова сделался славным парнем» (III, XXIII)

* * *

Гамлет
и пенистым вином их называют
и простаки, и те, что отделяют зерна от мякины.
Но стоит испытанию подуть –
а пузыри-то и пропали (V, 2).

* * *

«В качестве примера могу указать на внезапное пробуждение Гекубы… А потом Гекуба стала свидетельницей смерти своего мужа Приама, гибели своих детей и уничтожения своей родины» (III, XIV)

* * *

Первый актер
Худые от частых родов чресла вместо платья

прикрыла простыней, схватив в испуге первое,
что было под рукой
…
И если только боги способны замечать дела земные,
то вид Гекубы, у которой на глазах
Пирр, забавляясь, рубил на части тело ее мужа,
истошный крик царицы,
и в них бы вызвал состраданье (II, 3).

* * *

«жена меня высосет… неужели вы хотите сказать, что она меня оберет и высосет, как высасывают устриц из раковин…?» (III, XVIII).

* * *

Розенкранц
Вы считаете меня морской губкой?
Гамлет
Конечно. Губкой,
что жадно всасывает все идущее от короля:
одобренье, награды, звания.
Но главная услуга, которую вы окажете королю — впереди.
…

как только ему понадобится то, что вы скопили —

он выжмет из вас все до капли (IV, 2).

* * *

«природа женщины олицетворяется луной, поэтому они прячутся, стесняются и притворяются на виду и в присутствии своих мужей. Зато в их отсутствие они вознаграждают себя: развлекаются, гуляют, веселятся, отбрасывая свое лицемерие, и показывают себя в своем настоящем виде» (III, XXXII).

* * *

Гамлет

Не сомневайтесь, знаю, как вы себя приукрашиваете.

Господь дал вам лицо, а вы рисуете себе другое:

прихорашиваетесь, порхаете, лепечете, ломаете комедию,

выдаете беспутство за неискушенность (III, 1).

* * *

«Вы мне напоминаете мышь, попавшую в мышеловку. Чем больше она старается выбраться из смолы, тем сильнее в ней увязает» (III, XXXVII)

* * *

Король
Будто попала в известь негашеную душа,
и хочет вырваться, и глубже увязает (III, 3).

Таким образом налицо многие как общие мотивы, так и текстовые совпадения между ГиП и «Гамлетом», наряду с общим духом интеллектульной свободы, который пронизывает оба произведения. Поэтому роман Рабле можно смело причислить к непосредственным источникам «Гамлета».

В заключение приведу текстовое совпадение ГиП со 2-ым сонетом Шекспира.

«Дорогой мой сын!

…

воздаю я хвалу хранителю моему Богу за то, что он дал мне возможность увидеть, как дряхлость и старость моя расцвели в твоей юности» (II, VIII).

* * *

Сонет 2

Нет, лучший есть доход от красоты:
— Твой сын прекрасен, радуйся отец!
…
Под старость ты помолодеешь вновь:
согреет кровь тебе родная кровь.

P.S. И совсем уж напоследок протянем напрямую в наши дни нить от ГиП. Вот почти буквальное совпадение текста Рабле с отрывком из романа «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева.

ГиП: «люди, свободные, благородные, образованные, вращаясь в порядочном обществе, уже от природы обладают инстинктом и побуждением, которые их толкают на поступки добродетельные и отвлекают от порока: этот инстинкт называют честью. Однако те же люди, когда они подавлены и порабощены низкопоклонством и принуждением, отворачиваются от благородной склонности, в силу которой они свободно стремились к добродетели, для того чтобы скинуть с себя и сокрушить иго рабства. Ведь мы всегда стремимся к тому, что запрещено, и жаждем того, в чем нам отказывают. Благодаря этой свободе у

телемитов установилось похвальное стремление делать всем вместе то, чего хотелось кому-нибудь одному. Если кто-нибудь из них, — мужчина или дама, — говорил: «Выпьем!», то все выпивали» (I, LVII).

* * *

В.Ерофеев: «Мы жили душа в душу, и ссор не было никаких. Если кто-нибудь хотел пить портвейн, он вставал и говорил: «ребята, я хочу пить портвейн». А все говорили: «Хорошо. Пей портвейн. Мы тоже будем с тобой пить портвейн». Если кого-нибудь тянуло на пиво, всех тоже тянуло на пиво» (В Ерофеев, Москва — Петушки, Карачарово — Чухлинка).

Приложения
«Отелло» – трагедия безумия и пошлости
Какого цвета мавр?

** **

— Да какая разница, какого цвета лицо этого мавра? Что от этого зависит в трагедии Шекспира? — может сразу же подумать читатель.

От цвета лица, действительно, зависит немногое. Но по цвету лица стали определять происхождение Отелло. Если он чернокожий, то, делается вывод, произошел из внутренних районов Африки. И тогда наивного дикаря закономерно легко охмурил коварный Яго. А вот если Отелло потомок испанских мавров? Тогда он наследник высочайшей испанской арабо-мавританской культуры, на уровень которой Европа после изгнания мавров из Испании выходила в течение столетий. Именно из арабо-мавританской Испании Европе достались арабские цифры. А нам — слова магазин, адмирал, алгебра, химия, арсенал, указывающие на то, откуда пришли в Европу соответствующие сферы деятельности.

Превосходила арабо-мавританская Испания окружающий мир и строительными технологиями. Достаточно взглянуть на почти стометровые кирпичные башни севильской и кордовской мечетей. Поэтому по-испански и по-итальянски стена — это muro; по-немецки mauer — это стена и строитель; по-французски mur — это стена и город. У нас тоже есть слово замуровать, что в буквальном переводе означает замаврить.

Черный или смуглый?

Вернемся к литературе. Считается, что Шекспир позаимствовал сюжет «Отелло» из книги итальянца Джиральдо Чинтио «Сто историй» (Седьмая новелла из Третьей десятки в венецианском издании 1566 года, стр. 317–325). Чтобы развлечь читателя, сообщим, что у Чинтио злодей подговаривает мавра убить Дездемону мешочком с песком, дабы не оставлять следов насилия, а затем герои инсценируют обрушение на жертву потолка.

Откуда в Венеции взялся этот мавр? На это сразу указывает у Чинтио «носовой платок тончайшей мавританской работы», подаренный мавром Дездемоне. Для того, чтобы изготовить

такой платок, нужна развитая ткацкая промышленность. В Испании в первой половине 16 века она переживала подъем, а вот относительно ее существования во внутренних районах Африки нам ничего не известно.

Отмечу, что один раз по отношению к мавру Чинтио употребляет слово nerezza, что на русский переведено следующим образом: Дездемона-де — «женщина, пресытившаяся вашей чернотой». Однако в итальянском nero означает не только черный, но и смуглый, а также печальный.

Еще добавлю, что в венецианском издании «Ста историй» Чинтио от 1574 года в Четвертой и Пятой новеллах Введения (стр. 30–34) присутствует персонаж Африканец (Africano). То есть мавр (Moro) для Чинтио с африканцем явно не совпадает.

Перейдем к Шекспиру. Мнение, что Отелло у Шекспира — чернокожий, возникло, по всей видимости, оттого, что по отношению к нему в трагедии неоднократно употреблено слово black. (Всего в трагедии оно встречается 11 раз). Однако, заглянув в Слова Шекспира (David Crystal & Ben Crystal, Shakespeare`s words, Penguin books, 2004), мы узнаем, что слово black в значении чернокожий Шекспир не употреблял, а применял его

в значении смуглый (dark complexion, swarthy). Шекспировский Лексикон А Шмидта считает, что Шекспир применял black еще и как синоним слова ugly, то есть безобразный (Shakespeare lexicon: a complete dictionary of all the english words, phrases and constructions in the works of the poet by Alexander Schmidt, Berlin, 1902). А вот в качестве слова со значением чернокожий Шекспир, по мнению словарей, использовал слово blackamoor, которое в «Отелло» отсутствует.

Этим наблюдением можно было бы ограничиться, но все же для верности обратимся к тексту.

Замечу, что, даже если слово black и означает черный, а не смуглый, то применение его к Отелло вовсе не доказывает, что он чернокожий: одно дело черный, как смоль, а другое — от горя и забот он стал черным.

Вот Яго спешит обрадовать отца Дездемоны:

старый черный баран

покрывает вашу белую овечку (1,1,94) — здесь и далее в неоговоренных случаях перевод мой

(an old black ram

Is tupping your white ewe).

Однако из этого чернокожесть Отелло следует не более, чем из фразы черного кобеля не отмо-

ешь добела, которую, как правило, применяют вовсе не к чернокожим.

(Вот отец Дездемоны упрекает Отелло, что его дочь сбежала:

to the sooty bosom

Of such a thing as thou (1, 2, 85–86).

Это sooty bosom, однако, можно перевести как на твою закопченую грудь, что вполне соответствует смуглому мавру).

Далее Шекспир неоднократно использует словесную игру со словами fair (честный/ светлый, белокурый/ прекрасный) и black (злой/ черный, смуглый/ безобразный).

Дож, выслушав историю любви Отелло и Дездемоны и оправдывая их, говорит отцу новобрачной: Your son-in-law is far more fair than black (1,3,290). Фразу можно трактовать как твой зять скорее честен, чем злонамерен, а можно — твой зять, скорее белокурый, чем черный/смуглый. Очевидно, что в описанной ситуации дож имел в виду первую трактовку, а намек на вторую присутствует как элемент словесной игры.

Точно такая же пара слов fair — black присутствует в концовке 147 сонета Шекспира:

For I have sworn thee fair, and thought thee bright,

Who art as black as hell, as dark as night

(Я клялся и думал, что ты чиста/светла,
а ты зла/черна, как ад, и темна, как ночь).

Но на основании этих строк мы ведь не будем делать вывод, что у предмета воздыханий Шекспира черная кожа. Лучше вспомним смуглую леди сонетов.

Такая же словесная игра содержится и в разговоре Яго и Дездемоны:

IAGO

If she be fair and wise, fairness and wit,
The one's for use, the other useth it.

DESDEMONA.

Well praised! How if she be black and witty?

IAGO.

If she be black, and thereto have a wit,
She'll find a white that shall her blackness fit (2,1,129–133)

(**Яго**

Если она прекрасна и мудра, красива и смышлена,
от первого ей прок, второе же использует первое.

Дездемона

Да, похвалил! А если безобразна и смышлена?

Яго

Коль безобразна, но есть смекалка,

получит непорочность/белого,
что подойдет ее безобразности).

В первых двух строках речь идет о том, что умная женщина использует свою красоту — fair (fairness). Красоте в последних трех строках противопоставляются black и blackness. Логично, согласно Шмидту, интерпретировать их как ugly — безобразие. Добавляя же слово white, Яго создает еще одну пару противостоящих смыслов: черный/смуглый — белый, уже, очевидно, с намеком на темный цвет кожи мавра. Однако это лишь намек, которым Яго хочет зародить у Дездемоны сомнения в ее выборе.

А в следующий раз Яго говорит Кассио, что собирается произнести перед кипрской знатью тост за здоровье Отелло: to the health of black Othello (2,3,32). Слово black, исходя из общих намерений Яго, он употребляет, чтобы намекнуть Кассио, что Дездемона и Отелло — не пара. Поэтому под black он, очевидно, подразумевает безобразный, маскируя это за якобы указанием на цвет кожи — черный или же смуглый.

А вот сам Отелло размышляет о причинах возможной неверности Дездемоны:

Haply, for I am black
And have not those soft parts of conversation

That chamberers have, or for I am declined
Into the vale of years — yet that's not much —
She's gone (3,3,263–267)
(Наверно оттого, что я мрачен
и не веду сладких разговоров,
как модники в дамских покоях, иль оттого, что я схожу
в низину лет — хотя пока не слишком —
я потерял ее).

I am black тут соседствует с не веду сладких разговоров, поэтому логично перевести фразу как я мрачен, считая значение черный/смуглый обертоном словесной игры. Так же, как в следующем месте из «Ромео и Джульеты»:

Мрачным и зловещим кажется мне его настроение (1,1, 147)
(Black and portentous must this humour prove).

Тут Шекспир использует свой частый прием — употребляет подряд два синонима: black and portentous.

Подобный прием — begrimed and black — присутствует и в следующей фразе Отелло, где он говорит о последствиях мнимой измены:

Her name, that was as fresh
As Dian's visage, is now begrimed and black
As mine own face (3,3, 386–388)

(Ее имя, что было свежим, Как лик Дианы, теперь запятнано\мрачно и безобразно\мрачно, Как мое лицо).

Begrimed Лексикон А.Шмидта толкует как soil, то есть загрязненный, запятнанный, приводя пример из «Похищения Лукреции» (1381): begrimed with sweat (в поту). Конечно, о черноте в строке «Похищения…» речь не идет. В Словах Шекспира есть близкое к begrimed выражение grim-visaged, которое толкуется как with stern face, то есть суровое, жестокое лицо. Здесь тоже ничего черного не предполагается. Поэтому во фразе Отелло, так же, как в «Похищении…», begrimed и black — синонимы: либо запятнанное (изменой) и мрачное лицо, либо замаранное и безобразное. Тем более что слову black противостоит здесь fresh, то есть чистый или свежий.

Мы перебрали все употребления слова black по отношению к Отелло и они, скорее, опровергли, чем подтвердили тезис о черном цвете лица Отелло.

Какой жеребец Отелло?

— Допустим, — продолжит сомневаться читатель, — но отчего тогда Яго называет Отелло

берберским (или варварским) жеребцом — a Barbary horse (1,1, 113)?

Если Отелло — жеребец берберский, то можно отметить, что наиболее обоснованная версия происхождения берберской породы — от испанских скакунов. Получается явная аналогия с мавром испанского происхождения.

Но если Barbary — это варварский? Вот и у Чинтио: «Правители Венеции, услыхав о жестокости, проявленной варваром по отношению к их согражданке, приказали схватить мавра на Кипре и привезти его в Венецию».

Но у европейских сочинителей мавры — это сарацины, а сарацины — это варвары. То есть мавры — это варвары.

Вот, к примеру, Прокопий Кесарийский: «Впрочем об этом и о том, что было совершено мидийцами, сарацинами, склавинами, антами и другими варварами мной рассказано в предшествующих книгах» (Тайная история, глава XI).

Вот житие св. великомученика Георгия: «когда сарацины овладели сирийским городом Рамеллиею, несколько этих варваров…».

А чтобы убедиться, что испанские мавры — это сарацины, откроем «Песнь о Роланде».

Вот правитель Сарагоссы мавр Марсилий:

Не сдали только Сарагосу мавры.
Марсилий-нехристь там царит всевластно
Чтит Магомета, Аполлона славит (I).
А далее его называют сарацином:
Ты, сарацин Марсилий (XC).
С сарацинами сражаются доблестные рыцари:
Граф Оливье сказал: «Вы зря стыдитесь.
Я видел тьму испанских сарацинов» (LXXXVI).

Изгнав мавров из Испании, было весьма удобно объявить представителей утонченной мавританской культуры дикими варварами, на смену которым пришла настоящая цивилизация в лице инквизиции и крепостничества.

Любовь или безумие?

Итак, мавр Отелло — это обломок некогда высочайшей в Европе культуры. Это, собственно, и позволяет Шекспиру из анекдота, рассказанного Джиральдо Чинтио, сделать трагедию. У обладающего самостоятельным мышлением читателя не может не возникнуть вопрос: отчего Отелло так легко поверил Яго? Заметим, он поверил сразу, после одних только слов Яго, еще до того, как Дездемона потеряла свой платок.

Повторю, если Отелло — дикий варвар, то вся

история — лишь насмешка над простаком от рождения, которого занесло к цивилизованным хитрованам.

Причем такой трактовке вроде бы есть на что опереться, ведь поведение Отелло на протяжении всей пьесы разумным назвать нельзя. Он назначает своим заместителем полное ничтожество — Кассио. Он верит Яго еще до всяких доказательств якобы измены Дездемоны. Я думаю, Шекспир неспроста уничтожил оттоманский флот штормом. Вряд ли Отелло с его состоянием психики был способен эффективно воевать.

Но неразумным мавра делает не его дикарское происхождение. Неразумным его делает любовь. Он сам говорит об этом в финале трагедии: любил не мудро, но очень сильно. Собственно, единственная причина назначения Кассио своим заместителем — то, что он был посредником между Отелло и Дездемоной.

В крушении этой любви и состоит трагедия. Крушение любви — это, вообще, сквозная для Шекспира тема. Вспомните «Гамлета», «Ромео и Джульетту», «Антония и Клеопатру».

Причем в «Отелло» это любовь с большой буквы. Иначе трагедии не выйдет. Поэтому мавр не может быть простаком от природы. Поэтому

Шекспир рисует любовь, которая выше всех возможных несхожестей: она молода, он — нет, она красива, он безобразен, она — баловень судьбы, у него была тяжелая жизнь, она весела и общительна, он — мрачен, она белокожая венецианка, он — смуглый толстогубый мавр.

Именно для высоких душ (great ones), считает Отелло, особенно опасна любовь:

Проклятье брака в том,
что мы зовем своими эти нежные создания,
да только не аппетиты их. И лучше жабой быть
и жить в сыром подвале, чем другому
хоть угол сдать того, что любишь.
Это моровая язва для высоких душ.
У них тут меньше преимуществ, чем у низких.
Это неизбежная, как смерть, судьба —
чума с рогами поджидает и тогда,
когда мы только начинаем оживать (3,3, 268–277).

Не стоит доказывать, что, говоря great ones, Отелло имеет в виду не свою генеральскую должность. Вот, собственно, и объяснение оснований трагедии: высокая душа и сильная любовь.

Все это для Шекспира и его современников абсолютно не вязалось с чернокожим дикарем.

Они вряд ли исповедовали концепцию естественного человека, то есть морального превосходства неиспорченное дикаря над его цивилизованным собратом. Хотя бы потому, что труды Руссо о естественном человеке появились лишь во второй половине 18 века.

Но неужели сильная любовь и высокая душа делают трагедию неизбежной? Нет, конечно. Причина трагедии — безумие мавра.

Безумие — тоже нередкая тема у Шекспира: мнимое безумие Гамлета и безумие Офелии, король Лир, леди Макбет.

То, что произошло с Отелло, хорошо описано в монологе Гамлета:

Так в человеке какая-то черта характера,
будто злокачественная бородавка,
в которой он не виноват,
ведь он не выбирает кем родиться,
вдруг разрастается и напрочь сносит
все частоколы и заграждения рассудка;
или какая-то особенность растет, как на дрожжах,
перетекая за края дозволенного (I, IV).

Отчего же мавра охватывает безумие? Причина — любовь. После трудной жизни, обвенчавшись с Дездемоной, мавр оказывается в раю:

Если б мне сейчас пришлось умереть,
то я бы умер на вершине счастья.
Моя душа в таком восторге,
что вряд ли, я боюсь, такое счастье
судьба неведомая снова принесет (2,1, 189–193),

— говорит Отелло. Он, вероятно, осознает всю необычность своего счастья, построенного на союзе противоположностей. За нахождением в раю, знает Отелло, последовало изгнание. Этого изгнания он подсознательно и ожидает. Возможно, подсознательно хочет, чтобы несчастье уж поскорее случилось. Глядя на убитую им Дездемону, он так и говорит: Плетьми гоните меня, бесы, от этого небесного виденья! (5,2, 277–278).

Поэтому с готовностью верит Яго.

Демон пошлости

Яго появляется в раю любви Отелло и Дездемоны как змий-искуситель, он же Сатана.

В финале Отелло так и говорит о Яго:

Спросите у этого полудьявола,
Зачем он заманил в ловушку
И тело мое и душу? (5,2, 301–302).

Яго, несомненно, основное действующее лицо трагедии. Он, собственно, и движет ее действие.

Остальные персонажи — игрушки в его руках.

Внешне он выступает как апологет пошлости. (Под пошлостью я понимаю отрицание высоких мотивов и сведение человеческой жизни к удовлетворению простейших потребностей.)

Вот он утешает влюбленного в Дездемону Родриго:

Набей потуже кошелек. Не может быть, чтобы мавр долго любил ее. Бурное начало будет иметь бурный конец. Набей потуже кошелек. Эти мавры переменчивы. То, что теперь ему кажется сладким, как стручки, скоро станет горше хрена. Она молода и изменится. Когда она будет сыта им по горло, она опомнится. Ей потребуется другой. Набей потуже кошелек

Топиться совершенно лишнее. Пусть лучше тебя повесят после того, как ты получишь удовольствие, чем потонуть, ничего в жизни не видев (перевод Б.Пастернака).

Вот разговор с Кассио:

Кассио:

Я потерял свое доброе имя, бессмертную часть самого себя. Осталась одна животная. Где мое доброе имя, мое доброе имя!

Яго:

Ей-богу, я думал, что вы ранены! Вот это была

бы история. А то — доброе имя! Подумаешь, какая важность! Доброе имя — выдумка, чаще всего ложная. Не с чего ему быть, не с чего пропадать (перевод Б.Пастернака).

Вот Яго рассуждает с Отелло о Дездемоне:

Естественно ли это отчужденье
От юношей ее родной страны?
Не поражают ли в таких примерах
Черты порока, извращенья чувств?
Есть опасность, как бы, отрезвевши
И сравнивая вас и земляков,
Она не пожалела (перевод Б.Пастернака).

Причем, как это ни может показаться странным на первый взгляд, цели всей деятельности Яго вовсе не меркантильные. Да, он говорит, что обижен тем, что Отелло сделал своим заместителем не его, а Кассио. Но вот в результате интриг Яго становится заместителем Отелло. Казалось, теперь он должен заботиться о благополучии Отелло, поскольку от этого зависит и его служебное благополучие. Ничего подобного. Яго продолжает раскручивать интригу, ведущую к смерти Отелло.

Почему? Процитируем Василия Великого: «Что виновника зла — демона — вооружило на брань против человека? Не зависть ли? В зависти явно

изобличил себя богоборец, когда вознегодовал на Бога за щедрые дары Его человеку, но отомстил человеку, потому что не мог мстить Богу» (Святитель Василий Великий, Беседы, 11).

Главный предмет зависти Яго — любовь Отелло и Дездемоны. Ее он и старается разрушить. Каким образом? Убеждая Отелло во всесилии пошлости. Логика, которую он предлагает мавру, такова: девушки любят красивых обходительных молодых людей из своего круга, Отелло всеми этими характеристиками не обладает, значит, Дездемона будет любить не его, а Кассио.

И мавр с этой пошлой логикой соглашается. А в ней-то и заключен дьявол. В принятии этой пошлой логики и выражается безумие и трагедия Отелло.

Шекспир и Достоевский

Значение крупного писателя еще и в том, что он помогает нам понять своих предшественников. Достоевский прямо упоминает Отелло в романе «Братья Карамазовы» в авторском рассуждении о ревности (3.8.III), отталкиваясь от пушкинского «Отелло не ревнив, он доверчив». Но коллизия, аналогичная коллизии Отелло и Яго, содержится

в разговоре Ивана Карамазова с чертом.

Повторю, Яго нащупывает уязвимое место Отелло — его неверие в длительность своего любовного счастья. Навязывая Отелло пошлую логику, он провоцирует его безумие. Причем самим Яго движут вовсе не те пошлые мотивы, которые он хочет внедрить в головы окружающих. Им движет зависть к человеческому счастью. Поэтому он вовсе не мелкий бес, а принявший его обличье Сатана.

Подобным образом устроены и взаимоотношения Ивана Карамазова и черта, причем важное место в них занимает мотив пошлости.

В разговоре с Иваном черт вспоминает о написанной Карамазовым «Легенде о Великом Инквизиторе». В обращенной к Христу речи Великий Инквизитор отрицает наличие у человека высоких мотивов, что совпадает с нашим определением пошлости: «Говорю Тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается… ты судил о людях слишком высоко человек слабее и ниже создан, чем Ты о нем думал!.. Он слаб и подл».

То есть призрак пошлости уже присутствует

в сознании Ивана. В эту точку и бьет черт: «Он хитер, животно хитер, он знал, чем взбесить меня — Это он говорит, он, а он это знает: "Ты идешь совершить подвиг добродетели, а в добродетель-то и не веришь — вот что тебя злит и мучит, вот отчего ты такой мстительный… тебе хочется, чтоб они тебя похвалили"».

Иван сознает, что черт использует его слабые места: «Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых всё, что ни есть глупого в природе моей, давно уже пережитого, перемолотого в уме моем, отброшенного, как падаль, — ты мне же подносишь как какую-то новость!»

Сознает Иван также, что эти слабые точки — это пошлые мотивы, а ля Великий Инквизитор: «– Только всё скверные мои мысли берешь, а главное — глупые. Ты глуп и пошл».

О том, что бьет в слабые места Ивана, говорит и сам черт: «Фома поверил не потому, что увидел воскресшего Христа, а потому, что еще прежде желал поверить».

Это совпадает с тем, что я говорил об Отелло: подсознательно он хотел поверить в неверность Дездемоны.

Как и в случае Отелло, черт появляется на пороге безумия Ивана: Иван «сидел на диване и чувствовал головокружение. Он чувствовал, что болен и бессилен Минутами мерещилось ему, что как будто он бредит. Но не болезнь занимала его всего более».

«Ты ложь, ты болезнь моя, ты призрак», — обращается он к черту.

(Напомню, что Отелло падает в обморок, не в силах вынести своих сомнений).

Иван считает, что черт пошл и мелок: «Он просто черт, дрянной, мелкий черт».

Причем, как и Яго, пошлый взгляд черт излагает и на любовь, рассказывая о красотке, которая не могла отказать первому встречному, поскольку «это доставляет ему такое удовольствие, а мне так мало труда!»

Однако сам же черт дает понять Ивану — за пошлыми разговорами как раз и скрывается Сатана: «Воистину ты злишься на меня за то, что я не явился тебе как-нибудь в красном сиянии, «гремя и блистая», с опаленными крыльями как, дескать, к такому великому человеку мог войти такой пошлый черт?»

Возвращаясь к началу нашего разговора, подчеркну: как и Отелло у Шекспира, Иван вовсе не

простак, а один из наиболее интеллектуальных персонажей романа. Что, возможно, и делает его, как и Отелло, более уязвимым для дьявольских козней.

Итак, в романе Достоевского отозвался основной мотив шекспировского «Отелло». Разговор Ивана Карамазова с чертом раскрывает характер отношений Отелло и Яго. Подобный диалог с великим предшественником — один из основных источников развития человеческой культуры. Поэтому и надо возвращаться к классикам.

Переводы избранных сонетов У. Шекспира

с нападками на коллег в комментариях

В основном, анализируются переводы Модеста Чайковского (1850–1916), Самуила Маршака (1887–1964), Александра Финкеля (1899–1968) и Игоря Фрадкина (1929), которые считаются одними из самых авторитетных переводчиков сонетов Шекспира. Переводы Чайковского, Маршака и Финкеля приведены в интернете по адресу https://engshop.ru /sonety-shekspir-na_anglieskom. Фрадкин цитируется по Уильям Шекспир. Сонеты в переводах Игоря Фрадкина, СПб.: Деан, 2003.

Ссылки на упоминаемые переводы других переводчиков — в самих комментариях.

Сонет 2

Твой лоб возьмут в осаду сорок зим,
траншеи вырыв средь его полян —
на смену юным цветникам твоим
придет дрожащий на ветру бурьян.
И, если спросят, где твоя краса,
сокровище твоих цветущих лет,
не говори «она ушла в глаза» —
позором будет жалкий твой ответ.
Нет, лучший есть доход от красоты:
– Твой сын прекрасен, радуйся отец!
Судебный иск им закрываешь ты,
с долгами расплатившись наконец.
Под старость ты помолодеешь вновь:
согреет кровь тебе родная кровь.

Один А.Финкель сохраняет характерную для Шекспира «военную» метафору: на лбу твоем траншей прорoют ряд.

У М.Чайковского траншеи исчезают, осаждающие зачем-то действуют, изрыв красу твоей

роскошной нивы.

С. Маршак заменяет яркую метафору на банальное когда твое чело избороздят глубокими следами сорок зим.

У И.Фрадкина: на теле — поле брани — рвов нароют. Шекспир так глубоко не заглядывал.

Tottered weed — шатающийся бурьян — Маршак, Финкель и Фрадкин выбрасывают совсем, а Модест Чайковский заменяет на крапиву, неуклюже ввернув про лицо:

блеск его, теперь неотразим,

Представится тогда мрачней крапивы.

Чайковский, Маршак и Финкель не решаются вставить в свой текст «судебно-финансовую» метафору Шекспира: shall sum my count, and make my old excuse. Count — денежный счет. Sum count — пополнить счет до нужной суммы. Excuse — оправдывающие обстоятельства, освобождение. То есть сын покроет долги героя и освободит его от судебного преследования. Один И. Фрадкин правильно говорит о ссуде, которую герой возвращает красотой своего сына.

(Ср. со словами Гамлета, содержащими выражение make up my sum:

I loved Ophelia: forty thousand brothers

Could not, with all their quantity of love,

Make up my sum —
Я любил Офелию.
Сорок тысяч братьев со всем их любовным капиталом
столько не наскребут).
Шекспир заканчивает сонет строками
This were to be new made when thou art old,
And see thy blood warm when thou feel'st it cold
(под старость будешь воссоздан заново:
увидишь свою горячую кровь,
когда почувствуешь, что она холодеет).

Своя горячая кровь — сын. Эту шекспировскую двойную кровь ни Чайковский, ни Маршак, ни Финкель не передали, ограничившись либо словами о согревании старческой, либо о горячей юной крови.

Фадкин же предлагает нечто и вовсе несуразное — герой отогревает свою старческую кровь, помещая ее внутрь сына:

Твой сын начнет пылать твоим огнем,
Кровь старческую ты согреешь в нем.

Сонет 20

И женское лицо Природа подарила
тебе, мой господин и милая моя,

и нежным женским сердцем наделила
без женского обычного вранья.
Глаза, как звезды, но не строят глазки,
и не грешат по сторонам стрельбой,
румянец на лице – и всех бросает в краску,
глаза мужей и души жен сбегают за тобой.
Хоть девою тебя Природа сделала сама —
жемчужиной своею из жемчужин —
потом, в тебя влюбившись без ума,
добавила предмет, который мне не нужен.
Средь женского она тебя воткнула сада.
Любовь дай мне! Для женщин будь услада.

Маршак намеренно изъясняется крайне обтекаемо:

Тебя природа женщиною милой
Задумала, но, страстью пленена,
Она меня с тобою разлучила,

А женщин осчастливила она.
Пусть будет так. Но вот мое условье:
Люби меня, а их дари любовью!

Шекспир же выражается хоть и не грубо, но вполне понятно, тем более что использует слово pricked, а prick значит половой член:

By adding one thing to my purpose nothing
But since she pricked thee out for women's pleasure
—

т. е. господину Шекспира Природа «добавила одну вещь, которая мне (т. е Шекспиру) не нужна, тем самым втыкая тебя для женского наслажденья». Prick out может означать и посадила, то есть воткнула в землю. Однако подразумеваемый смысл очевиден.

Чайковский выражается не намного понятней чем Маршак, хотя и использует слово прибавка, отдаленно указывающее на суть дела:

Сперва женой ты зачат был природой:
Творя, она влюбилась и потом
Прибавкою, лишив меня свободы,
Оставила на свете ни при чем.
Раз сотворен ты женам в наслажденье,

Дай мне любовь, а им – ее свершенье.

Но pricked out, придающее остроту сонету, у него также выпало.

Финкель применил слово придаток:
Ненужным был придатком ты увенчан,
И от меня ты стал оторван тем.
Но если женщинам ты создан в утешенье,
То мне любовь, а им лишь наслажденье.

Оторван рядом с придатком выглядит несколько юмористически. Не говоря уже о том, что увенчивают, как правило, голову. Никакого аналога pricked out у Финкеля тоже нет.

Как нет аналога этой шекспировской игры слов у Фрадкина. Он понятно говорит о неженской вещице, однако у него она не втыкается посреди сада, а ублажает.

Сонет 26

О господин, я твой вассал, слуга!
Письмо-посол упрочит эту связь.

И в нем не ловкость слога дорога,
в нем верность в восхищение вплелась.
В нем много верности, ума совсем в нем нет,
но ты убогие и голые слова
в душе своей оденешь в ясный свет
звезды, которой жизнь моя жива.
Послу любви пожалуешь наряд,
вознаградишь его великодушно,
не отошлешь разгневанно назад.
И для того все это будет нужно,
чтоб мне любовью хвастаться своею.
Не то я встретиться с тобою не посмею.

В чем заключается своеобразие 26-го сонета Шекспира? Иными словами, что непременно должно быть отражено в переводе, чтобы это был эквивалент авторского текста, а не вариации на его тему?

Смысл стихотворения (он же — одна из основных черт его своеобразия) в следующем: лирический герой посылает к Лорду своей любви посольство (оно же письмо) с уверениями в преданности. Послы эти (они же слова письма)

неказисты и голы. Но лирический герой надеется, что Лорд примет их благосклонно в своей душе и звезда (она же, я полагаю, отчасти и сам Лорд) пожалует им достойное одеяние. Тогда лирический герой сможет похвастаться своей любовью к Лорду и предстать перед ним.

То есть в переводе должны присутствовать одновременно два элемента:

1) параллель между словами письма и голыми послами,

2) призыв к Лорду приодеть эти слова в его душе, как жалуют наряд послу.

В переводах В. Мазуркевича, Л. Уманца, М. Чайковского, Е. Фельдмана и А. Финкеля (см. http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=421) отсутствует параллель между словами письма и голыми послами. А в переводе С. Александровского, напротив, отсутствует мотив дарования одежды. По этой причине мы не будем рассматривать прочие черты этих переводов.

В переводе же С. Маршака оба вышеуказанных элемента присутствуют. Что можно отнести к недостаткам этого перевода? Излишняя куртуазность, которой нет у автора: движимый почтительной любовью (к тому же это полная отсебятина).

А в этой строфе перевода Маршака блеск и слава — также полная отсебятина:

А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперед неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу придадут
Моей судьбе, безвестной и убогой.

Автор же (или лирический герой) беспокоится лишь о даровании одеяния и благосклонного взгляда и о знаках уважения. Желание блеска и славы меняет образ лирического героя, и не в лучшую сторону. Ведь личность автора (то есть его реакции на те или иные обстоятельства) — это еще одна черта, придающая своеобразие произведению искусства. Когда Маршак заменяет реакции лирического героя — уходит своеобразие произведения, вместо Шекспира появляется подхалим и искатель внешнего блеска.

Присутствуют оба вышеназванных элемента и в переводе И.Фрадкина. Правда, written embassage (письмо-послание) он заменяет на дань и стихи мои, не стоящие твоего вниманья, в то время как герой именно что просит внимания к своим словам. А вместо общего apparel (одежда) он просит для своих посланцев им одолжи уборы дорогие, намекая также, что неплохо бы их разодеть в

шелка — вполне в духе перевода Маршака, искажающего образ героя.

Заканчивает Фрадкин так:

А нынче о любви я умолчу:

Ненужных испытаний не хочу.

Но о чем же тогда было письмо-послание как не о любви? О выпрашивании дорогой одежды? А из последней строки его перевода вместо робкого влюбленного выглядывает жлоб, не желающий ненужных испытаний в любви.

Сонет 35

Так не терзайся тем, что сделано тобой!

У розы есть шипы, в ручье кристальном – тина.

Затменьем солнце замараются с луной,

и червоточина – у почки в сердцевине.

Все ошибаются, и ошибаюсь я,

метафорой облагородив грех,

решив преступно, что вина твоя

простительнее преступлений всех.

Твой защищаю чувственный порок
я с чувством. И тебя призвав на суд,
я для себя прошу тюремный срок.
Во мне войну гражданскую ведут
любовь и ненависть. И соучастник я
в том деле, где ограбили меня.

Переводчики стараются романтизировать грубоватого Шекспира.

Маршак не способен выговорить, что в серебряном источнике могут попасться грязь или тина (mud), и заменяет их на песчинки.

Луна и солнце не пачкаются (stain) затмениями и облаками — у Маршака их скрывает тень, у Чайковского — туман, у Финкеля затмения не пачкают, а грозят, Фрадкин говорит банальность о пятнах на солнце.

Bud — почка, и в ней, соответственно, случаются червоточины — отверстия, проделанные червями. Маршак эдакую непоэтичность выбрасывает. Чайковский, Финкель и Фрадкин заменяют почку на цветки или бутоны, хотя в цветах червям делать нечего.

Словесная игра Шекспира for to thy sensual fault I bring in sense (твой чувственный порок я примиряю со своими чувствами) у всех остается

за скобками.

Шекспир четко описывает происходящее в суде: истец делается адвокатом ответчика и подает против истца (самого себя) встречный иск.

Это правильно отражает в своем переводе Чайковский, но затем у него истец стремится вдобавок стать судьей, что выглядит уже как перебор.

У Финкеля защитником ответчика становится не истец, а прокурор. Причем прокурор является и потерпевшим, что, как известно, в судебном производстве не допускается.

Маршак же выражается крайне туманно: защитником я прихожу на суд, чтобы служить враждебной стороне, не поясняя, что этот суд затеял сам герой, и не сообщая, что же это за враждебная сторона.

У Фрадкина гражданская, то есть внутренняя война, между любовью и ненавистью героя заменяется на неизвестно чьи враждой объятые любовь и ненависть. А вместо соучастника у Фрадкина появляется союзник, что лежит вне «судебной» метафоры Шекспира.

Сонет 64

Я вижу ясно – времени рука
срывает века гордость, как обноски,
и башня падает, мощна и высока,
скрижалей стерлись бронзовые доски.
То океан, я вижу, отгрызет
края у суши, ненасытен, прыток,
то суша в море двинет в свой черед:
в убытке – прибыль, в прибыли – убыток.
Держава рухнет в несколько минут,
крушения случаются со всеми.
Руины к размышленью подтолкнут:
все отберет безжалостное время.
И эта мысль – как смерть, ее не выбираешь.
Она грозит: что любишь – потеряешь.

По теме сонет 64 близок к сонету 65 (см. ниже). Переводчики используют один и тот же подход: достаточно сообщить читателю общий тезис «Время разрушает все!» и облечь его в форму сонета. Все шекспировские образы можно при

этом выбросить и заменить их своими, в лучшем случае, отдаленно напоминающими Шекспира. (Речь идет о переводах, собранных в книге «Шекспир, Сонеты», М., Наука, 2016, серия «Литературные памятники», а именно М. Чайковского, С. Маршака, А. Финкеля, И. Ивановского, В. Микушевича и И. Фрадкина).

Из первых двух строк все переводчики выбрасывают слово outworn, которое означает изношенный, имеющее отношение к одежде. Из которого следует, что he rich proud cost — т. е. пышное гордое дорогое также относится к одежде. Один Маршак это понимает. Более того, он связывает с одеждой и слово defaced. Что правильно, поскольку следует отталкиваться не от наиболее употребительного значения defaced — обезображивать, а от слова faced, для которого Лексикон Шекспира Александра Шмидта дает синоним to trim, то есть наряжать. Тогда defaced — снимать наряд. На-гора Маршак выдает, однако, следующее:

Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится время.

То есть время с самого себя срывает все, что на нем есть, периодически или постоянно пребывая

с голой задницей.

С падением башни в 3-й строке все, в общем, более-менее справляются, хотя Маршак заставляет задуматься над строкой своего перевода как сносят башню гордую века: века сносят башню или сносят башню, которая века простояла гордой? Но поскольку запятой нет, то читатель может прийти к правильному выводу, что это века сносят эту самую башню. (Во времена Маршака современного выражения башню снесло еще не было).

Слово slave из четвертой строки сонета Микушевич и Финкель трактуют как раб, однако здесь явно надо использовать глагол. Русское срабатываться (однокоренное с раб), в смысле изнашиваться, тут вполне подходит по смыслу. Так что в самом общем смысле нельзя не согласиться с Маршаком: И рушит медь тысячелетий бремя. Хотя у него опять не понятно, кто кого рушит: медь бремя или наоборот. Кроме того, так как brass является eternal (что опускает Маршак), то есть вечной, то из двух значений brass — медь и бронза логичней выбрать бронзу, как более долговечный материал, что и делают Чайковский и Финкель. О своей трактовке brass eternal скажу ниже.

Вторая строфа сонета излагает купеческий

тезис: убыток — это чья-то прибыль и, наоборот, прибыль — это чей-то убыток. С этой простой торговой истиной нашим высокопоэтическим переводчикам совладать трудно. Равно как и с тем, что там происходит между сушей и морем.

У Маршака это захват и грабеж, который он, однако, описывает в бухгалтерских терминах:

Захватывает землю зыбь морская,
Меж тем как суша грабит океан,
Расход приходом мощным покрывая.

Однако что именно суша отбирает у океана, понять непросто.

У Чайковского:

океан голодный пожирает
Приливом стран цветущих берега
Иль вдруг выводит из-под волн луга.

Да, это поистине чудо — уцелевшие под соленой водой луга.

Финкель справляется с изложением купеческой логики:

Когда я вижу, как седое море
Над царством суши в битве верх берет,
А суша, с морем неустанно споря,

Его расход заносит в свой приход.

Но что это за расход моря суша заносит в свой приход, русский читатель может при этом только догадываться. Не дай бог, он подумает о выброшенных на берег утопленниках.

Невозможно также понять, что там происходит между сушей и океаном у Ивановского, Микушевича и Фрадкина, хотя купеческую лексику два последних, в принципе, применяют правильно. А вот у Ивановского появляются утраты и трофеи.

В третьей строфе камнем преткновения становится несложная фраза Шекспира: руины (очевидно, вид руин) учат меня размышлять. Переводчики ее просто выбрасывают вместе с аллитерацией ruin — ruminate, вставляя вместо этого свои глубокомысленные рассуждения в духе все течет, все меняется.

Предпоследняя строка также оказывается для всех вышеперечисленных переводчиков неподъемной. Простая по форме фраза Шекспира слишком для них прозаична, вернее, вторая ее часть. Лучше ее убрать, чтобы не портить общее поэтическое впечатление. А вот первая часть — она ничего. Можно и оставить. Не беда, что смысл меняется. Главное, чтоб поэтический костюмчик сидел. Фраза такова: this thought is as a death, which

cannot choose (Эта мысль — как смерть, которую не выбирают).

Лишь первую часть фразы оставили Чайковский (мне эта мысль как смерть) и Микушевич (а эта мысль, как смерть). А также Иваницкий, у которого обрывок шекспировской фразы звучит несколько зловеще: Мысль эта — смерть. Возможно, из-за этого он и скрыл от читателя всю фразу целиком.

Вернемся к 4-й строке сонета:

And brass eternal slave to mortal rage.

Буквальный перевод: И вечная бронза изнашивается от людской злобы.

Но отчего бронза — вечная? Большой поэт не вставляет, как некоторые переводчики, случайные слова, чтобы только заполнить чем-то лишенный образов и мыслей объем.

Слово eternal в английском связано, как правило, с сакральными вещами. К примеру, eternal truth — извечная правда. Поэтому рискну предположить, что под вечной бронзой Шекспир имеет в виду бронзовые скрижали с заповедями, которые (заповеди) стираются от людской злобы.

Но не придаю ли я при этом автору совершенно чуждый ему термин скрижали? Присущ ли он Шекспиру? Да, присущ. Хотя судящий о Шекспире

по русским переводам может никогда об этом не узнать.

Вот фраза из 24-го сонета Шекспира: Thy beauty's form in table of my heart (Образ твоей красоты на скрижалях моего сердца).

Почему table тут — это именно скрижаль? Оттого что у Шекспира почти прямая цитата из 2-го послания Коринфянам, как оно записано в Библии короля Якова от 1611 года (2 Кор., 3:3): the epistle of Christ ministered by us, written not with ink, but with the Spirit of the living God; not in tables of stone, but in fleshy tables of the heart (письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца (Плотяные — то есть из человеческой плоти)).

О скрижалях памяти говорит и Гамлет в 5-й сцене 1-го действия одноименной трагедии: the table of my memory.

Могут возразить, что скрижали Моисея — каменные. Оттого, кстати, они непрочные и, разгневавшись на свой народ, Моисей легко их разбил. Вероятно, поэтому во времена Шекспира было распространено выражение бронзовые скрижали. Вот, к примеру, современник Шекспира испанец Кальдерон пишет в пьесе «Осада

Бреды» (1625 г.):

Пусть бронзовые скрижали

Об этом расскажут миру! (Действие 3)

Известны также бронзовые Игувинские скрижали (Iguvine tables согласно Encyclopedia Britannica), которые, как считается, были найдены в Италии в 1444 году.

Таким образом, бронзовые скрижали — вполне распространенный термин для времени Шекспира, сам же он термин скрижали неоднократно использовал.

Сонет 65

Ни бронза, ни гранит перечить ей не смеют,

и смерть всем приговор исполнит в срок.

Как оправдаться красота сумеет?

Пред этой яростью она слабее, чем цветок.

Как выстоять медовым вздохам лета

под пушечною канонадой дней?

И в кладке стен уже видны просветы,

и сталь ворот крушится вместе с ней.
Устроить как, чтоб мира украшенье
навек не спрятал времени сундук?
Красы кто остановит разрушенье?
Чтоб ногу быструю сдержать, где силу взять для рук?
Ответов нет. Спасает разве чудо —
в чернилах черных светит страсть покуда.

Известен тезис: воспринять можно только то, что ты уже знаешь. Все неизвестное, оно же необычное, не воспринимается. Переводы поэзии это прекрасно подтверждают.

Переводчик знает, что время не щадит красоту, но красоту можно сохранить в произведении искусства. Вот переводчик и думает, что к этому сводится содержание 65-го сонета Шекспира, и просто надо это содержание представить в рифмованной форме и растянуть на 14 строк сонета.

И переводчики принимаются за дело, пересказывая Шекспира своими словами. Слова эти — т. н. общепоэтические банальности. Только нет никакого смысла работать над текстом, смысл которого всем давно известен. Искусства в этом случае не остается вовсе, одна лишь «красота

стихосложения».

В третьей строке стоит hold a plea. Самуил Маршак перевел это как «споря». Уже хорошо. Только надо тогда споря в суде, поскольку plea — слово из судебной лексики: в том числе, заявление оснований иска или обвинения.

А в следующей строке стоит action, которое слабо подходит к цветку, но хорошо — к судебному заседанию, потому как означает именно участие в таком заседании.

То есть первая строфа последовательно проводит сравнение смерти с судебным процессом. В этом ее художественная оригинальность, а вовсе не в сентенции «всех побеждает время». Известные нам переводчики эту оригинальность Шекспира игнорируют напрочь.

Шекспир любит «военные» метафоры (правда, по русским переводам вы это вряд ли заметите). Вот и во второй строфе: batt'ring days — дни, осуществляющие пушечную бомбардировку при осаде. Естественно, для «высокопоэтических» переводчиков, к которым принадлежит С.Маршак, вставить в стихотворение какую-то там вонючую пушку — вещь абсолютно невозможная. Артиллерия благополучно вылетает. Остается:

осада тяжкая времен

Незыблемые сокрушает скалы.

Скалы? Зачем осада сокрушает скалы? Почему rock — это обязательно скала? Так будет «поэтичней»? Между тем, rock — это еще и большой камень, из которых сложены стены.

— Да что вы пристали со своими вопросами! Это поэзия, давайте лучше про розочки-цветочки.

Третья строфа. Здесь время убирает свое же украшение в сундук.

— Куда-куда? Вы что, с ума сошли — какой-то сундук в поэтическом стихотворении. Нас не поймут-с!

Вот Маршак и недоумевает: Где, какое для красоты убежище найти?

Какое-какое… Шекспир же ясным языком говорит: сундук!

Далее грубиян Шекспир совсем распоясывается: чья сильная рука ухватит быструю ногу? — очевидно, времени.

Нога в поэтическом стихотворении? Ну, еще нога девы томной туда-сюда, но нога какого-то там времени? А вдруг она грязная? То-то. Шекспиру указано и показано, как надо переводить:

Как, маятник остановив рукою,

Цвет времени от времени спасти?

Учился бы, студент Шекспир, пока Маршак был жив!

P.S. А ведь от этого сонета, адекватно прочитанного, произошли одни из прекраснейших строк Бориса Пастернака.

Эти:

Снег идет, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?

И вот эти:

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделье,
И прячешь, как перстень, в футляр.

Что было бы, если б Пастернак судил об этом сонете Шекспира по переводу Маршака?

Сонет 66

Я жить устал. Смерть, подари покой.
Я видеть не хочу обманутую веру,

талант, увенчанный с рожденья нищетой,
ум, отданный на суд посредственности серой,
то, как в почете полное ничтожество живет,
а красоту замалчивают глухо,
и знать поэту затыкает рот,
и делают из девственницы шлюху,
как достается лучшее ослу,
а простоватостью простую правду обзывают,
как пленное добро прислуживает злу,
и как калечит силу власть хромая.
Я бы ушел, мне жизнь такая не нужна,
но здесь моя любовь останется одна.

Наиболее известны переводы этого сонета, сделанные С. Маршаком и Б. Пастернаком. Оба переводчика снижают социальную остроту шекспировского текста.

Они убирают прямые указания на власть: вместо and art made tongue-tied by authority (и власть искусству затыкает рот) у обоих переводчиков безадресное — у Пастернака и вспоминать, что

мысли заткнут рот, у Маршака — и вдохновения зажатый рот.

А вместо and captive good attending captain ill (пленное добро прислуживает начальственному злу) опять же безадресное— у Пастернака и доброта прислуживает злу, у Маршака — и праведность на службе у порока.

Из откровенного шекспировского and maiden virtue rudely strumpeted (и девичью честь (то есть девственницу) безжалостно делают проституткой) переводчики также убирают указание на социальное явление. У Маршака остается опять общее и девственность, поруганную грубо, у Пастернака — и вовсе расплывчатое и честь девичья катится ко дну.

Можно было бы объяснить это оглядкой на советскую цензуру. Однако речь-то идет о королевском режиме, которому, согласно марксистской теории, положено давить все живое и угнетать социальные низы. По-видимому, острота и «грубость» Шекспира оказались неподъемными и для Маршака, и для Пастернака.

P.S. Мысль, что песня Высоцкого «Я не люблю» — это вариация на тему 66-го сонета Шекспира, пришла в голову не мне первому, но постараюсь показать это сопоставлением двух текстов.

(Смотри также комментарий о Высоцком к 130-му сонету Шекспира).

Начинает Высоцкий с полемики с Шекспиром. У Шекспира первая строка: Я жить устал. Смерть, подари покой (Tired with all these, for restful death I cry). У Высоцкого же первые две:

Я не люблю фатального исхода.

От жизни никогда не устаю.

Но далее оказывается, что не любит Высоцкий то же самое, что и Шекспир.

Шекспир:

And needy nothing trimm'd in jollity

(то, как в почете полное ничтожество живет)

* * *

Высоцкий:

Я не люблю уверенности сытой

* * *

Шекспир:

And gilded honour shamefully misplaced

(и золотая честь становится позорно неуместной)

* * *

Высоцкий:
Досадно мне, что слово «честь» забыто

* * *

Шекспир:
And captive good attending captain ill
(и пленное добро прислуживает начальственному злу)

* * *

Высоцкий:
Я не люблю насилье и бессилье

Сонет 73

Во мне увидишь это время года:
стоят в руинах желтые леса,
на галереях хоровых под сводом,
еще приятны птичьи голоса.
Увидишь, что, как сумерки заката,
мерцая, погасаю пред тобой,
и ночь меня вбирает без возврата —

вторая смерть, что всем дает покой.
Я, как костер на юности золе,
которому гореть осталось мало,
и жизнь моя развеется во мгле,
тем выжжена, что прежде вдохновляло.
Увидишь – так люби сильней тогда,
как то, с чем расстаешься навсегда.

В очередной раз переводчики заменяют все оригинальное у Шекспира на «общепоэтическое». В известных мне переводах что-то похожее на шекспировскую «архитектурную» метафору bare ruined choirs, where late the sweet birds sang (пусты разрушенные хоры, где еще недавно сладко пели птицы) воспроизвел лишь Финкель: по сучьям — разоренным хорам, где лишь вчера стоял немолчный гам. Хотя с хоров обычно доносится именно что сладкое пение, а не немолчный гам. Фрадкин же «подарил» Шекспиру умчались звоны свода, как будто колокола висят внутри храма.

Вместо четкой шекспировской метафоры ночь — вторая смерть лишь Финкель воспроизводит более-менее адекватное: ночь его уносит на закланье — суровой смерти пасмурный двойник.

(Надо бы двойница). Хотя закланье — чистая отсебятина. У Шекспира, напротив, смерть seals up all in rest (всех укутывает покоем).

Из шекспировского fire that on the ashes of his youth doth lie (костра на пепле (золе) юности) у всех, кроме Фрадкина, вылетает слово юность и вместо оригинальной метафоры остается банальное: у Чайковского — огонь, который гаснет в пепле прошлых дней, у Маршака — ровно то же, у Финкеля — пепел охладелый, чуть видный след угасшего огня.

У Фрадкина же, несмотря на то, что жизнь… сожжена дотла, кровеносная система уцелела: в твоей крови все пламенней прощальный жар любви.

Сонет 90

Возненавидишь? Так давай сейчас,
когда мои труды распяты на кресте.
Сгуби, со злобою судьбы объединясь,
не прибегай последней из гостей.
И если я смогу спастись от бед,
с их арьергардом ты не добивай потом.
Вслед ночи ветреной дождем в рассвет

уже решенный не оттягивай разгром.
Не объявляйся всех злосчастий позади,
когда удары мелких дрязг слабы.
Нет, первою атакой приходи,
чтоб сразу оценил я мощь судьбы.
В сравненьи с тем, что ты расстанешься со мной,
все остальное не покажется бедой.

В четвертой строке стоит and do not drop in for an after-loss. Слова Шекспира (Den Cristal, Ben Cristal, Shakespeare`s Words, Penguin books, 2004) дают для drop значение come casually (мимоходом), что совпадает с современным значением drop in — забежать к кому-нибудь. Такая прозаичность в известных мне переводах, конечно, устраняется. Финкель выбрасывает это drop in совсем. Чайковский, Маршак и Фрадкин преобразовывают его в просто drop. Тогда все выглядит гораздо «поэтичней»: но медленной отравой не томи у Чайковского и но только не последней каплей горя у Маршака. Фрадкин же делает из капли грозу.

В переводах этого сонета, которые мне известны, военная лексика присутствует в гораздо меньшей степени, чем в оригинале. Подсказка же

при переводе — слово rearward, то есть арьергард. Соответственно, и overthrow следует переводить, как разгром, а the onset — как первую атаку. И тогда лирический герой сонета предстанет перед нами полководцем, а не юнцом или неврастеником, переживающим, как у Маршака, что весь мир со мной в раздоре.

Сонет 91

Кто славен знатностью, а кто – талантом,
богатством кто, кто – сильными руками,
кто тем, что модным вырядился франтом,
а кто – борзыми, гончими и жеребцами.
По нраву каждый выберет себе забаву,
ее сильней других забав ценя.
Но я не дорожу всем этим, право,
есть кое-что получше у меня.
Твоя любовь – удача большая, чем знатный род,
она почетней, чем богатая одежда.

И больше радости, чем гончие с борзыми, принесет.

Я ей кичусь своих собратьев между.

Но я несчастен тем, что от меня уйдя,

несчастней всех ты сделаешь меня.

При переводе часто возникает проблема: надо оценить, насколько ироничен тот или иной текст. Зачастую это непросто. Вот кто-то говорит: «Я просто счастлив!» Он, действительно, счастлив или хочет сказать «тоже мне счастье»? Как правило, переводчик должен решить это на свой страх и риск.

Я бы предложил следующий критерий: надо посмотреть, как будет лучше с художественной точки зрения.

Вот и тут все играет значительно ярче, если герой иронизирует над собой, сравнивая свою любовь то с увлечением модными шмотками, то с владением охотничьей сворой. (Заметьте, не с раем и т. п.)

Да и то сказать, неужели можно серьезно принимать фразу of more delight than hawks and horses be (от твоей любви больше восторгов, чем от соколиной и конной охоты — буквально, от соколов

и коней)? А если это иронично, то иронично и все остальное.

В известных мне переводах, в частности в переводе Самуила Маршака, ирония практически отсутствует и герой рассуждает на полном серьезе, а переводчик, возможно, и не чувствует, насколько комично что конь и пес и сокол перед нею?! т. е. перед любовью. Разве что долю иронии можно уловить в соответствующем месте у М. Чайковского: охотничьей потехи веселее.

У Фрадкина комичность фразы заслоняется введением короны, которая вещь, что и говорить, нешуточная:

Твоя любовь желаннее корон,
Коней, собак иль пышного наряда.

Корона же эта одолжена, вероятно, у Маршака, поскольку у Шекспира ее нет и в помине — он-то понимал, над чем ему можно иронизировать, а над чем — нет.

Переводчики, дружно идя за Маршаком, приписывают герою меркантильность — он-де боится стать бедным. Между тем, wretched можно, конечно, перевести как бедный, но только не в смысле безденежный, но несчастный. Чтобы убедиться, достаточно заглянуть в Лексикон Шекспира

Александра Шмидта — при толковании шекспировского wretched нет ничего похожего на безденежный. Мы же вместо шекспировского героя получаем мелкобуржуазного жлоба.

Ну и в конце было бы не грех постараться отразить шекспировское двойное wretched.

Сонет 92

В пожизненное мне отписана владенье,
себя похитить можешь в день любой
и нищим сделать этим преступленьем
—
ведь от твоей любви доход весь мой.
Зато теперь я не боюсь невзгод,
тех, от которых я усну навек —
ведь лучше будет мне любой исход,
чем вечно караулить твой побег.
Не будешь ты меня терзать лукаво,
зависеть от каприза я не буду впредь:
есть у меня теперь прямое право
любить счастливо, в счастье умереть.
Ведь клякса на контракт посажена большая,

твою припрятав ложь, и я о ней не знаю!

Вильям наш Шекспир писал свои сонеты в полемике с распространенной в его времена «поэтичностью». Как правило, наши переводчики переводят его именно в духе этой «поэтичности». Получается бессмыслица, в лучшем случае полная банальность. Вот и все известные мне переводы 92-го сонета представляют собой набор, что называется, общепоэтических слов.

Между тем, на протяжении всего сонета Шекспир проводит развернутую метафору: любовные или супружеские отношения как исполнение контракта. Шекспир сразу вводит слово assurd, которое относится исключительно к деловой лексике: в данном случае for term of life assurd — это пожизненная страховка. Следовательно, и life will stay надо трактовать как жить за счет, а title — как документ, удостоверяющий право. Если речь идет о подписанном контракте, то естественное значение blot — это клякса, которая скрывает важный пункт. Шекспир постоянно играет на синонимах, подходящих как для деловой лексики, так и для любовной. Полностью передать в переводе эту игру сложно, однако, если убрать отсылки к деловой лексике, то останется

одна бессмысленная «поэтичность», о которой я упомянул вначале.

Сонет 97

Год убежал! Да это же зима —
разлука, моя милая, с тобой!
Меня пробрал мороз, повсюду тьма,
лишь старичок-декабрь сверкает наготой.
Да, вместо лета – мне сезон такой,
где осень, раздобревшая, как груша,
несет в утробе плод весны живой,
как скорбная вдова по смерти мужа.
Год с безотцовщины богатым урожаем,
с сиротским приношением вдовицы.
А лету радоваться и не начинаем:
ты далеко и замолчали птицы.
А нет – так это было б мрачное веселье:
как вьюги свист, звучали бы их трели.

Конечно, такое шекспировское безобразие, как old December's bareness (голый старичок Де-

кабрь), в «поэтический» текст допускать нельзя. Поэтому у Маршака пустой декабрь царил вокруг! Царил — то есть понятно, что не голый, а одетый. Правда, Финкель добавляет к нему еще и нагой — получился декабрь, пустынный и нагой! Но без всяких старичков — вероятно, нагой, как Аполлон. Уходит, пожалуй, самый яркий образ сонета.

Сонет 116

Да будут браки верных душ благословенны.

Не стройте им помех. Любовью не назвать

то, что меняется, когда приходят перемены,

то, что бежит, лишь позовут сбежать.

Любовь – ориентир, его не сдвинут никогда

ни ветры буйные, ни бурная волна,

для кораблей всех – путеводная звезда,

чья мощь не ведома, лишь высота важна.

Любовь не обмануть, хоть розовые губки со щеками —

как компас выгнутый, что с курса сбил суда.

Любовь не мерится часами иль годами

и выдержит до Страшного суда.

А если это ложь и я тому порукой был —

не я писал, никто на свете не любил.

116 сонет Шекспира — это «морской» сонет. Развернутый образ, проходящий сквозь все стихотворение — любовь как мореплавание. Конечно же, Шекспир не может не обставить этот образ яркими деталями, говорящими, что он разбирается в мореплавании. Переводчики же разобраться не удосужились, считая, что всякие там конкретные детали — непоэтическое это дело. Хотя именно в них оригинальность произведения, то есть как раз его поэтичность. Переводчики же считают, что поэтичность — это пустые мелодичные разглагольствования о вечности любви.

Они даже первую, полностью прозрачную строфу не могут перевести вслед за автором в части описанных там действий. Ну не могут и все.

Вместо

love is not love
Which alters when it alteration finds,
Or bends with the remover to remove
(любовь — не любовь,
если она меняется, когда обнаруживаются перемены,
или послушна, когда кто-то уводит ее за собой)
чего только нет:
Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена (С.Маршак);
Когда она при каждом колебанье
То исчезает, то приходит вновь (М.Чайковский);
Когда она покорна всем ветрам
Иль отступает, видя наступленье (А.Финкель);
Не допущу, чтоб Зло Любовь ломало:
У той Любви не должно быть конца,
Что рождена для вечного начала! (И.Фрадкин).

Все это — маловразумительная, но «высокопоэтическая» отсебятина.

Из морской темы вышеупомянутым переводчикам не удалось выкинуть только слово звезда. Зато они добавили маяк (которого нет у Шекспира), потому что маяк— как звезда, что, согласитесь, вполне «поэтично», хотя и полностью

банально.

(Все же отмечу, что строки

It is the star to every wand'ring bark,

Whose worth's unknown, although his heighth be taken

можно, в принципе, перевести двумя способами, в зависимости от того, к звезде или к барку отнести местоимение whoose (чье).

Если к звезде, то heighth — ее высота над горизонтом, помогающая определить местоположение судна. Тогда worth следует перевести по аналогии с Earths'-worth star (звезда, массой с Землю) или Suns' worth of light (излучение как у Солнца), то есть как звезду с неопределенными параметрами.

Если whoose относится к барку, то heighth — это высота мачты, которая и определяет, с какого расстояния становится возможным разглядеть из-за горизонта с ее верхушки свет маяка. Тогда перевод соответствующей строфы будет выглядеть так:

> *Любовь – маяк несокрушимый на скале:*
> *и в бурю и в грозу— он выстоит всегда.*
> *Его увидят, как звезду, на каждом корабле,*

чья не важна цена, лишь – мачты высота.

Однако слова ever-fixd mark (навсегда установленный знак) говорят о том, что Шекспир имеет в виду не маяк, а звезду).

Напрочь вылетел и компас, который цветом своего полюса сравнивается с алыми девичьими губками. Компас этот ведет не туда, куда надо, поскольку стал, как девичьи губки, изогнутым.

В конце все указанные переводчики, кроме Фрадкина, демонстрируют полную неспособность поверить в самооговор Шекспира. — Как это он сам может быть подтверждением лживости своих же слов о прочности любви: «If this be error and upon me proved»? Уберем-ка мы лучше это с глаз долой, а то какой пример можем подать читателю?

И то правда.

Сонет 130

Глаза любовницы на звезды не похожи.
Коралл красней гораздо этих губ
и снег белее этой серой кожи,
а завиток волос, как проволока, груб.

Цвет алый розы я видал когда-то —
тут шансы щек твоих совсем плохи,
а если говорить об ароматах,
то тело пахнет хуже, чем духи.
Твоя занятна болтовня живая,
но музыка стройней, чем голос твой.
Как шествует богиня, я не знаю,
а ты идешь неровной мостовой.
Но, милая, ты так же несравненна,
как те, кому враньем набили цену.

Шекспир, как часто у него бывает, пародирует «поэтичности» любовной лирики своего времени, поэтому пишет откровенно грубо. Гораздо грубее, чем в считающемся классическим переводе Самуила Маршака. Маршак, по существу, сближает свой перевод с теми произведениями, которые пародирует Шекспир, просто добавляя к «поэтической» лексике частицу «не».

Так грубоватое mistress, которое в этом контексте уместно перевести как любовница, Маршак просто выбрасывает. Вместо серо-бурых грудей, как у Шекспира (her breasts are dun), появляется не белоснежна плеч открытых кожа. Шекспир употребляет по отношению к дыханию героини

слово reeks, что означает дурной запах или даже вонь, а Маршак заводит речь про фиалки:

А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежной лепесток.

А далее уже полная отсебятина Маршака, характеризующая его представления о поэтичности — такие же, как те, что пародировал Шекспир:

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.

P.S. Владимир Высоцкий, похоже, перепародировал пародию Шекспира в своей «Нинке»:

– Она ж хрипит,
она же грязная,
И глаз подбит,
и ноги разные,
Всегда одета,
как уборщица
– Плевать на это —
очень хочется.
Все говорят, что не красавица,
А мне такие больше нравятся.
Ну что ж такого, что наводчица?

А мне еще сильнее хочется.

В свое время это подметил переведший 130-й сонет Михаил Абрамов.

Отрывки из трагедий Уильяма Шекспира
Монолог Ричарда из «Ричарда Третьего»

Действие I. Сцена I

Лондонская улица.
Входит Ричард, граф Глостер.

Ричард

Наконец-то досадная зима
под солнцем Йорка стала славным летом.
Черневшие над нашим домом тучи
схоронены в глубинах океана.
Венки победы обхватили лбы,
и наши помятые доспехи
на памятники приспособят.
И ждут веселые свиданья вместо жестких стычек.

Свирепый марш сменился резвым танцем.
Угрюмые морщины разгладил бог войны —
ему не нужен конь в броне с шипами,
чтобы стращать пугливого врага,
в покоях дамских он отплясывает лихо
под сладострастные восторги лютни.
Да только я не приспособлен для таких забав,
мне зеркала не соблазнить,
штамповка грубая – мне не хватает стати
перед распутницею легконогой красоваться.
Я лишь обрезок от полноразмерного изделья,
обжуленный обманщицей-природой,
весь скособочен, недоделан
и выброшен до срока во вздохнувший тяжко мир.
Едва наполовину свинчен —
хромающий, немодного фасона —

собаки лают на меня, когда я ковыляю мимо.

Как скоротать мне время в эту пору

слащавых песенок?

Разглядывать на солнце свою тень,

ее уродства воспевая?

А значит, раз из меня любовник никудышний,

и мне не просвистать в веселье златые эти дни,

я обречен стать негодяем.

Я ненавижу нынешние праздные утехи,

я закрутил опасную интригу

из клеветы, фантазий и пророчеств спьяну,

и насмерть рассорил братца Кларенса и короля.

И ежели король наш Эдвард

настолько тверд и держит слово,

насколько сам я хлипок, коварен и фальшив,

то Кларенс сегодня угодит в тюрьму

из-за пророчества, что буква Г – начало

имени того,
кто Эдварда наследников убьет.
А ну-ка, мысли, ныряйте быстро в душу —
сюда идет брат Кларенс.

Монолог Макбета из трагедии «Макбет»

Действие 5, сцена 5

Сейтон

Государь, королева мертва.

Макбет

Ну, что бы ей не умереть чуть позже?
Куда уместней стали б и твои слова.
Ох, эти завтра, завтра, завтра —
тихохонько досеменят, дошаркают
к слогам последним в описи времен.
А все вчера подсвечивают дуракам
дорогу к пыльной смерти.
Как быстро догорела ты, свеча!
Жизнь – лишь театр теней,

плохой актер, что важничает или мечется по сцене,

а доиграет роль, и больше о нем никто не вспомнит.

Жизнь – это байка, рассказанная идиотом,

которую переполняют бессмысленные шум и ярость.

Этот монолог Макбета, что называется, разобран на цитаты. Фразы из него в качестве названий своих произведений использовали Роберт Фрост, Курт Воннегут и другие англоязычные авторы. Пожалуй, самая известная у нас цитата — это название романа У. Фолкнера «The sound and the fury». У Шекспира эти слова содержатся в предпоследней строке монолога.

На русском роман впервые был опубликован в 1973 году в переводе Осии Сороки. Именно ему принадлежит название «Шум и ярость», которое хорошо увязано со смысловым рядом монолога Макбета. Заметим, что в переводе Ирины Гуровой (он был закончен в 1970 году, но вышел лишь в 2001-м) название романа переведено как «Звук и ярость», что, на мой взгляд, хуже увязывается с монологом Макбета, поскольку звук понятие

нейтральное и менее близко, чем шум, соотносится с идиотом.

Показательно, что в русских переводах «Макбета», появившихся до выхода на русском романа Фолкнера — в переводе С. М. Соловьева (1934), А. Радловой (1939), М. Лозинского (1949), Б. Пастернака (1951), Ю. Корнеева (1960) — в указанном монологе слово шум и слово ярость вместе не встречаются. А вот в переводах «Макбета», сделанных после выхода на русском романа Фолкнера, — В. Рапопорта (2000), В. Гандельсмана (2010), А. Чернова (2015) — в монологе присутствует сочетание ярости и шума. То есть последние три переводчика, использовали, если можно так выразиться, обратное цитирование — процитировали в своем переводе «Макбета» русское название романа Фолкнера, не упустив возможность показать русскому читателю связь между этими двумя произведениями.

Однако все вышеуказанные русские переводчики «Макбета» не обратили внимания на то, что в приведенном отрывке присутствует цитата из диалога Платона «Государство», а именно life's but a walking shadow. В 7-й книге этого диалога содержится т. н. аллегория о пещере: «Представь, что люди находятся как бы в подземном жилище

наподобие пещеры… Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная, представь, невысокой стеной, вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол… за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат… разве находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?… все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?» (перевод А.Егунова).

Так вот она, walking shadow Шекспира — проходящая тень. Причем увязана она в монологе, как и у Платона, с представлением, спектаклем. Увидеть эту аналогию, на мой взгляд, не сложно. Ведь рассказ о пещере теней — один из самых известных у Платона. Эту цитату из Платона в монологе Макбета отметил, в частности, Лео Раух

(Leo Rauch) в работе «Художественные образы и аллегории в философии» (Rauch L. (1994) Imagery and Allegory in Philosophy. In: Tymieniecka AT. (eds) Allegory Revisited. Analecta Husserliana (The Yearbook of Phenomenological Research), vol 41. Springer, Dordrecht).

Дж. Р. Р. Толкин
Хоббит или Туда и назад

Внучке Варе посвящает переводчик свою работу

Дж. Р. Р. Толкин

ХОББИТ

или Туда и назад

Перевод Андрея Пустогарова с его же комментариями и статьями

Реализм Толкина
Вместо предисловия

Создатель «Хоббита» и «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкин отнюдь не был основоположником того, что сейчас называется «жанром фэнтези». К примеру, первая книга цикла о Конане авторства Роберта Говарда вышла в 1932 году. «Хоббит» же Толкина впервые был издан в 1937-м. По жанровым признакам сага о Конане мало чем отличается от книг Толкина: в ней есть и вымышленный «средневековый» мир, и волшебство, и сражающиеся со злом герои. Однако именно книги Толкина, что называется, завоевали планету. Думаю, в немалой мере благодаря их реализму.

— Реализму? — может удивиться читатель. — Там же волшебники и драконы! Да еще эльфы с гоблинами!

Обратимся, однако, к определению реализма в литературе, которое дал Фридрих Энгельс: «реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах» (Письмо к Маргарет Гаркнесс, начало апреля 1888 г.).

— Ну вот, — скажет читатель, — правдивость деталей, типичные обстоятельства…

За расшифровкой определения Энгельса обратимся к… Толкину, к его эссе «О волшебной сказке» (1939). «Есть голод, жажда, нищета, боль, печаль, несправедливость, смерть», — пишет Толкин. Все это и есть типичные обстоятельства человеческой жизни, а вовсе не тип одежды, жилища, способов передвижения и т. п. В этих обстоятельствах и действуют у Толкина типичные характеры, такие же, как у нас вами, разве чуть лучше или хуже. Только в этом случае герои могут что-то значить для нас и в чем-то нас убедить. «Смысл сказки (о принце, превращенном в лягушку. — А. П.) не в том, что люди думали, будто лягушки могут быть мужьями, но в необходимости выполнять данное обещание (даже с ужасными последствиями)», — говорит Толкин. А вот Толкин о правдивости деталей: «истинная волшебная сказка… должна подаваться как правда». То есть в сюжете могут присутствовать элементы фантастики, только герои должны реагировать на них не «фантастически», а так, как отреагировали бы мы с вами, иначе это никому не интересно.

Как уже отмечено в Общем предисловии к этой

книге, «Хоббит» — это классический роман воспитания. Герой мужает, преодолевая выпавшие на его долю испытания. Толкин последовательно показывает изменения в его психологии: от мелочности и трусоватости к отваге и бескорыстию. Эта психологическая разработанность образа Бильбо глубоко реалистична, несмотря на фантастический окрас преодолеваемых препятствий. Именно об этом пишет Толкин в заключение своего эссе «О волшебной сказке»: «каждый писатель, который создает вторичный мир, фантазию, каждый со-творец, надеется, что он черпает из реальности, что особенное качество его вторичного мира (пусть даже не всех деталей) заимствовано у Реальности». Именно в этом смысле я и говорю о реализме у Толкина.

Добавлю, что мир «Хоббита», в отличии от «Властелина колец», не строго дуалистичен, то есть отрицательные персонажи не являются в нем абсолютно инфернальными созданиями. Гоблинам и дракону присущ, пусть зловещий, юмор, а дракон Смард к тому же вспыльчив, тщеславен и крохоборничает над своим сокровищем. То есть образы отрицательных героев наделены реалистическими чертами, так же, как отрицательными чертами вполне реалистически

наделены герои положительные. (Добавлю, пусть и проклянут меня толкинисты: «Хоббит» — взрослая книжка, рядящаяся в детскую. А «Властелин колец» — детская, рядящаяся во взрослую).

Было бы странно, если бы, создавая свой вторичный мир на стыке волшебной сказки и реальности, Толкин не использовал опыт английской литературы.

Отмечу влияние на творчество Толкина следующих ее классических произведений, также написанных на стыке фантастики и реализма: «Острова сокровищ» Стивенсона и романов Уэллса, прежде всего «Войны в воздухе» (см. Приложение).

— Да где же у Уэллса реализм? Параллельные миры, Утопия и тому подобное — это реализм?! — снова воскликнет читатель.

Реализм, повторю, в реакциях земных героев на происходящее. По этому же пути пошел Толкин в «Хоббите», использовав вдобавок разработанный Уэллсом мотив участия маленького человека в событиях большого масштаба.

— Так, может, у Толкина — магический реализм?! — воскликнет грамотный читатель. Действительно, термин «магический реализм» применяют к литературным произведениям, в

которых существенным элементом является магия и фантастика. К примеру, в романе Г. Маркеса «Сто лет одиночества» герои предсказывают будущее, их уносит в небо на простынях, умершие возвращаются к жизни, а дождь идет без перерыва на протяжении пяти лет. Причем упомянутые происшествия являются именно существенным элементом повествования. Так, если мы уберем из истории Ремедиос Прекрасной ее вознесение на простынях, останется рассказ о прекрасной телом и чистой помыслами деревенской простушке, которой трудно было бы найти счастье в семейной жизни. Вознесение в небо придает ее жизни новый смысл и, тем самым, смысл появлению этой героини в романе Маркеса. У Толкина же, как будет показано ниже, случаи волшебства не являются существенными элементами действия. Они, прежде всего, прием. Этот прием Толкина я бы назвал остранением, используя термин, введенный в свое время Виктором Шкловским. Остранение означает свежий, свой собственный взгляд на вещи, без использования стереотипов и клише. За счет чего старается Толкин побудить читателя к такому взгляду? Главным образом, просто за счет декларации — декларации того, что дело происходит в волшебной стране.

В самом деле, много ли волшебства в книге Толкина? Огненные вспышки, которые устраивает Гандальф, делающее невидимым волшебное кольцо, мечи, которые начинают светиться при приближении врагов, да поток, вода которого отбирает на время память. Если бы всего этого не было, мало что серьезно изменилось бы в действии романа. К примеру, Гандальф разил бы гоблинов мечом, а Бильбо оставался бы невидимым в пещере эльфов за счет умелой маскировки. (Сам Бильбо так говорит о побеге из эльфийских темниц: «Пусть думают, что это с помощью волшебства прошли мы сквозь все запертые двери и оказались на воле»). Еще волшебная дверь в горе? Представьте, что она (или ее запор) становилась бы видной только при определенном направлении солнечного света. Опять можно было бы не пользоваться волшебством. Без всякого волшебства обошелся Толкин и при создании «рас» своей волшебной страны. Хоббиты — это английские провинциальные мещане, гоблины — шайка бандитов, угнездившаяся в горах, эльфы — архаичные племена, возглавляемые вождями, а гномы — обуреваемая алчностью бригада шахтеров.

— А как же волшебные существа: оборотень-

медведь и дракон?

Случай оборотня Медвана (Beorn) — просто буквальное прочтение метафоры: «от гнева превращался в зверя». Все свои подвиги он мог бы совершать в человеческом облике. А представьте, что сокровища в Горе охранял бы не дракон, а огромный медведь. Разве от этого много бы изменилось в действии книги? К примеру, этот медведь мог бы в ярости ворваться в Озерный город и вызвать там уничтоживший город пожар. Пожалуй, единственным существенным волшебным элементом истории Толкина остаются Орлы, которые спасают героев, спускаясь с неба, словно ангелы.

То есть весь волшебный антураж «Хоббита» немногочислен и, повторим, малосущественен для действия книги. Зачем же он Толкину? Для того чтобы читатель почувствовал себя оторванным от привычной ему реальности и начал бы самостоятельно разбираться в том, что в «сказочной» жизни — похожей на жизнь самого читателя — хорошо, а что плохо. А еще для того, чтобы читатель избавился от стереотипа, что все-то он в жизни знает и понимает и хорошего ему ждать неоткуда. Ведь неизвестно откуда взявшаяся благодать может в любой момент, словно

волшебный луч, коснуться его головы.

Реализм ли эта надежда на благодать? Я думаю, самый что ни на есть. Современная философия познания согласна с фразой Анаксимена Милетского: «Чем шире круг моих знаний, тем больше граница непознанного». Поэтому всегда есть надежда на чудо — как проявление не до конца постигнутых нами законов природы.

Удачи тебе, читатель!

P.S. Повторю в конце то, что уже было сказано в Общем предисловии к этой книге. Художественное своеобразие — оно же оригинальность — оно же новизна — оно же то, из-за чего стоит переводить произведение — в случае «Хоббита» состоит в следующем:

— в реализме и психологизме,

— в сочетании пафоса с ироничностью,

— в постоянной словесной игре.

Эти черты я и старался передать в своем переводе.

P.P.S. Стараясь, чтобы читатель не воспринимал роман как «что-то иностранное», я оставил без перевода только имена главных героев (Бильбо, Гандальфа, Торина с гномами и Элронда), которые и у английского читателя не вызывают конкретных ассоциаций. Напомню, что сам Толкин писал

в Руководстве по переводу имен собственных из «Властелина колец»: «переводчик может и сам придумать название на своем языке, которое подходит по смыслу». О касающихся «Хоббита» рекомендациях Толкина к переводу имен собственных см. в комментариях.

Глава 1
Далеко зашедшая вечеринка*

В землю шел ход*, и там жил хоббит. То есть в норе, да только не в противной грязной сырой норе с червяками и запахом болота. Однако и не в пересушенной пустой песчаной — где не найдешь, на что сесть и что в рот положить. То была нора для хоббита, а это значит — комфорт.

В нору вела идеально круглая, словно иллюминатор, зеленая дверь с желтой латунной ручкой точно по центру. За дверью начинался коридор, похожий на трубу — только на очень уютную трубу без всякого дыма: стены покрыты деревянными панелями, пол выложен плиткой и застлан коврами, расставлены гладко отполированные стулья, а уж сколько там было крючков для шляп и верхней одежды!.. — хоббит очень любил гостей. Коридор упрямо, но только не прямо, а изгибаясь да извиваясь*, шел вглубь холма — Горба, как называли его все вокруг, даже те, что жили от него за много-много верст. И много маленьких круглых дверей было в стенах коридора — сначала по одну его сторону, а потом по другую. И

никаких подъемов или спусков по ступенькам: спальни, ванные комнаты, кладовки (а их, особенно с едой, было очень много), платяные (целые комнаты для одежды), кухни, столовые — все на одном уровне, на одном этаже, все выходило в этот коридор. Лучшие комнаты располагались по левую (если идти от входа) сторону: только в них и были окна — глубоко посаженные круглые окошки, что глядели на сад и огород хоббита и дальше — на луг, что по склону спускался к реке.

Хоббит этот был весьма зажиточным, а звали его Торбкинс*. Торбкинсы поселились в окрестностях Горба в незапамятные времена, и все относились к ним с почтением — не только потому, что большинство из Торбкинсов были людьми небедными, но также оттого, что сроду не делали они ничего неожиданного и никогда не случалось с ними чего-либо похожего на приключение: не нужно было даже ни о чем их спрашивать — и так ясно, что ответят. Но наша история про то, как с одним из Торбкинсов случилось приключение и как он стал говорить и делать вещи совершенно неожиданные. В результате он, может, и лишился уважения со стороны своих соседей, но зато получил… ну да вы сами увидите, получил ли он хоть что-нибудь в конце

всей этой истории.

Матерью этого необычайного хоббита была… Но знаете ли вы, кто такие хоббиты? Я полагаю, в наши дни уже нужны некоторые пояснения, так как хоббиты стали довольно редки, да еще и стараются не попадаться на глаза Большому Народу — так они называют нас с вами. Сами хоббиты (если они еще где-нибудь остались) — народ маленький, примерно в половину нашего роста, во всяком случае, они меньше, чем бородатые гномы. Но бород у хоббитов нет. Не владеют они — или почти не владеют — никаким волшебством, за исключением разве что самого обыкновенного — быстро и бесшумно исчезать, когда большое неуклюжее существо, вроде нас с вами, словно слон, прёт напролом с таким грохотом, что хоббиты слышат его за версту. Есть у них склонность к отращиванию живота. Предпочитают одежду ярких цветов (главным образом, желтого и зеленого), обувь не носят, потому как от природы на ногах у них толстые кожаные подошвы и теплая бурая густая шерсть, такие же примерно и волосы на голове, разве что более кудрявые. У хоббитов длинные и ловкие бурые пальцы, добродушные лица, смеются они низким сочным смехом (преимущественно после обеда, который

у них, если позволяет доход, два раза в день). Ну вот, теперь вы знаете о хоббитах достаточно для того, чтобы мы могли продолжить наш рассказ. Как я уже сказал, мать этого хоббита — то есть Бильбо Торбкинса — была та самая Беладонна Хват*, одна из трех знаменитых дочерей Старины Хвата, главы всех хоббитов, что жили по ту сторону Водички* — речушки у подножия Горба. Поговаривали (правда, в других семействах), что давным-давно у одного предка Хвата жена была из эльфов. Это, конечно, полный абсурд, но все же что-то определенно нехоббитоподобное было во всех Хватах, и кто-нибудь из них, нет-нет, да и встревал в какое-нибудь приключение. Он незаметно исчезал, а семейство всеми силами старалось это скрыть, но факт остается фактом — к Хватам относились с меньшим почтением, чем к Торбкинсам, хотя первые были намного богаче. С Беладонной Хват после того, как она стала миссис Бунго Торбкинс, никаких приключений не случалось. Бунго — отец Бильбо — обустроил для нее (частично на ее же деньги) самую роскошную нору среди всех, когда-либо вырытых в Горбе, за Горбом или через Водичку, и в ней они и прожили до конца своих дней. Но, похоже, к Бильбо, единственному ее сыну — хоть он и выглядел,

и вел себя, как переиздание своего солидного и степенного папаши — все же перешла какая-то частица хватовской эксцентричности, которая только и ждала своего часа, чтоб выйти наружу. Но час этот все не наступал — Бильбо подрос, ему исполнилось пятьдесят или около того, жил он в прекрасной норе, построенной его отцом (я вам только что ее описал), и было очевидно, что никакая сила уже не сдвинет его с этого места.

В один добрый (или недобрый) час одного безмятежного утра — давным-давно, когда в мире было меньше шума и больше зелени, многочисленное племя хоббитов процветало, а Бильбо Торбкинс стоял после завтрака в дверях своего дома и раскуривал необычайно длинную трубку, которая почти доставала до его мохнатых (только что причесанных) ступней, — мимо проходил Гандальф. Гандальф! Если б вы знали хотя бы четверть того, что знаю о нем я — а я слыхал только малую часть всего, что стоило о нем услыхать — вы сразу бы замерли в предвкушении замечательной истории. Самые невероятные истории и приключения прямо-таки вырастали из-под земли там, где ступала его нога. Однако давненько уже нога Гандальфа не ступала на склоны Горба — с тех самых пор, как умер его приятель Стари-

на Хват, так что хоббиты успели подзабыть, как Гандальф выглядит. Ведь он отправился по своим делам куда-то далеко за Горб и Водичку, когда все они еще были маленькими мальчиками и девочками.

Поэтому ничего не подозревавший Бильбо увидал в то утро всего-то-навсего старика с посохом в руке. На старике были высокая остроконечная синяя шляпа, длинный серый плащ, серебристый шарф, на котором, спускаясь ниже пояса, лежала белая борода, а еще громадные черные ботинки.

— Доброе утро! — сказал Бильбо, который именно так и думал. Ярко светило солнышко, и трава была зеленей зеленого. Но Гандальф остро зыркнул на него из-под лохматых бровей, которые выдавались вперед дальше, чем широкие поля его шляпы.

— Что это значит? — спросил он. — Ты желаешь мне доброго утра или хочешь сказать, что утро доброе, независимо от моего мнения о нем? Или доброе к тебе? Или что в такое утро все должны быть добрыми?

— Да все это сразу, — ответил Бильбо. — А еще, в придачу, что хорошо выкурить в такое утро на своем дворе трубочку с табаком. Если у вас трубочка при себе, присаживайтесь, угощайтесь

моим табачком! Закурим без спешки! В нашем распоряжении весь день.

Бильбо уселся на стульчик у двери, закинул ногу на ногу и выпустил изо рта колечко серого дыма, которое поплыло по воздуху и, не теряя формы, скрылось за Горбом.

— Как это мило! — откликнулся Гандальф. — Да только мне сейчас некогда пускать кольца! Я затеваю одно приключение и мне для него нужен компаньон, но отыскать подходящего — дело нелегкое.

— Полностью с вами согласен — особенно в наших краях. Мы простой мирный народ и приключения нам не нужны! Противные надоедливые утомительные приключения! Вечно опаздываешь к обеду! Не понимаю, что в них находят! — выдав это, Бильбо заложил за подтяжку большой палец и выпустил в воздух еще более крупное кольцо дыма. Затем вынул из почтового ящика утреннюю почту и принялся ее просматривать, делая вид, что не замечает старика.

Он пришел к выводу, что у него со стариком

нет ничего общего, и хорошо бы, чтоб старик шел куда подальше. Но тот и не думал уходить. Он стоял, опираясь на посох, и внимательно разглядывал хоббита, от чего Бильбо почувствовал себя неуютно и даже слегка занервничал.

— Да, доброе утро! — в конце концов, произнес он. — Большое спасибо, нам здесь не нужны приключения! Попробуйте лучше поискать компаньона где-нибудь за Горбом или через Водичку!

Этим он давал понять, что разговор окончен.

— Сколько всего способен ты выразить этим «доброе утро»! На этот раз ты хочешь сказать, чтоб я убирался подобру-поздорову!

— Что вы, что вы! Но я, сударь, к сожалению, не знаю вашего имени…

— Зато я, сударь, очень хорошо знаю твое, Бильбо Торбкинс! А ты очень хорошо знаешь моё, хотя меня и не узнал. Мое имя — Гандальф, ведь Гандальф — это я и есть! Вот уж не думал, что доживу до того, что сын Беладонны Хват будет выпроваживать меня «добрыми утрами», как бродячего торговца пуговицами!

— Гандальф! Гандальф! Вот те раз! Уж не тот ли захожий чародей, который подарил Старине Вхату пару волшебных брильянтовых запонок, что

сами застегивались и не расстегивались без приказа? Тот, что всегда рассказывал на вечеринках чудесные истории про гоблинов, драконов, великанов, спасенных принцесс и о том, как счастье привалило сыну бедной вдовы? Тот, что делал горючие смеси для необыкновенно прекрасных фейерверков? О, я их помню! Старина Хват всегда запускал их в самую короткую ночь года! Изумительно! Они расцветали, словно огромные огненные лилии, львиные зевы, золотые шары и долго-долго не гасли в вечернем небе!

Вы, вероятно, заметили, что Бильбо неплохо разбирался в садовых цветах, да и, вообще, был не так прозаичен, как ему самому казалось.

— Подумать только! — продолжал он. — Тот самый Гандальф, что подбил стольких мальчишек и девчонок пуститься на поиски умопомрачительных приключений! Начиналось все с лазания по деревьям, а потом они отправлялись к эльфам или уплывали на кораблях к неведомым берегам! Побей меня гром, жизнь в те времена была такой интере… — то есть вы всегда умели устроить беспорядок в наших краях. Прошу прощения, но я не думал, что вы по-прежнему при делах!

— А где же мне еще быть? — ответил волшебник. — Но я польщен — ты хоть что-то обо мне

помнишь. По крайней мере, не забыл мои фейерверки, а, значит, не безнадёжен. Поэтому ради Старины Хвата и бедняжки Беладонны ты получишь то, о чем просишь.

— Прошу прощения, но я ни о чем не просил.

— Просил и вот уже дважды. Моего прощения. Я дарю его тебе. А вдобавок отправлю на поиски приключения. Мне забава, тебе наука, а может, и доход — если, конечно, ты это приключение переживешь.

— Спасибо! Не нужно мне никаких приключений! Не сегодня! Доброе утро! Если пожелаете, в любое время заходите на чай! Почему бы не завтра? Приходите завтра! До свидания! — с этими словами хоббит развернулся и укрылся за круглой зеленой дверью, захлопнув ее за собой с быстротой, которая ограничивалась только боязнью показаться невежливым. Волшебникам лучше не грубить.

— Ну и на кой ляд я пригласил его на чай? — говорил сам себе Бильбо, входя в кладовку. Он уже один раз позавтракал, причем совсем недавно, но почувствовал, что если налить в чашечку чего-нибудь вкусного и запить пару пирожков, то это поможет быстрее оправиться от пережитого ужаса. А Гандальф еще долго, хоть и негромко,

смеялся, стоя перед закрытой дверью. Отсмеявшись, сделал шаг вперед и острым концом посоха нацарапал на этой прекрасной зеленой двери какой-то странный знак. А затем широким шагом пошел прочь, как раз в тот момент, когда Бильбо дожевал второй пирожок и пришел к выводу, что весьма удачно целым и невредимым выпутался из этого приключения. На другой день он уже почти забыл о Гандальфе. Он, вообще, плохо обо всем помнил, если только не делал запись на специальной дощечке, что-то вроде: «Гандальф, чай, среда». Но вчера он слишком разволновался, и поэтому ничего не записал. Перед самым послеполуденным чаепитием вдруг оглушительно зазвенел колокольчик входной двери — и тут он вспомнил! Он метнулся и поставил на огонь чайник, а на стол еще одну чашку с блюдцем и добавил пару пирожков, а потом понесся к двери. Он уже собрался сказать: «Простите, что заставил вас ждать!» — как вдруг увидел, что это вовсе не Гандальф. За дверью стоял гном с голубой, заткнутой за золоченый пояс, бородой и сверкавшими из-под темно-зеленого капюшона глазами. Бильбо не успел еще полностью открыть дверь, как гном уже протиснулся внутрь, будто опаздывал в гости. Он за капюшон повесил на

ближайший крючок свой плащ и низко поклонился со словами:

— Двалин, к вашим услугам!

— Бильбо Торбкинс, к вашим! — ответил хоббит, слишком удивленный, чтобы задавать вопросы. Когда наступившая тишина стала совсем неприличной, Бильбо добавил:

— Я как раз собирался пить чай, прошу вас присоединиться ко мне!

Прозвучало сухо, но Бильбо счел приглашение достаточно любезным. А что бы сказали вы, если бы незваный гном без всяких объяснений развесил свои манатки в вашей прихожей?

Но просидели за столом они совсем недолго и едва съели по третьему пирожку, как еще более громко, чем в прошлый раз, прозвучал дверной звонок.

— Прошу прощения! — сказал хоббит и пошел открывать.

— Ну наконец-то это уже вы! — собирался он сказать Гандальфу. Но это был не Гандальф. Перед дверью стоял пожилой белобородый гном в плаще с ярко-красным капюшоном. Он тоже, словно его тут ждали, проскочил внутрь, не дотерпев даже, пока полностью откроется дверь.

— Вижу, они уже начали прибывать! — сказал

гном, бросив взгляд на зеленый капюшон на крючке. Он нацепил свой красный на соседний крючок и, приложив ладонь к груди, произнес: — Балин, к вашим услугам!

— Благодарю вас! — невпопад ответил Бильбо, у которого перехватило дыхание от этого «они уже начали прибывать!» Он любил гостей, но также любил знакомиться с ними заранее, а еще — чтоб гости не являлись без приглашения. Его пронзила страшная мысль — пирожки могут быстро кончиться. Он, конечно, останется верным долгу гостеприимства, пусть даже долг этот будет мучительным и ему самому придется обойтись без пирожков.

— Заходите, выпейте чаю! — сказал Бильбо с глубоким вздохом.

— Если вас не затруднит, я бы лучше выпил пива, — ответил ему белобородый Балин. — А вот от пирожков с тмином, если они у вас есть, я бы не отказался.

— Сколько угодно, — с удивлением услышал Бильбо свой голос, бросаясь в погреб за кружкой пива, а оттуда в кладовку, где прихватил два прекрасных круглых пирога с тмином, которые испек утром, чтобы побаловать себя после ужина.

Когда он вернулся, Балин и Двалин оживленно

беседовали за столом, словно старые друзья (они были братьями). Едва Бильбо успел сгрузить на стол пиво и пироги, как колокольчик за дверью снова громко прозвенел — два раза подряд.

— Ну теперь это уж точно Гандальф! — подумал Бильбо, с пыхтением спеша по коридору к входной двери. Но это был не Гандальф, а еще два гнома в синих капюшонах, с серебристыми поясами и желтыми бородами. За спиной у каждого было по торбе с горняцким инструментом, в руках — по лопате. Они проскочили внутрь сквозь еще не до конца открытую дверь, и Бильбо уже почти не удивился.

— Чем могу служить, любезные гномы?

— Кили, к вашим услугам! — сказал один.

— И Фили! — добавил второй, и, откинув с головы свои синие капюшоны, они разом поклонились.

— К вашим и всего вашего племени! — Бильбо наконец-то вспомнил о хороших манерах.

— Ага, Балин и Двалин здесь, — сказал Кили. — Вся ватага собирается! Пошли к ним!

— Ватага! — повторил про себя господин Торбкинс. — Не нравится мне это слово. Надо присесть и собраться с мыслями. И чего-нибудь выпить.

Однако он успел сделать всего один глоточек

— четверка гномов в это время сидела за столом, ведя разговор о штольнях, золоте, опасностях, связанных с гоблинами, налетах драконов и еще о многом, чего хоббит не понимал, да и не желал понимать, потому что звучало это все слишком по-приключенчески, как тут — дин-дон-дзин-дилин — снова раздался звон, да такой, словно это какой-то озорной хоббитенок норовил оторвать ручку звонка.

— Кто-то пришел, — зажмурясь, сказал Бильбо.

— Судя по звуку, кто-то четверо, — добавил Фили. — Мы видели, как они шли за нами следом.

Бедный маленький хоббит сел в прихожей и обхватил голову руками, пытаясь сообразить, как же все это могло с ним приключиться, и что еще может приключиться, и что будет, если все они останутся на ужин. А звонок звонил все громче, и пришлось идти открывать. За дверью было не четверо. Там стояло пятеро. Пятый подошел, пока Бильбо предавался размышлениям. Едва хоббит повернул дверную ручку, как все пятеро оказались внутри, по очереди кланяясь и произнося «к вашим услугам». Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин — вот так их звали, и два фиолетовых, один серый, один коричневый и один белый капюшон заняли свои места на крючках, а вновь прибывшие, зало-

жив ладони за золотистые и серебристые пояса, промаршировали к остальной компании. Все это, действительно, уже начинало напоминать ватагу. Заказывали светлое и темное пиво и чашечку кофе, и каждый — пирожки, так что хоббит был сильно занят. На печь он поставил большой кофейник, пирогов с тмином не осталось, и гномы принялись за лепешки, намазывая их сливочным маслом, и тут раздался… громкий стук в дверь. Да, не звонок, а сильные удары снаружи в его прекрасную зеленую дверь. Кто-то колотил по ней палкой!

Бильбо понесся по коридору, разъярённый, раздосадованный, сбитый с толку — такой изнурительной среды в его жизни еще не было! Рванул на себя входную дверь, и гости кубарем — друг на друге — вкатились внутрь. Еще гномы! Четыре гнома! А на пороге, опираясь на посох, стоял и хохотал Гандальф. В прекрасной двери он сделал выбоину, устранив, кстати, тайный знак, который сам же начертил вчера утром.

— Помягче! Помягче! — сказал Гандальф. — Не похоже на тебя, Бильбо! Заставляешь добрых друзей топтаться на коврике у двери, а потом дергаешь ее, как шнур у хлопушки. Позволь представить тебе Бифура, Бофура, Бомбура и, в

особенности, Торина!

— К вашим услугам! — произнесли, выстроившись в ряд, Бифур, Бофур и Бомбур. На крючках разместились два желтых, один светло-зеленый и один небесно-голубой капюшон с длинной серебристой кисточкой. Последний принадлежал Торину — невероятно важному гному, который, и вправду, был знаменитым Торином с Дубовым Щитом. Он был крайне недоволен падением на дверной коврик и тем, что сверху на него плюхнулись Бифур, Бофур и Бомбур. Ведь Бомбур был необычайно толстым и тяжелым гномом. Поэтому надменный Торин и не подумал сказать что-либо об услугах, но бедный господин Торбкинс столько раз принес ему свои извинения, что, в конце концов, Торин пробурчал «забудем это» и перестал хмурить брови.

— Ну вот мы и собрались! — сказал Гандальф, поглядев на шеренгу из тринадцати капюшонов — замечательных пристежных капюшонов, в которых только и ходить по вечеринкам — и на свою собственную, также висевшую на крючке, шляпу. — Веселая компания! Надеюсь, что и для припозднившихся найдется угощение! Что? Чай? Нет, спасибо! Думаю, мне немного красного вина.

— Мне тоже, — добавил Торин.

— Мне яблочный пирог с малиновым вареньем, — вставил Бифур.

— Мне расстегай с грибами и сыр, — присоединился Бофур.

— Мне пирог со свининой и салат, — сказал Бомбур.

— И еще лепешек — и пива — и кофе, если не трудно, — отозвались из-за стола остальные гномы.

— Мой добрый друг, добавь-ка яичницу, — бросил Гандальф вслед потопавшему в кладовку хоббиту. — И прихвати охлажденную курятину с маринованными огурчиками.

«Похоже, содержимое моих кладовок известно ему не хуже, чем мне самому», — в замешательстве подумал господин Торбкинс, опасаясь, не пожаловало ли это к нему самое что ни на есть гнусное приключение. Достав бутылки, и тарелки, и ножи, и вилки, и стаканы, и блюдца, и ложки, и уместив все это на больших подносах, он вспотел, раскраснелся и разозлился.

— Морока с этими надоедливыми гномами! — громко сказал он вслух. — Почему бы им не помочь мне?

Вдруг, откуда ни возьмись, в дверях кухни

появились Балин и Двалин, а из-за их спин выглядывали Фили и Кили. Бильбо не успел бы выговорить слово «нож», а они уже унесли в гостиную все подносы, и вдобавок два столика, и все там расставили и разложили.

Гандальф сидел за столом во главе компании из тринадцати гномов, а Бильбо примостился на стуле поближе к огню, похрустывая печеньем (аппетит у него полностью пропал) и стараясь воспринимать происходящее как дело обыденное, ни в коем случае не похожее на приключение. А гномы все ели да ели, все говорили да говорили. Все же настал момент, когда они отодвинулись от стола, и Бильбо встал, чтобы убрать стаканы и тарелки.

— Надеюсь, все остаются на ужин? — сказал он вежливо и безо всякого нажима.

— Конечно, — ответил Торин. — И не только на ужин — придется посидеть допоздна, чтобы все обсудить. Но сначала — немного музыки. Ну-ка приберите со стола.

Все двенадцать гномов — за исключением Торина, который продолжал важно беседовать с Гандальфом, — подхватились на ноги и принялись собирать посуду в стопки. А потом, не дождавшись подносов, зашагали из гостиной

прочь — на обеих ладонях у каждого раскачивалось по стопке тарелок с бутылкой наверху. Бильбо бежал следом, повизгивая от страха:

— Пожалуйста, осторожней! Пожалуйста, не утруждайте себя! Я сам!

Но гномы, не слушая его, запели:
Бей стекло, фарфор круши,
разбросай по дому кости,
вилки гни, ломай ножи —
Бильбо взбесится от злости!
Выплесни вино на стол,
скатерть рви и пачкай жиром,
молоком залей весь пол,
коврики посыпь-ка сыром!
Положи в котел горшки —
словно в ступке, растолки!
Всю посуду – в черепки,
сыпь их прямо в сундуки!
Гномы любят посиделки!
Только береги тарелки!

Конечно, ничего из этих ужасных вещей они не сделали — с быстротой молнии все было вымыто и расставлено по местам. Хоббит в это время

вертелся на середине кухни, стараясь проследить за каждой мелочью. После все возвратились в гостиную, где, положив ноги на каминную решетку, попыхивал трубкой Торин. Он выпускал изо рта огромные кольца дыма, которые плыли, куда он велел — вверх к дымоходу, за стоящие на камине часы, под стол, или кружились под потолком, но нигде не могли укрыться от колец, которые пускал Гандальф. Пых! — посылал тот кольцо поменьше, затянувшись из своей коротенькой глиняной трубки, и оно проплывало сквозь кольцо Торина. После чего кольцо Гандальфа начинало светиться зеленым, плыло назад и зависало над головой волшебника. Там уже собралось целое облако из таких колец, и тусклый их свет придавал Гандальфу загадочный и колдовской вид. От увиденного Бильбо застыл на месте — он сам любил пускать кольца дыма, и тут же покраснел от стыда, вспомнив, с какой гордостью вчерашним утром запускал кольца в поток дующего над Горбом ветра.

— А теперь немного музыки! — сказал Торин. — Принесите-ка инструменты.

Фили и Кили сбегали к своим торбам и вернулись с небольшими скрипками. Дори, Нори и Ори вынули из своих плащей флейты, Бомбур

притащил из прихожей барабан, а Бифур и Бофур сходили за кларнетами, которые стояли у двери вместе с их посохами.

— А наши остались снаружи! — сказали Двалин и Балин.

— Тогда несите и мою, — отозвался Торин.

Они вернулись с двумя виолами величиной в свой рост и с завернутой в зеленую ткань арфой Торина. Это была прекрасная золотая арфа. Торин дотронулся до струн, и так неожиданно и сладко зазвучала музыка, что Бильбо забыл обо всем на свете и унесся в мрачные земли под незнакомые луны далеко-далеко от Водички и от Горба с хоббичьими ходами*. Тьма вползала в комнату через выходившее на склон небольшое окно, в камине мерцал огонь — стоял апрель — а они все играли, и тень от бороды Гандальфа покачивалась на стене. Сумрак заполнил комнату, огонь погас, и тени исчезли, а они все играли. И вдруг сначала кто-то один, а за ним другой запел под музыку — словно из древних глубин зазвучали низкие голоса гномов.

Вот нечто, напоминающее фрагмент той песни, хотя вряд ли что-либо, лишенное музыки, может быть похоже на их песню:

В Туманные горы пора нам идти,

чтоб в древних пещерах и штольнях найти
волшебное светлое золото.
Всегда в подземельях, где тьма глубока,
как колокол, гномов звенела кирка,
и били без устали молоты.
И, зная заклятия, в старые дни
луч света искусно ловили они,
его заключив в самоцвет.
В меча рукоять, в ожерелье, в корону
звезду добавляли, и пламя дракона,
и лунный, и солнечный свет.
Из золота арфы и кубки – к веселью
умело ковали в своем подземелье,
от эльфов вдали и людей.
Под соснами песни звучали ночами,
костра подымалось вверх красное пламя,
и ветер гудел средь ветвей.
Однажды вдруг дол содрогнулся зеленый,
и гномы увидели ярость дракона,

погибель средь ясного дня.
И в пламени рушились крыши и шпили,
и гномы в чертоги свои отступили,
чтоб там умереть от огня.
В Туманные горы пора нам идти,
чтоб в древних пещерах и штольнях найти
волшебное светлое золото.
Всегда в подземельях, где тьма глубока,
как колокол, гномов звенела кирка,
и били без устали молоты.

Гномы всё пели, и Бильбо чувствовал, как проникает в него любовь к прекрасным изделиям — созданиям искусного труда и волшебства, ревнивая свирепая любовь, страсть, живущая в сердцах гномов. Что-то хватовское зашевелилось в нем, захотелось увидать высокие горы, услыхать шум сосен и водопадов, забраться глубоко в пещеры, вместо трости взяв с собой меч. Он посмотрел в окно. В темном небе над кронами деревьев светили звезды. Он подумал, что вот так же в темных пещерах сияют драгоценности гномов. Но тут в лесу за Водичкой взвился огонь

— наверное, кто-то развел там костер — и Бильбо представил, как грозный дракон садится на их тихий Горб и сжигает своим пламенем все вокруг. Он вздрогнул и снова превратился в обычного господина Торбкинса из Торбова конца, что под Горбом. Его всего затрясло. Он встал, якобы для того, чтобы принести свет, а, на самом деле, чтобы, прикинувшись, что идет за светом, спрятаться в погребе среди пивных бочек и не показываться до тех пор, пока не уйдут все гномы. Но тут музыка и пение вдруг прекратились, и оказалось, что все смотрят на него поблескивающими в темноте глазами.

— Куда это ты собрался? — спросил Торин, интонацией показывая, что догадался про обе части замысла хоббита.

— Хочу принести огня, — ответил Бильбо извиняющимся тоном.

— Нам нравятся потемки, — хором сказали гномы. — Потемки для темных дел. До рассвета еще далеко.

— Конечно, конечно, — забормотал Бильбо и торопливо сел. Однако промахнулся и вместо стула опустился на каминную решетку, с грохотом опрокинув совок и кочергу.

— Тихо! — прикрикнул на него Гандальф. —

Пусть скажет Торин.

И Торин заговорил:

— Гандальф, гномы и господин Торбкинс! Мы собрались в доме нашего друга и сообщника, выдающегося и бесстрашного хоббита — да не выпадет шерсть на его ногах! да славятся его пиво и вино!

Он сделал паузу для вдоха и для ответной благодарственной реплики со стороны хоббита, но Бильбо в полном замешательстве лишь беззвучно шевелил губами, пытаясь протестовать против «бесстрашного» и тем более против «сообщника».

Торин продолжил:

— Мы собрались, чтобы обсудить пути и подходы, замыслы, умыслы, инструменты и механизмы*. На рассвете мы отправимся в дальний поход, из которого некоторые, а, возможно, что и все (за исключением нашего друга и наставника хитромудрого волшебника Гандальфа) уже не вернутся. Это торжественная минута. Задача наша, я полагаю, известна каждому. Для высоко ценимого господина Торбкинса и, вероятно, одного или двух юных гномов (думаю, не ошибусь, если назову имена Фили и Кили) сложившаяся на данный момент ситуация, подозреваю, требует

краткого пояснения…

Торин любил выражаться в подобной манере. Ведь он был очень важный гном и, с перерывами на вдохи, еще долго разглагольствовал бы о том, что все и так знали. Но его грубо оборвали — хоббит его речей не вынес. При словах «уже не вернутся» вопль стал пробиваться изнутри бедного Бильбо, и вскоре вырвался наружу, словно гудок выехавшего из туннеля поезда. Гномы, опрокинув стол, разом вскочили на ноги. Гандальф высек синий огонек на конце своего волшебного посоха, и вспышка озарила Бильбо, что стоял на коленях на коврике у камина и трясся, словно застывающее желе. Затем Бильбо плашмя рухнул на пол, снова и снова повторяя «удар молнии, удар молнии». И больше от него ничего нельзя было добиться. Поэтому они положили хоббита на диване в соседней комнате, поставили рядом питье и вернулись к своим темным делам.

— Впечатлительный малый, — сказал Гандальф, когда все снова расселись. — Подвержен курьезным припадкам, но он один из лучших, один из лучших — свиреп, как прижатый к стенке дракон.

Если вам доводилось видеть дракона, прижа-

того к стенке, то вы, конечно, понимаете, что это было поэтическое преувеличение, причем по отношению к любому хоббиту, даже к двоюродному прадеду Старины Хвата по имени Бычок, который был настолько огромен (для хоббита), что мог ездить на лошади. Он врубился в ряды гоблинов с Гороховой Горы в Битве на Зеленом поле и начисто снес своей деревянной клюкой голову королю гоблинов Гольфинб**ы**ку. Голова пролетела несколько десятков саженей и угодила прямо в заячью нору — таким образом, была выиграна битва и заодно изобретена игра в гольф.

Постепенно, однако, изнеженный потомок Бычка стал приходить в себя на своем диване. Немного спустя и пропустив внутрь глоток*, он, дрожа, подкрался к двери гостиной. И вот что услыхал.

Говорил Глоин:

— Хм! (или какой-нибудь другой вид фырканья наподобие этого). Думаете, дело ему по плечу? Может, он и свирепый, как уверяет Гандальф, только если он так же завизжит в решительную минуту, этого будет достаточно, чтобы проснулся дракон и все его родичи, и большинство из нас погибнет. Да и похоже это скорее на испуг, чем на ярость. Честно говоря, если бы не знак на входе, я

бы подумал, что мы ошиблись дверью. Сомнения у меня появились, как только этот малыш, пыхтя, выкатился на порог. Он больше смахивает на лавочника, чем на грабителя.

На этих словах Бильбо открыл дверь и вошел. В нем взяла верх его хватовская половина. Он был согласен отправиться по маршруту без спальни и завтрака, лишь бы только его сочли свирепым. А это «малыш, пыхтя, выкатился на порог» его таким почти сделало. Как часто потом унаследованная от Торбкинсов половина жалела о его тогдашнем поступке, и он говорил себе: «Бильбо, ты свалял дурака — ты вступил прямо в это самое, ты вляпался».

— Прошу прощения, — сказал он, — если я подслушал ваш разговор. Не буду делать вид, что понял, о чем шла речь или при чем тут грабитель, но, судя по всему (он считал это отстаиванием своей чести и достоинства), вы решили, что от меня не будет толку. Вы еще увидите! На моей двери нет никаких знаков, я покрасил ее неделю назад, и, скажу с полной уверенностью, вы ошиблись дверью. Как только я увидел на пороге ваши потешные физиономии, у меня тут же появились сомнения. Но считайте, что вы не ошиблись. Говорите, что вам нужно, и я постараюсь это сде-

лать, даже если придется отправиться на самый восточный Восток и драться с бешеными Червеедеями* посреди Запредельной пустоши. Мой двоюродный прапрапрадед Бычок…

— Конечно, конечно, — перебил Глоин, — только это было давным-давно, а я говорил о тебе. И на твоей двери, без сомнения, был знак — обычный для такого ремесла. «Грабитель ищет серьезную творческую работу за разумное вознаграждение» — вот что это обычно означает. Можешь заменить «Грабитель» на «Опытный охотник за сокровищами». Некоторые называют себя так. Нам все равно. Гандальф сказал, что тут есть человек, который разбирается в подобных вещах и ему как раз нужна работа. Гандальф и назначил встречу здесь в среду во время послеполуденного чаепития.

— Конечно, там был знак, — вмешался Гандальф. — Я сам его начертил. И у меня были веские основания. Вы просили найти вам четырнадцатого, и я отыскал господина Торбкинса. Пусть кто-нибудь только скажет, что это не тот человек, и не тот дом — и можете оставаться при своих тринадцати*, и полностью положится на свою неудачу, а лучше снова займитесь добычей угля.

При этом он так грозно нахмурился, что Глоин постарался поглубже втиснуться в спинку своего стула. Бильбо уже было открыл рот, чтобы задать вопрос, но Гандальф так сердито повел в его сторону торчащими бровями, что хоббит прикусил язык.

— Уже лучше! — сказал Гандальф. — Хватит спорить. Раз я выбрал господина Торбкинса, значит, так тому и быть. Если я говорю, что он Грабитель, значит, он Грабитель и есть, ну или сделается им в нужную минуту. В нем много такого, о чем вы даже не догадываетесь, а кое о чем не подозревает и он сам. Вы еще (возможно) доживете до момента, когда скажете мне за него спасибо. А теперь, Бильбо, дружок, принеси-ка лампу, чтобы пролить немного света вот на это.

При свете большой лампы с красным абажуром он разложил на столе похожий на карту кусок пергамента.

— Торин, ее начертил твой дед — Трор, — объяснил Гандальф в ответ на вопросы взбудораженных гномов. — Это карта Горы.

— Вряд ли она нам сильно поможет, — разочарованно отозвался Торин, бросив взгляд на карту. — Я хорошо помню и саму Гору, и ее окрестности. Знаю, где Мрачный лес, а где Гиблый

торфяник, на котором подрастают драконы.

— На Горе красным цветом нарисован дракон, — добавил Балин. — Но, если мы доберемся до тех мест, его будет не трудно отыскать и без карты,

— Главного-то вы и не заметили, — сказал волшебник. — Видите руну на западном склоне? К ней идет стрелка от других рун. Это потайной туннель в Нижний чертог.

— Потайным он был когда-то, — пробурчал Торин. — Но так ли это теперь? Старый Смард* живет в Горе уже столько времени и, наверняка, знает о нем.

— Может, знает, да только не может им воспользоваться.

— Это почему?

— Ход слишком узкий. «Дверь высотой в три локтя и трое пройдут в ряд» говорят руны. Смард не смог бы заползти в туннель и смолоду, а тем более теперь, после того, как сожрал столько гномов и людей из Дола.

— А для меня ход достаточный, — пропищал Бильбо (который плохо разбирался в драконах, но хорошо — в ходах хоббитов). Он снова воодушевился и забыл, что надо держать рот на замке. Ему нравились карты. У него в гостиной висела боль-

шая Карта Всего Края, на которой красным были прочерчены маршруты его любимых прогулок.

— Но как такая большая дверь могла остаться не замеченной снаружи, а тем более не замеченной драконом? — спросил Бильбо. Следует помнить, что он был еще совсем юным хоббитом.

— Каким образом замаскирована именно эта дверь, мы узнаем, когда до нее доберемся, — ответил Гандальф. — Исходя из того, что написано на карте, можно предположить, что дверь полностью сливается со склоном горы. Способ, обычный для гномов, не так ли?

— Так и есть, — кивнул Торин.

— А, кроме того, — продолжил Гандальф, — к карте приложен чудной ключик. Вот этот! — он протянул Торину маленький серебряный ключ с длинным стержнем и изрезанной бородкой. — Сбереги его!

— Да уж сберегу, — отозвался Торин, вешая ключ на цепь, что, прячась под одеждой, обхватывала его шею. — Он дает надежду и меняет дело к лучшему. До сих пор мы плохо себе представляли, как попадем внутрь Горы. Собирались незаметно пробраться с востока от Продолговатого озера, но там уже начались бы сложности…

— Судя по тому, что я знаю о дороге на восток, —

перебил Гандальф, — они начнутся гораздо раньше…

— От озера мы поднялись бы по Проточной реке, — не слушая Гандальфа, продолжал Торин, — к развалинам Дола*, стародавнего города, что стоит на равнине в тени Горы. Но у нас нет желания входить в Гору через Главные Ворота. Из них, пройдя сквозь скалу в южном склоне Горы, вытекает река, из них же вылетает дракон — слишком часто, если только он не поменял своих привычек.

— Да, не стоит этого делать, — сказал волшебник. — Тем более без богатыря или, на худой конец, героя. Я пробовал найти хоть кого-нибудь, но все богатыри заняты схватками друг с другом за тридевять земель отсюда, а героев по соседству очень мало, если и вообще водятся. Мечи здесь у всех тупые, топорами они рубят деревья, щитами накрывают тарелки с едой, чтоб та не простыла, или укачивают в них младенцев. Драконы отсюда необременительно далеки (а потому — легендарны). Вот оттого-то я и остановился на грабителе, тем более, когда вспомнил о Боковой двери. И вот вам грабитель — наш скромный Бильбо Торбкинс, лучший из лучших! Но давайте обсудим наши дальнейшие действия.

— Что ж, замечательно, — сказал Торин, — надеюсь, опытный грабитель поделится с нами своими идеями.

И с насмешливой любезностью кивнул в сторону Бильбо.

— Для начала хотелось бы подробнее разузнать про все эти дела, — начал Бильбо, чувствуя внутри себя сумятицу и даже небольшую дрожь, да только хватовской его половине все эти дела определённо нравились. — То есть про золото и дракона, как оно там оказалось, кому принадлежало, и так далее, и тому подобное.

— Ну и ну! — сказал Торин. — Разве ты не видел карту и не слышал нашу песню? О чем же мы тут, по-твоему, все это время толковали?

— Тем не менее, я хочу, чтобы все было разложено по полочкам, — упрямясь, возразил Бильбо, прибегая к своей деловой манере (которую обычно применял, когда кто-то пытался взять у него в долг) и демонстрируя, что умудрен опытом, знает толк, разбирается, что к чему, и полностью соответствует характеристике, данной Гандальфом. — Хотелось бы оценить возможные риски, понять, как будут возмещены понесенные расходы, сколько на все про все отведено времени, каково жалование, ну и так далее…

Это значило: а что я в результате всего этого получу и вернусь ли живым?

— Ну, изволь, — сказал Торин. — Давным-давно, во времена моего прадеда Трора, наш род было изгнан с Дальнего Севера, и воротился вместе со всем своим добром и инструментом к Горе, той, что на карте. Открыл ее еще мой дальний предок Старина Траин, а в этот раз они выкопали в Горе штольни и туннели, и огромные чертоги, и просторные мастерские, и вдобавок, думаю, нашли немало золота и драгоценных камней. Так или иначе, но сделались они богатыми и знаменитыми, и дед мой снова стал прозываться Королем в Горе, и к нему с почтением относились люди с юга, постепенно заселявшие долину реки Проточной, верхний край которой лежит в тени Горы. Тогда-то люди и построили славный город Дол. Короли то и дело посылали за нашими кузнецами, и щедро платили даже наименее умелому. Отцы просили нас взять их сыновей в ученики, а в качестве платы щедро поставляли еду, так что мы никогда сами ничего съестного не выращивали и не добывали. Что и говорить, доброе было время, и даже самому бедному хватало денег и чтоб кутить, и чтоб копить*, и хватало досуга, чтоб мастерить прекрасные вещи

из одного только удовольствия, не говоря уже о поразительных волшебных безделицах, которых теперь не сыщешь в целом свете. Чертоги моего деда были полны оружием, драгоценностями, кубками, изделиями с искусной резьбой, а рынок диковин в Доле слыл чудом всего Севера. Все это, несомненно, привадило дракона. Драконы, как известно, крадут золото и драгоценности у людей, эльфов и гномов, словом, всюду, где только могут, и сторожат добычу до самой смерти (то есть практически вечно, если только кто-нибудь их не убьет), не истратив на себя даже медного колечка. Они не сильно разбираются в том, хорошо или плохо сделана вещь, но всегда точно знают ее рыночную цену. Сами же не способны ничего смастерить, не могут даже заделать прореху в своей броне, образовавшуюся из-за выпавшей чешуйки. В те времена на Севере было много драконов, и они заграбастали почти все золото — оставшиеся в живых гномы бежали на юг, множились руины и ширилось запустение. А самым жадным, опасным и злобным из этих червеобразных был Смард. Однажды он взвился в воздух и полетел на юг. Сначала мы расслышали шум — словно с севера надвигалась буря. Затем на Горе заскрипели на ветру сосны. Часть гномов

находилась снаружи (среди счастливчиков был и я — крепкий рисковый паренек, что все время где-то шлялся — это и спасло ему жизнь), так вот, издалека мы увидели, как дракон, изрыгая огонь, сел на вершину Горы. Затем он стал спускаться по склону, и лес перед ним загорелся. В Доле уже били в колокола, и воины брались за оружие. Гномы выбежали из Главных Ворот, но там их поджидал дракон. Никто не спасся. Вскипела река и туман застлал Дол. Из тумана вышел дракон и убил его воинов — печальная, но обычная для того времени история. Затем он вернулся к Горе, заполз через Главные Ворота внутрь и обшарил все залы, закоулки, туннели, коридоры, кладовые, чертоги и галереи. После этого внутри не осталось ни одного живого гнома, а все наше добро присвоил дракон. Наверняка, как это водится у драконов, он свалил все в одну кучу в глубине Горы, и дремлет на ней, словно на ложе. Частенько по ночам выползал он из Ворот, летел в Дол, хватал, уносил и съедал людей, как правило, молодых девушек, пока весь Дол не превратился в руины, а люди не погибли или не сбежали. Что там сейчас, точно не знаю, но думаю, что безлюдны все земли от северной оконечности Продолговатого озера до Горы. Вместе с немногими, что оказались вне

Горы, мы, затаившись, горевали и проклинали Смарда, как вдруг к нам присоединились мой отец и дед, оба с опаленными бородами. Выглядели они мрачно и едва цедили слова. Когда я спросил, как они спаслись, велели мне прикусить язык, сказав, что в свое время я обо всем узнаю. После этого мы ушли от Горы, и зарабатывали на жизнь, как могли, скитаясь то тут, то там, не брезгуя порой даже работой кузнеца или углекопа. Но никогда не забывали о наших украденных сокровищах. И даже сейчас, когда, надо признать, у нас появились небольшие сбережения и мы уже не в такой нужде — при этих словах Торин погладил висевшую на шее золотую цепь — мы по-прежнему намерены получить все обратно и, по возможности, отомстить Смарду. Я часто раздумывал, как же удалось спастись моему отцу и деду. Теперь понимаю, что они выбрались через Боковую дверь, о которой знали они одни. Очевидно, они же начертили карту, и я хотел бы узнать, как ею завладел Гандальф, минуя меня — ее законного наследника.

— Я не завладел, — сказал Гандальф, — мне ее отдал твой отец. Твой дед Трор, как тебе известно, был убит в подземельях Мории гоблином Азогом.

— Да будет проклято его имя, — отозвался Торин.

— А твой отец Траин отправился в путь двадцать первого апреля — в прошлый четверг как раз исполнилось сто лет с того дня, — и с тех пор ты его больше не видел…

— Так и есть, — кивнул Торин.

— Вот твой отец и отдал мне эту карту, а если я сам выбрал время и место, чтобы тебе ее вручить, то ты не должен меня сильно винить, так как мне непросто было тебя отыскать. Когда твой отец дал мне карту, он не помнил даже своего имени и не сказал мне твоего, так что, думаю, я заслуживаю благодарности. Вот, возьми ее, — и он протянул карту Торину.

— Я мало что понял, — ответил Торин. И Бильбо мог бы полностью присоединиться к его словам. Объяснение, которое дал Гандальф, ничего не объясняло.

— Твой дед, — мрачно и неспешно* продолжил Гандальф, — прежде чем спуститься в подземелья Мории, отдал карту на хранение своему сыну. С этой картой после гибели деда твой отец отправился попытать удачу, с ним случилось много неприятных вещей, но он так и не подобрался к Горе. Как он туда попал, я не знаю, но я

встретился с ним, когда он томился в казематах Чернокнижника*.

— Что ты там делал? — вздрогнув, спросил Торин. Вздрогнули и все остальные гномы.

— Не твоя забота. Как обычно, разбирался в происходящем. В тот раз это было опасное и грязное дело. Еле оттуда выбрался. Я пытался спасти твоего отца, но оказалось, что уже слишком поздно. Он явно был не в себе и заговаривался. И единственно, о чем помнил — о карте и ключе.

— Мы давно уже рассчитались с гоблинами Мории, — произнес Торин. — Пора обратить внимание на Чернокнижника.

— Не болтай зря! Это злодей, чья сила превосходит силы всех вместе взятых гномов, даже если б они смогли снова собраться со всех четырех сторон света. Все, чего хотел твой отец — чтобы ты изучил карту и воспользовался ключом. Дракон и Гора — хватит с тебя этой задачи.

— Послушайте, послушайте! — вырвалось у Бильбо, и ненароком вырвалось громко.

— Послушать что? — сказали все в один голос и повернулись к нему. Разволновавшись, он ответил:

— Послушайте, что я вам скажу.

— И что же именно?

— Вам надо пойти на восток и хорошенько оглядеться по сторонам. В любом случае там боковая дверь, а дракон, нет-нет, да и задремлет, как мне кажется. Если вы какое-то время посидите на приступочке* у двери, что-нибудь, я полагаю, да и придет вам в голову. И, знаете, что я хочу сказать, мы слишком засиделись* с разговорами. Что если всем в кровать и рано вставать, ну и так далее? На дорожку я приготовлю вам хороший завтрак.

— На дорожку всем нам — я правильно понял? — спросил Торин. — Ведь ты же грабитель. Разве это не задача грабителя — посидеть на приступочке у двери, а затем войти внутрь? Но я согласен в отношении кровати и завтрака. На дорожку мне шесть яиц с ветчиной, но только глазунью, а не омлет.

Остальные тоже сделали заказы на завтрак, и тоже без всякого «пожалуйста» (что очень раздражало Бильбо). Он постелил во всех своих свободных спальнях, а также на диванах и креслах, уложил их всех спать и наконец-то сам отправился в свою маленькую кровать, очень усталый, но нельзя сказать, что очень довольный. Одно он решил твердо: вставать ни свет ни заря и готовить им их дрянные завтраки он не будет. Хватовская его половина утомилась, и он вовсе

не был уверен, что поутру отправится в дорогу. Засыпая, он слышал, как Торин, легший по соседству с ним в самой лучшей комнате, напевает себе под нос:

В Туманные горы пора нам идти,
чтоб в древних пещерах и штольнях найти
волшебное светлое золото.

Под этот напев Бильбо заснул, и оттого сны его были беспокойны. Проснулся он, когда солнце уже давно встало.

---

*Далеко зашедшая вечеринка — An unexpected party. Unexpected — непредвиденный. Party — одновременно вечеринка и отряд. То есть все начинается с вечеринки, а заканчивается походом.

*В землю шел **хо**д, и там жил **хо**ббит — In a **ho**le the ground there lived a **ho**bbit… it was a **ho**bit-**ho**le. Толкин выводит название хоббит через хольбит от английского hole — отверстие, нора. В переводе заменено на соответствие хоббит — ход.

***упрямо**, но только не **прямо**, а изгибаясь да

извиваясь — wound on and on, going fairly but not qu**ite** stra**ight**. Fairly означает красиво и одновременно четко.

*Торбкинс — Baggins. От bag — мешок, сумка. Применительно к человеку bag носит насмешливый оттенок, аналогичный русскому кошелка. Поэтому Торбкинс, а не Торбинс. Рекомендация Толкина: «Перевод должен содержать корень со значением мешок».

* С Беладонной Хват после того, как она стала миссис Бунго Торбкинс — Belladonna Took … became Mrs Bungo Baggins. Took совпадает с прошедшим временем глагола take — брать. Baggins происходит от bag — мешок, сумка. Таким образом, авантюрная ветвь в родословной Бильбо связана с глаголом брать, хватать, а консервативная — с хранить в мешке или торбе.

*Водичка — The Water. В оригинале это the small river (маленькая речка), отсюда уменьшительный суффикс при переводе.

* с **хо**ббичьими **хо**дами — **ho**bbit-**ho**le.

*Мы собрались, чтобы обсудить наши пути и подходы, замыслы, умыслы, инструменты и механизмы — We are met to discuss our ways, means, policy and devices. Толкин иронизирует над важностью Торина за счет использования слов с

двойным значением: way — путь и прием, policy — политика и хитрость, device — оборудование и умысел.

*Немного с**пустя** и про**пуст**ив внутрь глоток — After **a whil**e and **a drink** (букв. после промежутка времени и глотка).

*драться с бешеными Черведеями — fight the wild Were-worms. В оригинале Бильбо путает werewolf (волк-оборотень) с wereworm, где worm — червяк, в переводе — чародеев с черведеями. Червяком дракона называют гномы.

*оставаться при своих тринадцати — stop at thirteen. Вероятно, Гандальф намекает на карточную игру блек-джек (аналог русского двадцать одно), где остановка при набранных 13 очках, как правило, ведет к проигрышу.

*и чтоб **кутить**, и чтоб **копить** — to **spend** and to **lend**.

*Старый Смард — Old Smaug. Английское Smaug созвучно со smoke (дым, копоть). В переводе обыгрывается созвучие Смард — смрад.

*Дол — Dale. Рекомендация Толкина: «долина. Переводить по смыслу».

*мрач**но** и неспеш**но** — slow**ly** and grim**ly**.

*Чернокнижник — Necromancer. Некромант — буквально общающийся с духами мертвых.

Однако употребляется, как правило, в значении злой колдун. Рекомендация Толкина: «подлежит переводу».

*на приступочке — on the doorstep. Doorstep — ступенька крыльца, приступок.

***посидите** на приступочке… мы слишком **засиделись** с разговорами — sit on the doorstep **long enough**… we have talked **long enough**

Глава 2
Жареный барашек

Бильбо вскочил, влез в домашний халат и отправился в столовую. Там никого не было. Лишь остатки обильного, съеденного в спешке завтрака. То есть ужасный беспорядок, а на кухне — груды немытой посуды. Едва ли не каждая его миска или сковородка была пущена в ход. Предстоящее мытье посуды было так угнетающе реально, что не осталось никаких сомнений: вчерашняя вечеринка — не дурной сон, на что он все-таки надеялся. Зато Бильбо почувствовал большое облегчение при мысли, что они ушли без него, даже не удосужась его разбудить (и даже спасибо не сказали — подумал он). А еще он почувствовал легкое разочарование. И это его озадачило.

— Не дури, Бильбо Торбкинс! — сказал он вслух.

— В твоем-то возрасте морочить себе голову драконами и прочей чужестранной ерундой!

Он надел передник, разжег огонь, вскипятил воду и занялся мытьем посуды. Затем вкусно

слегка позавтракал прямо в кухне, и только потом вновь заглянул в столовую. К тому времени уже вовсю светило солнце, и сквозь открытую входную дверь залетал внутрь теплый весенний ветерок. Почти позабыв о вчерашнем вечере, Бильбо принялся громко насвистывать. Но как только в столовой у открытого окна принялся он за небольшой вкусный второй завтрак, объявился Гандальф.

— Мой добрый друг! — сказал волшебник. — И когда же ты собираешься отправиться в путь? И как же насчет «рано вставать»? Вместо этого ты завтракаешь — или как там у тебя это называется — в пол одиннадцатого! Они оставили тебе записку, так как не могли больше ждать.

— Записку? — в полном смятении пробормотал несчастный Бильбо.

— Слоны и носороги! — воскликнул Гандальф. — Ты, Бильбо, сегодня сам не свой. Ты до сих пор не вытер пыль на каминной полке!

— У меня и так хватало забот. Я мыл посуду после четырнадцати едоков!

— Если бы ты протер каминную полку, то под часами обнаружил бы вот это, — сказал Гандальф, вручая хоббиту записку, сделанную, конечно же, на его собственной почтовой бумаге.

Вот что он в ней прочел:

«Торин и Ко приветствуют грабителя Бильбо! Выражаем искреннюю благодарность за гостеприимство и признательность за предложенное профессиональное содействие! Условия: оплата в момент доставки заказа в размере, не превосходящем одной четырнадцатой от чистой прибыли (если таковая будет). Дорожные издержки компенсируются при любом исходе. Похоронные расходы покрываются нами или нашими представителями в случае, если обстоятельства сложатся подобным образом и дело не сможет быть улажено иным путем. Не желая прерывать ваш высокочтимый отдых, мы выступаем первыми, чтобы сделать необходимые предуготовления, и будем ожидать глубокоуважаемого грабителя на постоялом дворе «Зеленый дракон» в Заречье строго в 11 до полудня. Рассчитываем на вашу пунктуальность.

Честь имеем оставаться в совершенном почтении

Торин и Ко».

— У тебя осталось десять минут. Надо бегом бежать, — сказал Гандальф.

— Но… — начал Бильбо.

— На это нет времени, — ответил волшебник.

— Но… — не сдавался Бильбо.

— На это тоже нет времени. Бегом!

До конца дней для Бильбо останется загадкой, как это он оказался за порогом без шляпы, трости, денег и всего прочего, что обычно брал, уходя из дома, как это он, оставив наполовину недоеденным второй завтрак и не вымытой посуду, сунул ключи в руку Гандальфу и со всей возможной для своих мохнатых ног скоростью понесся вниз по склону, мимо Большой мельницы, а потом через речку, и пробежал еще целую милю, если не больше. Запыхавшись, он вбежал в Заречье с последними отбивавшими одиннадцать ударами, и только тут обнаружил, что у него нет носового платка.

— Браво, — сказал Балин, выглядывавший Бильбо из дверей «Зеленого дракона». В тот же миг из-за поворота дороги показались и все остальные. Они ехали на совсем маленьких, даже с точки зрения Бильбо, пони, которые были вдобавок увешаны всевозможными торбами, тюками, узлами и прочей поклажей.

— Вы, двое, в седло и в путь! — сказал Торин.

— Ужасно извиняюсь, — откликнулся Бильбо, — но я забыл дома шляпу и носовой платок, и у меня нет с собой денег. Я, чтобы быть уж совсем

точным, только в 10:45 прочел ваше письмо.

— Не стоит быть уж совсем точным, — ответил ему Двалин. — И не надо волноваться. Придется тебе обойтись без носового платка и доброй дюжины других вещей до самого конца нашего путешествия. А что касается шляпы, то у меня с собой запасной плащ с капюшоном.

Вот так они и двинулись трусцой от постоялого двора на навьюченных пони поутру в самый канун мая — Бильбо в темно-зеленом (слегка поношенном) капюшоне и темно-зеленом плаще, которые ему одолжил Двалин. И плащ, и капюшон были велики, и выглядел хоббит довольно забавно. А что бы сказал по этому поводу его отец Бунго, я не отважусь и предположить. Одно успокаивало — у Бильбо не было бороды, и его нельзя было принять за гнома.

Они не успели еще далеко отъехать, как их догнал Гандальф — верхом на прекрасном белом жеребце. Он привез носовые платки и трубку Бильбо вместе с табаком. Поэтому дальше день напролет все ехали в хорошем настроении, рассказывали истории и пели песни, несколько раз останавливаясь, чтобы перекусить. Конечно, не так часто, как привык Бильбо, но все же у него понемногу стало складываться чувство, что

приключение, в общем-то, не такое уж плохое дело. Поначалу путь шел по землям хоббитов — обширному благочинному краю со славным народом, с одним или даже двумя постоялыми дворами, с хорошими дорогами, по которым не спеша проезжали верхом по своим делам то гном, то поселянин. Но вскоре начались края, где разговаривали на странном наречии и пели песни, которые Бильбо никогда прежде не слыхал. Потом они въехали в Пустынные земли, где не было ни жителей, ни постоялых дворов, а дороги становились все хуже. А после путь пошел среди мрачных, поросших лесом холмов, которые делались все выше. На некоторых стояли построенные явно недоброй рукой зловещие заброшенные замки. Все вокруг выглядело совсем уж угрюмо еще и потому, что испортилась погода. Прежде она была такой, как полагается в мае (особенно в Поучительных историях*), но тот день выдался холодным и сырым. В Пустынных землях они тоже разбивали лагерь под открытым небом, но там, по крайней мере, было сухо.

— Подумать только, ведь скоро июнь! — ворчал Бильбо. Его бредущий последним пони разбрызгивал копытами грязь на скользкой дороге. Уже давно миновало время послеполуденного чае-

пития, с самого утра лил дождь, плащ промок насквозь, с края капюшона капало в глаза, пони, спотыкаясь на камнях, еле плелся, все раздраженно молчали. «Наверняка полным-полно воды и в сумке с едой, и в узле со сменной одеждой, — размышлял Бильбо. — Будь оно неладно, это грабительство! Как бы я хотел снова очутиться у очага в своей уютной норке, и чтоб насвистывал чайник…» Мысль эта еще не раз придет ему в голову. Но гномы продолжали трястись в седлах, не оглядываясь и не обращая на хоббита никакого внимания. Скрытое за серыми облаками солнце, должно быть, поползло вниз, потому как стало смеркаться. В потемках они въехали в глубокую речную долину. Дул ветер, и растущие по берегам ивы раскачивались и вздыхали. К счастью, дорога привела их к старому каменному мосту через стремительную вздувшуюся от дождей реку, которая текла с северных гор. Была уже совсем ночь, но ветер разодрал серые облака, из-за их обрывков над холмами выглянула кочевая луна. За мостом они остановились, и Торин пробурчал что-то про ужин и «хотя бы клочок сухой земли для ночлега». Тут только все заметили, что исчез Гандальф. До этого волшебник неотлучно находился рядом, хотя ни разу не сказал, собира-

ется ли он принять участие в приключении или просто ему пока с ними по пути. Он больше, чем остальные, ел, чаще говорил, громче смеялся, и вот теперь пропал.

— И как раз тогда, когда он бы точно пригодился! — простонали Дори и Нори, у которых были близкие с Бильбо взгляды на регулярное, своевременное и сытное питание. В конце концов, решили заночевать в первом же сколь-нибудь подходящем месте. Выбрали небольшую рощицу, под деревьями было чуть суше, но ветер стряхивал на голову воду с крон, а частый звук падающих капель сильно докучал. К тому же костер словно заколдовали. Гномы способны разжечь костер где угодно, из чего угодно и при любом ветре, но в этот раз у них ничего не получалось, даже у особо поднаторевших в разжигании огня Оина и Глоина. А тут еще ни с того ни с сего всполошился, рванул наутек и свалился в реку один из пони. Фили и Кили чуть сами не утонули, пока вытаскивали его на берег. С пони смыло всю поклажу, и, конечно же, это был провиант — очень немного еды осталось теперь на ужин, и еще меньше — на завтрак. Вот они и сидели, промокшие и хмурые, и ворчали, глядя, как Оин и Глоин, переругиваясь, пытаются разжечь костер.

Бильбо как раз пришел к горькому выводу, что приключение — это не только прогулка верхом на пони в погожий майский день, когда Балин, который обычно нес дозор, сказал:

— Вижу огонь!

Неподалеку чернел поросший высокими деревьями холм. За темными стволами разглядели они яркий огонек — красноватый, уютный свет, словно от костра или мерцающего факела. Некоторое время все молча глядели на огонек, а потом заспорили. Одни говорили — «надо», другие возражали — «ни в коем случае».

— Надо пойти и посмотреть, — убеждали первые, — все лучше, чем сидеть тут, промокнув до нитки, довольствуясь ужином впроголодь и еще более скудным завтраком.

Вторые отвечали:

— Мы в незнакомых краях, да к тому же невдалеке от гор. Сюда редко кто забредает. Все карты давно устарели, дороги стали опасными, их никто не охраняет. Никто толком не знает, кто правит этими землями, и чем меньше любопытства мы проявим, тем целее будем.

— Нас ведь целых четырнадцать! — настаивали одни.

— Да, но куда делся Гандальф? — говорили

другие. Впрочем, последнюю фразу повторил каждый. Тут дождь припустил еще сильнее, а Оин и Глоин подрались. Это решило дело.

— В конце концов, у нас есть грабитель! — сказали гномы и, взяв под уздцы своих пони, крадучись, двинулись на свет. Добрались до холма и вошли в лес. Стали подниматься по склону, но нигде не было дороги, которая могла бы привести к постоялому двору или усадьбе, и, несмотря на все свои старания, они с хрустом и треском, а еще с ворчанием и проклятиями двигались в кромешной тьме. Как вдруг красноватый огонек ярко засверкал из-за деревьев уже совсем близко от гномов и Бильбо.

— Пора грабителю браться за дело! — решили гномы.

— Пойди и все разузнай об этом огне: кто его зажег, все ли там спокойно, нет ли какой опасности, — напутствовал хоббита Торин. — Прошмыгни незаметно, и быстро назад, если все в порядке. Если нет, все же постарайся вернуться. Если не получится, ухни два раза, как сова, и один раз, как филин. Мы попробуем что-нибудь сделать.

И Бильбо пошел, не сказав даже, что не в состоянии и одного раза ухнуть, как филин или сова, равно как и порхать летучей мышью. Зато хоб-

биты умеют бесшумно передвигаться в лесу. Это предмет их гордости, и Бильбо, когда они поды-мались на холм, не раз насмешливо фыркнул по поводу того, что обозвал гномскими пошумел-ками, хотя не думаю, чтобы вы или я что-нибудь заметили в ту бурную ночь, даже если бы вся их кавалькада прошла от нас в двух шагах. А уж когда Бильбо аккуратно двинулся к огню, тут не повел бы ухом и самый чуткий зверь. Поэтому хоббит, никого не потревожив, подобрался прямо к костру — а это был именно костер — и вот что он увидел. Три здоровенных детины сидели во-круг здоровенного костра из буковых бревен. На длинных деревянных вертелах они поджаривали куски барашка, облизывая измазанные его соком пальцы. Пахло очень и очень вкусно. А еще под рукой у них стоял бочонок с каким-то добрым питьем, которое они прихлебывали из кружек. Да только это были тролли. Без всякого сомнения, тролли. Даже Бильбо, редко покидавший свое жи-лище, узнал их: по массивным грубым лицам, по росту, по толстенным ногам, не говоря уже об их речи, которая была ну совершенно не допустима в приличной гостиной.

— Вчера баранина, сегодня баранина и, черт возьми, к завтрему тоже будет баранина, — вор-

чал тролль.

— Да, давно не было ни кусочка человеческого мяса, — откликнулся второй. — Какого черта ты, Уильям, нас сюда затащил! Меня все уже достало! И выпивка кончается! — он толкнул под локоть Уильяма, который как раз приложился к кружке. Уильям поперхнулся.

— Заткнись! — ответил он, прокашлявшись. — Думаешь, люди сами прибегут к вам, чтоб вы их съели? С тех пор, как мы спустились с гор, вы вдвоем сожрали уже полторы деревни. Где я еще возьму вам людей? Быстро вы забыли время, когда говорили «спасибо тебе, Билл, за жирного равнинного барашка» навроде этого, — он откусил от бараньей ноги, которую жарил, и вытер рот рукавом.

Да, тролли, действительно, ведут себя именно так, даже те, у которых только по одной голове. Услышав все это, Бильбо понял, что должен что-нибудь немедленно предпринять: или потихоньку вернуться обратно и предупредить товарищей о трех огромных троллях в раздраженном состоянии, запросто способных зажарить гномов, а то, для разнообразия, и пони, или следует совершить быстрое ограбление. По-настоящему легендарному грабителю полагалось обчистить карманы

троллей (что никогда не помешает, если вам хватает умения), незаметно снять с вертелов мясо и выкрасть пиво. А кто-нибудь менее озабоченный престижем, но более практичный, незаметно для троллей проткнул бы их кинжалом. Вот была бы веселая ночь! Все это хорошо знал наш хоббит. Ведь он много читал о том, чего никогда не видел и не делал. Да, тролли вызвали у него испуг и отвращение, он предпочел бы оказаться от них за сотню верст. Однако что-то не позволяло ему вернуться к Торину и Ко с пустыми руками. Поэтому некоторое время Бильбо, укрываясь в темноте, стоял в нерешительности. Из всех грабительских проделок, о которых он читал, самым простым казалось опустошить карманы троллей. В результате Бильбо выполз из-за дерева прямо за спиной у Уильяма.

Том и Берт как раз направились к бочонку, а Уильям сидел и прихлебывал из своей кружки. Бильбо собрался с духом и запустил руку в огромный карман тролля. Там лежал кошелек. Для хоббита он был как сумка. «Хм! — мысленно произнес Бильбо, которому начинала нравиться его новая работа, осторожно вытаскивая кошелек из кармана, — а ведь это только начало!» Так и оказалось. С кошельками троллей лучше не

связываться. Тут не бывает исключений.

— Эй! Кто там? — запищал кошелек, а Уильям тут же обернулся и схватил Бильбо за шею, не дав ему юркнуть за дерево.

— Лопни мои глаза! Берт, гляди, что я поймал! — воскликнул Уильям.

— Что там? — подойдя, спросили остальные.

— Вот это да! А я почем знаю? Ты кто?

— Бильбо Торбкинс — граби… хоббит, — ответил бедный Бильбо. Его всего трясло, и он в отчаянии размышлял, как бы ему крикнуть совой, прежде чем тролли его придушат.

— Грабихоббит? — озадаченно повторили тролли. Тролли медленно соображают и с большим подозрением относятся ко всему незнакомому.

— Ну и зачем этот грабихоббит залез мне в карман? — спросил Уильям.

— А они съедобные? — уточнил Том.

— Сейчас узнаем, — отозвался Берт, подняв с земли вертел.

— Да тут и на один укус не хватит, — пробурчал уже поужинавший Уильям. — А если его освежевать да отделить мясо от костей, то и вообще ничего не останется.

— Может, здесь еще такие водятся? Мы бы сделали пирог, — заметил Берт. — Эй, ты! Много еще

тут шныряет похожих на тебя пронырливых кроликов? — спросил он, глядя на мохнатые ступни хоббита. Он поднял Бильбо за ноги и потряс им в воздухе.

— Много, — ответил Бильбо. Но тут же сообразил, что негоже выдавать товарищей и добавил: — Совсем ни одного.

— Что это значит? — не понял Берт и потряс хоббита, ухватив его за волосы.

— То, что я сказал, — задыхаясь, выговорил Бильбо. — И, пожалуйста, благородные господа, не ешьте меня. Я сам могу замечательно приготовить вам еду, даже лучше, чем я сам*, ну, то есть вы понимаете! Я приготовлю вам отличный завтрак, если вы не съедите меня на ужин.

— Гадкий мелкий охламон! — сказал Уильям, который уже наелся до отвала. — Выбрось его!

— Нет, пусть он ответит, что это значит: много и совсем ни одного, — возразил Берт. — Я не хочу, чтобы мне во сне перерезали горло. Сунем его ногами в костер, тогда он скажет.

— А я говорю, выброс, — заупрямился Уильям. — Как-никак, это я его поймал.

— Ты толстый дурак, Уильям. Я тебе уже это сегодня говорил.

— А ты тупая деревенщина!

— А вот этого я не потерплю, Билл Хиггинс! — и Берт двинул Уильяму кулаком в глаз.

Завязалась грандиозная потасовка. Бильбо еще кое-что соображал, поэтому, когда Берт уронил его на землю, успел отползти из-под ног, прежде чем тролли сцепились, как собаки, громко обзывая друг друга чрезвычайно точными наименованиями. Обнявшись, они кружили вокруг костра, пиная друг друга ногами и дубася кулаками. А Том, чтобы привести драчунов в чувство, лупил их толстым суком, но от этого все еще больше свирепели. Тут бы Бильбо и отчалить, но Берт своими ручищами уж слишком сильно сдавил ему ноги: хоббит задыхался, голова шла кругом, поэтому вынужден был отлежаться, выкатившись за пределы освещенной костром площадки. Схватка была в самом разгаре, как вдруг появился Балин. До гномов долетали голоса, а Бильбо все не возвращался и не кричал совой, вот они и поползли друг за дружкой на свет со всей возможной для них осторожностью. Том, увидев Балина, тут же оглушительно взвыл. Тролли не переносят даже одного вида (не зажаренных) гномов. Берт и Билл мгновенно прекратили драку и закричали:

— Том, не мешкая, мешок!*

И прежде чем Балин, гадавший, где тут среди

всей этой заварухи Бильбо, понял, к чему идет дело, на голову ему уже набросили мешок.

— Если я не ошибаюсь, сейчас будут и другие, — сказал Том. — Много и совсем ни одного — это оно и есть. Совсем ни одного грабихоббита и много гномов. В таком вот смысле.

— Ты прав, — сказал Берт. — Отойдем в тень!

Так они и сделали. Держа в руках мешки, в которых таскали баранину и другую добычу, притаились в темноте. Очередной гном выходил на свет, смотрел на костер, на опрокинутые кружки и обглоданные бараньи кости, тут вдруг противный вонючий мешок оказывался у него на голове. Вскоре Двалин, Балин, Филли и Килли лежали бок о бок на земле, Дори, Ори и Нори были свалены в кучу, а Оин, Глоин, Бифур, Бофур и Бомбур — уложены в штабель у костра.

— Уж я их проучу! — зло сказал Том, потому что Бифур и Бомбур бешено сопротивлялись, как загнанные в угол гномы. Последним шел Торин, и его не застали врасплох. Он ждал подвоха, и торчащие из мешков ноги товарищей только утвердили его во мнении, что что-то пошло не так. Он остался стоять в темноте и спросил вслух:

— Что за напасть? Кто пленил моих людей?

— Тролли, — ответил из-за дерева Бильбо. — Они с мешками прячутся в кустах.

— Ах так! — отозвался Торин, ринулся к костру, и тролли не успели его сграбастать. А он выхватил из костра большую ветку с горящим концом и ткнул им в глаз Берту. Это на время вывело тролля из битвы. Бильбо делал, что мог. Он подбежал и обхватил ногу Тома (она была толщиной в ствол сосны), но тут же, вращаясь в воздухе, улетел в кусты — потому что Том носком ноги швырнул в лицо Торину угли из костра. В ответ Том получил веткой по зубам, потеряв передний. Уж он и взвыл! А Уильям зашел сзади и набросил на голову Торину мешок. Схватка завершилась. Да, они хорошенько влипли: гномы, связанные, лежали в мешках, а рядом три разъяренных тролля (не забудьте — один с ожогами, а другой — еще и без зуба) спорили, зажарить ли гномов на медленном огне, пошинковать и сварить, или, сев по очереди на каждого, сделать из них желе. А Бильбо лежал на кусте с пропоротой одёжей и кожей* и, чтоб не услышали тролли, боялся даже пошевелиться.

Вот тут-то и возвратился Гандальф. Но остался незамеченным. Тролли как раз решили зажарить гномов впрок — это была идея Берта, и после

долгих споров все с ним согласились.

— Нет, если станем их жарить, это займет всю ночь, — раздался голос.

Берт решил, что это голос Уильяма.

— Не заводи спор заново, Уильям, — сказал Берт. — Или это займет всю ночь.

— А кто спорит? — отозвался Уильям, который думал, что спор затеял сам Берт.

— Ты, — сказал Берт.

— Ты врешь, — возразил Уильям, и все началось по новой. В конце концов, они решили мелко нашинковать и отварить гномов. Приготовили большой черный котел и вынули ножи.

— Да ну ее, эту варку! У нас нет воды, а источник — далеко! — сказал голос. Берт и Уильям решили, что это голос Тома.

— Заткнись! — сказали они хором. — А не то сам пойдешь за водой, если не прекратишь.

— Сами заткнитесь! — откликнулся Том, который думал, что это был голос Уильяма. — Кроме вас, никто не начинает.

— Олух! — выругался Уильям.

— Сам олух! — ответил Том.

И они стали спорить, еще яростней, чем раньше, пока не решили, что будут садиться на все мешки подряд и раздавят гномов, а сварят их

как-нибудь после.

— С кого начнем? — спросил голос.

— Сядем сначала на последнего, — предложил Берт, которому Торин повредил глаз. Он подумал, что вопрос задал Том.

— Перестань разговаривать сам с собой! — ответил Том. — Но если хочешь сесть на последнего гнома, так садись. Где он?

— Вон тот в желтых носках, — сказал Берт.

— Ерунда, вон тот в серых, — возразил голос, похожий на голос Уильяма.

— Я уверен, что в желтых, — настаивал Берт.

— Конечно, в желтых, — согласился Уильям.

— Тогда зачем ты сказал, что в серых? — спросил Берт.

— Я не говорил. Это Том.

— Это не я, — заспорил Том. — Это ты сам.

— Два против одного — так что заткнись, — сказал Берт.

— А с кем это вы разговариваете? — удивился Уильям.

— Замолкни! — сказали в один голос Том и Берт. — Скоро рассвет. Пора уже взяться за дело!

— Рассвет за вас возьмется, тролль камнем обернется, — раздался голос, похожий на голос Уильяма. Но это был не Уильям. В этот миг из-за

вершины холма ударил луч света, а в ветвях громко защебетали птицы. Уильям ничего уже не отвечал, потому что навсегда замолк, обратившись в камень. А Том и Берт сделались двумя глядящими в его сторону скалами. Там они и стоят до сих пор, и разве что птицы сядут на них, оживляя эту глухомань. Ведь тролли, как известно, должны до рассвета укрыться под землю, а не то превратятся в скальную породу, из которой они и произошли, и навсегда останутся неподвижными. Что и случилось с Томом, Бертом и Уильямом.

— Великолепно! — сказал Гандальф. Он вышел из-за дерева и помог Бильбо выбраться из колючего куста. И тут Бильбо понял! Это же голос волшебника заставил троллей пререкаться и ссориться, пока взошедшее солнце не покончило с ними.

Они развязали веревки и освободили гномов из мешков. Гномы едва не задохнулись и пребывали в раздраженном состоянии: им не сильно понравилось лежать в мешках и слушать, как тролли решают, зажарить их, раздавить или нашинковать. Они не успокоились, пока не заставили Бильбо два раза подряд рассказать о том, что с ним приключилось.

— Зачем было валять дурака, упражняясь в ремесле карманника, если тебя послали за огнем и едой? — проворчал Бомбур.

— В любом случае, они бы ничего не отдали без драки, — ответил ему Гандальф. — Но мы теряем время. У троллей где-то рядом пещера или нора, в которой они прятались днем. Надо непременно туда заглянуть.

Они обследовали поляну и вскоре нашли следы от каменных сапогов троллей, ведущие куда-то за деревья. Они пошли по следам вверх по склону и обнаружили прятавшуюся за кустами каменную дверь пещеры. Но дверь не открывалась, как они все вместе на нее ни напирали, в то время как Гандальф пробовал разные заклинания.

— Может, этот ключ подойдет? — сказал Бильбо, когда все уже устали и разозлились. — Я подобрал его на земле там, где дрались тролли.

Он протянул увесистый ключ, хотя Уильям, конечно, считал его маленьким и незаметным. Ключ очень кстати выпал из кармана Уильяма, прежде чем тот превратился в камень.

— Что ж ты молчишь? — закричали все хором. Гандальф выхватил из рук Бильбо ключ и вставил его в замочную скважину. Дверь от одного толчка распахнулась внутрь, и они вошли в пе-

щеру. Там отвратительно пахло, а по полу были разбросаны кости. Зато хватало сваленной в кучи на полках и прямо под ногами еды, и повсюду была рассована добыча — от медных пуговиц до стоящих в углу горшков с золотыми монетами. На стенах висела одежда — слишком маленькая для самих троллей, боюсь, это была одежда их жертв, а среди нее — несколько мечей различной выделки, формы и размера. Особенно бросались в глаза два из них — из-за великолепных ножен и украшенных драгоценными камнями рукоятей. Эти мечи поделили между собой Гандальф и Торин. А Бильбо взял нож в кожаных ножнах. Для тролля это был бы карманный ножик, а для хоббита — короткий меч.

— Клинки, похоже, отменные, — сказал волшебник, последовательно вытащив каждый до половины из ножен и внимательно осмотрев. — Их выковали не тролли, и не люди, не в этих краях и не в наши времена. Если б мы смогли прочесть руны на клинках, узнали бы больше.

— Давайте побыстрее уйдем от этой вони, — не выдержал Фили. Они вышли наружу, прихватив горшки с монетами, еду — ту, что выглядела неиспорченной и нетронутой, и один полный бочонок пива. Было время завтрака, все проголодались,

поэтому не сильно воротили носы от того, чем разжились в пещере троллей. Тем более что собственных припасов у них почти не осталось. Они перекусили хлебом и сыром, запивая их пивом, и поджарили на догорающих углях свиной окорок. А потом, поскольку ночь выдалась беспокойной, легли спать и проспали до самого полудня. Проснувшись, привели своих пони и для начала отвезли горшки с монетами в укромное место на берегу реки неподалеку от дороги и закопали, наложив на клад немало заклятий — на случай, если кто-то из них сможет вернуться за золотом. Потом снова сели на пони и двинулись трусцой по дороге, ведущей на восток.

— Нельзя ли узнать, куда вы отлучались? — спросил Торин у ехавшего с ним бок о бок Гандальфа.

— Посмотреть, что впереди, — ответил тот.

— А что заставило вернуться в критический момент?

— Оглянулся назад.

— Точнее не скажешь! — хмыкнул Торин. — Но нельзя ли сказать понятней?

— Я поехал вперед, чтоб разведать дорогу. Вскоре она сделается опасной и трудной. К тому же, я искал возможность пополнить наши запасы еды.

Не успел далеко уехать, как встретил двух своих друзей из Укромной долины*.

— Где это? — спросил Бильбо.

— Не перебивай! — одернул его Гандальф. — Через несколько дней, если повезет, сам туда попадешь и про все узнаешь. Итак, я встретил двух соплеменников Элронда, которые спешно двигались, чтоб оказаться подальше от троллей. Они-то и сообщили мне, что три тролля спустились с гор, находятся в лесу неподалеку от дороги, распугали все живое в округе и подкарауливают путешественников. Я тут же понял, что надо вернуться. Оглянувшись, увидел вдалеке огонь и поехал к нему. Остальное вы знаете. В следующий раз будьте осторожней, а то мы вряд ли когда-нибудь куда-нибудь попадем.

— Благодарю за ответ! — отозвался Торин.

---

*В Поучительных историях — merry tales: в XVI веке так назывались сборники анекдотов — фольклорных, по преимуществу, историй с грубоватым юмором и нравоучительным финалом. Упоминаются, к примеру, у Шекспира в комедии «Много шума из ничего» (II.129–131).

***Я сам** могу замечательно приготовить вам

еду, даже лучше, чем **я сам** — I am a good **cook myself**, and cook better than **I cook** (буквально я сам хороший повар и приготовлю для вас лучше, чем вы приготовите меня).

*Том, не **мешкая**, **мешок**! — a **sack**, Tom, **quick**!

*с пропоротой о**дёжей** и к**ожей** — with his clothes and his sk**in** t**orn**.

*Укромная долина — Rivendell. Рекомендация Толкина: «означает долина в ущелье. Переводить по смыслу или оставить, как покажется лучше», однако выше у Толкина: «такие имена желательно перевести».

Глава 3
Недолгий отдых

В тот день они не пели и не делились историями, хоть небо и прояснилось. На следующий день тоже. И на третий день. Появилось чувство, что недалеко впереди, притаившись по обеим сторонам дороги, поджидает опасность. Ночевали под звездами, лучше стало с кормом для пони, потому что появились лужайки с густой травой, но в сумках с едой, даже вместе с раздобытым в пещере троллей, было почти пусто. Однажды утром по широкому мелководью, где поток пенился и шумел на камнях, перешли они вброд реку. Берег на другой стороне был крутой и скользкий. Ведя своих пони под уздцы, взобрались на него и увидели склоны высоких гор. Казалось, что до подножья ближайшей — день пути. Гора тревожно темнела, хоть кое-где на ее бурых склонах лежали пятна солнечного света. За плечами у нее блестели острые белоснежные вершины.

— Это и есть та самая Гора? — торжественно спросил Бильбо, глядя на нее широко открытыми глазами. Эта громада была самым большим из

всего, что он видел в своей жизни.

— Конечно, нет, — отозвался Балин. — Это начинаются Туманные горы, и нам надо пройти сквозь них, над или под ними, чтобы попасть в лежащие по ту сторону Дикие земли. А оттуда еще неблизкий путь на восток до Одинокой горы, где на наших сокровищах лежит Смард.

— Вон оно как! — сказал Бильбо, почувствовав вдруг небывалую усталость. Снова привиделось ему, что сидит он в удобном кресле у камина в любимой гостиной в своей прекрасной норе, слушая напев закипающего чайника. Снова и не в последний раз!

Теперь их вел Гандальф.

— Если собьемся с дороги, нам конец, — сказал он. — Нужна еда — это в первую очередь. И отдых в относительно безопасном месте. А еще обязательно надо отыскать верную тропу через Туманные горы, иначе мы заблудимся, придется возвращаться и начинать все заново (если, конечно, вернемся).

— Куда же мы направляемся? — спросили его.

— Мы у самого края Диких земель, как некоторые из вас уже, наверное, догадались. Неподалеку притаилась Укромная долина, где в Последнем Дружеском Доме живет Элронд. Своим друзьям я

отдал письмо для Элронда, так что нас ждут.

Звучало ободряюще, только никак не удавалось им найти этот Последний Дружеский Дом у западных отрогов Туманных гор. Склон медленно шел вверх к подножию ближайшей горы, и ни дерево, ни долина, ни холм не нарушали его ровной поверхности — она поросла вереском и была усыпана растрескавшимися каменными глыбами, там же, где попадалась вода, зеленели клочки травы или мха. Безостановочно ехали все утро, миновал полдень, но среди молчаливой пустоши не было никаких признаков жилья. Беспокойство нарастало, ведь Дом мог остаться незамеченным, притаившись в любом месте этой равнины. Потом неожиданно, прямо у них под ногами, стали открываться узкие долины, окаймленные крутыми обрывами. В изумлении глядели они на бегущую глубоко внизу воду и зеленеющие вдоль нее деревья. Встречались им речушки — настолько узкие, что их можно было чуть ли не перепрыгнуть с разбегу, но при этом — очень глубокие, часть — с водопадами. Чернели овраги, через которые ни перепрыгнуть, ни перебраться. Красиво зеленели болотца с высокими яркими цветами — пони с поклажей, шагнувший на эту зелень, там бы навек и остал-

ся. Бильбо поразило, насколько же путь от брода до подножия Туманных гор оказался длиннее, чем выглядел поначалу. Единственную тропу отмечали белые камни, часто совсем небольшие, поросшие вереском или мхом. Чтобы не сбиться с дороги, приходилось двигаться не спеша, хоть Гандальф, судя по всему, был неплохо знаком с местностью. Он ехал первым, высматривая путеводные камни, а остальные следовали за его шляпой и бородой, безостановочно вертевшейся из стороны в сторону. День близился к закату. Они уже пропустили послеполуденное чаепитие, и было похоже, что пропустят и ужин. Вокруг порхали мотыльки, а луна еще не взошла и сгустились сумерки. Пони начали спотыкаться о камни и корни. И тут они так неожиданно оказались на краю обрыва, что жеребец Гандальфа едва не соскользнул вниз.

— Ну, наконец-то! — воскликнул Гандальф, а остальные окружили его и заглянули за край. Глубоко внизу лежала долина. В каменистом русле на самом ее дне шумела вода. Ветер доносил идущие от деревьев запахи, а за рекой ярко горели огни. Бильбо навсегда запомнил скользкую крутую тропу, что в сумерках зигзагами шла вниз. По мере спуска воздух становился все

теплее, от соснового аромата клонило в сон, и Бильбо, едва не вываливаясь из седла, то и дело клевал носом, тычась им в шею пони. Чем ниже они спускались, тем легче становилось на душе. Сосны сменились дубами и буками, и в воздухе разлился покой. Наконец они выехали на широкий прибрежный луг, где подступившая темнота уже успела отобрать у травы все оттенки зеленого. «Ух ты! Пахнет эльфами!» — подумал Бильбо и, задрав голову, глянул вверх. В небе ярким голубым светом горели звезды. В этот миг, словно раскаты смеха, откуда-то из-за деревьев зазвучала песня:

Куда же вам мчаться?
Не лучше ль остаться,
в реке искупаться
коням подковаться?
О. тра-ла-ла-ла,
звенят удила!
К чему волноваться,
с тревогами знаться,
пройдохам – скитаться,
лепешкам – съедаться?
О, тра-ла-ла-ла,

забудьте дела!
Куда же вам мчаться —
бородкам трепаться?
Нам не догадаться,
чем Бильбо заняться
собрался в июне,
и Глоин, и Оин.
Вам лучше остаться,
чем в путь отправляться!
Коню – подковаться!
Звезде – зажигаться!
Останьтесь в долине,
чтоб слушать в июне,
напев вечноюный.
О, тра-ла-ла-ла!

Потом из рощи вышел высокий юноша и поклонился Гандальфу и Торину.

— Добро пожаловать в Долину! — сказал он.

— Благодарю! — буркнул Торин. А Гандальф спешился, и его веселый голос уже раздавался в кругу эльфов.

— Вы слегка отклонились от пути, ведущего в дом за рекой. Мы покажем вам мост, но для того,

чтобы его перейти, вам лучше спешиться. А может, побудете еще здесь и споете вместе с нами? Или отправитесь прямиком за реку? Там для вас готовят ужин, и я уже чую дымок от горящих в очаге дров.

Бильбо сильно устал, но ему хотелось задержаться — разве можно уйти, когда прямо под звездами звучат песни эльфов, если вы, конечно, понимаете, о чем это я! А еще он был не прочь накоротке перекинуться с обитателями этой долины парой-другой слов — ведь они знали его имя и, кажется, все остальное о нем, хоть Бильбо никогда раньше с ними не встречался. Интересно, что они сказали бы о его приключении? Эльфы много знают и удивительно быстро получают новости — со скоростью текущей воды, если не быстрее. Но гномы думали только об ужине, не желали ни на минуту его откладывать и остаться не захотели. Поэтому все двинулись дальше, ведя за собой пони, и вскоре вышли на твердую тропу, а по ней — к обрывистому берегу. Река неслась и шумела, как и положено горному потоку вечером летнего дня, на всем протяжении которого высоко вверху на снегах лежали солнечные лучи. Каменный мост был безо всяких перил и настолько узкий, что только пони и можно было

по нему провести. Медленно и осторожно, друг за дружкой, прошли они по мосту сами и перевели за собой на поводу своих пони, в то время как эльфы, стоя на берегу с ярко горящими фонарями, распевали задорные песни.

— Папаша, смотри, не намочи бороду в речной пене! — кричали они Торину, который перебирался по мосту чуть ли не на четвереньках. — Она у тебя и без полива уже длинная!

— Бильбо, не объедайся пирогами! А то тебе не пройти сквозь замочную скважину!

— А ну, цыц! — прикрикнул на них Гандальф, который шел последним. — Приятный вечер и приятные хозяева, но у долин бывают уши, а вы слишком разболтались своими развеселыми языками. Спокойной ночи!

Вот так они наконец-то добрались до Последнего Дружеского Дома, двери которого были широко распахнуты.

Странное дело, но о том, что хорошо бы испытать каждому, о днях, которые всем не грех бы прожить, много не расскажешь, да и слушать особо нечего. А вот неприятные, будоражащие и даже жуткие события способны сложиться в увлекательную историю, которую хочешь — не хочешь, а выслушаешь. Они гостили в этом

славном Доме не меньше двух недель, и почувствовали — им не хочется из него уходить. А Бильбо с радостью остался бы здесь навсегда, даже если бы по мановению ока мог целым и невредимым перенестись в родную нору.

Хозяин Дома был родич эльфов — о предках его рассказывали удивительные истории еще до того, как сложили повести о войнах Темных гоблинов с эльфами и первыми пришедшими на Север людьми. Во времена, к которым относится наш рассказ, в Укромной долине еще жили потомки эльфов и тех самых героев Севера, а Элронд, хозяин Дома, был их вождем. Он отличался благородными, как у эльфийского владыки, чертами лица, был статен, как воин, мудр, точно маг, горд, словно король гномов, и добр, будто летний день. Во многих знаменитых событиях он принял участие, а вот его роль в славном приключении Бильбо совсем не велика, хотя и достаточно важна, в чем вы убедитесь, если мы когда-нибудь доберемся до конца. Его Дом был идеальным местом для гостя, независимо от того, любил ли тот поесть, поспать, заняться работой, попеть, послушать интересные истории, просто молча посидеть и поразмышлять, или сделать все это по очереди. Несчастья не проникали в

эту долину.

Я как-нибудь выберу время и расскажу вам несколько историй или спою пару песен из тех, что Бильбо с гномами услыхали в Доме Элронда. За несколько дней все, включая пони, отдохнули и набрались сил. Ссадины затянулись, синяки рассосались, а одежда, равно как и настроение, была приведена в порядок. Их дорожные сумки наполнились едой — такой легкой и сытной, что это позволяло перебраться через горы. В результате тщательных размышлений выбрали маршрут. Наступил вечер накануне дня летнего солнцестояния, на рассвете которого они отправлялись в путь.

Элронд был знатоком всех видов рун. Взглянув в этот вечер на мечи, найденные в логове троллей, он сказал:

— Их выковали не тролли. Это очень древние мечи, мечи Вышних Эльфов Запада, моих родичей. Они выкованы в Гондолине для сражений с гоблинами. Потом оказались либо в кладе дракона, либо средь поживы гоблинов, потому что именно гоблины и драконы разрушили некогда город Гондолин. Руны говорят, что твой меч, Торин, зовется Оркрист — Гоблинорез. А твой, Гандальф, это Гламдринг, Врагобой, и он принад-

лежал гондолинскому королю. Берегите их!

— Но как они попали к троллям? — переспросил Торин, совсем другими глазами глядя теперь на свой меч.

— Трудно сказать, — ответил Элронд. — Обобрали других разбойников, либо нашли в норе среди старых гор припрятанную кем-то добычу. Я слышал, в заброшенных штольнях Мории до сих пор можно отыскать клады, лежащие со времен войны между гномами и гоблинами.

Торин на миг задумался, а потом сказал:

— Я сберегу этот меч. Может, скоро он снова станет рубить гоблинов.

— В горах это может случиться достаточно быстро, — ответил ему Элронд. — Но покажите-ка мне вашу карту!

Он взял карту и, пристально глядя на нее, покачал головой. Элронд без особого энтузиазма относился к гномам из-за их любви к золоту, но, несомненно, ненавидел драконов за злобу и жестокость и с грустью вспоминал веселый перезвон колоколов Дола, его нынешние руины и выжженные берега светлой Проточной речки. В небе сияла почти полная растущая луна. Элронд поднес карту к глазам и посмотрел сквозь нее на просвет.

— Вот так-так! — сказал он. — На карте — лунные руны. Вот тут, выше места, где обычными рунами написано «Дверь высотой в три локтя и трое пройдут в ряд».

— Что же это за лунные руны? — не сдержав волнения, спросил Бильбо.

Как я уже говорил, он любил карты, а также руны, знаки и, вообще, каллиграфию, хотя когда сам пробовал что-нибудь написать, выходило как у курицы лапой.

— Они видны, только когда смотришь на просвет на луну. А самые секретные можно прочесть только в тот же день года, когда их написали, да еще и луна должна быть в той же самой фазе, что и тогда. Эти руны изобрели гномы. И писали их серебряными перьями. Об этом тебе могли бы рассказать твои спутники. Эти вот руны, должно быть, написаны давным-давно накануне летнего солнцестояния при растущей луне.

— Что же там написано? — в один голос спросили Гандальф и Торин, слегка раздосадованные, что лунные руны обнаружили не они, а Элронд, хотя у них и не было возможности это сделать, а другой теперь не будет еще неизвестно сколько.

— «Встань у седого камня, и, когда простучит

клювом дрозд, заходящее солнце последним лучом Дня Дарина укажет замочную скважину».

— Дарин, Дарин! — повторил Торин. — Он был предком самых давних гномов — Длиннобородов. Я его прямой наследник.

— А что такое День Дарина? — спросил Элронд.

— У гномов это первый день нового года, — ответил Торин. — То есть день последнего осеннего новолуния накануне зимы. В небе вместе светят солнце и последний молодой месяц осени. Да все это не слишком-то продвигает нас к цели. Мы уже разучились точно вычислять, когда наступает этот день.

— Поживем-увидим, — откликнулся Гандальф. — Есть еще надписи?

— При свете этой луны больше ничего не видно, — ответил Элронд и вернул карту Торину. Затем все спустились к реке, где в ночь накануне летнего солнцестояния пели и танцевали эльфы.

Утро следующего дня выдалось ясным и свежим: в синем небе — ни облачка, на воде — танцующие блики солнца. Они тронулись в дорогу, а вслед им летели песни с пожеланиями доброго пути. Сердца их наполняла тяга к новым приключениям, а головы — сведения о тропе, которая должна была вывести на другую сторону

Туманных гор.

Глава 4
Через горы и под горами

Много троп уходило в горы, немало вело на другую их сторону. Но большинство было обманными, идущими в никуда или в западню. А на большинстве перевалов подстерегали злобные существа и смертельные опасности. Но гномы и хоббит, руководствуясь мудрыми советами Элронда, а также опытом и знаниями Гандальфа, выбрали верную тропу к верному перевалу.

Прошло уже много дней с тех пор, как Укромная долина и Последний Дружеский Дом остались позади, а они все подымались, подымались и подымались. Тропа была трудная и опасная — безлюдная, извилистая, нескончаемая. С высоты открывался широкий вид на края, через которые они прошли. Далеко к западу, где все расплывалось в синей дымке, лежала уютная безопасная страна с маленькой норкой хоббита. Бильбо передернуло. По мере подъема становилось все холоднее, а ветер все громче завывал среди скал. Полуденное солнце вытапливало из снега камни, и они, подпрыгивая, скатывались

по склону, пролетая то (удачно) между путниками, а то (опасно) поверх их голов. Ночи были беспокойными и зябкими, петь и даже громко разговаривать они не отваживались: жутко отзывалось эхо, тишина, казалось, не хотела, чтоб ее нарушало что-либо, кроме журчания воды, завывания ветра и стука камней. «Внизу стоит лето, — думал Бильбо, — идет сенокос, люди отправляются на пикники. Внизу уберут хлеб и соберут ежевику*, а мы все еще будем по эту сторону гор». У остальных в голове вертелись такие же невеселые мысли. Покидая дом Элронда, они надеялись, что быстро перевалят через горы, пересекут лежащие за ними земли и поспеют к потайной двери на склоне Одинокой горы к последнему осеннему новолунию, то есть ко Дню Дарина. Но Гандальф лишь покачивал головой да помалкивал. В отличие от гномов, которые давно не были в этих краях, он знал, как разрослось на Пустошах зло с тех пор, как драконы изгнали оттуда людей, и повсюду после Битвы за Штольни Мории скрытно расползлись гоблины. Поэтому в ходе рискового путешествия по самому краю Пустошей могли с треском рухнуть даже планы таких мудрых волшебников, как Гандальф, и таких добрых друзей, как Элронд. Гандальф был

достаточно мудр, чтобы это понимать. Он знал — всегда может произойти что-то непредвиденное, и не слишком-то надеялся, что в этих огромных горах с высоченными вершинами и долинами, в которых не было королевской власти, удастся обойтись без жутких приключений. Обойтись не удалось.

Все шло хорошо, пока однажды не разразилась гроза. Вернее, похожая на битву буря с молниями. Даже внизу, на равнине или в речной долине, можно оказаться среди ужасной бури, особенно если сталкиваются грозовые облака. Насколько же страшней буря с молниями в ночных горах, когда сражаются подошедшие с запада и востока грозовые фронты! Молнии били в вершины, сотрясали и расщепляли их, грохот катился вниз, заполняя все впадины и пустоты, темноту пронзали ослепительные вспышки и раскаты грома. Бильбо не только никогда не видел ничего подобного, такого он даже представить себе не мог. Гроза застала их на узкой тропе над отвесным обрывом. Далеко внизу чернело дно ущелья. На ночлег остановились под выступом скалы. Укрытый одеялом, Бильбо дрожал с головы до пят. При вспышках молний он видел, как по другую сторону ущелья каменные великаны, затеяв игру,

перебрасывались каменными глыбами — ловили их и швыряли вниз в темноту: огромные камни падали на деревья или с треском раскалывались на куски. Затем поднялся ветер и пошел дождь с градом. Ветер со всех сторон хлестал по дождю, и нависшая скала перестала служить защитой. Скоро все вымокли до нитки. Пони стояли, опустив головы и поджав хвосты, и то и дело ржали от страха. Слышно было, как хохочут и перекрикиваются на склонах каменные великаны.

— Это никуда не годится, — сказал Торин. — Если нас не сдует или не смоет в пропасть, и не убьет молнией, так схватит какой-нибудь великан и, наподдав ногой, отправит прямо в небеса.

— Знаешь место лучше, веди прямо туда, — угрюмо парировал Гандальф, которого самого беспокоили эти великаны. После продолжавшейся некоторое время перепалки было решено отправить Фили и Кили на поиски более безопасного убежища. Они считались самыми востроглазыми, а, кроме того, были моложе (пусть и на каких-нибудь полвека) всех остальных гномов, поэтому их всегда использовали в подобных случаях (когда каждому было ясно, что посылать Бильбо нет никакого смысла).

— Чтобы что-нибудь найти, надо начать поис-

ки, — напутствовал Торин юных гномов.

И, правда, обычно что-нибудь обязательно находится, хоть и не всегда то, что искали. Именно так вышло и на этот раз.

Вскоре Фили и Кили вернулись, передвигаясь на четвереньках и держась, чтобы не сдуло ветром, за скалы.

— Мы нашли сухую пещеру, — доложили они. — Тут недалеко, за поворотом тропы. Там приютятся все вместе с пони.

— Вы как следует её осмотрели? — строго спросил Гандальф, который знал, что пещеры в горах редко бывают необитаемы.

— Да, да! — отвечали юные гномы, хотя всем было ясно, что они слишком быстро вернулись, чтобы успеть это сделать. — Она небольшая и неглубокая.

Конечно, пещера всегда может таить опас-

ность. Никогда до конца не ясно, что вас в ней поджидает, насколько она глубока и куда ведут открывающиеся из нее ходы. Но в их положении выбирать не приходилось. Все поднялись и двинулись к пещере. Выл ветер, гремел гром, поэтому вести за собой пони было совсем непросто. Хорошо, идти пришлось недолго. Вскоре тропинка уткнулась в скалу. Обогнув ее, увидели в склоне горы отверстие в виде низкой арки. Только сняв с пони поклажу и седла, удалось протиснуть лошадок сквозь эту арку внутрь пещеры. Зато дождь и ветер остались снаружи, равно как и хохочущие великаны. Гандальф не хотел рисковать: он зажег огонек на конце своего посоха — как когда-то, давным-давно, сделал это в гостиной у Бильбо — и при его свете они тщательно осмотрели пещеру. Она была средних размеров и, казалось, безо всяких подвохов. С сухим полом и уютными закутками. С одного края была площадка, достаточная, чтобы разместить всех пони. Туда их и поставили — от них шел пар, они с хрустом жевали корм из подвешенных к мордам торб и были явно довольны новым местом ночлега. Чтоб высушить одежду, Оин и Глоин предложили разжечь у входа костер, но Гандальф не хотел про это даже слышать. Поэтому переоделись в вынутую

из тюков сухую сменную одежду, промокшую расстелили на полу, а сами укутались в одеяла, закурили трубки и принялись пускать кольца из дыма. На забаву всей компании Гандальф раскрашивал эти кольца в разные цвета и заставлял танцевать под потолком. Забыв про бурю, все без умолку болтали, обсуждая, что каждый сделает со своей частью добычи (когда ее заполучит, что в тот момент не казалось им чем-то невероятным), а потом друг за дружкой уснули. В последний раз были в их распоряжении пони, багаж, инструменты и снаряжение — все, что захватили в дорогу. В ту ночь также выяснилось, что, взяв с собой Бильбо, они поступили правильно. Сначала он долго не мог заснуть, а когда задремал, то ему сразу стал сниться скверный сон. Будто трещина в стене в дальнем углу пещеры начала расти и расти, расширяться и расширяться, а он не в силах был ни что-либо сделать, ни даже подать голос, а только молча лежал и наблюдал. Потом приснилось, что под ним провалился пол, и он сначала заскользил вниз, а потом стал падать все глубже и глубже, не знамо куда. Бильбо вздрогнул и проснулся. И обнаружил, что часть его сна оказалась правдой. В дальнем углу пещеры появилась щель, впрочем, она уже превратилась в достаточно широкий

проход. Он успел разглядеть, как в этом проходе скрылся хвост последнего пони. Конечно же, он закричал во весь голос, а хоббиты кричат очень громко, несмотря на свои размеры.

И тут как выскочили гоблины, здоровенные-прездоровенные ужасные гоблины, целая толпа гоблинов, быстрее, чем вы бы успели сказать «футы ну-ты!» По меньшей мере, по шесть гоблинов на каждого гнома, и целых два на Бильбо. Всех схватили и уволокли вслед за пони, быстрее, чем вы успели бы сказать «ишь ты, поди ж ты!» Всех, да только не Гандальфа. Вот и вся польза от крика Бильбо. За долю секунды Гандальф успел полностью проснуться, и, когда гоблины попытались его схватить, пещеру осветила резкая вспышка, словно ударила молния, запахло чем-то похожим на порох, и несколько гоблинов упало замертво.

Лязгнув, захлопнулась щель в стене, и Бильбо, и гномы очутились по ту, вернее, по не ту ее сторону. Но куда же делся Гандальф? Этого не знали ни Бильбо с гномами, ни гоблины, но гоблины не стали терять время на выяснение. Они крепко держали пленников и быстро тащили их вглубь и вглубь, в темноту, в которой могут что-нибудь разглядеть лишь живущие в самом сердце горы гоблины. Ходы пересекались, переплетались и

расходились во всех направлениях, но гоблины знали путь не хуже, чем вы дорогу на свою почту. Коридор шел вниз и вниз, стало ужасно душно. Безжалостно сдавив пленников в своих грубых руках, гоблины гоготали и перекрикивались лязгающими голосами, и хоббит почувствовал себя даже несчастнее, чем в момент, когда тролль поднял его за ноги и Бильбо повис вниз головой. Как же он захотел оказаться в своей уютной светлой норе! И это не в последний раз.

Где-то впереди замерцал багровый свет. Гоблины запели или, вернее, закаркали, в такт шлепая по каменному полу плоскими ступнями и из стороны в сторону размахивая пленниками:

Гоп! Хлоп! Хрясь!
Хвать! Цап! Бряк!
Шлеп да шлеп!
Топ да притоп!
Вот как! Вот так!
Стук! Бах! Трах!
Клещи и шило, щипцы!
Спустимся скоро
в гоблинский город!
Мы молодцы!

Крик! Стон! Вой!
Плетка, дыба и кнут!
Спуску тут не дадут!
Выпьем – хохочем
изо всей мочи
здесь под землей!

Звучало, действительно, жутко. От сводов отражалось «Хвать! Хрясь!», и «Стон! Вой!», и отвратительный хохот гоблинов. Смысл песни был прозрачен, тем более что гоблины достали кнуты и принялись хлестать ими пленников, погнав их перед собой и заставив бежать из последних сил. Гномы взвыли, застонали и, спотыкаясь, влетели в большую пещеру. В центре, освещая пещеру красным пламенем, горел большой костер, факелы пылали на ее стенах, и была она переполнена гоблинами. Все они загоготали, затопали ногами и захлопали в ладоши, завидев, как гномы выбегают из туннеля, а позади гикают и щелкают кнутами гоблины-конвоиры (последним и ближайшим к кнутам был Бильбо). В углу пещеры сбились в кучу пони, всю поклажу уже вывалили на пол, гоблины перетряхнули, обшарили и обнюхали ее, и, не поделив, из-за нее подрались.

Боюсь, в последний раз видели путники своих

замечательных пони, в том числе белого резвого и крепкого жеребчика, которого Элронд одолжил Гандальфу, так как конь волшебника не годился для похода по горным тропам. Ведь гоблины все время голодные и едят и лошадей, и пони, и ослов (и вдобавок ещё всякую мерзость). Однако в тот момент пленники думали только о собственной участи. Гоблины выстроили их в затылок друг другу, одной длинной цепью всем скрутили за спиной руки и погнали в дальний угол, а бедный Бильбо болтался в хвосте этой вереницы.

Там в полумраке на большом плоском камне сидел здоровенный гоблин с огромной головой, а вокруг него стояла вооруженная топорами и кривыми мечами охрана.

В наше время гоблины — жестокие, злые, опасные существа. Они не способны создать прекрасное, но могут изготовить хитроумное. Если понадобится, выроют туннели и шахты не хуже самых искусных гномов, правда, все будет грязным и неряшливым. Молоты, топоры, мечи, кинжалы, кирки, клещи, а еще пыточный инструмент сделают очень умело, или за них все изготовят узники да пленники, работающие почти без воздуха и света, пока не помрут. Очень вероятно, что именно гоблины изобре-

ли пугающие весь мир устройства, в том числе для одновременного убийства огромного числа людей. Шестерни, двигатели, взрывчатка приводят их в восторг, а еще возможность как можно меньше работать руками. Но в то время и в тех диких краях они еще так далеко не продвинулись (если тут, вообще, подходит это слово). К гномам они не питали особой ненависти, то есть не больше, чем ко всему остальному на свете, разве что сильнее прочего ненавидели аккуратное да благополучное. С самыми злобными гномами они порой даже заключали союзы. Но вот именно к роду Торина чувствовали эти гоблины исключительную неприязнь — в связи с войной, которую мы упоминали, но которая не вошла в эту историю. Впрочем, их не слишком заботило, кого они сцапали — главное, все сделали ловко да исподтишка, и пленники не смогли дать отпор.

— И кто эти жалкие создания? — спросил Большой Гоблин.

— Гномы и вот это, — ответил один из конвоиров, дернув хоббита за цепь так, что Бильбо, не удержавшись на ногах, упал на колени. — Они заночевали у нас на Переднем Крыльце.

— И с какими же намерениями? — спросил Большой Гоблин, обернувшись в сторону Тори-

на. — Не думаю, что с хорошими. Чтобы совать нос в частную жизнь моего народа, вот зачем! Наверняка, они еще и воры. Не удивлюсь, если в придачу убийцы и друзья эльфов. Ну, что скажешь?

— Гном Торин, к вашим услугам, — ответил Торин, и это был всего лишь оборот речи. — К тому, в чем вы нас подозреваете, мы не имеем никакого отношения. Мы остановились в месте, которое сочли удобной для ночлега и никем не занятой пещерой, у нас и в мыслях не было причинить гоблинам какие-либо неудобства, ни в коем случае!

— Угу, — хмыкнул Большой Гоблин. — Все это только слова. А могу я поинтересоваться, что, вообще, вы делаете в горах, откуда пришли и куда направляетесь? Рассказывайте все как есть. Хотя, не думаю, что это улучшит ваше положение — мне и так уже достаточно известно о твоем народишке, Торин с Дубовым Щитом. Только не ври, не то вас ждут крайне неприятные вещи.

— Мы отправились в дорогу, чтобы навестить наших родственников: племянников, племянниц, а также двоюродных и троюродных братьев, словом, всех потомков наших общих дедов, что живут к востоку от этих по-настоящему гостепри-

имных гор, — сказал Торин, который не был готов к ответу, но прекрасно понимал, что говорить правду ни в коем случае нельзя.

— Он врет, о наиужаснейший! — вмешался один из конвоиров. — Немало наших погибло в пещере от молнии, когда мы пригласили этих существ спуститься к нам вниз. Теперь наши товарищи мертвее, чем камни. А что он скажет про это? — он протянул Большому Гоблину меч, который достался Торину в логове троллей.

Увидев меч, Большой Гоблин взревел от ярости. А все остальные гоблины заскрежетали зубами, затопали ногами и загрохотали щитами. Меч они узнали с первого взгляда. Сотни гоблинов погибли от него во времена, когда светлые эльфы Гондолина убивали их у стен города и преследовали на холмах. Эльфы называли его Оркристом — Гоблинорезом, а сами гоблины — Кусакой. Они ненавидели этот меч, а еще сильнее — того, кто его носит.

— Убийцы и друзья эльфов! — заорал Большой Гоблин. — Бейте их! Рубите! Грызите! Волоките в темные змеиные норы! Не дайте снова увидеть свет!

Он так разъярился, что соскочил со своего камня и, оскалив зубы, бросился к Торину. В этот миг

в пещере вдруг погасли все огни, а костер пыхнул вверх, и до самого потолка поднялась башня из светящегося голубого дыма, из нее на гоблинов посыпались белые, прожигающие насквозь искры. Вой, визг, крики и вопли, писк и плач, хрип, рык, стон и скулеж, словом, нечто неописуемое. Сотня волков и диких кошек, которых всех разом живьем поджаривают на сковородке, не дала бы такого эффекта. Искры прожигали в гоблинах дырки, а спустившийся сверху дым был такой густой, что в нем ничего не видели даже их привыкшие к темноте глаза. Гоблины падали вповалку, и вскоре все или лежали кучами, или, словно взбесившись, катались по полу, пиная, кусая и колотя друг друга.

Внезапно Бильбо увидел светящийся собственным светом меч, который пронзил оцепеневшего от ярости Большого Гоблина. Тот рухнул замертво, а его охрана с воплями ужаса разбежалась по сторонам. Меч снова спрятался в ножны, спокойный строгий голос произнес:

— Быстро за мной! — и прежде, чем Бильбо сообразил, что к чему, он, снова замыкая цепочку, уже бежал со всех ног вслед за бледным огоньком вниз по темным коридорам, слыша, как постепенно затихают позади крики гоблинов.

— Поторапливайтесь, поторапливайтесь! — подгонял голос. — Скоро снова зажгут факелы.

— Погодите! — сказал Дори: он бежал предпоследним и оказался настоящим другом. Дори подсадил Бильбо себе на плечи, что было непросто из-за связанных рук, и гномы припустились бегом, позвякивая цепями и шатаясь на ходу — без свободных рук трудно держать равновесие. Поэтому вскоре они остановились, оказавшись к этому моменту уже в самом сердце горы. Гандальф зажег огонек на конце своего посоха. Конечно, это был Гандальф, хоть и не было времени выяснять, откуда он взялся. Он опять достал из ножен меч, и опять меч засветился в темноте собственным светом. Меч всегда мерцал от ярости, когда гоблины были поблизости, но сейчас это было яркое голубое пламя — от радости, что убит сам Хозяин Пещеры. Цепи тут же были разрублены и узники получили свободу. Надеюсь, вы еще не забыли — меч этот звался Гламдринг — Врагобой. А гоблины называли его Рубака и ненавидели еще сильнее, чем Кусаку*, если это, в принципе, возможно. Оркрист тоже оказался с ними, и тоже у Гандальфа — он выхватил его из рук застывшего от ужаса конвоира. Да, Гандальф одновременно заботился о многих вещах и, хотя

не мог всюду поспеть, частенько выручал друзей из затруднительных положений. Гандальф с поклоном вручил Торину его меч.

— Все здесь? — спросил он. — А ну, проверим: раз — это Торин, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, где Фили и Кили? Ага, вот они — двенадцать, тринадцать, а вот и господин Торбкинс. Ну что ж, могло быть и хуже, хотя, конечно, могло быть и лучше. Пропали пони, пропала поклажа, непонятно, где именно мы находимся, а за спиной у нас орда злющих гоблинов. Ну, двинулись!

Они двинулись. Гандальф был прав: уже стали слышны дикие крики гнавшихся за ними гоблинов. Гномы прибавили ходу — Бильбо не поспел бы за ними и при вдвое меньшей их скорости, ведь гномы, скажу я вам, в случае необходимости ступают невероятно широким шагом — поэтому они по очереди сажали хоббита себе на спину. Но крики и вопли все приближались и приближались — гоблины передвигаются быстрее, чем гномы, а эти гоблины к тому же лучше знали дорогу — сами проложили эти коридоры — и вдобавок были до предела разъярены. Скоро стал слышен топот гоблинских ног, немалого числа ног, который, казалось, доносился из-за

ближайшего поворота. Позади на сводах туннеля замерцал красный свет гоблинских факелов, а сами беглецы уже смертельно устали.

— Зачем, ну, зачем я бросил свою норку, — приговаривал несчастный Бильбо, колотясь о спину Бомбура.

— Зачем, ну, зачем мы взяли этого проклятого хоббита в путешествие за сокровищами, — приговаривал, то и дело спотыкаясь, несчастный толстяк Бомбур. От быстрого движения и страха он весь взмок и пот капал у него с кончика носа.

Тут Гандальф переместился в конец колонны, и Торин вместе с ним. Все как раз миновали крутой поворот.

— Кругом! — скомандовал Гандальф. — Торин, меч наголо!

Ничего другого не оставалось, хотя гоблинам это пришлось не по вкусу: с криком выскочили они из-за поворота, и холодное яркое сияние Гоблинореза и Врагобоя ударило в их широко раскрывшиеся от неожиданности глаза. Передние выронили факелы и едва успели издать вопль, как были зарублены. Бежавшие в середине заорали во все горло и отпрыгнули назад, сбив замыкающих с ног.

— Кусака и Рубака! — визжали гоблины в давке

и неразберихе.

Большинство гоблинов развернулось и поспешило унести ноги. Еще долго не отваживались они снова заглянуть за поворот. А гномы давно уже пустились в путь по бесконечным темным коридорам гоблинского царства. Когда гоблины все же обнаружили, что за поворотом никого нет, они послали в погоню за беглецами своих самых лучших, самых глазастых и чутких бегунов — те погасили факелы, надели на ноги мягкую обувь и помчались вперед в темноту проворно, словно хорьки, и бесшумно, как летучие мыши. Вот почему ни Бильбо, ни гномы, ни даже сам Гандальф не слышали погоню. А, тем более, не видели. А гоблины хорошо их видели, ведь Гандальф, чтобы осветить гномам дорогу, зажег на конце своего посоха слабый огонек.

Внезапно на Дори, который с Бильбо на плечах замыкал колонну, набросились сзади и повалили наземь. Он едва успел вскрикнуть. А хоббит, сорвавшись с его плеч, покатился в темноту, стукнулся головой о камень и потерял сознание.

---

*у**бер**ут хлеб и со**бер**ут ежевику — harvest**ing** and blackberry**ing**.

*называли его Р**убака** и ненавидели еще сильнее, чем К**усаку** — called it **Beater**, and hated it worse than **Biter**.

Глава 5
Загадки в темноте

Бильбо открыл глаза, но засомневался, действительно ли он это сделал: было так же темно, как с закрытыми глазами. И ни души вокруг. Представляете, как он испугался! Ничего не видно, ничего не слышно, а нащупать можно только каменный пол.

Он медленно приподнялся, встал на четвереньки и таким образом передвигался на ощупь, пока не уткнулся в стену туннеля. И нигде, ни сверху, ни снизу, ничего не было, совсем ничего. Никаких следов ни гномов, ни гоблинов. Голова кружилась, и он даже не мог точно определить направление, в котором они бежали в момент, когда он упал и потерял сознание. Снова почти наугад шел на четвереньках достаточно долго, как вдруг его рука наткнулась на лежащее на полу крохотное колечко из холодного металла. Не задумываясь, сунул колечко в карман (в тот момент от него было мало проку) — событие, которое стало поворотным пунктом в продвижении хоббита как грабителя*, но Бильбо об этом

пока не догадывался. Он еще немного прошел на четвереньках, потом сел на холодный пол и впал в полное отчаяние. Представил, что жарит на своей кухне яичницу с ветчиной, так как чувствовал, что уже пора подкрепиться, но стал от этого еще несчастней.

Он не знал, что предпринять, не знал, что произошло и почему он отстал от гномов. И, если отстал, отчего гоблины не схватили его, и отчего так болит голова? А дело в том, что, откатившись после падения с глаз долой — сознание из головы вон* — лежал он довольно долго в самом темном углу коридора.

Через некоторое время нащупал в кармане свою трубку. Она оказалась цела, и это было хоть что-то. После нащупал кисет, в нем было немного табаку — а это уже кое-что. Да только, как ни старался, спичек отыскать не смог, и все надежды его разлетелись вдребезги. Впрочем, это как раз хорошо, сообразил он, слегка опомнившись. Кто его знает, что могло выползти из темных нор этого ужасного подземелья на вспышку спички или запах табачного дыма. Но все же неудача со спичками совсем раздавила его. Правда, когда ощупывал себя и похлопывал по карманам, рука наткнулась на рукоять маленького меча — кин-

жала, который он добыл в пещере троллей и про который совсем забыл. К счастью, не заметили его и гоблины, так как кинжал скрывался в галифе из шерсти, растущей на ногах хоббита*. Он вытащил кинжал. Клинок светился тусклым холодным светом. «Так значит, он сделан эльфами, — догадался Бильбо. — И гоблинов поблизости нет, хоть они и не очень далеко».

Он немного успокоился. Все-таки это замечательно — держать в руке меч, выкованный в Гондолине для сражений с гоблинами, про которые сложено столько песен. Кроме того, он помнил, какое впечатление на гоблинов недавно произвели такие же клинки.

«Вернуться? — размышлял Бильбо. — Не стоит. Свернуть? Невозможно. Вперед? Единственная возможность. Итак, вперед!»

И он зашагал вперед, одной рукой касаясь стены, а в другой держа перед собой маленький меч. И сердце его трепыхалось и тарахтело в груди*.

Похоже, это было самым узким местом всего приключения*. Но для Бильбо все же не столь узким, как для нас с вами. Ведь хотя ходы хоббитов уютны, проветриваются свежим воздухом и совсем не напоминают гоблинские туннели, хоббиты гораздо лучше нас приспособлены к

передвижению под землей и не так-то легко теряют ориентацию — даже после удара головой о камень. Кроме того, они бесшумно ходят, хорошо прячутся, ушибы и ссадины на них быстро заживают, а еще хоббиты располагают большим запасом здравого смысла и мудрых поговорок, которые люди или никогда не знали, или давным-давно позабыли. Правда, я все равно не хотел бы оказаться на месте господина Торбкинса. Казалось, коридор бесконечен. И уверен был Бильбо лишь в том, что идет туннель все время вниз примерно в одном и том же направлении, несмотря на изгибы и один или два поворота. То и дело попадались боковые ответвления — Бильбо узнавал о них по начинавшему светиться мечу или же по скользнувшей в пустоту ладони. Он не обращал на них внимания, разве что старался побыстрее миновать, опасаясь, что из них выскочат гоблины или другие злые твари, которых даже трудно себе представить. Он все спускался и спускался в полной тишине, разве изредка летучая мышь порхнет над самым ухом — сначала он вздрагивал, а потом привык и перестал их замечать. Так вот и шел Бильбо, потеряв счет времени, выбиваясь из сил, не отваживаясь остановиться, пока не почувствовал, что утомиться сильнее

уже нельзя, а идти, наверное, придется и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра. Вдруг — ничто этого не предвещало — он с плеском вошел в воду. Ух! Она была ледяной. Бильбо резко остановился, словно осаженный поводьями конь*. Что это — просто лужа, пересекающий туннель поток или глубокое мрачное подземное озеро? Меч светился едва заметно. Он прислушался — кап-кап-кап — капли падали в воду с невидимого потолка, а больше не было никаких звуков.

«Значит, это не подземная речка, а большая лужа или озеро», — решил Бильбо. Но побоялся брести в темноте дальше. Во-первых, не умел плавать, а, во-вторых, подумал, сколько скользких чудищ с выпученными незрячими глазами, наверняка, извиваются в этой черной воде. Водоемы в глубинах гор населяют странные существа: рыбы, предки которых заплыли сюда давным-давно, да так и не выплыли обратно — глаза их все увеличивались и увеличивались в напрасных стараниях разглядеть хоть что-нибудь в окружающем мраке. Водятся там и другие обитатели, еще более скользкие, чем рыбы. Даже в тех туннелях и пещерах, что вырыли для себя гоблины, обитают неведомые им создания, заползшие откуда-то снаружи и схоронившиеся в темноте. А

некоторые пещеры существовали еще до гоблинов — гоблины лишь расширили их и соединили туннелями друг с другом — и старые хозяева до сих пор скрытно живут в самых дальних их углах, вынюхивая и подстерегая.

А здесь, глубоко под землей, у черных вод, жил старина Гам — небольшое скользкое существо. Не знаю, откуда он там взялся и кто он такой, или что оно такое. Просто Гам — темный как сама тьма, за исключением двух больших круглых белесых глаз на остром личике. Была у него лодка, на которой он быстро и бесшумно* плавал по озеру — потому как это было озеро: широкое и глубокое, и ужасно холодное. Греб большими ступнями, свесив их за борта лодки, да так, что даже ряби на воде не оставалось. Да, даже ряби от него не было. Белесыми, похожими на фары глазами, высматривал он в воде слепых рыб и с быстротой мысли хватал их длинными пальцами. Но любил и мясо. В том числе гоблинское — порой удавалось его добыть, при этом все делал так осторожно, что гоблины о его существовании не догадывались. Он подкрадывался сзади, когда какой-нибудь гоблин забредал к озеру, где шнырял Гам. Правда, забредали туда гоблины не часто. Было у них чувство — что-то опасное кроется там, в самом основании

гор. Давным-давно, когда гоблины прокладывали свои туннели, уперлись они в озеро и поняли, что дальше дороги нет, поэтому и не шастали к озеру, разве что посылал их туда Большой Гоблин — порой находила на него блажь поесть рыбки. И порой так и не мог дождаться он ни рыбки, ни отправленного за ней рыбака.

Обитал Гам на скользком скалистом островке на самой середине озера. Оттуда он и углядел Бильбо своими похожими на телескопы белесыми глазами. Бильбо его не видел, а Гам пристально разглядывал хоббита, недоумевая, что же это за непохожее на гоблина существо.

Потом он забрался в лодку и понесся по направлению к Бильбо, который растерянно сидел на берегу озера, чувствуя, что тут конец его пути и его силам. Вдруг, откуда ни возьмись, появился Гам и прошептал-прошипел:

— Ух ты, плюх ты*, мое сокровище! Роскошное пиршество! На худой конец, лакомый кусочек, гам-м-м!

Это «гам-м-м» вырывалось из его горла в результате отвратительного глотательного движения. Потому он и звался Гам, хотя сам обращался к себе «мое сокровище».

Заслышав шипение и увидев уставившиеся на

него белесые глаза, Бильбо подпрыгнул на месте.

— Кто ты? — выкрикнул он и выбросил вперед руку с клинком.

— А он кто, мое сокровище? — прошипел Гам (который всегда разговаривал сам с собой, так как больше было не с кем). Он, собственно, и приплыл, чтобы это выяснить, поскольку не испытывал сильного голода, а только любопытство, иначе он сперва схватил бы хоббита за горло, а потом бы уже шипел.

— Я — Бильбо Торбкинс. Отстал от гномов и от волшебника и не знаю, где я. Да и не хочу знать, а хочу отсюда выбраться.

— А что это у него в руке? — произнес Гам, глядя на меч, который ему очень не нравился.

— Это меч, — ответил Бильбо. — Клинок из Гондолина.

— С-с-с-с, — прошипел Гам, делаясь очень вежливым. — А что бы тебе не присесть да чуток с вот этим не покалякать*, мое сокровище? Оно, наверное, любит загадки? Так ведь?

Он решил разговаривать в дружелюбной манере, пока не разузнает больше про этот меч и не выяснит, правда ли, что хоббит тут один, хорош ли он на вкус, и действительно ли Гам хочет есть. Загадки были единственным, что он помнил.

Загадывать загадки и иногда отгадывать — единственная игра, в которую он давным-давно играл с такими же, как он, живущими в норах забавными существами, прежде чем не растерял друзей, не был изгнан и, оставшись один, не заполз глубоко вниз во тьму под горами.

— Я не против, — ответил Бильбо, решив на все соглашаться, пока не разузнает побольше об этом существе — может, оно тут не одно, может, оно свирепое или голодное, может, оно заодно с гоблинами.

— Только загадывай сначала ты, — продолжил хоббит, который не готов был вот так сразу вспоминать загадки.

Гам прошипел:

Деревья – травка перед ней,
и глубже нет ее корней.
Все вверх и вверх она идет,
хотя сама и не растет.

— Ну это просто, — сказал Бильбо. — Гора.

— Так оно хорошо отгадывает загадки? Тогда устроим соревнование, мое сокровище. Если загадку задаст сокровище, а оно не отгадает, мы съедим его, мое сокровище. А если оно загадает, а мы не отгадаем, то мы сделаем, как оно хочет.

Мы расскажем ему, как отсюда выбраться.

— Согласен, — ответил Бильбо, не решаясь возражать и ломая голову над тем, какую загадку загадать, чтобы не быть съеденным.

На алом холме
тридцать белых коней,
удила грызут,
копытами бьют,
а после стоят всех смирней.

Вот и все, что он смог вспомнить — ведь все время беспокоился о том, чтобы его не съели. Загадка старая, и Гам, конечно же, знал ее не хуже нас с вами.

— Старье, старье, — прошипел он. — Зубы, зубы. Правда, у нас, мое сокровище, их только шесть.

И он загадал вторую загадку:

Без крыльев, а летает,
без языка окликает,
кусает без зуба,
бормочет безгубо.

— Одну минутку! — воскликнул Бильбо, которого по-прежнему донимала мысль, что его сейчас съедят. К счастью, что-то подобное он уже

слышал раньше и смог переключиться на поиски ответа.

— Ветер, это ветер, — ответил он, и был так доволен собой, что сразу же вспомнил следующую загадку. Она должна поставить в тупик это маленькое противное подземное существо, — решил Бильбо.

На голубом лице глаз
и на зеленом лице глаз.
Похожи они?
Да! Только сверху один,
а другой снизу глядит на нас.

— С-с-с, — прошипел Гам. Он так давно обитал под землей, что ничего другого и не помнил. У Бильбо уже затеплилась надежда, что жалкое существо не отгадает его загадку, но тут Гам припомнил далекое-далекое прошлое, когда он вместе с бабушкой жил в норе, выкопанной на самом берегу реки.

— С-с-с, мое с-сокровище, — произнес он. — Солнце и маргаритка — вот что это такое.

Но все эти обычные загадки надземного мира раздражали его, напоминая о времени, когда он не был так одинок, коварен и жалок. Кроме того, от раздражения он проголодался и потому решил

загадать кое-что потруднее и понеприятнее:

Не разглядишь и не услышишь —
внутри горы и неба выше.
Она в начале, она в конце,
стирает радость на лице.

К сожалению (для Гама), Бильбо эту загадку знал, к тому же ответ окружал его со всех сторон.

— Тьма! — выпалил он, даже не почесав в затылке.

Сундук без замка, петель и крышки,
зато положили в него золотишко.

Он сказал это, чтобы выиграть время и придумать что-нибудь посложнее. Он считал эту загадку совсем простой и всем известной, хоть и слегка переделал ее на свой лад. Но для Гама она оказалась ужасно трудной. Он что-то шептал, шипел, бормотал, но ответа не было. Бильбо стал терять терпение.

— Ну так что? — сказал он. — Ответ вовсе не закипающий чайник, как можно заключить по звукам, которые ты издаешь.

— Дай нам еще попробовать, пусть оно даст нам еще попробовать, мое с-сокровище, с-с-с.

— Ну и? — сказал Бильбо после того, как эта

проба затянулась. — Где же ответ?

Но тут Гам вдруг вспомнил, как лазил за поживой в птичьи гнезда, а после, сидя на берегу, предлагал бабушке выпить добычу.

— Яйцо, это яйцо! — прошипел он. И загадал свою загадку:

И не дышит, а живая,
как могила, ледяная.
Пьет, когда не хочет пить.
Вся в броне, что не звенит.

Гам тоже считал, что это ужасно простая загадка, потому что сам постоянно думал о том, что сейчас загадал. Но ничего лучше не вспомнил, так как перенервничал, отгадывая загадку про яйцо. А для Бильбо это был крепкий орешек, поскольку хоббит избегал водоемов. Кроме того, даже если вы и не знаете ответ, то, наверняка, способны легко его отгадать, поскольку удобно расположились у себя дома и спокойно размышляете, не тревожась, что кто-нибудь вас съест. А вот бедный Бильбо, несмотря на то, что несколько раз откашливался, не знал, что сказать. Через некоторое время Гам довольно зашипел:

— Оно, наверно, нежное, мое сокровище, оно, наверное, сочное, оно, наверное, вкусняшка-хру-

стяшка*.

Из тьмы на Бильбо уставились его глаза.

— Минуточку, — дрожа, сказал Бильбо. — Я ведь только что дал тебе время подумать.

— Ему надо поторопиться, поторопиться, — прошипел Гам и стал выбираться из лодки на берег к хоббиту. Но, как только он опустил в воду свою длинную ступню с перепонками, из воды выпрыгнула испуганная рыба и упала Бильбо прямо на пальцы ног.

— Уф! — воскликнул Бильбо. — Какая холодная и склизкая!

И тут его осенило.

— Рыба, рыба! — закричал он. — Это рыба.

Гам был сильно разочарован, но Бильбо загадал следующую загадку с такой быстротой, что Гам был вынужден вернуться в лодку и призадуматься.

Безногое на одноногом,
двуногое сидит рядом на трехногом
и чего-то ждет четырехногое.

Не стоило это загадывать, но Бильбо очень торопился. Если бы не предыдущая загадка, Гаму пришлось бы поломать голову, но теперь догадаться, что такое «безногое», было несложно,

а отгадать после этого все остальное — совсем просто.

— Рыба на столике на одной ножке, рядом сидит человек на стуле, а кот ждет, когда дадут кости, — таков был ответ, и Гам вскоре его отыскал. Затем Гам решил, что настал час для загадки трудной и ужасной, и произнес:

Сгрызет дорогу и дубраву,
сожрет зверей и скосит траву,
убьет царя, разрушит город
и в порошок размелет гору.

Бедный Бильбо сидел в темноте и напряженно старался вспомнить имена всех известных ему из сказок великанов и людоедов, но ни один из них не был способен совершить все эти ужасные вещи. Что-то подсказывало ему, что ответ лежит в другой стороне, но он ничего не мог придумать. В душу к Бильбо стал закрадываться страх, а это мешает размышлять, и Гам вскоре снова выбрался из лодки. Он соскользнул в воду и побрел к берегу. Бильбо видел, как в темноте приближаются к нему светящиеся глаза. Язык прилип к горлу, он хотел сказать: «Дай мне еще время! Дай время!», но сумел лишь взвизгнуть:

— Время! Время!

Его спасло простое везение — конечно же, это был правильный ответ.

Гам опять был разочарован. Он разозлился еще больше, игра ему надоела. От всего этого он по-настоящему проголодался. На этот раз он не стал возвращаться в лодку, а сел в темноте бок о бок с Бильбо. Бильбо чувствовал себя ужасно неуютно, мысли его разбегались.

— Пус-сть оно задас-ст нам загадку, мое с-сокровище. Пос-следнюю загадку, — прошипел Гам.

Но Бильбо ничего не мог придумать, ведь рядом с ним сидело мерзкое холодное существо, трогало его и тыкало в него своими лапами. Сколько хоббит ни чесал в затылке, ни щипал себя, ничего не приходило ему в голову.

— Задавай, задавай! — не отставал Гам.

Бильбо еще раз ущипнул и шлепнул себя, потом правой рукой сжал рукоятку меча, а левой пошарил в кармане. И нащупал там кольцо, которое подобрал в туннеле и про которое успел забыть.

— Что у меня в кармане? — сказал он вслух. Он просто разговаривал сам с собой, но Гам решил, что это загадка, и был сбит с толку.

— Нечестно, нечестно! — заныл Гам. — Это нечестно, спрашивать нас, мое сокровище, что там в его гадких кармашках.

Бильбо понял, в чем дело, но решил не уступать.

— Что у меня в кармане? — еще громче сказал он.

— С-с-с, — зашипел Гам. — Пусть оно даст нам три попытки, мое сокровище, — три попытки.

— Хорошо, отгадывай! — согласился Бильбо.

— Рука! — сказал Гам.

— Неправильно, — ответил Бильбо, который, к счастью, только что вытащил руку из кармана. — Угадывай снова.

— С-с-с, — шипел растерявшийся Гам. Он перебирал в мыслях все, что лежало в его собственных карманах: рыбьи кости, зубы гоблинов, гниющие ракушки, кусок крыла летучей мыши, острые камни, о которые он точил клыки, и прочие мерзкие предметы. Он попытался представить, что может быть в карманах у остальных.

— Нож, — сказал он, в конце концов.

— Неправильно! — ответил Бильбо, который некоторое время назад потерял свой нож. — Угадывай в последний раз!

Гам выглядел еще более жалко, чем когда отгадывал загадку про яйцо. Шипел, что-то бормотал, раскачивался взад-вперед, шлепал ступнями по земле, извивался и ерзал, но никак не отважи-

вался истратить свою последнюю попытку.

— Давай! — поторопил Бильбо. — Я жду!

Бильбо постарался, чтобы это прозвучало бодро и уверенно, хотя вовсе не был уверен в исходе игры.

— Время вышло! — добавил он.

— Веревка или ничего! — взвизгнул Гам, тоже не совсем честно, давая сразу две отгадки.

— И то и другое неправильно! — с облегчением выпалил Бильбо, проворно вскочил на ноги и, выставив перед собой меч, прижался спиной к ближайшей стене. Конечно, он знал: пришедшая из глубокой древности игра в загадки — вещь святая, и самые испорченные существа не решались в ней жульничать. Но чувствовал — даже припертое к стенке это скользкое создание способно отвертеться от обещаний. Чтоб улизнуть, оно использует любую отмазку. Да и последний вопрос не был настоящей загадкой, на которую распространялись древние правила.

Так или иначе, но нападать на Бильбо Гам не стал. Ведь в руках у хоббита был меч. Гам продолжал сидеть на одном месте, дрожа и что-то бормоча. В конце концов, Бильбо надоело ждать.

— Ну, — сказал он, — как там твое обещание? Мне пора идти. Ты должен показать дорогу.

— Неужели мы это обещали, сокровище? Показать этому маленькому пакос-с-стному Торбкинсу выход отсюда? Да, да. Но что же у него там в кармашках? Это не веревка и не ничего, гам-м-м.

— Не твое дело, — ответил Бильбо. — Выполняй обещание.

— Да оно сердится, сокровище, — зашипел Гам. — Ему не терпится. Но придется потерпеть. Мы не можем сломя голову нестись вверх по коридорам. Сначала мы должны пойти и взять одну вещичку, да, вещичку, которая нам пригодится.

— Ладно, только давай быстрее, — сказал Бильбо, чувствуя облегчение от мысли, что Гам сейчас уйдет. Он решил, что это увертка, и Гам больше не появится. Его слова — явная отговорка. Что полезного могло быть у него среди этого мрачного озера? Но Бильбо ошибался — Гам собирался вернуться. Он был зол и проголодался. К тому же, в голове у этого жалкого зловредного существа сложился план.

Неподалеку лежал его остров, о котором Бильбо ничего не знал и на котором находился тайник, где Гам хранил всякий хлам, а среди хлама — одну прекрасную вещь, необычайно прекрасную, просто чудесную. Это было кольцо, золотое, драгоценное кольцо.

— Подарок ко дню рождения! — зашептал он самому себе. Он часто так делал в нескончаемые дни среди густого мрака. — Вот что нам нужно, вот что!

Оно было нужно ему, потому что у этого кольца было одно свойство: тот, кто надевал его, становился невидимым — разве что в самый солнечный день отбрасывал он слабую дрожащую тень, по которой и можно было его обнаружить.

— Подарок к моему дню рождения! Он достался мне в день рождения, мое сокровище! — так обычно он приговаривал. Но кто знает, как заполучил он его в стародавние дни, когда на свете было много таких колец? Об этом, наверное, не ведал даже тот, кто создал эти кольца. Сначала Гам надевал кольцо на палец, но потом это ему надоело, и он стал носить его в мешочке на шее, пока не натер кожу, и с тех пор прятал кольцо в расщелине скалы на своем острове, постоянно к нему возвращаясь, чтобы полюбоваться. Порой он надевал кольцо на палец — то соскучившись по нему, а то сильно проголодавшись и не желая опять есть рыбу. Тогда он крался вверх по темным коридорам, подстерегая одиноко идущего гоблина. И даже выходил под свет факелов — от этого глаза резало, приходилось все время мор-

гать, но Гам не боялся, что его заметят. Никто его и не замечал до тех пор, пока пальцы Гама не смыкались на горле жертвы. Всего несколько часов тому назад он, надев кольцо, поймал гоблина-подростка. Как же тот визжал! Гам даже припрятал косточку-другую, чтобы погрызть, когда снова проголодается. Но теперь ему захотелось чего-то более нежного.

— Бояться нечего, — шептал самому себе Гам. — Оно нас не разглядит, мое сокровище. А если не разглядит, то и противный маленький меч ему не пригодится, да, не пригодится.

Вот что было в его зловредной маленькой голове, когда он скользнул прочь от Бильбо, прошлепал по воде к своей лодке и уплыл в темноту.

Бильбо решил, что больше не увидит и не услышит Гама. Но некоторое время не двигался с места, потому что не знал, как отыскать выход из подземелья.

Вдруг он услышал вопль. Да такой, что дрожь пробежала у него по спине. Гам сыпал проклятиями и причитал во мраке — судя по звукам, совсем неподалеку от Бильбо. Он шарил по своему островку, искал и не находил.

— Где оно? Где? — Бильбо слышал его крики. —

Оно пропало, пропало мое сокровище. Прокляни нас, долбани нас*, пропало мое сокровище!

— Что случилось? — отозвался Бильбо. — Что ты потерял?

— Пусть оно не спрашивает, — завизжал Гам. — Это не его дело, гам! Оно потерялось, гам-м-м, гам-м-м, гам-м-м.

— Я тоже потерялся, — прокричал Бильбо. — И хочу найтись. Я выиграл, а ты обещал. Так что давай, выведи меня отсюда, а потом продолжай искать.

Причитания Гама звучали, конечно, жалко, но Бильбо не сильно ему сочувствовал, полагая, что вряд ли Гам с таким рвением разыскивает что-либо хорошее.

— Пошли! — закричал хоббит.

— Нет, не сейчас, мое сокровище! — ответил Гам. — Нам надо его найти, оно пропало, гам-м-м!

— Но ты не отгадал мою последнюю загадку, и ты обещал! — настаивал Бильбо.

— Не отгадал! — повторил Гам. И тут из темноты донеслось громкое шипение. — А что там у него в кармаш-шках? Пусть скажет. Пусть сначала оно скажет.

Собственно, Бильбо пока не видел причины не

отвечать. Гам сообразил быстрее, ну так он годы напролет думал о своем сокровище и всегда боялся, что его украдут. А Бильбо просто раздражала задержка. В конце концов, он выиграл, причем довольно честно и с немалым риском.

— Надо самому отгадывать, а не выспрашивать ответ! — сказал Бильбо.

— Но это был нечестный вопрос! — откликнулся Гам. — Это была совсем не загадка, мое сокровище.

— Ну, если мы уже просто отвечаем на вопросы, — сказал Бильбо, — то я спросил первый. Что ты потерял?

— Что там у него в кармаш-шках? — шипение становилось все громче и пронзительней, и Бильбо видел, что в него всматриваются две светящиеся точки. По мере того, как подозрения Гама росли, глаза его разгорались белесым светом.

— Так что ты потерял? — не отставал Бильбо.

Но тут свет, идущий от глаз Гама, позеленел и стремительно приблизился к хоббиту. Гам снова сел в лодку и бешено греб к темному берегу, и такая ярость от потери и подозрений бушевала в его сердце, что его уже не пугал меч. Бильбо не догадывался, что же так взбесило это дрянное существо, но понял: дело плохо — Гам, во что бы

то ни стало, хочет его убить. Не теряя времени, он развернулся и, касаясь левой рукой стены, побежал в темноте по коридору туда, откуда пришел.

— Что у него в кармаш-шках? — слышал он позади себя громкое шипение, а затем всплеск — Гам выпрыгнул из лодки.

— И правда, а что у меня там? — спотыкаясь и задыхаясь, подумал на бегу Бильбо. Он опустил левую руку в карман. Холодное, как лед, кольцо легко наделось на его указательный палец. Шипение раздавалось уже совсем близко. Бильбо повернул голову и увидел, что снизу к нему приближаются горящие, как маленькие зеленые фонари, глаза Гама. В ужасе он попробовал бежать быстрее, но споткнулся о выступ в полу и рухнул плашмя, придавив собой меч.

Через мгновение Гам был над ним. Но прежде чем Бильбо успел что-либо предпринять — перевести дыхание, подняться на ноги, взмахнуть мечом — Гам, шипя и сыпя на ходу проклятия, пробежал мимо, не обратив на хоббита никакого внимания. Что это значит? Ведь Гам видит в темноте. Даже сейчас, глядя ему в спину, Бильбо различал белесый отсвет от его глаз. Превозмогая боль, он встал, спрятал в ножны меч, который вновь слабо замерцал, и, крадучись, двинулся за

Гамом. А что еще было делать? Не плестись же обратно к озеру. Может, Гам, сам того не желая, выведет его наружу.

— Будь оно проклято, будь проклято! — шипел Гам. — Проклятье Торбкинсу! Оно пропало. Что у него в кармаш-шках? О, мы догадываемся, мы догадываемся, мое сокровище. Он нашел его, да, нашел. Мой подарок ко дню рождения.

Бильбо навострил уши. Собственно, он уже и сам начинал догадываться. Он прибавил ходу и приблизился к Гаму настолько, насколько посмел. Гам шел быстро, не оглядываясь, лишь поводя головой по сторонам — об этом говорили мелькавшие по стенам слабые отблески.

— Мой подарок ко дню рождения! Будь оно проклято! Как же мы его потеряли, мое сокровище?! Да вот когда последний раз тут проходили! Когда переломили хребет гадкому малолетнему визгуну. Вот когда! Будь оно проклято! Ускользнуло от нас после стольких лет! Пропало, гам-м-м!

Гам резко сел и зарыдал. Раздались жуткие свистящие и булькающие звуки. Бильбо замер и прижался к стене. Спустя некоторое время Гам прекратил плакать и заговорил. Похоже, он спорил сам с собой.

— Не надо отправляться туда на поиски, нет.

Ведь мы не помним точно, где мы были. Нет смысла. Оно в кармашках у Торбкинса. Этот противный проныра подобрал его.

— Это догадки, сокровище, одни догадки. Точно узнаем не раньше, чем схватим и выпотрошим эту гадкую тварь. Но ведь оно не знает, что за подарок у него, ведь так? Оно ведь будет просто держать его в кармашках. Не знает и не сможет далеко уйти. Оно заблудилось, гадкое пронырливое существо. Оно не знает выхода. Оно само так с-сказало.

— Оно с-сказало, да только оно коварное. Не с-скажет, что думает. Не хотело говорить, что у него в кармаш-шках. Оно знает. Знало, как сюда войти, значит, знает, как выйти. Оно пошло к черному ходу, да, к черному ходу.

— Там его схватят гоблинцы, мое сокровище. Там оно не сможет выйти.

— С-с-с-с, с-с-с, гам-м-м! Гоблинцы! Но если у него наш подарочек, гоблинцы заполучат его, гам-м-м! Они отберут его, они разберутся*, что к чему. Мы никогда больше не будем в безопасности, гам-м-м! Какой-нибудь гоблинец наденет его на палец и исчезнет. Станет невидимым. Даже наши умные глазки его не разглядят, а он гадко да негаданно* подкрадется и схватит нас, гам-м-м,

гам-м-м!

— Тогда хватит болтать, мое сокровище, давай поторопимся. Если Торбкинс идет туда, мы должны поспешить. Пошли! Это уже рядом. Быстрей!

Гам вскочил и, шаркая ногами, рванул вперед широким шагом. Бильбо с опаской поспешил следом, больше всего, правда, боясь, что снова зацепится за выступ в полу и с шумом упадет. Голова шла кругом от надежды и изумления. Так, значит, его кольцо — волшебное. Оно делает невидимым. Бильбо, конечно, знал, что такие встречаются в старых-старых сказках, но поверить, что он случайно нашел чудесное кольцо, было непросто. Но и не верить было нельзя — видящие в темноте глаза Гама не разглядели его с расстояния вытянутой руки. Они двинулись: Гам впереди, похлопывая-пошлепывая* ступнями по полу, шипя и сыпя проклятиями, Бильбо позади, крадучись по-хоббитски. Вскоре они поднялись к месту, где начинались боковые коридоры, которые Бильбо заметил, еще когда спускался к озеру. Гам принялся их считать:

— Первый слева, угу. Первый справа, угу. Второй справа, угу, угу. Второй слева, угу, угу, — ну и так далее.

По мере того, как числа росли, Гам замедлял

счет, он задрожал и захныкал — озеро осталось далеко позади, гоблины могли появиться в любой момент, а кольца у него не было. В конце концов, Гам остановился у низкого проема слева.

— Седьмой справа, угу. Шестой слева, угу, — пробормотал он. — Вот он, прямо к черному ходу.

Он вставил голову в отверстие и отшатнулся:

— Нам ведь нельзя туда, мое сокровище, ведь, правда? Там гоблинцы. Куча гоблинцов. Мы слышим их запах. С-с-с!

— Что же нам делать? Прокляни их, долбани их! Надо подождать здесь, мое сокровище, немного подождать. А там видно будет.

Вот все и застыло на мертвой точке. Гам наконец-то привел хоббита к идущему наружу коридору, но Бильбо не мог в него попасть! Прямо на входе в коридор сидел Гам, сгорбившись и от колена к колену покачивая низко опущенной головой. Глаза его поблескивали холодным светом.

Бильбо отделился от стены — тише, чем мышь, но Гам тут же замер, зашмыгал носом*, а глаза его позеленели. Раздалось негромкое сердитое шипение. Он не мог видеть хоббита, но был настороже, а жизнь в темноте обострила его слух и нюх. Он почти припал к каменному полу, чуть

ли не касаясь его носом — вытянув вперед голову и опираясь на вывернутые наружу широкие ладони. В слабом свете от глаз Гама был виден только его черный силуэт, но Бильбо заметил или почувствовал, что Гам напрягся, как тетива натянутого лука, и готов к прыжку.

Бильбо замер и затаил дыхание. Его охватило отчаянье. Необходимо выбраться наружу из этой отвратительной темноты, но у него уже не осталось сил. Нет, надо драться. Проткнуть это подлое существо, вырвать ему глаза, прирезать. Да, прирезать. Пусть это и неравный поединок. Ведь Бильбо невидим, а у Гама нет меча. К тому же он, откровенно говоря, не представлял угрозы для жизни Бильбо, да пока на нее и не покушался. А еще он был жалок, одинок и всеми позабыт. Вдруг из души у хоббита, их самой ее глубины, поднялось сочувствие и смешанная с ужасом жалость — словно промелькнули бесконечные неотличимые один от другого дни без света и надежды, жесткие камни, холодная, как лед, рыба, страх и шепот. Вспыхнувшая на секунду картина. Он содрогнулся. И тут же следом внезапно пришла еще одна вспышка — сил и решимости, которая словно подняла его в воздух. Он прыгнул.

Для человека не слишком-то выдающийся

прыжок — на два локтя вверх и на пять в длину — но ведь это был прыжок во тьму! Он едва-едва перепрыгнул через Гама, да зато, не подозревая об этом, не расшиб себе голову об арку низкого коридора.

Гам принял вертикальное положение и попытался поймать пролетающего над ним Бильбо, но было уже поздно — его руки ухватили только воздух, а Бильбо приземлился прямо на свои крепкие ноги и помчался вниз по спасительному туннелю. Он, конечно, не стал оборачиваться, чтобы посмотреть, чем там занят Гам. Шипение и проклятия звучали, будто над самым ухом у Бильбо, а затем вдруг смолкли. Но тут же раздался леденящий кровь вопль, полный отчаянья и злобы. Гам потерпел поражение. Идти вслед за Бильбо он не отважился. Он потерял все: и добычу, и единственную вещь, которая была ему дорога, свое сокровище. От этого крика сердце Бильбо едва не выскочило из груди, но он продолжал бежать. А сзади, уже, словно слабое эхо, долетали до него злые вопли:

— Вор, вор, вор! Вор Торбкинс! Ненавидим его! Навсегда ненавидим его!

Потом наступила тишина. Но и тишина эта показалась Бильбо угрожающей. «Если гобли-

ны совсем близко — так, что он почувствовал их запах, — размышлял Бильбо, — значит, они могли слышать его вопли и проклятия. Надо быть осторожнее, иначе этот коридор приведет к неприятностям».

Туннель был низкий и грубо вырубленный. Идти по нему было для хоббита нетрудно, если не считать того, что, несмотря на всю свою осторожность, он то и дело больно спотыкался о неровные камни. «Немного низкий для гоблинов, во всяком случае, для рослых гоблинов», — решил Бильбо, не догадываясь, что даже рослые горные орки очень быстро ходят по таким коридорам, согнувшись и почти касаясь руками пола. Тем временем туннель перестал идти вниз и стал подыматься, вскоре довольно круто. Это снизило скорость Бильбо. Но вот подъем кончился, туннель сделал поворот, стал резко снижаться, и Бильбо заметил в конце короткого спуска падающий из-за следующего поворота слабый свет. Да только не красный — от костра или фонаря, а белесый, идущий снаружи. Бильбо побежал. Припустившись со всех ног, он завернул за угол и неожиданно оказался на широкой площадке, озаренной, как ему показалось после долгого пребывания в темноте, ослепительно ярким светом.

На самом деле это был просто солнечный свет, прошедший через отворенную дверь, сделанную из огромного камня. Бильбо зажмурился, а когда открыл глаза, внезапно увидел гоблинов: гоблинов в полном вооружении, с обнаженными мечами — они сидели у двери и пристально за ней следили, следили они и за идущим к двери коридором. Они были настороже и наготове.

Гоблины увидели Бильбо раньше, чем он увидел их. Да, они его увидели. Была ли это случайность или же проделка кольца при переходе от владельца к владельцу, но на пальце его не оказалось. С криками восторга гоблины ринулись к Бильбо. Страх и чувство потери, будто эхо злосчастий Гама, ужалили Бильбо в самое сердце, и, забыв даже выхватить меч, он сунул руки в карманы. А кольцо было все там, в левом кармане, и сразу скользнуло на палец. Гоблины остановились на бегу. От хоббита не осталось и следа. Он исчез. Они снова закричали, так же громко, как в первый раз, но уже без прежнего восторга.

— Где он? — вопили они.

— Ушел обратно в туннель! — кричал кто-то.

— Туда! — орали одни. — Сюда! — горланили другие.

— Следите за дверью! — взревел командир.

Лязг доспехов, бряцанье мечей, свист, ругань и проклятия гоблинов, которые носились туда-сюда по площадке, сбивая друг друга с ног и все больше свирепея — поднялись ужасный шум и суматоха.

Бильбо страшно перепугался, но все же сообра-

зил, что стал невидимым, и юркнул за большую бочку с гоблинским питьем, унес ноги и потому не был раздавлен, растоптан или нащупан и схвачен.

«Надо добраться до двери! Надо добраться до двери!» — повторял про себя Бильбо, но прошло немало времени, прежде чем он рискнул. Дальше все было, как в жуткой игре в жмурки. По площадке гурьбой носились гоблины, Бильбо пытался увернуться, но на него все же налетел какой-то гоблин, к счастью, не сообразивший, во что это он врезался. Сбитый наземь Бильбо двинулся на четвереньках, удачно проскользнул между ног у гоблинского командира, затем вскочил и побежал к двери.

Она все еще была не закрыта, но кто-то из гоблинов уже почти совсем задвинул камень в проем. Бильбо попытался протиснуться в оставшуюся щель. Он протискивался, протискивался и застрял. Это было ужасно! Его заклинило — пуговицы на одежде уперлись в дверь и притолоку. В щель он видел, что только ряд ступеней отделяет его от узкой долины меж высоких гор. Солнце вышло из-за облака и озарило все снаружи ярким светом, но вырваться Бильбо не мог. Внезапно один из гоблинов заорал:

— На дверь падает тень! Кто-то стоит снаружи!

Сердце Бильбо едва не выпрыгнуло из груди. Извиваясь, он сделал отчаянную попытку. Во все стороны разлетелись пуговицы. Куртка и жилетка треснули по швам. Бильбо, как козел, поскакал вниз по ступенькам, а сбитым с толку гоблинам осталось лишь подбирать лежащие на пороге красивые медные пуговицы.

Конечно, они с гиканьем и улюлюканьем выбежали следом и попытались отыскать его, рыская между деревьями. Но гоблины не любят солнечный свет: на солнце у них начинают дрожать ноги и кружится голова. А у Бильбо на пальце было кольцо, и он быстро и бесшумно*, избегая солнечных мест, перебегал из тени в тень. Поэтому вскоре гоблины, ворча и кляня все на свете, вернулись стеречь дверь. Бильбо вырвался на свободу.

---

*стало поворотным пунктом в продвижении хоббита как грабителя — it was a turning point in his career. Career — быстрое движение и продвижение по службе.

*с глаз долой — сознание из головы вон — out of sight and out of mind (букв. с глаз долой, из

сердца вон).

*в галифе из шерсти, растущей на ногах хоббита — wore it inside his breeches. Breeches — штаны, но также длинная пышная шерсть на задних ногах, обычно на внешней их стороне.

*сердце его **трепых**алось и **тарахт**ело — heart all of a **patter** and a **pitter**.

*самое узкое место всего приключения — in what is called a tight place. Tight place — тесное пространство и трудное положение.

*словно осаженный поводьями конь — that pulled him up sharp and short. Pull up — остановить (лошадь, упряжку).

* Гам — Gollum, от глотательного движения.

*__быс__тро и __бес__шумно — **quite quietly**.

*__ух__ ты, пл__юх__ ты — **bless** us and s**plash** us.

*а что бы тебе не присесть да не покалякать чуток — praps ye sits here and chat with it a bitsy. Гам изъясняется на английском просторечье.

*вк__усняшка__-хр__устяшка__ — s__cru__mptiously __cru__nchable.

*пр__окляни__ нас, д__олбани__ нас — __cur__se us and **crush** us.

*они от__берут__ его, они раз__берут__ся. — they`ll **find** it, they`ll **find out**

*__гад__ко да не__гад__анно — c__reep__sy and t__rick__sy.

*по**хлоп**ывая-по**шлеп**ывая — **flip**-**flap**ping.

***зам**ер, **зашм**ыгал носом — **stiff**ened at once, and **sniff**ed.

***бы**стро и **бес**шумно — **qui**ck and **qui**et.

Глава 6
С противня да в огонь*

Бильбо спасся от гоблинов, но понятия не имел, где очутился. Пропали колпак, плащ, еда, пони, а также пуговицы и друзья. Он шел наугад, пока солнце не стало садиться — за горы! Тени от них упали на тропу, по которой брел Бильбо, и он оглянулся. А потом посмотрел вперед — хребты и склоны спускались к долинам, и то здесь, то там сквозь деревья проглядывали лужайки.

— Клянусь небесами! — воскликнул Бильбо. — Похоже, я на другой стороне Туманных Гор, прямо на краю Земли За Горами. Где же, о где же Гандальф и гномы? Только бы они вырвались из лап гоблинов!

Он брел дальше: перевалил за кромку небольшой горной долины и стал спускаться по склону, и все время его преследовала одна очень неприятная мысль. Он думал, не должен ли он, владея волшебным кольцом, снова отправиться в эти ужасные-преужасные туннели, чтобы выручить своих друзей. Он как раз решил, что это его долг, и надо вернуться — и от этого почувствовал себя

совсем несчастным — как вдруг услышал голоса.

Бильбо замер и прислушался. Не похоже, чтоб это были гоблины. Крадучись, он двинулся дальше. Слева стеной стояли скалы. Вдоль них, извиваясь, спускалась каменистая тропа. Справа тянулся вниз склон: кустарник и низкорослые деревца нависали над его лощинами. Из одной из лощин и доносились голоса. Он подкрался поближе и вдруг увидал меж двух валунов голову в красном колпаке — это был стоящий в дозоре Балин. Бильбо захотелось захлопать в ладоши и закричать от радости, но он этого не сделал. Ведь на пальце у него было кольцо — на случай, если встретится что-то неожиданное и неприятное — поэтому смотревший прямо на Бильбо Балин его не замечал.

«Пусть это будет для них сюрпризом», — решил Бильбо и вполз в кусты на краю лощины. Внизу Гандальф препирался с гномами. Обсуждали, что случилось с ними в туннелях, гадали и спорили, что делать дальше. Гномы ворчали, а Гандальф убеждал их, что негоже продолжать путь, оставив господина Торбкинса в лапах у гоблинов, даже не выяснив, жив он или мертв, и не попытавшись его вызволить.

— Помимо всего прочего, он мой друг, — наста-

ивал Гандальф, — и неплохой малый. Я несу за него ответственность. О, если б вы только его не потеряли!

А гномы недоумевали, откуда он вообще взялся, этот Бильбо, зачем отстал, а не бежал со всеми вместе, и почему нельзя было найти кого-нибудь потолковее.

— С ним больше мороки, чем от него пользы, — сказал кто-то из гномов. — Идти разыскивать его в эти мерзкие туннели? Да пропади он пропадом!

— Его взял я, — зло отвечал Гандальф, — а я не беру с собой ничего лишнего. Или вы идете со мной на поиски Бильбо, или я ухожу от вас, и выпутывайтесь из неприятностей сами. Если нам удастся его отыскать, то до конца нашего похода вы еще не раз меня за это поблагодарите. И как же ты только его обронил, Дори?

— Вы бы тоже обронили, если бы гоблины в темноте пнули вас в спину и одновременно дернули назад за ноги.

— Почему же ты не подобрал его?

— Силы небесные! И вы еще спрашиваете! Гоблины кололи мечами и грызли нас в темноте, все сталкивались и валились друг на друга. Вы чуть не снесли мне голову Гламдрингом, а Торин

тыкал во все стороны своим Оркристом. Да еще вы вдруг устроили ослепительную вспышку, и мы увидели, как, скуля, удирают гоблины. Вы закричали «Все за мной!», а, значит, все должны были двинуться за вами. Мы думали, что все и двинулись. Не было времени пересчитывать друг друга, пока мы не прорвались сквозь стражу у нижних дверей и не скатились кубарем в эту лощину. Тут-то и оказалось, что грабителя, будь он неладен, с нами нет.

— А грабитель тут как тут! — воскликнул Бильбо, входя в самую их середину и стягивая с пальца кольцо.

Все просто подпрыгнули на месте! А потом вскрикнули от удивления и восторга. И Гандальф изумился не меньше остальных, хотя и больше всех остальных был доволен возвращением Бильбо. Он окликнул Балина и высказал ему все, что думает о часовом, который не предупреждает о появлении нежданных гостей. В результате авторитет Бильбо в глазах гномов сильно вырос. Если раньше, несмотря на рекомендации Гандальфа, они не были уверены в грабительских способностях Бильбо, то теперь все их сомнения рассеялись. Больше всех был поражен Балин, но и остальные признали, что это была тонкая

работа.

Довольный похвалой Бильбо едва сдерживал смех и ничего никому не сказал о кольце. В ответ на расспросы гномов, как ему удалось так незаметно к ним подкрасться, Бильбо отвечал, что попросту тихонько прополз мимо Балина.

— Такое со мной в первый раз, — приговаривал Балин. — Раньше даже мышь не могла незаметно прошмыгнуть у меня под носом.

— Снимаю свой колпак! — добавил он и тут же проделал это со словами: — Балин, к вашим услугам!

— Бильбо Торбкинс, к вашим! — откликнулся хоббит.

Затем все захотели, чтобы Бильбо рассказал, что с ним приключилось после того, как он отстал от гномов. И он обо всем рассказал, только ни словом не обмолвился о кольце, решив — как-нибудь в другой раз. Гномы вздрогнули, когда Бильбо рассказал о Гаме, и всех сильно заинтересовала игра в загадки.

— А я уже ничего не мог придумать, когда он уселся рядом со мной, — продолжал Бильбо, — и спросил: «Что у меня в кармане?». И он не смог отгадать за три раза. Тогда я сказал: «Теперь выполни свое обещание и выведи меня наружу!»

Но он решил убить меня, я стал удирать от него, споткнулся и упал, и он пробежал мимо меня в темноте. А я крался за ним следом, так как слышал, о чем он разговаривал сам с собой. Он решил, что я знаю, где выход, поэтому сам к нему пошел. А потом уселся на входе в нужный туннель, так что мимо него не пройдешь. Тогда я через него перепрыгнул и побежал к двери.

— А как же стража? — спрашивали гномы. — Ее не было?

— Была! Да еще сколько! Но я их обхитрил. Правда, я застрял в двери, которая была едва приоткрыта, и потерял там почти все пуговицы, — он с грустью посмотрел на свою порванную одежду. — Но я все же протиснулся в щель, и вот я здесь!

Гномы с нарастающим почтением слушали рассказ хоббита: как он, словно в том не было ничего особенного, обхитрил стражу, перепрыгнул через Гама и протиснулся в едва приоткрытую дверь.

— А что я вам говорил? — посмеиваясь, сказал Гандальф. — Вы и не подозреваете о скрытых способностях господина Торбкинса!

И так лукаво посмотрел на хоббита из-под густых бровей, что Бильбо забеспокоился, не догадался ли Гандальф про то, о чем хоббит

промолчал. Бильбо тоже хотел о многом порасспросить, он ведь пропустил все, что Гандальф уже рассказал гномам. Его интересовало, откуда в пещере взялся волшебник, и где они теперь оказались. Гандальф, надо отдать ему должное, никогда не отказывался лишний раз поведать о проявленной им мудрости, поэтому он повторил для Бильбо, что, как и Элронд, всегда знал о существовании злых гоблинов в этой части гор. Но их главные ворота прежде выходили на другую дорогу, более легкую для подъема, чем та, по которой Гандальф повел свой отряд. Выскакивая из тех ворот, гоблины часто хватали путников, видимо, поэтому дорога постепенно заглохла, и гоблины сделали другой выход — в верхней части тропы, по которой шли гномы, причем сделали его совсем недавно, ведь до сих пор эта тропа считалась вполне безопасной.

— Попробую найти какого-нибудь великана, чтобы он завалил этот выход, — пообещал Гандальф, — А то скоро совсем через горы не пройдешь.

Как только Гандальф услышал вопль Бильбо, так сразу понял, что произошло. Вспышкой от своего посоха он убил схвативших его гоблинов и в последний момент успел протиснуться в щель

захлопывавшегося хода. Он двинулся за конвоирами и пленниками, вышел за ними на край Большой пещеры, а там сотворил волшебство, лучшее из всех, которые можно было сделать в полутьме.

— Щекотливое было дело, — признался Гандальф. — Все висело на волоске.

Но, конечно же, Гандальф был докой в магии света и огня (вот и Бильбо — надеюсь вы не забыли — навсегда запомнил волшебные фейерверки на праздниках у Старины Хвата в самую короткую ночь года). Остальное вам уже известно. За исключением того, что Гандальф знал о существовании Заднего крыльца — так гоблины называли нижний выход, где Бильбо растерял свои пуговицы. Честно говоря, о нижнем выходе были наслышаны все, чей путь проходил через горы, но надо быть волшебником, чтобы, сохраняя самообладание в гоблинских туннелях, вести отряд в нужном направлении.

— Этот выход они сделали давным-давно, — сказал Гандальф, — отчасти как запасной — на случай опасности, отчасти для прохода в предгорья, куда они совершают ночные набеги. Там всегда стояла их стража, и никому еще не удавалось этот гоблинский выход перекрыть. А теперь

они стражу удвоят, — Гандальф захохотал. Засмеялись и все остальные. Велики были их потери, да зато они убили Большого Гоблина и кучу других гоблинов, а сами спаслись, то есть, выходит, лучше и быть не могло. Но Гандальф посоветовал им не задирать нос.

— Пора в путь, — сказал он. — Мы уже немного отдохнули. А тени растут. И, как только стемнеет, сотни гоблинов бросятся за нами в погоню. Наш след они унюхают и через много часов после того, как мы оставим его на почве. Чтобы оторваться от них, нужно до заката пройти не одну версту. Если повезет, и небо не затянут тучи, будет светить луна. Гоблинам, конечно, луна не помеха, но нам легче будет отыскивать дорогу.

У Бильбо оставалось еще много вопросов.

— В гоблинских туннелях ты потерял счет времени, — отвечал Гандальф. — Сегодня четверг. Нас схватили в понедельник ночью или во вторник утром. Мы прошли много верст, спустились в самое сердце гор и вынырнули с другой стороны — срезали хороший кусок пути. Но отклонились от маршрута, вышли слишком далеко к северу и оказались в труднопроходимой местности. И пока мы еще довольно высоко в горах. Пора в путь!

— Я очень проголодался, — простонал Бильбо.

Он вдруг сообразил, что уже три дня ничего не ел. Только представьте себе, что это значит для хоббита! Живот у него прилип к спине, а ноги подкашивались. Весь его задор пропал.

— Могу предложить тебе отправиться обратно к гоблинам и попросить их вернуть наших пони с поклажей, — ответил Гандальф.

— Нет уж, спасибо, — сказал Бильбо.

— Тогда остается затянуть пояса и брести дальше — иначе ужин приготовят из нас, а это хуже, чем остаться без ужина.

Они двинулись, и Бильбо все время смотрел по сторонам в поисках чего-нибудь съестного, но ежевика еще только цвела, орехов, конечно, тоже не было, не было даже ягод боярышника. Он пожевал щавель и запил его водой из пересекавшего тропу ручейка. Съел вдобавок три ягоды земляники, сорванные на берегу того же ручейка, но этого было недостаточно. Они шли и шли. Неровная тропа оборвалась. Кусты, высокая трава меж валунами, выщипанный зайцами дерн, чабрец, полынь, душица, желтый зверобой — все осталось позади. Они стояли на кромке широкого крутого склона, усыпанного камнями — следами оползня. Стали спускаться, мелкие осколки камней и галька покатились из-под ног,

затем с треском поползли более крупные обломки, приводя в движение камни ниже по склону, и вот уже, громыхая и подымая клубы пыли, сдвинулись целые плиты. Вскоре весь склон, как выше, так и ниже их, пришел в движение, и все они, сбившись в кучу, ехали вниз среди грохочущей мешанины каменных глыб и осколков. Спасли их деревья, росшие в конце склона. Лавина вползла на опушку темного соснового леса, поднимавшегося из глубокой долины. Одни (в том числе хоббит) спрятались от камней за стволами, другие ухватились за стволы и закачались на нижних ветках сосен. Вскоре опасность миновала, оползень остановился, последние слабые раскаты грохота раздавались уже далеко внизу, где самые крупные камни, подпрыгивая, еще катились по папоротникам и корням сосен.

— Ну что ж, хоть немного, да подвезли нас, — сказал Гандальф. — И гоблинам, что пойдут по нашему следу, трудно будет бесшумно спуститься по склону.

— Зато им легко будет пустить камни сверху прямо на наши головы, — проворчал Бомбур.

Остальные гномы (и Бильбо) также не чувствовали особого счастья и потирали ушибы на ногах.

— Глупости! — сказал Гандальф. — Сейчас мы уйдем в сторону от этой осыпи. Но надо спешить! Скоро станет темно!

Солнце давно уже ушло за горы, вокруг сгустились тени, но сквозь стволы они видели: за темными вершинами растущих ниже по склону деревьев, далеко внизу на равнинах еще лежали лучи вечернего света. Прихрамывая, стали со всей возможной скоростью спускаться сквозь сосновый лес по идущей все время к югу пологой тропе. Порой приходилось протискиваться сквозь целые моря папоротника — высокие стебли раскачивались над головой у Бильбо. Порой беззвучно шагали по ковру из опавших сосновых иголок. А лесной сумрак все густел, все глубже становилась лесная тишина. И при полном штиле неподвижны были ветви деревьев

— Может, остановимся? — предложил Бильбо, когда стемнело так, что единственное, что он мог видеть, была развевающаяся рядом борода Торина, а тишина стояла такая, что оглушительным шумом казалось дыхание гномов. — Я сбил все пальцы на ногах, и ноги у меня ноют, а желудок болтается, как пустой мешок.

— Еще чуть-чуть, — ответил Гандальф.

После этого чуть-чуть, показавшегося века-

ми, неожиданно вышли на лесную прогалину, которую освещала поднявшаяся луна. И тут же почувствовали — место это нехорошее, хотя на вид все вроде было в порядке.

Вдруг сверху склона донесся вой, протяжный, леденящий сердце вой.

Затем ответный вой прозвучал справа, уже гораздо ближе к ним, а после вой раздался совсем недалеко слева. Это выли на луну волки, волки, собиравшиеся в стаю.

Хотя в окрестностях норы господина Торбкинса волки не водились, но ему были знакомы эти звуки. Он много о них слышал. Один из его старших двоюродных братьев (со стороны Хватов), знаменитый путешественник, часто выл по-волчьи, чтоб напугать Бильбо. Но услышать волчий вой в лесу при свете луны — это было уж слишком. Даже волшебное кольцо не убережет от волков — особенно от зловредного племени, жившего на краю Диких Земель, на самом пороге неведомого, на склонах, куда отбрасывали тень кишащие гоблинами горы, Нюх у волков был получше, чем у гоблинов, и, чтоб схватить добычу, им не обязательно было ее видеть.

— Надо что-то делать! — воскликнул Бильбо. — Спастись от гоблинов и попасть волкам

в зубы! — добавил он, и эти его слова стали поговоркой, хотя сейчас о подобных неприятных ситуациях мы говорим: «Из огня да в полымя» или «С противня да в огонь».

— Быстро на деревья! — прокричал Гандальф, и все побежали к деревьям на краю поляны, выискивая стволы с низкими ветками или достаточно тонкие, чтобы по ним можно было забраться вверх. Со всей возможной, поверьте мне, быстротой они вскарабкались настолько высоко, насколько позволяла толщина веток. Вы бы расхохотались (на безопасном расстоянии), увидев сидящих на деревьях длиннобородых гномов, будто это степенные старички вдруг тронулись умом и впали в детство. Фили и Кили, словно игрушки на новогодней елке, красовались на вершине лиственницы. Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин устроились на равномерно, словно спицы в колесе, отстоящих друг от друга ветвях огромной сосны. Бифур, Бофур, Бомбур и Торин влезли на сосну по соседству. Двалин и Балин взобрались на высокую тонкую пихту и примостились на ее верхних ветках. Гандальф был гораздо выше всех остальных, поэтому он выбрал стоящую на самом краю поляны высокую сосну, на которую не способны были влезть гномы, и спрятался среди

ее ветвей. Только глаза его посверкивали в лучах луны, когда он выглядывал из своего укрытия.

А что же Бильбо? Он не смог дотянуться ни до одной ветки и бегал от ствола к стволу, словно потерявший нору заяц, за которым гонится борзая.

— Опять мы бросили грабителя, — поглядев вниз, сказал Нори.

— Я не могу все время таскать его на горбу, — отозвался Дори, — то вниз в туннели, то вверх на деревья. Я вам не носильщик.

— Если мы ему не поможем, его съедят, — сказал Торин, поскольку вой раздавался все ближе и ближе, уже со всех сторон. — Дори! — крикнул он, так как Дори сидел снизу на дереве, на которое легче всего было забраться. — Ну-ка, живо дай господину Торбкинсу руку!

Несмотря на ворчливость, Дори был славный малый. Он спустился на самую нижнюю ветку и насколько смог вытянул руку вниз, но Бильбо никак не удавалось до нее дотянуться. Тогда Дори слез с дерева, и хоббит взобрался ему на спину. В этот момент на прогалину с воем рысцой выбежали волки. На гнома и хоббита уставились сотни волчих глаз. Но Дори и тут не бросил Бильбо. Он подождал, пока хоббит не встал ему на плечи и не влез на нижнюю ветку, а потом уже

сам запрыгнул на дерево. И сделал это очень вовремя: волк ухватил зубами край его плаща и едва не стащил гнома вниз. Спустя минуту стая волков с горящими глазами и высунутыми языками тявкала под деревьями, передними лапами напрыгивая на стволы. Но даже злые вурки* (так зовутся волки, живущие на рубеже Диких земель) не способны вскарабкаться на дерево. На время Бильбо и остальные могли почувствовать себя в безопасности. К счастью, погода была теплая и безветренная. В любом случае, дерево не годится для долгого на нем пребывания, но в холодную и ветреную погоду, в окружении поджидающих волков, дела стали бы совсем плохи.

Эта прогалина, очевидно, служила местом сбора волчьих стай. Волки все прибывали. Они оставили караул под деревом, на которое влезли Дори и Бильбо, затем обнюхали поляну, обнаружили все остальные деревья, где сидели гномы и Гандальф, и тоже поставили под ними караулы. Потом сотни и сотни волков, усевшись, образовали на поляне большой круг, в центре которого находился огромный серый волк. Он обратился к остальным на жутком наречии вурков, которое знал Гандальф. Бильбо этого языка не знал, но звучал он ужасно, словно обсуждали жестокие

и отвратительные вещи (так оно и было). Вурки то и дело дружно откликались на речь своего вождя, и от этих зловещих звуков Бильбо едва не падал с дерева.

Я расскажу вам, что разобрал Гандальф, и о чем мог только догадываться Бильбо. Вурки и и гоблины нередко действуют сообща. Гоблины, как правило, далеко от своих гор не уходят — если только их оттуда не выгонят и они не займутся поисками нового пристанища, или не отправятся на войну (чего, к счастью, давно не случалось). Зато они часто совершают вылазки, чтоб разжиться продовольствием и рабами. При этом зовут на помощь вурков, на которых порой, словно на лошадях, скачут верхом, а после делятся с ними добычей. Похоже, крупная вылазка гоблинов была запланирована именно на эту ночь. Вурки пришли на условленное место, но гоблины запаздывали. Причина была в смерти Большого Гоблина и во всей сумятице, вызванной гномами, Бильбо и волшебником, на которых гоблины, несомненно, продолжали охотиться.

Несмотря на все опасности, подстерегающие в этих диких краях, сюда постепенно возвращались с юга отважные люди, рубили деревья и строили себе жилища среди приветливых лесов

в долинах и по берегам рек. Их там уже было довольно много, люди эти были хорошо вооружены, поэтому вурки нападали на них только темной ночью или на совсем уж маленькие их группы. В эту ночь вурки вместе с гоблинами задумали совершить набег на ближайший к горам поселок людей. Они хотели уничтожить всех его жителей, за исключением немногих, которых гоблины увели бы в свои пещеры.

Жутко было все это слышать — не только из-за беды, нависшей над отважными лесорубами, их женами и детьми, но также из-за опасности, угрожающей Гандальфу и его спутникам. Вурки были сбиты с толку и злились, обнаружив в месте своего сбора незнакомцев. Они решили, что это товарищи лесорубов, которые хотят разведать планы вурков и сообщить о них людям в долине, а тогда гоблины и волки вместо того, чтоб загрызть или захватить в плен спящих, встретят ожесточенное сопротивление. Поэтому никто не должен был ускользнуть с деревьев, по крайней мере, до самого утра. Но еще до рассвета, говорили друг другу вурки, с гор спустятся гоблины, которые смогут влезть на деревья или срубить их. Думаю, вы поймете, отчего Гандальф, прислушиваясь к этому рычанию и повизгиванью, все

сильнее мрачнел — чувствовал, что, несмотря на все его волшебство, положение безвыходное. Да и что мог он сделать, сидя высоко на дереве в окружении поджидающих на земле волков? Впрочем, складывать руки он не собирался. Гандальф сорвал с веток огромные сосновые шишки. Затем зажег одну из них — вспыхнув ярким синим пламенем, она со свистом полетела вниз и попала волку в спину. Косматая шерсть тут же вспыхнула, и волк, отчаянно скуля, заметался по поляне. Следом одна за другой полетели шишки, горящие то синим, то красным, то зеленым огнем. Они ударялись о землю посреди волчьего круга, рассыпаясь разноцветными искрами и клубами дыма. Самая крупная шишка попала в нос вожаку стаи, тот подпрыгнул на добрую сажень вверх, а затем понесся по кругу, от ужаса и ярости полосуя клыками других волков.

Гномы и Бильбо закричали от радости. А волки словно взбесились, и шум от переполоха раскатился по всему лесу. Волки боятся любого огня, но этот огонь был для них смертельно опасным. Стоило искре попасть на волка, она словно прилипала к нему и разгоралась, спастись волк мог, только быстро катаясь по земле, иначе вскоре его целиком охватывало пламя. Немного погодя

повсюду уже катались по земле вурки, пытаясь загасить упавшие на них искры. Те, кому это не удалось, бегали по всей поляне и поджигали других, а нетронутые огнем волки гнали их прочь, и они с визгом и жалобным воем уносились вниз по склону в надежде найти воду.

— Что это за шум в лесу? — спросил Владыка орлов. Его силуэт чернел в лунных лучах на острой верхушке скалы, стоящей на восточном краю Туманных гор. — Я слышу волков. Не затевают ли гоблины злое дело?

Он взмахнул крыльями и резко взмыл вверх. Тут же с обеих сторон со скал за ним взвились его телохранители. Орлы описали в небе круг, рассматривая поляну с вурками — крошечное пятнышко далеко-далеко внизу. Но у орлов зоркие глаза, способные различать небольшие предметы на большом расстоянии. Владыка орлов мог, не мигая, смотреть на солнце, а при свете луны за версту углядеть бегущего зайца. И хотя он не заметил сидящих на деревьях, но различил крохотные огненные вспышки и сумятицу среди волков, а также расслышал едва доносившиеся снизу визг и вой. А еще бросились ему в глаза блестевшие в лунном свете шлемы и копья гоблинов — от Нижних ворот они вереницами спускались

по склону и скрывались в лесу. Орлов не назовешь добрыми. Часто они бывают коварными и жестокими. Но орлы древнего племени Северных гор — самые достойные из всех птиц: гордые, сильные, благородные. И они не любят гоблинов. Если гоблины попадались орлам на глаза (а это случалось не часто, ведь орлы таких существ не едят), то они загоняли визжащих гоблинов обратно в пещеры, пресекая все гоблинские мерзости. Гоблины же боялись и ненавидели орлов, но не могли добраться до их высоких гнездовий и выдавить из гор.

А в ту ночь Владыка орлов был полон любопытства: что же происходит в лесу? Он созвал стаю орлов, и они большими кругами стали медленно снижаться к поляне, на которой собрались вурки. И очень вовремя. Потому что внизу творились страшные вещи. Волки, что с огнем на шкуре убежали в лес, подожгли его в нескольких местах. Лето было в самом разгаре, и на восточных склонах гор дожди в эту пору шли редко. Пожелтевший папоротник, упавшие ветки, залежи хвои, поваленные стволы — скоро все было в огне. Огонь быстро подступал к поляне с вурками. Но волки, сторожащие под деревьями, не покидали свои посты. В бешеной злобе с воем

напрыгивали они передними лапами на стволы, проклиная гномов на своем ужасном наречии. Длинные языки свисали из их ртов, а глаза светились свирепым красным огнем. Вдруг на поляну с криками выбежали гоблины. Они решили, что тут идет бой с лесорубами, но быстро сообразили, что происходит. Одни с хохотом прямо-таки плюхнулись задами на землю. Другие трясли копьями и били их древками о щиты. Ведь гоблины не боятся огня. Вскоре у них созрел план, который они посчитали забавным. Одни гоблины согнали всех волков в тесную стаю. Другие обложили деревья с гномами хворостом и ветками папоротника. Остальные носились вокруг поляны, топая ногами и прибивая огонь к земле, прибивая и топая, пока не потушили почти все пламя — оставили только то, что горело рядом с деревьями, на которых сидели гномы. В этот огонь они подбросили листья, сухие ветки, папоротники. Вскоре все гномы оказались в кольце огня и дыма. Расширяться этому кольцу гоблины не давали, постепенно оно сужалось, и огонь лизнул наваленный под деревьями горючий материал. В глаза Бильбо лез дым, от огня становилось жарко, и сквозь дрожащий смрадный воздух видел он, как гоблины завели вокруг деревьев хоровод

— будто это веселая гурьба пляшет у костра в ночь летнего солнцестояния. На почтительном расстоянии от танцующих с копьями и топорами воинов, поджидая свой час, стояли волки.

А гоблины запели свою ужасную песню:

Сколько пташек уместилось на пяти на елках?

Их пятнадцать! Их пятнадцать! Вон их сколько!

Но у этих странных пташек крыльев нет!

Может, сразу всех пустить их на обед?

Отварить или зажарить? Потушить в горшочке?

С пылу с жару обглодаем всех без проволочки!

Потом они сделали паузу и закричали:

— Летите, пташки, летите, если можете! Слезайте, пташки, или зажарьтесь в своих гнездах! Пойте, пташки, пойте! Что ж вы не поете?!

— Убирайтесь отсюда, детки! — прокричал в ответ Гандальф. — Малы вы еще разорять птичьи гнезда! А проказливых детишек, что играют с огнем, строго наказывают!

Он хотел разозлить гоблинов и показать, что не боится их — хотя, конечно, ему было страшно, даже несмотря на все его волшебство. Но гоблины не обратили на него никакого внимания, а продолжили петь:

Дымите едко, листья и ветки!

Огонь шкварь, жарь! Свети, как фонарь,

сквозь копоть и гарь!

Йа-хэй!

Пусть гномы шкварчат, бородки трещат,

пусть лопнет их кожа, из дыр

закапает жир!

Пусть косточки гномов лежат на земле,

чернея в золе!

Йа-хэй!

Пусть гномы сгорят, нам ночь осветят,

чтоб гоблин был рад!

Йа-хэй!

Йа-хари-хэй!

Йа-хой!

На этом «Йа-хой» огонь подступил к сосне Гандальфа. А через мгновение был уже и под остальными деревьями. Кора занялась, затрещали в огне нижние ветки. Гандальф вскарабкался на самую верхушку. Как молния, сверкнул его посох. Волшебник собирался, спрыгнув с высоты, приземлиться в промежутке меж копий гоблинов. Тут бы и пришел ему конец, хоть и унес бы он с собой немало врагов, обрушась на них, как гром с ясного неба. Да только он не прыгнул.

С неба спустился Владыка орлов и, ухватив когтями Гандальфа, снова взмыл в высоту.

От неожиданности гоблины взревели. Громко вскрикнул Владыка орлов, которому что-то сказал Гандальф. Сверху огромными черными силуэтами слетели другие орлы. Завыли и заскрежетали зубами волки. Заорали и затопали ногами гоблины, тщетно бросая вверх копья. Орлы пролетели над ними, быстрые взмахи черных крыльев отшвыривали копья назад к земле, когти рвали гоблинам лица. Другие орлы подлетели к верхушкам деревьев и ухватили когтями гномов — те вскарабкались настолько высоко, насколько хватило отваги.

Бедного Бильбо опять едва не забыли. Все же

он успел ухватиться за ноги Дори, которого последним сняли с дерева. Они вместе взлетели над сумятицей и пожарищем — Бильбо раскачивался высоко над землей, руки, казалось, вот-вот оторвутся.

Внизу гоблины и волки далеко во все стороны разбежались по лесу. Несколько орлов продолжали описывать круги над поляной. Пламя внезапно поднялось над самыми высокими ветками, они затрещали в огне. Взметнулся столб из искр и дыма. Бильбо вовремя ускользнул!

Вскоре пожарище превратилось в мерцающий на черном фоне слабый красный огонек, они летели высоко в небе, подымаясь вверх по крутой спирали. Хоббиту никогда не забыть этот полет. Вцепившись в лодыжки Дори, он стонал: «Мои руки, мои руки», а Дори причитал: «Мои ноги, мои бедные ноги». У Бильбо и в лучшие-то времена от высоты всегда шла кругом голова. Ему делалось дурно, стоило, поднявшись даже на самую небольшую скалу, заглянуть вниз за ее край, не любил он пользоваться приставными лестницами, не говоря уж о том, чтоб лазить по деревьям (до сих пор ему не приходилось удирать от волков). Можете представить, как все плыло у него перед глазами, когда он бросал

взгляд меж своих болтающихся стоп на лежащие внизу широкие темные просторы с отблесками лунного света на скалах предгорья или на речках равнины. Белесые горные пики становились все ближе, озаренные луной зубцы скал выступали из черной тени. Хотя стояло лето, но было очень холодно. Бильбо закрыл глаза, не зная, как долго еще выдержат руки. Представил, что будет, если не выдержат. Его замутило. Полет кончился как раз вовремя — еще немного и руки бы, и вправду, не выдержали. С тяжелым вздохом выпустил он лодыжки Дори и рухнул на шероховатую поверхность орлиного пристанища. Он тихо лежал, дивясь своему спасению из огня и опасаясь, как бы не свалиться с узкой площадки в непроглядный мрак. В голове у него все звенело после жутких приключений последних трех дней, в течение которых он ничего не ел. И вдруг он услышал свой собственный голос:

— Теперь-то я знаю, что чувствует окорок, когда его вилкой снимают с противня и кладут в миску на полку.

— Нет, не знаешь, — ответил голос Дори. — Потому что окорок догадывается, что рано или поздно снова попадет на противень. А мы, надеюсь, нет. И орлы — это не вилки.

— О, конечно, орлы ни капельки не сойки, то есть не белки, ну то есть не вилки*, — ответил Бильбо, с опаской поглядывая на сидящего рядом орла. Бильбо забеспокоился, не наговорил ли он лишнего, и не показался ли орлу невежливым. Ведь существу размером с хоббита не стоит вести себя невежливо по отношению к орлу, тем более, если ты оказался ночью в его гнезде.

Но орел точил клюв о камень, чистил клювом перья и не обращал на Бильбо никакого внимания.

Вскоре появился другой орел.

— Владыка приказывает тебе доставить своих пленников на Большой Уступ! — прокричал он и улетел. Первый орел схватил Дори в когти и унес в темноту, оставив Бильбо в одиночестве. А у хоббита сил осталось лишь на раздумья, что значит слово «пленников», и не склюют ли его на ужин, как зайца. Тем временем пришла его очередь — орел вернулся, ухватил Бильбо когтями за плащ и камнем пошел вниз. На этот раз полет был недолгим. Вскоре орел положил дрожащего от страха хоббита на широкий каменный уступ на склоне горы. Сюда можно было только прилететь. Спуститься отсюда можно было, только спрыгнув с обрыва. На уступе, привалившись к каменной

стене, уже сидели все остальные. Владыка орлов тоже был здесь. Он разговаривал с Гандальфом.

Было похоже, что на этот раз Бильбо не съедят. Судя по всему, волшебник и Владыка орлов были знакомы и раньше и даже по-дружески расположены друг к другу. Дело в том, что Гандальф, который часто захаживал в горы, однажды вылечил раненного стрелой Владыку. Таким образом, «пленники» означало не добычу орлов, а «пленников, вырванных из рук гоблинов». Слушая Гандальфа, Бильбо подумал, что, впрямь и вправду*, они вскоре смогут выбраться из этих ужасных гор. Гандальф уговаривал Владыку орлов перенести гномов, его самого и Бильбо через равнины поближе к цели их путешествия. Но Владыка не хотел лететь в места, населенные людьми.

— Они станут стрелять в нас из своих больших тисовых луков, — возражал он, — решив, что мы охотимся на их овец. Мы и, вправду, порой так делали. Хорошо, что мы помешали гоблинским забавам, мы рады, что отблагодарили тебя, но мы не будем рисковать из-за гномов на этих южных степях.

— Ладно, — сказал Гандальф. — Отнесите туда, куда можете. Ну а сейчас мы умираем с голоду.

— Я уже почти умер, — произнес Бильбо таким

тонким и слабым голосом, что его никто и не услышал.

— Это нетрудно поправить, — откликнулся Владыка орлов.

Вскоре на уступе запылал яркий огонь, вокруг которого хлопотали гномы. Вкусно запахло жареным мясом. Орлы принесли на уступ сухие ветки для костра, а также зайцев и ягнят. Все делали гномы. Бильбо был слишком слаб, чтобы им помогать, да от него при свежевании зайцев или разделке ягнят не было бы проку, ведь мясник всегда доставлял ему уже разрубленное на куски мясо. Гандальф тоже улегся отдохнуть, выполнив свою часть работы — он разжег костер, так как Оин и Глоин потеряли огнива. (А спичками гномы не пользуются даже в наши дни).

Так закончились приключения в Туманных горах. Вскоре в животе у Бильбо стало тесно и уютно, он стал клевать носом, хотя, откровенно говоря, мясу, зажаренному на вертелах из веток, хоббит предпочел бы каравай с маслом. Свернувшись калачиком на твердом камне, он спал крепче, чем под периной в своей норке. Но всю ночь снился ему родной дом, и во сне бродил он по всем комнатам, напрасно стараясь отыскать то, не знаю что*.

---

*С противня да в огонь — Out of the Frying-Pan into the Fire. В оригинале названием служит английская поговорка (буквально: со сковородки да в огонь), по смыслу аналогичная русской из огня да в полымя, при этом спасение Бильбо и остальных сравнивается со снятием окорока вилкой со сковородки.

*вурки — wargs. Название выводят от wolf (ulfr) — волк и werg — истребитель, в переводе оно связано с вор, урка.

*орлы ни капельки не сой**ки**, то есть не б**елки**, ну то есть не в**илки** — not a bit like **storks** — **forks mean** (совсем не аисты, то есть не вилки)

***впр**ямь и **впр**авду — **really** and t**ruly**

*напрасно стараясь отыскать то, не знаю что — looking for something that he could not find nor remember what it looked like.

Глава 7
Странный приют

Наутро Бильбо проснулся оттого, что раннее солнце било ему прямо в глаза. Он вскочил на ноги, чтобы глянуть на часы и пойти поставить на огонь чайник — и тут обнаружил, что вовсе не дома. Поэтому снова сел, чувствуя несбыточное желание умыться и причесаться. Несбыточными желаниями были также чай, поджаренный хлеб и ветчина на завтрак. Вместо этого — холодные баранина и кролик. И после них надо было снова пускаться в путь!

На этот раз ему позволили взобраться орлу на спину. Он вцепился в нее, усевшись между крыльев. Пятнадцать огромных птиц взлетели с уступа. Ветер засвистел у хоббита над головой, и он закрыл глаза. «В добрый час!» — кричали гномы и обещали, если выпадет возможность, отблагодарить Владыку орлов. Солнце стояло еще совсем низко. Утро было холодное, туман лежал в долинах, то тут, то там обвивая горные пики и верхушки холмов. Бильбо приоткрыл глаза и огляделся. Они летели высоко над землей, горы

уже остались далеко позади. Бильбо снова закрыл глаза и крепче вцепился в орла.

— Не щипайся! — сказал орел. — И не трусь. Ты же не кролик, хоть и похож на него. Ясное утро и легкий ветерок. Что может быть лучше полета?

Бильбо хотел сказать: «Горячая ванна, а после неспешный завтрак на лужайке перед домом». Но решил ничего не говорить и ослабил хватку.

Прошло еще довольно много времени, и орлы, судя по всему, приметили с огромной высоты цель своего полета — делая широкие круги, они стали снижаться. Снижались долго, и хоббит снова приоткрыл глаза. Земля стала ближе, они летели над деревьями, похожими на дубы и вязы, и над поросшей зеленой травой равниной, по которой текла река. Она петлей обхватывала стоящий прямо в ее потоке огромный каменный утес — то ли передовой пост оставшихся далеко позади хребтов, то ли гигантский камень, заброшенный с гор на равнину великаном невероятного размера.

Орлы теперь уже быстро спустились на вершину утеса и ссадили своих седоков.

— Доброго странствия, — прокричали орлы, — где бы вы ни странствовали!* И да встретят вас в конце родные гнезда!

Такие слова орлы обычно говорят на прощанье.

— Пусть ветер под крыльями донесет вас туда, где реет солнце и гуляет луна! — откликнулся Гандальф, который знал, что надо ответить.

И они расстались. Впоследствии Владыка орлов стал Царем Птиц и надел золотую корону, а пятнадцать его спутников-орлов — золотые шейные обручи (которые сделали для них гномы), но Бильбо никогда их больше не видел — разве что на большой высоте и далеко в стороне во время Битвы Пяти Армий. Но так как про нее мы расскажем в конце всей истории, то сейчас ничего больше говорить не будем. С площадки на верхушке утеса спускалась к реке вереница наполовину стершихся ступеней. К лугам на восточном берегу потока можно было перейти по лежащим в воде плоским камням.

В конце ступенек рядом с бродом обнаружили они небольшую пещеру (вполне безопасную, с галечным полом) и укрылись в ней для обсуждения дальнейших действий.

— Я позаботился о том, чтоб перевести вас невредимыми (по возможности) через горы, — сказал волшебник. — И вот благодаря умелому руководству и удаче у меня это получилось. Более

того, я уже зашел на восток гораздо дальше, чем собирался, ведь, как-никак, а все это — не моя затея. Возможно, я еще приму участие в этом предприятии прежде, чем оно завершится, но в настоящий момент я вынужден переключиться на другие неотложные дела.

У гномов вырвались горькие стоны, они загрустили, а Бильбо заплакал. Все уже привыкли к мысли, что Гандальф будет с ними на протяжении всего пути, помогая выпутываться из неприятностей.

— Да я же не собираюсь исчезнуть сей момент, — продолжил Гандальф. — Еще день-другой с вами побуду. Возможно, помогу выбраться из этого бедственного положения. Да и самому мне нужна помощь. Ведь у нас не осталось ни еды, ни багажа, ни пони, и вы не знаете, где очутились. Но это я вам сейчас скажу. Мы, по-прежнему, находимся далеко к северу от тропы, по которой собирались идти и с которой в суматохе сошли в горах. Здесь почти никто не живет, если, конечно, с тех пор, как я пару лет назад сюда заходил, не появились новые обитатели. Но есть тут неподалеку некто, о ком я наслышан. Этот некто и сделал ступени на утес — на Скалок*, как он, если не ошибаюсь, его называет. Сюда он заходит не

часто, тем более, днем. И мы не станем его дожидаться. По правде говоря, он очень опасен. Мы должны сами его найти. И если встреча с ним окончится удачно, я вас покину, на прощанье пожелав, как орлы, доброго странствия, где бы вы ни странствовали.

Они умоляли Гандальфа не бросать их. Они сулили ему драконье золото, и серебро, и драгоценные камни.

— Поживем — увидим, — отвечал Гандальф. — Полагаю, я уже заработал немного этого драконьего золота — если вы, конечно, когда-нибудь его заполучите.

Гномам пришлось прекратить просьбы. Они разделись и искупались в прозрачной, каменистой и мелкой у брода реке. Потом обсохли в горячих лучах солнца и почувствовали себя отдохнувшими, хотя и слегка голодными, да еще ныли ушибы и ссадины. А после перешли речку по камням (перенеся хоббита на спине) и зашагали по высокой зеленой траве, спускаясь вдоль опушки, поросшей разлапистыми дубами и высоченными вязами.

— А почему утес называется Скалок? — спросил Бильбо идущего рядом Гандальфа.

— Он зовет его Скалок, потому что на его языке

это скалок. А так как этот утес неподалеку от его дома, то он и дал ему имя.

— Кто дал имя?

— Тот, о ком я говорю. Персона очень значительная. Поэтому, когда я буду вас ему представлять, ведите себя крайне вежливо. Я буду представлять вас понемногу, по двое. Главное, чтоб вы его не разозлили, а не то страшно подумать, что может произойти. Он ужасен в гневе, хотя довольно добродушен в хорошем настроении. А разъярить его, предупреждаю, не трудно.

Заслышав эти речи, гномы окружили Гандальфа:

— Это к нему ты нас ведешь? А нельзя ли найти кого-нибудь с более покладистым характером? А нельзя ли все объяснить попонятнее?

— Да, к нему! Нет, нельзя! Я объясняю все очень подробно! — сердито ответил волшебник. — Могу только добавить, что зовут его Медван*. Он очень силен и способен менять шкуру.

— Так он меховщик! Человек, который зовет кролика котиком, если не может выдать его за белку! — решил Бильбо.

— О небеса! Нет, нет, и еще раз нет! — воскликнул Гандальф. — Ничего глупее ты выдумать не мог! И ради всего святого не произносите слово

«меховщик» ближе, чем за сто верст от его жилья. А также «шуба», «тулуп», «горжетка», «манто» и прочие крайне неуместные слова. Он способен менять свою шкуру: порой он — огромный черный медведь, порой — здоровенный чернобородый человек. Больше ничего вам сейчас не скажу, а того, что уже сказал — достаточно. Одни говорят, что происходит он от гигантских древних медведей, которые жили в горах еще до великанов. Другие — что от людей, которые населяли эти края до Смарда и остальных драконов, до того, как с севера пришли в эти горы гоблины. Не знаю точно, но думаю, что правы последние. Спрашивать у него самого я бы не стал. Колдовство на него не действует. Живет он в дубовом лесу в деревянном доме. Держит скот и лошадей, и все его животные почти такие же необыкновенные, как он сам. Они на него работают и разговаривают* с ним. А он не употребляет их в пищу. Также не охотится на диких животных и не ест их. У него много ульев с большими злыми пчелами. Питается он, в основном, медом и сливками. В медвежьей шкуре уходит далеко от дома. Однажды я видел, как он сидел в одиночестве на самой вершине Скалока и смотрел на луну, что спускалась за Туманные горы. Я услышал, как он

прорычал на медвежьем языке: «Придет день, они сгинут, а я вернусь». Поэтому я и думаю, что он когда-то пришел сюда с гор.

Бильбо и гномам теперь было над чем поразмыслить, и они прекратили задавать вопросы. Идти предстояло еще долго. Они поднялись по склону и побрели вниз в долину. Становилось все жарче. Порой делали привал в тени деревьев. Бильбо от голода готов был есть желуди, но желуди еще не вызрели и висели на ветках. Было уже за полдень, когда то тут, то там стали попадаться островки одинаковых цветков, словно кто-то специально их высадил. Особенно часто встречался клевер: раскачивались петушьи гребешки пунцового клевера, немало было клевера красного, широко расстилались участки сладко пахнущего белого клевера. Воздух жужжал, гудел, дрожал. Повсюду сновали пчелы. Да еще какие! Бильбо никогда не видел ничего подобного. «Если такая укусит, меня раздует вдвое», — думал он. Пчелы эти были больше шершней. Трутни их превосходили размером ваш большой палец. Желтые полосы на их черных спинах сверкали золотом.

— Идти уже недолго, — сказал Гандальф. — Это пастбища для его пчел.

Немного погодя они подошли к полосе огром-

ных стародавних дубов, она опоясывала высокую живую изгородь из терновника, сквозь которую нельзя было ни пробраться, ни что-либо разглядеть.

— Ждите здесь, — сказал Гандальф гномам. — Отправитесь вслед за мной, когда я позову или свистну. Но, запомните, только по двое за раз и с промежутками между парами минут в пять. Бомбур — самый толстый и сойдет за двух, пусть в одиночку идет последним. Пошли, господин Торбкинс! Где-то тут должны быть ворота.

И Гандальф, прихватив с собой перепуганного хоббита, двинулся вдоль изгороди.

Вскоре они подошли к высоким и широким деревянным воротам, за которыми виднелись приусадебный участок и сама усадьба, состоящая из длинного и низкого деревянного дома и невысоких деревянных строений — амбаров, конюшен, сараев: некоторые были под соломенными крышами, некоторые — сложены из неотесанных бревен. За изгородью вдоль ее южного края ряд за рядом стояли ульи с соломенными крышами в форме колокольчиков. Огромные пчелы с жужжанием сновали в воздухе и теснились в летках. Гандальф толкнул отворившуюся со скрипом тяжелую створку ворот, они

вошли внутрь и по широкой тропе зашагали к дому. Несколько холеных лошадей с лоснящейся шкурой подбежало к ним по лужайке, осмотрело их пристально проницательными взглядами* и ускакало к усадьбе.

— Спешат сообщить ему о появлении чужаков, — сказал Гандальф.

Они вошли во двор — оградой ему с трех сторон служили сам дом и два его длинных крыла. На середине двора лежал здоровенный дубовый ствол, рядом — обрубленные с него ветви. Громадный человек, чернобородый и черноволосый, с узлами мышц на голых руках и ногах, ждал у ствола, опираясь на большой топор. Одет он был в доходившую до колен шерстяную рубаху без рукавов. Лошади стояли рядом, уткнувшись носами ему в плечи.

— Ага, вот и они, — сказал человек лошадям. — На вид не опасны. Ступайте себе!

Он расхохотался раскатистым смехом, отложил в сторону топор и шагнул навстречу.

— Кто вы такие, и что вам нужно? — грубовато спросил он, подойдя вплотную. Стало ясно, что он гораздо выше Гандальфа, а Бильбо запросто мог пройти у него между ног под подолом его рубахи — даже голову не пришлось бы нагибать.

— Я Гандальф, — ответил волшебник.

— Впервые слышу, — буркнул хозяин.

— А это что за малыш? — он нагнулся к хоббиту, насупив густые черные брови.

— Это господин Торбкинс — хоббит из очень достойной семьи с безупречной репутацией, — ответил Гандальф.

Бильбо поклонился. На нем не было шляпы, чтобы ее снять, и он с горечью вспомнил о недостающих пуговицах.

— Я — волшебник, — продолжил Гандальф. — И о тебе наслышан, хотя ты и не слыхал обо мне. Но ты, наверное, слышал о моем двоюродном брате Радагасте, что живет у южной опушки Мрачного леса.

— Да, я частенько его встречаю. Для волшебника он неплохой парень, — кивнул Медван. — Теперь я знаю, кто вы, или, по крайней мере, за кого себя выдаете. И что вам нужно?

— Откровенно говоря, мы потеряли всю свою поклажу и почти потеряли дорогу*, мы нуждаемся в помощи или, по крайней мере, в совете. Из-за гоблинов у нас в горах были неприятности.

— Из-за гоблинов? — переспросил хозяин уже чуть мягче. — Ого! У вас были неприятности из-за гоблинов? И зачем же вы к ним забрели?

— Это вышло нечаянно. Они неожиданно появились ночью у нужного нам перевала, когда мы шли сюда из Западных краев. Но это длинная история.

— Давайте лучше войдем внутрь, и вы мне обо всем расскажете, только чтобы это не заняло весь день, — сказал Медван и через заднюю дверь завел их со двора в дом. Они оказались в большом зале с очагом в самом его центре. Хоть снаружи стояло лето, в очаге горели дрова, и дым поднимался к закопченным стропилам, отыскивая затем выход через отверстие в крыше. Они прошли сквозь этот сумрачный зал, освещенный только огнем в очаге и отверстием над ним, и, выйдя в дверь поменьше, очутились на крытой террасе, крыша которой опиралась на столбы из цельных древесных стволов. Терраса смотрела на юг, и на ней было тепло и светло от лучей клонившегося к закату солнца. Прямо за ступеням террасы росли залитые солнечным золотом цветы.

Они уселись на деревянных скамьях, Гандальф начал рассказ, а Бильбо, покачивая недостающими до пола ногами, глядел на цветник и пробовал угадать названия цветов — половину их них он видел в первый раз.

— Я шел через горы с одним или двумя спутниками, — начал волшебник.

— Или двумя? Тут только один, вдобавок совсем маленький, — удивился Медван.

— Честно говоря, я не хотел сразу приводить большую компанию, не убедившись, что мы тебе не помешаем. Так я позову?

— Давай, зови.

Гандальф пронзительно свистнул и сразу же по огибающей дом дорожке из-за угла вышли Торин и Дори и, остановившись перед хозяином, низко ему поклонились.

— Ты имел в виду, с одним или тремя, — уточнил Медван. — Но это — не хоббиты. Это гномы.

— Торин с Дубовым Щитом — к вашим услугам! Дори — к вашим услугам! — гномы еще раз поклонились.

— Спасибо, я в ваших услугах не нуждаюсь, — отозвался Медван. — Подозреваю, что вам понадобились мои. Я не очень-то жалую гномов, но если правда, что ты Торин (то есть сын Траина, сына Трора) и твой товарищ — почтенный гном, и вы — враги гоблинам, и не делаете ничего дурного в моих землях… Кстати, а что вы тут делаете?*

— Они направляются в край своих предков, лежащий к востоку за Мрачным лесом, — вставил

Гандальф. — И только чрезвычайные обстоятельства привели нас в твои земли. Мы шли через Верхний перевал, собираясь выйти на дорогу, лежащую к югу от твоего жилища, но тут на нас напали злобные гоблины. Я как раз начал об этом рассказывать.

— Так продолжай, — ответил Медван, который не отличался вежливостью.

— Разразилась ужасная буря, появились каменные великаны и стали швыряться скалами, у самого перевала мы укрылись в пещере — я, хоббит и еще несколько наших товарищей.

— По-твоему, двое — это несколько?

— Нет, конечно. Но их было больше двух.

— И где же они? Убиты, съедены, вернулись восвояси?

— Нет, нет. Просто не все пришли, когда я свистнул. Должно быть, стесняются. Видишь ли, мы боялись злоупотребить твоим гостеприимством.

— Ну так свистни еще раз. Похоже, намечается вечеринка, и одним или двумя больше — какая разница? — проворчал Медван.

Гандальф снова свистнул, и Нори и Ори появились, казалось, еще до того, как свист смолк. Как вы, наверное, помните, Гандальф велел гномам отправляться к дому парами с промежутком в

пять минут.

— Привет! — сказал им Медван. — Что-то вы слишком быстро появились. Где прятались? Добро пожаловать, чертики из табакерки!

— Нори — к вашим услугам! Ори — к… — начали они.

— Спасибо, спасибо! — прервал их Медван. — Когда мне понадобится ваша помощь, я вам об этом скажу. Садитесь и давайте дослушаем вашу историю, а то мы и до ужина не успеем.

— Стоило нам уснуть, — продолжил Гандальф, — как через щель в стене в пещеру проникли гоблины и уволокли внутрь горы хоббита, гномов и весь караван наших пони…

— Караван? Вы что же, бродячий цирк? Или вы везли гору поклажи? Или вы называете караваном шесть пони?

— Честно говоря, там было больше шести пони, потому что и нас было больше, чем шестеро. Вот как раз еще двое.

Это появились Балин и Двалин. Они поклонились так низко, что их бороды подмели камни пола. Великан сначала насупился, но гномы были ужасно вежливы, они без остановки склоняли головы, отвешивали низкие поклоны и, держа в руках капюшоны, размахивали ими над самым

полом, и вскоре Медван прекратил хмуриться и зафыркал от сдерживаемого смеха.

— Точно, караван, — сказал он. — Караван клоунов. Добро пожаловать, весельчаки! Как же вас зовут? Мне не нужны сейчас ваши услуги, назовите только имена, а затем кончайте мельтешить и садитесь.

— Балин и Двалин, — ответили гномы и, не отважась обидеться на Медвана, ошарашено плюхнулись прямо на пол.

— Продолжим, — обратился Медван к волшебнику.

— А что же я? Ах, да — меня не схватили. Вспышкой света я убил нескольких гоблинов…

— Неплохо, — пробурчал Медван. — У волшебников тоже есть хорошие стороны.

— … и проскользнул в трещину прежде, чем она сомкнулась. Следуя за пленниками, я спустился в огромный зал, где столпились гоблины. Там был и Большой Гоблин, его окружали тридцать или сорок телохранителей. Я подумал: даже если бы они не были закованы в цепи, что может сделать дюжина против такого количества гоблинов?

— Дюжина? Первый раз слышу, чтобы восьмерку называли дюжиной. Или еще не все чертики выскочили из табакерки?

— Да, похоже, сейчас придет еще одна пара — Фили и Кили. — признался Гандальф. В этот момент они и появились и стали приветливо улыбаться и кланяться.

— Достаточно! — сказал Медван. — Садитесь и помалкивайте. Продолжай, Гандальф.

Гандальф продолжил историю и рассказал о схватке в темноте, о том, как нашли Нижние ворота, и как с ужасом обнаружили, что потерялся господин Торбкинс.

— Мы всех пересчитали, и оказалось, что не хватает хоббита. Нас осталось только четырнадцать.

— Четырнадцать? Первый раз слышу, что, если от десяти отнять одного, то выйдет четырнадцать. Или ты имел в виду «девять», или до сих пор не сказал еще обо всех своих спутниках.

— Ах, конечно, ты ведь еще не знаком с Оином и Глоином. А вот и они! Уж извини их, что тебя побеспокоили.

— Да пусть уж все заходят! Давайте быстрее! Вы, двое! Присоединяйтесь к нам и садитесь. Но, согласись, Гандальф, даже сейчас тут ты и десять гномов, да еще хоббит, который потерялся. Всего одиннадцать (плюс один запропавший), а вовсе не четырнадцать, если только у волшебников не свой особый счет. Но, пожалуйста, продолжай

свою историю!

Хотя Медван и старался этого не показать, рассказ Гандальфа не на шутку его заинтересовал. Ведь в прошлом он был хорошо знаком с каждым уголком гор, о которых вел речь волшебник. Он качал головой и что-то бурчал, слушая о возвращении хоббита, о езде на каменном оползне, о кольце волков на лесной поляне.

Когда Гандальф заговорил о том, как, спасаясь от волков, они залезли на деревья, Медван вскочил на ноги и стал расхаживать взад-вперед, бормоча:

— Жаль, меня там не было! Я бы устроил им кое-что получше фейерверка!

— Я старался, как мог, — отвечал Гандальф, довольный впечатлением, которое произвел на Медвана его рассказ. — Под деревьями бесновались волки, среди леса, то там, то здесь, вспыхивало пламя, и тут сверху на поляну выбежали гоблины и обнаружили нас. Они завопили от восторга и, потешаясь над нами, запели песню:

«Сколько пташек уместилось на пяти на елках?

Их пятнадцать! Их пятнадцать! Вон их сколько!..»

— Вот те раз! — проворчал Медван. — Только не говори, что гоблины не умеют считать. Гоблины хорошо знают, что двенадцать — это не пятнадцать.

— Я тоже это знаю. А вот и Бифур и Бофур. Я их еще не представил, но теперь самое время.

Появились Бифур и Бофур.

— А вот и я! — за ними, пыхтя, показался Бомбур. Толстяк был недоволен тем, что его оставили одного, не стал ждать положенные пять минут и отправился сразу же за Бифуром и Бофуром.

— Так, так. Вот вас и пятнадцать. И, поскольку гоблины умеют считать, думаю, что все сидевшие на деревьях уже здесь. И теперь, надеюсь, мы без перерывов дослушаем всю историю до конца.

Тут Бильбо понял, насколько мудро поступил Гандальф. Постоянные перерывы подогревали интерес Медвана к рассказу, а желание узнать, чем все кончилось, не позволяло вытолкать взашей гномов как подозрительных попрошаек. Медван без необходимости никого не впускал в свой дом. Друзей у него было немного, и все они жили вдалеке от этих мест. Да он никогда и не приглашал к себе больше чем двух друзей за раз. А тут целых пятнадцать чужаков сидели у него на террасе.

Пока Гандальф, заканчивая свой рассказ, говорил о том, как их спасли орлы, и как все они очутились на Скалке, солнце село за вершины Туманных гор и по двору протянулись длинные тени.

— Отличная история! — сказал Медван. — Давно такой не слыхал! Если бы такие рассказывали все попрошайки, я бы лучше к ним относился. Конечно, вы могли все это выдумать, но, так или иначе, а история заслуживает ужина. Пойдемте чего-нибудь поедим.

— О, будьте так добры! Большое спасибо! — ответили они хором.

В зале было уже темно. Медван хлопнул в ладоши и внутрь вбежала четверка очаровательных белых пони и несколько больших псов — серых, с длинными спинами. Медван обратился к ним на диковинном языке, сложенном из звуков, что издают звери. Животные вышли, но быстро вернулись, держа в зубах факелы, которые зажгли от очага и вставили в скобы, низко расположенные на столбах, окружавших очаг. Оказалось, псы были способны ходить на задних лапах, держа в передних ношу. Из-под стен они принесли столешницы и козлы и соорудили у очага столы. Затем послышалось блеянье, и в зал вошло

несколько белоснежных овечек, которых привел большой, черный, как уголь, баран. Одна из них принесла белую скатерть с вышитыми по краям фигурами животных, остальные несли на своих широких спинах подносы с чашами, тарелками, ножами и деревянными ложками, которые псы быстро расставили и разложили по столам. Столы были невысокими, удобными даже для Бильбо. Пони подтолкнули к ним два табурета с короткими толстыми ножками и плетенными из тростника широкими сидениями — для Гандальфа и Торина, а на дальнем торце стола поставили похожее черное кресло, в которое сел Медван, далеко вытянув под столом свои большие ноги. Это была вся находившаяся в зале мебель для сидения: такая же низкая, как и столы, — для удобства служивших Медвану удивительных животных. А на что же уселись остальные? Про них не забыли. Пони вкатили в зал похожие на барабаны чурбаки — гладко отполированные и также достаточно низкие, удобные даже для Бильбо. Вскоре все сидели за столами у очага в зале, который давно не видел столько гостей.

Такого ужина или обеда не было у них с того самого дня, как покинули они Последний Дружеский Дом Запада и распрощались с Элрондом.

Мерцал свет факелов и очага, а на столе горели две красные восковые свечи. Во время еды хозяин рокочущим басом рассказывал о пустынных землях по эту сторону гор, о сумрачном опасном лесе, что, загораживая дорогу на восток, тянулся с севера к югу на расстоянии дня пути от дома Медвана — о жутком Мрачнолесье.

Гномы слушали и трясли бородами, зная, что скоро придется войти в этот лес и что, за исключением гор, это самое опасное место на пути к логову дракона. Когда обед подошел к концу, гномы принялись рассказывать свои собственные истории, но Медван стал постепенно погружаться в дрему и слушал невнимательно. Говорили они, в основном, о золоте, серебре, драгоценностях, о кузнечном и ювелирном ремеслах, но Медвана, похоже, это вовсе не интересовало: в зале не было ничего, сделанного из золота или серебра, а металлическими были разве ножи. Все еще долго сидели за столом, потягивая медовуху из деревянных кубков. Снаружи сгустилась ночь. Факелы догорели, а в очаг подбросили дров. На путников падали теперь отблески пляшущих языков пламени, а позади уходили ввысь столбы, темнея вверху, словно лесные кроны. Замешано тут было колдовство или нет, но Бильбо слышал,

как среди стропил шумит ветвями ветер и ухают совы. Бильбо стал клевать носом, голоса гномов все удалялись, но вдруг он вздрогнул и проснулся. Большая дверь, скрипя, захлопнулась. Медвана в зале не было. Гномы, скрестив ноги, сидели вокруг огня и через мгновение затянули песню. Среди ее куплетов звучали и эти, но всех их было гораздо больше, ведь песня выдалась длинной.

Дул ветер в вереска полях,
но замерла листва в ветвях
в лесу густом, где даже днем
зло ползает внизу впотьмах.
А ветер дул с холодных скал,
на лес приливом набегал.
Поднялся свист, и с ветки лист,
крутясь, на землю пал.
Дул ветер прямо на Восход,
и лес затих, замолк. Вперед
катился шквал, и рев звучал
средь пустошей и средь болот.
Шатались стебли тростника,
бурлила на ветру река,
и над землей и над водой

неслись и рвались облака.
Над Одинокою горой —
теперь драконовой норой,
где серый дым над мхом седым,
прошел тот ветер верховой.
И от земли отчалил прочь
в широкую, как море, ночь,
где дуновения вольны
наполнить парус у луны,
раздуть созвездья во всю мочь.

Бильбо снова начал клевать носом, как вдруг поднялся Гандальф.

— Пора спать, — сказал он. — Нам, но, думаю, не Медвану. В этом зале мы сможем отдохнуть в полной безопасности, но не забывайте, что, уходя, сказал Медван: не суйте нос наружу, пока не взойдет солнце, или он за вас не отвечает.

Бильбо обнаружил, что для сна уже приготовлен помост между столбами и стеной зала. Бильбо достались небольшой набитый соломой тюфяк и шерстяное одеяло, под которое он с большим удовольствием забрался, хоть на дворе и стояло лето. Неярко горел огонь в очаге, Бильбо уснул. Но среди ночи он проснулся. В очаге дотлевали

угли, гномы и Гандальф, судя по их ровному дыханию, спали, высокая луна заглядывала в зал через отверстие в крыше, и на полу лежало белое пятно лунного света.

Снаружи доносились рык и скрежет когтей — будто в дверь скребся мощный зверь. «Не Медван ли это, превратившийся в медведя? — подумал Бильбо. — А вдруг он войдет внутрь и убьет нас всех?» Он нырнул с головой под одеяло и, несмотря на все свои страхи, снова заснул.

Когда Бильбо проснулся, стоял день. Кто-то из гномов — это был Бофур — споткнулся о спящего в полумраке хоббита, свалился с помоста, глухо ударился о пол и заворчал. Хоббит открыл глаза.

— Вставай, лежебока! Не то пропустишь завтрак.

— Завтрак?! — Бильбо подпрыгнул в постели. — Где завтрак?!

— В основном уже внутри нас, — откликнулись расхаживающие по залу гномы. — Но то, что осталось, ждет тебя снаружи под навесом. Как только взошло солнце, мы принялись разыскивать Медвана. Нигде его не нашли, зато наткнулись на накрытый стол с завтраком.

— А где Гандальф? — это Бильбо спросил уже на ходу, без промедления отправившись на поиски

завтрака.

— Куда-то отлучился, — ответили гномы. Но Гандальф не показывался до самого вечера. Уже на закате вошел он в зал, где ужинали гномы и хоббит. Еду им подавали чудесные животные, которые ухаживали за ними в течение всего дня. Но с прошлого вечера не было никаких известий о Медване, и гномы были озадачены.

— Где же наш хозяин?! И где ты сам пропадал весь день?! — хором закричали они.

— Задавайте вопросы по одному за раз. И после ужина. У меня с утра ни крошки во рту не было.

Но, в конце концов, Гандальф отодвинул от себя тарелку и кувшин — он умял два каравая хлеба (а к ним немало масла, меду и сметаны) и выпил пару кружек медовухи — и достал трубку.

— Сначала отвечу на второй вопрос, — сказал он. — Но, будь я неладен, это же отличный зал для пускания колец из дыма!

И долго еще не могли они добиться от волшебника ни слова: Гандальф был занят тем, что придавал кольцам всевозможные формы и цвета, обводил их вокруг столбов и выпускал друг за дружкой через отверстие в крыше. Снаружи, наверное, выглядела странно эта внезапно появившаяся вереница больших и маленьких

колец: зеленых, голубых, красных, серебристо-серых, желтых, белых; маленькие протискивались сквозь большие, соединялись, образовывая восьмерки, и, как стая птиц, уплывали вдаль.

— Я читал медвежьи следы, — сказал он наконец. — Прошлой ночью неподалеку отсюда медведи собрались на сходку. Во всяком случае, один Медван не смог бы оставить столько следов, да, вдобавок, они были разные: маленькие и большие, обычных размеров и гигантские. И все медведи плясали почти до восхода. Они пришли со всех сторон — кроме западной, то есть не из-за реки и не с Гор. Да, никто не пришел с запада, и один только след вел отсюда на запад. Я дошел по нему до Скалка. Там следы ушли в воду, но поток был слишком быстрым и глубоким, и я не стал его переходить. Вы помните, с этого берега до Скалка есть брод, но на другом берегу напротив Скалка — каменный обрыв над водоворотом. Мне пришлось пройти по берегу несколько верст, прежде чем я отыскал широкое мелководье, через которое перебрался вброд и вплавь. Затем, чтобы выйти на след, двинулся в обратном направлении. Но оставалось уже мало времени, чтобы идти по нему до конца. След шел к сосновым лесам на восточном склоне Туманных гор, как

раз туда, где позапрошлой ночью мы побывали на небольшой приятной вечеринке у вурков. Полагаю, я ответил и на ваш первый вопрос.

Бильбо решил, что понял смысл сказанного.

— Что же нам делать? — воскликнул он. — Он приведет сюда вурков и гоблинов? Они схватят нас и убьют. Ты же говорил, что он с ними не дружит!

— И, правда, говорил. Не дури, Бильбо! Иди лучше спать! Твоя сообразительность клюет носом!

Бильбо почувствовал, что оконфузился, осталось только идти спать. Он заснул под песню гномов, и во сне его маленькая голова все думала о загадочном Медване, и снились ему сотни черных медведей, которые на дворе у Медвана при свете луны водили грузный медленный хоровод. А потом он проснулся, когда все уже спали, и опять услыхал, как кто-то скребется и возится, сопит и ворчит за дверью*.

На утро всех разбудил сам Медван.

— Так вы еще здесь? — спросил он. Хохоча, он подхватил своей ручищей хоббита. — И тебя до сих пор не съели ни вурки, ни гоблины, ни злые медведи?

Он бесцеремонно ткнул Бильбо пальцем в жилетку.

— Наш зайчонок на хлебе с медом снова наел себе животик! — хмыкнул Медван. — Пойдем, продолжим!

Все отправились на завтрак. Медван был теперь гораздо приветливей, пребывал в отличном настроении и веселил всех своими историями. Его не пришлось расспрашивать, где он был и почему так подобрел к гостям — он все рассказал сам. Он ходил за реку и дальше в горы — из чего можете заключить, что перемещался он быстро, по крайней мере, когда был в медвежьей шкуре. Увидев выжженную волчью поляну, Медван убедился, что часть истории его гостей правдива. Но выяснил он не только это. Медван поймал бродивших в лесу вурка и гоблина. У них выпытал, что отряды гоблинов, разъяренные гибелью Большого Гоблина, до сих пор охотятся за гномами вместе с вурками, которые хотят отомстить за обожженный нос своего вожака и смерть его свиты от огня волшебника. А еще Медван понял, что готовится набег всей гоблинской рати вместе с вурками на предгорья, чтобы схватить гномов и наказать жителей предгорий за то, что приютили беглецов.

— Вы рассказали хорошую историю, — сказал Медван. — Но теперь она нравится мне еще боль-

ше: ведь я знаю, что это — правда. Простите, что не поверил вам на слово. Здесь, на краю Мрачного леса, верить на слово можно только тому, кого знаешь лучше брата. Но я спешил домой изо всех сил, чтобы убедиться, что вы в целости и сохранности, и чтоб помочь вам, чем только смогу. Теперь я гораздо лучшего мнения о гномах. Это ж надо — убить самого Большого Гоблина! — он мстительно рассмеялся.

— А что ты сделал с гоблином и вурком? — вдруг спросил Бильбо.

— Пойдем, глянем, — предложил Медван и повел их за собой вдоль дома к воротам.

Сразу за воротами стоял кол с насаженной на него головой гоблина, а рядом к дереву пригвождена была шкура вурка. К врагам Медван был беспощаден. Но для нашей компании он теперь стал другом, поэтому Гандальф, надеясь на помощь, рассказал ему о цели и всех обстоятельствах их путешествия.

Медван пообещал следующее. Он даст каждому пони, а Гандальфу — жеребца, которые довезут всех до Леса и которых он нагрузит едой. Еда эта позволит продержаться несколько недель, Медван упакует ее самым удобным для переноски образом: орехи, муку, сушеные фрукты — в

плотно закупоренные кувшины, мед — в горшки из красной глины, а также добавит запеченные в два приема долго не черствеющие лепешки, небольшого куска которых хватает на долгий переход. Эти лепешки были одним из его секретов; как почти во всем, что он ел, в них содержался мед, и были они приятны на вкус, правда, вызывали сильную жажду.

— Воду, — сказал Медван, — везти вам не придется: с этой стороны леса достаточно ручьев и родников.

— Но дорога через Лес будет темной, тревожной, тяжелой*, — продолжил он. — Непросто отыскать в нем еду и воду. Орехи еще не созрели (хотя они могут и отойти, прежде чем вы выйдете из леса), а орехи — почти единственное, что годится там в пищу. Звери в этом лесу диковинные, злые, лютые. Я дам вам мех**а** для воды, луки и стрелы. Но сомневаюсь, что вы найдете хоть что-нибудь годное для еды и питья. Пересекая тропу, течет там речка, быстрая и темная. Не пейте из нее и не купайтесь в ней: я слышал, что вода зачарована — от нее засыпают, а после теряют память. В лесных потемках вряд ли добудете вы что-либо, полезное или вредное, не сойдя с тропы. А вот этого не делайте ни в коем случае. Это все мои

советы. После того, как вы войдете в Лес, я больше ничем не смогу вам помочь. Рассчитывать придется лишь на везение, самих себя и еду, которую я вам дам. На опушке Леса вы должны будете отпустить всех моих пони и жеребца. Желаю вам счастливого пути, а дом мой всегда открыт для вас, если когда-нибудь снова попадете вы в эти края.

Они, конечно, поблагодарили его: без конца кланяясь, метя колпаками пол и повторяя «к вашим услугам, о, хозяин просторных деревянных хором!» Но все же после мрачной речи Медвана упали духом, осознав, что приключение оказалось гораздо более суровым, чем они предполагали, и даже если им и удастся избежать всех лежащих на пути опасностей, то в конце, как ни крути, их ждет дракон. Все утро ушло на сборы. После полудня в последний раз сели они вместе с Медваном за трапезу, а после взобрались на скакунов, которых он им одолжил, и, распростившись с хозяином, резвой иноходью выехали за ворота.

Миновав живые изгороди на восточном краю угодий Медвана, они свернули на север, а затем направились на северо-запад. Следуя совету Медвана, они отказались от главной дороги через

лес, начинавшейся к югу от его владений. Если бы они благополучно прошли перевал, то затем вышли бы намного южнее Скалка к месту слияния большой реки и текущего с гор потока. Там они должны были по довольно глубокому броду пересечь реку на пони (конечно, если бы пони у них остались) и двигаться к опушке и началу старой лесной дороги. Но Медван предупредил, что этим южным путем стали часто ходить гоблины, а сама лесная дорога, говорят, сильно заросла, ее восточная часть больше не используется и упирается в непроходимые болота, в которых теряются все тропы. Да и вывела бы эта дорога далеко на юг от Одинокой горы, и ждал бы их потом еще долгий и опасный переход. К северу же от Скалка Мрачный лес совсем близко подступал к реке Великой, и хотя Горы тоже близко к ней подходили, Медван советовал двигаться именно в этом направлении: там, в нескольких днях езды от Скалка, начиналась мало кому известная тропа, выводящая через Мрачный лес почти к самому подножью Одинокой горы.

— Гоблины, — предупредил Медван, — не рискуют ни приближаться к моему дому — ночью он хорошо защищен, — ни переправляться через реку Великую на сотни верст к северу от Скалка,

но все равно торопитесь: если они сейчас сделают вылазку, то переберутся через реку на юге и пойдут по краю Леса, чтобы вас от него отрезать, а вурки скачут быстрее, чем пони. Поэтому вам лучше ехать на север, хоть вы снова приблизитесь к логову гоблинов. Но этого они как раз не ожидают, а от переправы на юге им до вас еще надо будет добраться. Так что отправляйтесь, не мешкая.

Поэтому сначала, переходя на галоп на поросших травой ровных местах, они в молчании долго ехали вдоль черневших слева гор к окаймленной деревьями далекой реке. Они тронулись, когда солнце только начало клониться к западу, и до самого вечера путь шел по золотой от солнца равнине. Нельзя было все время думать о преследователях-гоблинах, и, когда уже много верст пролегло между ними и домом Медвана, они снова принялись вести разговоры и петь, позабыв о предстоящей дороге сквозь темный лес. Сгустились сумерки, закат озарил горные вершины, они разбили лагерь и выставили дозор, и почти все спали неспокойно, а в снах звучали волчий вой и крики гоблинов. Следующее утро опять выдалось ясным и солнечным. Белый, будто осенний, туман лежал на земле, было прохладно, но вот на

востоке поднялось красное солнце и туман рассеялся. Тени были еще длинными, когда они снова отправились в путь. Два дня ехали, не встречая ничего, кроме травы, цветов, птиц, одиноко стоящих деревьев и порой стаек благородных оленей: те или паслись, или — в середине дня — лежали в тени. Иногда Бильбо замечал лишь торчащие из высокой травы рога — поначалу он принимал их за сухие ветки поваленных деревьев. Медван объяснил, что путники должны добраться к началу лесной тропы утром четвертого дня, поэтому вечером третьего дня они, торопясь к цели, без остановки ехали в сумерках, а затем ночью при свете луны. В последних лучах дня Бильбо, казалось, видел, как поодаль, то слева, то справа, мелькает тень, похожая на огромного медведя. Однако, когда он отважился сказать об этом Гандальфу, тот в ответ бросил только: «Цыц! Не обращай внимания!»

Отдых был коротким и на следующий день они тронулись в путь еще затемно. Когда рассвело, увидели темную стену хмурого леса, который словно поджидал их или шел им навстречу. Равнина начала подыматься вверх и вверх, а хоббиту стало казаться, что их вбирает в себя тишина. Стали смолкать птицы, не было видно ни оленей, ни

даже зайцев. В полдень они подъехали к опушке Мрачного леса и расположились на отдых почти под самыми ветвями огромных лесных деревьев. Покрытые наростами стволы были неохватными, ветки — извилистыми, листья — длинными и темными. Плющ оплетал деревья и стелился по земле.

— Вот и он — Мрачный лес! — сказал Гандальф. — Самый большой из всех лесов Севера. Надеюсь, он вам приглянулся. А теперь пора отослать назад этих прелестных пони, которых вам дали на время.

Гномы недовольно заворчали, но Гандальф велел им не дурить.

— Медван гораздо ближе, чем вы думаете, и лучше вам сдержать слово, а не то наживете такого врага, как он. У Бильбо глаз поострей, чем у вас. А вы, значит, не разглядели, как каждый раз с наступлением темноты рядом бежал огромный медведь, и как ночью сидел он в лунном свете, охраняя ваш лагерь? Но провожал и стерег он не только вас. Еще он приглядывал за своими пони. Медван относится к вам по-дружески, но своих животных любит, как родных детей. И вы даже не подозреваете, чего ему стоило отпустить пони в такой дальний и стремительный поход, равно

как не догадываетесь, что с вами будет, стоит вам попытаться увести их в лес.

— А что же конь? — спросил Торин. — Ты не сказал, что собираешься отослать обратно коня.

— Не сказал, потому что я его не отсылаю.

— А как же твое обещание?

— Я его выполню. Я не отсылаю коня, потому что возвращаюсь на нем верхом.

Так они узнали, что Гандальф покидает их на краю Мрачного леса, и впали в отчаянье. Но, что бы они ни говорили, ничего менять он не собирался.

— Ведь все уже было решено, когда мы высадились на Скалок, — сказал Гандальф. — Нет смысла спорить. Я говорил, что на юге у меня неотложные дела, и я почти уже туда опоздал из-за того, что вожусь тут с вами. Может, мы еще встретимся до того, как все это закончится, а может быть, и нет. Все будет зависеть от вашей храбрости, здравого смысла и удачи. А, кроме того, я отпускаю с вами господина Торбкинса. Я уже говорил, что вы и не догадываетесь, на что он способен, и скоро вы в этом убедитесь. Так что не унывай, Бильбо, не будь таким мрачным! Не унывайте, Торин и компания! Ведь это же ваш поход! Думайте о сокровищах, а не о Лесе и драконе! По крайней

мере, до следующего утра!

Когда следующее утро настало, он сказал то же самое. Делать было нечего. Разве что наполнить мехи прозрачной водой из источника, который они отыскали у самого входа в лес, и снять с пони всю поклажу. Ношу распределили по справедливости, но Бильбо все равно посчитал, что его доля изнурительно тяжела, и, вообще, ему не нравилась сама идея верста за верстой тащить ее на собственной спине.

— Не волнуйся, — сказал Торин. — Ноша полегчает, и даже очень быстро. Скоро, когда еда подойдет к концу, мы будем горевать, что мешки слишком легкие.

Они распрощались с пони и развернули их в сторону дома. А те весело потрусили прочь, явно довольные, что во тьму Мрачного леса теперь глядят их хвосты. Бильбо мог бы поклясться, что, когда пони отбежали уже довольно далеко, кто-то, похожий на медведя, выскользнул из тени деревьев и резво потопал за ними вслед. Теперь пришел черед прощаться Гандальфу. Бильбо, сидя на траве, чувствовал себя очень несчастным и от всей души желал оказаться за спиной у волшебника на его рослом жеребце. После завтрака (прямо скажем, неважного) он уже заглядывал в

лес: утром тот был столь же темным, что и ночью, и выглядел таинственно. «Словно следит за тобой и тебя поджидает», — подумал Бильбо.

— Прощай! — сказал Гандальф Торину. — Прощайте и вы все! Идите прямиком через лес! И не сходите с тропы! Иначе — тысяча против одного — вы никогда не найдете ее снова и никогда не выберетесь из Мрачного леса, и не думаю, что я, или кто другой, снова когда-нибудь вас встретит.

— А так ли уж нам нужно идти прямиком через Лес? — пробормотал хоббит.

— Да, нужно! — ответил волшебник. — Если, конечно, вы хотите попасть на другую сторону. Нужно или идти через Лес, или бросить всю вашу затею. Но я не позволю тебе, господин Торбкинс, пойти на попятную. Стыдись! Я поручаю тебе приглядывать за всеми этими гномами! — рассмеялся Гандальф.

— Да я не это имел в виду! — оправдывался Бильбо. — Нет ли обходного пути?

— Есть, если вы пройдете еще двести верст на север, а потом — вдвое больше на юг. Но и тогда вам не выйти на надежную дорогу. Потому что тут нет надежных дорог. Не забывайте, вы пересекли границу Диких земель, и забавы подстерегают вас на каждом шагу. Если вы захотите обойти

Мрачный лес с севера, попадете на склоны Серых гор, а там просто не протолкнуться от гоблинов, гопгоблинов и орков самых гадких сортов. Захотите обойти лес с юга, попадете во владения Чернокнижника, а даже тебе, Бильбо, нет нужды рассказывать про этого злого колдуна. Не советую вам заходить на земли, которые он озирает с вершины своей черной башни. Вцепитесь в тропу, не падайте духом, надейтесь на лучшее, и, если вам крупно повезет, однажды вы бросите взгляд на Протяжные топи, а за ними, на востоке, увидите Одинокую гору, где живет старина Смард, который, надеюсь, совсем вас не ждет.

— Умеешь ты успокоить, — пробурчал Торин. — Не хочешь идти с нами, так ступай себе без лишних разговоров.

— Доброго пути! По-настоящему доброго! — сказал в ответ Гандальф, развернул коня и поехал на запад. Но все же не совладал с искушением оставить за собой последнее слово. Пока его еще можно было расслышать, он обернулся, приложил ко рту руки и прокричал на прощанье:

— В добрый путь! И, будьте добры, ведите себя осторожно!* И не сходите с тропы! — чуть слышно долетело до гномов.

Он поскакал прочь и вскоре пропал из вида.

— В добрый путь, и давай прочь!* — проворчали гномы, злясь еще и от тоски, охватившей их после отъезда Гандальфа. Начиналась самая опасная часть путешествия.

Они взвалили на плечи тюки и мехи с водой — каждый свою ношу — повернулись спиной к разлитому по равнине солнечному свету и нырнули в лес.

---

*Доброго **странствия**, где бы вы ни **странствовали**! — **Farewell** wherever you **fare.**

*Скалок — Carrock (от rock — скала).

***ра**ботают и **ра**зговаривают — w**ork** for him and t**alk** to him.

*Медван — Beorn (от bear — медведь).

*осмотрели их **при**стально **про**ницательными взглядами — look at them **int**ently with very **int**elligent faces.

*мы потеряли всю свою поклажу и почти потеряли дорогу — we have lost our luggage and nearly our way.

*не **делаете** ничего дурного в моих землях... Кстати, а что вы тут **делаете**? — are not **up to** any mischief in my lands — what are you **up to**, by the way?

***с**кребется и **во**зится, **с**опит и **во**рчит — **scrap**ing, **scuffl**ing, **snuffl**ing and growling.

*__т__емной, __т__ревожной, __т__яжелой — __d__ark, __d__angerous and __d__ifficult.

*В **добрый** путь! И, будьте **добры**, ведите себя осторожно! — **Good** bye! Be **good**, take care of yourselves.

*В **до**брый путь, и **да**вай прочь! — O **goo**d bye and **go** away.

Глава 8
Мухи и пауки

Шли они гуськом. В начале тропы два высоких, склонившихся друг к другу дерева образовали арку, за которой открывался мрачный туннель. Деревья эти были очень старые: их душил плющ, с них клочьями свисал лишайник, а на ветвях осталось всего несколько почерневших листьев. Узкая тропа словно хотела намотаться на очередной ствол, но соскальзывала с него и бежала дальше*. Скоро арка осталась далеко позади и сделалась маленьким светлым отверстием, а тишина стала такой глубокой, что в ней гулко отдавались шаги, и казалось, что деревья, прислушиваясь, нагнулись к идущим. Глаза привыкли к полумраку, так что в зеленоватом тусклом свете на небольшом расстоянии от тропы могли даже кое-что различить. Порой луч солнца, которому удалось проскользнуть сквозь щели в высокой листве и миновать переплетения ветвей и скрещения сучьев, тонкий, острый и яркий, вонзался в тропу прямо перед путниками. Но случалось это редко, а вскоре и вовсе прекратилось. Белки в этом

лесу были черные. Цепкий пытливый глаз Бильбо, который вскоре стал распознавать отдельные предметы, теперь замечал, как белки мелькали над тропой, молниеносно перепрыгивая со ствола на ствол. Странный шум — кряхтение, возня, шарканье — постоянно слышался среди подлеска и в самой палой листве, что пухлыми, без конца и края наваленными кипами устилала землю. Но источники шума оставались скрытыми от глаз. А отвратительнее всего была паутина: темная и густая, из необычно толстых нитей, она тянулась от ствола к стволу либо опутывала нижние ветки деревьев. Но путь им паутина не загораживала. Берегло тропу волшебство, или была какая другая причина, они не знали.

Прошло совсем немного времени, и всем сердцем возненавидели они Лес, как ненавидели гоблинские туннели, вот только надежд, что все это скоро кончится, было еще меньше. И надо было идти, идти и идти, хоть давно уже затосковали они по улыбке солнца и неба, заскучали по прикосновениям ветра. Здесь, под кровлей леса, воздух был недвижен — навеки замерший, мрачный, затхлый. Это тяготило даже привычных к своим туннелям гномов, порой подолгу обходившихся без солнечного света, а хоббиту, которому

нравилось устраивать в норе жилище, но вовсе не проводить в ней летние деньки, казалось, что его медленно душат.

Хуже всего было ночью. Тьма была как смола. Да что там — как смола! Это и была смола: такая черная, что сквозь нее невозможно было что-либо разглядеть. Напрасно Бильбо размахивал рукой у себя перед носом — руки он не видел. Впрочем, неправда, что ничего не было видно — видны были глаза. Гномы спали, тесно прижавшись друг к дружке, по очереди становясь на часы. Когда был черед Бильбо, в темноте по сторонам замечал он мерцание, а порой пара желтых, красных или зеленых глаз смотрела на него почти в упор, а затем медленно гасла, пропадала, и, потускнев, зажигалась поодаль. Порой глаза мерцали в ветвях прямо над головой, это было ужасно. Но меньше всего нравились ему похожие на луковицы белесые глаза. «Это не звери, — думал Бильбо, — это насекомые. Только очень большие». Поначалу, хоть и было еще довольно тепло, останавливаясь на ночлег, они разжигали и поддерживали до утра костер, да скоро перестали. Со всех сторон костер сразу окружали сотни глаз, правда, существа эти, кто бы они ни были, соблюдали осторожность, и ни

разу слабое мерцание огня не осветило их тел. Хуже того, на огонь слетались тысячи темно-серых и черных мотыльков, некоторые размером с ладонь: хлопая крыльями, они вились прямо у глаз. Это было невыносимо, равно как нестерпимы были громадные, черные, как фраки, летучие мыши*. Поэтому путники перестали разводить по ночам костер и с тех пор спали посреди безбрежной зловещей тьмы. Бильбо казалось, что все это тянется столетиями, постоянно хотелось есть, ведь еду строго экономили. Но дни шли за днями, вокруг ничего не менялось, и они начали беспокоиться, что еда рано или поздно кончится, ее уже осталось совсем мало. Попробовали подстрелить белку, потратили немало стрел, прежде чем удалось сбить одного зверька на тропу, но мясо оказалось отвратительным, и больше на белок не охотились. Пить тоже хотелось, потому что воды с собой было не слишком много, а за все время ни разу не попался на глаза ни родник, ни ручей. Так обстояли дела, когда тропу вдруг перерезал поток — неширокий, но быстрый и полноводный. И черный — по крайней мере, таким он казался в полумраке. Хорошо, что Медван их предупредил, а не то они бы непременно напились из него, несмотря на цвет, и наполнили бы

его водой пустые мехи. А так лишь задумались, как, не замочившись, перебраться на другую сторону. Когда-то здесь был деревянный мост, но он сгнил и обвалился — у берега осталось лишь несколько обломанных столбов.

Бильбо встал на колени у кромки воды и, вглядевшись в противоположный берег, воскликнул:

— На той стороне лодка! Жаль, не на этой.

— И далеко она? — спросил Торин, уже давно убедившийся, что самый зоркий глаз в отряде — у Бильбо.

— Не очень. Шагах в пятнадцати.

— А я бы сказал, что, по крайней мере, в сорока. Впрочем, глаза у меня уже не те, что были сто лет назад. Но пятнадцать шагов — все равно, что верста. Поток нам не перепрыгнуть. И мы не можем рисковать — переплывать или переходить вброд.

— Тогда пусть кто-нибудь бросит веревку.

— И что толку? Лодка, наверняка, привязана. К тому же, сомневаюсь, что удастся ее зацепить.

— Не похоже, что привязана, — ответил Бильбо, — хотя трудно что-либо разглядеть при таком освещении. Скорее, вытащена на берег там, где к воде подходит тропа.

— Самый сильный у нас Дори, но Фили — са-

мый молодой и видит лучше других, — сказал Торин. — Фили, иди сюда, погляди, сможешь ли ты углядеть лодку*, о которой говорит господин Торбкинс.

Фили решил, что сможет. Он долго всматривался в полумрак, чтобы определить направление броска, а гномы за это время принесли ему веревку. Они выбрали самую длинную и привязали ее конец к большому железному крюку. С помощью таких крюков они цепляли тюки с поклажей за заплечные лямки. Фили взвесил крюк на руке и затем бросил его через поток. Раздался всплеск.

— Недолет! — сказал пристально вглядывавшийся в тот берег Бильбо. — На локтя два дальше и ты бы попал в лодку. Давай еще раз. Вряд ли колдовство такое сильное, что тебе повредит прикосновение к мокрой веревке.

Однако когда крюк был притянут назад, Фили взялся за него с некоторым сомнением. На этот раз бросок был сильнее.

— Погоди! — воскликнул Бильбо. — Ты забросил его в лес. Тяни помаленьку назад.

Фили стал медленно выбирать, веревку и вскоре Бильбо предупредил:

— Поосторожней! Крюк в лодке! Есть надежда, что зацепится.

Он зацепился. Веревка натянулась и, как ни старался Фили, дальше не шла. Ему стал помогать Кили, потом Оин, потом Глоин. Они тянули изо всех сил и вдруг разом повалились на спины. Но Бильбо был начеку — ухватил веревку, а затем палкой придержал маленькую черную лодку, что примчалась с другого берега.

— Держите ее! — закричал Бильбо.

И Балин успел вцепиться в лодку прежде, чем ее унесло потоком.

— Все же она была привязана, — сказал он, глядя на болтавшийся на носу лодки обрывок линя. — Вы хорошо тянули и хорошо, что наша веревка оказалась крепче.

— Ну, кто едет первым? — спросил Бильбо.

— Я, — ответил Торин. — А еще ты, Фили и Балин. Больше лодка не выдержит. После Кили, Оин, Глоин и Дори. Затем Ори, Нори, Бифур и Бофур. И в конце Двалин и Бомбур.

— Я всегда в конце. Мне это не нравится, — отозвался Бомбур. — Пусть сегодня в конце будет кто-то другой.

— Не надо быть таким толстым. Приходится тебя сажать последним в лодку с наименьшей загрузкой. И не ворчи в ответ на мои приказы, это не доведет тебя до добра.

— А лодка-то без весел. Как же мы переберемся через поток? — снова спросил хоббит.

— Дайте мне еще одну веревку с крюком, — сказал Фили, и когда ее принесли, он бросил крюк как можно выше в темноту к другому берегу. На землю крюк не упал, а, значит, застрял в ветвях.

— Садимся в лодку, — сказал Фили. — Пусть кто-нибудь выбирает эту веревку. С собой возьмем крюк, к которому привязана первая веревка. Когда высадимся на тот берег, зацепим его за лодку, и вы притя**ни**те ее обратно.

Вот так все они вскоре переправились через заколдованный поток. Двалин как раз выходил из лодки с намотанной на руку веревкой, а Бомбур (продолжая ворчать) готовился последовать за ним, когда случилась беда. Раздался частый стук копыт. По тропе на берег из темноты выбежал олень. Он столкнулся с гномами, сбил их с ног, а сам весь подобрался перед мощным прыжком. После высоко взлетел и перемахнул через поток. Но уйти целым и невредимым ему не удалось. Торин один сохранил равновесие и самообладание*. Высадившись из лодки, он тут же положил на лук стрелу и натянул тетиву, на случай, если появится охрана переправы. Он без проволочки метко выстрелил в прыгнувшего оленя. Призем-

лившись, зверь споткнулся. Потом его поглотил сумрак, некоторое время был слышен стук запинающихся копыт, затем все стихло.

Но не успели гномы издать радостный крик, как отчаянный вопль Бильбо прогнал из их голов мысли об оленине.

— Бомбур упал в воду! Он тонет!

Так оно и было. Бомбур едва успел поставить на берег одну ногу, как, задев его, над ним пролетел олень. Бомбур пошатнулся, лодка отъехала от берега, он упал в черную воду. Гном вцепился в мокрые береговые корни, но руки его соскользнули, а лодка, медленно вращаясь, уплыла.

Когда гномы и Бильбо подбежали к берегу, из воды виднелся только колпак Бомбура. Они бросили ему веревку с крюком. Бомбур ухватился за крюк, и его вытащили на берег. Он вымок до нитки, но беда была в другом. Когда его положили на землю, он уже крепко спал, с такой силой зажав в горсти веревку, что им так и не удалось ее отобрать. И что они ни делали, он не просыпался.

Они все еще стояли вокруг него, проклиная злую судьбу и неуклюжесть Бомбура, жалуясь, что лодка уплыла, и они не могут отправиться на другой берег за оленем, как вдруг различили

слабый звук охотничьих рожков и далекий лай собак. Тут же замолчали, сели на землю, и в наступившей тишине им показалось, что слышат звуки большой охоты, идущей где-то к северу от тропы, но разглядеть так ничего и не смогли.

Долго еще сидели и молчали, не отваживаясь даже пошевелиться. Бомбур спал, и по его полному лицу блуждала улыбка, его больше не беспокоили тревоги, которые одолевали остальных. И тут на тропе появилась самка оленя с детенышами — фигуры их, настолько же белоснежно белые, насколько черным был олень, замерцали в полумраке. Прежде чем Торин успел что-либо сказать, трое гномов вскочили на ноги и пустили в оленей стрелы. Ни одна из них, похоже, не попала в цель. Звери развернулись и скрылись за деревьями так же бесшумно, как и возникли. Гномы только понапрасну стреляли им вслед.

— Хватит, хватит, — кричал Торин, но было уже поздно — гномы израсходовали все свои стрелы, и луки, которые им дал Медван, стали бесполезны.

Угрюмой стала ночевка, и угрюмость сгущалась изо дня в день. Они перебрались через поток, но тропа по-прежнему плутала среди деревьев, а в лесу ничего не менялось. Если б они лучше

знали этот лес, если б задумались над тем, что означают звуки охоты и появившиеся на тропе олени, то сообразили бы, что остался последний рывок до восточной опушки, и, если сохранят они мужество и надежду, то вскоре выйдут туда, где сквозь поредевшую чащу снова проглянет солнечный свет.

Но ничего этого они не поняли. Сменяя друг друга, по четверо, выбиваясь из сил, тащили тяжелого Бомбура, а остальные в это время, вдобавок к своей, несли поклажу этих четверых. В последние несколько дней поклажа стала совсем легкой, иначе они бы не справились, да только улыбающийся во сне Бомбур был плохой заменой продовольствию в заплечных мешках. А вскоре есть и пить стало совсем нечего, в лесу же ничего не росло, кроме поганок да травянистых растений с бледными листьями и неприятным запахом.

На четвертый день после переправы через зачарованный поток лес вокруг сделался преимущественно буковым. Вначале они этому обрадовались, потому что под буками не было подлеска, и сумрак стал менее глубоким. Меж деревьев разливался зеленоватый свет, и временами взгляд проникал в лесную глубину. Но видны были лишь нескончаемые ряды прямых

серых стволов, похожих на колонны гигантского сумрачного зала. Они чувствовали дуновения воздуха, слышали шум ветра, но это был невеселый звук. С деревьев с шелестом облетали немногочисленные листья, напоминая, что снаружи уже наступила осень. А под ногами шуршала сухая листва бессчетных листопадов, которую ветер сдувал с толстых красных лесных ковров.

Бомбур все спал, и они выбивались из сил. Временами до них издалека доносилось пение. Временами они с тревогой различали смех. Смех приятный, не гоблинский, и пели прекрасно, но все это было странно, жутко, и они старались как можно быстрее, насколько позволяла усталость, миновать эти тревожные участки леса.

Еще через два дня тропа пошла под уклон, и вскоре они оказались в ложбине, почти целиком заросшей могучими дубами.

— Будет конец этому проклятому лесу? — проворчал Торин. — Кто-то должен залезть на дерево и, если удастся высунуть голову над крышей, оглядеться по сторонам. Надо выбрать самое высокое дерево из тех, что нависают над тропой.

«Кто-то» значило Бильбо. Выбор пал на него, потому что от всей затеи был бы хоть какой прок, если б влезший на дерево смог выглянуть из

листвы на самой верхушке, а для этого годился кто полегче, кого выдержали бы тонкие верхние ветки. Бедный господин Торбкинс прежде не часто лазил на деревья, но гномы подсадили его на нижнюю ветку огромного дуба, что рос прямо посреди тропы, и, хочешь — не хочешь, пришлось карабкаться по стволу вверх. Бильбо протискивался сквозь переплетения ветвей, которые то и дело хлестали его по глазам. Весь заляпанный зеленью и запачканный* обветшалой корой веток потолще, несколько раз он срывался, но, вовремя за что-то зацепившись, избегал падения, и наконец, невероятным усилием преодолев участок, непригодный*, казалось, для подъема, очутился на самой вершине. Пока Бильбо взбирался, его не покидали две мысли: есть ли на этом дереве пауки и каким способом (кроме свободного падения) сможет он спустится на землю?

Добравшись до вершины, он проткнул головой крышу из листьев и тут и вправду увидел пауков. К счастью, это были обыкновенные небольшие пауки и охотились они на бабочек. Дневной свет почти ослепил хоббита. Снизу ему что-то кричали гномы, но он не отвечал — держался покрепче и только моргал: ярко сияло солнце, и прошло немало времени, прежде чем к нему привыкли

глаза. А когда привыкли, хоббит увидел вокруг море темной зелени, взъерошенное то тут, то там ветерком, и повсюду были сотни бабочек. Я думаю, это были радужницы, которые любят вершины дубов, только у этих на крыльях не было ничего багряного, а лишь глубокая бархатная чернота без всяких знаков на ней.

Долго смотрел он на бабочек, наслаждаясь прикосновениями ветра к коже и волосам, но, в конце концов, ответил гномам, которые призывали его заняться делом и от нетерпения топали ногами, Но ничего хорошего сказать он не смог. Сколько хоббит ни вглядывался вдаль, не было нигде ни конца ни края этому морю листвы. Душа его было воспарила на солнце под дуновениями ветерка, но теперь снова ушла в пятки: зачем возвращаться на землю, если там ни крошки еды?

На самом деле, как я уже сказал, они были совсем недалеко от лесной опушки, и Бильбо мог бы догадаться, что, хотя дерево, на которое он влез, было высоким, но росло оно на самом дне обширной низины, поэтому остальные деревья возвышались вокруг него, словно края огромной чаши, и понять, насколько еще простирается лес, было нельзя. Но он не догадался и спустился вниз в полном отчаянье, оцарапанный и запыхав-

шийся, снова ослепший в лесных сумерках. Его рассказ поверг остальных в такое же отчаянье.

— Лес тянется без конца во все стороны! И что нам делать?! Зачем мы только посылали наверх этого хоббита?! — кричали они, как будто Бильбо был в чем-то виноват. На бабочек им было наплевать, а рассказы о ветерке лишь сильнее их разозлили — гномы были слишком тяжелые, чтоб взобраться наверх и подставить лицо под поток воздуха.

Вечером они доели последние крохи, и, проснувшись поутру, обнаружили, что сильно голодны, а следом — что идет дождь и на землю падают тяжелые капли. Тут они почувствовали, что вдобавок очень хотят пить. Но толку от дождя не было: нельзя утолить жажду, стоя под огромным дубом и пытаясь поймать на язык дождевые капли. Некоторое утешение неожиданно принес Бомбур. Он вдруг проснулся, приподнялся, и, почесывая голову, сел на землю. Он не понимал, ни где очутился, ни отчего так проголодался, ведь он позабыл все, что было после того, как однажды майским днем они отправились в путь. Последним, что он помнил, была вечеринка в доме хоббита, и не сразу поверил он рассказам о случившихся затем приключениях. Когда Бомбур

услышал, что еды совсем не осталось, он снова сел на землю и заплакал, потому что ноги его не держали.

— И зачем только я проснулся! — причитал он. — Мне снились такие прекрасные сны! Будто разгуливаю я по такому же лесу, но только его освещают факелы на деревьях, и висящие на ветках фонари, и горящие на земле костры, а в лесу идет нескончаемый пир. Лесной король сидит в короне из листьев, раздаются веселые песни, и не счесть, не описать всего, что там едят и пьют.

— И не надо, — сказал Торин. — Лучше помолчи. Ты и так уже надоел. Если б не проснулся, оставили бы тебя в лесу вместе с твоими дурацкими снами. Это не подарок — на голодный желудок тащить тебя неделя за неделей.

Оставалось только потуже затянуть пояса на пустых животах, забросить за плечи пустые мешки и брести по тропе без особой надежды, что не свалятся без сил и не умрут с голоду, а выберутся из леса. Так они шли день напролет, медленно и устало*, а Бомбур без перерыва стонал, что ноги его не держат и он хочет лечь и уснуть.

— Еще чего! — возражали гномы. — Нет уж, пусть и твои ноги поработают. Хватит уже нам тебя таскать.

Но, в конце концов, он все равно заявил, что больше не может ступить ни шагу, и рухнул наземь.

— Идите дальше, — произнес он. — А я буду лежать, спать и видеть сны о еде, если только так ее и можно увидеть. Надеюсь, больше не проснусь.

Именно в этот момент шедший впереди Балин воскликнул:

— Глядите! В лесу мерцает огонь!

Они вгляделись: показалось, что вдалеке во тьме действительно мерцает красноватый огонек, а затем еще два появились рядом с первым. Тут даже Бомбур вскочил на ноги, и все поспешили вперед, совсем не опасаясь, что это могут быть тролли или гоблины. Огонек был впереди и чуть слева, но когда они поравнялись с ним, стало ясно, что среди деревьев горят костры и факелы, да только на значительном удалении от тропы.

— Похоже, сбылись мои сны, — отдуваясь, сказал идущий последним Бомбур. Он хотел напрямую рвануть к огням. Но остальные слишком хорошо помнили предостережения Гандальфа и Медвана.

— Не к добру пир, если с него живым не воротишься, — сказал Торин.

— Но и без него мы недолго протянем, — от-

ветил Бомбур, и Бильбо был полностью с ним согласен. Они долго спорили, обсудив все вдоль и поперек*, а в итоге надумали послать двух разведчиков, чтоб те подползли к огням и все получше разузнали. Но никто не хотел идти, опасаясь заблудиться и не вернуться. В конце концов, за них все решил голод, да вдобавок Бомбур без устали расписывал яства, которые он видел во сне на лесном пиру: они сошли с тропы и все вместе нырнули в лес.

Долго подкрадывались и подползали*, пока, выглянув из-за стволов, не увидели ровную площадку — на ней подчистую были вырублены деревья. В одежде зеленого и коричневого цветов широким кругом на отпиленных от стволов чурбаках сидели похожие на эльфов пирующие. В центре горел костер, к деревьям вокруг площадки были прикреплены факелы, но больше всего радовал глаз сам пир: сидящие ели, пили и весело хохотали.

Запах жареного мяса притянул с такой силой, что, уже не сговариваясь, всей гурьбой рванули они к кольцу пирующих в надежде выпросить еды. Но не успели ступить на площадку, как все огни исчезли, словно их погасило колдовство. Кто-то ногой подбил костер вверх, взлетел и потух

фейерверк сверкающих искр. Гномы и Бильбо тут же потонули в полной темноте, так что не могли даже сыскать друг друга. Бросались в суматохе во все стороны, бились о деревья, падали, споткнувшись о поваленные стволы, кричали и созывали остальных, разбудив все вокруг, пока, наконец, не удалось им сбиться в кучу и пересчитать всех на ощупь. Но теперь путники уже совершенно не помнили, в каком направлении осталась тропа: они безнадежно заблудились, по крайней мере, до утра.

Ничего не оставалось, как ночевать там, где оказались, они даже не отважились поискать на земле остатки еды — боялись, что не смогут потом снова собраться вместе. Но пролежали недолго — Бильбо едва успел задремать, как Дори, который нес дозор, громко прошептал:

— Огни опять зажглись вон в той стороне! Их стало больше!

Все вскочили. Невдалеке, действительно, появилось множество мерцающих огней, отчетливо были слышны голоса и смех. Крадучись, пошли гуськом на огни — каждый касался рукой спины впереди идущего. Когда подошли совсем близко, Торин сказал:

— На этот раз без спешки! Все остаются в укры-

тии, пока я не скажу! Для начала я пошлю на переговоры господина Торбкинса. Он не должен их напугать. («А они — меня?» — подумал Бильбо). В любом случае, они не должны сделать ему ничего плохого.

Подойдя к краю освещенного огнем круга, гномы неожиданно вытолкнули Бильбо вперед. Не успев надеть на палец кольцо, он, спотыкаясь, выскочил под яркий свет костра и факелов. Опять неудача! Огни снова исчезли, и все погрузилось во тьму.

В этот раз собраться всем вместе было еще труднее. И гномы никак не могли найти хоббита. Сколько ни пересчитывали друг друга, все время выходило тринадцать. Они принялись кричать: «Бильбо Торбкинс! Хоббит! Треклятый хоббит! Эй, хоббит, будь ты неладен, отзовись!» — и так далее в том же духе, но ответа не было. Они уже потеряли надежду его отыскать, как Дори, по счастливой случайности, споткнулся о Бильбо. Дори растянулся, зацепившись за то, что сначала принял в темноте за бревно, но это был свернувшийся калачиком спящий хоббит. Пришлось хорошенько потрясти Бильбо, чтобы он проснулся, но пробуждение его не обрадовало.

— Это был прекрасный сон, — пробормотал

он. — Я был на роскошном пиру.

— Гляди-ка! — воскликнули гномы. — Он прямо как Бомбур! Не надо пересказывать нам сны! От снеди во сне* никакого проку!

— Это самое лучшее, что есть в этом ужасном месте, — проворчал Бильбо, улегся рядом с гномами и попытался снова заснуть и попасть в тот же сон. Но огни в лесу продолжали зажигаться. Ночь уже была на исходе, когда несший дозор Кили разбудил остальных:

— Яркие огни неподалеку от нас! Словно по волшебству, вспыхнули вдруг сотни факелов и множество костров! Слышно, как поют и играют на арфах!

Некоторое время они, лежа, прислушивались, а потом поняли, что не смогут совладать с желанием опять подойти к огням и попросить помощи. Они подошли, и результат был жуткий. Пир, который они увидели, был еще великолепней прежних, и во главе пирующих сидел лесной король, точно такой, как во сне Бомбура, в короне из листьев на золотистых волосах. Эльфы пускали по кругу кубки, пели и играли на арфах. Цветы были вплетены в их поблескивающие волосы, на одежде и поясах сверкали зеленые и белые самоцветы, и радостными были их песни и лица.

Да, звучными, звонкими и стройными* были их песни, и Торин вышел к пирующим.

Мертвым молчанием прямо на середине слова сменилось пение. Погасли огни. Черным дымом взвились вверх костры. Зола и угли полетели гномам в глаза, и лес опять огласился их криками и стонами.

Через некоторое время Бильбо обнаружил, что бегает по кругу (так ему казалось) и кричит: «Дори, Нори, Ори, Оин, Глоин, Фили, Кили, Бомбур, Бифур, Бофур, Двалин, Балин, Торин с Дубовым Щитом!» А те, кого он звал, но не мог ни разглядеть, ни нащупать, бегали вокруг него, время от времени крича: «Бильбо!» Но крики их все удалялись и затихали, затем ему показалось, что сменились они далекими воплями и призывами о помощи, но, в конце концов, все звуки смолкли и он остался один в полной тишине и темноте.

Это был один из самых ужасных моментов в его жизни. Но вскоре Бильбо сообразил, что лучше ничего не предпринимать до наступления дня, который принесет хоть немножко света, и не бродить по лесу, напрасно тратя силы, без всякой надежды на завтрак, который мог бы их восстановить. Поэтому, прислонившись спиной к стволу, он сел на землю и в очередной, отнюдь

не последний раз, погрузился в воспоминания о своем далеком доме с обильной кладовой. Он уже глубоко ушел в мечты о ветчине, яйцах, масле и гренках, как вдруг что-то дотронулось до него. Что-то, напоминающее толстую липкую нить, легло ему на руку, и, когда он попробовал сдвинуться в сторону, оказалось, что ноги обвили такие же нити, он попытался встать и упал.

Большой паук, который опутал Бильбо во время его дремоты, вышел из-за дерева и набросился на хоббита. Бильбо видел только его глаза, но чувствовал прикосновения мохнатых лап паука, который обматывал хоббита своей гадкой паутиной. К счастью, Бильбо вовремя очнулся. Иначе вскоре он не смог бы даже пошевелиться. Но и так ему пришлось отчаянно сражаться за свою свободу. Он колотил паука кулаками, а тот старался ужалить Бильбо, чтобы утихомирить (так обычные пауки поступают с мухами), как вдруг хоббит вспомнил о мече и вытянул его из ножен. Паук отпрыгнул в сторону, и Бильбо смог разрезать путы на ногах. Теперь была его очередь нападать. Паук, очевидно, не встречал до этого существ с мечами на боку, иначе удирал бы быстрее. Бильбо бросился к пауку и воткнул меч ему в глаз. Паук словно обезумел: запрыгал, затан-

цевал, отчаянно взбрыкивая ногами, но Бильбо добил его вторым ударом, а потом сам рухнул на землю и лежал в беспамятстве на протяжении довольно долгого времени.

Когда он очнулся, над ним разливался обычный зеленоватый сумеречный свет Лесного дня. Рядом лежал мертвый паук, а лезвие меча было выпачкано черным. Победа над гигантским пауком, во тьме, в одиночку, без помощи волшебника, гномов, вообще без чьей-либо помощи, сильно подействовала на Бильбо. Он почувствовал себя другим существом — храбрым да удалым, несмотря на пустой желудок. Он вытер меч о траву и убрал его в ножны.

— Я дам тебе имя, — сказал он мечу. — Буду звать тебя Жалом.

Затем он двинулся на разведку. Лес был тихим и мрачным. Прежде всего следовало отыскать товарищей, которые должны быть где-то неподалеку, если, конечно, их не пленили эльфы (или кто похуже). Бильбо понимал, что кричать не стоит, и долго колебался, решая, в какой стороне может лежать тропа, и в каком направлении ему отправиться на поиски гномов.

— И зачем только не послушались мы Медвана и Гандальфа! — причитал он. — В какую же беду

мы попали! Мы! Как бы я хотел, чтоб именно мы: это жутко — остаться одному.

В конце концов, Бильбо решил пойти в направлении, откуда, насколько он мог теперь определить, доносились вчера крики о помощи — и, к счастью (а ему при рождении досталась немалая доля везения), довольно верно определил это направление. Как я уже говорил, хоббиты мастера по скрытности, особенно в лесу, к тому же Бильбо надел кольцо. Вот почему пауки его не увидели и не услышали.

Так он крался, пока впереди не сгустились черные тени, черные даже на фоне этого леса, черные, как клочки полночи, что никогда не рассеивается. Подойдя ближе, он понял, что это паучьи сети — перепутанные, налезающие одна на другую. И вдруг заметил, что на ветвях у него над головой сидят огромные страшные пауки, и задрожал, испугавшись, что, несмотря на кольцо, пауки его обнаружат. Спрятавшись за стволом, некоторое время следил за пауками, и в тишине застывшего леса расслышал, как пауки разговаривали друг с другом. Голоса шипели и визгливо поскрипывали, но он разобрал почти все, что они говорили. А говорили пауки о гномах.

— Это была жестокая битва, — сказал один, —

но оно того стоило. У них противная толстая шкура, но, бьюсь об заклад, внутри они сочные.

— Они станут вкуснее, если немного повисят, — отвечал второй.

— Только не слишком долго, — отозвался третий. — Они и так не очень-то жирные. Видно, в последнее время недоедали.

— Давайте убьем их, — прошипел четвертый. — Прямо сейчас и убьем, а после пусть повисят.

— Они уже мертвые, — сказал первый.

— Нет, не мертвые. Один только что дрыгнулся. Видно, приходят в себя после за-мухо-чательного сна*.

Сказавший это толстый паук побежал по канату из паутины к ветке, на которой висела в ряд дюжина тюков. Тюки покачивались в темноте, и Бильбо с ужасом заметил, что из одного торчит стопа гнома, из другого — кончик носа, из третьего — клок бороды, из четвертого — верхушка колпака.

Паук подбежал к самому объемистому тюку («Клянусь, это бедолага Бомбур», — подумал Бильбо) и тяпнул гнома за торчащий нос. Изнутри тюка донесся приглушенный крик, затем появился кончик стопы, который сильно и точно пнул паука. Бомбур был еще жив. Раздался глухой звук,

как будто ударили по футбольному мячу, и паук слетел с ветки, едва успев повиснуть над землей на выпущенных нитях паутины. Остальные пауки расхохотались.

— Да, ты был прав. Мясо еще живое и лягается.

— Сейчас перестанет, — прошипел разъяренный паук, снова взбираясь на ветку.

Бильбо понял: надо что-то делать. Добраться до зверюг он не мог, стрелять было не из чего, но, оглядевшись, он увидел россыпь камней, лежавших в русле высохшего ручья. Бильбо метко бросал камни, он без промедления подобрал гладкую гальку, удобно поместившуюся в ладони. Еще в детстве хоббит настолько натренировался попадать камнями в цель, что зайцы, белки и даже птицы опрометью пускались наутек, едва завидев, как Бильбо наклоняется к земле. Но и в зрелом возрасте часто упражнялся он в набрасывании колец на колышки, в метании дротиков в мишень, в стрельбе из лука в щит, в забрасывании шаров в лунки и в сбивании шарами кеглей, частенько играл и в другие требующие сосредоточения игры с прицеливанием — да, умел он не только пускать кольца из дыма, отгадывать загадки и готовить, а еще много других вещей, но об этом я расскажу, когда будет время. Сейчас

времени нет. Паук был уже рядом с Бомбуром, и жить гному оставалось недолго. Бильбо швырнул камень. Камень попал пауку в голову, и тот без чувств, со скрюченными лапами, шлепнулся о землю. Просвистел следующий камень и, встряхнув нити большой сети, замертво свалился сидевший в ее центре паук. В компании пауков поднялся переполох, на время они позабыли про гномов. Они не видели Бильбо, но легко определили точку, из которой летели камни. Опрометью побежали и полетели они на своих нитях к хоббиту, выбрасывая паутину во все стороны, словно по воздуху катились волны их силков.

Но Бильбо уже скользнул в другое место. Он решил увести пауков подальше от гномов, сбивая их с толку, зля и раззадоривая. Когда примерно пять десятков пауков сбежалось туда, где только что находился Бильбо, он бросил в них несколько камней, и еще несколько в тех, что остановились, не добежав, а затем, приплясывая среди деревьев, запел песню — чтоб разозлить пауков и повести за собой, а еще чтобы гномы услышали его голос.

Вот эта песня:
Эй, паук, что прядешь?
Ты меня не найдешь!

*Эй, паук-паучина!**
Камнем я в тебя кину,
и живым не уйдешь!
Паучина-простак,
вновь попал ты впросак!
Ты меня не найдешь!
С высоты упадешь,
мертвым на землю бряк!

Песня, возможно, была не слишком складная, да следует помнить, что хоббиту пришлось сочинять ее прямо на достаточно рисковом ходу*. Но привела она к нужному результату. Распевая, он изо всей силы топал ногами и швырял камни. Почти все пауки устремились за ним: одни спрыгнули на землю, другие бежали по веткам, перескакивали с дерева на дерево или перебрасывали свои нити через темные пустоты. Они реагировали на издаваемые хоббитом звуки гораздо быстрее, чем он ожидал. И были страшны в ярости. Помимо камней, их задело слово «паучина», а «простак» оскорбит кого угодно.

Бильбо метнулся на новое место, но пауки разбежались теперь по краям своей территории и принялись опутывать ее паутиной, развешивая

сети между стволов. Скоро, по плану пауков, в этой ловушке должен был затрепыхаться Бильбо. Оказавшийся в самой середине членистоногих, плетущих сети для его поимки, Бильбо собрал всю свою храбрость и запел новую песню:

Толстый, как тюк, глупый паук,
брось сети ткать!
Сочный я, сладкий, но меня в прятки
не обыграть!
Эй, толстобрюхий! Я – это муха,
но хохочу!
Эй, дурачина! Из паутины
я улечу!

Тут он заметил, что последний просвет между двумя высокими деревьями затянула паутина. К счастью, настоящей сетью назвать ее было нельзя: пауки успели лишь кое-как обмотать вокруг этих двух стволов свои похожие на канаты толстые пряди. Из ножен появился небольшой меч. Бильбо разрубил паутину на куски и, напевая, двинулся дальше. Пауки увидели меч, хотя вряд ли знали, что это такое, и тут же целая толпа их бросилась к хоббиту по земле и по веткам: мелькали мохнатые лапы, клацали кусалки и

прялки*, глаза, казалось, сейчас лопнут от злости. Он увел их за собой далеко в лес, а затем тише мыши прокрался обратно.

У него было всего несколько драгоценных минут до того, как раздосадованные пауки вернутся восвояси к деревьям, где висели гномы. За это время надо было их спасти. Сложнее всего было взобраться на длинную ветку, где покачивались кульки с гномами. Вряд ли это бы получилось, если б какой-то паук не оставил свисающий до земли канат из паутины; канат прилипал к ладоням, отдирать их было больно, но с его помощью Бильбо вскарабкался на ветку — да только там его встретил старый неповоротливый злобный паучина, который остался охранять гномов и теперь пощипывал их, чтобы выбрать самого сочного. Он собирался устроить себе пир, пока не мешают другие пауки, но господин Торбкинс торопился, и, прежде чем паук сообразил, что к чему, в него вошло Жало, и он замертво скатился с ветки.

Теперь надо было освободить гномов. Но как? Если перерезать нити, на которых висели бедолашные гномы, они грохнутся с большой высоты на землю. Он пополз по ветке (несчастные гномы заплясали и закачались, словно вызревшие пло-

ды) и добрался до первого свертка.

«Фили или Кили, — определил он по видневшемуся концу синего колпака. — Скорее всего, Фили», — уточнил, разглядев торчащий из паутины кончик носа. Бильбо свесился с ветки, перерезал почти все опутавшие гнома прочные липкие нити, и вскоре, немного побрыкавшись, наружу выбралась б**о**льшая часть Фили. В другой обстановке Бильбо вполне мог расхохотаться, наблюдая, как, подергиваясь на проходящей у него под мышками паутине, словно кукла-марионетка на проволоке, гном разминает затекшие руки и ноги.

С горем пополам Фили забрался на ветку и стал помогать хоббиту, хоть и чувствовал себя очень плохо — и после паучьего яда, и после того, как провисел ночь и день, крутясь то в одну, то в другую сторону, а дышать мог только носом. Потом еще долго отлеплял он паутину от глаз, бровей и бороды; бороду ему почти всю пришлось остричь. Вдвоем втягивали они гномов одного за другим на ветку и разрезали паутину. Никто из освобожденных не чувствовал себя лучше, чем Фили, некоторые — гораздо хуже: некоторым паутина почти не позволила дышать (как видите, длинные носы порой весьма полезны), а некоторым

досталось больше яда.

Так они освободили Кили, Бифура, Бофура, Дори и Нори. Бедный старина Бомбур настолько обессилел — он был самым толстым, и его все время на пробу щипали и тыкали в бок, — что сразу скатился с ветки, шлепнулся вниз, по счастью, на кучу листвы, и лежал, не поднимаясь. А пять гномов все еще висели на конце ветки, когда начали возвращаться донельзя разъяренные пауки.

Бильбо тут же сдвинулся к стволу, чтобы отогнать лезущих вверх чудищ. Освобождая Фили, он снял с пальца кольцо и забыл его снова надеть. Пауки зашипели, засипели:

— Мы тебя видим, гаденыш! Мы тебя съедим, а кожу и кости на дерево повесим! Ага, у него там жало! Он получит наши и повисит денек-другой вниз головой!

А в это время гномы, разрезая паутину ножами, продолжали выручать из плена своих товарищей. Скоро все стали свободны, правда, неясно было, что их ждет дальше. Прошлой ночью пауки достаточно легко схватили гномов, но это в темноте и врасплох. Теперь же, по всему, предстояла тяжелая битва.

Вдруг Бильбо заметил, что часть пауков окружила лежащего на земле Бомбура, снова опутала

его паутиной и поволокла прочь. С криком Бильбо набросился на пауков на стволе. Они разбежались, а он стал спускаться и кубарем слетел с дерева прямо на тащивших Бомбура страшилищ. Новые способы жалить продемонстрировал паукам его крохотный меч. Он просто порхал из стороны в сторону! И светился от радости, вонзаясь в пауков. С полдюжины он убил, а остальные, бросив Бомбура, разбежались.

— Слезайте! Слезайте! — закричал хоббит гномам. — Не то снова попадете в сети!

Ведь пауки взобрались на соседние деревья, а оттуда переползли на ветки прямо над головами у гномов. Гномы кучей скатились, спрыгнули или свалились вниз, большинство из них едва держалось на ногах. Их было двенадцать, включая бедного старину Бомбура, которого, поддерживая с двух сторон, подняли с земли его двоюродные братья Бифур и Бофур. Бильбо, размахивая мечом, приплясывал рядом, а сотни пауков с выпученными от злобы глазами кишели вокруг, да около, да у них над головой*. Ситуация выглядела полностью безнадежной.

Битва началась. У некоторых гномов были ножи, некоторые подобрали палки, у всех под ногами лежали камни, а Бильбо держал в руках

эльфийский клинок. Атака за атакой были отбиты, немало пауков рассталось с жизнью. Но долго так продолжаться не могло. Бильбо был сильно измучен, лишь четверо гномов крепко держались на ногах, и скоро с ними должны были разделаться, как с изнемогшими мухами. Окружая паутиной Бильбо и гномов, пауки снова начали плести сети между деревьями.

Бильбо понял, что придется посвятить товарищей в тайну кольца. Не хотелось, но другого выхода не было.

— Сейчас я исчезну, — сказал он. — Я постараюсь увести пауков, а вы держитесь вместе и двигайтесь в противоположном направлении, в левую сторону, туда, примерно, где были последние костры эльфов.

Вряд ли они все поняли — ведь головы у них шли кругом, а вдобавок они еще кричали, размахивали палками и швыряли камни. Но Бильбо чувствовал — медлить нельзя: пауки все сужали круг. Он надел кольцо на палец и, к изумлению гномов, пропал с глаз.

Вскоре справа из-за деревьев раздались крики:

— Эй, бездельники! Паучины!

Это обескуражило пауков. Они замерли, некоторые побежали на голос. «Паучины» заставило

их потерять рассудок. А Балин, который лучше других понял Бильбо, повел гномов в атаку. Они сгрудились еще тесней, градом камней разогнали пауков по левую руку и прорвали круг. А позади них крики и пение вдруг прекратились.

Всей душой надеясь, что паукам не удалось схватить Бильбо, гномы двинулись. Поначалу не быстро. И шатко и валко*, хворые и выбившиеся из сил, а пауки шли за ними по пятам. То и дело приходилось разворачиваться и отбивать их наскоки. Часть пауков забралась на ветки над головами у гномов, и оттуда падала длиннющая липкая паутина. Ситуация снова показалась безнадежной, как вдруг, откуда ни возьмись, вынырнул Бильбо и атаковал ошарашенных пауков сбоку.

— Двигайтесь, двигайтесь! — кричал он гномам. — А я буду жалить!

И он жалил! Сновал взад-вперед, разрубая паутину, рассекая паучьи лапы, и, если паук оказывался совсем близко, втыкая клинок в его толстое туловище. Пауки тряслись от ярости, шипели и брызгали слюной, произнося страшные проклятия, но уже смертельно боялись Жала, которое вдруг вернулось, и не решались подходить близко. Поэтому, несмотря на проклятия, добыча

медленно, но верно от них ускользала. Давалось это тяжко и продолжалось, казалось, часы. Но наконец, когда Бильбо понял, что уже не в силах взмахнуть мечом, пауки внезапно отстали, прекратили преследование и, раздосадованные, вернулись в свои мрачные жилища.

Тут гномы обнаружили, что вышли к месту, где некоторое время назад горели, образуя кольцо, костры эльфов. Были ли это те костры, которые они видели прошлой ночью, они не знали. Но, видимо, какая-то добрая магия осталась здесь, отпугивая пауков. Во всяком случае, свет здесь был зеленее, ветки не такие толстые и зловещие. Похоже, можно было отдохнуть, перевести дыхание.

Сначала они просто лежали, пыхтя и отдуваясь. Но потом стали задавать вопросы. Они желали, чтобы все обстоятельства исчезновения Бильбо были детально объяснены, кольцо так заинтересовало их, что на время они забыли о собственных невзгодах. Балин настоял, чтобы Бильбо еще раз повторил всю историю про Гама со всеми загадками и появлением кольца в нужном месте. Но постепенно свет в лесу начал меркнуть и возникли другие вопросы. Где они? Куда идти? Где найти еду? И что делать прямо сейчас? Гномы снова и

снова задавали эти вопросы и, похоже, ждали, что на них ответит малыш Бильбо. Из чего вам должно быть ясно, что их отношение к господину Торбкинсу сильно изменилось и гномы стали испытывать к нему глубокое уважение (что и предсказывал Гандальф). Они, действительно, не просто ныли, а рассчитывали, что Бильбо выдумает какой-то волшебный план спасения. Слишком уж хорошо понимали, что, если б не хоббит, их сейчас не было бы в живых. За что они неоднократно его благодарили. Некоторые даже вставали на ноги и кланялись ему до земли, но от такого напряжения снова валились без сил и долгое время не могли пошевелиться. Открывшаяся причина его способности исчезать нисколько не уменьшила уважения гномов: ведь, по их мнению, Бильбо обладал теперь тремя чрезвычайно полезными вещами — удачей, смекалкой и волшебным кольцом. Гномы так его расхваливали, что Бильбо почувствовал себя настоящим искателем приключений, правда, чувство это стало бы сильней, если б можно было чем-нибудь перекусить.

Но ничего, совсем ничего не было. И ни у кого не было сил отправиться на поиски еды или тропы. Надо найти тропу! Это единственное, что

пришло в утомленную голову Бильбо. Сев на землю, он стал вглядываться в нескончаемый лес, и вскоре гномы тоже замолчали. Все, кроме Балина. Остальные уже давно прекратили разговоры и лежали с закрытыми глазами, а он продолжал бормотать да хмыкать:

— Гам! То-то и оно! Вот так он и проскользнул мимо меня! Все ясно! Просто тихонько прошмыгнул — да, господин Торбкинс? Просто все пуговицы оставил в дверях! Ай да старина Бильбо… Бильбо…бо…бо…бо…

Тут Балин заснул, и на долгое время установилась полная тишина.

Вдруг Двалин открыл глаза и обвел взглядом своих товарищей.

— А где Торин? — спросил он.

Это прозвучало как удар грома. Конечно, их было только тринадцать: двенадцать гномов и хоббит. Но где же Торин? Что за беда приключилась с ним: колдовство или чудовища во мраке? Их стала бить дрожь, потерявших дорогу и лежащих посреди леса. А потом, по мере того, как проблески вечернего света истерлись до черной канвы ночи*, один за другим они нырнули в тревожный сон, полный ужасных сновидений. Мы вынуждены их тут и оставить: слишком хворых

и изнуренных, чтобы выставить караул или хотя бы по очереди стоять на часах.

Торина же схватили раньше, чем всех остальных. Помните, как Бильбо, войдя в круг костров, бревном упал на землю и уснул? В следующий раз то же случилось с Торином: он шагнул в круг, огни вдруг погасли, а он, околдованный, рухнул, как подрубленный. Его не разбудили ни шум, с которым гномы бегали в темноте, ни вопли гномов, когда пауки опутывали их паутиной, ни звуки битвы, разыгравшейся на следующий день. А потом за ним пришли Лесные эльфы, связали и унесли с собой.

Пирующие, конечно же, были Лесными эльфами. Народ они не злой. Разве что недоверчивый к чужакам. Их чары были сильны, но все равно они держались настороже. Они не так мудры, как Вышние Эльфы Запада, а, значит, опаснее. Большинство Лесных эльфов (вместе с сородичами, рассеянными среди холмов и гор) — потомки древних племен, что никогда не бывали на Волшебном Западе. Там, прежде чем вернуться в Наш Мир, долго жили Светлые эльфы, Сокровенные эльфы и Приморские эльфы, там они становились все волшебнее и мудрее, оттачивая и развивая свои чары, свое хитроумное искусство создавать

прекрасные и опасные вещи. Лесные же эльфы все время обитали в Нашем Мире. Появлялись при сумерках солнечного и в лунном свете, но больше всего любили звездный. Бродили в высоких просторных лесах в тех краях, которых теперь лишились. Селились преимущественно на опушках, откуда могли порой вынырнуть для охоты или просто чтоб проскакать верхом или пробежаться по открытому пространству при лунном и звездном свете. А когда пришли люди, стали все глубже отступать в сумерки да потемки. Но по-прежнему оставались эльфами, то есть Чудесным народом*.

В большой пещере в Мрачном лесу, в нескольких верстах от его восточного края, жил в то время их главный король. Речка сбегала с лесных холмов прямо к большим каменным воротам пещеры, растекаясь затем по обступившим Лес болотам. Из просторных залов этой большой пещеры открывались несчетные ходы в боковые пещеры поменьше, извиваясь, уходила она далеко под землю, но была все же не такой глубокой и опасной, как пещеры гоблинов, гораздо приятнее и светлее. Надо сказать, что подданные короля эльфов жили и охотились в лесах, там же, на почве или в ветвях деревьев, ставили свои

дома и шалаши. Их любимым деревом был бук. Большая же пещера была дворцом короля, его сокровищницей, и крепостью для эльфов на случай нападения врага.

А еще служила она темницей для пленников. Поэтому туда — не слишком-то аккуратно — приволокли Торина: не любили эльфы гномов, считали их недругами. В старое время ходили они войной на гномов, которых обвиняли в краже своих сокровищ. Стоит, правда, добавить, что гномы по-другому смотрели на эту историю, полагая, что взяли то, что им причиталось. Ведь король эльфов заключил с ними сделку, отдав в их мастерские для выделки свое золото и серебро, а потом не заплатил за труд. Сокровища были слабостью короля эльфов, особенно ценил он серебро и светлые драгоценные камни. Велико было его богатство, а хотелось еще большего, поскольку, полагал он, б**о**льшим владели в старину правители эльфов. Но только его подданные не были рудокопами, кузнецами и ювелирами, да и, вообще, не занимались ремеслами и не любили рыться в земле. История эта была известна каждому гному, хотя род Торина и не принимал участия в старой ссоре, о которой я рассказал. Торин был зол из-за такого с ним обращения и,

когда эльфы сняли с него свои чары и он очнулся, твердо решил, что ни слова про золото и драгоценности они из него не вытянут.

Торина поставили перед королем, король, строго глядя на Торина, задал ему множество вопросов. Но Торин в ответ сказал лишь, что сильно голоден.

— Зачем ты и твои соплеменники трижды напали на моих весело пирующих людей? — спросил король.

— Мы не напали, — ответил Торин, — мы хотели попросить еды, так как были голодны.

— Где же сейчас твои спутники, чем заняты?

— Не знаю, но думаю, что по-прежнему в лесу и по-прежнему голодают.

— Что же вы делали в лесу?

— Искали пищу и воду, поскольку страдали от голода и жажды.

— А что привело вас в лес? — уже гневаясь, спросил король.

Но Торин стиснул зубы и больше не произнес ни слова.

— Ладно, — сказал король. — Уведите его и зорко стерегите до тех пор, пока он не соизволит сказать правду, пусть хоть сто лет пройдет.

Эльфы связали Торина ремнями и заперли в

одной из самых глубоких пещер за крепкой деревянной дверью. У него было вдоволь — хоть и не слишком вкусных — еды и питья, ведь Лесные эльфы — не гоблины и сносно ведут себя с пленными, даже если это их заклятые враги. Жалости у них нет только к гигантским паукам.

Так он и лежал, бедный Торин, в королевской темнице, и когда сделалось менее острым чувство благодарности за хлеб, воду и мясо, стал тревожиться о своих незадачливых товарищах. Не так много времени прошло, и он узнал, что с ними приключилось, но обо всем этом — в следующей главе, в которой хоббит снова покажет, на что он способен.

---

* тропа словно хотела намотаться на очередной ствол, но соскальзывала с него и бежала дальше — The path… wound in and out among the trunks.

*черные, как фраки, летучие мыши — black as top-hat (top-hat — головной убор цилиндр).

***погляди**, сможешь ли ты **углядеть** лодку — come here, Fili, and **see** if you can **see** the boat.

*сохранил равновесие и самообладание — kept his feet and wits.

***за**ляпанный зеленью и **за**пачканный —

greened and **gri**med.

*__пре__одолев участок не__при__годный, казалось, для подъема — a **d**readful struggle in a **d**ifficult place.

*мед__ленно__ и уст__ало__ — very sl__owly__ and w__earily__.

*обсудив все вдоль и поперек — argued about it backwards and forwards (буквально взад-вперед).

*__под__крадывались и __под__ползали — __cr__eeping and __cr__awlin.

*от __сн__еди во __сн__е никакого проку— __d__ream-__d__inners aren't any good.

*__зв__учными, __зв__онкими и стройными были их песни — loud and cl__ear__ and f__air__ were those songs.

*за-мухо-чательного сна — bee-autiful (от beautiful — прекрасный, где bee — пчела).

*паучина — attercop, т. е. паук или злюка.

*на довольно-таки рисковом ходу — on the spur of a very awkward moment (от on the of the moment — экспромтом, to spur — пришпоривать, подстегивать, awkward — труднопреодолимый).

*__к__лацали __к__ус__алки__ и пр__ялки__ — __nip__pers and __spin__ners __snap__ping.

*вокруг, да около, да у них над головой — all round and about and above.

*и ш__атко__ и в__алко__ — a h__obble__ and a w__obble.__

*проблески вечернего света истерлись до чер-

ной канвы ночи — evening wore to black night (буквально вечер истерся до черной ночи). См. соответствующее примечание к гл.9.

*Чудесным народом — Good People (буквально хороший народ) английское наименование эльфов и фей.

Глава 9
Бочки выскочили из затворов*

На другой день после сражения с пауками Бильбо и гномы предприняли отчаянную попытку найти хоть какой-то выход*, прежде чем умрут от голода и жажды. Они поднялись с земли и, пошатываясь, двинулись туда, где, как полагали восемь из тринадцати, могла находиться тропа. Но им так и не привелось узнать, кто был прав. Лесной день, такой же, как все остальные, дотлел уже до черноты ночи*, как вдруг вокруг них, словно сотни красных звезд, ярко вспыхнули факелы. Откуда ни возьмись с копьями и луками наизготовку вынырнули Лесные эльфы и велели гномам остановиться.

Гномы и не думали сопротивляться. Они находились в таком состоянии, что были рады сдаться в плен, да и короткие ножи — а это все их оружие — бесполезны против луков и стрел, которыми эльфы даже в темноте способны попасть в глаз лесной птице. Поэтому все встали как вкопанные, а потом сели и стали ждать своей участи — все, да не Бильбо, который быстро надел кольцо и

скользнул в сторону. Вот почему, когда эльфы выстроили гномов в затылок друг другу, связали одной веревкой и пересчитали, хоббита им ни обнаружить, ни сосчитать не удалось.

Не чуяли они, и как семенил он поодаль от их факелов, когда пленников вели по лесу. Гномам завязали глаза, но можно было не завязывать, потому что даже зоркий Бильбо ничего не видел вокруг, а, кроме того, ни он, ни гномы не знали, где их схватили. Бильбо изо всех сил старался не отстать от факелов, ведь эльфы заставляли гномов идти быстро, хоть и были те измученными да хворыми. Король эльфов велел поторапливаться. Вдруг огни факелов остановились, и хоббит сумел нагнать эльфов перед тем, как они стали переходить по мосту через реку. Мост вел прямо к королевскому дворцу. Внизу резво бежал темный и полноводный поток, а дальний край моста упирался в крутой, поросший деревьями склон, в котором были ворота — вход в огромную пещеру. Высившиеся у берега буки стояли прямо в воде.

Эльфы втолкнули гномов на мост и погнали к воротам, а Бильбо на мгновение застыл в сомнении. Ему не нравился вход в пещеру, но в последний момент он решил не бросать друзей и юркнул внутрь за последним гномом, прежде

чем с лязгом затворились королевские ворота.

Красноватое пламя факелов освещало коридоры пещеры. Эльфы, ведущие пленников, запели, и эхо разлетелось по извилистым, скрещенным ходам. Ходы были меньше, чем гоблинские, не такие глубокие, и воздух в них был чистый. В большом зале с колоннами, вырубленными прямо в скале, на узорчатом деревянном троне сидел король эльфов. На голове у него была корона из красных листьев и ягод, потому что снова настала осень. Весной же король носил венец из лесных цветов. В руке он держал резной дубовый посох. Пленников подвели к трону. Король мрачно на них глянул, но велел развязать, настолько они были изнуренными и ободранными.

— Да веревки и не нужны, — добавил король. — Кто попал сюда, уже не выйдет наружу за мои зачарованные двери.

Долго выпытывал он у гномов, зачем они здесь, куда идут, откуда пришли. Но узнал от них не больше, чем от Торина. Гномы так рассердились и разозлились, что даже не пытались соблюдать вежливость.

— В чем наша вина, король? — спрашивал Балин, который был теперь за старшего. — Разве это преступление, заблудиться в лесу, страдать от

голода и жажды, попасть в лапы пауков? Пауки — это что, твои дрессированные животные или домашние любимцы, раз тебя так разгневала их смерть?

Такие вопросы, конечно, разгневали короля еще больше, и он ответил:

— Да, это преступление — без разрешения шляться в моих владениях. Не забывайте, вы шли в моем королевстве по дорогам, которые проложили мои подданные. Разве не вы трижды потревожили их в лесу? Разве не вы всполошили пауков своими дикими воплями? После таких бесчинств я имею право знать, зачем вы пришли сюда, а не скажете — будете сидеть в темнице, пока не научитесь уму-разуму и хорошим манерам.

Он приказал посадить каждого гнома в отдельную камеру (каждому приносили еду и питье) и не выпускать, пока кто-нибудь из гномов не ответит королю на его вопросы. Король не сказал гномам, что Торин тоже заточён в пещере. Это разузнал Бильбо.

Ох, сколько же времени бедный господин Торбкинс провел в одиночестве под землей, таясь и не решаясь снять кольцо, а заснуть он отваживался только забравшись в самый дальний и темный угол пещеры. Чтобы хоть чем-нибудь себя занять,

бродил он по королевскому дворцу. Колдовство стерегло ворота, но иногда, проявив проворство, удавалось выбраться наружу. Ватага эльфов во главе с королем отправлялась верхом на охоту либо по другим делам в Лес или на восточную сторону. Шустрый Бильбо выскальзывал вслед за ними, хоть это и было опасно. Пару раз его едва не прищемили створки схлопывавшихся за последним эльфом ворот, но проходить ворота, смешавшись с эльфами, он не рисковал — из-за своей тени, тонкой и вихляющей при свете факелов, а также опасаясь, что кто-нибудь случайно на него наткнется и его обнаружат. Толку от этих вылазок было немного. Бильбо не хотел бросать гномов, да и не знал, куда податься без них. Он не поспевал за конными эльфами, поэтому не ведал, как выйти из леса и, повесив нос, бродил среди деревьев, боясь заблудиться, пока не выпадал случай вернуться во дворец. В лесу он голодал, поскольку не умел охотиться, а вот в пещере ему удавалось стянуть еду из кладовой или со стола, когда поблизости не было никого из эльфов.

«Я, как грабитель, что не может выбраться наружу из дома, в который залез, и уныло обчищает его по новой изо дня в день, — горевал он. — Пришла самая скучная и муторная часть всего этого

утомительного противного окаянного приключения. О, как бы я хотел снова очутиться в своей норе — под зажженной лампой у теплого очага». То и дело появлялось у Бильбо желание послать волшебнику весточку с просьбой о помощи, но об этом, конечно, нечего было и думать, и вскоре хоббит понял, что если что и можно сделать, то это суждено господину Торбкинсу — в одиночку и без подмоги со стороны.

В конце концов, после недели-двух, прожитых украдкой, Бильбо, наблюдая за стражниками, сопровождая их, пользуясь каждым удобным случаем, смог обнаружить всех гномов — все двенадцать темниц в разных частях дворца. А однажды, подслушав разговор охраны, узнал, к своему удивлению, что в пещере томится еще один гном — в самой глубокой и темной ее части. Он, конечно, сразу догадался — это Торин, а спустя некоторое время убедился, что догадался правильно. Это было непросто, но Бильбо добрался до темницы Торина и, улучив момент, когда никого не было рядом, перекинулся с ним словцом.

От всех своих несчастий Торин утратил ярость и был уже почти готов рассказать королю о сокровищах и цели похода (что говорит о глубине его отчаянья), как вдруг через замочную скважину

услышал голос Бильбо. Он не поверил ушам. Но быстро понял — ошибки быть не может, подошел к двери и шепотом завел с Бильбо обстоятельную беседу.

Бильбо доставил тайное послание Торина каждому узнику-гному, рассказал, что Торин тоже в темнице, совсем рядом с ними, и приказывает не выдавать королю цель похода, во всяком случае, пока Торин сам не велит. Ведь Торин приободрился, узнав, что Бильбо спас гномов от пауков, и снова решил не выкупать себя из плена за счет части сокровищ, по крайней мере, пока не исчезнут все другие возможности выбраться на свободу, то есть если удивительный господин Торбкинс Незримый (которого он теперь ценил очень высоко) не придумает ничего путного.

Гномы полностью согласились с решением Торина. Ведь их собственный пай (который они уже считали своим, несмотря на нынешнее положение и непобежденного дракона) серьезно уменьшался в случае, если бы в долю вошли Лесные эльфы, а еще они тоже рассчитывали на Бильбо. Заметьте, случилось именно то, что предсказал Гандальф. Возможно, это была одна из причин, по которой он оставил отряд.

Бильбо же, в отличие от гномов, особых надежд

не питал. Вдобавок ему не нравилось, что на него эти надежды возлагают, а рядом нет волшебника. Но тот, наверное, находился на другом краю Мрачного леса. Бильбо думал-думал, казалось, сейчас взорвется голова, но светлых мыслей все не было. Делающее невидимым кольцо — это хорошо, но его недостаточно для четырнадцати. Но, как вы уже догадались, в конце концов, ему удалось вызволить своих товарищей. Вот как это произошло.

Однажды, шныряя по коридорам и разнюхивая, Бильбо обнаружил очень интересное обстоятельство: Большие ворота — не единственное место, через которое можно выбраться из пещеры. Под дворцом протекал поток, что потом, чуть дальше к востоку, после крутого участка сразу за выходом из пещеры, впадал в Лесную реку. Этот подземный поток вырывался наружу из склона холма через Водные ворота. Каменный свод почти вплотную прижимался к поверхности воды, а подвижная решетка опускалась с потолка прямо до дна, не позволяя войти или выйти из дворца. Но часто эта решетка была поднята, поскольку через Водные ворота завозили и вывозили грузы. От Водных ворот внутрь, в самое сердце холма, шел темный канал с грубо обтесанными стенами.

В каменном своде канала было вырублено отверстие, закрытое большим деревянным люком. Над люком находились королевские погреба. В погребах стояли бочки, бочки, бочки, ведь Лесные эльфы, а особенно их король, любили вино, хоть в их краях и не рос виноград. Вино и другие товары привозили издалека: от сородичей с юга или с виноградников, которыми владели люди.

Хоронясь за самой большой бочкой, Бильбо высмотрел люк, выяснил, как им пользуются, и, прислушиваясь к разговорам королевских слуг, узнал, что вино и другой товар сначала по рекам или по суше приходит на Продолговатое озеро. На озере, похоже, до сих пор процветал город людей, который стоял на уходящих далеко от берега мостках — это служило защитой от всевозможных врагов, в первую очередь, от дракона в Горе. Из Озерного города бочки попадали в Лесную речку. Обычно их связывали вместе и, словно большие плоты, отталкиваясь шестами или выгребая веслами, подымали по реке, а порой везли вверх на плоскодонках.

Пустые же бочки, подняв решетку Водных ворот, эльфы сбрасывали в люк, чтобы их унесло течение. Колотясь друг о друга, плыли они довольно долго до места, где неподалеку от во-

сточной опушки Мрачного леса поток натыкался на крутой изгиб берега. Там бочки собирали, опять связывали вместе и пускали дальше к Озерному городу, до которого от места впадения реки в озеро было рукой подать.

Бильбо долго обдумывал побег через Водные ворота, пока не возник набросок отчаянного плана.

Узникам принесли ужин. Стражники потопали прочь по коридорам, снимая со стен и унося с собой факелы, так что все погрузилось во тьму. Бильбо услышал, как королевский кравчий пожелал доброй ночи начальнику стражи. Но следом кравчий добавил:

— Пойдем-ка со мной. Попробуем вино, которое только что привезли. У меня этой ночью много работы — надо освободить погреб от пустых бочек, поэтому для начала, чтоб дело спорилось, следует выпить.

— Не откажусь! — засмеялся начальник стражи. — Попробуем вместе и решим, подходит ли питье королю. Скоро начнется королевский пир, и не гоже подавать к столу дрянное вино.

Услышав это, Бильбо весь задрожал: ему улыбалась удача, давая шанс испробовать тот самый отчаянный план. Бильбо прокрался по пятам за двумя эльфами: те спустились в погребок и сели

за стол, на котором стояли два больших кувшина. Эльфы пили вино и весело смеялись. И Бильбо снова неожиданно повезло. Лесные эльфы пьянеют только от очень крепкого вина. Но это вино, как оказалось, было самого хмельного урожая знаменитых виноградников Юных Лоз*, оно предназначалось для королевских пиров, а вовсе не для стражников и слуг, и выпить полагалось кубок, а не кувшин.

Скоро начальник стражи стал клевать носом, а после уронил голову на стол и заснул. Кравчий, не заметив этого, продолжал смеяться и разговаривать с приятелем, но потом тоже положил голову на стол и захрапел. В погребок проскользнул Бильбо, начальник стражи остался без ключей, а хоббит поспешил к темницам гномов. Связка ключей была слишком тяжела для хоббита, казалось, сердце сейчас выскочит из груди, в том числе от страха — на пальце было кольцо, но ключи-то звучно позвякивали да побрякивали*.

Сперва он отворил темницу Балина, а когда тот вышел, снова аккуратно ее закрыл. Можете себе представить, как был удивлен Балин. Он был очень рад выбраться из надоевшего тесного каменного мешка, он хотел теперь толком обо всем порасспросить Бильбо: что хоббит собирается

делать дальше, ну и так далее.

— Нет времени, — сказал хоббит. — Иди за мной. Мы должны держаться все вместе. Или все спасутся, или не спасется никто. Это последний шанс. Если поймают, обуют в кандалы и неизвестно куда запроторят. Не спорь, будь умницей.

Он открывал дверь за дверью, пока число его

последователей не возросло до двенадцати* — после долгого заточения все они были не слишком-то проворны. Сердце Бильбо трепыхалось каждый раз, когда кто-нибудь из гномов наталкивался на впереди идущего, ворчал или что-то шептал в темноте. «Будь он неладен, этот гномий кавардак!» — думал Бильбо. Но пока все шло хорошо и стражники им не встретились. Надо сказать, что этим вечером и в окрестных лесах, и во дворце шел большой осенний пир, и на нем гуляла почти вся королевская рать.

Двигаясь на ощупь, наконец добрались они до темницы Торина: далеко и глубоко она располагалась, но, к счастью, рядом с погребами.

— Побей меня гром! — сказал Торин, когда услышал, как Бильбо шепотом позвал его из коридора, — Гандальф, как водится, говорил правду! Настал срок, и ты сделался отличным грабителем. Мы все, конечно, навсегда к твоим услугам и у тебя в долгу, что бы теперь ни случилось. Но что же дальше?

Бильбо пришлось рассказать о своем замысле, хотя он не был уверен, что гномы его одобрят. Опасения оправдались: гномам план совсем не понравился, они принялись громко ворчать, несмотря всю на опасность такого поведения.

— Нас расколотит и расплющит*, вдобавок мы захлебнемся, — бубнили гномы. — Мы думали, ты стащил ключи, потому что у тебя есть здравая идея. Но это безумие!

— Отлично, — отозвался приунывший и одновременно раздосадованный Бильбо, — возвращайтесь в свои застенки. Я снова вас запру, и вы там спокойно посидите и придумаете хороший план. Правда, вряд ли мне удастся опять завладеть ключами, даже если я когда-нибудь снова решу попробовать.

Услышав это, гномы притихли. И, в конце концов, согласились с Бильбо: было очевидно, что они не способны ни найти обратную дорогу к своим темницам, ни пробиться наружу сквозь охраняемые колдовством ворота, а стоять в коридоре и ждать, пока их схватят, они тоже не захотели. Поэтому, следом за хоббитом, стали осторожно пробираться в нижние погреба. Увидели через приоткрытую дверь кравчего и начальника стражи: те мирно посапывали и счастливо улыбались. От вина Юных Лоз сон глубокий, а сны — сладкие. На следующий день у начальника стражи будет совсем другое лицо, хотя добросердечный Бильбо прокрался в комнату и повесил связку ключей ему на пояс.

— Это немного улучшит его положение, — решил хоббит, — Парень хороший, к узникам относился неплохо. Вот будет загадка для эльфов! Пусть думают, что это с помощью волшебства прошли мы сквозь все запертые двери и оказались на воле. Оказались на воле! Чтоб это сбылось, надо поторопиться!

Балину велели следить за кравчим и начальником стражи и подать знак, если они зашевелятся. Остальные спустились в погреб с люком. Нельзя было терять ни минуты. Бильбо знал — скоро придут эльфы, которым приказано под началом кравчего сбросить пустые бочки в поток. Эти бочки уже выстроили в ряд на полу. Были там бочки для вина, но они не годились: их сложно было открыть без шума и трудно потом закрыть. Но были и другие, в которых во дворец доставляли еду — масло, яблоки и прочую снедь. Вскоре нашлись тринадцать штук, в которых и уместились гномы. Правда, некоторые бочки были слишком просторными, и очутившиеся в них забеспокоились, не растрясет ли их и не расколотит ли о стенки. Бильбо отыскал солому и еще какую-то ветошь и постарался упаковать гномов со всей возможной при такой спешке тщательностью. Наконец двенадцать гномов были затарены*.

Много мороки было с Торином, который крутился-вертелся и ворчал в своей бочке, как крупный пес в тесной конуре. Последним в бочку влез Балин и поднял шум и гам по поводу недостаточной вентиляции, причитая, что задохнется, хотя Бильбо и крышку-то еще не закрыл. Хоббит принялся затыкать дырки в стенках бочек и как можно плотнее прилаживать крышки. Он опять остался в одиночестве: перебегал от бочки к бочке и законопачивал последние отверстия, надеясь, что его план сработает.

Он еле успел. Через минуту-другую после того, как бочка Балина была закрыта крышкой, раздались голоса, и замерцал свет факелов. Болтая, посмеиваясь и напевая обрывки песен, в погреб ввалились эльфы. Они ушли с веселого пира и хотели как можно скорее вернуться к столу.

— Где же кравчий — старина Светляк*? — спросил один. — За столом я его не видел. Он должен быть здесь и сказать, что мы должны сделать.

— Я ведь могу и разозлиться, если придется ждать этого копушу! Приходится тут торчать, когда наверху веселятся, — добавил другой.

— Ха-ха! — прозвучал ответ. — Старый олух засунул голову в кувшин. У них с командиром тут свой маленький пир.

— Разбудите его! Потрясите! — нетерпеливо закричали остальные.

Светляку не понравилось, что его трясут, будят, да еще и потешаются над ним.

— Что так поздно заявились? — заворчал он. — Я вас жду, жду, а вы пьете и веселитесь, позабыв о работе. Не диво, что я заснул.

— Не диво, — ответили ему, — ведь дело в кувшине. Дай-ка нам для начала попробовать твоего снотворного. А тюремщика не буди. По нему видно, что свою долю он уже получил.

Они выпили и сильно повеселели. Но сохранили остатки здравого смысла.

— Не бережешь ты нас, Светляк! — закричали эльфы. — Слишком рано начал праздновать и все перепутал. Судя по весу, среди пустых бочек ты понаставил и полные.

— Работайте, работайте! — прорычал кравчий. — Мало ли что почудилось вашим дырявым рукам! Там только бочки, которые надо сбросить в поток. Делайте, что говорю.

— Ладно, ладно, — отозвались эльфы и покатили бочки к люку. — Но это ты ответишь, если в реку улетят бочки, полные королевского вина и масла, и люди Озерного города попируют за наш счет.

Бочка в люк катись,
в воду вниз вались!
Бух да плюх!
Плыви дальше во весь дух!

Так они пели, а бочки одна за другой, громыхая, катились к черному отверстию, где с высоты примерно в сажень их сталкивали в студеную воду. Некоторые были действительно пусты, в некоторых сидели гномы, те и другие с плеском и стуком, наталкиваясь на нижние бочки, падали в поток, бились о стенки туннеля, колотились одна о другую и, подпрыгивая, уносились течением.

Именно в этот момент Бильбо обнаружил слабое место в своем плане. Возможно, вы уже давно его заметили и посмеивались над хоббитом, но не думаю, что вы на его месте сделали хотя бы половину того, что сделал он. Да, стало ясно, что некому плотно закрыть бочку с самим Бильбо, даже если б на это хватило времени. Было похоже, что на этот раз он разлучится с товарищами (большинство гномов уже исчезло в темном люке), останется один-одинешенек и будет вечно втихаря заниматься грабительским ремеслом в эльфийской пещере. Ведь если б ему и удалось опять выскользнуть наружу через Большие воро-

та, шансы найти гномов были ювелирно малы*. Он понятия не имел, как добраться по суше до места, куда выносило бочки. А что станется с самими гномами? Он же не успел рассказать им ни о том, что сумел узнать, ни о том, что надо будет сделать, если они выберутся из Леса.

Пока эти мысли мелькали в его голове, развеселившиеся эльфы затянули песню. Несколько эльфов отправились поднимать за канаты решетку на Водных воротах, чтоб выпустить наружу собравшиеся у ворот бочки.

В быстром потоке
плывите далеко!
Из пещеры – на простор
мимо леса, мимо гор,
где на свежих на ветрах
звезды скачут в небесах.
После топей и болот
к югу сделав поворот,
доплывите сквозь туман
до медовых теплых стран,
где сочна трава лугов
для коров и для быков.

В быстром потоке
плывите далеко!

К люку уже катили последнюю бочку! В отчаянье, не зная, что делать, Бильбо ухватился за нее, вместе с ней полетел вниз, бултыхнулся в воду, а бочка его накрыла.

Выплюнув воду, он вынырнул и, как крыса, уцепился за бочку, но взобраться на нее никак не удавалось. Как только он делал попытку, бочка проворачивалась, с головой макая его в воду. Она и вправду была пустой и прыгала на поверхности, как пробка. И хоть в уши хоббиту набралась вода, он слышал, как наверху в погребе пели эльфы. Но тут крышка люка захлопнулась и голоса пропали. Он остался в темноте в ледяной воде и полном одиночестве — нельзя же считать спутниками упакованных в бочки гномов. Но очень скоро разглядел впереди серое пятно. Потом услышал, как со скрипом поднимается решетка ворот, и очутился средь скопища бочек, что, сталкиваясь и толкаясь*, протискивались сквозь арку. Хоббит испугался — сейчас его раздавит, расплющит, но столпотворение понемногу поредело, рассеялось — одна за другой бочки проскакивали под каменной аркой и выплывали наружу. Бильбо

сообразил, что зря старался сесть на бочку верхом — даже для хоббита не оставалось места между ее верхушкой и внезапно понизившимся у ворот потолком туннеля.

Наружу вылетели они под ветки, нависшие над водой с обоих берегов. «Не набралась ли в бочки гномов вода?» — беспокоился Бильбо. Некоторые из бочек, что толкались вокруг в полутьме, были глубоко погружены в воду, наверняка, в них сидели гномы.

«Надеюсь, я плотно закрыл крышки», — переживал хоббит, но тут ему пришлось настолько озаботиться собственной персоной, что про гномов он на время забыл. Пока удавалось держать голову над водой, но он дрожал от холода и с тревогой размышлял, как долго будет в силах цепляться за бочку, не замерзнет ли насмерть, прежде чем опять улыбнется удача, и не стоит ли рискнуть и попробовать добраться до берега вплавь.

Удача не заставила себя ждать: бурлящий поток подогнал несколько бочек к берегу, они зацепились за прятавшийся в воде корень. Бочка Бильбо прижалась к другой, на некоторое время застыла, и хоббиту выпал случай взобраться по ее боку наверх. Как тонущая крыса, вскарабкался

он на крышку и улегся, широко раскинув для равновесия руки и ноги. Холодный ветер оказался теплей, чем вода, и Бильбо надеялся остаться на крышке и не свалиться в поток, когда бочка опять поплывет.

Вскоре бочки сорвались с корня и, крутясь и качаясь*, отправились дальше. Как он и ожидал, удержаться на крышке оказалось делом непростым: пока выходило, но сильно выматывало. К счастью, весил Бильбо немного, а бочка была большой, да еще протекала и набрала воды. Но все равно напоминало это езду без уздечки и стремян на пузатом пони, который то и дело норовит поваляться на траве.

Так он добрался до места, где лес по обоим берегам реки поредел. Меж деревьев проглядывало тусклое небо. Темный поток внезапно раздался вширь, сливаясь с основным руслом Лесной речки, которая стремительно неслась от Королевских ворот. Дальше шла уже незатененная серая полоса воды, и на ее подвижной поверхности танцевали отблески звезд и рваные отражения облаков. Быстрое течение Лесной речки вынесло всю флотилию бочек под северный берег, в котором поток вымыл обширную заводь. Под нависшим обрывом вдоль воды лежала галька,

а с восточной стороны заводь ограждал скалистый мысок: большинство бочек крутилось на мелководье, некоторые тыкались в этот каменный мол.

Их уже поджидали. Эльфы шестами быстро вытолкали бочки на мель, пересчитали, связали канатами и оставили так до утра. Бедные гномы! Сам Бильбо уже чувствовал себя получше. Соскользнул с бочки, побродил по берегу, а затем стал подкрадываться к стоявшим над рекой домишкам. Если б выпал случай, он, не раздумывая, без всякого приглашения угостился бы ужином, он ведь давно уже так поступал, ведь теперь хорошо знал, что такое быть по-настоящему голодным — это вам не задумчиво выбирать разносолы в забитой под завязку кладовке! К тому же, за деревьями он разглядел огонек костра и потянулся туда — с хоббита капала вода, и рваная холодная одежда липла к телу.

Не буду тратить время, подробно рассказывая о ночных похождениях хоббита, так как мы уже почти добрались до самого конца в нашем длинном путешествии на восток и стоим на пороге последнего и самого главного приключения, а потому должны поторопиться. Конечно, волшебное кольцо сильно ему помогло — вначале, но потом

его выдали мокрые отпечатки ступней и дорожки капель, которые он повсюду за собой оставлял, вдобавок, его одолел насморк, и, если хоббит пробовал затаиться, он тут же обнаруживал себя взрывом прорвавшегося наружу чихания. Очень скоро в деревне над рекой поднялся переполох, но Бильбо уже ускользнул в лес, прихватив краденые краюху хлеба, пирог и кожаную флягу с вином. Остаток ночи он провел в мокрой одежде и без огня, но на помощь пришла фляга с вином — он даже немного вздремнул на куче сухой листвы, хотя год был на исходе и воздух становился холодным.

Громко чихнув, он проснулся. Небо начало сереть, а с реки доносился жизнерадостный грохот. Это из бочек составляли плот — скоро плотогоны поведут его вниз по реке к Озерному городу. Бильбо снова чихнул, вода с него уже не капала, но он сильно замерз. Он скатился к реке со всей скоростью, на которую были способны окоченевшие ноги, и никем в общей суете не замеченный успел взобраться на плот. К счастью, солнце еще не взошло — не было досадных теней, а чихание на некоторое время милостиво его оставило.

С натугой упираясь шестами в дно, эльфы сталкивали плот с мелководья. Связанные вместе

бочки подергивались и скрипели.

— Тяжелые эти бочки, — ворчали эльфы. — Вон как глубоко в воде! Часть точно не пустая. Было б светло, стоило бы заглянуть внутрь.

— Некогда! — закричал плотовщик. — Отчаливаем!

Эльфы отталкивали плот шестами, и он, наконец, двинулся — сначала медленно, пока не миновали скалистый мыс. А затем, выйдя на стрежень, все быстрей и быстрей, вниз к Озеру. Итак, гномы прошли сквозь Лес и вырвались из королевских темниц, а вот живы они или нет, надо еще будет посмотреть.

---

*Бочки выскочили из затворов — Barrels out of Bond. Выражение, противоположное по смыслу выражению bonds out of barrel — из бочки выскочили затворы. Под затворами понимаются королевские темницы.

*найти хоть какой-то выход — to find a way out. Английское выражение одновременно означает найти дорогу и отыскать выход из положения.

*день дотлел уже до черноты ночи — fading once more into the blackness of night. См. соответствующее примечание к гл.8.

*виноградников Юных Лоз — gardens of Dorwinion. Dorwinion толкуется как Юная земля. Отсюда мой перевод.

***позвяк**ивали да **побряк**ивали — **cling** and **clang**.

*пока число его последователей не возросло до двенадцати — until his following had grown to twelve. Намек на двенадцать апостолов. Following Christ — следующий за Христом.

*нас **рас**колотит и **рас**плющит — ***b**ruised and ***b**attered to piece.

*затарены — stowed (буквально загружены).

*Светляк — Galion (толкуется как Сын света от gal — свет и ion — сын).

*ювелирно малы — precious small (буквально драгоценно малы).

*с**талк**ивались и **толк**ались — **b**obbing and **b**umping.

***к**рутясь и **к**ачаясь — **t**urned and **t**wisted off.

Глава 10
Теплый прием

Они плыли, день разгорался, становилось все теплее. Вскоре река обогнула крутой выступ левого берега. В омуте у его скалистого подножья клокотал поток. Скалы промелькнули и остались позади. Берега стали низкими, безлесными. Перед Бильбо открылась панорама равнины, по которой растеклась речная вода — она блуждала сотней извилистых рукавов, стояла в болотах и усеянных островками озерцах. Но посередине равнины по-прежнему шел мощный поток. А далеко впереди, выглядывая темной верхушкой из разодранных облаков, подымалась Гора! Не было видно ни ближайших к ней северо-восточных гор, ни низин у их подножия. Одиноко стояла она и поверх болот смотрела на Лес. Одинокая гора! Чтобы ее увидеть, Бильбо проделал длинный путь со множеством приключений, но Гора ему, по меньшей мере, не понравилась.

Однако, прислушавшись к разговору плотогонов и сведя вместе обрывки полученных ранее сведений, хоббит сообразил: крупно повезло, что

он, вообще, видит эту гору, пусть и вдалеке. И хоть невеселым было его заточение и скверным нынешнее положение (не говоря уже о положении гномов у него под ногами), ему подфартило больше, чем могло показаться на первый взгляд. Разговор шел о товарах, что взад-вперед сновали по водным путям, о росте движения на Лесной речке — ведь сухопутные дороги, соединявшие Восток с Мрачным лесом, заглохли и обезлюдели; говорили и про споры Лесных эльфов с Озерным народом: кому содержать в речку в порядке и присматривать за ее берегами.

Эти земли сильно изменились с той поры, когда в Горе жили гномы, о тех временах остались лишь смутные предания. Перемены происходили и в последние годы, так что новости из этих краев, которые дошли до Гандальфа, уже устарели. Таянье снегов и дожди повысили уровень здешних вод, случились также два землетрясения (многие склонны были связывать их с драконом — его, как правило, поминали с проклятиями и угрюмым кивком в сторону Горы). Ширились топи и трясины. Дороги исчезали, равно как и путники да странники, что пытались эти дороги отыскать. Тропа эльфов, по которой по совету Медвана отправились гномы, выводила к сомни-

тельным раздорожьям на восточном краю Леса, и ею почти не пользовались. Теперь только по реке можно было безопасно добраться от северо-восточной опушки Мрачного леса к равнинам у подножия Горы, и стерег этот маршрут король Лесных эльфов.

Выходит, Бильбо добрался до финала по единственно пригодному пути. Дрожащего на бочках господина Торбкинса, вероятно, порадовало бы, если б он узнал, что весть об этом дошла до Гандальфа и встревожила волшебника, заставив закончить все другие дела (которые не попали в эту историю) и отправиться на розыски экспедиции Торина. Но Бильбо об этом не знал.

Все, что он знал, так это то, что река течет себе да течет и, похоже, будет течь вечно, что он проголодался, подхватил сильный насморк, и ему не нравится, как, приближаясь, грозно хмурится Гора. Вскоре, однако, течение повернуло к югу, Гора отошла назад, под вечер к воде с обеих сторон подступили скалы, и река, собрав все свои разбредшиеся русла в быстрый и глубокий поток, понеслась вперед.

Уже зашло солнце, когда, еще раз свернув к востоку, Лесная речка влетела в Продолговатое озеро: словно створки каменных ворот, по обе-

им сторонам ее широкого устья подымались скалистые берега, подножье их было усыпано валунами. Продолговатое озеро! Бильбо и в голову не приходило, что столько воды может собраться еще где-нибудь, кроме моря. Озеро было настолько широким, что противоположный берег едва различался, и настолько длинным, что на севере, где озеро уходило к Одинокой горе, берег не был виден вовсе. Бильбо вспомнил карту: в северной стороне, где заблестела Большая Медведица, Быстрая речка, пройдя через Дол, впадала в озеро, чтоб вместе с Лесной заполнить доверху то, что некогда было глубокой каменной впадиной. На южном ее конце слившиеся вместе речные потоки, обрушиваясь с высоты, покидали озеро и резво бежали к неведомым землям. В вечерней тиши слышен был далекий рокот этих водопадов.

Неподалеку от устья Лесной речки стоял странный город, о котором Бильбо узнал из разговоров, подслушанных в погребах эльфийского короля. Располагался он не на берегу, хотя там находилось несколько его построек да лачуг, но прямо на поверхности озера, заслоненный от водоворотов речного потока скалистым мысом, за которым лежала укромная бухта. Широкий деревянный

мост вел к этому многолюдному деревянному городу, вставшему на сваи из огромных лесных стволов, городу не эльфов, но людей, что все еще отваживались жить в тени, которую отбрасывала далекая драконья гора. Люди эти сводили концы с концами благодаря товарам, подымавшимся с юга по мощной реке до самых водопадов — оттуда их на возах доставляли в город. В добрые же старые времена, когда на севере процветал Дол, были они богаты и сильны, по воде сновали целые флотилии лодок, некоторые были полны золотом, некоторые — воинами в доспехах, и такие вспыхивали войны и вершились дела, про которые нынче остались одни легенды. Когда в засуху вода спадала, становились видны стоящие вдоль берега гнилые сваи — раньше город был больше.

Но о прошлом люди почти не помнили, хотя некоторые еще пели песни о гномах — Королях в Горе, Троре и Траине из рода Дарина, о том, как налетел дракон, и погибли правители Дола. А некоторые вдобавок пели, что однажды Трор и Траин вернутся, распахнутся ворота Горы, золото поплывет по рекам, зазвучат новые песни, а земля опять наполнится радостью и смехом. Но в своих повседневных делах они не слишком-то

учитывали эти славные легенды.

Как только из города увидали плот из бочек, к нему сразу поплыли на веслах лодки, плотогонов окликнули. С плота бросили канаты, подтянули лодки, плот быстро вывели из течения Лесной речки, отбуксировали за скалистый уступ в небольшую гавань Озерного города и пришвартовали неподалеку от предмостного укрепления. Скоро южане должны были, поднявшись до Озера, забрать часть бочек, а остальные наполнить товаром, чтобы их по Лесной речке отправили к эльфам. Но пока бочки оставили на плаву, а эльфы-плотогоны и лодочники отправились пировать в город.

Они бы сильно удивились, если б увидели, что произошло у причала после того, как легли ночные тени. Для начала Бильбо разрезал веревку, которая держала бочки вместе, затем вытолкал одну бочку поближе к берегу и открыл. Раздались стоны, и разнесчастный гном выкарабкался наружу. Грязная мокрая солома торчала в его бороде, болели затекшие руки и ноги, он весь был в кровоподтеках, ему так намяло бока, что он едва держался на ногах — спотыкаясь, побрел по мелководью, чтобы с оханьем растянуться на берегу. Напоминал он злого оголодавшего пса,

про которого хозяин забыл и на неделю оставил на цепи в конуре. Узнать в этом гноме Торина можно было разве по золотой цепочке да по некогда небесно-голубому, а теперь грязному изодранному колпаку с потускневшей серебряной кисточкой. Прошло немало времени, прежде чем к нему вернулись хорошие манеры.

— Ты жив или мертв? — сердился Бильбо. Похоже, он забыл, что закусывал по крайне мере на один раз больше, чем гномы, а также, в отличие от них, свободно двигал руками-ногами и находился на свежем воздухе. — Ты, может, думаешь, что по-прежнему сидишь в темнице? Если хочешь поесть, а также продолжить всю эту глупую затею — она, кстати, ваша, а не моя — похлопай по себе руками, да разотри ноги, да давай помогай, пока представился случай вынуть остальных.

Торин понимал, что Бильбо дело говорит, поэтому, еще пару раз простонав, поднялся на ноги и стал, как мог, подсоблять хоббиту. В сумерках барахтались они в холодной воде, занимаясь трудной и противной работой — поиском нужных бочек. Стучали по стенкам и окликали гномов, но отозваться смогли только шестеро. Их достали из бочек и помогли добраться до берега, где они

сидели или лежали, поругиваясь да постанывая* — вымокшие, скрюченные, все в синяках, едва ли понимая, что оказались на свободе и должны быть за это благодарны.

Больше всего досталось Двалину и Балину, их нечего было звать на помощь. Бифур и Бофур вымокли меньше и меньше пострадали от ударов о стенки бочек, но легли плашмя и вставать не собирались. И только Фили и Кили, что были молоды (для гномов), лучше запакованы — с достаточным количеством соломы в бочонках по размеру — выбрались наружу даже с неким подобием улыбок, всего с двумя или тремя синяками, а их затекшие ноги быстро расходились.

— Надеюсь, никогда больше не вдохну запах яблок, — сказал Фили. — В моей бочке их было полно. С ума можно сойти от этого запаха, когда тесно, холодно и сильно хочется есть. Я бы сейчас все вокруг съел — кроме яблок.

Фили и Кили охотно пришли на подмогу, и вскоре остальная часть отряда была обнаружена и выпущена на волю. Бедный толстяк Бомбур или спал, или потерял сознание, Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин наглотались воды и были едва живы, всех по одному достали из бочек и уложили на берегу.

— Ну, вот мы и прибыли, — сказал Торин. — Думаю, стоит поблагодарить нашу счастливую звезду и господина Торбкинса. Полагаю, он может рассчитывать на благодарность, хотя ему следовало бы обеспечить нам более комфортабельный вояж. Но, так или иначе, а все мы теперь полностью к вашим услугам, господин Торбкинс. Мы, без сомнения, почувствуем должную признательность, как только утолим голод и отдохнем. Итак, что делаем дальше?

— Предлагаю идти в Озерный город. — сказал Бильбо. — А куда еще?

Других предложений, конечно, быть не могло. Оставив товарищей на берегу, Торин, Фили, Кили и хоббит двинулись к мосту. У входа на мост выставляли стражу, но она не слишком-то тщательно несла службу, потому как уже очень давно в этом не было нужды. Несмотря на периодические перебранки относительно речной пошлины, с Лесными эльфами горожане находились в дружеских отношениях. Поселения же всех прочих были далеко. Часть городской молодежи уже сомневалась, что в Горе живет дракон, и посмеивалась над дедушками и бабушками, которые уверяли, что собственными глазами видели в старые годы, как этот дракон летал по

небу. Поэтому не удивительно, что стражники выпивали и веселились у очага в своей хибаре и не слышали, ни как открывали бочки, ни как к мосту подошли четверо разведчиков. Как же они удивились, когда на пороге возник Торин со товарищи!

— Кто вы такие? Что вам нужно? — заорали они, вскакивая на ноги и хватаясь за оружие.

— Я Торин сын Траина сына Трора, Короля в Горе! — зычным голосом провозгласил гном, и вид у него был соответствующий, несмотря на рваную одежду и измазанный грязью колпак. Золото мерцало у него на шее и поясе, пронзительно глядели его черные глаза. — Вот я и вернулся! И хочу видеть градоначальника!

Все не на шутку всполошились! Те, что поглупее, даже выбежали из хибары, словно в надежде, что Гора прямо сейчас превратится в золото и желтой станет в ночи озерная вода. Старшина стражников выступил вперед.

— А кто они? — спросил он, указав на Фили, Кили и Бильбо.

— Сыновья дочери моего отца, — ответствовал Торин. — Фили и Кили из рода Дарина. А это господин Торбкинс, прибывший вместе с нами с запада.

— Если вы пришли с миром, отложите в сторону оружие, — потребовал старшина.

— У нас его нет, — ответил Торин, и так оно почти что и было — ножи вместе со славным мечом Гоблинорезом у гномов отобрали Лесные эльфы. У Бильбо же остался упрятанный, как прежде, короткий меч, но хоббит о нем промолчал.

— Оружие не нужно тому, кто вернулся за своим, как было предсказано еще в старые времена. Да и вас слишком много, чтоб вступать с вами бой. Ведите нас к градоначальнику!

— У него идет пир, — сказал старшина.

— Тем более ведите, — вмешался Фили, которому уже надоели все эти проволочки. — Мы устали и оголодали в долгой дороге. Наши товарищи нездоровы. Хватит разговоров, поторопитесь, а не то как бы ваш начальник не сделал вам выговора.

— Хорошо, идите за мной, — согласился старшина. Окруженные шестью стражниками, они, миновав мост, прошли через ворота к рыночной площади. Она представляла собой круглую просторную водную гладь, огражденную высокими сваями, на которых стояли дома, размером побольше, чем в остальных частях города, вдоль этих домов шли длинные деревянные причалы со

спускавшимися к воде ступенями да лесенками. Просторный зал одного из домов был освещен множеством огней, наружу долетал гомон множества голосов*. Вошли внутрь и, щурясь от света, остановились перед длинными столами, за которыми сидело много народа.

— Я Торин сын Траина сына Трора, Короля в Горе! Я возвратился! — громко произнес Торин от самых дверей, прежде чем старшина стражников успел что-либо сказать. Все резко поднялись на ноги. Градоначальник вскочил со своего высокого кресла. Но сильнее всех были изумлены эльфы-плотогоны, которые сидели под самой стенкой. Протолкавшись к столу градоначальника, они закричали:

— Это узники, сбежавшие из темниц нашего короля! Бродяги и проходимцы, которые ничего путного про себя сказать не смогли! Шлялись по лесу и приставали к нашим товарищам!

— Это правда? — спросил градоначальник. То, что сказали эльфы, по его мнению, звучало убедительней, чем возвращение Короля в Горе, даже если допустить, что этот король когда-либо существовал.

— Правда в том, что когда мы шли в наши земли, король эльфов бесчестно заманил нас

в ловушку и без всякого основания заточил в темницу, — отвечал Торин. — Но ни замкй, ни решетки не удержат того, кто возвращается домой, как было предсказано в старые времена. Разве этот город принадлежит Лесным эльфам? Разве я веду разговор с плотогонами Лесного короля, а не с главой Озерного города людей?

Тут градоначальника охватили сомнения, и глаза его забегали из стороны в сторону. Король эльфов был в этих краях весьма влиятелен, и градоначальник совершенно не хотел с ним ссориться, к тому же его не особо заботило, что было предсказано в старые времена, он больше пекся о товарообороте и пошлинах, грузах и золоте, благодаря чему и получил свою должность. Но остальные были настроены по-другому, поэтому все решилось быстро и без его участия. Новость вырвалась за дверь и, как пожар, распространилась по городу. Приветственные клики раздавались в зале и снаружи. На причалах множились звуки торопливых шагов. Доносились отрывки древних песен о возвращении Короля в Горе, никого не заботило, что это вернулся не сам Трор, а его внук. Где-то громко запели, и песня раскатилась над озером:

Былого царства слава

вновь засверкает скоро!
Зазеленеют травы,
король вернется в Гору!
В короне из рубинов,
настроит арфы струны,
и зазвучит старинный
*напев о г**о**дах юных.*
И лес взойдет высокий
на склоны гор навеки.
Богатств польют потоки
и золотые реки.
Заблещут ярко воды
и песня ввысь взовьется!
Рассеются невзгоды,
когда король вернется!

Вот так, или почти так, они пели, только песня была гораздо длиннее. И сопровождалась радостными возгласами, с ней смешивались звуки арф и скрипок. Даже старики не помнили такого оживления в Озерном городе. Эльфы-плотогоны тоже были не на шутку удивлены и напуганы. Они, конечно, не догадывались, как Торину удалось сбежать, и начинали задумываться, не сделал ли

их король серьезную ошибку. Что касается градоначальника, то ему не осталось ничего другого, кроме как присоединиться к общему воодушевлению, во всяком случае, на время, и притвориться, что он верит словам Торина. Поэтому он уступил ему свое высокое кресло, а Фили и Кили усадил на почетные места по обе стороны от Торина. Даже Бильбо досталось место за центральным столом, и среди общей суматохи никто не спросил, откуда он взялся — а ведь про него ни в одной песне не было и смутного намека.

Вскоре в город были доставлены остальные гномы, вызвав новое воодушевление. Их и подлечили, и накормили, и предоставили им жилище, их ублажали самым восторженным образом. Торину и его компании отвели просторный дом, в их распоряжении были лодки с гребцами, толпы народу день напролет распевали под их окнами песни, и стоило кому-нибудь из гномов высунуть наружу кончик носа, тут же раздавались приветственные крики.

Некоторые из этих песен были старыми, а некоторые — совсем новыми, в них выражалась уверенность в скорой смерти дракона и в том, что богатые дары поплывут по реке в Озерный город. Новые песни, в основном, заказал градоначаль-

ник, и они не особо нравились гномам. Зато они пришли в себя, потолстели и набрались сил. За неделю гномы приобрели прежний вид, обрядились в красивую одежду — каждый своего цвета, бороды их были расчесаны и подстрижены, а поступь — полна достоинства. Торин расхаживал и посматривал по сторонам так, как будто уже воцарился в Горе, а дракон изрублен в мелкие кусочки.

Как он и обещал, добрые чувства гномов к махонькому хоббиту все нарастали. Они перестали тяжело вздыхать и ворчать*. Пили за здоровье Бильбо, похлопывали его по плечу и, вообще, хлопотали вокруг него, что было не лишне, поскольку сам хоббит особого воодушевления не испытывал. Он не забыл, как посмотрела на него Гора, а при мысли о драконе холодок пробегал у него по спине. Три дня он кашлял и чихал и не выходил из дома, но и после все его речи на банкетах сводились к «Бдальшое бдасибо»*.

А тем временем плотогоны с товаром вернулись вверх по реке в королевский дворец и застали там нешуточный переполох. Мне до сих пор не известно, что сталось с начальником стражи и кравчим. Находясь в Озерном городе, гномы даже и не заикались о ключах и бочках, а Бильбо

соблюдал осторожность и не делался невидимым. Но, хоть эльфы многого не знали, зато о многом догадывались, правда, господин Торбкинс так и остался для них загадкой. Во всяком случае, теперь королю была ясна цель гномов, или он думал, что ясна, и про себя он приговаривал: «Ладно, ладно! Мы еще посмотрим! Никаким сокровищам не пройти сквозь Мрачный лес без того, чтобы я не вставил свое слово. Но, в любом случае, они получат по заслугам и плохо кончат». Он не верил, что гномы смогут одолеть дракона в схватке, и считал, что они прибегнут к краже — он был мудрый король, во всяком случае, мудрее людей в Городе, хоть и оказался не совсем прав, о чем мы узнаем в конце. Он разослал соглядатаев на берега озера и в сторону Горы — насколько те отважились к ней подойти — и стал ждать.

Недели через две Торин решил, что время выступать. Пора было просить помощи, пока в Городе преобладало воодушевление. Не стоило дожидаться, чтобы оно пошло на спад. Поэтому он оповестил градоначальника и городской совет, что вскоре его отряд собирается выступить к Горе.

Тут градоначальник впервые удивился и даже слегка испугался: а вдруг Торин и вправду

наследник древних королей? Он не думал, что гномы отважатся отправиться к Смарду, и считал их жуликами, которые рано или поздно себя выдадут и будут выгнаны прочь. Но он ошибся. Торин был настоящий потомок Королей в Горе, а на что только не пойдет гном, чтобы отомстить и вернуть свое добро.

Но градоначальник нисколько не жалел об их отъезде. Содержать их было недешево, а кроме того, прибытие гномов привело к длинным выходным, во время которых все дела встали. «Что ж, пусть пойдут и потревожат Смарда. Посмотрим, как он их приветит», — подумал он. А сказал следующее:

— Конечно, о Торин, сын Траина и внук Трора! Вы должны вернуть свое. Время пришло, говорят предания. Мы поддержим вас всем, чем сможем. И рассчитываем на вашу благодарность после того, как вы снова получите свое королевство.

Поэтому в один из следующих дней, средь наступившей уже поздней осени, когда задули студеные ветра и листья посыпались с деревьев, три большие лодки отчалили от Озерного города, заполненные гребцами, гномами, господином Торбкинсом и съестными припасами. Лошади и пони были посланы по береговым тропам, чтобы

встретиться с лодками в условленном месте. Градоначальник и его советники распрощались с гномами, спустившись прямо к воде по идущим от ратуши ступеням. Горожане распевали песни, стоя на причалах и высунувшись из окон. Белые весла со всплеском окунулись в воду, к северу отплыли они, к последнему действию своего длинного путешествия. Несчастным чувствовал себя один Бильбо.

---

*по**по**ругиваясь да **по**станывая — **m**uttering and **m**oaning.

*был освещен **множеством** огней, наружу долетал гомон **множества** голосов — shone **many** lights and there came the sound of **many** voices.

***в**здыхать и **в**орчать — **gr**oans or **gr**umbles.

*бдальшое бдасибо — thag you vary buch (от thank you very much).

Глава 11
На приступочке

За два дня прошли на веслах Продолговатое озеро, стали выгребать вверх по Проточной реке, над головой теперь мрачно высилась Одинокая гора. Течение было сильным, и продвигались не быстро. К концу третьего дня, поднявшись по руслу на несколько верст, пристали к берегу и высадились. Здесь к отряду присоединились лошади, навьюченные опять же провизией и прочей необходимой поклажей, а также пони для гномов и Бильбо. Что смогли, перегрузили на пони, остальное сложили под навес, и никто из горожан не остался даже до утра, слишком уж близка была тень от Горы.

— Ни в коем случае, пока не сбылись песни! — сказали горожане.

В этих диких местах легче было поверить в дракона, чем в Торина. Но склад, и в самом деле, не нуждался в охране, ведь округа была безлюдна и пуста. Поэтому сопровождающие, несмотря на скорую ночь, быстро удрали — по реке и по берегу.

Сиротливой выдалась ночевка. Было холодно, и все приуныли. На следующий день тронулись в путь. Сзади ехали Балин и Бильбо, каждый из них вел за собой тяжело груженного пони, а остальные, спешившись, искали дорогу, ведь троп не было. Двигались на северо-запад, удаляясь от Проточной речки и подбираясь к крупному южному отрогу Горы*, прянувшему им навстречу.

Это был изнурительный поход. Крались молча. Не было ни смеха, ни песен, ни звона арф, приподнятое настроение и надежды, что шевельнулись в сердцах от прозвучавших на озере старых песен, сменились подавленностью. Близился конец похода, и конец этот мог оказаться ужасным. Округа выглядела пустынно и печально*, хоть раньше, как сказал Торин, была зеленой и приветливой. Трава почти не росла, вскоре пропали кусты и деревья, и о том, что они когда-то тут были, говорили только остатки обломанных и обугленных* стволов. Отряд добрался до Драконовой пустоши, и добрался уже на исходе года.

Подошли к склону горы, по-прежнему не встретив ни какой-либо опасности, ни следов дракона, кроме самой пустоши, которую он выжег вокруг своего логова. Темная и молчаливая простерлась перед ними и над ними Гора. Первый свой лагерь

разбили на западном склоне южного отрога Горы, неподалеку от возвышения, что звалось В**о**ронов холм. На этом холме когда-то был сторожевой пост, но они не решались подняться на него: верхушка холма была открыта для всех глаз.

Перед тем как выступить к потайному входу на западном отроге, на который они возлагали все свои надежды, Торин послал разведку на юг к Главным Воротам. Отправились Балин, Фили и Кили, а с ними Бильбо. Прошагали под безмолвными серыми скалами к подножию В**о**ронова холма. Внизу река, огромной петлей изогнувшись на равнине Дола, быстрым и шумным потоком бежала к Озеру. С высоких отвесных скал, под которыми на валунах бурлила и пенилась вода, увидели они в тени отрогов на широкой равнине серые развалины домов, башен и крепостных стен.

— Все, что осталось от Дола, — сказал Балин. — Раньше громко звонили его колокола, а по склонам росли зеленые леса, укрывая изобильную и радостную долину.

Балин произнес это с мрачной грустью, ведь он был рядом с Торином в день, когда налетел дракон.

Они не рискнули и дальше двигаться по реке

и шли вдоль оконечности южного отрога, пока, припав к земле за камнями, не разглядели вход в пещеру — он чернел в стене голых скал, протянувшейся между двумя выступами Горы*. Из пещеры выбегала Проточная речка и вылетали клочья темного дыма. Все было неподвижно среди этой пустоши, за исключением воды и дыма, а еще нет-нет да появлялся в небе черный зловещий силуэт птицы. Слышен был только шум бегущего по камням потока, да раздавался то и дело резкий птичий крик.

Балина передернуло.

— Пора возвращаться. Не стоит тут задерживаться. И не нравятся мне эти ворóны. Похожи на вражеских разведчиков.

— Дракон по-прежнему жив-живехонек и, судя по дыму, лежит в пещере под Горой, — заключил Бильбо.

— Это еще ничего не доказывает, — возразил Балин. — Хотя в главном ты прав. Но он мог куда-то на время улететь, или спрятаться в засаде на склоне, а дым по-прежнему будет выходить из Горы, столько там набралось его вонючего чада.

С мрачными мыслями под карканье круживших над головой ворон изнурительной дорогой вернулись в лагерь. Совсем недавно, в июне,

гостили все они в светлом доме Элронда, теперь же осень потихоньку подкрадывалась к зиме, и казалось, что с той прекрасной июньской поры прошел целый год. А они очутились посреди грозной пустоши без всякой надежды на подмогу. Подошло к концу путешествие, но по-прежнему далека была их цель. Все упали духом.

Но меньше других, как ни странно, Бильбо. Он часто просил у Торина карту и, вглядываясь в нее, раздумывал над рунами и над тем, что подсказывала надпись лунными буквами, прочитанная вслух Элрондом. Именно хоббит побудил гномов к небезопасным поискам тайной двери на западном склоне Горы. Они перенесли лагерь в длинную узкую долину меж невысоких крутых протянувшихся к западу отрогов. Дно этого ущелья шло даже ниже пролегшей вокруг равнины. Тут было меньше следов от хищных лап дракона, и здесь отыскали они траву для своих пони. Из лагеря, что весь день, пока солнце не начинало сползать к лесу, был в тени под обрывом и скалой*, разбившись на группы, топали они на поиски троп, ведущих в гору. Если карта не врала, то где-то за утесом на южном склоне ущелья схоронилась дверь. Но изо дня в день возвращались они ни с чем. И, в конце концов, совершенно

неожиданно, нашли то, что было нужно.

Однажды Фили, Кили и хоббит, спускаясь обратно к лагерю вдоль южного склона ущелья, стали под обрывом перебираться* через съехавшие с него груды камней. Примерно в полдень, протискиваясь между обрывом и похожим на отдельно стоящую колонну большим камнем, Бильбо наткнулся на уходящие вверх грубые ступени. Затаив дыхание, пошли по ступеням и обнаружили порой терявшиеся, порой снова различимые признаки узкой тропы, что взбиралась по южному скату ущелья и привела их на тянувшийся к северу еще более узкий уступ. Глянули вниз, увидели вдали свой лагерь и поняли, что оказались на вершине утеса в самом начале долины. Не говоря ни слова, прижимаясь правым боком к скале, друг за другом шли они вдоль уступа, пока стена не распахнулась и не открылась небольшая ниша с крутыми стенками — уютная, заросшая травой площадка. Снизу эту нишу было не разглядеть — от глаз ее укрывал уступ, по которому они пришли, издали же она казалась просто темной трещиной в скале. Это была именно площадка, а не пещера — задрав головы, они увидели над собой небо. На дальнем конце площадки шла вверх плоская стена, у

земли она была гладкой и строго вертикальной, словно ее сложил каменщик, хотя не было видно ни швов, ни стыков. Не было также ни притолоки, ни порога, ни засова, ни какого другого запора, ни замочной скважины, но они не сомневались — наконец-то отыскалась потайная дверь.

Колотили по ней, толкали и налегали на нее, просили впустить, бормоча обрывки заклинаний, открывающих двери, но она и не шевельнулась. Измученные, уселись отдохнуть на траву под дверью, а к вечеру начали длинный спуск вниз. Ночью никто в лагере не мог уснуть, а утром стали собираться в поход. В лагере оставили только Бофура и Бомбура — сторожить пони и припасы, которые привезли от реки. Остальные двинулись по долине, затем вверх по найденной вчера тропе к узкому уступу. Его ширина не давала пронести ни тюк, ни узел, тем более что откос под уступом был высотой саженей в двадцать с острыми скалами внизу. Но так как у каждого была плотно намотанная вокруг пояса длинная веревка, то все успешно добрались до поросшей травой площадки.

На ней разбили третий по счету лагерь, подняв снизу на веревках все, что было нужно. На веревке же спускали порой кого-нибудь из гномов

половчей, например, Кили — обменяться хоть какими-то новостями и сменить на посту Бофура, которого втягивали в верхний лагерь. Бомбур же наверх не подымался — ни на веревке, ни по тропе.

— Я слишком тучен, чтобы, как муха, разгуливать по этим скалам, — говорил он. — У меня закружится голова, я наступлю себе на бороду, и вас снова станет тринадцать. Да и веревка, связанная из кусков, меня не выдержит.

На его счастье, он ошибался, и вы скоро об этом узнаете.

Со временем они исследовали уступ к северу от площадки и обнаружили тропу, которая все выше и выше забиралась в гору, но не рискнули далеко по ней подняться, к тому же, в этом не было смысла. Выше царила тишина, которую не нарушали ни крик птицы, ни какой другой звук, кроме воя ветра в разломах скал. Сами же они разговаривали тихо, обходились без песен и окликов, поскольку за каждым камнем чудилась опасность.

Попытки разгадать секрет двери ни к чему не привели. В запале они не обращали внимания на то, что говорили лунные буквы, и всё старались открыть спрятанный в гладкой стене вход. Из

Озерного города гномы привезли кирки и другие горняцкие инструменты и попытались ими воспользоваться. Но при ударах по камню рукояти инструментов раскалывались, гномы сильно отбивали себе руки, стальные же наконечники ломались или плющились, словно свинцовые. Гномы быстро поняли, что горняцкое дело бессильно перед волшебством, которое запирало дверь, да и боялись обнаружить себя звуками ударов.

Как-то Бильбо — понурый и одинокий — сидел на приступочке. Конечно, никакой приступочки не было, но так гномы, шутя, называли место у самой стены, вспоминая как когда-то давным-давно, при их незваном появлении в его норе, Бильбо сказал, что они посидят на приступочке, пока что-нибудь не придет в голову. Они и сидели, и ломали голову, и бродили туда-сюда вдоль стены, и все мрачнели и мрачнели.

Найдя дверь, все воспряли духом, но теперь снова повесили носы, хотя и не собирались отступать. Хоббит чувствовал себя не лучше гномов. Всё, на что он был способен — сидеть, прислонившись спиной к двери, и глядеть через площадку на запад, где за скалами и широкой долиной стоял черной стеной Мрачный лес, а где-то за ним,

казалось Бильбо, порой проступали Туманные горы — далекие и маленькие.

Когда гномы спрашивали, чем он занят, хоббит отвечал:

— Вы же сами говорили, что моя работа, кроме того, чтобы забраться внутрь, состоит в сидении на приступочке и в размышлении. Вот я сижу и размышляю.

Но, подозреваю, размышлял он не о ремесле грабителя, а, скорей, о том, что осталось за голубой далью — о безмятежном Западе, Горбе и своей норе.

В центре площадки среди травы лежал большой серый камень. В задумчивости Бильбо часто глядел на него, а еще — на больших улиток. Много таких улиток неспешно ползало по скалам, прилепившись к их поверхности — им явно нравилось это окруженное прохладными стенами место.

— Завтра начнется последняя неделя осени, — как-то сказал Торин.

— А потом настанет зима, — подхватил Бифур.

— А там и следующий год, — добавил Двалин, — и наши бороды дорастут до самого дна ущелья, а больше ничего не случится. И что толку от нашего грабителя? А ведь получив кольцо невидимости,

он стал просто выдающимся мастером своего дела! Я думаю, ему следовало бы войти в Главные Ворота и хоть что-нибудь да разузнать.

Бильбо все это слышал — гномы разговаривали вверху на скалах над площадкой, где сидел хоббит.

— Хорошенькое дело! — сказал он себе. — Вот что у них в головах! Выходит, на свою беду, я вместо Гандальфа должен непрерывно вызволять их из трудных положений. Что еще они от меня захотят? Так и знал, что самое ужасное ждет в самом конце! Во второй раз я уже не вынесу вида этого злосчастного Дола и выпускающих пар Ворот!

Ночь напролет он почти не спал и чувствовал себя очень несчастным. На следующий день гномы разбрелись кто куда: одни выгуливали внизу своих пони, другие бродили по горному склону. А Бильбо весь день грустно сидел на заросшей травой площадке, поглядывая то на большой серый камень, то сквозь узкий проход на запад. У него было странное чувство — что-то должно произойти.

— Может, сегодня вернется Гандальф, — думал он.

Всякий раз, глянув на запад, Бильбо видел далекий лес. Солнце клонилось к закату, и на лесных

кронах лежал желтый отблеск — это солнечный свет отражался от последней блеклой листвы. Вскоре оранжевый шар солнца повис на уровне глаз хоббита. Бильбо подошел к выходу на уступ и увидел над самым горизонтом тонкий и бледный серп молодого месяца. И тут позади себя он услыхал сухой резкий звук. На сером камне сидел очень крупный дрозд с черной, как уголь, спиной и бледно-желтой, усеянной темными пятнышками грудью. Стук! Дрозд ухватил улитку и колотил ею о камень. Стук! Стук!

Внезапно Бильбо сообразил. Забыв об осторожности, он выбежал на уступ и, крича и размахивая руками, стал звать гномов. Те, что были неподалеку, сразу скатились со скал, чтобы узнать, в чем дело, остальные кричали, чтоб их канатами втянули наверх. За исключением, конечно, Бомбура, который спал.

Бильбо быстро объяснил. Гномы примолкли. Хоббит стоял у серого камня, гномы, нетерпеливо покачивая бородами, ждали, что будет дальше. Но солнце спускалось все ниже и ниже, и надежды таяли. Вот солнце погрузилось в полосу красноватых облаков и исчезло. Гномы тяжело вздохнули, но Бильбо продолжал стоять неподвижно. Тонкий месяц коснулся горизонта. Настал вечер. И

когда все уже потеряли надежду, красный солнечный луч, словно палец, высунулся из разрыва в облаках. Пройдя сквозь узкий проем, он упал на гладкую каменную стену. Старый дрозд, который уселся над площадкой, склонил голову набок и бусинками глаз внимательно следил за происходящим, вдруг выдал трель. Раздался громкий треск. Каменная пластинка откололась от стены и упала в траву. В стене примерно в двух локтях над землей появилось отверстие.

Опрометью, боясь, что шанс испарится, гномы налетели на скалу и налегли* на нее — но все было напрасно.

— Ключ! Ключ! — заорал Бильбо. — Где Торин?

Прибежал Торин.

— Ключ! — кричал Бильбо. — Ключ, который приложен к карте! Пробуй, пока есть время!

Торин шагнул к скале, снял с шеи цепочку с ключом и вставил его в отверстие. Ключ вошел и провернулся. Щелк! Луч погас, солнце село, месяц спрятался, по небу растеклись сумерки.

Теперь налегли все вместе, и часть скалы стала медленно сдвигаться. Появилась и стала расширяться длинная прямая щель. Обрисовалась дверь, четыре локтя в вышину и два в ширину, и медленно и беззвучно открылась внутрь. Ть-

ма, словно туман, вытекла из отверстия в горе, непроглядную кромешную тьму увидели их глаза — жерло, пасть, ведущий вглубь вход*.

---

*отрог Горы — spur of the Mountain.

***п**устынно и **п**ечально — **b**leak and **b**arren.

***об**ломанных и **об**угленных — **b**roken and **b**lackened.

*выступы Горы — arms of the Mountain. По-видимому, синоним для слова отроги.

*под обрывом и скалой — by a cliff and a wall. Вероятно, обыгрывается выражение cliff wall — скальная стена.

*пере**бир**аться под о**бр**ывом — scra**mbl**ed among the tu**mbl**ed rocks.

***др**озд… выдал **тр**ель — **thr**ush… gave a **thr**ill.

***нале**тели … и **нале**гли — ru**shed** to… and pu**shed**.

*жерло, пасть, ведущий вглубь вход — mouth leading in and down. Mouth одновременно означает рот, пасть, жерло, вход в пещеру

Глава 12
Глубокая разведка*

Долго еще гномы стояли в потемках перед дверью и спорили, пока, наконец, Торин не произнес:

— Итак, пришло время высокочтимому господину Торбкинсу, который в нашем долгом походе проявил себя отличным товарищем, хоббиту, чьи таланты и отвага намного превосходят его размеры и чья удача, если позволено так выразиться, существенно превышает средний доход*, пришло ему время сослужить службу, ради которой он и был приглашен в наше предприятие, пришло для него время заработать свое вознаграждение.

Вы уже знакомы со стилем Торина в торжественных случаях, поэтому не буду пересказывать всю его длинную речь. Случай, без сомнения, был торжественный, но Бильбо не выдержал. Он ведь тоже был знаком со стилем Торина и догадался, к чему тот ведет.

— Если, о Торин с Дубовым Щитом, сын Траина, да вырастет еще длиннее твоя борода, ты думаешь, что это моя работа — первому войти в

потайной ход, так и скажи, и дело с концом! — сердито прервал его Бильбо. — Я ведь мог бы и отказаться. Я вытащил вас из двух переделок, что вряд ли входило в мои обязанности по договору, и, полагаю, уже могу рассчитывать на вознаграждение. Но, как говорил мой отец, «в третий раз — плати не боясь!»*, поэтому не откажусь. Возможно, теперь я больше прежнего стал верить в свою удачу, — под «прежним» он имел в виду прошлую весну, в которую покинул дом, но звучало это как «больше, чем сто лет назад». — Ладно, пойду, гляну одним глазком. Кто со мной?

Он и не ждал, что раздастся хор голосов, поэтому не был разочарован. Фили и Кили смущенно переминались с ноги на ногу, а остальные даже не притворялись, что раздумывают. Лишь старина Балин, всегдашний дозорный, который испытывал к Бильбо симпатию, сказал, что, пожалуй, войдет в дверь и, возможно, даже пройдет немного дальше, чтобы, если что, позвать на помощь. В защиту гномов можно сказать следующее: они собирались хорошо вознаградить Бильбо за труд, взяли его, чтобы он сделал за них самую грязную работу, и были не против, чтоб у него это получилось. Они изо всех сил постарались бы выручить его из беды, как это

случилось у костра троллей, в самом начале путешествия, когда у них еще не было оснований для благодарности. Что поделаешь, гномы совсем не герои, а расчетливый народ, высоко ценящий деньги, некоторые коварны, вероломны, злы, но встречаются и достойные гномы, вот как Торин со товарищи, не надо только требовать от них слишком многого.

За его спиной, на бледном, окаймленном чернотой небе взошли звезды. А Бильбо проник в зачарованную дверь и вкрался в Гору. Все оказалось легче, чем он предполагал. Ход не походил на гоблинский коридор или необработанную пещеру Лесных эльфов. Его сделали гномы в свою самую богатую и мастеровитую пору: прямой, как стрела, с отшлифованными стенами и полом, под постоянным пологим уклоном уводил он куда-то во тьму, вниз, на самое дно.

Вскоре Балин пожелал Бильбо удачи и остановился там, где еще можно было различить слабый свет от входа и благодаря проделкам эха расслышать шорох голосов остальных гномов, которые о чем-то шептались у самой двери. А хоббит надел на палец кольцо и, предупрежденный эхом о том, что надо больше обычного заботиться о тишине, стал бесшумно красться вниз, вниз,

вниз во тьму. Он весь трясся от страха, но личико его было решительным и угрюмым. Это был уже совсем не тот хоббит, что давным-давно выбежал без носового платка из своего дома в Торбкинсовом околотке. Ох, сколько же времени обходился он без платка! Он выдвинул кинжал из ножен, подтянул пояс и зашагал дальше.

«Вот, наконец-то, оно и случилось, Бильбо Торбкинс! — думал он. — Во все это ты встрял в ту вечеринку, а сейчас тебе надо из всего этого выпутаться и за все расплатиться. Ох, милый, каким же дураком ты был. И остаешься, — сказала ему наименее хватовская его часть. — К чему мне богатство, которое стережет дракон? Пусть вся эта уйма сокровищ так тут и лежит, а мне лишь бы очнуться от сна — чтоб этот жуткий туннель оказался коридором моего родного дома».

Конечно, он не очнулся, а продолжил спускаться, пока позади не померк последний блик света. Хоббит остался один-одинешенек. Вскоре ему показалось, что он чувствует тепло. «Будто снизу повеяло жаром», — подумал Бильбо.

Так оно и было. Он шел все дальше, становилось все теплее. Забрезжил красноватый свет, который делался все красней и красней. В туннеле стало совсем жарко. Над хоббитом и за

хоббитом всплывали клочья пара, он вспотел. В ушах запульсировал звук, похожий на бульканье подпрыгивающего на огне горшка, к которому примешалось урчание исполинского кота. Постепенно звук перерастал — теперь ошибиться было нельзя — в клокочущее похрапывание огромного зверя, от которого разливалось красное зарево.

Тут уж Бильбо остановился. А следующий шаг стал самым храбрым поступком за всю его жизнь. Ужасные испытания, пережитые позже, дались ему легче. Здесь, в одиночестве, он выиграл тяжелую битву с самим собой, даже не успев еще увидать поджидавшую его исполинскую опасность. После короткой остановки, несмотря ни на что, он двинулся дальше. Вот он приближается к выходу из туннеля, по форме и размеру почти такому же, как вход. Из туннеля высовывается небольшая голова хоббита. Перед ним огромный нижний погреб, или подземный зал стародавних гномов, расположенный среди корней Горы. Здесь почти совсем темно, и о величине пространства можно лишь догадываться, но от каменного пола на ближнем краю зала исходит сильный жар. Жар Смарда!

Это был он — крепко спящий громадный дракон из красного золота, слегка дребезжали его

челюсти и ноздри, из них вылетали клочья дыма, но огневая мощь* его пока бездействовала. А под ним, под лапами и свернутым в кольцо огромным хвостом, и по сторонам от дракона, теряясь во мгле, кучами, без счета, навалены были сокровища: обработанное и необработанное золото, самоцветы и драгоценности, и серебро, из-за красной подсветки отливавшее багряным.

Смард спал, сложив крылья, словно гигантская летучая мышь, и слегка повернувшись на бок, так что хоббит видел его длинное бледное брюхо, как струпьями, покрытое после долгого лежания на драгоценном ложе самоцветами и кусками золота. Позади дракона, там, где ближе всего к нему подступили стены, слабо виднелись висевшие на них кольчуги, шлемы, топоры, мечи и копья, рядами стояли большие кувшины и вазы, наполненные богатствами, о которых можно было только догадываться.

Сказать, что у Бильбо перехватило дыхание, значит не сказать ничего. Чтобы выразить его ошеломление, не осталось уже слов в языке, который люди получили в чудесные времена от эльфов, а затем переделали на свой лад. Конечно, он слышал рассказы и песни о кладах, хранимых драконами, но грезы о великолепии и прелестях

этих сокровищ и влечение к ним никогда не заявлялись к нему в гости. Но сейчас в сердце хоббита, пронзив, наполнив, заворожив его, проникло вожделение гномов, он застыл и, почти забыв об ужасном страже, таращился на бессчетные и бесценные богатства.

Таращился, казалось, целую вечность, а потом, будто против воли, прокрался из темного туннеля к ближайшей груде сокровищ. Над ним возвышался спящий дракон, смертельно опасный даже во сне. Бильбо, зыркнув вверх одним испуганным глазом, ухватил большой кубок с двумя ручками, такой тяжелый, что едва смог его поднять. Смард шевельнул крылом, выпустил коготь, сменился тон его рокочущего храпа.

Бильбо бросился наутек. Хотя дракон не проснулся — на этот раз — остался лежать на полу заграбастанного чертога и лишь сместился в свой следующий алчный и жестокий сон, но маленький хоббит отчаянно несся вверх по длинному туннелю. Сердце колотилось в груди, лихорадочная дрожь в ногах была даже сильнее, чем во время спуска, при этом кубок он из рук не выпускал, а в голове крутилось: «Я это сделал! Я им показал! "Больше похож на лавочника, чем на грабителя!" Теперь пусть только попробуют

это сказать!»

Они и не сказали. Балин был рад-радехонек снова увидеть Бильбо, причем настолько же рад, насколько и поражен. Он подхватил хоббита и вынес его наружу. Была полночь, облака закрыли звезды, а Бильбо, лежа с закрытыми глазами, глубоко дышал, наслаждался свежим воздухом и не реагировал на возбужденных гномов: ни на их похвалы в свой адрес, ни на похлопывания по спине и плечам, ни на заверения, что и они сами, и все их потомки к его услугам.

Гномы все передавали кубок из рук в руки и с восторгом разглагольствовали о грядущем обретении своих сокровищ, как вдруг протяжный рокот пробудился в недрах Горы, будто древний вулкан решил снова устроить извержение. Дверь в скале была прикрыта, и только заложенный между дверью и стеной камень мешал ей захлопнуться, но по длинному туннелю, из самых глубин, докатились ужасные отголоски рева и топота, от которых задрожала земля. Гномы мигом прекратили веселиться и хвастаться и съежились от страха. Смарда пока нельзя было сбрасывать со счетов. Да, нельзя не принимать в расчет живого дракона, обитающего рядом с тобой. Драконы могут не пользоваться своим богатством, но они

держат его в памяти до последней крупицы, особенно если долго им владеют, и Смард не был исключением. Он перешел из беспокойного сна (в котором видел воина, небольшого по размеру, но храброго и с острым мечом) в дрему, а из дремы — к полному пробуждению. В его пещере появился незнакомый запах. Может, дует из этой небольшой дырки? Она никогда ему не нравилась, хоть и была всего ничего по размеру, но теперь он подозрительно вглядывался в нее, жалея, что вовремя ее не заделал. Ведь совсем недавно он вроде бы расслышал слабое эхо какого-то стука, издалека, сверху дошедшее в его логово. Он зашевелился, вытянул по направлению к отверстию шею и принюхался. И тут заметил, что пропал кубок.

Воры! Пожар! Зарезали! Ничего подобного не было с тех пор, как он забрался в Гору. Где взять слова, чтоб описать его ярость?! Похожую ярость чувствуют богачи с таким количеством добра, что вам и не снилось, если вдруг лишаются вещи, которой за все долгое время владения ни разу не воспользовались. Он изрыгнул пламя, пещера наполнилась дымом, задрожали сами корни Горы. Сделав неудачную попытку протиснуться в узкий туннель, дракон, извиваясь всем длинным телом и грохоча, как подземный гром, выбрался через

огромную дверь из своего глубинного логова и поспешил по широким коридорам подгорного дворца к Главным Воротам.

Обшарить всю гору, найти вора, разорвать и растоптать его — это желание полностью завладело драконом. Он показался из Ворот — свирепо засвистела, превращаясь в пар, вода Проточной речки — выдыхая огонь, взлетел ввысь и уселся на вершине Горы, испуская струи зеленого и алого пламени. Гномы, как только, словно ужасный слух, разнесся звук его полета, припали к стенам травянистой площадки, притаились* за камнями, стараясь спрятаться от жуткого взгляда вышедшего на охоту дракона.

Тут бы они все и погибли, если б их снова не выручил Бильбо.

— Быстро! Быстро! — выдохнул он. — Дверь! Туннель! Здесь нельзя оставаться!

Подстегнутые его призывом, гномы уже собрались было заползти в туннель, как тут раздался крик Бифура: — Мои двоюродные! Бомбур и Бофур — мы забыли про них, они в долине внизу!

— Они погибли! И наши пони! И все припасы! — взвыли остальные. — Ничего не поделаешь!

— Ерунда! — сказал Торин, к которому вернулось самообладание. — Мы не можем их бросить.

Господин Торбкинс, Балин, и вы — Фили и Кили, давайте внутрь, чтоб не все достались дракону. Остальные разматывайте веревки! Живо!

Пожалуй, это были самые тяжелые минуты за все время их путешествия. Сверху, отражаясь от скалистых склонов, доносился рев разъяренного дракона, в любой момент мог он дохнуть вниз огнем или, полетев вокруг горы, обнаружить их на отвесной кромке скалы, бешено тянущих свои веревки. Они уже втянули вверх Бофура и все еще были живы. Втянули Бомбура, который с шумом выдыхал воздух всякий раз, когда трещала веревка, и все еще были живы. Потом втянули инструменты и тюки с припасами. Тут-то и подоспела напасть.

Послышался шум крыльев. Красное зарево легло на острия отвесных скал. Приближался дракон.

Они едва вбежали в туннель, таща и волоча* свои тюки, как с севера появился Смард, опаляя огнем горные склоны, гоня крыльями ревущий воздух. Его жаркое дыхание, от которого пожухла трава на площадке у туннеля, проникло в щель не закрытой до конца двери и обожгло притаившихся гномов. Взвилось вверх пламя*, затанцевали черные тени скал. А потом, когда он пролетел,

снова сгустилась тьма. От ужаса заржали пони, сорвались с привязи и отчаянно понеслись прочь. Дракон нырнул вниз, развернулся в сторону пони и скрылся из виду.

— Пропали наши лошадки! — сказал Торин. — Кого Смард учуял, тому несдобровать. А нам придется здесь задержаться. Надеюсь, никому не взбредет в голову отправиться обратно к реке, шагая версты за верстами по открытой местности со стерегущим в небе драконом.

Такой вариант, действительно, не понравился гномам. Они еще дальше заползли в туннель, лежали и дрожали в тепле и духоте, пока бледная заря не просочилась в дверную щель. Ночью то и дело было слышно, как нарастает рев летящего дракона, а затем проходит стороной и стихает — дракон продолжал свои поиски, снова и снова облетая Гору.

Обнаружив пони и следы обоих лагерей, он решил, что это люди поднялись по реке с озера, и прочесал склон вверх от долины со стоянкой пони, но секрет двери устоял* перед его рыскавшим взглядом, а ниша с высокими стенами уберегла гномов от жаркого пламени. Дракон обшаривал склоны до самого рассвета, охладившего его ярость, а затем отправился на свою золотую

лежанку спать и набираться сил. Он не забыл о воре, не простил бы его и через тысячу лет, даже превратившись в изношенное огниво, но мог позволить себе не спешить. Тихо, не торопясь, он заполз на свое ложе и полуприкрыл глаза.

Пришло утро, и обуявший гномов ужас слегка утих. Они поняли — при таком страже подобные опасности неизбежны, а потому не стоит бросать начатое дело. Да им и не удалось бы сейчас улизнуть, что уже подчеркнул Торин. Пони убежали или были мертвы, а, значит, надо было дожидаться, пока не ослабнет бдительность Смарда, чтобы попробовать уйти пешим ходом. К счастью, у них остались припасы, позволявшие продержаться еще какое-то время.

Они долго пререкались, но так и не смогли решить, как избавиться от Смарда — признаться, это всегда было слабым местом в их планах, о чем так и подмывало высказаться Бильбо. А после, как это свойственно зашедшим в тупик, гномы принялись ворчать на хоббита, обвиняя его в том, за что недавно хвалили: он слишком рано унес кубок и разозлил Смарда.

— А для чего еще нужен грабитель? — зло ответил Бильбо. — Меня не нанимали убивать дракона — это дело воинов. Меня наняли, чтобы

украсть сокровища. Я начал, как мог. Вы думали, я сразу притащу на спине все, что припрятал Трор? Они еще ворчат! Да вам надо было нанять не одного, а пятьсот грабителей! Это делает честь вашему деду, но разве вы когда-нибудь говорили мне о размере его богатств? Понадобятся сотни лет, чтоб это все вынести наружу, даже если б я был в пятьдесят раз больше, а Смард — смирнее кролика.

Тут гномы, конечно же, принесли свои извинения.

— Что же нам теперь делать? Что вы посоветуете, господин Торбкинс? — вежливо осведомился Торин.

— Если вы о выносе сокровищ, то на данный момент у меня нет решения. Все зависит от того, улыбнется ли нам удача и сможем ли мы вдобавок избавиться от Смарда. Дракон — это не мой профиль, но я постараюсь подумать и на эту тему. Хотя у меня самого не осталось уже никаких надежд, и я бы очень хотел в данную минуту оказаться у себя дома.

— Давайте обсудим это после! Скажите, что нам делать сейчас.

— Ладно, если хотите совет, не делайте ничего, просто оставайтесь там где есть. Днем мы на-

верняка сможем, не сильно рискуя, выползти наружу и подышать свежим воздухом. Через какое-то время надо послать одного или двух на склад у реки, чтобы пополнить запас еды. Но ночью все должны находиться в туннеле. Могу предложить следующее. Я надену кольцо и в полдень проскользну вниз — ведь когда застать дракона врасплох, как не в полдень. Погляжу, как он там. Вдруг что выйдет. Мой отец говаривал: «И дракон может получить урон», хоть на личном опыте он это не проверял.

Гномы охотно приняли предложение. Они и так уже относились к маленькому хоббиту с большим уважением. А теперь он сделался главарем всей их затеи. Он выдвигал идеи и разрабатывал планы. К полдню он был готов к еще одному походу вглубь Горы. Конечно, ему не хотелось идти, но теперь он хоть более-менее представлял, что его там ждет. Правда, если бы он больше знал о драконах и об их уловках, то, возможно, испытывал бы больший страх и меньшую надежду застать дракона врасплох.

Итак, он отправился. Снаружи светило солнце, но в туннеле была темная ночь. Свет от чуть приоткрытой двери вскоре померк. Двигаясь бесшумней дыма на легком ветру и слегка гор-

дясь этим, хоббит добрался к выходу из туннеля. Красное свечение на этот раз было едва заметно. «Старик Смард, — подумал он, — устал и спит. Меня ему не увидеть. И не услышать. Смелее, Бильбо!» Он совсем позабыл или никогда не слыхал о тонком нюхе драконов. Есть и еще одно связанное с драконами опасное обстоятельство: когда дракон настороже, он спит с одним приоткрытым глазом, который ведет наблюдение.

Бильбо высунулся из туннеля. Казалось, дракон глубоко заснул. Казалось, он мертв и весь уже почернел. Невидимая струйка пара — вот и весь его храп. Хоббит хотел уже поставить ногу на пол подземного зала, как вдруг заметил тонкий и острый красный луч, который выходил из-под опущенного левого века дракона. Смард притворялся, что спит! А сам следил за выходом из туннеля! Бильбо быстро отступил назад и поблагодарил судьбу за кольцо.

И тут Смард заговорил.

— Привет, вор! Я чую твой запах, я унюхал твое дыхание, я слышу, как ты дышишь. Заходи, не стесняйся. Я с тобой поделюсь. Тут хватит на всех.

Но Бильбо помнил кой-какие истории про драконов, поэтому Смард напрасно надеялся так

просто его к себе подманить.

— Благодарю, о Смард Колоссальный! — ответил хоббит. — Подарки мне не нужны. Я только хотел взглянуть на тебя, чтобы проверить, правдивы ли сказания о твоих размерах. Я сомневался.

— А теперь? — спросил дракон, слегка польщенный, хоть он и не верил ни одному слову хоббита.

— Действительность превзошла песни и легенды, о Смард — главная и величайшая из всех погибелей!

— Для вора и вруна ты слишком хорошо воспитан, — ответил дракон. — Ты знаешь, как меня зовут, но я не помню, чтобы когда-нибудь прежде встречал твой запах. Можно поинтересоваться, кто ты и откуда?

— О, конечно же! Я пришел из-под Горба, и под горбами и над горбами пролег мой путь. А еще по воздуху. Я тот, чья поступь не видна для глаза.

— Допустим, я поверил, — сказал Смард. — Только вряд ли это твое настоящее имя.

— Я Разгадыватель, Паутиноруб и Жалящий Овод. Я приглашен для счастливого числа.

— Замечательные титулы! — ухмыльнулся дракон. — Только на счастливое число не всегда

падает выигрыш.

— Я похоронил друзей заживо, и утопил их, и достал живыми из воды. Я пришел из Торбова конца, но ни одной торбой меня до конца не поймать*.

— Уже не так убедительно, — фыркнул Смард.

— Я товарищ медведям, я гость у орлов, Кольцедобытчик, Счастьеносец и Бочкоезд, — Бильбо явно входил во вкус, продолжая загадывать свои загадки.

— Уже лучше, — сказал дракон. — Не дай только своим фантазиям сболтнуть лишнее*.

Конечно, так только и следует разговаривать с драконом в случае, если ты не хочешь раскрывать свое имя (что мудро) и не хочешь разгневать дракона открытым отказом назвать себя (что тоже мудро). Ни один дракон не устоит перед искушением скоротать время, разгадывая загадки. Смард многого не понял (но я надеюсь, что понял ты, поскольку все знаешь о приключениях хоббита, на которые тот намекал), но, как ему казалось, сообразил достаточно для того, чтоб ухмыльнуться всем своим злобным нутром.

«Вчера я правильно догадался, — мысленно хмыкнул он. — Быть мне ящерицей, если это не Озерные люди с какой-то мерзкой аферой в тор-

говле бочками. Я не был у них целую вечность, но это надо исправить».

— Пусть будет Бочкоезд, — сказал он вслух. — Должно быть Бочкой звали твоего пони, а может, и нет, хоть он оказался достаточно жирным. Может, твоя поступь и невидима, но не весь путь сюда ты проделал пешком. Вчера я съел шестерых пони, а скоро поймаю и съем остальных. В качестве платы за вкусную трапезу я дам тебе добрый совет: не водись с гномами.

— С гномами?! — притворно удивился Бильбо.

— Перестань, — ответил Смард. — Никто лучше меня не знает запах (и вкус) гнома. Не думай, что я мог съесть пони и не разобрать, кто его хозяин. Из торбова ты придешь к плохому концу*, если продолжишь дружить с гномами. Ступай обратно, ворюга-бочкоезд, и так им и передай.

Но Смард не признался Бильбо, что запах одного ездока на пони поставил его в тупик — это был запах хоббита. С таким запахом Смард прежде не сталкивался и был сильно озадачен.

— Надеюсь, вчера они хорошо заплатили тебе за кубок? — продолжил он. — Или не тут-то было, а? Совсем ничего. Это в их стиле. Догадываюсь, сами они бездельничают снаружи, а тебя наняли на опасную работу — тащить для них что придет-

ся, когда я отвернусь. Думаешь, они по-честному с тобой поделятся? Вряд ли. Хорошо, если живым останешься.

У хоббита все тяжелее становилось на душе. Всякий раз, когда на него падал рыскавший в его поисках луч из глаза дракона, его била дрожь и пронзало почти неодолимое желание выбежать из туннеля, снять кольцо и рассказать Смарду всю правду. Ему угрожала ужасная опасность — полностью попасть под чары дракона. Но он собрал все свое мужество и заговорил.

— Тебе известно не все, о Смард Всемогущий! — сказал Бильбо — Нас привело сюда не одно только золото.

— Ха-ха! Вот ты и признался, что «нас», — рассмеялся Смард. — Почему бы не сказать «четырнадцать нас», сударь Счастливое Число? Я рад, что у вас в этих краях есть другие дела, кроме моего золота. В таком случае вы, может, и не потеряете время зря. Но приходило ли тебе в голову, что, даже если вы по чуть-чуть будете красть у меня все это золото — на что у вас уйдет лет сто — далеко вы его не утащите? А для чего оно на склоне горы? А что делать с ним в лесу? Разрази меня гром! Подсчитал ли ты издержки? Четырнадцатая часть или что-то около того, таков был

уговор? А во сколько обойдется перевозка? Гужевой транспорт? А вооруженная охрана? А мыто на мостах и заставах?

Смард громко захохотал. Его злой, коварный ум почти все угадал, хотя ему и мерещилась за всем этим рука Озерян, и он подозревал, что б**о**льшая часть украденного у него должна была осесть в Озерном городе, который во времена его молодости звался Эсгаротом.

Не поверите, но бедного Бильбо застигли врасплох. До сих пор все его помыслы и усилия были направлены на то, чтобы добраться до Горы и отыскать вход. Его совсем не заботило, как вынести сокровища и как переправить свою долю по адресу Торбов конец, в Горбе. Теперь внутри у него зашевелилось скверное сомнение — действительно ли гномы тоже забыли об этом важном обстоятельстве или просто все это время втихомолку над ним посмеивались? Именно такие подозрения и должны были вызвать речи дракона в голове у неподготовленного слушателя. Конечно, Бильбо держался настороже, да только Смард был очень влиятельной личностью.

— Я уже сказал, — произнес хоббит, пытаясь сохранить верность товарищам и свести концы с концами*, — что золото для нас — второстепен-

ный вопрос. Мы пришли через горбы и сквозь горбы, по ветру и по воде, чтоб отомстить. О Смард, чьи богатства неисчисляемы-неначисляемы*, своими подвигами ты нажил себе заклятых врагов!

Тут Смард засмеялся по-настоящему — убийственным смехом, который стряхнул Бильбо на пол, а гномов далеко вверху заставил прижаться друг к другу — они решили, что хоббита застигла внезапная и ужасная смерть.

— Отомстить! — хохотнул Смард, и огни его глаз, словно алые молнии, осветили зал от пола до потолка. — Отомстить! Король в Горе мертв, и где же его родня, что хочет отомстить? Владыка Дола Гирион мертв, я жрал его людей, как волк жрет овец, и где же сыновья его сыновей? Они не отваживаются приблизиться ко мне. Я убивал всех, кого хотел, и никто даже не сопротивлялся. Я уложил прежних воинов, а нынешние и в подметки им не годятся. А я был тогда еще юным, некрепким. Теперь я матерый и мощный, мощный, мощный, слышишь, Вор в Потемках! — злорадно продолжал дракон. — Моя броня прочней десяти кольчуг, мои зубы, как клинки, мои когти, как копья, удар моего хвоста страшней удара молнии, мои крылья, как ураган,

мое дыхание — это смерть.

— Мне всегда казалось, — испуганно пискнул Бильбо, — что снизу у драконов не все так твердо, особенно в… э-э… области груди, но, конечно, столь защищенный дракон предусмотрел и это.

Смард разом оборвал свое хвастовство.

— Твои сведения устарели, — отрезал он. — Сверху донизу я бронирован железной чешуей и свехпрочными самоцветами. Ни один клинок не проткнет.

— Как же я не сообразил! — ответил Бильбо. — Нет равных Владыке Смарду Непрошибаемому! Жилетка с брильянтами — это роскошно!

— Да, это большая редкость! — откликнулся до смешного польщенный Смард. Ему было невдомек, что Бильбо уже однажды бросил взгляд на его замечательное исподнее, и теперь хоббиту не терпелось рассмотреть все поближе — у него были для этого некоторые основания.

Дракон перевернулся на спину:

— Гляди! Ну, что скажешь?

— Ослепительно! Великолепно! Безукоризнен-

но! Умопомрачительно! — воскликнул Бильбо, а сам подумал: «Вот старый олух! Слева на животе у него прореха — там он заголился, словно улитка без раковины».

Теперь у Бильбо было одно желание — унести ноги.

— Не смею больше докучать вашему великолепию! — сказал он. — И мешать столь необходимому отдыху! Ведь с устатку-то пони не ухватишь! Равно как и грабителя! — бросил он на прощанье и рванул вверх по туннелю.

Последняя реплика была явно лишней: дракон приложил свою жуткую голову к туннелю и выдохнул вслед хоббиту убойную струю пламени. Как ни спешил Бильбо, отбежать на безопасное расстояние он не успел. К счастью, пасть дракона не пролезла в отверстие, но ноздри послали вверх по туннелю огонь и пар. Хоббит едва остался жив и, ослепленный, зашатался от боли и ужаса. Он, было, загордился ловкостью, с которой провел беседу с драконом, но ошибка в самом конце вправила ему мозги.

— Никогда не смейся над живым драконом, олух Бильбо! — сказал он себе. Фраза эта впоследствии стала его любимой и даже превратилась в поговорку.

— До конца приключений еще далеко, — добавил он, и это было правдой.

День уже клонился к вечеру, когда он выбрался наружу, споткнулся и без сил упал на приступочке. Гномы вернули его к жизни и, как могли, полечили ожоги, но прошло немало времени, прежде чем на его затылке и пятках снова отросла шерсть: она была обсмалена до самой кожи. Товарищи старались приободрить Бильбо, им не терпелось услышать его рассказ, особенно про то, отчего дракон произвел такой оглушительный шум, и как хоббиту удалось спастись.

Но хоббит никак не мог успокоиться, и гномам приходилось слово за словом все из него вытаскивать. Он уже сообразил, что наговорил дракону лишнего, и не хотел об этом рассказывать. Неподалеку на камне, свесив голову набок и прислушиваясь к разговору, сидел старый дрозд. Да, у Бильбо, и в самом деле, было скверное настроение: он подобрал камень и швырнул им в дрозда, но тот упорхнул в сторону, а после снова вернулся.

— А чтоб тебе! — сердито проворчал Бильбо. — Подслушивает! И, вообще, он мне не нравится.

— Оставь его в покое, — сказал Торин. — Дрозды — наши друзья. А этому много лет, и он, может,

последний из некогда обитавшего здесь древнего птичьего племени, которое приручили мои предки. Такие птицы живут долго и знаются с волшебством, а этот дрозд, вполне возможно, летал тут уже пару сотен лет назад, а то и раньше. Люди из Дола ухитрились выучить язык дроздов и передавали с их помощью сообщения в Озерный город и в другие края.

— Ага, значит, ему будет что сказать Озерянам, — ответил Бильбо, — хотя вряд ли кто из нынешних удосужился выучить язык дроздов.

— Так что же там было?! — заорали гномы. — Давай рассказывай!

И хоббит рассказал им все, что вспомнил, признавшись, что его загадки вместе с лагерем и пони давали дракону возможность о многом догадаться.

— Уверен, он понял: мы пришли из Озерного города и Озеряне нам помогли, и у меня ужасное чувство, что теперь он может двинуться к ним. И зачем только я сболтнул о Бочкоезде, любой здешний кролик, даже полуслепой, сразу подумал бы об Озерянах!

— Тут уж ничего не поделаешь! — желая утешить Бильбо, сказал Балин. — Трудно не дать слабину при разговоре с драконом, так мне всегда

говорили. Если спросишь мое мнение, я считаю, ты действовал успешно: выяснил очень важное обстоятельство и остался жив, а большего не добивался никто из тех, что беседовали с существами вроде Смарда. Крупная удача, что мы теперь знаем о прорехе в алмазной жилетке старого червяка.

После слов Балина завязалось обсуждение драконоубийств — с исторической, скептической и мифической точек зрения: различные виды заклания, протыкания и вспарывания*, а также всевозможные методы, уловки и орудия для их осуществления. Сошлись на выводе, что застать врасплох дремлющего дракона труднее, чем это сказать, и что попытки проткнуть его во время сна могут привести к еще большей беде, чем храбрая лобовая атака.

Все это время дрозд прислушивался к беседе, а когда проступили первые звезды, беззвучно взмахнул крыльями и улетел. Тени во время их разговора становились все длиннее, а Бильбо — все несчастнее, его дурные предчувствия нарастали.

В конце концов, он оборвал гномов:

— Опасно здесь оставаться. Да и незачем. Всю зелень засушил дракон, кроме того, наступает

ночь и уже холодно. Печенкой чувствую, Смард снова сюда нагрянет. Он знает, как я попал в его чертог, и, поверьте, догадается, где находится другой конец туннеля. Чтобы уничтожить вход в Гору, он в куски разнесет этот склон, и будет рад, если и нас раздавит всмятку.

— Ты что-то мрачно настроен, господин Торбкинс, — отозвался Торин. — Отчего тогда Смард не перекроет нижний конец туннеля, если он так уж боится, чтобы мы не попали в Гору? А ведь он этого не сделал, иначе мы бы услышали.

— Чего не знаю, того не знаю — возможно, он думает, что в следующий раз ему удастся меня приманить, или он намерен завалить нижний выход из туннеля после ночной охоты, или не хочет портить свою спальню. Не будем тратить время на споры, Смард может прилететь в любую минуту, и наше единственное спасение — забраться поглубже внутрь и запереть дверь.

Его тон убедил гномов, и они наконец-то послушались Бильбо, правда, тянули с тем, чтобы закрыть дверь — им это казалось безрассудным, поскольку никто не знал, можно ли ее открыть изнутри, а единственный другой выход вел через логово дракона. К тому же, все было тихо — и снаружи, и снизу в туннеле. Поэтому, продолжая

свои разговоры, они еще долго сидели поблизости от полуоткрытой двери.

Разговор зашел о коварных словах, сказанных драконом про гномов. Бильбо предпочел бы, чтоб этих слов не было вовсе, и хотел верить гномам, которые ручались, что тоже не предусмотрели всего, что должно произойти после завладения сокровищами.

— Мы сознавали, что это рисковое предприятие, — сказал Торин, — и по-прежнему так считаем. И я по-прежнему думаю, что когда сокровище нам достанется, у нас будет достаточно времени, чтобы подумать*, что с ним делать. Что касается твоей доли, господин Торбкинс, то будь уверен: мы тебе более чем благодарны, и ты сам выберешь свою четырнадцатую часть добычи, как только будет что делить. Сожалею, что тебе придется побеспокоиться о транспортировке, и понимаю, что ты столкнешься с большими трудностями — за последнее время местность не стала безопаснее, скорее наоборот — но мы сделаем все, что в наших силах, и возьмем на себя часть расходов. Хочешь — верь, хочешь — нет.

После этого разговор свернул на сами драгоценности да изделия, которые помнили Торин и Балин. Лежат ли целехонькими в нижних залах:

копья, изготовленные для армии великого короля Тонколезва* (давно умершего), с трижды прокованными наконечниками и древками с искусной золотой инкрустацией — их не забрали и за них не заплатили; щиты, сделанные для давно мертвых воинов; большой золотой двуручный кубок Трора с чеканными и резными птицами и цветами — глаза и лепестки были из драгоценных камней; серебрёные и золочёные непробиваемые кольчуги; бармы Гериона, правителя Дола, с пятью сотнями зеленых, как трава, изумрудов — бармы, что были отданы Гирионом за сплетенную гномами для его старшего сына невиданную прежде кольчугу, втрое крепче стальной, с кольцами из чистого серебра? Но всего прекрасней был большой светлый самоцвет, который гномы выкопали из-под самых корней Горы — Сердце Горы, Заветный камень Траина.

— Заветный камень! Заветный камень! — уткнувшись носом в колени, бормотал в темноте полудремлющий Торин. — Кристалл с тысячей граней, словно сонм из тысячи лиц*. Он сверкал, как серебро в горне, как река на солнце, как снег в свете звезд, как капли дождя в лунном свете.

А вот Бильбо не был зачарован сокровищами и лишь в пол слуха следил за разговором гномов.

Он сидел ближе всех к двери, одним ухом сторожа звук снаружи, а другим, сквозь бормотание гномов, движение или шепот в глубине туннеля. Темнота сгущалась, и все тяжелее становилось у него на сердце.

— Закройте дверь, — взмолился он. — Дракон у меня уже в печенках сидит. Эта тишина хуже, чем его вчерашний рев. Закройте дверь, пока не поздно!

Что-то в его голосе проняло гномов. Торин понемногу очнулся от дремы, встал и вышиб камень, которым была заложена дверь. Они нажали на нее, и дверь закрылась, клацнув или лязгнув. Замочной скважины с внутренней стороны не было. Они были заперты в Горе.

И чуть было не опоздали. Едва успели отойти от входа, как шквал ударил в склон, словно это великаны грохнули враскачку о Гору таранами из лесных дубов. Скала загудела, по стенам пошли трещины, камни со свода посыпались им на головы. Не хочу говорить, что бы случилось, если бы дверь была открыта. Они побежали вниз по туннелю, радуясь, что остались живы, слыша, как снаружи громыхает рев разъяренного Смарда. Он разбивал на кусочки скалы и, хлеща хвостом, вдребезги разносил каменный откос, пока вся

их высокогорная стоянка с пожухлой травой, валуном, на котором сидел дрозд, стенками, по которым ползали улитки, и узкий уступ не стали просто мешаниной осколков, что лавиной сыпалась с обрыва в долину.

Смард втихомолку выскользнул* из своего логова, бесшумно поднялся в воздух и низко и тяжело, как ворон, поплыл в темноте по ветру к западному склону Горы, рассчитывая захватить злодеев врасплох, а также отыскать дверь, которой воспользовался вор. Последовала вспышка ярости, когда он никого не нашел и ничего не увидел там, где думал обнаружить вход.

Выплеснув таким образом гнев, он успокоился, и что-то подсказало дракону, что отсюда его уже не побеспокоят. Надо было мстить дальше.

— Бочкоезд! — фыркнул Смард. — На берегу озера выдали тебе жалованье и по реке пожаловал ты сюда*. По запаху я не понял, кто ты, но если ты не Озерянин, то Озеряне тебе помогали. Сейчас они увидят, кто настоящий Король в Горе.

Пыхнув огнем, он взлетел и направился на юг к Проточной речке.

---

*Глубокая разведка — Inside information. Английское выражение одновременно означает как внутреннюю (в данном случае находящуюся внутри Горы), так и секретную информацию. В переводе глубокая — как внутри Горы, так и доскональная.

*средний доход — usual allowance.

*в третий раз — плати не боясь! — third time pays for all!

*огневая мощь его пока бездействовала — his fires were low in slumber. Fires — огнестрельное оружие, огневая мощь.

***при**пали… **при**таившись — **cr**ouched … **cr**inging.

*та**ща** и воло**ча** — pull**ing** and dragg**ing**.

***в**звилось **в**верх пламя — **f**lickering **f**ires leaped up.

*со **стоя**нкой пони, но секрет двери у**стоя**л — wherever the ponies have been **stand**ing, but the door with**stood**.

*я пришел из **Торбова конца**, но ни одной **торбой** меня до **конца** не поймать — I came from the **end of a bag**, but no **bag** went over me. End of a bag — почти полностью совпадает с Bag-End (Тор-

бов конец) — адресом, по которому находится нора Бильбо. Рекомендация Толкина: «Bag End. Местное название дома Бильбо, которое должно ассоциироваться у хоббитов с дном мешка, сумки. Переводить по смыслу. Перевод Baggins и Bag End должен содержать один и тот же корень из языка перевода. Ср. разговор Бильбо со Смаугом в книге "Хоббит"».

*не давай только своим фантазиям сболтнуть лишнее — don`t let your imagination run away with you. Отсылка к устойчивому выражению let one's tongue run away with someone — сболтнуть лишнее.

*из торбова ты придешь к плохому концу — you'll come to a bad end. Bad end (плохой конец) созвучно с Bag-End — Торбов конец, то есть с адресом, по которому находится нора Бильбо.

*свести концы с концами — keep his end up (букв. кончить это). Продолжаются переклички с Торбовым концом (Bag-End).

*неисчисляемы-неначисляемы — unassessable. Одновременно означает несчетный и необлагаемый (налогом).

*за**клания**, проты**кания** и вспарывания — st**abs** and j**abs** and undercuts.

*и **по-прежнему** так считаем. И я **по-прежнему**

думаю, что когда сокровище нам достанется, у нас будет достаточно времени, чтобы **подумать**, что с ним делать — we know that **still**; and I **still think** that when we have won it will be time enough to **think** what to do about it.

*Тонколезв — Bladorthin (от blade — лезвие и thin — тонкий).

*кристалл с тысячей граней, словно сонм из тысячи лиц — globe (шар или толпа) with a thousand faces (грани или лица).

*в**в**тихомолку **в**ыскользнул — **s**ilently **s**tealth.

*на берегу озера выдали тебе **жалованье** и по реке **пожаловал** ты сюда — your fee **came** from the waterside and up the water you **came**.

Глава 13
Никого нет дома

Гномы сидели в темноте, а вокруг была полная тишина. Ели мало, почти не разговаривали. Вскоре они потеряли счет времени. Боялись пошевелиться — даже шепот отражался эхом от стен и шуршал по туннелю. Порой они засыпали, но просыпались по-прежнему в темноте и тишине. Прошло, как им казалось, много дней, от недостатка свежего воздуха они стали задыхаться, шла кругом голова, больше терпеть они не могли. Если б гномы услышали, что дракон вернулся в свое нижнее логово, то почти обрадовались бы. Да, они опасались, что тишина — это злая хитрость дракона, но нельзя же было вечно сидеть в туннеле.

Торин заговорил:

— Попробуем открыть дверь. Если сегодня в лицо мне не подует ветер, я просто умру. Пусть лучше дракон растерзает меня на свежем воздухе, чем я задохнусь здесь.

После этого несколько гномов поднялись по коридору, чтобы обследовать дверь. Но верхний

конец туннеля был разрушен и завален обломками скал. Ни ключ, ни волшебство, которые раньше управляли дверью, не способны были ее открыть.

— Мы в ловушке! — простонали гномы. — Нам конец! Здесь мы и умрем!

Но именно в момент, когда гномы совсем отчаялись, Бильбо почувствовал, что у него стало легче на сердце, словно огромная тяжесть свалилась на землю из-под его жилетки.

— Бросьте, бросьте! — сказал он. — «Пока живешь, надейся!» — как говаривал мой отец, и — «Третий раз — плати, не боясь!» Я снова спущусь по коридору. Я уже два раза ходил вниз, когда там точно был дракон, рискну и в третий раз, когда это уже не так очевидно. В любом случае, выход только в той стороне. Думаю, на этот раз вам лучше пойти со мной.

Уже, было, отчаявшиеся гномы согласились, и первым, бок о бок с Бильбо, вниз двинулся Торин.

— Но сейчас будьте по-настоящему осторожны! — прошептал хоббит. — И ведите себя так тихо, как только можете! Похоже, Смарда там нет, но вдруг он там? Не будем подвергать себя лишнему риску!

Они спускались все ниже и ниже. Гномы, конечно, не могли тягаться с хоббитом в бесшумности: они пыхтели, фыркали, шаркали* ногами, а эхо предательски множило звуки. Бильбо то и дело останавливался и испуганно прислушивался, но внизу была полная тишина. Когда Бильбо посчитал, что близок уже конец туннеля, он надел кольцо и оторвался от остальных. Хотя кольцо можно было и не надевать: тьма была такая, что в ней и так ничего не было видно. В этой черноте Бильбо неожиданно для самого себя оказался на выходе из туннеля, рука его сорвалась со стенки, он оступился и кубарем вкатился в подземный зал.

Он лежал ничком, не отваживаясь даже дышать, не то что встать. Но все вокруг было неподвижно. И ни проблеска света, разве что, когда он медленно поднял голову, то, казалось, разглядел высоко над собой в темноте какой-то бледно-белый блик. Но это была точно не искра от пламени Смарда, хотя в подземелье стоял сильный запах змея, и на языке Бильбо чувствовал привкус дракона.

Это было невыносимо.

— Будь ты, червь, неладен! — взвизгнул Бильбо. — Кончай играть в прятки! Огоньку не най-

дется?* А после слопай меня, если словишь!

Эхо, постепенно затухая, казалось, обежало весь невидимый зал, но ответа не было.

Бильбо встал на ноги и обнаружил, что потерял все ориентиры. «Хотел бы я знать, что за игру затеял Смард! — подумал он. — Его весь день (или всю ночь, или что оно там снаружи) не было дома. Если бы Оин и Глоин не потеряли огнива, можно было бы разжечь огонь и поглядеть, что к чему, раз уж выпала такая удача».

— Эй, кто-нибудь! — закричал хоббит. — Зажгите огонь!

Гномов, конечно, сильно всполошил глухой удар, с которым Бильбо рухнул наземь: сгрудившись, они опустились на пол туннеля прямо там, где он их оставил.

— Ш-ш! Ш-ш! — зашипели они, услышав его голос — это помогло хоббиту понять, в какой они стороне, но, казалось, это все, на что гномы способны. В конце концов, когда Бильбо затопал по полу и во все дрожащее горло закричал «Огня!», Торин послушался и отправил Оина и Глоина к тюкам в верхнюю часть туннеля.

Вскоре мерцающий свет засвидетельствовал их возвращение — Оин держал в руке небольшой факел из сосновой ветки, а Глоин нес под мышкой

связку таких факелов. Бильбо резво засеменил к туннелю и взял горящий факел, но гномы не поддались на уговоры зажечь больше факелов и присоединиться к нему. Как решительно объяснил Торин, Бильбо по-прежнему является их уполномоченным по грабежу и разведке. Он вправе зажигать огонь на свой страх и риск. Но гномы будут сидеть в туннеле и ждать его доклада.

Вот они и уселись у самого выхода из туннеля и стали наблюдать. Видели маленькую темную фигурку хоббита, несущую перед собой крошечный огонек. И пока хоббит еще далеко не отошел, то и дело отмечали то отблески света, то звяканье* — это он спотыкался об очередную золотую вещицу. По мере того, как Бильбо углублялся в зал, огонек слабел, а затем, пританцовывая, стал подниматься вверх — хоббит карабкался на высокую груду сокровищ. Он взобрался и двинулся по ней дальше. Затем они увидели, как он остановился и ненадолго нагнулся — зачем, они не знали.

А это был Заветный камень, Сердце Горы! Бильбо догадался об этом по рассказу Торина, да и не только среди этого невероятного клада, но в целом мире не могло быть двух таких камней! Во время своего подъема он видел бледный белый свет, к которому его сами несли ноги. Посте-

пенно этот слабый блик превратился в тускло светящийся шар. А когда Бильбо подошел еще ближе, шар замерцал разноцветными искрами — это отражалось, дробясь на его поверхности, подрагивающее пламя факела. Когда Бильбо склонился над Камнем, у него перехватило дыхание. Огромный драгоценный камень светился своим собственным светом, а вдобавок, ограненный и отшлифованный гномами, отыскавшими его в стародавние времена в самом сердце Горы, вбирал падающий свет и превращал его в тысячи белых искорок, подкрашенных отблесками всех цветов радуги. Рука Бильбо сама потянулась к заворожившему его самоцвету. Большой и тяжелый камень не умещался на его маленькой ладони, но он поднял его и, зажмурившись, опустил в самый глубокий карман.

«Вот я и стал настоящим грабителем! — подумал он. — Наверное, со временем надо будет рассказать гномам. Да ведь они сами говорили, что я могу выбрать свою долю, а им достанется все остальное!»

В то же время он чувствовал, что «выбрать свою долю» не распространялось на этот чудесный камень, и что все это может привести к неприятностям. Он продолжил путь, спустившись по

другой стороне груды сокровищ, и гномы потеряли из виду огонек его факела. Но вскоре он опять появился — уже вдалеке. Шагая по полу подземного зала, Бильбо добрался до больших дверей в его дальнем конце, сквозняк обдул хоббита свежим воздухом и почти погасил факел. Он осторожно заглянул за двери и в полумраке различил длинный коридор, а за ним уходящие вверх во тьму широкие ступени. И по-прежнему было не видать и не слыхать Смарда. Бильбо уже собирался развернуться и двинуться обратно, как вдруг какая-то черная тень с налету ударилась о его лицо. Он взвизгнул, дернулся, отшатнулся и упал. Факел ткнулся в пол и погас.

— Надеюсь, это всего лишь летучая мышь! — жалобно произнес он. — Но что мне делать? Где теперь юг, север, запад и восток?

— Торин! Балин! Оин! Глоин! Фили! Кили! — закричал он как можно громче, произведя, однако, в темном просторе лишь слабый шум.

— У меня погас факел! Кто-нибудь, найдите меня и помогите!

Вся его храбрость, казалось, тоже рухнула на пол. До гномов едва долетел его крик и единственное, что они расслышали, было «помогите!».

— О небеса! Или подземелья!* — воскликнул

Торин. — Что там случилось?! Думаю, это не дракон, иначе он бы уже не пищал.

Они немного подождали, но дракона было не слыхать, равно как и других звуков, за исключением далекого голоса хоббита.

— Кто-нибудь, возьмите факел или два! — приказал Торин. — Похоже, нам придется идти на выручку нашему грабителю.

— Наша очередь помочь ему! — откликнулся Балин. — И я готов сходить. Тем более что сейчас все спокойно.

Глоин зажег еще несколько факелов, и гномы стали гуськом красться вдоль стены со всей скоростью, на которую были способны. Тут они наткнулись на идущего им навстречу Бильбо. К тому вернулась сообразительность, как только он разглядел мерцание их факелов.

— Летучая мышь, да факел выпал из рук, и все дела! — отвечал он на вопросы гномов. Гномы почувствовали облегчение, но поворчали, что их потревожили из-за таких пустяков, а вот что бы они сказали, если б узнали про Заветный камень? Я затрудняюсь с ответом. Одних только беглых взглядов, которые гномы бросили на ходу на сокровища, хватило, чтобы прежний огонь зажегся в их сердцах, а если уж сердце гнома,

даже самого почтенного, охватит жажда золота и драгоценностей, оно тут же становится неожиданно отважным и даже жестоким.

Гномов больше не нужно было понукать. Все принялись исследовать подземелье, не теряя — пока Смарда нет дома — такой возможности. У каждого в руке был зажат факел, глаза шныряли по сторонам, гномы забыли про страх и даже про осторожность. Они громко разговаривали, перекрикивались, доставали сокровища из куч или снимали их со стен, подносили к свету, поглаживая, вертели в руках.

Фили и Кили совсем разошлись, они разыскали висевшие по стенам золотые арфы с серебряными струнами, эти арфы были волшебные и оказались настроенными (дракон их не трогал, поскольку не интересовался музыкой). Молодые гномы ударили по струнам, и в темном подземелье впервые за много лет зазвучала музыка. Остальные вели себя более практично: подбирали драгоценные камни и набивали ими карманы, со вздохом выпуская из рук то, что уже не могли унести. Торин как будто не отставал от остальных, но, рыская из стороны в сторону, никак не мог найти то, что ему было нужно. А разыскивал он Заветный камень, хотя об этом и слова не проронил.

Гномы сняли со стен доспехи, мечи, топоры и вооружились. Теперь Торин и вправду стал выглядеть по-царски: в золоченой кольчуге, а за пояс с алыми самоцветами он заткнул топор с посеребрённым держаком.

— Господин Торбкинс! — воскликнул он. — Первая выплата в счет твоей награды! Снимай камзол и надевай вот это!

И он обрядил Бильбо в кольчугу, изготовленную некогда для юного принца-эльфа. Была она из стального серебра, которое эльфы называли сребросверк*, а поверх нее шел пояс с жемчугом и хрусталем. Вдобавок хоббит надел на голову легкий шлем из тисненой кожи, усиленный снизу стальными полосами, с козырьком, украшенным светлыми самоцветами.

«Чувствую себя прекрасно! — подумал Бильбо. — А выгляжу, должно быть, нелепо. Дома на Горбе надо мной бы посмеялись. Эх, отыскать бы карманное зеркальце!»

Но голова хоббита была все же меньше зачарована сокровищами, чем головы гномов. Те без устали продолжали исследовать драгоценности, а утомившийся от такого занятия Бильбо сел на пол, нервно дожидаясь, когда же им надоест. «Отдал бы кучу этих драгоценных кубков за

деревянную чашу с бодрящим глотком в доме Медвана!» — думал он.

— Торин! — громко сказал Бильбо, — А дальше-то что? Мы вооружены, да что стоит наше оружие против Смарда Ужасного? Сокровища нами не отвоеваны. Надо не в золоте рыться, а искать выход отсюда. Мы слишком искушаем удачу.

— Верно! — ответил Торин, приходя в себя. — Я вас выведу! И через тысячу лет не собьюсь я с пути в этом дворце!

Он окликнул остальных, гномы выстроились в вереницу по одному и, подняв над головой факелы, вышли в распахнутые двери, напоследок бросая пылкие взгляды на оставленные сокровища.

Сверкающие кольчуги они прикрыли своими старыми плащами, а поблескивающие шлемы — рваными капюшонами. Шагали гуськом за Торином — сквозь тьму тянулась череда огоньков, которая часто замирала — это гномы с опаской прислушивались, не идет ли навстречу дракон.

И хотя весь декор давно осыпался или был уничтожен, и все вокруг изгадил или разнес вдребезги сновавший здесь монстр, Торин легко узнавал каждый коридор и поворот. Они поднялись по длинной лестнице, затем повернули,

спустились под гулким сводом, снова свернули и снова поднялись по ступенькам, и после опять вверх по еще одной лестнице. Ее широкие, гладкие ступени были вырублены в диком камне, и гномы шли и шли по ним вверх, не встречая ни одного дикого существа*, лишь разбегались по сторонам тени от дрожащего на сквозняке огня факелов.

Но ступени эти не предназначались для хоббита, и ноги у Бильбо стали подкашиваться. Потолок внезапно ушел далеко вверх, до него не добивали факелы. Но из отверстия сверху забрезжил белый свет, воздух стал свежее, а прямо перед ними тусклое свечение сочилось из огромных наполовину сорванных с петель и обгоревших дверей.

— Это Большой зал Трора, — сказал Торин. — Здесь собирались на пиры и на советы. Недалеко уже до Главных Ворот.

Они прошли сквозь разоренный зал. Столы подгнили, обгоревшие, сломанные скамьи и стулья были опрокинуты. А на полу, в пыли, среди чаш, кувшинов и расколотых рогов для возлияний, валялись черепа и кости. Они вышли через двери в дальнем конце зала, звук бегущей воды ударил им в уши, а серый свет внезапно сделался почти дневным.

— Здесь берет начало Проточная речка, — сказал Торин. — Отсюда она бежит к Воротам. Идем за ней!

Из темного отверстия в скале вырывалась клокочущая вода и, бурля, текла по узкому каналу, прямому и глубокому, вырубленному в старые времена. Вдоль канала шла вымощенная камнем дорога, по которой плечом к плечу могла прошагать целая шеренга. Они побежали по ней, миновали широкий плавный поворот и вот! — в глаза ударил дневной свет. Впереди поднималась высокая каменная арка, на которой кое-где сохранилась резьба — стертая, сколотая, почерневшая. Сквозь дымку бледное солнце посылало свой свет меж двух выступов Горы, и золотой луч падал на каменный порог.

Вихрь из летучих мышей, которых из оцепенения вывели дымящие факелы, прошмыгнул у них над головой, а они устремились вперед, поскальзываясь на камнях, стертых и гладко отшлифованных ходившим тут драконом. Прямо перед ними, шумя и пенясь, падала с уступа вода. Гномы бросили на пол потускневшие факелы и таращились ослепшими от яркого света глазами на лежащий внизу Дол.

— Вот уж не думал, — сказал Бильбо, — что

когда-нибудь выгляну наружу из этих ворот. И что так обрадуюсь снова солнцу и свежему ветру! Да только ветер-то холодный!

И, действительно, в резком восточном ветре угадывалось приближение зимы. Он вихрями носился над и меж выступами Горы и стонал в скалах. Гномы, побывав, словно в духовке, в подземном логове дракона, теперь дрожали даже на солнце.

А Бильбо вдруг понял, что он не только очень устал, но и сильно проголодался.

— Утро уже на исходе, — сказал он, — и так или иначе, а пора бы позавтракать — если у нас есть хоть какой-нибудь завтрак. Правда, не думаю, что лучшее место для перекуса — на крылечке у Смарда. Давайте найдем другое.

— Ты прав! — отозвался Балин. — Думаю, нам стоит дойти до старого дозорного поста у юго-западного склона Горы.

— А скоро мы туда доберемся? — поинтересовался хоббит.

— Часов пять похода, — ответил Балин, — и путь нелегкий. Дорога от Ворот вдоль Горы по левому берегу потока, похоже, разбита. Но вот там, у руин Дола, где река резко сворачивает к востоку, когда-то был мост, за которым крутые

ступеньки подымались на правый берег, а оттуда к В**о**роновому холму уже шла дорога. У подножия холма от дороги отходила тропа, взбиравшаяся к смотровой площадке. Но подъем там крутой, даже если ступеньки и целы!

— Да уж, — проворчал Бильбо, — опять поход и подъем, и снова без завтрака. А сколько еще завтраков и других приемов пищи пропустили мы в этой проклятой дыре, где нет ни часов, ни времени!

По правде говоря, прошли две ночи и день между ними (и не совсем без перекуса) с тех пор, как дракон уничтожил волшебную дверь, но Бильбо сбился со счета и не знал, истекли одни сутки или целая неделя.

— Пошли, пошли, — засмеялся Торин.

Настроение его снова начало улучшаться, тем более что в кармане постукивали друг о друга драгоценные камни.

— И не смей называть мой дворец проклятой дырой! Погоди, пока его не вычистят и снова не украсят!

— Ну, разве после смерти Смарда! — мрачно проронил Бильбо. — А, кстати, где он? Я бы отдал свой завтрак, чтобы это узнать. Надеюсь, он прямо сейчас не наблюдает за нами с вершины

Горы?

Такое предположение сильно встревожило гномов, и они быстро согласились и с Балином, и с Бильбо.

— Надо отсюда уходить, — сказал Дори. — Я словно чувствую, как мне в спину упирается взгляд дракона.

— Здесь холодно и уныло, — добавил Бомбур. — Есть вода, но никаких признаков еды. Дракону, верно, приходилось жить впроголодь.

— Пошли, пошли! — закричали остальные. — Так, как говорит Балин!

Справа к реке подступали скалы, и тропы там не было, пришлось ковылять по камням вдоль левого берега, и от окружающего запустения и разорения присмирел даже Торин. Мост, о котором говорил Балин, давно рухнул, и оставшиеся от него крупные камни, словно речные валуны, лежали на шумном перекате, но все без труда перешли поток вброд, отыскали древние ступени и поднялись на обрыв. Вскоре наткнулись на старую дорогу, и она привела в глубокую впадину между скалами, где немного отдохнули и позавтракали тем, что у них оставалось, преимущественно подкормом* и водой. (Состав этого подкорма мне точно не известен, это нечто суха-

реобразное*, он не портится, но используется не для удовольствия, а как довольствие*, и привлечь может лишь желающего потренировать челюсти. Озеряне изготовляют подкорм для дальних странствий).

Потом продолжили путь. Дорога уходила от реки к западу, и все ближе подступал южный отрог Горы. Наконец достигли идущей на Холм тропы. Она круто взбиралась вверх, все гуськом поплелись по ней и уже под вечер оказались на вершине хребта против клонящегося к западу холодного солнца.

Здесь они обнаружили открытую с трех сторон площадку, ограниченную с севера ровной скалой с похожим на дверь проемом. От этого проема открывался обзор на восток, юг и запад.

— В старое время, — сказал Балин, — мы всегда держали тут дозорных, а это вход в помещение, вырубленное для них в скале. Вокруг Горы располагалось несколько таких площадок. Но во времена нашего благополучия в дозорах не было особой нужды, и дозорные не слишком напрягались, иначе мы бы раньше узнали о появлении дракона, и все могло сложиться по-другому. Спрячемся в скале и, не бросаясь никому в глаза, будем вести наблюдение.

— В этом мало толку, если нас видели во время подъема по тропе, — бросил Дори, который все время поглядывал на вершину Горы, словно опасался, что там, как птица на шпиле, сидит дракон.

— Придется рискнуть! — ответил Торин, — Сегодня мы уже не способны двигаться дальше.

— Это правда! — воскликнул Бильбо и рухнул наземь.

В помещении могла укрыться добрая сотня дозорных, а за ним, глубже в скале, находился зал поменьше, куда не так проникал холод снаружи. Всюду было пусто, похоже, при Смарде сюда не забредали даже дикие животные. Все сбросили поклажу, некоторые тут же улеглись и заснули, остальные сели у выхода на площадку и принялись обсуждать дальнейшие действия. Во время разговора они все время возвращались к одному и тому же вопросу: «Где Смард?» Смотрели на запад — и не видели дракона, не видели на востоке, и на юге не было никаких его следов, разве что там кружила большая стая птиц. Они вглядывались и недоумевали, но так и не пришли ни к каким выводам, а в небе меж тем уже появились первые холодные звезды.

---

*ф**ыркали** и ш**аркали** — p**uffling** and sh**uffling**.

*Огоньку не найдется? — Give me a light. Одновременно посвети мне и дай прикурить.

* то отбл**ески**, то зв**яка**нье — a gl**int** and a ti**nkl**e.

*– О небеса! Или подземелья! — what on earth or under it has happened!

*сребросверк — mithrill (из вымышленного языка эльфов, переводится как серый блеск).

*вырубленные **в диком камне**... не встретив ни одного **дикого существа** — cut out of the **living rock**... met no sign of any **living thing**.

*подкорм — cram (to cram — пичкать, откармливать).

*сухареобразное — biscuitish.

*для **довольствия**, а не у**довольствия** — sus**taining**... not enter**taining**.

Глава 14
Вода и пламя

Если вас, вот как гномов, интересуют сведения о Смарде, следует вернуться на два дня назад, в тот вечер, когда он вдребезги разнес дверь и в ярости полетел прочь. Жители Озерного города сидели, в основном, по домам, потому что с почерневшего востока дул ледяной бриз, лишь немногие прогуливались по пристаням и любовались звездами, что светили как с неба, так и с лоскутов водной глади. Одинокая гора была почти скрыта от горожан за низкими холмами в дальнем северном конце озера, сквозь разрыв в которых в озеро впадала Проточная речка. Лишь верхушка Горы была видна Озерянам в ясную погоду, впрочем, они редко смотрели на нее, потому что даже в лучах утреннего солнца оставалась она зловещей и мрачной. Теперь же Гору скрыли клочья темноты. Но внезапно она на мгновение озарилась и снова померкла.

— Глядите! — сказал кто-то. — Опять свет! Прошлой ночью дозорные уже видели, как он вспыхивал и гас с полуночи до рассвета. Там

что-то происходит.

— Наверное, Король в Горе кует в кузне золото, — добавил другой. — Немало дней прошло с тех пор, как он отправился на север. Время стародавним песням опять сбыться!

— Какой еще король! — мрачно откликнулся еще один. — Скорее всего, это пламя живодера дракона, единственного Короля в Горе, которого мы застали.

— Тебе обязательно надо тоску нагнать своими пророчествами! — ответили ему. — Не про паводок, так про зараженную рыбу! Подумай лучше о чем-нибудь веселом.

Внезапно большая вспышка света позолотила подножия северных холмов.

– Король, что под Горой,
как солнце, он богат!
Польется золото рекой,
а серебро – как водопад!

— закричали Озеряне, повсюду стали открываться окна, и люди выбегали из домов. Город вновь охватили бурный восторг и воодушевление. Но человек с мрачным голосом уже бросился со всех ног к градоначальнику.

— Можете считать меня дураком, но это летит

дракон! — кричал он. — Рушьте мосты! К оружию! К оружию!

Трубы внезапно протрубили сигнал тревоги, и эхо отразилось от скалистых берегов. Веселье оборвалось, и радость сменилась ужасом. Поэтому нельзя сказать, что дракон застиг их врасплох.

Дракон летел очень быстро: немного погодя уже можно было разглядеть искру, что неслась к ним, увеличиваясь и набирая яркость. Тут даже самые бестолковые перестали сомневаться — пророчества сбылись как-то не так. Времени оставалось мало. Все емкости в городе наполнили водой, все ратники вооружились, все стрелы и дротики были наготове, мост на берег обрушили, прежде чем вовсю зазвучал рев Смарда Ужасного и озеро покрылось красной рябью под взмахами его жутких крыльев.

В поисках мостов пролетел он над кричащими, вопящими и визжащими людьми и был обескуражен. Мостов не было, а его враги укрылись на острове посреди глубокой воды — слишком глубокой для него, слишком темной и холодной. Окунись он в эту воду, и пар тучами поднимется над озером, на несколько дней затянув туманом все вокруг, но озеро — сильнее: оно погасит весь его жар, прежде чем он доберется по воде до

города.

С ревом дракон облетел город. Град черных стрел ударил в него, с лязгом и грохотом отразился от его изукрашенной самоцветами чешуи и, подожженный огненным дыханием дракона, упал, зашипев, в озеро. Вам и не снился фейерверк, что просверкал той ночью! Звенела тетива луков, вскрикивали трубы, а ярость дракона все разгоралась, пока совсем не ослепила его и не свела с ума. Давно уже никто не отваживался сражаться с ним. Не отважились бы и сейчас, если бы не человек с мрачным голосом (по имени Брон*), который заставил градоначальника отдать приказ биться до последней стрелы и теперь сновал взад-вперед, ободряя лучников.

Пасть дракона изрыгала огонь. Поднявшись

повыше, он некоторое время кружил над озером, осветив его — кроваво-медными стали деревья по берегам — и отбросив густую черную тень. А затем в безумной злобе, с одним желанием — сжечь город — устремился вниз прямо сквозь шквал стрел, не заботясь уже, повернулся ли он к врагу чешуйчатым боком.

Камнем просвистел он над городом и развернулся: пламя вырывалось из-под тростниковых крыш и плясало на торцах деревянных балок, хотя их только что облили водой. Сотни рук продолжали выплескивать воду из ведер на эти вспышки огня. Дракон сделал еще круг. Взмах хвоста — и, разлетевшись на куски, рухнула кровля ратуши. Высоко в ночи взвилось пламя, которое уже не погасишь. Наскок, еще наскок — и, охваченные огнем, рухнули еще два дома. Стрелы вредили Смарду не больше, чем повредил бы слепень.

Уже повсюду мужчины прыгали в воду. Почти все побросали оружие. На Рыночном причале женщины и дети набивались в лодки. Стенания и плач звучали там, где еще недавно раздавались песни о гномах и грядущей радости. Теперь гномов проклинали. Градоначальник уже уселся в свою позолоченную лодку, собираясь в суматохе

унести ноги. Еще немного и город опустеет и выгорит до самой воды.

На это и рассчитывал дракон. Пусть все окажутся в лодках! Вот уж он поразвлечется охотой, как только они высадятся на берег. Или пусть сдохнут от голода, оставаясь в своих лодках. Скоро он спалит все прибрежные леса, выжжет все поля и пастбища. А сейчас он затравит целый город. Давно у него не было такой потехи!

Среди горящих домов все еще удерживала позицию команда лучников. Вожаком их был Брон, тот самый человек с мрачным голосом и мрачным лицом, которого товарищи недавно упрекали за пророчества о паводках и зараженной рыбе. Но все они знали ему цену и уважали за храбрость. Он был дальним потомком Гириона, владыки Дола. Когда дракон разрушил Дол, жена и дети Гириона смогли выбраться из города вниз по Проточной речке. Брон стрелял из большого тисового лука, и у него осталась только одна стрела. Все ближе подступало пламя. Товарищи уже покинули Брона. В последний раз натянул он тетиву.

Вдруг что-то выпорхнуло из темноты и опустилось ему на плечо. Брон вздрогнул, но оказалось, что это всего-навсего старый дрозд. Тот бес-

страшно расположился вплотную к уху Брона и заговорил. К своему удивлению, Брон понимал дрозда, ведь он был потомком людей из Дола.

— Погоди, погоди, — говорил дрозд. — Подымается луна. Когда дракон подлетит и развернется над тобой, увидишь — слева на груди у него голое место.

Изумленный Брон замер, а дрозд пересказал ему все, что слышал на Горе. Брон натянул тетиву до самого уха. Дракон уже развернулся и летел на низкой высоте, а луна взошла над восточным берегом, осветив серебром его огромные крылья.

— Стрела! — произнес лучник. — Черная стрела! Я приберег тебя напоследок. Никогда ты меня не подводила, а я снова и снова пускал тебя в дело. Я получил тебя от отца, а ему ты досталась от старых времен. Если и в самом деле выковали тебя кузнецы Короля в Горе, лети да порезвей!

На этот раз дракон решил спуститься еще ниже, он развернулся, ринулся вниз, и в лунном свете на его брюхе белыми искрами засверкали самоцветы — за исключением одного участка. Резко прозвенела тетива, черная стрела понеслась прямо в грудь дракону, в незащищенное место рядом с отставленной далеко в сторону передней лапой. Именно туда она полностью и

вошла: наконечник, древко и оперение — с такой силой была пущена. С визгом, от которого глохли люди, валились деревья и раскалывались камни, Смард изрыгнул струю пламени, перевернулся в воздухе вверх брюхом и упал на город.

В последних судорогах разметал он руины домов, превратив их в искры и горящие угли. С ревом сомкнулось озеро. Над ним поднялись огромные клубы белого пара, хорошо заметные во мраке под внезапно потемневшей луной. Вода зашипела, забурлила, и все стихло. Пришел конец Смарду и Озерному городу. Да только не Брону.

А почти полная луна подымалась все выше и выше, ветер дул все сильнее и становился все холодней. Ветер свивал белый туман в косые столбы, гнал их к западу, чтобы, разорвав на клочки, разметать над болотами у Мрачного леса. Стали видны лодки, черными точками разбросанные по озеру, ветер разносил голоса горожан, что оплакивали погибший город, свои товары и дома. Но, если бы горожане способны были в такой момент задуматься о своем положении, они бы поняли — во-многом им повезло: по крайней мере, три четверти Озерян уцелели, их леса, поля, пастбища, скот и большинство лодок остались невредимыми, а дракон был мертв.

Что это значит, они еще не осознали. Дрожащие на холодном ветру скорбные толпы горожан собрались на западном берегу, и первый всплеск их недовольства и раздражения обрушился на градоначальника, который сбежал, когда многие еще были готовы защищать город.

— Возможно, он хорошо ведет дела — особенно если это его личные дела, — роптали горожане, — но в опасный момент он бесполезен.

И принимались хвалить храбрость Брона и его богатырский выстрел.

— Если б он остался жив, — хором говорили они, — мы бы сделали его королем. Брон-драконоборец из рода Гириона. Но, увы, он мертв!

Но тут, оборвав их речи, из темноты выступил рослый человек. С него стекала вода, черные мокрые волосы облепили лицо и свесились на грудь, а глаза его горели свирепым огнем.

— Брон цел, — прокричал этот человек. — Убив дракона, он нырнул в воду. Я — Брон из рода Гириона. Я прикончил дракона!

— Король Брон! Король Брон! — закричал народ, но градоначальник справился со стучавшими друг о друга зубами и возразил:

— Гирион был правителем Дола, а не королем Озерного города. Мы всегда избирали градона-

чальником не первого попавшегося бойца, а человека опытного и мудрого. Пусть «король Брон» отправляется в свое королевство — его храбрость освободила Дол, и ничто не препятствует его возвращению. А кто хочет, пусть идет вместе с ним, если больше нравится стылый речной берег в тени Горы, а не зеленое побережье Озера. Кто поумнее, останется здесь, чтоб отстроить город и снова обрести покой и благополучие.

— Брон — наш король! — закричали в ответ стоящие рядом. — Хватит с нас опытных дельцов.

А те, что стояли поодаль, тоже подняли крик, эхо от которого раскатилось по берегу:

— Хотим лучника, а не кубышку с деньгами!

— Никоим образом не намерен преуменьшать заслуги лучника Брона, — осмотрительно сказал градоначальник (поскольку Брон стоял неподалеку от него). — Этой ночью он обеспечил себе почетное место в списке благодетелей нашего города. Пусть о его подвиге сложат бессмертные песни! — при этих словах градоначальник поднялся на ноги, речь его зазвучала громко и отчетливо. — Да только в чем вы вините меня? За что хотите лишить власти? Кто разбудил дракона? Кого мы осыпали дарами, кто получил тут щедрую помощь, кто убедил нас, что стародавние

песни станут правдой? Кто сыграл на наших добрых чувствах, кто использовал наши самые заветные мечты? Сколько золота они отправили вниз по реке, чтобы отблагодарить нас? Мы получили дракона, пожар и руины! С кого нам теперь требовать компенсацию за ущерб, а также помощь для наших вдов и сирот?

Одним словом, градоначальник недаром занимал свой пост. Его речь заставила народ забыть о новом короле и направила злость на Торина и его компанию. Крики ярости и горькие слова зазвучали со всех сторон, и те, что раньше громче других распевали стародавние песни, теперь орали, что гномы специально разбудили дракона, чтоб он напал на город.

— Дурачье! — сказал Брон. — Не тратьте попусту слова и ярость. Прежде, чем прилететь к нам, дракон, без сомнения, сжег своим пламенем гномов.

По мере того, как он это говорил, одна мысль пришла к нему в голову и запала в душу: сказочные сокровища Горы остались без хозяина и присмотра. Брон замолчал. Он подумал о том, что сказал градоначальник, о возрождении Дола с его золотыми колоколами, если, конечно, сыщутся для этого люди.

Немного погодя, он снова заговорил:

— Сейчас не время для злых речей и коренных перемен. У нас много дел. Пока, градоначальник, я буду подчиняться тебе, а после поразмыслю над твоими словами и, может, отправлюсь на север с теми, кто захочет пойти со мной.

И Брон зашагал прочь, чтоб помочь с разбивкой лагеря и обустройством больных и раненных. Градоначальник же, по-прежнему сидя на земле, мрачно глядел в его удаляющуюся спину. Сам он пока предпочитал помалкивать, разве что крикнул, чтоб для него разожгли костер и принесли поесть. Везде, где проходил Брон, звучали разбегавшиеся, как огонь, разговоры об оставленных без охраны огромных сокровищах. Озеряне обсуждали, какое возмещение за понесенные убытки они вскорости получат. А то, что после останется, можно потратить на покупку у южан предметов роскоши: все это сильно ободряло их в эту горькую и суровую ночь*. Укрытий удалось соорудить совсем немного (одно, конечно, досталось градоначальнику), и еды было совсем мало (даже градоначальник ощутил нехватку). В ту ночь заболели от холода, сырости и тоски и вскоре умерли многие, выбравшиеся невредимыми из разрушенного города, а в следующие

дни люди сильно ослабли и оголодали. Заправлять всем вскоре стал Брон, отдавая приказы по собственному усмотрению, хоть и ссылаясь на градоначальника. Задача у Брона была непростая: командуя людьми, создать для них же убежища. Конечно, много народу сгинуло бы в зиму, что уже спешила вслед за осенью, если бы помощь не оказали те, что были на расстоянии вытянутой руки.

И пришла она быстро, ведь у Брона были проворные гонцы, которых он послал вверх по реке просить подмоги у Лесного короля, но гонцы обнаружили, что отряд эльфов уже выступил, хотя был только третий день после гибели Смарда. Лесной король знал все новости от своих собственных лазутчиков, а также от птиц, которые любили эльфов. Сильное возбуждение, и в самом деле, охватило всех пернатых, что жили на Пустоши Смарда. В воздухе кружили птичьи стаи, и быстрокрылые гонцы пересекали небо от края до края. Свист, писк и клекот стояли над всем Лесом, и во все его концы разносилась весть: «Смард мертв!» Шуршала листва и ошарашенно* топорщились уши. Король эльфов еще не выступил в поход, а вести уже долетели до сосновых лесов в Туманных горах, Медван уже услыхал их в своей

деревянной усадьбе, и гоблины уже собирались на совет в своих пещерах.

— Боюсь, больше про Торина с Дубовым Щитом мы не услышим, — сказал король. — Лучше было ему остаться у меня в гостях. — И добавил: — Ну да нет худа без добра.

Он ведь тоже очень хорошо помнил легенды о сокровищах Трора. Поэтому посланцы Брона застали его на марше во главе многочисленных копейщиков и лучников, а над ними тучами собирались в**о**роны, решившие, что скоро разыграется такая война, которой давно не было в этих краях. Но, услышав просьбы Брона, король, сжалился — он ведь был правителем чудесного и доброго народа — и вместо того, чтобы идти прямиком к Горе, поспешил вниз по реке к Продолговатому озеру. У него не было столько лодок и плотов, чтобы усадить на них весь свой отряд — они пошли пешком, что отнимало больше времени, но много всякого добра король отправил по воде впереди себя. Ну да эльфы — народ быстроногий, и, хоть не были они в те времена приучены к опасным переходам, шли резво. Уже на пятый день после смерти дракона вышли к берегу и увидали руины города. Как и следовало ожидать, их приняли с благодарностью, и Озеряне, и градоначальник

обещали на любых условиях рассчитаться в будущем за все полученное от короля эльфов.

Вскоре выработали план действий. Градоначальник остался на месте с женщинами и детьми, а также со старыми и негодными, к которым добавилось некоторое количество городских ремесленников и мастеровитых эльфов — они валили деревья и собирали строевой материал, что им спускали по реке из Леса. Затем накануне скорой зимы они принялись возводить на берегу прибежища, а кроме того, под руководством градоначальника приступили к разбивке нового города: еще больше и краше прежнего, но только уже на берегу и подальше к северу — ведь водное пространство, где лежал дракон, наводило ужас. Смарду не суждено было возвратиться на свое золотое ложе, холодный, как камень, изогнулся он на мелководье. Долго еще в спокойную погоду его огромный костяк виднелся среди обломанных и обожженных свай старого города. Но мало кто рисковал проплыть по этому пр**о**клятому месту, и тем более никто не отваживался нырнуть в зыбкую воду — подобрать драгоценные камни, что осып**а**лись с загнившего трупа.

А боеспособные Озеряне и большинство из отряда короля эльфов собрались в поход к Горе.

На одиннадцатый день после разрушения города их передовые части миновали проход в скалах в конце озера и вступили на Пустошь.

---

*Брон — Bard, от bard — доспех.

*в эту… суровую ночь — the night was… miserable. Miserable — одновременно бедственная и ненастная.

*__шурш__ала… о__шараш__енно — **rustl**ed and **startl**ed.

Глава 15
Тучи сгущаются

А теперь давайте вернемся к Бильбо и гномам. На ночь они выставили дозор, но часовые не услыхали и не углядели ничего опасного. Разве заметили поутру, что все больше стало собираться птиц. Стаи летели с юга, а оставшиеся в окрестностях Горы воро**о**ны с криками безостановочно кружили в небе.

— Происходит что-то странное, — сказал Торин. — Время, когда птицы улетают на юг, прошло, к тому же это все птицы, остающиеся на зимовку — скворцы да зяблики, а вон там вдали, словно перед битвой, много стервятников.

— Смотрите! — вдруг закричал Бильбо. — Снова тот самый старый дрозд! Значит, он уцелел, когда дракон крушил склон с дверью. А вот улитки — вряд ли.

Это и вправду был тот самый старый дрозд. Он подлетел поближе и сел на камень. Сложив крылья, дрозд пропел трель, а затем наклонил голову набок, как будто приготовился слушать, потом снова пропел и снова наклонил голову.

— Похоже, он что-то хочет нам сообщить, — заключил Балин, — но я не разбираю язык этих птиц, слишком он быстрый. Может, ты, Бильбо, его понял?

— Не до конца, — ответил Бильбо, который на самом деле не понял ничего, — но старина дрозд явно взволнован.

— Вот если б это был ворон, — сказал Балин.

— Я думал, вы их недолюбливаете. Вы же старались не попадаться им на глаза, когда мы проходили тут в прошлый раз.

— Так то были вор**о**ны! Наглые и подозрительно выглядевшие. Ты же слышал, что они кричали нам вслед. В**о**роны совсем другие. Они водили дружбу с племенем Трора и часто приносили нам тайные вести, получая в награду разные блестящие штучки, которые любили прятать в своих гнездах. Живут в**о**роны долго, у них крепкая память, и свои знания они передают потомству. В детстве я был знаком со многими в**о**ронами со здешних скал. Эта возвышенность звалась тогда В**о**ронов Холм — тут жила знаменитая пара мудрых птиц — Карк и его супруга. Их гнездо было над помещением для дозорных. Не думаю, однако, что еще сохранились потомки того древнего рода.

Стоило Балину закончить речь, как дрозд громко свистнул и тут же улетел.

— Мы его не поняли, да старый дрозд понял нас, — сказал Балин. — И продолжение, наверняка, последует.

Вскоре опять зашумели крылья — вернулся дрозд, а вместе с ним дряхлая-предряхлая птица — большой старый ворон. Он почти ослеп, едва летал, макушка у него облысела. Ворон с натугой приземлился, медленно взмахнул крыльями и сделал несколько прыжков в сторону Торина.

— О Торин, сын Траина, и Балин, сын Фандина! — прокаркал он (и Бильбо понял его — ворон говорил на обычном, а не птичьем языке). — Я Крак, сын Карка*. Известный вам Карк уже умер. А я, хоть и вылупился из яйца сто пятьдесят три года тому назад, хорошо помню рассказы своего отца. Я — вожак больших воронов с Горы. Нас осталось мало, но мы не забыли короля, что правил в старину. Сейчас большинства моих сородичей здесь нет, ведь с Юга пришли важные новости. Некоторые из них обрадуют вас, а некоторые — не очень. Знайте: птицы возвращаются к Горе и Долу с юга, запада и востока, потому что разнеслась весть — Смард мертв.

— Мертв?! Как мертв?! — закричали гномы. —

Мертв! Значит, напрасны были все страхи, значит, сокровища наши!

— Да, мертв, — ответил Крак. — Дрозд, да не выпадут у него перья, видел его труп, а дрозду можно верить. Он видел, как дракона три дня назад при восходе луны убили Озеряне.

Торину не сразу удалось утихомирить гномов и дать ворону договорить. Но, в конце концов, Крак рассказал все, что знал о битве, а после добавил:

— Поэтому возрадуйся, Торин с Дубовым Щитом. Возвращайся в свои чертоги. Сокровища сейчас твои. Но к Горе собираются не только птицы. Весть о смерти Стража разнеслась во все стороны, а легенды о богатствах Трора не заглохли за долгие годы при многочисленных пересказах, и многим* не терпится приступить к дележу этих богатств. Отряд эльфов уже отправился в поход, за ним в ожидании побоища летят стервятники. Озеряне ропщут, что все их беды из-за гномов: дракон разрушил их дома и многие погибли. Они также хотят получить возмещение за счет ваших богатств, живы вы или нет. Сами решайте, как вам поступить, но тринадцать гномов — лишь малые остатки великого народа Дарина, что когда-то жил здесь, а теперь разошелся по свету. Если хотите совет,

не верьте градоначальнику Озерян, имейте дело с тем, кто застрелил дракона. Это Брон, потомок Гириона из Дола, он хоть и жёсток, да на него можно положиться. После долгих лет одичания, говорю я вам, между гномами, людьми и эльфами установится мир, но за него придется заплатить немало золота.

Тут Торин рассвирепел:

— Спасибо тебе, Крак сын Карка. Мы благодарны и тебе, и твоему народу. Но пока мы живы, ни крупицы золота не позволим у себя ни украсть, ни отобрать силой. А чтоб мы стали еще благодарнее, сообщай нам обо всем, что происходит вокруг Горы. Также прошу тебя, если остались в твоем племени молодые и быстрокрылые, пошли их к нашим родичам в Северные горы, что лежат отсюда к востоку и к западу, рассказать о нашем затруднительном положении. И, в первую очередь, к моему двоюродному брату Даину с Железных Холмов — он живет ближе всех и у него большое войско. Попроси его, пусть поспешит!

— Не стану судить, правильно ты решил или нет, — прокаркал Крак, — но сделаю все, что смогу.

И медленно полетел прочь.

— А теперь возвращаемся в Гору! — скомандо-

вал Торин. — Очень мало времени у нас!

— И еды про запас!* — отозвался хоббит, всегда чрезвычайно рассудительный в таких вещах.

Бильбо чувствовал — и сильно ошибался, — что со смертью дракона все их предприятие подошло к концу, и он отдал бы б**о**льшую часть своей доли в доходах, чтоб тихо отойти от дел.

— Назад в Гору! — закричали гномы, словно его не слыша, и пришлось хоббиту опять туда отправиться. Вы уже знаете, что происходило вокруг Горы, поэтому догадаетесь, что в запасе у гномов было несколько дней. Они еще раз осмотрели подземелья и убедились, что, как и думали, в Гору можно попасть только через Главные Ворота, остальные входы (за исключением, конечно, маленькой потайной двери) были уже давно завалены или разрушены Смардом, так что и следа от них не осталось. Поэтому гномы принялись укреплять главный вход и восстанавливать ведущую к нему из Горы дорогу. От старых мастеров — рудокопов, строителей, каменотесов — остались инструменты, а гномы по-прежнему были очень искусны в таком ремесле.

Они работали, а в**о**роны приносили вести. Гномы узнали, что король эльфов свернул к Озеру, а они получили дополнительную передышку. Еще

лучше было известие о трех спасшихся пони, что бродили теперь на свободе по берегу Проточной речки неподалеку от места, где гномы оставили поклажу. Послали Фили и Кили, чтоб с помощью воронов они отыскали пони и привезли на них все, что смогут. Еще через четыре дня гномы узнали, что войско Озерян и эльфов спешно движется к Горе. Но настроение у гномов стало лучше: у них была еда, которую можно было растянуть на несколько недель, в основном, конечно, сильно надоевший прокорм, да только прокорм — гораздо лучше, чем ничего. Ворота же были перекрыты кладкой из обтесанных прямоугольных камней — хоть и положенной насухо, но широкой и высокой. В этой стене сделали бойницы, чтоб вести наблюдение или стрелять, но прохода в ней не было. Через стену перебирались с помощью приставных лестниц, а грузы подымали и опускали на веревках. Для Проточной речки в новой стене искусно сделали небольшую низкую арку, а за ней так расширили русло, что вода покрыла все пространство от стены до обрыва, с которого низвергалась водопадом, поворачивая затем в сторону Дола. Теперь добраться до Ворот можно было или вплавь, или по узкому выступу в подножье скалы — с правой стороны, если смотреть от

стены. Пони разгрузили у ступеней старого моста и, наказав им возвращаться восвояси к хозяевам, отослали на юг.

Наступила ночь, и в темноте у Дола внезапно зажглось множество огней от костров и факелов.

— Они пришли! — воскликнул Балин. — И стали большим лагерем. Должно быть, в сумерках проникли в долину по обоим берегам реки.

Ночью гномы почти не спали. На рассвете они увидели отряд, который медленно поднимался по долине. Вскоре гномы разглядели вооруженных Озерян и лучников-эльфов. Передовая часть отряда взобралась по ус**ы**павшим склон камням и показалась у верхней кромки водопада. Каково же было их удивление, когда они увидели водоем и стену из свежеотесаных камней! В растерянности они остановились.

Тут их громко окликнул Торин:

— Кто вы, пришедшие, словно для войны, к вратам Торина, сына Траина, Короля в Горе, и что вам нужно?

Ответа не было. Некоторые сразу повернули назад, остальные, немного поглазев на Ворота и их защитников, последовали за ними. Днем лагерь был передвинут поближе к Воротам и разбит между двумя выступами Горы. Отражаясь от

скал, раздались давно не звучавшие в этих местах голоса и песни. А еще сладкие звуки эльфийских арф, которые, казалось, согрели холодный воздух, и до гномов долетел тонкий весенний запах лесных цветов.

Как же захотелось Бильбо сбежать из мрачной крепости и оказаться на веселом пиру у костров! Что-то похожее шевельнулось в сердцах молодых гномов, и они пробормотали, что хорошо бы, чтоб все устроилось немного по-другому, и они бы по-дружески поприветствовали прибывших. Но Торин лишь бросил в их сторону сердитый взгляд. Тогда гномы тоже принесли арфы и другие, найденные среди сокровищ музыкальные инструменты, и заиграли, и запели, чтобы развеять мрачное настроение Торина.

Но песня их не походила на песню эльфов, а

напоминала ту, что когда-то давным-давно пели гномы в крохотной норе хоббита.

Пройдя глубоко под Горой,
король вернулся в свой покой.
Ура! Зловредный пал червяк.
И всех других врагов вот так
сразит король своей рукой.
Броня крепка, мечи остры,
ворота прочны у Горы.
И горячо стучат сердца —
сочтем мы злато до конца.
Нас радость с этой ждет поры.
Звенели в старые деньки
колоколами молотки —
чудесным было ремесло,
в глубины уползало зло,
во тьму под наши рудники.
И ожерелья давних лет
на лунный нанизали свет,
и прикрепили на короны
огонь из пасти у дракона,
как струны, свив для арф куплет.

В чертог, что разорил дракон,
спеши, король! Свободен трон!
Вернись назад, бродячий люд,
зажить в Горе тебя зовут!
Близка заря былых времен!
Весть за леса летит и горы:
восстанет царство гномов скоро!
Король нас встретит у Ворот —
в короне золото сверкнет
и дорогих камней узоры!
Пройдя глубоко под Горой,
король вернулся в свой покой.
Ура! Зловредный пал червяк.
И всех других врагов вот так
сразит король своей рукой.

Песня явно потешила Торина, он заулыбался, повеселел и начал подсчитывать расстояние до Железных Холмов и срок, за который Даин доберется до Одинокой горы, если выступит, как только ему передадут послание. А у Бильбо сердце было не на месте — и от песни, и от разговора — слишком воинственно они звучали.

На следующий день рано утром отряд копейщи-

ков перешел реку и стал подыматься по долине. Воины несли зеленое знамя короля эльфов и голубое знамя Озерного города. Отряд подошел к Воротам.

Торин снова громко их окликнул:

— Кто вы, пришедшие, словно для войны, к вратам Торина, сына Траина, Короля в Горе, и что вам нужно?

На этот раз ему ответили. Угрюмый высокий черноволосый человек прокричал:

— Будь здрав, Торин! Но для чего ты отгородился стеной, словно разбойник в своем логове? Мы пока тебе не враги и рады, что ты жив, хоть мы уже на это не надеялись. Но раз вы уцелели, значит, есть что обсудить.

— Кто ты и что ты хочешь обсудить?

— Меня зовут Брон, я убил дракона и потому вы получили сокровища. Разве это не имеет к тебе отношения? Более того, я прямой наследник Гириона из Дола, а среди твоей добычи немало добра, которое из его города и дворца утащил Смард. Разве это не предмет для переговоров? Далее, во время своей последней битвы Смард уничтожил жилища Озерян, а я на службе у их градоначальника. От его имени я спрошу тебя, неужели в тебе нет жалости и сострадания к его

людям? Они помогли тебе, когда ты был в беде, а в награду, пусть непреднамеренно, ты навлек на них несчастья.

Слова звучали гордо и мрачно, но в их правдивости не приходилось сомневаться, и у Бильбо зародилась надежда, что Торин признает справедливость сказанного. При том хоббит вовсе не ждал, что кто-нибудь вспомнит, что это именно он открыл слабое место дракона, и правильно сделал — никто и не вспомнил. Да только хоббит не учел суть гномов и власть золота, которое долго лелеял дракон. В последние дни Торин немало времени провел среди сокровищ, и вожделение к ним камнем легло ему на сердце. Хоть, в первую очередь, разыскивал он Заветный самоцвет, глаз его не мог не заприметить множества других прекрасных вещей, которые разбудили горькую память о свершениях и бедах его рода.

— На последнее и главное место ты поставил свой самый слабый довод, — ответил Торин. — Никто из людей не может претендовать на сокровища моего народа, ведь Смард не просто украл их у нас, но отобрал наши жизни и наш дом. Это не его богатства, нельзя использовать их для покрытия ущерба от злодеяний дракона. За припасы и помощь от Озерян мы в свое время

честно расплатимся. Но вы не получите ни одной вещицы, даже ценой в кочан капусты, если будете нам угрожать. Пока ваше воинство стоит у Ворот, мы будем считать вас недругами и ворами. И хочу спросить, а какую часть выделил бы ты нашим наследникам, если б мы погибли, а сокровища оказались без охраны и достались вам?

— Вопрос резонный, — откликнулся Брон. — Но вы живы, а мы не грабители. Вдобавок, разбогатев, вы могли бы, вне зависимости от правил наследования, проявить милосердие к тем, что сейчас в нужде, а когда-то по-дружески выручили вас из беды. А каков ответ по остальным заявленным мной правам?

— Я уже сказал, что не буду вести переговоры с вооруженными людьми, стоящими у моих ворот. А также с эльфами, о которых у меня мало приятных воспоминаний. Это вообще не их дело. А теперь убирайся, пока не засвистели наши стрелы! Если захочешь еще раз со мной поговорить, отправь прежде войско эльфов обратно в их леса, а после возвращайся без оружия.

— Король эльфов — мой друг. Он оказал Озерянам помощь, хотя мы не предъявляли эльфам ничего, кроме своих дружеских чувств,* — сказал Брон. — Даем тебе время раскаяться в своих сло-

вах. Попробуй пустить в дело весь свой здравый смысл.

Затем Брон вернулся в лагерь. Прошло немного времени, и знаменосцы вновь появились у Ворот. Вперед вышли трубачи и заиграли сигнал. Затем один из них прокричал:

— Именем Озерного города и Леса обращаемся к Торину с Дубовым Щитом, назвавшему себя Королем в Горе, и предлагаем ему признать справедливыми предъявленные требования или же мы объявим его врагом. Не менее двенадцатой части сокровищ обязан он передать Брону как победителю дракона и наследнику Гириона. Из этих средств Брон окажет поддержку жителям Озерного города, но если Торин, подобно прежним королям гномов, рассчитывает на дружбу и уважение соседей, то добавит и сверх того для помощи Озерянам.

Тут Торин схватил сделанный из рога лук и пустил в глашатая стрелу. Она вонзилась в его щит и задрожала.

— Если таков твой ответ, — воскликнул глашатай, — объявляю Гору осажденной. Вы не сможете выйти их нее, пока не запросите мира и не начнете переговоры. Мы не подымем на вас оружие, но вам придется безвылазно сидеть на

своем золоте. Ешьте его, коли по вкусу.

После этого посланцы быстро удалились, и гномы получили возможность обдумать свое положение. Торин настолько помрачнел, что никто не рискнул ни в чем его упрекнуть, к тому же большинство гномов было одного с ним мнения, за исключением разве старого толстяка Бомбура, да Фили и Кили. Хоббиту же вообще не нравился ход последних событий. Ему давно надоела Гора, и торчать в ней в осаде было ему совсем не по нутру.

— Здесь все провоняло драконом, — ворчал он себе под нос, — и меня просто мутит. А прокорм уже в горло не лезет.

---

*Я Крак, сын Карка — I am Rac son of Carc. Имена воронов являются производными от croak — каркать.

* не заглохли за долгие годы при **много**численных пересказах, и **многим** не терпится… — has not lost in the telling during ***many*** years; ***man***y are eager…

* — Слишком мало времени у **нас**! — И еды про **запас**! — We have little time to **lose**. And little food to **use**!

* мы не предъявляли эльфам ничего, кроме своих дружеских чувств — had no claim but frendship on him. Claim одновременно претендовать или даже возбуждать судебный иск и заявлять о чем-либо, утверждать

Глава 16
Ночная покража

Дни теперь тянулись медленно, ожидание изматывало. Гномы коротали время, сортируя сокровища и складывая их в кучи. А Торин все вспоминал Заветный Самоцвет Траина и требовал, чтоб все принимали участие в его поисках.

— Заветный камень моего отца, — говорил он, — ст**о**ит целой реки золота, но для меня он бесценен. Из всех сокровищ я выбрал именно его, и поквитаюсь с любым, кто найдет и утаит Самоцвет.

Бильбо переживал все больше — что будет, если Самоцвет обнаружится в куче старого тряпья, которая служит ему подушкой? Но по-прежнему никому ничего не говорил о Камне, поскольку по мере того, как ожидание становилось все более гнетущим, один план начал зреть в его небольшой голове.

Столь же тягостно прошло еще некоторое количество времени, но тут в**о**роны принесли весть: Даин с пятью сотнями гномов в двух днях пути.

— Но им не пройти к Горе незаметно, — сказал

Крак, — будет битва в долине. Я бы не советовал. Да, они — свирепый народ, но вряд ли смогут одолеть воинство, что вас осаждает. Но если и так, вам-то что с того? Следом надвигаются зима и снег. Как без помощи соседей раздобудете вы еду? Похоже, сокровища принесут вам смерть, хоть дракона уже нет в живых.

Но Торина это не тронуло.

— Укусы мороза страшны людям и эльфам, — ответил он. — Им придется несладко в разоренных жилищах. Зима впереди и наши друзья позади подвигнут их к переговорам.

Этим же вечером Бильбо принял решение. Ночь была черной, безлунной. Когда полностью стемнело, Бильбо заглянул в комнату у ворот, в которой ночевал, достал из своего тюка веревку, прихватил завернутый в тряпку Заветный камень и вышел на стену. Там был только Бомбур — гномы не выставляли больше одного дозорного.

— Ну и холодрыга! — сказал Бомбур. — Надо и нам жечь костер, как они у себя в лагере.

— В комнате довольно тепло, — отозвался хоббит.

— Не сомневаюсь, — проворчал толстяк Бомбур, — но мне тут стоять до полуночи. А дела

наши плачевны. Я, конечно, не буду перечить Торину, да отрастет еще длиннее его борода, но уж больно он упрям и неповоротлив.

— Мои ноги еще неповоротливей* от хождения по лестницам да по каменному полу, — отозвался Бильбо. — Как же по нутру было бы им прогуляться по траве!

— А мне по нутру* пришелся бы крепкий напиток да мягкая постель после доброго ужина.

— Пока мы в осаде, не смогу тебе в этом помочь. Но я уже давно не стоял на часах и, если хочешь, подменю тебя. Мне что-то не спится.

— Господин Торбкинс, ты настоящий товарищ, и я с радостью принимаю твое предложение. Если что заметишь, сразу меня буди. Я буду в комнате слева от ворот.

— Ступай, ступай! — отозвался Бильбо. — Разбужу тебя в полночь, а ты разбудишь следующего дозорного.

Как только Бомбур ушел, Бильбо надел кольцо, закрепил веревку, скользнул по ней за стену и был таков.

В запасе у него оставалось часов пять. Бомбур будет спать, не просыпаясь (спать он готов в любое время, вдобавок после своего приключения в лесу гном все надеялся вновь увидеть тогдашние

прекрасные сны). Остальные выполняли задания Торина. Вряд ли кто-нибудь из них, даже Фили или Кили, выйдет на стену до того, как наступит их время нести дозор.

Тьма стояла непроглядная. Да и путь после того, как хоббит сошел с недавно построенной дорожки и спустился по скалам вниз к речке, был ему незнаком. Наконец он добрался до излучины — чтобы попасть в лагерь, здесь следовало перейти реку вброд. Русло в этом месте было неглубокое, но широкое, и перебраться через него в темноте стало для маленького хоббита непростой задачей. Он уже почти пересек реку, как вдруг поскользнулся на круглом камне и с плеском свалился в холодную воду. Насилу, дрожа и отплевываясь, выбрался он на берег, и тут же в поисках источника шума с яркими фонарями из тьмы появились эльфы.

— Это не рыба, — заключили они. — Это лазутчик. Тушите фонари! Они больше на руку ему, чем нам, если это то самое мелкое существо, что прислуживает гномам.

— Прислуживает, вот как! — фыркнул Бильбо, а на середине этого фырканья громко чихнул. Эльфы тут же устремились к источнику звука.

— Зажгите огонь, — сказал Бильбо. — Я здесь,

если я тот, кто вам нужен.

Он стянул с пальца кольцо и выскочил из-за скалы.

Несмотря на все свое удивление, они тут же его сграбастали.

— Кто такой? Гномский хоббит? Что ты здесь делаешь? Как ты проник так далеко за наши посты? — посыпались вопросы.

— Да будет вам известно: я — господин Бильбо Торбкинс, компаньон Торина. Вашего короля я знаю в лицо, хоть, может, меня он и не признает. Но Брон меня вспомнит, вот с ним-то я прежде всего и хочу повидаться.

— Да ну! — сказали эльфы, — И какое ж у тебя к нему дело?

— Какое б ни было, милые эльфы, да это мое дело, — отвечал Бильбо. — Только если хотите когда-нибудь вернуться в свои леса из этих холодных безрадостных мест, — тут его пробрала дрожь, — без разговоров ведите меня обсохнуть к костру, а потом как можно скорее дайте переговорить с вашими командирами — на все про все у меня остался часок-другой.

Вот так оно и вышло, что через два часа после того, как Бильбо выскользнул за Ворота, он уже грелся у костра неподалеку от большого шатра, и

тут же, с любопытством его разглядывая, сидели король эльфов и Брон. Хоббит в эльфийских доспехах, укутанный в старое одеяло — такого они еще не видели.

— По-моему, для всех нас очевидно, — Бильбо старался изъясняться сугубо в деловом стиле, — дальше так продолжаться не может. Лично меня это предприятие сильно утомило. Я предпочел бы оказаться у себя дома на Западе — у нас народ более рассудительный. Но мне причитается одна четырнадцатая часть прибыли, что, если быть конкретным, подтверждается документом, который я, к счастью, сохранил.

Он вытащил из кармана своего старого кафтана, который носил поверх кольчуги, мятую и многократно сложенную пополам записку Торина, которую тот оставил в мае под часами на каминной полке.

— Заметьте, часть прибыли, — продолжил Бильбо. — Я отдаю себе в этом отчет. Я готов тщательно рассмотреть ваши требования и вычесть из общей прибыли справедливую компенсацию ваших убытков, а после уже определять свою долю. Однако вы не знаете Торина! Он будет сидеть на груде сокровищ и голодать, пока вы не уйдете.

— Вот пусть сидит и голодает, — ответил Брон. — Поделом этому дурню.

— Наверняка, — согласился Бильбо. — И вы имеете право на свою точку зрения. Но, с другой стороны, зима уже на носу. Скоро пойдет снег и так далее, и снабжение войска станет делом непростым даже для эльфов. Но тут есть еще одно затруднение. Вы слышали о Даине и гномах из Железных Холмов?

— Слыхали, правда, довольно давно, — отвечал король. — Но что ему до нас?

— Сейчас отвечу. Похоже, я знаю то, чего не знаете вы. Даин на марше, менее чем в двух днях пути отсюда, а с ним не менее* пятисот лютых гномов. Многие из них получили боевой опыт в жестоких войнах с гоблинами, о которых вы, без сомнения, наслышаны. Их прибытие может привести к серьезным неурядицам.

— К чему ты это говоришь? — мрачно спросил Брон. — Собираешься предать своих друзей или хочешь нас запугать?

— Дорогой Брон, не спеши с выводами! — пропищал Бильбо. — Никогда еще не сталкивался с таким подозрительным народом! Просто хочу, чтоб те, кого это касается, не страдали от возможных неполадок. У меня предложение.

— Готовы выслушать, — ответили они.

— А можете и взглянуть, — сказал Бильбо. — Вот он!

Он вытащил и размотал сверток с Заветным камнем.

Даже эльфийский король, видавший много прекрасных и чудесных предметов, застыл в изумлении. Даже Брон потерял от восхищения дар речи. Казалось, наполненный лунным светом шар повис перед ними в сетке, сплетенной из мерцания заледенелых звезд.

— Вот Заветный камень Траина, — сказал Бильбо, — Сердце Горы, а также сердце Торина. Он для него дороже реки золота. Я отдаю Камень вам. Он поможет заключить сделку.

И Бильбо, хоть и не без дрожи в руках, пусть и не удержавшись от прощального взгляда, отдал чудесный самоцвет Брону, а тот взял и держал его, словно зачарованный.

— Но почему ты распоряжаешься Камнем? — смог, наконец, выговорить Брон.

— Ну, видишь ли… — неуверенно пробормотал Бильбо. — Он не совсем чтобы мой, но я хотел бы получить его в качестве своей доли. Я, может, что и грабитель, во всяком случае, они так говорят, сам-то я себя никогда грабителем не считал, но,

как бы то ни было, я — честный грабитель, в большей или меньшей степени. Так или иначе, а я собираюсь вернуться, и пусть делают со мной что хотят. Надеюсь, вам этот Камень пригодится.

Тут Король Эльфов снова поглядел с удивлением на Бильбо.

— Бильбо Торбкинс, — сказал он, — у тебя больше прав на доспех эльфийских князей, чем у многих, кому он, на первый взгляд, лучше подходит. Не знаю, понимает ли это Торин. Я, поверь, неплохо разбираюсь в гномах. А потому советую остаться с нами. Здесь тебя примут радушно и с почетом.

— Искренне благодарен за предложение, — с поклоном отвечал Бильбо. — Но не гоже мне сейчас бросать друзей после всего, что мы пережили вместе. А еще я обещал старине Бомбуру разбудить его в полночь. Мне надо поторапливаться!

И никакие уговоры не смогли его удержать. К хоббиту приставили почетный конвой, а король и Брон отсалютовали ему на прощанье. Не успел конвой миновать лагерь, как закутанный в темный плащ старик, сидевший у входа в одну из палаток, поднялся и двинулся им навстречу.

— Браво, господин Торбкинс! — сказал старик и похлопал Бильбо по плечу. — Ты, как водится,

превзошел все ожидания.

Да ведь это Гандальф! Впервые за долгие дни хоббит по-настоящему обрадовался. Хоть и не вышло выспросить у Гандальфа все, что хотел выспросить.

— Всему свое время, — остановил его Гандальф. — Похоже, дело близится к концу. Тебя ждет неприятный период, но не унывай. Потом все будет хорошо. Заваривается каша, о которой не подозревают даже в**о**роны. Спокойной ночи!

Сбитый с толку, но приободренный, Бильбо ускорил шаг. Конвой довел его до брода, который хоббит теперь перешел, не замочив ног. Он распрощался с эльфами и стал подниматься по склону в направлении Ворот. Бильбо очень устал, зато, когда он принялся взбираться по веревке — той самой, по которой спустился, до полуночи было еще далеко. Вверху он отвязал веревку, спрятал ее, а после сел на стене и крепко призадумался, что же с ним будет дальше.

В полночь он разбудил Бомбура, а сам улегся на его место, особо не прислушиваясь к похвалам старого гнома, поскольку чувствовал, что вряд ли их заслужил. Снилась ему яичница с ветчиной.

---

*но уж больно он… **неповоротлив**. Мои ноги еще **неповоротливей** — a dwarf with a **stiff** neck. Not as **stiff** as my legs

*как же **по нутру** было бы им пройтись по траве! — А мне **по нутру** пришелся бы крепкий напиток в горле — I would give a **good deal for the feel** of grass at my toes. I would give a **good deal for the feel** of a strong drink.

***менее**, чем в двух днях пути отсюда, и с ним **не менее** пятисот лютых гномов — **less** than two days' march off, and has **at least** five hundred grim dwarves.

Глава 17
Гром грянул

Ранним утром следующего дня в лагере протрубили трубы. Вскоре по узкой дорожке пробежал гонец. Держась подальше от стены, он окликнул гномов и прокричал:

— Готов ли Торин выслушать послов еще раз по причине того, что поступили новые известия и обстоятельства переменились?

— Наверняка, дело в Даине, — заключил Торин. — Они пронюхали о его приближении, и у них теперь другие умонастроения.

— Хорошо, только пусть послов будет немного и они придут без оружия. Я выслушаю их, — ответил он гонцу.

Примерно в полдень гномы снова увидели знамена Леса и Озера. Под ними пришли двадцать воинов. У начала узкого места они положили на землю свои мечи и копья и двинулись к Воротам. Гномы с удивлением заметили, что среди воинов были и Брон, и Лесной король, а перед ними какой-то старик, фигуру и лицо которого скрывал плащ с капюшоном, нес увесистый, обитый же-

лезом деревянный ларец.

— Приветствую тебя, Торин, — сказал Брон, — Ты не изменил свое решение?

— Мои решения не меняются от того, что несколько раз взошло и село солнце, — отвечал Торин. — Ты пришел, чтоб задавать зряшные вопросы? Вижу, что и эльфы все еще тут, несмотря на мое условие! Тебе не о чем со мной говорить!

— И нет ничего такого, за что ты уступил бы часть своего золота?

— Ничего, из того что ты и твои друзья можете предложить.

— А что ты скажешь о Заветном камне Траина? — ответил Брон.

И в то же мгновение старик открыл ларец, вынул из него и высоко поднял самоцвет. Яркий белый свет прянул из его руки и озарил утро.

Ошарашенный, сбитый с толку Торин потерял дар речи. Наступило общее молчание, которое длилось, пока сам Торин не прервал его полным гнева голосом.

— Это самоцвет моего отца, а, стало быть, мой, — сказал он. — Почему я должен выкупать то, что и так мое?

А изумление заставило его продолжить:

— Но как попала к вам наша семейная релик-

вия, хотя вряд ли есть смысл спрашивать об этом у воров?

— Мы не воры, — ответил Брон. — То, что принадлежит тебе, мы отдадим в обмен на то, что принадлежит нам.

— Как вы его заполучили?! — в ярости заорал Торин.

— Это я им отдал, — пропищал в смертном страхе Бильбо, который все это время то и дело высовывался со стены наружу.

— Ты?! Ты?! — еще громче закричал Торин и вцепился в Бильбо обеими руками. — Жалкий хоббитишка! Грабитель недорощенный! — на этом слова у него кончились, и он, словно тряпку, молча тряс Бильбо.

— Клянусь бородой Дарина, хотел бы я, чтобы тут очутился Гандальф! Будь он проклят за то, что выбрал тебя! Да поредеет его борода! А ты сейчас полетишь на камни! — в конце концов, проорал Торин и высоко поднял Бильбо.

— Стой! Твое желание исполнено! — прозвучал ответ. Старик с ларцом отбросил в сторону плащ и капюшон. — Гандальф здесь! И я, похоже, не опоздал. Даже если мой грабитель тебе не по вкусу, постарайся его не повредить. Опусти-ка его и для начала выслушай, что он скажет.

— Да вы сговорились, — сказал Торин и поставил Бильбо на забрало стены. — Чтоб я еще раз связался с колдуном или его подручными! Ну и что же ты, крысиное отродье, хочешь мне сказать?

— Ну и ну! — отозвался Бильбо. — Все это крайне неприятно. Но ты, должно быть, помнишь свое обещание: я сам могу выбрать четырнадцатую часть. Возможно, я истолковал это слишком буквально — мне ведь говорили, что гномы на словах честнее, чем на деле. Тем не менее, случалось, ты признавал, что и от меня бывает прок. Крысиное отродье! Это к таким-то услугам всегда готовы ты и твои родичи? Ну да я распорядился своей частью добычи по собственному усмотрению, и хватит об этом.

— Ладно, — угрюмо произнес Торин. — Хватит и тебе мозолить мне глаза*. Надеюсь, больше мы не встретимся.

Затем он заговорил с теми, кто стоял под стеной:

— Меня предали. Задумано было верно — я не могу не выкупить Заветный камень, наше семейное сокровище. За него я отдам одну четырнадцатую часть от всего золота и серебра, самоцветы при этом не учитываем. Но все это — в

счет доли этого изменника, это его выходное пособие, а вы делите его как хотите. Уверен, много он не получит. Забирайте его, покуда он жив, мне он больше не товарищ.

— Спускайся к своим приятелям, — обратился он к Бильбо, — или я сброшу тебя со стены.

— А как же золото и серебро?

— Я пришлю его позже, как договорились. Убирайся прочь!

— Значит, и Камень пока останется у нас, — прокричал Брон.

— Ты не слишком-то похож на славного Короля в Горе, — добавил Гандальф. — Но, может, все еще переменится.

— Должно перемениться, — ответил Торин.

Сильно было помрачение, которое наслало на него сокровище — он надеялся: прибудет на подмогу Даин, и не придется выкупать Заветный камень и делиться добычей.

А Бильбо ускользнул вниз по стене, несмотря на все труды, уходя с должности с пустыми руками*, не считая разве полученной от Торина кольчуги. И далеко не у одного гнома сердце сжалось от сожаления и стыда.

— Прощайте, — прокричал Бильбо. — Может, еще встретимся друзьями!

— Пошел вон! — отозвался Торин. — На тебе сделанная моим народом кольчуга, хоть ты этого и не заслужил. Ее стрела не пробьет. Но, если ты не поторопишься, я всажу стрелу в твои мерзкие ступни. Проваливай да побыстрее!

— Да ты уж так не спеши! — откликнулся Брон. — У тебя есть время до завтра. Мы вернемся в полдень и посмотрим, сколько сокровищ ты отдашь в обмен на Камень. Если все будет без обмана, мы отсюда уйдем, а войско эльфов вернется в свой лес. На этом прощай!

Они отбыли в свой лагерь, а Торин отправил гонцов-воронов к Даину, чтобы рассказать обо всем, что произошло, и попросить Дана поторопиться, соблюдая, конечно, разумную осторожность. День подошел к концу, миновала ночь. Наутро ветер переменился на западный, воздух потемнел, сделался зловещим. Спозаранку в лагере раздались крики: прибежали дозорные с вестью, что отряд гномов объявился у восточного отрога Горы и быстро движется к Долу. Это прибыл Даин. Всю ночь он шел быстрым маршем и оказался у Горы раньше, чем кто-либо мог ожидать. Все его воины были одеты в доходящие до колен кольчуги из стальных колец, а ниже гномов защищали чулки из прочной и гибкой

стальной нити, секрет изготовления которой знали только они сами.

Все гномы чрезвычайно сильны для своего роста, но эти были сильнее остальных. Главное их оружие — тяжелое двуручное кайло. Вдобавок на боку у каждого висел широкий меч, а за спиной — круглый щит. У каждого борода была заплетена в две косички, концы заткнуты за пояс. На каждом — железный шлем с железным острием, выражение лиц — угрюмое.

Звуки труб призывали людей и эльфов к оружию. А гномы уже подымались широким шагом вверх по долине. Они остановились у реки под восточным отрогом. Несколько гномов перешли речку вброд недалеко от лагеря. Они положили оружие наземь и в знак мирных намерений подняли вверх пустые ладони. Навстречу гномам вышел Брон, а с ним — Бильбо.

— Нас прислал Даин, сын Наина, — ответили они на вопрос Брона. — Мы спешим к нашим родичам в Горе, так как узнали о возрождении древнего царства. Но кто вы такие и почему, словно вражеское войско, расположились у Ворот?

В переводе с их учтивого и довольно-таки старомодного языка это значило: «Убирайтесь с дороги! Нам нужно пройти, поэтому или пропу-

стите нас, или мы начинаем бой».

Гномы собирались прорваться между Горой и речной излучиной — казалось, что узкий проход в этом месте не слишком-то защищен. Брон, конечно же, не собирался пропускать гномов. По крайней мере, до тех пор, пока не произойдет обмен золота и серебра на Заветный камень — он не верил, что это случится, если Торин получит подмогу. К тому же гномы Даина несли на себе изрядно всяких припасов. Гномы способны к переноске тяжелых грузов, и почти у каждого из отряда Даина, несмотря на быстрый марш, за спиной, помимо оружия, находился увесистый тюк. Эти припасы позволяли выдержать многонедельную осаду, что давало возможность прибыть новым и новым гномам, ведь у Торина было немало родичей. Тогда осажденные смогли бы восстановить еще одни ворота, и осаждающим понадобилось бы окружить всю Гору, на что у них не хватало воинов.

Именно таков и был план Торина и Даина (связь между ними поддерживали посланцы-в**о**роны), да путь-то был перекрыт и, зло выругавшись и продолжая что-то бормотать себе в бороды, посланцы-гномы вернулись в отряд. После этого Брон сразу отправил гонцов к Воротам, но там не

было ни золота, ни какого другого возмещения. Как только гонцы приблизились на расстояние выстрела, в них полетели стрелы и, не солоно хлебавши, они поворотили назад. В лагере все были взбудоражены и готовились к бою: гномы Даина уже двинулись вдоль восточного берега.

— Вот дурачье! — засмеялся Брон. — Пойдут под горным выступом. Допускаю, что в подземных войнах они разбираются, да только не в наземных. В скалах на их правом фланге укрыто немало наших лучников и копейщиков. Кольчуги у гномов, может, и хороши, да мы насядем с двух сторон, пока они не отдохнули от дальнего перехода. Им придется туго.

Но король эльфов ответил:

— Я до последнего буду оттягивать битву за золото. Ведь гномы не сдвинут нас с места, если мы сами этого не захотим. И ни один их шаг от нас не укроется. Поэтому будем надеяться на примирение. Если же, к несчастью, дело дойдет до драки, нас выручит наше численное превосходство.

Но он не учел характер гномов. Мысль, что Заветным камнем завладели осаждающие, жгла их мозги. Кроме того, они догадывались о разногласиях в стане Брона и решили ударить, пока там спорят.

Неожиданно, без прозвучавшей команды, гномы молча бросились в атаку. Зазвенела тетива луков, засвистели стрелы, в битву вступали все остальные. Но еще неожиданней с севера с пугающей быстрой надвинулась тьма! Черные тучи пробежали по небу. Гром загрохотал над Горой, яростный ветер подхватил раскаты зимней грозы и молния озарила вершину. А под сумраком грозы несся к Горе черный вихрь. И гнал его не ветер — вихрь надвигался, словно огромная стая птиц, настолько тесная, что ни единый луч света не пробивался между их крыльями.

— Стойте! — закричал Гандальф, чья одинокая фигура с поднятыми вверх руками неожиданно возникла меж наступавшими гномами и готовым их встретить строем.

— Стойте! — голос его прозвучал, как гром, а вспышка на конце посоха сверкнула, как молния. — Жуть движется к нам! Она пришла раньше, чем я думал! Гоблины идут на вас! Их ведет Болг-северянин! Его отца ты, Даин, убил в Мории! Летучие мыши, как туча саранчи, летят перед ними. А сами гоблины скачут на волках и вурках!

Изумление и смятение охватили всех. Пока Гандальф говорил, стало еще темнее. Гномы

остановились и стали всматриваться в небо. На разные голоса закричали эльфы.

— На сходку! — звал Гандальф. — Есть еще время объединиться! Даин, сын Наина, поспеши к нам!

Так началась жестокая битва, которую никто не ждал и которую потом назвали Битвой Пяти Армий. На одной стороне — гоблины и дикие волки, на другой — эльфы, люди и гномы. Вот как она вызрела. После смерти Большого Гоблина гоблинская злоба к гномам переросла в ярость. Гонцы сновали меж их городами, поселениями и крепостями: гоблины решили установить свое господство на землях к востоку от Туманных гор. Втайне собирали они сведения, повсюду внутри гор ковали и вооружали*. Затем, под покровом темноты и по туннелям пройдя по горам и долам, выдвинулись, собрались*, и огромным войском скопились вокруг да около* Гунабада, великой Северной горы, где была их столица, изготовясь вместе с внезапной бурей обрушиться на Юг. Тут-то прознали они про смерть Смарда, и сердца их возрадовались: ночь за ночью спешно пробирались они между гор и внезапно появились с севера, едва ли не на плечах у отряда Даина. До тех пор, пока они не прошли Драконову пустошь,

что отделяла Одинокую гору от северных отрогов, о них не знали даже в**о**роны. Трудно сказать, что знал о них Гандальф, но очевидно, что и он не ожидал такой внезапной атаки.

На совете с королем эльфов и Броном Гандальф предложил свой план. (Пришел и Даин — гоблины были общими врагами, и при их появлении позабылись все свары). Осталась одна надежда: заманить гоблинов в долину между выступами Горы, самим заняв обширные отроги на юге и востоке. Существовала угроза: если гоблинов окажется много, они смогут перебраться через Гору и сверху ударить в тыл, но не было времени придумывать другой план или посылать за подмогой. Гроза откатилась к юго-востоку, но взамен тучей нахлынули летучие мыши. Взвиваясь вихрями, они низко носились над склонами Горы, заслоняя свет и наводя жуть.

— На Гору! — закричал Брон. — На Гору! По местам, пока не поздно.

Эльфы встали среди скал на нижних склонах южного отрога. На восточном отроге стояли люди и гномы. А Брон с наиболее проворными людьми и эльфами вскарабкался на гребень восточного отрога*, чтобы посмотреть, что делается на севере. Пространство перед Горой почернело

от быстро надвигавшегося войска. Вскоре его авангард забурлил у конца восточного отрога и покатился к Долу. То были наездники на быстрых волках, а перед ними летели их крики и вопли. На пути у них, создавая видимость обороны, цепью растянулись храбрецы из людей — многие из них погибли, а остальные отступили и перебежали на другую сторону долины. Как и ожидал Гандальф, войско гоблинов в ярости двинулось за своим авангардом и теперь натекало в долину и бешено рыскало по ней в поисках врага. Буйно и беспорядочно, под бесчисленными черными и красными знаменами надвигались они, словно морской прилив.

Битва была жестокой — самое ужасное из всего, что когда-либо приключалось с Бильбо, к чему он в тот момент испытывал самое сильное в своей жизни отвращение, но чем, надо признать, сильнее всего после гордился и о чем больше всего любил вспоминать, хотя роль его в битве была невелика. Скажу откровенно, свое волшебное колечко он надел в самом начале и скрылся от всех взглядов, но не от всех угроз. Ведь такое колечко не остановит летящие стрелы или брошенное наугад копье, хоть и поможет незамеченным ускользнуть в сторону, да и в голову не нацелится

размашистый гоблинский меч.

Первыми начали эльфы. Ледяной и беспощадной была их ненависть к гоблинам. И такая ярость была в их в руках, державших мечи и копья, что лезвия замерцали в сумерках* холодным пламенем. Как только гоблины собрались в долине, в них, поблескивая, словно жгучие угли, полетел рой стрел. Следом в долину ринулась тысяча эльфов-копейщиков и атаковала гоблинов. Раздался оглушительный вой. Скалы перепачкались пятнами черной гоблинской крови. Едва гоблины успели опомниться и отбить натиск, по всей долине прокатился низкий рык. С другой ее стороны с кирками в руках и кличами «Мориа!» и «Даин! Даин!» в битву включились гномы Железных Холмов, рядом с ними, вооруженные длинными мечами, шли Озеряне. Гоблинов охватила паника, а как только они развернулись, чтобы встретить эту новую атаку, эльфы ударили со свежими силами.

Немалое количество гоблинов уже удирало вниз по реке, стараясь выбраться из западни, и немалое их количество — мертвых и раненных — рвали на куски волки. Казалось, до победы рукой подать. Но тут сверху прозвучали крики. Гоблины поднялись на Гору с обратной от Ворот стороны: одни показались на склоне над Воро-

тами, другие же, пусть немалое их количество с воплями срывалось со скал и обрывов, безудержным потоком двигались к отрогам. На каждый из отрогов вели тропы с центральной части Горы, и, чтобы остановить врага, защитников там явно не хватало. Надежды на победу растаяли: сдержать плотиной удалось лишь первый натиск черного прилива*.

День все длился. Гоблины снова собрались в долине. Пришли свирепые вурки, а с ними отряд Болга — здоровенные гоблины со стальными ятаганами. Теперь уже настоящая тьма чернела в ненастном небе. Огромные летучие мыши продолжали виться над головами эльфов, порой, как вампиры, припадая к убитым. Брон оборонял восточный отрог, отряд его понемногу отступал, военачальники же эльфов вместе с королем находились во впадине на краю южного отрога, неподалеку от Воронова холма. Вдруг у Ворот затрубила труба и раздался громкий крик. Все позабыли о Торине! Сдвинутая рычагами часть стены с грохотом рухнула наружу, в пруд. Из пролома выскочил Король в Горе, за ним — вся его команда. Плащи и капюшоны были сброшены, на всех — сияющие доспехи, из глаз у них вырывался красный огонь. Торин мерцал в сумерках*,

словно золото в догорающем костре. Гоблины попытались сверху забросать их камнями, но они продолжили свой путь — к подножию водопада и, затем, прямо в битву. Волки и гоблины-всадники расступались перед ними или падали* замертво.

— Ко мне! Ко мне, эльфы и люди! Ко мне, моя дружина! — кричал Торин, и голос его, как звук рога, сотрясал долину.

Снизу, забыв про строй, ринулись к нему на помощь гномы Даина. Снизу же двинулось к Торину и немало Озерян, которых не смог удержать Брон, а с другого края подошло много эльфов-копейщиков. Снова в долине били гоблинов, и повсюду громоздились черные отвратительные кучи их трупов. Вурки разбежались, и Торин шел прямо к отряду Болга, но пробиться сквозь его ряды не смог. Позади него среди мертвых гоблинов лежало уже много людей и гномов, а также много светлых эльфов, рожденных для долгой счастливой жизни в своих лесах. По мере того как долина расширялась, наступление замедлялось. Слишком уж наступающих было мало, и фланги их были неприкрыты. Со всех сторон обступили их гоблины и снова прибежавшие волки, атакующие сами были атакованы и зажаты в большое кольцо. С воем бросились на них

гоблины Болга, ударяя в их ряды, словно волны в песчаный обрыв. Помощи было ждать неоткуда: атака гоблинов со стороны Горы возобновилась с удвоенной силой, и повсюду мало-помалу гибли люди и эльфы.

Бильбо с печалью смотрел по сторонам. Он находился среди эльфов на Вороновом холме, поскольку отсюда было больше шансов спастись бегством, и отчасти оттого (из-за своей хватовской половины), что если уж дойдет дело до последней отчаянной схватки, он предпочел бы биться рядом с королем эльфов. Тут же был и Гандальф. Словно в глубокой задумчивости, сидел он прямо на земле, готовя, я полагаю, к финалу последние вспышки своего волшебства*. А финал, казалось, был уже близок.

«Скоро, — подумал Бильбо, — гоблины захватят Ворота, и всех нас убьют или погонят в плен. После всего, что мы пережили, тут есть отчего пустить слезу. Лучше бы Смард остался на проклятых сокровищах. А теперь их получат эти мерзкие существа, а бедных старину Бомбура, и Балина, и Фили и Кили ждет печальный конец. И Брона, и Озерян, и веселых эльфов. Беда! Я слыхал немало песен о битвах и знаю, что поражение бывает славным. Да только звучит это не слишком

ободряюще, если не сказать, тоскливо. Хотел бы я оказаться отсюда подальше».

Ветер разорвал облака, красная полоса заката прорезала небо на западе и замерцала в сумерках*. Бильбо пригляделся. И громко закричал: он увидел то, от чего встрепенулось его сердце — маленькие, но царственные темные силуэты на фоне красного зарева.

— Орлы! Орлы! — воскликнул Бильбо. — Орлы летят!

Бильбо редко подводили глаза. Орлы летели по ветру, ряд за рядом, их было столько, словно они поднялись со всех гнезд Севера.

— Орлы! Орлы! — кричал Бильбо, приплясывая и размахивая руками. Хоть эльфы и не видели его, да зато могли слышать. Вскоре эльфы тоже закричали, и крик их разнесся по долине. Множество изумленных глаз вскинулось в небо, хоть разглядеть орлов можно было только с гребня южного отрога Горы.

— Орлы! — еще раз крикнул Бильбо, но тут сверху в шлем ему с грохотом врезался камень, Бильбо рухнул наземь и больше ничего не помнил.

*и **хватит** от этом… **хватит** и тебе мозолить мне глаза — **let it go** at that!.. I will **let you go** at that.

*несмотря на все труды, уходя с должности с пустыми руками — and departed with nothing for all his trouble. Depart имеет значения уходить в отставку, покидать должность.

*ков**али** и вооруж**ал**и — there was a forg**ing** and an arm**ing**.

*по горам и долам — by hill and valley.

*выдвину**лись** и собра**лись** — m**arched** and g**athered**

*вокруг да около — around and beneath.

*гребень восточного отрога — the height of the Eastern shoulder.

*за**мер**цали в су**мер**ках — shone in the **gloom** with a **gleam.**

*сдержать плотиной удалось лишь первый натиск черного прилива — they had only stemmed the first onslaught of the black tide. Stem — преграждать поток, запруживать.

***мер**цал в су**мер**ках — in the **gloom**… **gleam**ed

*рассту**пали**сь или **падали** замертво — **fell** or **fl**ed.

*последние **в**спы**ш**ки своего **в**ол**ш**ебства — **last** b**last** of magic

*за**мер**цала в су**мер**ках — **gl**eam in the **gl**oom

Глава 18
Обратный путь

Когда в тело хоббита вернулась душа, поблизости не было ни души*. Он лежал на плоских камнях Воронова холма, а вокруг никого. Над ним раскинулось безоблачное негреющее небо. Его била дрожь, он был холоднее камня, а голова горела огнем.

— Хотелось бы знать, чем все кончилось? — сказал он самому себе. — В любом случае я не павший герой, хотя, боюсь, есть еще возможность им стать.

Кряхтя от боли, он сел. Живых гоблинов в долине не было. Постепенно голова у него прояснилась, и он разглядел эльфов, проходящих внизу под скалами. Он протер глаза. На равнине по-прежнему виднелся лагерь, и он заметил входящих в Ворота и выходящих из них. Гномы разбирали стену. Но стояла полная тишина. Не было слышно ни песен, ни переклички голосов. В воздухе, казалось, разлилась печаль.

— Надеюсь, все же победа наша, — выговорил хоббит, чувствуя, как болит голова. — Но до чего

она безрадостна!

Внезапно Бильбо заметил, что какой-то человек взобрался к месту, где он лежал.

— Эй, привет! — дрожащим голосом произнес хоббит. — Какие новости?

— Что за голос из камней? — откликнулся человек.

Он остановился и огляделся, скользнув взглядом по Бильбо. Тут Бильбо вспомнил о кольце. «Вот тебе на! У невидимости есть свои недостатки. Иначе я бы провел ночь в теплой постели».

— Я Бильбо Торбкинс, товарищ Торина! — закричал он, быстро сняв кольцо.

— Хорошо, что я тебя нашел! — сказал человек, подходя к Бильбо. — Давно тебя ищем. Уже посчитали мертвым, ведь их немало. Но чародей Гандальф сказал, что твой голос вчера слышали в этом месте. И меня в последний раз послали тебя здесь поискать. Ты ранен?

— Должно быть, сильный удар по голове. Но у меня шлем и прочный череп. Только не могу идти — ноги ватные.

— Я отнесу тебя в лагерь, — сказал человек и легко поднял Бильбо с земли.

Человек он был проворный, в подходящей обуви. И вскоре ссадил Бильбо на землю в лагере

у палатки, перед которой стоял Гандальф. Его рука лежала на перевязи. Даже волшебник был ранен, невредимыми во всем войске остались лишь единицы.

Увидев Бильбо, Гандальф просиял.

— Торбкинс! — воскликнул он. — Надо же! Жив! Я рад. А я уж начал сомневаться, убережет ли тебя на этот раз твое везение. Жаркое было дело и жестокое. Об остальном — после.

— Пойдем, — сказал он, помрачнев. — Тебя ждут.

И он ввел хоббита в палатку.

— Приветствую, Торин! — сказал Бильбо, войдя внутрь. В палатке, весь израненный, лежал Торин. Пробитые доспехи и топор с выщербленным лезвием валялись на полу.

— Простимся, знатный вор! — сказал Торин. — Я отправляюсь в чертог, где, сидя рядом с моими предками, буду ждать, пока мир не родится заново. Поэтому я не нуждаюсь ни в серебре, ни в золоте. Там от них мало проку. Я хочу по-дружески с тобой проститься и взять назад сказанные у Ворот слова.

Опечаленный, Бильбо опустился на одно колено:

— Прощай, Король в Горе. Горьким оказалось

наше приключение, раз у него такой конец. Его не поправишь и горой золота. Но я рад, что был рядом с тобой во всех опасностях — это больше, чем заслужил любой из Торбкинсов.

— Брось! — ответил Торин. — От тебя было больше прока, чем ты сам думаешь. Отвага и мудрость смешаны в тебе в правильной пропорции. Побольше было бы среди нас тех, что ценят угощение, веселье и песни выше куч золота, и мир стал бы веселее. Но, весело это или грустно, я должен этот мир покинуть. Прощай!

Бильбо в одиночестве вышел из палатки и сел, укутавшись в одеяло. Хотите — верьте, хотите — нет, но слезы текли у него из глаз, так что глаза покраснели, а голос охрип. Доброе маленькое сердце! Прошло немало времени, прежде чем он снова смог пошутить.

— Хорошо, я хоть вовремя проснулся. Хотел бы я, чтоб Торин остался жив, но я рад, что мы по-доброму попрощались. Дурак ты, Бильбо, что устроил весь этот кавардак с Камнем: несмотря на все твои старания купить мир и согласие, битва все равно случилась, хоть, думаю, едва ли тут есть твоя вина.

О том, что произошло после того, как в него попал камень, Бильбо узнал позже и почувство-

вал больше грусти, чем радости, он уже устал от своих приключений. Во время возвращения домой у него ныли кости. Возвращение, однако, слегка задерживалось, поэтому пока я расскажу вам о том, как развивались события.

Орлы давно подозревали — гоблины что-то затевают, от орлиного глаза не укрылись сборища гоблинов и гоблинские перемещения по горам. Поэтому орлы тоже слетелись к Большому Орлу Туманных Гор. Зачуяв издали битву, в самый последний момент появились они вместе с бурей. Орлы освободили от гоблинов горные склоны, швыряя их в пропасти или гоня, ошарашенных и пронзительно визжащих, на строй противника. Вскоре Одинокая гора была очищена, и эльфы и люди смогли, наконец, спуститься на помощь тем, кто бился в долине.

Но даже вместе с орлами они были в меньшинстве. В последние часы битвы — никто не знал откуда — появился Медван. Пришел один в облике медведя, который от гнева, казалось, вырос до гигантских размеров. Рев его раздавался, как грохот барабанов и пушек. Волков и гоблинов он расшвыривал, словно перья или солому. Будто удар грома, обрушился он с тыла на гоблинов и рассеял их стаю. Гномы все еще

удерживали позицию вокруг своего вожака на невысоком круглом холме. Беорн поднял с земли пронзенного копьями Торина и вынес из битвы. Вскоре он вернулся, ярость его удвоилась, ничто не могло перед ним устоять, оружие, казалось, не причиняло ему вреда. Он разметал в стороны гоблинов отряда Болга, а самого Болга сбил с ног и задавил. Ужас охватил гоблинов, они бросились врассыпную. А их противники с новыми силами принялись их преследовать, не давая спастись бегством. Многих сбросили в Проточную реку, а тех, кто удирал на юг или на запад, загнали в болота по берегам Лесной речки. Там сгинула большая часть бежавших гоблинов, тех же, что смогли добраться до Лесного царства эльфов, там и прикончили или оттеснили на верную смерть в непроходимую тьму Мрачного леса. В сложенных о битве песнях пелось, что в тот день уничтожили все три войска гоблинов Севера, и что в горы на долгие годы пришел мир.

Еще до ночи развеялись все сомнения в победе, но преследование гоблинов продолжалось, и, когда Бильбо вернулся в лагерь, в долине оставались, в основном, тяжелораненые.

— А где орлы? — спросил он вечером у Гандальфа. Бильбо лежал, укутанный в несколько

теплых одеял.

— Некоторые вылавливают гоблинов, — ответил волшебник, — а большинство вернулось к своим гнездам. Улетели с первыми лучами солнца. Даин надел на Владыку орлов золотую корону и поклялся в вечной дружбе с орлами.

— Жаль, — сонным голосом сказал Бильбо, — хотелось увидать их снова. Может, встречу их по пути домой. Я ведь уже скоро смогу отправиться восвояси?

— Стоит тебе только захотеть, — ответил Гандальф.

Однако прошло еще несколько дней, прежде чем Бильбо пустился в путь.

Глубоко в Горе похоронили они Торина, и Брон положил ему на грудь Заветный камень.

— Да покоится он здесь, пока стоит Гора! — сказал Брон. — Может, это принесет удачу гномам, которые тут поселятся.

А король эльфов положил на могилу Гоблинорез — меч, который эльфы отняли у Торина, когда пленили его в Мрачном лесу. В песнях пелось, что меч этот засветится во тьме, если приблизятся враги, и гномов уже не застанут врасплох.

Гора стала отныне жилищем Даина, который сделался Королем в Горе, и со временем немало

гномов стеклось к его трону под эти древние своды. Из двенадцати товарищей Торина осталось десять. Фили и Кили погибли, прикрывая Торина щитом и телом, ведь он был старшим братом их матери. Уцелевшие признали старшинство Даина, который по совести распорядился сокровищами. Конечно, речь уже не шла о том, чтобы разделить их, как договаривались вначале — между Балином и Двалином, Нори и Ори, Оином и Глоином, Бифуром и Бофуром, Бомбуром и Бильбо. Четырнадцатую часть всего золота и серебра, выкованного и не выкованного, отдали Брону, так как Даин сказал: «Мы подтверждаем договор покойного Торина, ведь он получил Заветный камень».

Но даже четырнадцатая часть была чрезвычайным богатством, б**о**льшим, чем у многих земных королей. Изрядно золота отправил Брон градоначальнику Озерян, и тот обильно вознаградил своих друзей и сторонников. Среди отданного Даином были изумруды Гириона, их Брон вернул королю эльфов — эти камни король любил сильнее всего.

А хоббиту Брон сказал так:

— Богатство это — настолько же твое, насколько мое, хоть прежние договоры уже не действуют,

и многие утверждают, что это именно они добыли и отстояли сокровище. И пусть ты ничего не требуешь, я постараюсь, чтобы не сбылись слова Торина, о которых он пожалел, и тебе не досталась бы самая малость. Я вознагражу тебя щедрее, чем остальных.

— Ты очень добр, — ответил Бильбо. — Но я и, вправду, хотел бы все это сплавить с плеч долой. Как довезти сокровище домой, не развязав по дороге войн**ы**, не усеяв путь трупами? А что мне с ним делать дома? Нет, пусть уж все останется у тебя.

В результате он взял два небольших ларца — один с золотом, другой с серебром, таких, чтоб их смог увезти на себе дюжий пони.

— Большим я вряд ли смогу распорядиться, — объяснил Бильбо.

Настало время прощаться с друзьями.

— Прощай, Балин! — сказал Бильбо. — Прощай, Двалин! Прощайте, Дори, Нори, Ори, Глоин, Бифур, Бофур и Бомбур! Да не поредеют никогда ваши бороды!

И, повернувшись к Горе, добавил: — Прощай, Торин с Дубовым Щитом! И Фили, и Кили! Да не умрет память о вас!

Гномы поклонились в ответ, но слова застряли

у них в глотках.

— До свиданья, Бильбо! Удачи тебе! — наконец выговорил Балин. — Если опять будешь у нас, мы закатим пир горой в наших вновь отстроенных чертогах.

— Если когда-нибудь будете в наших краях, — ответил Бильбо, — стучитесь сразу! Чай в четыре. Но вы заходите в любое время.

И пошел себе прочь.

Войско эльфов возвращалось восвояси. Оно, увы, поредело, но настроение у многих эльфов было приподнятое: ведь северные земли теперь надолго повеселеют — дракон убит, гоблины повержены, и сердца эльфов ждали, что вслед за зимой придет радость весны. Позади короля эльфов ехали Гандальф и Бильбо, а рядом с ними шагал принявший человеческий облик Медван. Всю дорогу он громко пел и смеялся. Так они добрались до опушки Мрачного леса, к северу от места, где из него вытекает Лесная речка. Тут сделали остановку, поскольку, как ни зазывал их король погостить в его дворце, ни Бильбо, ни Гандальф не хотели заходить в Лес. Они собирались обогнуть Мрачнолесье с северного конца, пройдя через пустошь между ним и началом Серых гор. Это был длинный и безрадостный

путь, но сейчас, когда гоблины были разбиты, он казался более безопасным, чем тревожные тропы среди деревьев. Тем более что с ними собирался идти Медван.

— Прощай, король эльфов! — произнес Гандальф. — Покуда наш мир остается молодым, да будет веселым твой лес! И да живет в радости твой народ!

— Прощай, о Гандальф! — сказал в ответ король. — Объявляйся, как прежде, там, где ты больше всего нужен и где тебя меньше всего ждут! И чем чаще станешь ты навещать мой дворец, тем больше радости мне доставишь!

— Прошу тебя, — сказал Бильбо, запинаясь и переминаясь с ноги на ногу, — принять этот дар!

И он протянул королю ожерелье из серебра и жемчуга, которое при расставании отдал хоббиту Даин.

— Чем же, о Бильбо, заслужил я такой подарок? — спросил король.

— Ну, мне кажется… видишь ли, — отвечал сконфуженный хоббит, — это небольшое, м-м, возмещение за твое, э-э, гостеприимство. Даже у грабителя есть свои принципы. Я съел столько твоего хлеба и выпил столько твоего вина!

— Я принимаю твой дар, о Бильбо Великолеп-

ный! — торжественно произнес король. — И причисляю тебя к Друзьям эльфов. Да не станет твоя тень короче (иначе тебе слишком легко будет красть)! Прощай!

И эльфы свернули в лес, а для Бильбо началась длинная дорога к дому.

Много еще испытаний и приключений выпало на его долю, пока он не добрался до своего Горба. Дикие земли остались Дикими землями, там и кроме гоблинов хватало всякой всячины, но хоббита сопровождали и ограждали* — рядом был Гандальф и, на большей части пути, Медван, поэтому серьезных бед удалось избежать. Так или иначе, а к середине зимы Гандальф и Бильбо, пройдя вдоль двух лесных опушек, оказались у ворот усадьбы Медвана, у него на время и остановились. Святки минули тепло и весело, со всех сторон сошлись приглашенные Медваном люди. Гоблины в Туманных горах теперь попадались редко, были сильно напуганы и хоронились в самых глубоких своих норах, а в лесах перевелись вурки, поэтому люди странствовали без опаски. Медван же получил большую власть на широкой полосе земли между горами и Лесом. Рассказывают, что его потомки еще во многих поколениях сохранили способность превращаться

в медведей, некоторые, правда, оказались злыми и угрюмыми, но у большинства в груди билось доброе сердце Медвана, хоть и вырастали они не такими большими и сильными, как он. Последних гоблинов вычистили в те дни из Мглистых гор, и мир снова установился на рубежах Диких земель.

Наступила погожая солнечная весна, и Бильбо и Гандальф распрощались с Медваном. Бильбо, даром что скучал по дому, уезжал с сожалением: по весне цветы в саду Медвана выглядели столь же изумительно, что в разгар лета.

После длинной дороги добрались они до перевала, где их когда-то схватили гоблины. На этот раз путники оказались в верхней его точке поутру и, оглянувшись, увидели белесое солнце над широким простором, за которым начинался Мрачный лес: синий в глубине и темно-зеленый с опушки — даже весной. Вдали едва различалась Одинокая гора. На ее вершине поблескивал нерастаявший снег.

— Снегом заносит пламя, и даже драконам приходит конец! — изрек Бильбо и повернулся спиной к своему приключению. Хватовская его половина чувствовала усталость, а половина Торбкинсов крепла с каждым днем.

— Одно у меня желание, — добавил он, — оказаться в своем кресле.

---

* Когда в тело хоббита вернулась **душа**, поблизости не было **ни души** — When Bilbo **came to himself**, he was literally **by himself.**

*как следует соп**р**ово**жд**али и ог**раж**дали — well **guid**ed and well **guard**ed.

Глава 19
Последнее действие*

Но только к самому началу мая вышли они, наконец, на обрыв над Укромной долиной, где стоял Последний (или Первый) Дружеский дом.

Как в прошлый раз, было это вечером, пони устали, особенно тот, что нес поклажу, да и сами они нуждались в отдыхе. Во время спуска по крутой тропе Бильбо слышал, как эльфы поют среди деревьев, словно и не переставали с момента его отъезда. Когда всадники спустились к нижним участкам леса, эльфы запели песню, очень похожую на ту, что пели в прошлый раз:

Дракона убили,
не страшен дракон!
Как куча железа,
рассыпался он.
А люди не дрогнут,
хоть рухнули троны.
Вот свежей листвою
оделися кроны!
Трава зашумела

средь ясной погоды,
и эльфы запели,
как вешние воды.
*Тра-л**а**-ла-ла-л**а**-ла!*
*Тра-л**а**-ла-ла-л**а**м!*
Скорее, скорее идите же к нам!
А звезды над нами,
как жемчуг, сверкают,
серебряный месяц
по небу гуляет.
Как золото гномов,
сияет очаг.
И вам до приюта
один только шаг.
Друзья наконец-то
вернулись назад!
И речка струится,
и звезды горят.
В дорогу тяжелую,
нет, не спешите!
Останьтесь же с нами,
у нас отдохните!

*Тра-л**а**-ла-ла-л**а**-ла!*

*Тра-л**а**-ла-ла-л**а**м!*

Затем эльфы вышли к ним навстречу и повели через речку к дому Элронда. Там путников ждал теплый прием, а также много ушей, желающих выслушать историю их приключений. Рассказывал Гандальф, поскольку сонный Бильбо помалкивал. Большую часть истории он знал, так как сам принимал в ней участие. Причем именно он о многом рассказал волшебнику во время их обратного путешествия и в доме Медвана. Тем не менее, он то и дело приоткрывал один глаз и вслушивался в рассказ о неизвестных ему событиях. Так — Гандальф рассказал об этом Элронду — он узнал, куда уезжал волшебник. Оказалось, что Гандальф ездил на Большой совет Белых кудесников, владеющих добрым волшебством. Сообща им удалось изгнать Чернокнижника из его логова на юге Мрачного леса.

— Лес теперь, — сказал Гандальф, — станет безопаснее. Весь Север, надеюсь, надолго избавился от этого ужаса. Хорошо бы совсем выгнать его из нашего мира.

— И впрямь было бы хорошо, — согласился Элронд. — Но, боюсь, этого не случится ни в этом

поколении, ни при многих следующих поколениях.

После того, как история их приключений была рассказана, перешли к другим: о старых временах, и о временах новых, и к историям на все времена, пока голова Бильбо не упала на грудь и он не захрапел в уголке.

Проснулся он на белых простынях, и свет луны лился из растворенного окна. А внизу на берегах речки громко, так что можно было разобрать каждое слово, пели эльфы.

Споемте, споемте, друзья и подружки!
Средь вереска ветер и в клена верхушке.
И звезды – цветками, луна – лепесток.
На башне у ночи горит огонек.
Давайте закружимся в танце живей!
Как перышки, стопы скользят по траве.
Ты, речка, серебряным светом сияй!
Светла наша встреча, вокруг – месяц май.
Нежней наша песня должна становиться,
чтоб сладкие сны стали путнику

сниться.

Давайте оставим скитальца в покое.

Его убаюкают ива с ольхою.

Пускай до утра постоит тишина,

и, сев за горою, погаснет луна.

Пусть речка свой говор удержит меж губ,

ведут себя тихо терновник и дуб.

— Вот же веселый народ, — произнес Бильбо, выглядывая из окна. — Интересно, который это час показывает луна? От вашей колыбельной проснется даже пьяный гоблин! Но все же я вас благодарю!

— А твой храп разбудит и превращенного в камень дракона, но все же и мы тебя благодарим! — рассмеявшись, ответили эльфы. — Уже скоро рассвет, а заснул ты в самом начале ночи. Надеемся, к утру ты вылечишься от своей усталости.

— В доме Элронда хорошо лечит даже короткий сон, — ответил хоббит. — Но я прийму столько лекарства, сколько смогу. Во второй раз спокойной вам ночи, друзья мои!

Он снова лег в кровать и проснулся только поздним утром. Усталость его скоро прошла, и он

часто плясал и веселился утром и вечером в Доме Элронда вместе с эльфами Укромной долины. Но даже в этом Доме не хотел он задерживаться надолго и все время думал о своем родном. Спустя неделю Бильбо распрощался с Элрондом, одарив его той толикой сокровищ, которую Элронд согласился принять, и вместе с Гандальфом отправился в дорогу. Но стоило им выехать из долины, как небо впереди на западе потемнело, и навстречу путникам вышли ветер и дождь.

— Маетное это майское время!* — сказал Бильбо, чувствуя, как дождь хлещет ему в лицо. — Но позади у нас время легенд, а впереди — дорога к родному дому. Думаю, это первый его привет.

— Дорога еще дальняя, — ответил Гандальф.

— Зато это последняя дорога, — откликнулся Бильбо.

Они добрались до речки, что служила границей Диких земель, к броду под крутым бережком, который вы, возможно, еще не забыли. Речка вздулась от тающих в преддверии лета снегов, а также от идущего весь день дождя, они с трудом преодолели ее уже под вечер. Началось последнее действие путешествия.

В целом, все было похоже на их прошлый проезд по этим краям, только команда сделалась

меньше и тише, да тролли не повстречались. По дороге Бильбо то и дело вспоминал прошлогодние происшествия и разговоры. Хотя, казалось, с той поры прошел не год, а лет десять, он легко узнал место, где пони упал в реку, а они свернули навстречу малоприятному приключению с Томом, Бертом и Биллом. Неподалеку от дороги отыскали место, где закопали золото троллей. Все было в полной сохранности.

— Мне уже хватит на всю жизнь, — сказал Бильбо, когда они отрыли клад. — Возьми это лучше себе, Гандальф. Думаю, ты найдешь золоту применение.

— Да уж найду, — откликнулся волшебник. — Но лучше давай поделим поровну. Может оказаться, что тебя ждут траты большие, чем ты предполагаешь.

Они упаковали золото в сумки и навьючили их на пони, которые вовсе этому не обрадовались. Теперь путники продвигались гораздо медленнее, ведь большую часть времени приходилось идти пешком. Но все вокруг зеленело, а под ноги стелилась трава, по которой хоббит шагал с большим удовольствием. Лицо он вытирал красным шелковым платком — да нет, не сохранившимся собственным, а позаимствованным у Элронда

— уже стоял июнь, и погода была безоблачной и жаркой.

Но все когда-нибудь кончается, даже наша история. Пришел, наконец, день, когда увидели они места, в которых Бильбо родился и вырос, чьи рельеф и растительность были знакомы ему, как пальцы на своих руках и ногах. Поднявшись на возвышенность, разглядел он вдалеке Горб и тут вдруг остановился и произнес:

А дорога бежит и бежит
по лесам, через горы,
сквозь пещер вечно мрачный гранит,
вдоль ручьев, что не сыщут море.
И по выпавшим зимним снегам,
по тяжелому летнему зною,
по июньским цветам,
по траве и камням под луною.
А дорога бежит и бежит
под высокой и яркой звездой.
Вот знакомый откроется вид,
и вернусь я домой.
Глаза, что видели пламя и блеск мечей,
ужас подземных кладовых,

отдохнут, наконец, на лужайке своей
средь холмов и деревьев родных.
Гандальф глянул на него:

— Дорогой мой Бильбо! С тобой что-то случилось. Ты уже не тот, кем был прежде.

Перейдя по мосту речку и миновав водяную мельницу, они снова оказались у дверей Бильбо.

— Батюшки светы! — воскликнул наш хоббит. — Что здесь происходит?!

Происходила большая суматоха, у дверей толпилась всевозможная публика — почтенная и не почтенная, все сновали изнутри наружу и наоборот, при этом, как с раздражением отметил Бильбо, никто не вытирал ноги о дверной коврик. Увидев Бильбо, они удивились еще больше, чем он.

Он вернулся в самый разгар распродажи! Большое красно-черное объявление висело на его воротах: «Двадцать второго июня юридическая контора «Землерой, Землерой и Рыткинс»* продаст с молотка имущество покойного господина Бильбо Торбкинса, владельца, Торбов Конец, Подгорбом, Хоббитанка*. Начало торгов строго в десять». А сейчас было время второго завтрака, и большинство вещей уже было продано по ценам

в диапазоне от почти даром до за бесценок и ломаный грош* (что нередко случается на аукционах).

Двоюродная родня Бильбо, Бурдюк-Торбкинсы*, как раз занималась измерением его комнат, чтобы проверить, войдет ли туда их мебель. Короче говоря, Бильбо был объявлен погибшим и без вести пропавшим, и совсем не все были рады, что эта пропажа обнаружилась*.

Возвращение господина Бильбо Торбкинса вызвало переполох как под Горбом, так за Горбом и через Водичку. Его поминали и далеко по прошествии девяти дней*. А юридическая тяжба длилась годы, прежде чем Бильбо был снова признан живым. И целое дело было убедить в этом тех, кто совершил на распродаже особенно удачные покупки. В конце концов, для экономии времени Бильбо выкупил значительную часть своей собственной мебели. Загадочным образом исчезли почти все его серебряные ложки и так нигде больше не обнаружились. Он подозревал Бурдюк-Торбкинсов. Те, в свою очередь, так и не признали вернувшегося Бильбо настоящим и относились к нему враждебно. Ведь им так хотелось пожить в его славной норе!

Но потерял Бильбо не только свои ложки — ху-

же того, он потерял репутацию. Да, он навсегда остался Другом эльфов и был в чести у гномов, волшебников и тому подобного народа, постоянно проходившего мимо Горба, но он перестал быть почтенным. Среди местных хоббитов он теперь слыл чудн**ы**м, другого мнения придерживались только его хватовские племянники и племянницы, но даже их дружба с Бильбо старшими не поощрялась.

Вынужден с прискорбием сообщить: на это он не обращал никакого внимания. Душа его была спокойна, звук вскипающего чайника казался ему теперь даже более мелодичным, чем в тихие времена до далеко зашедшей вечеринки. Свой меч он повесил над каминной полкой. А кольчугу выставил в прихожей на напольной вешалке (а потом одолжил музею). Золото и серебро он, в основном, потратил на подарки, одновременно полезные и экстравагантные — в определенной мере отвечавшие ожиданиям племянников и племянниц. Волшебное кольцо хоббит хранил в секрете, надевая, главным образом, когда объявлялись нежеланные посетители. Бильбо пристрастился к писанию стихов, часто гостил у эльфов, и, несмотря на то, что многие качали головой и стучали пальцем себе по лбу, пригова-

ривая: «Бедный старый Торбкинс!», и мало кто верил его рассказам, он очень счастливо прожил остаток своих дней, а остаток этот оказался чрезвычайно долгим.

Одним осенним вечером, через несколько лет после возвращения, Бильбо сидел в кабинете и писал воспоминания — он собирался назвать их «Туда и назад, или Хоббит в отпуске» — и тут в дверь позвонили. Это были Гандальф и гном, причем оказалось, что гном этот — Балин.

— Добро пожаловать! — воскликнул Бильбо, и вскоре они уже сидели в креслах у камина. Балин обнаружил, что Бильбо теперь носит жилетку большего, чем раньше, размера (и с пуговицами из чистого золота), а Бильбо, в свою очередь, что борода Балина стала на вершок длиннее, а его украшенный самоцветами пояс — просто великолепен. Они, конечно, принялись вспоминать свои приключения, и Бильбо спросил, как дела в краях вокруг Горы. Все вроде было очень даже хорошо. Брон отстроил Дол, туда сошлись люди с Озера, а также с Юга и Запада, они снова распахали долину и зажили в достатке, прежняя пустошь изобиловала по весне птицами и цветущими растениями, а осенью — плодами и пирами. Озерный город поднялся на новом месте и процвел

пуще прежнего, товары сновали взад-вперед по Лесной речке, а люди, эльфы и гномы ладили друг с другом. Градоначальник же кончил плохо: для помощи Озерянам Брон отдал ему много золота, но он оказался подвержен драконьей болезни — сбежал с этим золотом и, брошенный своими подельниками, умер посреди пустоши от голода.

— Новый глава города поумней, — сказал Балин, — его уважают: еще бы, ведь нынешнее процветание, во многом, его заслуга. Уже сложили песни, что при нем реки текут золотом.

— Выходит, предсказания старых песен оказались до некоторой степени правдой! — откликнулся Бильбо.

— Конечно! — сказал Гандальф. — А почему бы им не оказаться правдой? Не перестанешь же ты верить предсказаниям только потому, что сам приложил руку к их исполнению! Неужто ты решил, что все твои приключения закончились благополучно только из-за простого везения и исключительно к твоей собственной выгоде? Ты, господин Торбкинс, отличный парень! И я очень тебя люблю! Но, если уж на то пошло, ты всего лишь маленький персонаж в этом необъятном мире.

— И на том спасибо! — засмеялся Бильбо, про-

тягивая Гандальфу коробку с табаком.

---

*Последнее действие — Last stage. Stage — одновременно театральное действо и отрезок маршрута.

***Мае**тное это **май**ское время! — **Ме**rry is **Ма**y-time!

*Юридическая контора «Землерой, Землерой и Рыткинс» — Messrs. Grubb, Grubb, and Burrowes. Grubb происходит от копать отверстия в земле, burrow — рыть нору. Рекомендация Толкина: «Grubb. Хоббитская фамилия. Ее нужно перевести, подобрав что-то более-менее подходящее по звучанию и значению. По замыслу она должна напоминать английский глагол grub — копать, вскапывать землю».

***Торбов Конец, Подгорбом, Хоббитанка** — Bag-End, Underhill, Hobbiton. Рекомендации Толкина: «**Underhill.** Перевести по смыслу. Hobbiton — это название деревни. Перевод должен содержать слово hobbit и корень, означающий деревня».

*по ценам в диапазоне от почти даром до за бесценок и ломаный грош — for various prices from next to nothing to old songs. Толкин соединяет два фразеологических оборота next to nothing (почти

ничего) и **not worth an old song (грош ему цена).**

*Бурдюк-Торбкинсы — the Sackville-Bagginses. Sack — мешок для вина, бурдюк. Рекомендация Толкина: «Sackville — это английская фамилия (более аристократичная, чем Baggins). Она соединена с Baggins в книге, конечно же, потому, что слова sack (мешок) и bag (мешок, сумка) в английском языке имеют схожий смысл, кроме того, это сочетание производит слегка комическое впечатление. Подойдет любое составное слово в языке перевода, содержащее корни, означающие (более или менее) sack и bag».

*объявлен без вести **пропавшим**, и совсем не все были рады, что эта **пропажа** обнаружилась — was «**Presumed** Dead», and not everybody… was sorry to find the **presumption** wrong.

*Его поминали и далеко по прошествии девяти дней — a great deal more than a nine days' wonder. В современном английском nine days' wonder означает краткосрочный интерес, само выражение существует по крайней мере с XVII века, однако почему в нем присутствует число девять — не известно. Я увязал его с обычаем поминок на девятый день после смерти.

Приложение
Толкин и традиция реализма
1. «Властелин колец» и «Остров сокровищ»

Принято считать, что Толкин написал книгу «Властелин колец» (1954–55) на основе западноевропейского фольклора. Однако из фольклора автор мог позаимствовать разве что названия «рас» своих персонажей — гномов, эльфов, гоблинов и троллей, да самые общие сюжетные мотивы — наличие драконов, волшебных колец и сокровищ. Психологическая же разработанность образов героев Толкина, изощренность сюжетных перипетий его книги фольклору не свойственны. (Заметим, что более близкая к фольклору книга «Сильмариллион», которую Толкин стал писать первой, успехом у читателей не пользуется).

При создании «Властелина колец» — равно как «Хоббита» (1937) — Толкин опирался на опыт английской литературы, в том числе приключенческой. Биографы Толкина сообщают, что одной из первых прочитанных им книг был «Остров

сокровищ» (1883) Стивенсона. «Остров сокровищ» Толкину де сильно не понравился. Однако часто лучше всего запоминается именно то, что сильно не нравится. Во всяком случае, мы обнаруживаем между «Островом сокровищ» и «Властелином колец» совпадения: как в элементах сюжета, так и в принципах его построения.

Начнем с элементов сюжета. Главные герои: английский подросток Джим Гокинс и подросток-хоббит Фродо Беггинс. Главный сюжетный мотив: путешествие, причиной которого является обладание необычайным предметом — картой сокровищ и волшебным кольцом соответственно. Обе книги начинаются с опасных событий, из-за которых герои, спасаясь, бегут из дому: Джим Гокинс — от Черного Пса и его компании, Фродо Беггинс — от Черных Всадников. (В «Острове сокровищ» также присутствуют ночные всадники: под копытами их коней гибнет слепой Пью). Оба героя отправляются в путешествие в составе команды единомышленников: Джим Гокинс — с доктором Ливси, сквайром Трелони и капитаном Смоллетом, Фродо Беггинс — с Товариществом кольца. (Можно усмотреть параллели между доктором Ливси и Гандальфом, капитаном Смоллетом и Арагорном). Оба героя без предупре-

ждения покидают своих друзей в критический момент: Джим Гокинс делает это два раза — при высадке на берег и при уходе из пакгауза, Фродо Беггинс — на горе Амон Хен. Ярким сюжетным элементом обоих книг является осада крепости: пакгауза в «Острове сокровищ», крепостей Helm's Deep и Минас Тирит — во «Властелине колец».

Что касается психологической разработанности образов героев «Властелина колец», то, создавая их, Толкин вполне мог опереться на «Остров сокровищ»: Джон Сильвер — один из самых обаятельных злодеев мировой литературы. Можно усмотреть следующую аналогию между Сильвером и Саруманом: оба они сначала предстают хорошими, а затем оказываются плохими, оба красноречивы и обладают даром убеждения, оба терпят крах, оба помилованы и отпущены на волю.

Перейдем теперь к принципам построения сюжета.

В обеих книгах повествование разделяется, описывая события, происходящие одновременно, но с разными героями (разными группами героев) — так в «Острове сокровищ» часть повествования ведется от лица доктора Ливси.

В одном из писем Толкин подчеркнул: «Ра-

зумеется, «Властелин Колец» в основе своей произведение религиозное». В обеих книгах — «Властелине колец» и «Острове сокровищ» — ходом событий управляет Божественное Провидение, делая гибельные, на первый взгляд, поступки героев причиной их конечной победы.

В «Острове сокровищ» Джим Гокинс неожиданно прыгает в лодку с отправляющимися на остров пиратами, разрушая план своих взрослых товарищей благополучно вернуться восвояси, оставив пиратов на острове. Однако в результате Джим встречает Бен Гана, что позволяет обмануть пиратов и заполучить сокровище.

Во время второго побега — из пакгауза — Джим оставляет своих товарищей в опасной ситуации, зато возвращает корабль (которым пираты завладели в результате его первого побега на остров).

Похожий побег во «Властелине колец» совершает Фродо на горе Амон Хен: не уведомив товарищей, отправляется в Мордор. В результате, однако, оказывается, что именно разделение Товарищества привело его к победе, в том числе за счет того, что рассеивало внимание Саурона.

Но главным, пожалуй, источником опасных и гибельных, на первый взгляд, поступков в книге Толкина является хоббит Пин. В пещерах Мории

он из озорства бросает камень в колодец, пробуждая и вызывая наружу демона Барлога, что приводит к потере Гандальфа.

Потеря эта, однако, дает следующие результаты — в отсутствие Гандальфа:

— Боромир предъявляет претензии на Кольцо, что подталкивает Фродо отдельно от отряда отправиться в Мордор. Эта тактика разделения Товарищества кольца, как мы уже сказали, оказывается выигрышной;

— отряд подвергается нападению орков, которые пленяют хоббитов Пина и Мэри. В результате хоббиты оказываются в лесу Фангорн, где побуждают энтов разрушить твердыню Сарумана, тем самым устраняя серьезного противника.

Гандальф же, победив Барлога и пройдя подземелья Мории, повышает свой статус мага — с Серого до Белого. Это, в частности, позволяет ему лишить волшебной силы Сарумана, завершая победу над ним.

В ходе захвата твердыни Сарумана Гандальф также получает Палантир — камень, позволяющий осуществлять связь на расстоянии через другой подобный камень. Это побуждает Пина к очередному безрассудству: его самовольное заглядывание в Палантир едва не приводит к

«перевербовке» Пина Сауроном и раскрытию всех планов Товарищества. Однако Саурон решает, что видел Фродо, и что Фродо находится в руках Сарумана. Саурон посылает Предводителя назгулов, чтобы доставить Фродо в Мордор. Это задерживает выступление армии Мордора.

В результате этой задержки:

— Гандальф успевает оказаться в Минас Тирите до начала его осады, возглавляет оборону, спасает от назгулов Фарамира;

— конница Теодена успевает на подмогу Минас Тириту;

— Арагорн успевает привести к Минас Тириту армию призраков.

Кроме того, внимание Саурона отвлекается от подступов к Мордору, где находится Фродо.

Таким образом, безрассудство (без кавычек) Пина — важный, если не ключевой, фактор в победе над Сауроном.

Заметим, что сам Толкин (как и Стивенсон) нигде не подчеркивает этот принцип построения сюжета, оставляя его скрытым в тексте книги, так же, как в реальной жизни от людей бывает скрыто Божественное Провидение.

Безрассудное или неосторожное, но приводящее к победе поведение героев характерно и для

книги Толкина «Хоббит».

Гномы посылают Бильбо на разведку. Бильбо на свой страх и риск и без ясной цели решает украсть у тролля кошелек. Из-за этого он и вся компания гномов оказывается в лапах у троллей. Однако в результате тролли погибают, а Гандальф, Торин и Бильбо получают волшебные мечи. Мечи эти в дальнейшем не раз выручают героев.

В непогоду герои останавливаются на ночлег в горной пещере, зная, что такие пещеры редко бывают безопасны. Ночью гоблины утаскивают всех в подземелье через щель в стене. Однако в результате Бильбо находит под землей волшебное, делающее невидимым кольцо, которое позволяет спастись от пауков и вызволить гномов из заточения у эльфов. Кольцо дает Бильбо возможность, оставшись невредимым, разглядеть прореху в чешуе дракона, через которую дракона и убивают стрелой.

При походе через Мрачный лес гномы и Бильбо, несмотря на все предостережения, сходят с тропы, поэтому едва избегают смерти от пауков и попадают в плен к эльфам. Однако оказывается, что путь из дворца эльфов по реке — единственный, позволяющий добраться к Одинокой горе.

Бильбо в разговоре с драконом опрометчиво

наводит его на мысль, что гномы связаны с Озерным городом. Однако именно в результате налета на Озерный город дракон погибает.

Еще одно сходство «Властелина колец» и «Острова сокровищ» (которое почти полностью исчезает при чтении книги Толкина в переводах на русский): язык повествования в обоих случаях лишен выспренности. Язык Стивенсона хоть и прост, но не груб или вульгарен. Недаром «Остров сокровищ» — это классическое произведение английской литературы.

Не впадают в патетику и вычурность и герои «Властелина колец». Украшательством речи они не занимаются и слов зря не тратят. Простота языка подчеркивает по контрасту героический характер событий (то же относится и к «Хоббиту»).

Чтобы далеко не ходить, для примера того, как стиль Толкина исчезает в русских переводах, возьмем название первой книги трилогии: The Fellowship of the Ring. На русский его переводят как «Братство кольца». Однако слово fellowship не предполагает братских или, вообще, высоких отношений. Это сообщество людей, связанных определенным видом деятельности. Более близким к авторскому названию был бы перевод

«Товарищество кольца». Толкин предпочитает, чтобы читатель судил о героях по делам, а не по их или авторским высоким словам.

А вот одна из самых проникновенных сцен книги, когда Сэм решает идти в Мордор вместе с Фродо. Сэм произносит:

"Just hold on a moment, and I'll get my stuff!' — cried Sam eagerly. 'It's all ready. I thought we should be off today".

В переводе М. Каменкович и В. Каррика это звучит так:

«Сейчас, сейчас, минуточку! — просиял Сэм. — Мое барахлишко давно готово! Я так думал, что мы сегодня же и снимемся!»

Однако в оригинале нет «оживляжа» переводчиков: ни «минуточки», ни «просиял», ни «снимаемся», ни, тем более, «барахлишка». Перевод скатывается в вульгарность.

Ближе к оригиналу было бы достаточно простое:

«Подождите немного, я возьму вещи! — воскликнул с горячностью Сэм. — Я все уже собрал. Я так и думал, что мы сегодня же и отправимся».

Перевод В. Муравьева в данном случае строже, чем у Каменкович и Каррика:

«Я мигом! — радостно откликнулся Сэм. — Ве-

щевой-то мешок у меня уже собран. Только вот еды немного прихвачу».

Однако у английского eagerly есть значение нетерпения, но нет значения радости. Да и странно было бы, если б Сэм радостно отправлялся в Мордор. А оканчивает переводчик свою фразу явной отсебятиной, которая наводит на мысль, что Сэм напоследок решил без спросу «прихватить» часть общих припасов. Все это разрушает торжественность момента, которую, не впадая в патетику, подразумевает автор.

Сравнивая два произведения, я постарался показать, как, призывая на помощь традицию, автор создает новое. Рискну утверждать — это общий принцип, по которому работает искусство.

2. «Хоббит» и «Война в воздухе» Герберта Уэллса

Образ героя

Мы обсудили совпадающие сюжетные мотивы в произведениях Стивенсона и Толкина. Однако эти совпадения ничего не говорят о том, что могло послужить основой для создания образа центрального героя «Хоббита» — Бильбо Торбкинса

(Bilbo Beggins). А ведь Бильбо и в целом хоббиты — явная удача Толкина, во многом обусловившая успех его романов.

Стивенсовский Джим Гокинс лишь отдаленно напоминает Бильбо. Не похож Бильбо и на фольклорного персонажа по имени Иван-дурак. Иван-дурак, который затем становится царем, ближе к Арагорну из «Властелина колец». Бильбо же, напротив, все изначально считают вполне респектабельным хоббитом с небольшой авантюрной жилкой.

При поисках прототипа Бильбо, конечно, приходит на ум Санчо Панса из «Дон Кихота». Он и выглядит, как Бильбо, разве что у Бильбо нет бороды, а у Санчо — волосатых ступней. Как и Бильбо, Санчо любит поспать и поесть. Прозвище его, как и у Бильбо (см. ниже), носит юмористический оттенок (panza переводится как брюхо). Оба, при случае, готовы прибрать к рукам то, что плохо лежит. Как и Бильбо, Санчо отправляется в опасное путешествие, соблазненный наградой: Бильбо посулили часть сокровищ, а Санчо — пост губернатора. Во время странствий Санчо, как и Бильбо, проваливается в пещеру, его спасает дон Кихот. (Вообще, пара Гандальф — Бильбо визуально весьма напоминает пару дон Кихот

— Санчо). Получив пост губернатора, Санчо, как Бильбо во время путешествия, проявляет хладнокровие и смекалку. В финале Санчо, как и Бильбо, возвращается восвояси и также оказывается при деньгах, получив наследство от дон Кихота. Но, все же, Санчо Пансу нельзя назвать активно действующим персонажем, определяющим развитие сюжета. Он лишь оттеняет фигуру дон Кихота. Более того, эволюция Бильбо на протяжении действия романа гораздо более сильная и значимая, чем у Санчо Пансы, который, как правило, демонстрирует крестьянскую здравость.

Еще один возможный прототип Бильбо, кстати, связанный с Санчо Пансой, это Тартарен из Тараскона, образ, созданный Альфонсом Додэ (три романа о Тартарене вышли в 1872, 1885 и 1890 гг.): «у него была душа Дон Кихота… Напротив, тело у Тартарена было… весьма привередливое, отличавшееся чисто обывательскими наклонностями, любившее удобства — пузатое и коротконогое тело бессмертного Санчо Пансы. Дон Кихот и Санчо Панса в одном лице!» Бильбо также словно состоит из двух половин: солидной — от отца и эксцентричной — по материнской линии.

Тартарен отправляется в Африку охотиться на львов: «Тартарен-Санчо… хныкал и бранился не

переставая: "Дурак ты, дурак!.. Говорил я тебе!.. Ну вот тебе твоя Африка!.. Что, хороша?"» Бильбо также часто жалеет, что отправился в опасное путешествие, и хочет оказаться дома. Дом Тартарена своей умиротворенностью напоминает жилище Бильбо: «Хорошенькая тарасконская вилла, впереди садик, сзади балкон, ослепительно белые стены, зеленые ставни».

Во второй части трилогии Тартарен попадает в Альпы, где переживает опасные приключения, в том числе, оказавшись в компании русских террористов. Бильбо в середине «Хоббита» также оказывается в горах и едва ускользает от опасных гоблинов.

В последнем романе трилогии Тартарен вместе с другими тарасконцами плывет осваивать остров в океане, что напоминает поход гномов к Одинокой горе с целью снова ее обжить. Появляется в этом романе и дракон Тараск. Только это деревянный дракон, участвующий в ежегодном городском празднике Тараскона. Колонисты берут его с собой, но дракон попадает в океан, и принявший его за кита Тартарен поражает дракона выстрелом из карабина. На острове колонисты сталкиваются с каннибалами, им приходится возвращаться в Тараскон на английском корабле,

а Тартарен вынужден компенсировать расходы по этой транспортировке, распродавая свое имущество. Подобно тому, как вернувшийся домой Бильбо застает распродажу своего домашнего имущества с аукциона.

Однако Тартарен — пародийный персонаж, остающийся неизменным на протяжении всей трилогии, духовная эволюция ему почти не свойственна.

Вспомним и бравого солдата Швейка. Сам Гашек провел аналогию между Швейком и Санчо Пансой. Вот Швейк поступает денщиком к поручику Лукашу: «Институт денщиков очень древнего происхождения… Кем, скажем, был Санчо Панса у Дон-Кихота?» (Я. Гашек, Похождения бравого солдата Швейка, гл. 14, 2). Но Швейк, действительно, более похож на Санчо Пансу, чем на Бильбо, как и Тартарен, оставаясь внутренне неизменным на протяжении всего действия и демонстрируя «крестьянский» здравый смысл посреди охватившего Европу военного безумия.

Тем не менее, у толкиновского Бильбо есть довольно близкий по времени прототип. Это Берт Смоллуэйз из романа Герберта Уэллса «Война в воздухе». В 1908-м, когда в Англии вышел в свет этот роман широко известного к тому времени

Герберта Уэллса, Толкину исполнилось шестнадцать. Толкин несколько раз упомянул Уэллса в эссе «О волшебной сказке» (1939). Роман «Войну в воздухе» он не называет, но останавливается на «Машине времени» (1895), высоко оценивая образы элоев и морлоков (очевидный прототип толкиновских эльфов и гоблинов). Причем в своем тексте Толкин несколько раз упоминает элоев и морлоков уже без непосредственной связи с «Машиной времени», что свидетельствует о том, что эти образы прочно вошли в сознание Толкина: «Давайте не будем делить человечество на элоев и морлоков» и «морлокский ужас фабрик». Кроме того, Толкин полемизирует в эссе с механистичностью уэллсовского приема перенесения в другую эпоху при помощи некоего аппарата — машины времени. Подобную же полемику ведут персонажи неоконченного толкиновского произведения «Записки клуба мыслителей» («Notion Club Papers», 1945). Из этого со всей очевидностью следует, что романы Уэллса — одна из точек отсчета или опоры, от которых отталкивался Толкин, развивая свою концепцию природы волшебного. Такой же точкой опоры, пусть и не названной, для образа Бильбо из «Хоббита» является Берт Смоллуэйз из романа Уэллса

«Война в воздухе».

В центре обоих романов — главный негероический (извините за оксиморон) герой, который волею судеб оказался в центре смертельно опасных и сотрясающих мир событий. В ходе этих событий происходит возмужание героя, рост его как личности. Г. Уэллс так характеризует своего героя в начале его странствий: «Берт Смоллуэйз был заурядным человечком, развязным и ограниченным… Он был всего лишь напористым и своекорыстным индивидом, не имевшим ни малейшего представления о долге гражданина, верности, преданности, чести и даже о храбрости. И вот благодаря странной случайности он оказался на некоторое время вырванным из удивительного современного мира с его суетой и всяческими соблазнами и воспарил между морем и небом, как бестелесный дух (имеется в виду полет на воздушном шаре — А. П.)» (перевод Н. Высоцкой, В. Ефановой, М. Мироновой). Сравним с началом книги Толкина: «Торбкинсы жили в окрестностях Холма с незапамятных времен, и все относились к ним с почтением — не только потому, что большинство из Торбкинсов были людьми небедными, но также оттого, что сроду не делали они ничего неожиданного и нико-

гда не случалось с ними чего-либо похожего на приключение: не нужно было даже ни о чем их спрашивать — и так ясно, что ответят. Но это история про то, как с одним из Торбкинсов случилось приключение, и как он стал говорить и делать вещи совершенно неожиданные».

Вот фраза из последней главы «Войны в воздухе»: «среди этих страшных катастроф мелькает фигура маленького незаметного человека, судьба которого, быть может, не совсем безразлична читателям этой книги». А вот заключительные слова Гандальфа из «Хоббита»: «Ты, господин Торбкинс, отличный парень! И я очень тебя люблю! Но, если уж на то пошло, ты всего лишь маленький персонаж в этом необъятном мире».

(Полное название романа Уэллса звучит как «Война в воздухе и, в особенности, странствия Берта Смоллуэйза во время нее». Полное же название книги Толкина — «Хоббит, или Туда и назад» — также содержит ироническое упоминание о путешествиях).

Вот ряд сходных черт двух героев.

Героя Уэллса, повторим, зовут Берт Смоллуэйз (Bert Smallways). Английское выражение in a small way означает потихоньку-полегоньку. Поэтому героя в переводе следовало бы именовать Берт

Потихонек. (Отметим близкое к smallway слово smallware, которое означает галантерейные товары). Герой Толкина также обладает крайне негероической фамилией, в ряде переводов она звучит как Сумкинс. (Раз уж разговор зашел об именах, отметим, что брата Берта Смоллуэйза, с которым он отправляется на заработки, зовут Том. А вот имена троллей из «Хоббита»: Том, Берт и Уильям).

Оба героя — выходцы из сельской местности. Толкиновский Shire, где живет Бильбо, это общая часть в названиях английских графств, таких как Cheshire, Yorkshire и т. п. (Буквально Щина, как в словах Курщина, Брянщина etc. Его уместно было бы перевести как Край). Герой же Уэллса обитает в дальнем пригороде Лондона, который еще совсем недавно был деревней.

Оба героя выделяются из местной среды склонностью к авантюризму: «Берт был прогрессивным Смоллуэйзом… Берт рос, обуреваемый идеалами скорости и предприимчивости». А вот о Бильбо: «что-то определенно нехоббитоподобное было присуще всем Хватам, и порой кто-то из них нет-нет да и встревал в какое-нибудь приключение… к Бильбо… хоть он и выглядел, и вел себя, как переиздание своего солидного и степенного отца

— перешла какая-то частица хватовской эксцентричности, которая только и ждала своего часа, чтоб выйти наружу».

Оба героя мечтают, чтобы их приключения оказались дурным сном, и они очнулись от него у себя дома

Берт: «У него было странное чувство, что все это должно кончиться, как кончается сон, что он вот-вот окажется в привычном мире»;

Бильбо: «Снова привиделось ему, что сидит он в удобном кресле у камина в любимой гостиной внутри своей прекрасной норы, слушая напев закипающего чайника. И это не в последний раз!»

Сходством обладают и сюжетные элементы двух книг.

Оба героя отправляются в путешествие отчасти волею судеб, но, отчасти, благодаря своему врожденному авантюризму. Берт бросается на выручку терпящему крушение воздушному шару, и в результате шар уносит его в небо. Гандальф вовлекает Бильбо против его воли в поход к Одинокой горе, но Бильбо сам принимает решение отправиться вдогонку за уже покинувшими его дом гномами.

Берт попадает в военный лагерь немцев в корзине воздушного шара, словно Бочкоезд-Бильбо

во время побега из тюрьмы эльфов. С ездой на бочке можно сравнить и самостоятельный полет Берта на аэроплане. Роман Уэллса насыщен полетами на дирижаблях и аэропланах и сражениями с их участием. С этим можно сопоставить полеты Бильбо на орлах и участие последних в Битве Пяти Армий. Да и дракон — это именно изрыгающий огонь летательный аппарат.

Берт оказывается под началом напыщенного и жестокого немецкого принца Альберта, который затем гибнет от руки Берта. Отрядом гномов руководит любящий выступать с напыщенными речами принц Торин, который грозится покончить с Бильбо из-за кражи Заветного Камня, а затем погибает в Битве Пяти Армий.

Оба героя участвуют в мистификации. Берт пытается выдать себя немцам за изобретателя невиданного аэроплана. А Бильбо соглашается на роль похитителя сокровищ дракона, не имея ни нужного опыта, ни понятия, как он это сделает.

Оба героя завладевают неким «волшебным предметом», который хранят за пазухой: Берт — чертежами машины Баттериджа, которые он затем передает американскому президенту для борьбы с азиатской коалицией, а Бильбо — Заветным камнем, который отдает Гандальфу,

королю эльфов и предводителю Озерян, чтобы предотвратить военный конфликт с Торином.

Оба героя остаются в одиночестве во время смертельно опасных событий: Берт — на Козьем острове у Ниагарского водопада, а Бильбо — в подземелье у гоблинов и в Мрачном лесу.

Оба героя в какой-то момент обретают отвагу и побеждают в смертельной схватке: Берт убивает трех бандитов, а Бильбо — огромных пауков.

Оба героя после приключений возвращаются восвояси. С той разницей, что Берт — в разрушенную войной и эпидемией Англию, а Бильбо — в тот же самый свой Край, попадая, правда, при этом на распродажу с молотка своего имущества, поскольку объявлен погибшим.

Рассмотрим теперь отличия двух героев, или, скорее, различия в авторских картинах мира. Обоим героям выпадают, используя выражение Толкина из эссе «О волшебной сказке», «приключения в Гибельном Краю или на его мрачных околицах», что есть «лучшая волшебная сказка». Но Берт Смоллуэйз действует в практически полностью враждебном ему мире. Его приключения (по крайней мере, так самому Берту представляется) — цепь неблагоприятных для него событий, из которых он выпутывается, волей-неволей

развиваясь как личность. Руководит им лишь желание вернуться домой и отыскать свою прежнюю возлюбленную.

Говоря о Бильбо, оттолкнемся от фразы Толкина из эссе «О волшебной сказке»: «Конечно, волшебная сказка — не единственное лекарство для выздоровления или единственная профилактика от погибели». Не единственное, да все же лекарство и профилактика. В душе Бильбо изначально живет тяга к «чудесным историям про гоблинов, драконов, великанов, спасенных принцесс и о том, как счастье привалило сыну бедной вдовы». В самом начале романа он сожалеет о прежних временах, когда «столько мальчишек и девчонок пускались на поиски умопомрачительных приключений!.. они отправлялись к эльфам или уплывали на кораблях к неведомым берегам! Черт побери, жизнь в те времена была такой интере(сной)».

Из все того же эссе: «истинная волшебная сказка… должна подаваться как правда». А в чем же правда волшебных сказок? Полагаю, что в следующем: мир более благосклонен к нам, чем мы сами считаем. Иначе человечество бы просто не выжило. В самых ужасных ситуациях человека порой выручает стечение обстоятельств, которые

он сам называет чудом и волшебством. В надежде на такое обыкновенное чудо (позаимствую выражение у Евгения Шварца) можно обрести опору, лекарство и профилактику. Причем не суть важно, находит человек эту опору в рамках той или иной религии или без ее использования, как в случае «Хоббита».

Бильбо неоднократно выручают стечения обстоятельств, которые можно назвать волшебством или чудом: солнечный луч превращает троллей в камни, в руки Бильбо попадает волшебное кольцо, дающее невидимость, Бильбо оказывается в нужное время у волшебной двери, на которую указывает солнечный луч, дрозд в нужный момент рассказывает лучнику Барду о слабом месте дракона, героев несколько раз выручают Орлы… То есть Бильбо в меру сил старается сам преодолеть ту или иную опасную ситуацию, но часто ему на помощь приходит чудо или волшебство.

Поэтому разнятся концовки двух романов: у Уэллса это безнадежность антиутопии, у Толкина же результат приключений героя — обретенная им мудрость, полагающаяся на волшебство и чудо. В этом, на наш взгляд, и состоит суть полемики Толкина с Уэллсом. Это ответ Толкина на

антиутопии Уэллса.

3. Герой – «изменник» «Хоббит» и «Люди как боги» Г. Уэллса

Перу Герберта Уэллса принадлежит не только антиутопия «Война в воздухе», герой которой Берт Смоллуэйз — очевидный прототип Бильбо Бэггинса из толкиновского «Хоббита», но и утопия, герой которой тоже схож с Бильбо: это роман «Люди как боги» (1923) и мистер Барнстейпл.

Фамилия героя Уэллса, как и у Бильбо, иронична: первый слог в в ней значит «амбар», а второй — тоже нечто вроде «склада» или «ярмарки». Как и Бильбо, Барнстейпл ведет рутинное существование и мечтает вырваться на волю. Отправившись в отпуск, он в результате неточного эксперимента жителей Утопии вместе с еще несколькими землянами оказывается перенесенным в параллельный мир. В мире этом царит социальная гармония, и все его жители сообща трудятся на общее благо. Барнстейплу по душе Утопия, так же, как Бильбо был в восторге от эльфийского Ривенделла, но не все земляне разделяют его чувства. Оказывается, что земляне занесли в Утопию инфекционную болезнь, поэто-

му их изолируют в замке в горах. У части землян рождается план: воспользовавшись болезненным состоянием утопийцев, установить власть над их планетой, сделав замок своей опорной точкой. Однако Барнстейпл срывает эти планы, перейдя на сторону утопийцев и предупреждая их об опасности. Ему приходится спасаться от землян бегством, спускаясь из замка вниз по скалам. «Он очень осторожно вылез из бойницы, нащупал опору для рук, нашел ногами выступ и начал пробираться по направлению к намеченному им углублению… Барнстейпл… продолжал спуск. Первые сто футов дались ему легко. А потом расселина начала незаметно расширяться. Он понял это только тогда, когда стал соскальзывать вниз. Он скользил, ожесточенно пытаясь уцепиться, наверное, около двадцати футов, потом пролетел футов десять, ударился о скалу и оказался на новом выступе, более широком, чем прежний. Он сильно ушибся и покатился, к счастью, внутрь ниши. Он был покрыт синяками, но серьезных повреждений не оказалось… Он стал разглядывать веревочную лестницу, по которой утопийцы поднялись до его убежища. Она… была сделана из такого легкого материала, что мистер Барнстейпл не поверил бы, что она может выдер-

жать вес человека, если бы не видел, как по ней поднимались утопийцы … Ему пришло в голову, что и он может спуститься по этой лестнице и сдаться на милость утопийцев» (перевод И. Г. Гуровой).

Похожая история происходит с Бильбо. После того, как гномы отказываются поделиться с Озерянами и эльфами сокровищами, дело идет к вооруженному столкновению, и Бильбо решает покинуть укрепившихся в Одинокой горе гномов, чтобы отдать людям и эльфам Заветный камень, что, как он считает, сделает предводителя гномов Торина более покладистым в переговорах. Фактически, как и Барнстейпл, Бильбо переходит на сторону противника по отношению к своим товарищам-гномам. Вот как он выбирается ночью из Одинокой горы: «Бильбо… закрепил канат, соскользнул по нему со стены и был таков… Тьма стояла непроглядная. Да и путь после того, как хоббит сошел с недавно построенной дорожки и спустился по скалам вниз к речке, был ему незнаком». Далее Бильбо сдается эльфам.

Отчего Барнстейпл переходит на сторону утопийцев? Центральная тема произведений Уэллса такова: западное общество на рубеже XIX–XX веков зашло в тупик, и необходимо его социальное

переустройство, фактически, на коммунистических принципах. «В сегодняшней Утопии практически осуществлен коммунизм», — говорит один из утопийцев. (Отличие идей Уэллса от коммунизма в том, что человечество должно перейти к новой жизни без насилия, осознав, что старый порядок ведет к гибели. Так в романе «Освобожденный мир» (1913) после ядерной войны складывается правящий орган из некоторых прежних владык и интеллектуалов, предлагающий реформы, которые добровольно принимает человечество). Земляне же снова хотят устроить в Утопии войны и вернуть ее к прежнему, такому же, как на Земле, мироустройству. Оттого Барнстейпл и «предает» землян.

Бильбо движим сходной идеей: никакое сокровище не стоит того, чтобы из-за него лилась кровь и гибли люди.

Схожи концовки обоих романов: в конце своих приключений и Барнстейпл, и Бильбо возвращаются восвояси и к прежнему образу жизни, оба изменившись внутренне.

Добавлю, что из романа «Люди как боги» Толкин мог позаимствовать для «Властелина колец» идею каменных великанов, стоящих по краям водного потока. Вот данное Уэллсом описание

возвышающейся над озером плотины гидроэлектростанции: «Плотина была сооружена из огромных глыб красного камня с прожилками золота… Гигантские сидячие фигуры из камня, высившиеся на ней, казалось, были созданы каким-то легкомысленным и веселым художником. Фигуры словно стерегли что-то или думали о чем-то, огромные, грубо вытесанные изваяния, не то скалы, не то люди. Мистер Барнстейпл на глаз определил их высоту примерно в двести футов» (перевод И. Гуровой).

А вот стоящие на бурном Андуине перед озером фигуры из «Властелина колец»: «Фродо вгляделся и различил впереди два огромных утеса. Похожие на остроконечные башни или каменные столбы, они быстро приближались. Отвесные, высокие, зловещие, встали они по обе стороны потока… Казалось, великаны глядели на него, огромные, серые, угрожающе молчаливые… На исполинских, уходящих глубоко в воду постаментах возвышались два огромных каменных короля… Черная вода ревела, эхо отдавалось между скал… Бурные воды разлились вытянутым овальным озером» (перевод А. Пустогарова).

В. Ян и «Властелин колец»

В. Ян (Василий Янчевецкий) написал свою трилогию «Чингиз-хан» (1939), «Батый» (1942) и «К последнему морю» (1955) до того, как появилась трилогия Толкина. Причем эти произведения В. Яна — несомненная чистая фантастика, фентези. Напомню, что никаких следов нашествия монголо-татар, кроме литературных, обнаружено не было. Причем, вот что писали о них так называемые русские летописи: «Никтоже не весть ясно, кто суть и отколе приидоша». Зато теперь мы знаем о них все. Не в последнюю очередь благодаря трилогии В. Яна.

Трилогия В. Яна во многом похожа на трилогию Толкина. В обеих авторы создали свой вымышленный мир. Толкин базировался на средневековых европейских хрониках и германской мифологии. В. Ян использовал труды арабских историков. Но созданная им общая картина мира принадлежит только ему. Она, повторю, полностью фантастична, но по-своему логична, жива и убедительна.

Основная тема обеих трилогий — борьба за власть над миром. Герои становятся свидетелями

апокалиптических событий. Причем в обоих случаях события эти увидены не глазами так называемых вершителей судеб, а поданы, что называется, с уровня травы — В. Ян следит за судьбой бродячего дервиша Хаджи Рахима и выходцев из социальных низов. У Толкина общий сюжет излагается в связи с приключениями хоббитов.

Мир «Властелина колец» основывается на разработанной Толкиным системе имен персонажей и географических названий (топонимов). Мир героев трилогии В. Яна комбинированный. Наряду с именами известных исторических фигур автор использует целую систему имен для вымышленных персонажей, представляющих разные народы и социальные группы. Также создает он основанный на восточной литературе речевой стиль большинства своих героев.

Как и у Толкина, действие романов В. Яна захватывает почти весь обитаемый мир — от Китая на востоке до Адриатического моря на западе. Действие всех трех романов В. Яна начинается на окраинах, куда вторгаются персонажи «большого» мира», увлекая за собой героев в вихрь событий. Напомним, что так начинается и «Властелин колец». Как и трилогия Толкина,

романы В. Яна изобилуют картинами странствий, описанием различных народов, детально выписанными сценами военных походов, осад и сражений. Хватает в них и кровавых интриг, ловушек, похищений и заточений. Так же, как у Толкина, в неравной схватке несметным черным силам противостоят отважные рыцари — Джелаль-эд-Дин и русские князья.

В. Ян ограничен в сюжетных ходах постулатами традиционной истории, поэтому половодье зла в его романах возвращается в берега по «естественным» причинам — сначала в связи со смертью Чингиз-хана, а в конце — из-за «растянутых коммуникаций»: обитаемый мир оказался слишком большим, и войско Батыя вынуждено вернуться из-за угрозы в своем тылу со стороны Александра Невского.

В советское время мистика находилась под запретом, поэтому В. Ян вынужден был ограничиться не раз появляющимися в трилогии чудесными снадобьями.

Скажем еще об одном отличии: у Толкина мир по-христиански дуален, и абсолютному добру противостоит подлежащее уничтожению абсолютное зло. В. Ян писал свои романы в сталинскую эпоху (Сталинская премия первой

степени за 1941 год была присуждена за роман «Чингиз-хан»). Поэтому, несмотря на осуждение разрушения монголами городов и истребления мирных жителей, В. Ян не может скрыть восхищения железной волей и целеустремленностью монгольских ханов, а также созданной ими военной машиной — монголо-татарским войском. Это одна из самых сильных черт трилогии В. Яна, сообщающая ей, что называется, диалектическую многомерность.

В 1944 году В. Яном были написаны сценарии двух фильмов: «Чингиз-хан» и «Джелаль-эд-Дин». Фильмы, однако, так и не были сняты. Поэтому мы с увлечением созерцаем на экранах подвиги толкиновских рыцарей «заокраинного Запада», крушащих расположенный на востоке Мордор.

География по Толкину

В советских изданиях Толкина карта Средиземья была повернута на 90 градусов: в «Хоббите» герои путешествовали по направлению к дракону не с запада на восток, как у Толкина, а с юга на север. Советская власть явно не хотела, чтобы ее сравнивали с драконом. Она ушла в прошлое, и теперь все у нас знают: мы расположены там же,

где дракон и Мордор.

Но давайте сравним карту Средиземья с миром, в котором жил Толкин. Неужели сельскохозяйственная страна Шир, откуда двинулись в путь герои (на русский название можно перевести как Край) — это индустриальная Англия с задыхающимся от угольной копоти Лондоном? (Напомним, Большой смог случился в Лондоне в 1952 году).

Черновой вариант «Хоббита» написан в 1930–33 гг. Скорее европейская часть СССР была в то время самым зеленым и сельскохозяйственным уголком Европы. В 1940 году две трети населения СССР жили в селах. В США — меньше половины. А в Англии уже в начале XX века три четверти населения были городскими.

Уже в «Хоббите» появляется мрачная башня черного колдуна Некромансера, с которой он озирает окрестности. Во «Властелине колец» она преобразуется в стоящую посреди Мордора башню Саурона, с которой весь мир пронзало его Всевидящее Око. Где же в реальном мире находилась подобная башня? Неужели на Востоке? Нет. В 1931 году в Нью-Йорке было завершено строительство Эмпайр-стейт-билдинга, который до 1970 года был самым высоким зданием планеты.

В Первую мировую Око США наблюдало за Европой, выбирая выгодное время для вмешательства в конфликт. Это же Око было устремлено на Европу в преддверии и в ходе Второй мировой.

Мог ли Толкин не осознавать этих обстоятельств? Собственно, не столь существенно, сработало тут его сознание или подсознание. Ведь, прежде всего, важно не то, что хотел сказать писатель, а то, что он сказал. При ближайшем рассмотрении карта Толкина переворачивается на 180 градусов.

Что же находится между крайними точками этой карты — Широм и Мордором? Владения Сарумана — вассала Саурона. Саруман известен своими техническими достижениями и тем, что вырубал леса, используя древесину в качестве топлива для своих мастерских. Да ведь это же союзница США Западная Европа. Какие могут быть сомнения?

Прислужников Сарумана орков уничтожают степные всадники Рохана. Да ведь это же запорожские и донские казаки! Европа запомнила поход донских казаков в Париж 1814 года.

Дочитавший до этого места может спросить:

— А где же у Толкина Гитлер? Ведь «Властелина колец» он закончил в 1948 году, почти сразу после

окончания Второй мировой?

Как говорится, спасибо за вопрос! Гитлер — это Саруман. Оба они знамениты своими завораживающими речами. Как и Гитлер, Саруман тесно связан с башней Саурона. Известно, что именно американские деньги способствовали приходу Гитлера к власти. А к 1941 году почти вся Европа (за исключением СССР) была в его власти.

В 1930–1933 гг. угроза Гитлера была неочевидна, поэтому Сарумана и нет в «Хоббите». Заметим, что и СССР в эти годы был слаб в военном отношении и не представлял никакой угрозы для Западной Европы. Поэтому нет никаких оснований связывать его с упомянутым в «Хоббите» Черным колдуном — Некромансером.

У Толкина между Саруманом и Сауроном находится самый что ни на есть Запад — Гондор. Это, несомненно, Англия. Вспомним хоть бомбардировки столицы Гондора Минас Тирита каменными ядрами и гитлеровские бомбардировки Англии. Напуганный темными силами наместник Гондора Дэнетор — это же британский премьер Чемберлен, в 1938 году для умиротворения Гитлера заключивший с ним Мюнхенские соглашения. А откуда приходит помощь Гондору? От всадников Рохана. Именно СССР дал Англии

возможность не остаться в Европе один на один с империей Гитлера.

К числу предвидений Толкина в «Хоббите» можно отнести изгнание гномов из Одинокой горы с последующим их возвращением. Мастеровитые гномы — это, по всему, чехи (само название «чех», по-видимому, однокоренное со словом «цех». То есть чехи — это мастеровые). В 1939 году Чехия стала германским протекторатом. Принес же чехам победу над нацистским драконом именно Советский Союз.

Есть во «Властелине колец» и еще одно предсказание, пока не сбывшееся. Это уничтожение царства Черного Властелина. Могущество его связано с волшебным кольцом, которое приносит власть и которым все стремятся овладеть. Что же это за волшебное кольцо? В 1944 году была утверждена Бреттон-Вудская система, означавшая господство доллара в мировых финансах. Власть волшебного кольца — это власть доллара. Когда все разошедшиеся по планете доллары, как волшебное кольцо в Мордор, вернутся обратно в США — рухнет угрожающее всему миру царство Черного колдуна. Надеюсь, мы собственными глазами увидим, как сбудется это пророчество Толкина.

2018